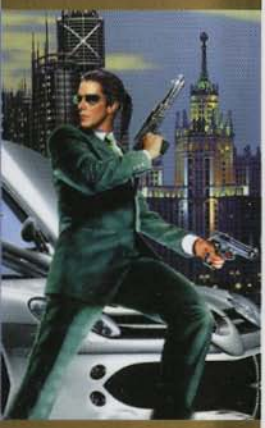
ОЛЕГ ДИВОВ





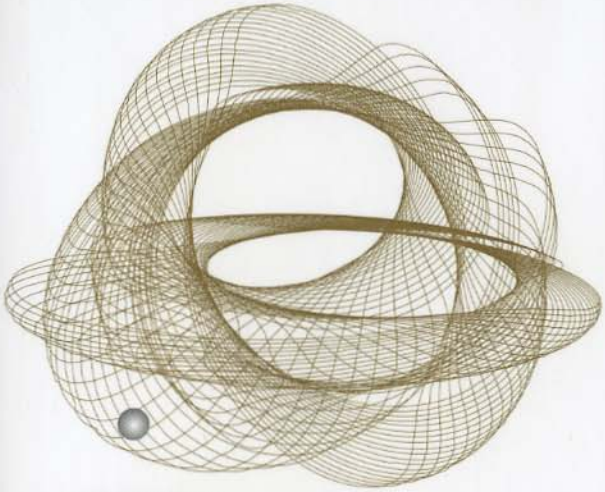
Из-за этой книги иногда дерутся

ВЫБРАКОВКА

НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

ЭКСМО

ОЛЕГ ДИВОВ



ШЕДЕВРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫБРАКОВКА

НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

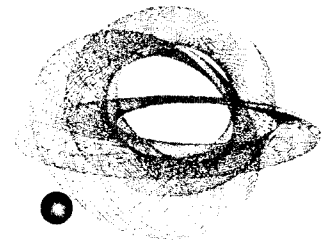


ОЛЕГ ДИВОВ

ВЫБРАКОВКА

НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ





ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ОЛЕГ
ДИВОВ

ВЫБРАКОВКА

НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

Эксмо, Москва
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 44

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Дивов О. И.

Д 44 Выбраковка. Ночной смотрящий: Фантастические романы. — М.: Эксмо, 2006. — 608 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-16542-8

Из-за этой книги иногда дерутся. Семь лет продолжаются яростные споры, что такое «Выбраковка» — светлая антиутопия или страшная утопия? Уютно ли жить в России, где победило «добро с кулаками»? В России, где больше никто не голоден, никто не унижен, уличная преступность сведена к нулю, олигархи сидят в тюрьме, рубль дороже доллара. Но что ты скажешь, если однажды выбраковка постучится в твою дверь?..

Этот довольно простой текст 1999 года — общепризнанно самый страшный роман Олега Дивова. Для контраста мы поместили под одну обложку с ним самую добрую и человечную из крупных вещей автора. Роман «Ночной смотрящий» (2004) утверждает: пить кровь не только неприлично, но еще и вредно. Можно стать... Ну, прочтете, узнаете кем.

Предупреждаем сразу: в «Выбраковке» почти никого не убили и совсем не ругаются матом. В «Ночном смотрящем» все наоборот.

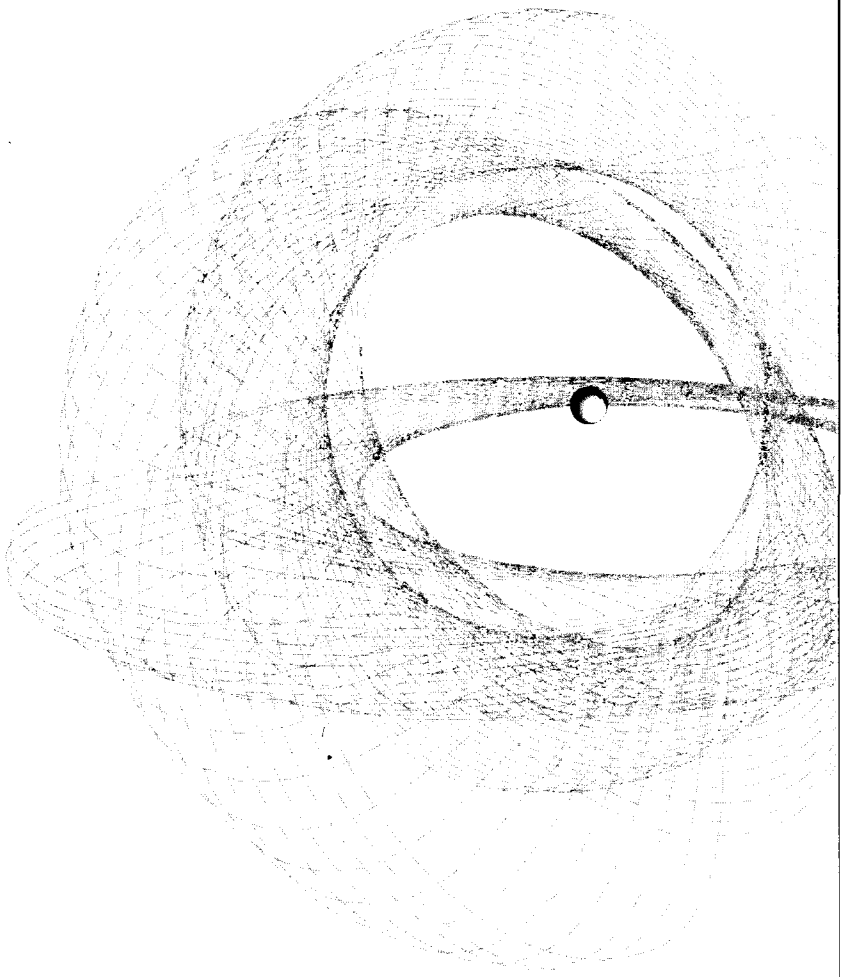
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© О. Дивов, 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-16542-8

ВЫБРАКОВКА

РОМАН



НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Непосредственная работа над «Выбраковкой» заняла четыре месяца чистого времени. Но обкатка концепции, включая эксперименты на фокусных группах, шла очень давно. Фактически я делал «Выбраковку» пять лет. Еще ни одна книга не давалась мне настолько тяжело.

Многое из того, что вы прочтете, взято прямо из жизни. Еще больше наблюдений, увы, пришлось сбросить в архив, дабы не перегрузить текст лишними подробностями.

Далеко не все персонажи — вымышленные. А некоторые образы созданы другими авторами. Далеко не все ситуации — плод воображения литератора. Некоторые из них подсмотрены также не мной, а рассказаны заслуживающими доверия и компетентными в своих областях людьми. Поэтому я хочу провести четкую разграничительную линию между фантастикой и реальностью, пояснив, откуда что взялось.

А читателю этот набор копирайтов, надеюсь, покажется забавным.

Образ мичмана Харитонова © Александр Громов.

Имя, фамилия, внешность, мимика и автомобиль «Porsche-944» стажера-уполномоченного Алексея Валюшка © Алексей С. Валюшок.

Некоторые реплики Пэ Гусева © Пэ Краминов.

Некоторые реплики профессора Крумова © Мирза Крумов.

Происшествие с участковым Мурашкиным © частный охранник, бывший милиционер, также известный как Атаман Косой.

История дома на Гоголевском бульваре © озверевшие жильцы, в том числе и автор.

Случай с бездомной собакой в метро © свидетель, пожелавший остаться неизвестным.

Все реплики азербайджанца в видеосалоне © азербайджанец в видеосалоне.

Информация о порядках на территории Центральной клинической больницы © группа доброжелателей.

Вывеска «Православное братство священномученика Епидифора. Оптовый склад» © оптовый склад другого священномученика.

Разговор слабоумных бабушек в клинике и реакция больного Пети © анонимный психотерапевт.

Инцидент с сумасшедшим на эскалаторе © анонимная пострадавшая.

Эпиграфы к главам © «Вокруг Света» № 12 за 1991 год, Случевский А. «Орлиное гнездо» валашского князя.

Концепция «Выбраковки» родилась у автора в 1994 году в результате продолжительных бесед с немолодыми или откровенно пожилыми людьми.

Всем старикам России, потерявшим себя в вихре «эпохи перемен» и мучительно ищущим выход, я посвящаю эту книгу.

ОЛЕГ ДИВОВ, март 1999 г.

ОТ ПУБЛИКАТОРА

Москва, август 2099 г.

С момента первого издания этой книги прошел без малого век. Многое стерлось из памяти народной, спросить уже некого (и в особенности — не с кого). В то же время успели потрудиться историки и архивисты. Благодаря их *стараниям добыто и обработано немало объективной информации*. А эмоциональные субъективные оценки, когда-то превалировавшие в обществе, напротив, сгладились. Поэтому ОМЭКС считает необходимым по возможности плотнее откомментировать публикуемый сегодня текст. Мы нашли, как нам кажется, самый удобный для читателя вариант. Нам представилось разумным отказаться от большинства напрашивающихся сносок, оставив лишь самые необходимые, и реализовать «пакетный» метод подачи справочного материала, когда развернутым пояснением снабжена книга в целом.

Комментарии, составленные по заказу ОМЭКС группой ведущих исследователей, нужны отчасти и потому, что «Выбраковка» изначально не претендует на статус «энциклопедии жизни в Славянском Союзе». Некоторые описанные в книге реалии, вполне понятные современнику по контексту, могут показаться вам странными или просто невозможными. Как именно работать со справочным блоком: читать ли книгу «насквозь», а потом уже вникать в тонкости или периодически обращаться от художественного текста к соответствующим разделам, помещенным в конце тома, лучше всего разберется сам читатель.

В то же время мы не смогли отказать себе в удовольствии воспроизвести оригинальное предисловие И. Большакова к первому московскому изданию «Выбраковки» 2015 года. С нынешних позиций эссе «Палачи и шерифы» выглядит крайне резким произведением, начисто лишенным какой-либо политкорректности. Однако, по нашему скромному разумению, именно оно должным образом может отте-

нить роман. Подчеркнуть его достоинства и недостатки, прямо вытекающие из конкретной общественно-политической ситуации, породившей столь неоднозначную книгу. Нелишне отметить, что точка зрения известного журналиста и правозащитника, давно уже покойного, была для того временного периода едва ли не эталонной. Ведь Агентство социальной безопасности только-только ушло в небытие. Раны кровоточили, пепел стучал в сердце. И думается, что лишь активнейшая гражданская позиция толкнула Большакова, так сказать, под один переплет с выразителем мнения «палачей, а не шерифов». Попробуйте войти в положение человека, рецензирующего книгу, автор которой, возможно, когда-то держал рецензента на мушке, одновременно угощая его циничной нотацией!

Может, этого в действительности и не случилось. Но большинство читателей первого издания толковало ситуацию именно так, напрямую увязывая личность рецензента с одним из третьестепенных персонажей книги. Поэтому восемьдесят пять лет назад с предисловием Большакова «Выбраковке» ощутимо повезло. Будем надеяться, что и теперь она от такого соседства только ярче заиграет всеми красками.

Естественно, что любой выбраковщик, коего Большаков подозревал и в авторе книги, был для него личным врагом и истинным врагом нации. И если абстрагироваться от нелестных (и неуместных сегодня) эпитетов в самые разные адреса, которые Большакову так и не удалось замаскировать наукообразными периодами, вы почувствуете, какая ненависть двигала этим, без сомнения, выдающимся человеком.

Сам того не понимая, он тоже всей душой ратовал за «добро с кулаками». Его стремление «раздавить аэсбэшную гадину» ничуть не менее агрессивно, чем желание выбраковщиков очистить свой дом от врагов народа. Увы, выбраковка успешно вытравила гуманиста из самого яростного своего критика. Большаков не готов бороться с Гусевым его же оружием, то есть — стрелять. Но это скорее издержки воспитания или психической нормальности, чем особенность видения мира.

И, значит, с финальным выводом рецензента можно не согласиться. Выбраковка (явление, а не книга, разумеется) все-таки добилась цели. Как ни печально, но свойственная многим россиянам латентная жестокость была переведена в новую фазу, куда более активную. Людям показали (и доказали), что они не только на самом деле готовы убивать, но и могут этим заниматься. Фактически выбраковка задействовала старый мотив «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», используя естественную тягу незрелой личности к решению вопросов силовым путем. Людям официально РАЗРЕШИЛИ взбунтоваться «за все хорошее и против всего плохого» (с упорным вдалбливанием в головы позиции «за»). И они взбунтовались, с чисто русским масштабированием уничтожив каждого пятнадцатого из НАС. Поэтому всякие попытки расценивать выбраковку как явление инородное, привнесенное извне, несвойственное русскому менталитету, — увы, несостоятельны.

Это мы придумали. И не в первый раз.

Антиутопии давно не в моде. Но в том-то и дело, что роман «Выбраковка» не антиутопичен. Это всего лишь еще одна правдивая история из нашей жизни. И чем ближе к сердцу примет читатель ее деструктивный пафос, тем больше шансов, что старший уполномоченный Гусев и стажер-уполномоченный Валюшок не восстанут из могил, чтобы постучаться в вашу дверь.

Но за такую свободу тоже нужно платить. Так что о романтических ночных прогулках по Москве и не мечтайте.

ОМЭКС, редакция исторической книги.

Издательство выражает благодарность потомкам генерал-лейтенанта А.С. Ларионова и генерал-майора Н.Т. Петрова, любезно предоставившим ОМЭКС дневниковые записи и прочие документы из семейных архивов.

Генеральный спонсор — Всемирный Фонд ветеранов оперативных служб (российское отделение).

Генеральный информационный спонсор — правозащитная газета «Эхо Москвы».

Информационные спонсоры — Фонд памяти жертв репрессий «Истина», правозащитная группа «Призыв трехсот», Государственная комиссия по правам человека Администрации Президента Республики Беларусь, Мемориальный архив Главного управления лагерей и каторжных работ.

ПАЛАЧИ И ШЕРИФЫ

Москва, февраль 2015 г.

Как известно, основная задача писателя была сформулирована еще Эрнестом Хемингуэем, и большинство современных беллетристов полагает такой подход к творчеству если не единственно верным, то наиболее продуктивным. Идея безукоризненной честности автора художественного произведения в описании мыслей и поступков героев, концепция «правды, которая войдет в сознание читателя как часть его собственного опыта» нашла свой отклик в умах прогрессивной творческой интеллигенции и породила мощное литературное течение, которое на сегодня можно признать господствующим как у нас в стране, так и в наиболее интеллектуально продвинутых государствах остального мира.

Неподготовленному читателю может показаться, что текст, который я имею честь комментировать, по ряду внешних признаков вполне соответствует нынешнему «главному потоку». В действительности это не совсем так. Безусловно, «Выбраковка» правдива в моделировании ряда узкоспецифических ситуаций и эмоционального ответа персонажей на эти ситуации. Более того, от основной массы произведений, описывающих период, когда в Славянском Союзе установился тоталитарный режим, провозгласивший так называемое «двухступенчатое правосудие», эта книга отличается кардинально, поскольку рисует события, так сказать, «изнутри». Фантазия автора позволяет читателю оказаться буквально в двух шагах от действующего сотрудника Агентства социальной безопасности (далее — АСБ), рассмотреть его вблизи, а в некоторых случаях и заглянуть внутрь.

Но задумайтесь — чем вы обогатите себя, пройдя этот путь? Какая именно правда «войдет в ваше сознание как часть собственного опыта»?

Если вы не испытываете обостренного желания понаблюдать вблизи за работой палача, никакой такой особой «правды» вы не ощутите и никаким полезным опытом не овладеете. Впрочем, называя героя «Выбраковки» палачом, я клевещу на представителей этой профессии (кстати, полностью вымершей в России за ненадобностью после установления моратория на смертную казнь в 90-х гг. XX века и последовавшего отказа от смертной казни как инструмента социальной защиты). Обычно так называемый «приводящий», т.е. должностное лицо, приводящее в исполнение смертный приговор, заранее получал дело смертника и тщательно с ним знакомился, дабы уберечь себя от нервной перегрузки. Однако героям «Выбраковки», испытывающим глубокое моральное удовлетворение от своей «работы», специально готовиться к убийству не требуется. Они сами себе прокуроры и сами себе палачи, как легендарные шерифы на Диком Западе.

Только нужно учитывать, что в отличие от выбраковщика шериф — не разновидность тяжкого нервного заболевания, а выборная (!) должность.

Какое место отводит таким героям шкала ценностей современной беллетристики, сказать трудно. Но если предположить, что у них были реальные прототипы, и использовать общечеловеческие мерки, это величина, стремящаяся к минус бесконечности. А на взгляд неспециалиста и описанное в книге время, и его «яркие» представители заслуживают только одного — скорейшего забвения, как очередное наше позорище.

Впрочем, и те, кому по долгу службы положено копаться в деталях, находят там много отвратительного, но мало достойного внимания.

Внутренний мир выбраковщиков абсолютно неинтересен психологу, так как подобные случаи хрестоматийны и детально описаны в учебных пособиях.

То же самое можно сказать и о затронутом в книге историческом периоде — на взгляд историка. Это все уже было в России, и не раз. В определенном смысле деятельность уполномоченных АСБ та же опричнина, только гипертрофированная и имеющая мощную поддержку через инфор-

мационное давление на массы. Сейчас мало кто знает, что первоначально АСБ задумывалось как абсолютно закрытая спецслужба, инструмент устрашения «бояр». К моменту «январского путча» костяк Агентства был уже сформирован и только неожиданные перестановки в верхах привели к тому, что АСБ была навязана совершенно новая роль. Что, впрочем, не отразилось на судьбе так называемых «олигархов» — за ними накопилось достаточно объективно доказанных грехов, чтобы возглавить списки врагов народа и отправиться в брак.

Кстати, расправа над «олигархами» — единственное более или менее позитивное деяние АСБ. Конечно, если слово «расправа» намеренно опустить.

Короче говоря, ситуация тех лет настолько прозрачна, что и говорить, собственно, не о чем. Косность государственного мышления, помноженная на бездарность и маниакальную жажду власти. Как следствие — тоталитарная идеология и жестокость, возведенная в закон, точнее, поставленная над ним в лице АСБ.

Неудивительно, что роман «Выбраковка» остался фактически не замечен крупными специалистами, хотя и вызвал бурные отклики в стане литературных критиков. Не к чести последних, они подняли даже излишний шум вокруг банального «ужастика» с претензией на психологизм. Что, впрочем, можно оправдать низкой степенью информированности окололитературных кругов. Фактически задача данного комментария — в самой популярной форме прояснить для непосвященных ряд вопросов, которые могут возникнуть в процессе чтения романа.

Лично мне как исследователю, молодость которого пришлась на описываемый в книге период, к тому же пристально ознакомившемуся с некоторыми сохранившимися документами, трудно удержаться от саркастических замечаний по поводу многочисленных неточностей в деталях и концептуальных ошибок, допущенных автором. Но гораздо более важным мне представляется разбор самой авторской позиции, которая в «Выбраковке» просматривается весьма и весьма явно.

Характеризуя эту позицию, я мог бы ограничиться только одним словом — «трусливая». Посудите сами. Живописуя насилие, автор подробно рисует механизм его воспроизводства и того разрушительного воздействия, которое оказывает насилие на человека, его творящего. Раскрывая внутренний мир героя во всей его мерзости, автор тем не менее упорно пытается защитить этого человека, подбрасывая читателю недвусмысленные (хотя и сомнительные по правдоподобию) доказательства того, что герой якобы не так уж плох. Наконец, описывая идиллические картины повседневного безоблачно счастливого бытия москвичей (обеспеченного, разумеется, действиями АСБ), автор создает фон, который заставляет читателя волей-неволей признать, что «доброму гражданину» в этом жестоком мире совершенно нечего бояться.

Но позвольте спросить — чью все-таки сторону занимает писатель? Взявшись обличать чудовищную систему, он ее всячески защищает. Рисуя положительные (?!) стороны «теории Сверхнасилия», воплощенной в жизнь, он будто нарочно открывает перед читателем галерею отвратительных типов, которые упомянутую теорию проводили на практике. Он, видите ли, предлагает нам самим решать, что такое хорошо и что такое плохо.

Немаловажную роль в запудривании мозгов читателя играют и эпиграфы к главам. Конечно, это чистой воды лапша на уши, но фактологически к эпиграфам не придерешься, отчего лапша вешается особенно эффективно.

Создается впечатление, что автору просто не хватило духа раскрыть свое истинное лицо, обозначить четко ту позицию, которую он занимает на самом деле. Думаю, вы без труда поймете, какую именно позицию я имею в виду.

Что это, как не трусость?

Разумеется, автор совершенно намеренно выбрал для книги относительно благополучный период в жизни страны. Напомним — в последние годы владычества так называемого Правительства народного доверия Союз действительно испытывал определенный экономический подъем, а преступность была подавлена едва ли не стопроцентно. Повсеместное восстановление института карательной психиатрии фактически купировало мало-мальские внешние

проявления отклонений от условной нормы (это если не брать в расчет сотрудников АСБ, разгуливавших по улицам свободно и наводящих ужас одним своим видом). Жесткое (до откровенной жестокости) исполнение экологических требований значительно оздоровило воздух больших городов. Плюс резкое снижение подоходного налога, внушительное повышение заработной платы госслужащим и пенсионных выплат, а также совершенно нереальный, но с точки зрения оболваненных масс весьма убедительный курс внутренней конвертации рубля (вот она, нынешняя гиперинфляция). Все это создавало у большей части населения состояние легкой эйфории и, соответственно, крайне снисходительное отношение к частичному ограничению гражданских свобод. Вкупе с жесткой фильтрацией информационных потоков такая политика не могла не создавать у людей иллюзии, что все идет как надо. Особенно подействовало на массовое сознание открытие границ и публикация объективной (!) статистики по эмиграции, которая оказалась аномально низкой для тоталитарного государства. Принимая во внимание все вышеперечисленные факторы, нельзя не признать, что Правительство народного доверия могло бы продержаться у власти еще года три-четыре, пока его не раздавили бы подспудно набиравшие силу деструктивные экономические процессы. С другой стороны, эта власть в людоедском запале попросту не могла не пожрать самое себя.

Выбор такого временного промежутка как бы снимает с автора часть ответственности. Он вроде бы не обязан напрямую рассказывать о массовых расправах, чинимых его героями, поскольку в описываемый период времени таковых не наблюдалось. Как вполне резонно говорит в книге главный герой напарнику-неофиту: «Чего пришел, мы всех уже поубивали». Более того, автор награждает своих выбраковщиков легким комплексом вины, опять-таки небезосновательно, поскольку давно пора. Да и внешние признаки комплекса описаны правдоподобно — они именно такие, какие и должны быть у патологических личностей, размытые и нечеткие. Выбраковщики элементарно не понимают, отчего и за что им так стыдно. Даже анекдотический перенос, выразившийся в яростном нежелании отстреливать бродячих собак, которые «ни в чем не виноваты», по слухам, имел место на самом деле.

Верно подмечена и странноватая, на взгляд непосвященного, система отбора сотрудников АСБ, когда на первый план выходил не оперативный опыт и умение вести себя в экстремальных ситуациях, а то, что у человека есть личный счет к уголовникам. И очень умело прорисовано выпирающее изо всех щелей, набирающее силу безумие. Безумие как шерифов-опричников, так и системы в целом.

Оставим на совести автора то, что никаких следов мифической «теории Сверхнасилия», открыто провозглашающей государство этаким «суперпаханом», т.е. главным и посему единственным преступником в стране, до сих пор не обнаружено. Скорее всего, данной теории не существовало, ее вполне заменял печально известный «Указ Сто два». Также неправдоподобна и история главного героя. При всей своей психической неадекватности этот человек, существуй он в реальности, не ходил бы по Москве с игольником и пистолетом, а был бы принудительно и навечно загнан опекуном в какую-нибудь африканскую тмутаракань от греха подальше. Абсолютно неверна, хотя и не лишена определенного мрачноватого изящества авторская трактовка возникновения термина «птичка». Человек по имени Павел Птицын в обозначенный автором временной отрезок ни в каких госструктурах не числился (это несмотря на весьма раздутые штаты — не повезло властям на Птицыных). А вот Павел Александрович Гусев действительно проходил по документам как старший уполномоченный АСБ, только не Центрального отделения Москвы, а Северо-Западного. На второй год выбраковки он был захвачен и впоследствии зверски убит бандой вымогателей, принадлежавшей к знаменитой и по сей день солнцевской братве (кстати, похожий эпизод в книге упомянут, хотя и не без вранья). Что известно автору о реальном Гусеве, его происхождении и родственных связях, и известно ли вообще, сказать трудно. По внешним данным и возрасту Гусев покойный и Гусев книжный совершенно разные люди. Вдобавок, кто такой на самом деле Гусев из книги и на что именно ав-

тор упорно намекает, тоже вопрос открытый. А детективные фокусы, когда совершенно невозможно понять, врет герой или говорит правду, лишний раз подтверждают, что и сам литератор пребывает на его счет в глубокой неуверенности.

Безусловно неверны постулируемые в книге основополагающие принципы личных взаимоотношений сотрудников АСБ и милиции. «Указ Сто два» жестко связал эти две структуры организационно, но человеческий фактор и здесь внес коррективы. МВД всеми доступными способами уклонялось от контактов с выбраковщиками как на уровне руководителя высшего звена, так и простого участкового инспектора. Да, разумеется, АСБ более чем активно пользовалось милицейской «наводкой». Все оперативно-розыскные мероприятия в стране по-прежнему вели специалисты МВД (в Агентстве таковых попросту не было, что бы там ни утверждали малокомпетентные фантазеры). Данные по тем фигурантам, которые подпадали под «юрисдикцию» АСБ, исправно Агентству пересылались. Но подчеркнуто теплые отношения между выбраковщиками и некоторыми милиционерами, выпячиваемые автором к месту и не к месту, — такая же фальшь, как и эпизод, в котором мент с самоубийственной храбростью обзывает Гусева вождем палачей. Да, АСБ взяло на себя долю милицейской работы, но делало ее, во-первых, чисто механически, а во-вторых, исключительно топорно. Просто большая часть преступников, определенная по «Указу Сто два» во враги народа, задерживалась (если не стыдно эту процедуру так назвать) и зачастую расстреливалась на месте людьми Агентства.

Означает ли это, что милиция пряталась за спины выбраковщиков и смирно ждала момента, когда ей разрешат снова занять свое законное место? Стоит ли думать, что милиционер улыбался в лицо «уполномоченному», а когда тот пройдет мимо, плевал через левое плечо и крестился? Первое утверждение неверно в принципе. Второе, скорее всего, на сто процентов соответствует истине. Задвинутые в угол милиционеры оказались в крайне дискомфортной ситуации. Конечно, они вынуждены были молча ждать своей очереди. Но считать, что ожидание было полно сарка-

стической радости (мол, вы делайте грязную работу, а мы тут ни при чем), по меньшей мере глупо. Кстати, людская ненависть выплескивалась на ментов куда чаще, нежели на выбраковщиков. Ведь стоящий над законом сотрудник АСБ в ответ на справедливо гневное слово в свой адрес мог и выстрелить...

Практически не обозначена в книге позиция Русской Православной Церкви, точнее — произошедший среди духовенства раскол. Как известно, наряду с печально известным О. Ермогеном, провозглашавшим АСБ Воинством Христовым, в анналах истории навечно запечатлен светлый образ сгинувшего на каторге о. Валентина (Покровского). С канонизацией последнего РПЦ по непонятным причинам тянет до сих пор.

С неуместной для русского писателя бравадой обойден в книге и еврейский вопрос. Для автора он, кажется, не существует вовсе. Хотя есть достаточно веские основания полагать, что вопрос этот стоял в описываемый период необыкновенно остро, и дискриминация лиц коренных национальностей на территории Союза обогнала даже рекордные показатели ельцинских времен. Разумеется, некоторое количество евреев тоже было истреблено — но исключительно в первые годы выбраковки и, как правило, за преступления, связанные с вывозом капиталов (стоит напомнить, что по самым приблизительным оценкам не меньше семидесяти процентов российских денег, переправленных за рубеж в последнее десятилетие прошлого века, было вывезено евреями). Похоже, для автора это не аксиома. Он вообще склонен к легендированию читателя, ему представляется гораздо более интересным разрабатывать тему «Меморандума Птицына» и копаться в психологии выбраковщика, нежели заниматься делом и раскрывать истинные механизмы, вытолкнувшие на свет божий Правительство народного доверия и принудившие русских в массовом порядке заняться уничтожением себе подобных. Между прочим, евреев в АСБ не было вообще! Формально их туда не брали. Фактически такой порядок вещей был инспирирован международным сионистским лобби.

Даже на белорусской территории в отделениях АСБ

«трудились» сплошь Ивановы, Петровы и Сидоровы, в большинстве своем импортированные из России! Не к чести братьев-славян будь сказано, они подозрительно легко согласились с абсурдным тезисом, что русские превосходят их в реакции и сообразительности, необходимых для оперативной работы. При том, что «сообразительные» русские уже отвыкли считать Беларусь своей землей. В лучшем случае они воспринимали союзное государство как некую оккупированную территорию — лишнюю, бесполезную, лишенную ценных ресурсов, к тому же наводнившую российские города толпами вахтовиков-гастарбайтеров. Последних с редкостным остервенением гоняли московские выбраковщики, и через какой-то год встретить в столице работягу-белоруса стало почти так же нереально, как, например, живого цыгана. То есть можно с полной уверенностью сказать, что АСБ как структура весьма психопатизированная с одинаковой легкостью и выполняла некие социальные заказы, и сама их формировала.

Что касается цыган, то их всего-навсего пинком вышибли из страны, выдавив за границы Союза — а могли бы поубивать. В этом тоже был стратегический расчет — местная цыганская диаспора уже не представляла себе жизни без активной торговли наркотиками, и Правительство народного доверия не постеснялось «нагадить ближнему», наводнив соседние государства (особенно — строптивую Украину, наотрез отказавшуюся вступать в Союз) толпами асоциальных элементов с полными карманами отравы. О том, как непросто оказалось вырывать цыганский криминалитет из общества, свидетельствует даже Гусев — упоминаемая им зверская перестрелка выбраковщиков с ментами на Киевском рынке Москвы на самом деле имела место. И случилась действительно из-за цыган, к засилью которых рыночная милиция относилась чересчур лояльно, если не сказать большего. АСБ в свойственной ему манере свалилось на рынок как снег на голову, да к тому же огромной толпой, и у милиционеров не было ни малейшего шанса одержать верх — несмотря на теоретическое огневое превосходство. Милицейские автоматы «АКСУ» (и особенно «клин») либо пробивали легкую броню выбраковщиков,

сконструированную «под пистолет», либо валили противника с ног. Но зато штатный «игольник» позволял уполномоченному АСБ безбоязненно стрелять по толпе очередями, кося и правых и виноватых (статистики по случаям, когда парализатор убивал жертву, не сохранилось, разные исследователи оценивают процент «незапланированного брака» от индивидуальной непереносимости как пять-шесть на сотню). Так или иначе, первое же резкое движение ментов спровоцировало такую массированную пальбу, что буквально через пару секунд на земле лежал весь рынок, в том числе и несколько аэсбэшников — зацепили свои. Из милиционеров домой вернулись только двое, один впоследствии сошел с ума и был забракован окончательно, со вторым мне удалось побеседовать, и это оказался абсолютно сломленный человек. По его словам, дознаватели АСБ обращались с ним подчеркнуто корректно и доброжелательно. Никаких деталей психотропного допроса он не помнил, но у меня создалось впечатление, что либо в качестве «сыворотки правды» был использован нетрадиционный препарат, либо допрашиваемый подвергся гипнотической обработке.

Эта история только лишний раз подтверждает, что ни о каком особом доверии между АСБ и МВД не могло быть и речи. Более того — милицейское начальство не без основания подозревало Агентство в стремлении к захвату власти. Не случись провального «второго октябрьского путча», когда заговорщики спровоцировали резню внутри АСБ, такой сценарий мог бы получить самое печальное развитие. Но русского народного дракона очень вовремя заставили откусить себе лишние головы. В дальнейшем это тоже сыграло немаловажную роль — на две трети обновленное, Агентство перестало быть неуправляемой силой. И когда Правительство народного доверия взорвал последний в его истории внутренний конфликт, немногие уцелевшие выбраковщики-ветераны уже не смогли удержать у власти своих покровителей. Им оставалось только бежать, погибнуть или сложить оружие. А поскольку, как и в прошлый раз, их пришли арестовывать собственные «младшие» коллеги, то последний выход избрали немногие.

Как видите, человеку, знающему атмосферу тех дней не понаслышке и к тому же имеющему некоторый опыт личного общения с выбраковщиками (представьте, какой именно опыт может быть у правозащитника и репортера нелегальной газеты), очень трудно не углубляться в частности. «Ловля блох» в псевдоисторическом художественном тексте вообще занятие довольно сомнительное. Но мне показалось немаловажным определить, насколько осведомлен о событиях десяти страшных лет выбраковки сам автор. И заявленная в самом начале данной статьи установка на поиск «хемингуэевской правды» в тексте дала определенные плоды. Как ни странно, вывод мой почти однозначен. Скорее всего, этот человек жил в России тогда и даже принимал участие в событиях. А разбросанные по тексту отчетливые знаки позволяют выдвинуть гипотезу (я подчеркиваю — гипотезу), что его деятельность имела вполне определенный характер. И, быть может, некоторые фактические искажения, допущенные автором, — не более чем камуфляж.

Как известно, писатель — существо особое, наделенное даром подсматривать и анализировать нюансы личностного общения, ускользающие от взгляда обывателя, к коим я отношу и себя. Опытный автор, располагающий большим массивом обработанной информации, также умеет и моделировать ситуации, которых никогда не видел (недаром так правдоподобны бывают выполненные на высоком уровне заведомо фантастические романы). Но в данном случае меня не покидает ощущение, что некоторые поступки и особенно диалоги «Выбраковки» списаны, что называется, с натуры. Так оно все и было на самом деле. Или, как минимум, должно было быть.

Но это все-таки не сама правда. Это всего лишь довольно ловкая имитация правды. Настоящая правда московских улиц и квартир была куда горше и безнадежнее.

И я рискну заявить, что автору она известна досконально. Поэтому он и встал за угол, стесняясь явить нам свое истинное лицо. Но лучше бы он по-честному выглянул. Отсутствие авторской позиции — наиболее серьезный просчет этой книги, в которой есть замах на проблему, но так и не происходит удар.

Модный некогда прием — уйти в сторону и оставить читателя наедине с текстом — в данном конкретном случае ошибочен и не выдерживает критики. Период так называемой выбраковки — слишком больной момент в новейшей истории нашей страны, чтобы автору уходить в тень. Еще не затянулись раны, еще не все преступники водворены туда, где им и место. Отсиживающиеся в странах «третьего мира» вожди «январского путча» и функционеры Правительства народного доверия дают обширные интервью враждебным Родине изданиям. До сих пор не устоялось мнение о том, как все-таки относиться к «младшим» — уполномоченным АСБ второго потока, не успевшим, как правило, особенно себя запятнать, потому что их основной задачей оказалась нейтрализация старших коллег. Не кажется ли вам, что в такое время подобные «Выбраковке» аморфные, нарочито «объективные» публикации неуместны?

Десять лет выбраковки, за которые было зверски истреблено по некоторым оценкам до десяти миллионов россиян (включая умерщвленных младенцев с аномалиями развития и не считая насильственно прерванных беременностей, по которым статистика не велась), больно ударили не только по нашей стране, но и эхом прокатились по всей планете. Мы вынесли из этого кошмара только одно — четкое понимание того, что насилие как метод врачевания общества абсолютно непродуктивно. Очень свежая мысль, не правда ли? Спрашивается — неужели перед глазами кремлевских душегубов ни разу не вставали исторические аналогии? Оказывается, не вставали. Наверное, единственная положительная сторона данной книги — лишнее подтверждение того факта, что Россией, как всегда, руководили маниакально властолюбивые амбициозные двоечники. Но подтверждение действительно лишнее, потому что любому мало-мальски образованному человеку сей факт прекрасно известен.

И тем более закономерно, что авторы параноидальной «неоспартанской» модели общественного устройства в итоге натравили собственных цепных псов друг на друга, сами перегрызлись и утратили власть. А страна Россия, несгибаемая, непобедимая и неподвластная уму (во всех смыслах), — осталась. По большому счету мы снова вернулись к

отправной точке, которая описывается емким словом «разруха» и за которой, слава Всевышнему, обычно начинается подъем. И если кто-то сможет забыть о миллионах невинно убиенных, ему покажется, что в нашей стране вообще ничего особенного не произошло. Десять лет выброшено на ветер, и только. Выбраковка, если воспринимать ее в отрыве от кровавых реалий, как просто исторический процесс, — не достигла цели, не дала никаких позитивных результатов, не добилась совершенно ничего.

Тот же самый результат можно с полной уверенностью предречь и одноименной публикации.

ИВАН БОЛЬШАКОВ,
шеф-редактор правозащитной газеты
«Эхо Москвы» — специально для ОМЭКС

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хроники повествуют, что во времена его правления можно было бросить на улице золотую монету и подобрать ее через неделю на том же месте. Никто не осмелился бы не то что присвоить чужое золото, но даже прикоснуться к нему. И это в стране, где за два года до того воров и бродяг было не меньше, чем оседлого населения — горожан и земледельцев! Как же произошла такая метаморфоза? Очень просто — в результате планомерного очищения общества от «асоциальных элементов».

Участковый Мурашкин лениво брел по вверенной ему территории. Задворки Второй Фрунзенской всегда считались относительно спокойным местом, а теперь здесь можно было вообще помереть с тоски. Особенно — если в твои обязанности входит защита правопорядка. Мурашкин учтиво раскланивался с сидящими на лавочках бабушками и улыбался детишкам, которые весело махали ему руками из недр кукольно-ярких игровых городков. В какой-то момент участковому повезло — знакомый мужик ковырялся в двигателе «Москвича», — но поломка была пустяковая, и вволю почесать языком не получилось.

Заросший грязью пистолет, вечно молчащая рация и планшет со слежавшимися бланками протоколов казались лишними и страшно раздражали. Мир вокруг был стерилен, чист и на вид совершенно безопасен — выскобленный асфальт, ровно подстриженные газоны, спокойные лица прохожих. Мурашкин заглянул в пару магазинов, поболтал с сонными по случаю дневного безлюдья продавцами и окончательно сник. Уселся на лавочку в сквере, закурил и

в легком отчаянии подумал, что опять ему совершенно нечем заняться.

Другой бы на его месте радовался, но участковый Мурашкин был, на свою беду, человек долга. Он с детства уяснил, что добро просто обязано иметь кулаки, и если ты за все хорошее и против всего плохого — нужно что-то делать. Поскольку никаких особенных талантов за Мурашкиным не числилось, он реализовал тягу к переустройству мира самым естественным образом — после армии пошел в милицию. И только-только почувствовал себя на своем месте, как в стране грянули перемены. В первые дни казалось, что новая власть своим знаменитым «Указом Сто два» выплеснула на улицы волну насилия. Но волна довольно быстро схлынула и уволокла с собой почти весь тот контингент, что мешал нормально жить как порядочным налогоплательщикам, так и участковому Мурашкину в их числе.

Нужно отдать должное проклятым выбраковщикам — они причесали город очень частым гребнем.

И из тех, кого забраковали, не вернулся никто. Выбраковка недаром обзывала свои машины «труповозками». Не важно, забрали тебя из грязной коммуналки (а ведь не стало их, коммуналок-то, всего за какой-то год!) или из роскошного пентхауза — вот тут, на набережной, — урод пропадал, освобождая место для нормального, честного, достойного человека.

И как бы ни было противно сознавать, что прямо у тебя под носом орудует сила, которую не сдерживает закон, стальными тисками сковавший тебя самого, — Мурашкин на выбраковщиков не злился. Он понимал — временная мера. В «Указе Сто два» так и написали, черным по белому. Еще пара лет, от силы года три... Поэтому Мурашкину никогда не приходило в голову попроситься в АСБ. Он по своему нынешнему безделью отлично понимал, что такое оказаться выброшенным из жизни. А ведь это ждет рано или поздно каждого из тех, кто сейчас вместо него, Мурашкина, подставляется под бандитские пули. Хотя какие теперь бандиты... Поубивали всех. А кого не убили — загнали пожизненно на каторгу. По-честному. Мол, вы, ребята, погуляли за наш счет, теперь потрудитесь на наше благо.

И все-таки интересно, чем займутся парни из АСБ, когда правосудие вернется на привычные рельсы и милиция из профилактической службы опять станет тем, чем ей положено быть. Странный народ там, в Агентстве. Своеобразный, если не сказать больше. «Некоторые, кстати, и говорят не стесняясь», — подумал Мурашкин. И сразу вспомнил, как на прошлой неделе в отделение зашел выбраковщик. Что-то ему нужно было от начальника. Мурашкин, без дела ошивавшийся во дворе и ждавший, когда ребята сменятся и можно будет пойти вдарить по пиву, сразу его вычислил. Невысокий, даже щуплый, лет сорока, с заметной сединой в черных волосах... «Скромный такой. И с ласковыми глазами убийцы». И один лейтенант, видимо знавший выбраковщика в лицо, с порога чуть ли не крикнул: «Какие люди, и без наручников! Вы смотрите, кто пришел! Да это же Пэ Гусев, вождь палачей!»

У Мурашкина тогда все съежилось внутри. А тот Гусев лейтенанту просто кивнул, будто такими репликами его и положено встречать. Показал дежурному свой значок и прошел к начальнику.

Да, худо придется выбраковщикам, когда их услуги окажутся никому не нужны. А ведь милиция им по большому счету в ножки должна поклониться. Мурашкин отлично помнил те времена, когда от него, человека в серой форме, люди шарахались, как от чумного. Теперь полюбили. Малышня так на руки и лезет, взрослые не воротят морду, а первыми здороваются...

Мурашкин курил и думал, какого черта он тут делает. Можно пойти в опорный пункт и вволю поиграть на компьютере. Можно отправиться домой и приготовить что-нибудь эдакое на обед, жену порадовать... По телевизору смотреть днем нечего — гонят советские фильмы и пропагандистские шоу на тему, как хорошо жить в Союзе. Жить-то стало действительно неплохо, но все равно тоска. Участковый сунул нос за пазуху в надежде, что случайно отключил рацию. Но тусклая красная лампочка горела, и динамик еле слышно шуршал.

Разве что нанести один-другой профилактический визит? Проверить, например, не запила ли вновь эта дура Татьяна. Или в сотый раз попробовать объяснить старому маразматику Дундукову — вот же фамилия! — чтобы перестал

на нее строчить анонимки, все равно бумажки с подписью «Борец за нравственность» к рассмотрению не принимаются...

От соседней школы донесся оглушительный вопль, как будто там кого-то резали очень тупым ножом. Мурашкин и ухом не повел — это просто началась большая перемена. Но мысли его пошли по вполне определенному направлению. Точно, зайти к Татьяне. Она когда запивает, у нее ошиваются разные типы. Ведут себя обычно тихо, ничего криминального, но два неуравновешенных человека в одном помещении — уже повод к бытовухе. А если они еще и нажрутся как следует? Не обидели бы дочь.

Бездетный Мурашкин тяжко переживал, когда у симпатичных детишек оказывались непутевые родители. Дай ему волю, он прелестную белокурую шестилетнюю Машеньку отнял бы у Татьяны силой и удочерил. Все равно ведь мать сопьется и рано или поздно либо на принудительное лечение угодит, либо вообще в лагерь. Только успеет до этого ребенка испортить. Жаль.

Да, к Татьяне. Прямо сейчас. Мурашкин бросил окурок в урну, поднялся и быстрым шагом двинулся в глубь квартала.

Уже поднимаясь на этаж, участковый почувствовал смутное беспокойство. А когда протянул руку к кнопке звонка, услышал неясный звук, доносящийся из квартиры. То ли стон, то ли плач. За обшарпанной дверью происходило что-то нехорошее. Мурашкин позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова. Внутри завозились и притихли.

— Откройте, участковый! — крикнул Мурашкин.

И опять услышал тот же звук. Точно, это плакал ребенок.

Никаких сомнений — там, внутри, стряслась беда. Участковый отошел к противоположной стене, оттолкнулся и наподдал дверь плечом. Влетел в квартиру с дверью в обнимку, упал, вскочил и бросился вперед.

Хозяйка валялась в коридоре, Мурашкин и дверь на пару едва ее не зашибли. Да Мурашкин чуть было и не принял женщину за мертвую. Но Татьяна вдруг открыла глаза, тупо посмотрела на участкового и пробормотала:

— И ты тоже пошел на х...й...

После чего с отчетливым стуком уронила голову набок и, кажется, заснула.

Мурашкин толкнул дверь в комнату и остолбенел. Перед ним стоял какой-то незнакомый пропитой мужик и поспешно заправлял рубаху в штаны. А забившаяся в угол Машенька, заливаясь слезами, размазывала по чумазой мордашке белое и липкое.

Дальше участковый действовал четко и стремительно.

И так хладнокровно, как до этого никогда в жизни.

Телефонный звонок разбудил Гусева в полдень. Гусев, не открывая глаз, свесился с кровати и принялся шарить по полу. Как ни странно, телефон не нащупывался, а свисать было очень неудобно — какой-то валик твердо врезался в живот. Потом рука зацепила что-то стеклянное, которое тут же упало и покатилось. Гусев заподозрил недоброе, с трудом разлепил один глаз и обнаружил, что лежит поперек своего любимого кресла в гостиной, а на полу вокруг в живописном беспорядке валяются пивные бутылки.

Кряхтя и постанывая, Гусев сполз на пол и начал тыкаться носом в пузыри, втайне надеясь, что хоть один да оставил вчера без внимания. Чуточку жидкости прочистить мозги. А заодно и вернуть себе дар речи, потому что телефон, судя по назойливому курлыканью, вознамерился-таки его допечь и призвать к ответу.

Бутылки оказались пусты. Гусев не без труда встал на ноги и поплелся на кухню. Походя он снял с базы радиотрубку и прижал ее обеими руками к груди, пытаясь хоть так приглушить сигнал.

Трубка задушенно хрюкала с методичностью, достойной лучшего применения. То ли это ошибся номером какой-нибудь факс-модем, то ли звонил человек, знающий гусевский распорядок дня и железно уверенный, что абонент дома. Первое было предпочтительнее, но в чудеса Гусев принципиально не верил. Скорее всего настойчивые звонки предвещали очередную свеженькую, с пылу с жару, неприятность.

Телефон умолк на пороге кухни, да так неожиданно, что Гусев даже остановился. С глубоким сомнением посмотрел на трубку. А потом, будто очнувшись, сунул ее не

глядя в окружающее пространство (оказалось — в забитую грязной посудой раковину) и прыгнул к холодильнику.

На полочке лежала заначка — две бутылки «Балтики» номер три. Гусев огляделся в поисках открывалки, сообразил, что та после вчерашнего наверняка в гостиной, и, недолго думая, уцепился пробкой за край батареи. Несильно врезал сверху раскрытой ладонью (пробка с тихим звяканьем укатилась под ноги) и жадно припал к горлышку.

Через несколько секунд бутылка опустела наполовину, а в глазах человека появилось более или менее осмысленное выражение. Гусев тяжело выдохнул, уселся за кухонный столик и мысленно обложил последними словами гадину, разбудившую его раньше времени. Ни особого похмелья, ни физической разбитости Гусев не ощущал. Он просто все еще был здорово пьян. Оставалось только допить пиво, раздеться и лечь в кровать. Хотя бы часика на три-четыре. Инструктаж перед ночным в семнадцать. Хотя какое это ночное — так, зайти отметиться... Нет больше тройки Гусева. И когда ему теперь дадут хотя бы одного стажера, черт его знает. А в одиночку выбраковщика никто на работу не пустит. Мало ли что ему в голову взбредет.

Инструкция очень четко объясняла, почему нужно ходить втроем. И как себя вести в тех исключительных случаях, когда можно вдвоем. Но на взгляд Гусева, все эти хитрые расстановки уступом, просчитанные для каждой тройки специально, исходя из баллистических характеристик оружия и индивидуальной психологической устойчивости бойцов, расписывались, только чтобы запудрить выбраковщикам мозги. Он-то отлично знал, почему на самом деле сотрудникам АСБ положено ходить стаей. Дай Гусеву волю, он бы своих коллег не то что на работу, а и просто в магазин за хлебом поодиночке не выпускал.

И себя, ненаглядного, в первую очередь.

Одинокий выбраковщик, тревожно-мнительный, неуверенный в себе, волочащий по асфальту длиннющий хвост многочисленных комплексов, представляет для мирных граждан куда большую опасность, чем целая преступная группировка. А поскольку банды, шайки и мафиозные кланы на территории Союза успешно выбраковщиками изничтожены...

Именно на этой фразе вчера Гусева перебили. Начальник Центрального отделения ласково попросил его засохнуть. Гусев засох и сел на место, ловя затылком неприязненные взгляды. Как обычно, его не поняли. Его вообще никогда не понимали. Никто. Всю жизнь.

Хотя, быть может, на этот раз намек получился слишком тонким. Но как еще передать людям свою тревогу за их же безопасность? Как объяснить, что буквально всем телом Гусев предчувствует беду? А ведь он в АСБ уже шесть лет, почти с самого начала, и кому, как не ему, взвалить на себя тяжкую долю местного оракула? Когда догадаются остальные, будет уже поздно. Один-единственный приказ сверху — и застоявшиеся ОМОНы и СОБРы передавят выбраковщиков как котят. С диким наслаждением передавят. Таких, как Гусев, прожженных ветеранов — отловят по одному и тут же застрелят при попытке к бегству. А прочую мелюзгу вообще пачками лопать будут и не подавятся.

«Нас в Москве чуть больше тысячи. И от силы десять тысяч по всей стране. Мы — ничто, мы — жалкие крохи, и нас просто смахнут рукавом со стола. А потом накроют стол по новой».

Предаваясь невеселым размышлениям, Гусев прикончил бутылку и в задумчивости оглянулся на холодильник. Точно, допить — и баиньки. Если, конечно, эта гадина...

Гадина оказалась легка на помине. Среди чашек и тарелок обиженно тренькнуло.

Гусев встал, двумя пальцами ухватил трубку за огрызок антенны и выудил из раковины. Взял полотенце и тщательно протер. Нажал кнопку и хмуро, стараясь, чтобы голос получился совершенно лишенным выражения, сказал в микрофон:

— Зачем вы меня разбудили?

На другом конце линии раздался страдальческий вздох.

— Паша, как хорошо, что ты на месте! Выручай, старина! Кроме тебя...

— А-а, товарищ подполковник... Ну-ну.

Слышно было, как подполковник Ларионов, начальник близлежащего отделения милиции, угрызается совестью. Выражалось это в сопении и покашливании.

— Паша...

— Я вот что-то вспомнить не могу, кто это меня на днях вождем палачей обозвал? — вслух задумался Гусев.

— Да ты что! — деланно изумился Ларионов.

— Ты же знаешь, товарищ подполковник, я терпеть не могу, когда мне прямо так в глаза правду-матку режут.

— Паша, ну хватит, в самом деле...

— Мне правда глаза колет, понимаешь?

— Хорошо, я им скажу.

— И скажи.

— И скажу! Так скажу, присесть не смогут!

— Вот сейчас пойди и скажи. Этому, как его... Ну, летеха такой мордастый. С усами.

— Паша, можно я с тобой закончу, а потом сразу пойду и скажу ему?

Гусев усмехнулся в трубку.

— Он меня боится, — сообщил он заговорщическим шепотом. — Они все меня боятся. Слушай, подполковник, а ты меня боишься?

— Извини, не очень.

— Как же так?

— А я смелый. Отважный я. Слушай, Паш, тут у нас большая неприятность случилась. Выручи еще разок? Ну, пожалуйста.

— Опять твои психопаты арестованного забили?

— Если бы арестованного, я бы тебе не звонил.

— Ну а кого тогда?..

— Понимаешь... Мурашкин с пятого участка, прекрасный мужик, взял и застрелил одного урода. В состоянии аффекта застрелил.

— Ничего не понимаю, — удивился Гусев. — Ваша братия каждый божий день кого-нибудь застреливает в состоянии аффекта. И рисует в отчете самооборону. Напивается до состояния аффекта, а тут навстречу топает мирный гражданин в состоянии аффекта, и начинается самооборона из всех видов оружия... Странно, что вы друг друга еще не перезастреливали. Даром что пребываете в состоянии аффекта с утра до ночи...

Он мог бы долго еще распространяться на этот счет, но Ларионов его перебил.

— Паша, — сказал он. — Я тебя слушаю и балдею. Всю

жизнь бы слушал. Позови какого-нибудь юношу из «Московского комсомольца», он с тобой потом гонораром поделится. Но мне действительно нужна твоя помощь.

— То есть этот прекрасный мужик, участковый Какашкин, не умеет писать и не может поэтому нарисовать в отчете самооборону.

— Да он в больнице! — рявкнул Ларионов.

— Почему? В какой?

— В Алексеевской, идиот!!!

Гусев задумался.

— Ничего себе... — пробормотал он. — Психушка, значит... Ладно, начальник, считай, я тебя простил. Докладывай обстановку.

— Докладываю, — согласился Ларионов. — Имеем два трупа...

— Ты же говорил...

— Нет, он еще и бабу одну грохнул.

— А-а, на почве ревности...

— Гусев, помолчи. Я же тебе докладываю. Имеется выбитая дверь, за ней два трупа, мужской и женский. Значит, женщина — хозяйка квартиры, мужчина — ее сожитель. Еще имеется девочка пяти лет, дочь хозяйки, живая, у нее глубокий шок, судя по всему, имело место изнасилование.

Гусев хотел было ляпнуть: «Хорошо погулял участковый Какашкин!», но быстро прикусил язык. Он уже догадался, что к чему. Случай был в каком-то смысле типовой.

Наверное, каждый выбраковщик прошел через это — на твоих глазах некто отвратительный совершает нечто ужасное. И в этот момент тебе впервые в жизни по-настоящему «сносит башню». Вот почему уполномоченным АСБ не положено настоящее оружие. Только уродливый пневматический игольник — автоматический пистолет, который стреляет иголками с парализатором мгновенного действия. Кстати, побочный эффект этой мгновенности — адская боль. Малость химики перемудрили — наверное, у них тоже были личные счеты с врагами народа.

— Факт, что насильник — сожитель хозяйки, не вызывает сомнений, — объяснил Ларионов. — Мурашкина подобрали в совершенно невменяемом состоянии, и он еще долго ничего рассказать не сможет. Да и нечего тут расска-

зывать, и так все ясно. Зашел для профилактической беседы, что-то услышал, позвонил, не открыли, вышиб дверь... Ну и так далее. Нервы сдали у мужика. Клянусь, я его очень хорошо понимаю. Ничего, подлечится — еще послужит.

Гусев хмыкнул, но от комментариев воздержался. Понятно было, что Ларионов своего подчиненного не сдаст, тем более считая его ни в чем не виноватым, а просто человеком, попавшим в беду. Но снова давать ему в руки оружие и власть... «Гусев, окстись, ты и сам ничуть не лучше».

— Короче говоря, был звонок насчет стрельбы, — продолжал Ларионов. — От соседей на центральный пульт. Как положено, выехала группа, то есть все уже зарегистрировано и оформлено. Но слава богу, у ребят хватило ума на месте разобраться, что к чему, и приостановить дальнейший процесс. Гусев, дружище, возьми все на себя, а? Ты представь, какой офигительный «глухарь» из этого дела получится! Его в принципе спихнуть не на кого.

— Кроме меня, — заметил Гусев. — Разумеется, ни один нормальный вор не возьмет на душу изнасилование несовершеннолетней и двойную мокруху. Да у тебя небось и нет сейчас живого вора. Ты уж, наверное, забыл, как они выглядят. А вот добренький Гусев на все, что угодно, подпишется.

— При чем тут изнасилование, оно, считай, раскрыто. Паша, это ведь твой контингент! А запрос я тебе задним числом оформлю. И свидетелей, все как положено.

— Знаешь, подполковник, — сказал Гусев негромко. — Я, конечно, о нас с тобой невысокого мнения, но вот в такие моменты удивляюсь — и чего это у нас еще крылышки не выросли? У тебя как там, случаем, нимб не проявился? Гос-по-ди! Среди каких уродов мы живем! Это же просто уму непостижимо!

— Берешь? — спросил Ларионов с плохо скрываемой надеждой в голосе.

— Кроме твоих людей, никто этого Мурашкина не видел? — деловито осведомился Гусев.

— Да нет, он как отстрелялся, так на месте и завис. Метался, бормотал что-то. Группа подъехала буквально через три минуты. Вывели его тихонечко... Если кто во дворе и заметил, что в группе стало на одного человека больше, так

сам ведь знаешь, менты, они вроде китайцев, на одно лицо. А в больницу я его по блату сунул, там все будет шито-крыто.

— К тестю, что ли? — вспомнил Гусев.

— Ну.

— Ладно, — вздохнул Гусев. — Через полчаса зайду. Готовь мне запрос и сопровождающих. Если дашь того усатого лейтенанта, буду тебе отдельно признателен. И бутылка с тебя.

— Да хоть ящик! — радостно взвыл Ларионов.

— Значит, все-таки берешь взятки! — обрадовался Гусев.

— Почему?

— Откуда у тебя деньги на ящик, ты, подполковник!

— Нам в прошлом месяце опять зарплату повысили, между прочим. А потом, я для хорошего человека, — твердо сказал Ларионов, — последнюю рубаху сниму!

— Это я-то хороший? — удивился Гусев.

— Конечно, — подтвердил Ларионов. — А если приедешь через двадцать минут, я тебе еще и не такое скажу.

— Обойдусь. Через полчаса встречай.

— Ну, Пашка, ну, выручил! Спасибо!

— Пока еще не за что, — отрезал Гусев и дал отбой.

Некоторое время он стоял посреди кухни, задумчиво перебрасывая трубку из руки в руку и прикидывая, как навязанную Ларионовым фиктивную выбраковку провести через отчетность Центрального отделения АСБ. Ведь если подходить к вопросу формально, то на сегодняшний день старший уполномоченный Агентства социальной безопасности Павел Гусев существовал только де-юре. Де-факто ему положено было регулярно являться на инструктаж, а потом вместо работы плестись на все четыре стороны. Ведущий, потерявший за месяц двоих из тройки. Потерявший заодно и последние остатки доверия в отделении. Со всех сторон только неприязнь и страх. Впрочем, ему не привыкать. Всегда его по жизни сопровождали эти два чувства. Он боялся, его боялись. Он ненавидел, его ненавидели. И обе стороны, как правило, эти чувства умело скрывали. Гусев себя контролировал, потому что знал — может убить. Все остальные — потому что знали: действительно может.

Только внутри ушедшей в небытие тройки Гусев становился нормальным человеком. Ему повезло с помощниками. Атмосферу, сложившуюся в команде, вряд ли можно было назвать взаимопониманием. Но вот доверие, готовность прикрыть спину, а то и заслонить товарища грудью — эти взаимные чувства они, трое, ощущали друг в друге не раз и не два. Выходя в город, тройка Гусева превращалась в единый организм.

Эта команда была неистребима. И прожила бы очень долго, не случись двоим из троих попасть под выбраковку самим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В этом — разгадка неслыханной и не имеющей аналогов в мировой истории повальной честности населения Валахии в середине XV века. После того как тысячи воров погибли на кольях или сгорели в пламени костров на городских площадях, новых охотников проверить свою удачливость уже не находилось.

Сентябрь в этом году выдался сухим, но прохладным. Лучшая погода для выбраковщика, который по долгу службы предпочитает одежду из плотной ткани и свободного покроя, скорее даже мешковатую, чтобы не так выпирала наружу его профессия. Летом Гусева ужасно раздражала необходимость мазаться специальными кремами и надевать гигроскопическое белье. Иначе он бы просто умер, закованный в спасительную, но абсолютно глухую броню. А сейчас он чувствовал себя просто замечательно. Легкая, но прочная кожанка с полами до середины бедра удачно маскировала все полпуда с гаком железа и пластмассы, которые он на себе таскал.

Тем не менее у станции метро Гусева вычислили. Он задержался купить сигарет, и тут же рядом притормозил «Соболь» с эмблемой Службы доставки на двери.

— Помощь не требуется, коллега? — спросил парень в белом халате, высовываясь из окна.

Гусев бросил через плечо сумрачный взгляд, промолчал

и снова повернулся к окошку табачного киоска. Протянул было деньги, но тут задняя дверь киоска открылась, и внутрь шагнул некто, судя по выражению лица — хозяин. Гусев присмотрелся, вздохнул, пробормотал: «Извините, у нерусских не покупаем», — и тяжело потопал к соседней палатке. Несмотря на вполне приличное настроение, ходить сегодня было отчего-то трудно.

«Соболь» все не уезжал. Взяв свое курево, Гусев подошел к фургону.

— Что там было насчет помощи? — спросил он угрюмо. — Какая еще помощь?

— Наркологическая, разумеется. Хотите маленький укольчик? Второе рождение гарантировано. Вы же чувствуете э-э... дискомфорт, сразу видно.

— Вот это глаз! — восхитился Гусев.

— Работа такая, коллега. Давайте заходите.

— Н-нет, спасибо, — пробормотал Гусев. Нарколог ему понравился, у него было приятное открытое лицо и заразительная улыбка. Но понравился не настолько, чтобы позволять тыкать в себя иголками.

— Вам же на маршрут сейчас, верно? Давайте поправим здоровье. Я просто нарушу профессиональную этику, если отпущу вас.

— Как вы меня раскрыли? — спросил Гусев, безуспешно пытясь оглядеть себя в поисках какого-нибудь вопиющего изъяна.

— Просто характерная моторика. Сейчас она, конечно, сглажена — последствия интоксикации. Но все равно — если знать, что искать, видно.

— На психиатра, что ли, учитесь? — догадался Гусев.

— Верно. Не буду же я всю жизнь пьяных по домам развозить. Доставка — это так, ради денег. Ну давайте ныряйте в наше гостеприимное лоно.

— Не-а.

— Почему?!

— Страшно.

— Тьфу! Поймите, вам через пять минут станет легче. А через пятнадцать — как новенький будете.

— Я с похмелья тревожный, — признался Гусев. — Боюсь автомобилей, низколетящих голубей и врачей-убийц.

Из кабины раздался сдавленный хохоток — водитель подслушивал. Нарколог смерил Гусева взглядом, которым одаривают непослушного ребенка.

— С вас прямо хоть диплом пиши, — сказал он. — Особенно если низколетящие голуби... Не хотите укол, могу смешать микстурку. Но дольше ждать придется. Слушайте, а можно я вам хотя бы давление померяю?

— Я что, настолько плох?

— Жить-то будете...

Гусев сдался и полез в машину, бормоча: «До чего ж вы, медики, настырные...» Внутри обнаружился еще один клиент доставки — поперек двух кресел развалился некий молодой человек в парадном мундире флотского прапорщика. Фуражка у моряка съехала на нос, сбоку из-под нее выбивались неуставные русые кудри.

— Здорово, полундра, — бросил ему Гусев. Тот не отреагировал.

Давление у Гусева оказалось явно пониженное.

— Ну хотя бы валокордин, — предложил врач.

— Делать вам нечего...

— Ваша правда, коллега. Скука жуткая. Третий час уже катаемся, хоть бы кто под колеса упал... В сентябре вообще мало пьяных, в основном работают люди, восстанавливают подорванное отпусками материальное благополучие.

— А это? — Гусев ткнул пальцем через плечо. — Что ж вы его домой не везете?

— Товарищ капитан первого ранга, мичман Харитонов... — *неожиданно сообщил в пространство флотский.* После чего громко всхрапнул и снова отключился.

— Это мичман Харитонов, — объяснил врач, отсчитывая капли.

— Вижу, что не адмирал Нахимов...

— Вот, пейте. Бедняге нельзя домой, он на службе. Никак до Генштаба не дойдет. Ничего, я ему такой коктейль в вену запузырил...

Гусев проглотил лекарство.

— Спасибо, — кивнул он, возвращая стакан. — Слушайте, доктор... Можно некорректный вопрос?

— Смотря насколько, — улыбнулся врач. Гусев сначала малость опешил — на его памяти так с выбраковкой не разговаривали, — а потом сообразил: медик АСБ совершенно не боится. Искренне не боится — наверное, совесть кристально чиста. «Побольше бы нам таких».

— Для вас что, на самом деле все пациенты одинаковы? — спросил Гусев.

— Разумеется. Я же клятву давал.

— Клятва штука хорошая... Но если по-человечески? В любом случае все люди разные, и кто-то вам окажется симпатичен, а кто-то, наоборот, противен до отвращения. Как вы с этим справляетесь?

— Поначалу старался абстрагироваться. Подходил к вопросу с точки зрения долга. А потом, наверное, привык. К тому же больного легко пожалеть, какой бы он ни был скотиной. Больные все страдают.

— Пожалеть... — Гусев покивал своим мыслям. — Пожалеть...

— Я, кажется, понимаю, — догадался врач. — У вас схожая проблема?

Гусев замялся.

— Да как сказать, — пробормотал он. — Вряд ли. Медик иногда вынужден жестко себя вести с пациентом, даже причинить ему боль, чтобы тот потом выздоровел. А мне... А нам приходится делать больно одному человеку, чтобы стало хорошо другим.

— Не вижу особой разницы, — твердо сказал врач.

— Наверное, она в том, что мы специально учимся не жалеть своих клиентов. Даже провоцируем их на драку, чтобы не было стыдно. А мне кажется...

— Еще бы вы их жалели! — перебил врач. — Так и рехнуться недолго.

«Вот оно, новое поколение, — мелькнуло у Гусева. — Допрыгались. А рассказать моему старику — помрет от счастья. Нет, ошибся я, таких нам даром не надо...»

— Вы еще молодой. Сколько вам, простите?

— Двадцать два.

— У-у... — Гусев улыбнулся. — Все бы отдал на свете, чтобы мне сейчас было двадцать два.

— А вам где-то сорок? Но в любом случае вы мне нисколько не противны, коллега. Ну, я ответил на вопрос, не так ли?

Гусев задумчиво кивнул, выбрался из фургона и остановился, придержав дверь.

— Вы гораздо проницательнее, чем мне показалось на первый взгляд, — сказал он. — Я действительно хотел убедиться, что не противен вам. Спасибо за помощь, спасибо за внимание. Совет хотите? Полезный для жизни. Никогда, понимаете, ни при каких обстоятельствах не называйте выбраковщика «коллегой». Мы с вами оба работаем на государство, но заняты совершенно разным делом.

— Отнюдь. Мы оба лечим, — не согласился врач.

— Вам, юноша, с такими взглядами нужно работать в АСБ, — фыркнул Гусев, — а не пьяных по улицам собирать.

— Но я буду работать в АСБ. Уже через год. Меня берут стажером в медслужбу. Так что, может, еще увидимся.

— А-а... Ну да. Конечно. Понятно. — Гусев захлопнул дверцу и ушел прочь.

Обычно Гусев, выходя на улицу и погружаясь в мир людей, привычно входил в состояние легкой настороженности, готовый мгновенно среагировать на тревожный сигнал, он будто ощупывал пространство вокруг — нет ли где непорядка, не обижают ли кого. Но после беседы с не в меру ретивым наркологом Гусев погрузился в себя. На эскалаторе он смотрел под ноги, и искомый непорядок заметил, когда уже проезжал мимо. А в эпицентре непорядка молча страдало обиженное существо.

Возле будки дежурного стояли несколько человек, глядя куда-то вниз, на «гребенку» правого эскалатора, который сейчас был остановлен. Сам дежурный почему-то отсутствовал[1]. Гусев обогнул будку и раздвинул людей плечом. На стыке «гребенки» и пола с выражением мольбы на длинной морде сидела в неловкой позе небольшая грязно-белая дворняжка.

Гусев такого раньше не видел, но сразу понял, что случилось. Несколько прядей с растрепанного хвоста собаки каким-то образом защемило между стальными ребрами «гребенки» и тележкой эскалатора. Псине редкостно повезло — хвост у нее все еще был. Наверное, кто-то вовремя остановил эскалатор. По рассказам Гусев знал, что севший на «гребенку» человек оставлял на ней минимум ползадницы, а то и жизнь.

— Где дежурный? — спросил Гусев.

— Ножницы ищет, — сказали из-за спины. — Того и гляди угробится кто-нибудь, а ей, видите ли, собачку жалко.

— Ну-ка... — Гусев присел и осторожно, чтобы зря не причинять боли, ощупал собачий хвост, стараясь разглядеть, какие именно белые лохмы защемило, а какие свободны. Псина — как выяснилось, сука — восприняла обследование с глубоким пониманием, разве что дышать не перестала.

Зевак позади ощутимо прибавилось. Всегда приятно участвовать в добром деле, когда им уже вплотную занялся другой.

— Вы поосторожнее, молодой человек! Укусит еще...

— Что ж она, совсем дура? — не согласился кто-то.

Собака немыслимым образом извернулась и лизнула Гусева в щеку.

— Спокойно, малыш, спокойно... — пробормотал Гусев. — Та-ак, серьезных повреждений не вижу...

— А вы что, ветеринар? — спросили из толпы. Сейчас это уже была настоящая толпа.

— Вроде того, — отозвался Гусев, доставая швейцарский нож и выдвигая кусачки. — Ну, барышня, прощайся с красотой! — И принялся стричь.

«Барышня» все порывалась благодарно лизаться, что здорово тормозило ход операции.

— Молодой человек! — позвали начальственным голосом.

— А? — Гусев вынырнул из-под хвоста.

— Вы что там делаете? — над Гусевым нависла дежурная по эскалатору, дородная тетка с ужасными ножницами для резки металла в руках.

— У вас инструмент неподходящий. — Гусев вернулся к своему увлекательному занятию.

[1] По поводу данного эпизода руководство государственного предприятия «Московский Метрополитен» заявило решительный протест еще в 2015 г., после выхода первого издания книги. Дежурный по эскалатору не покидает свой пост ни при каких обстоятельствах. Описание такого вопиющего случая пренебрежения работником метрополитена его служебным долгом полностью на совести автора. — *Примеч. ОМЭКС.*

— Что за самодеятельность! — возмутилась дежурная. — На минуту нельзя отойти...

— Да это ветеринар! — объяснили ей.

— Вы правда ветеринар, молодой человек?

Гусеву осталось состричь всего чуть-чуть. Собака, чуя приближение свободы, начала дергаться, и он крепко прижал основание хвоста к полу, чтобы глупышка себе не навредила.

— К сожалению, — пропыхтел Гусев, — я уже немолодой. И никакой я не ветеринар.

— Черт знает что такое! — возмутилась дежурная. — Ну ладно, режьте там.

— Вот спасибо... А собака что, местная?

— Да так... Ездит иногда.

— А билет она покупает? — хохотнули в толпе. — Или у нее пенсионная книжка?

— Теперь все равно льгота по инвалидности будет... — миролюбиво сообщила дежурная, чем вызвала дружное веселье собравшихся. — Умная собачка. Всегда аккуратно эскалатором пользовалась, не то что некоторые. А сегодня замешкалась — и бац! Хорошо, я за ней обычно слежу. Едва успела «стоп» нажать. Вот учитесь, граждане.

— На сходе с эскалатора поднимайте хвост...

— И хвост поднимайте, у кого есть! Сумки повыше держите. А особенно — длинные полы одежды.

Гусев слушал разговоры, посмеивался и работал кусачками. Наконец он выстриг последний запутавшийся клок, осторожно подвигал хвост из стороны в сторону, понял, что все получилось, отпустил собаку и поспешно встал, пока его не облизали с ног до головы.

Толпа во главе с дежурной разразилась аплодисментами. Собака прыгала вокруг и радостно тявкала. Преисполненный благодарности ко всем свидетелям его подвига, Гусев смущенно кивнул, спрятал ножик и расправил плечи. От этого движения у него из-под куртки предательски сверкнул значок. Наверное, Гусев с похмелья небрежно его прицепил. Самый уголок выглянул, но оказалось достаточно.

Половину толпы как ветром сдуло.

Дежурная залилась краской и чуть не уронила ножницы.

— Никаких проблем, успокойтесь, — поспешно сказал Гусев.

— Подменить некому было, — пробормотала дежурная. — У нас все на инструктаже по технике безопасности...

— Вот именно, что безопасности, — кровожадно поддакнул один из зевак.

— Это кто там возникает? — спросил Гусев. — Фамилия?!

Толпа, словно по команде, уполовинилась еще. Гусев, криво усмехнувшись, проводил взглядом беглецов и заметил, что к эскалаторам спешит еще одна женщина в форме работника метрополитена.

— А вот и сменщик, — обрадовался Гусев. — Теперь вы можете с чистой совестью проводить меня туда, где здесь моют руки.

— Конечно... — выдавила дежурная.

— Дамы и господа, оставьте нас, пожалуйста, — мягко попросил Гусев немногих оставшихся. Люди неохотно разошлись, озираясь. Только какой-то могучий дед с офицерской выправкой подошел к Гусеву вплотную и заглянул ему в лицо.

— Чем могу? — учтиво спросил Гусев.

— Вы благородный человек, — неторопливо произнес дед мощным голосом отставного командира. Большого командира, судя по интонациям.

— Есть немножко, — признался Гусев. — Только не подумайте, что я — какое-то исключение. Отнюдь нет.

— У меня к вам вопрос. Скажите, это правда, что АСБ скоро расформируют?

— Насколько скоро, не знаю. Но, по-моему, это вопрос решенный. Нельзя же без конца терроризировать население.

— Терроризировать? — удивился дед. — Кто это вам сказал? Да пол-России на вас буквально молится! Вы делаете очень нужную работу.

— Мы ее уже сделали. Почти всю.

— Странно такое слышать от уполномоченного АСБ. Впрочем... Честь имею. — Дед по-военному четко откланялся и ушел.

Гусев, жуя губу, смотрел в его широкую спину. Его под-

мывало догнать старика и расспросить, дослужился ли тот до генерала. Позади дежурная шепталась со сменщицей.

— Так вы меня проводите? — обернулся к ней Гусев.

— Да, пойдемте!

Собака увязалась следом, и Гусев подумал, что вот еще проблема — избавиться от этой спасенной, желательно ненасильственным образом. По другую руку от выбраковщика мучительно переживала свою будущность дежурная, преступно оставившая пост. Десяток-другой шагов они прошли молча, и Гусев почувствовал, что собака-то как-нибудь сама отстанет, а вот терпеть под боком присутствие трясущейся от страха женщины надоело.

— Простите, что я вас напугал, — сказал он. — Поверьте, я ничего против вас не имею.

— Вы меня правда не накажете? — встрепенулась женщина.

— За что? — улыбнулся Гусев. — За то, что вы нарушили служебный долг и оставили пост в зоне повышенной опасности, потому что не могли видеть страдания живого существа? Бросьте. Вам просто стало очень жаль собаку. Если у нас даже женщины не будут поддаваться элементарной жалости, в гробу я видел такую нацию. Расслабьтесь, все бывает.

— Начальник приехал, устроил внеплановый инструктаж, — пожаловалась дежурная. — Я помощь вызвала, гляжу — никто не идет. Понятно, не человек ведь, собака, потерпит. Да и пассажиров мало сейчас, две машины исправно работают... Пять минут жду, десять... Ну, сорвалась и бегом... Так бы я никогда...

— А почему инструктаж в рабочее время? Я думал, на метрополитене порядки очень жесткие.

— Для кого-то жесткие, для кого-то нет.

Гусев посмотрел на часы:

— Жалко, на работу опаздываю. А то подзадержаться здесь, устроить разнос кому следует? Нет, у вас же первой будут неприятности.

— Да уж! — усмехнулась дежурная. — Съедят.

— Видите, — сказал Гусев. — Мне тоже приходится выбирать между жалостью и долгом. Постоянно. Каждый день.

Посреди станции околачивались двое милиционеров.

Гусев вспомнил участкового Мурашкина и подумал, что тот, наверное, почуял бы застрявшую на эскалаторе собаку за километр. «Все-таки самые лучшие защитники и спасатели — это малость сумасшедшие люди. И пока им есть кого защищать и спасать, будет порядок. А когда они перезащищают и переспасают всех-всех-всех... Что тогда?»

Исторические аналогии подсказывали Гусеву, что в таких случаях герои-богатыри сами учиняют дикий бардак. Чтобы было чем заняться.

Конечно, если вовремя не приходят другие богатыри и не ликвидируют первых.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Определенно можно сказать только одно: людская молва и время не преувеличили его жестокость. Иногда он совершал героические поступки, но все же был не героем, а психопатом.

Центральное отделение занимало два подъезда в идущей под снос монументальной развалюхе 1903 года постройки. Наверное, сто лет назад домик был ничего себе, но потом явились большевики. Выполняя историческое предначертание запихнуть в господские апартаменты побольше барачной швали, они выкопали под домом глубокий подвал и надстроили два этажа. Здание постояло-постояло, а затем переутомилось и начало расползаться по швам. В каком-нибудь отдаленном районе на это дело плевали бы до тех пор, покуда через трещины в стенах не начали бы просачиваться бродячие животные. Но дом все-таки стоял в полукилометре от Кремля, поэтому его по-быстрому просверлили, а сквозь дырки пустили толстенные стяжки. Жильцы к трубам с резьбой цепляли бечеву для сушки белья. Гусев угодил в самую первую волну сотрудников АСБ, заселявших офис Центрального, и лично обрывал это замасленное провисшее мочало, на которое смотреть-то было страшно. Невольно в голову лезла картинка: сталкер с мешком хабара ползет по грязище, а над головой у него тихонько шевелятся на ветру такие вот бородатые веревки...

«Да, мы с развеселым гоготом крушили перегородки и таскали мебель, а я все оглядывался на ребят и думал: чистой воды сталкеры. Лезут куда-то с наркотическим упорством, добывают то, непонятно что, гибнут ради этого непонятно чего. Неужели и я такой же? Нет, только не я. А внутренний голос твердил — голубчик, разуй глаза! Конечно, и ты тоже. Никто ведь тебя не просил идти на линию огня, сам полез. Как это — никто не просил? Я сам и просил. На коленях почти что ползал. Аргументированно умолял. Требовательно упрашивал».

Гусев взялся за ручку подъездной двери и с усилием потянул. Дверь жалобно скрипнула, отошла сантиметров на тридцать, застряла, но все-таки уступила и отодвинулась еще немного. Гусев не без труда затолкал себя в открывшуюся щель и сразу же наткнулся на спускающуюся по лестнице дневную смену. Выражения лиц «дневного» ему не понравились.

С ним хмуро здоровались, кое-кто даже за руку, но больше приветственно хмыкали и прятали глаза. Никому больше здесь не было дела до Пэ Гусева, суперагента с лицензией на убийство. Он спекся и восторженному поклонению более не подлежал. «Или это я себя накручиваю? — подумал Гусев. — Ну, устал народ, вымотался. Да еще опять, наверное, кого-нибудь из наших шлепнули».

На площадке третьего этажа курила, ожесточенно жестикулировала и ругалась матом патрульная группа Данилова. Четыре тройки намертво закупорили проход, и Гусев волей-неволей принялся расчищать себе дорогу. Настроение сразу поднялось — несмотря на общее перевозбуждение, его заметили, принялись хлопать по плечу и совать руки. То ли Гусев еще не окончательно спекся, то ли не все это мнение разделяли, то ли он на самом деле попусту накручивал себя.

Данилов как раз выкрикивал в дверь офиса порцию нечленораздельных оскорблений, когда Гусев осторожно взял его за локоть.

— Пэ! — заорал Данилов прямо Гусеву в ухо. — Ну хоть ты скажи этим негодяям! Почему опять мы?! В прошлом месяце Данила, в позапрошлом Данила, в этом снова Данила! Что я тут, главный зоофил?! Я в отставку подам! Я уйду в рядовые! Хватит делать из меня этого... Как его...

— Начальника очистки, — подсказали с лестницы. — Полиграф Полиграфович, не переживайте так.

Выбраковщики заржали. Делать им больше ничего не оставалось, только потешаться над собой. Гусев окончательно воспрял духом. Разумеется, вот откуда хмурые лица. «Дневное» снова погнали на отстрел бродячих животных. И, как всегда, старший — Данилов. Бр-р-р... Это называется: любишь расстреливать — люби и могилки копать.

«Именно так — самому копать. А то слишком много романтики вокруг работы палача. Но бродячие собаки, конечно, перебор. Собака — это вам не обдолбанный бандит с автоматом. Хорошо еще, когда псина издали чувствует твои эмоции и старается убежать. А когда просто стоит и вглядывается в твои глаза... Нет, кончается выбраковка. Года три назад послали бы мы их с этими собаками далеко и надолго. Подумаешь — заказ Моссовета... Да я сам без малого половину этого Моссовета взял за плечико и отвел в «труповозку». Сейчас, что ли, там браковать некого? Да запросто. Одно слово — взяточники. Но год назад по всему Союзу отменили ежеквартальные проверки чиновников на детекторе лжи. Слишком круто, видите ли. Унизительно. Хорошо, мы и без детектора можем, нам хватит малейшего намека. Даже видео не нужно — один микрофончик, одна кассетка. И привет горячий. Здрасьте, господа коррумпированные чиновники, разрешите представиться, старший уполномоченный Агентства социальной безопасности Пэ Гусев. Имеете право оказать сопротивление. Имеете право не называть себя. Имеете право не отвечать на вопросы... Пожалуйте, граждане, на психотропный допрос. А там уж вы сами все расскажете.... М-да. Только вот оперативных данных по Моссовету нам больше не дадут. Все, отрезали».

— Пэ! — требовал Данилов, тряся Гусева за плечо. — Очнись! Ну скажи ты шефу, ты же можешь, я знаю...

— Ничего я уже не могу, — пробормотал Гусев. — Я бы тебе предложил местами поменяться, но ты ведь не захочешь...

На площадке внезапно стало очень тихо.

— ...Да и это тоже не в наших силах, — заключил Гусев.

Данилов отпустил его плечо и сник.

— Разве что... — Гусев оглядел сгрудившуюся на лестнице группу. — Хочешь, я завтра пойду с вами?

— Пэ! Это ты? — раздался из офиса голос шефа. — Никуда ты с ним не пойдешь. Ну-ка сюда давай!

Сокрушенный Данилов выразительно сплюнул через порог, ободряюще ткнул Гусева кулаком в живот и угромыхал вниз по лестнице, увлекая за собой группу. Некоторые из его людей на Гусева с интересом озирались. Все прекрасно знали, что он уже почти месяц околачивается в резерве. Неужели ему нашли-таки ведомых? Это при нынешнем тотальном некомплекте...

Примерно то же думал и Гусев, шагая внутрь офиса и растирая ногой по коврику даниловский плевок.

— Ничего, господа! — ободряюще гудел Данилов на лестнице. — Это ничего. Бывает...

Шеф стоял в коридоре, засунув руки в карманы и раскачиваясь с пятки на носок.

— Пришел? — зачем-то спросил он. — А ну поближе.

Гусев подошел к начальству вплотную, набрал в легкие воздуха и мощно дыхнул.

— Ф-фу! — отмахнулся шеф. — Сколько ты куришь, Пэ? Две пачки? Три?

— Ну, две. А какая разница? Все равно помру.

— Смерть тоже разная бывает. По мне уж лучше схлопотать пулю, чем выхаркивать легкие.

— Что, приходилось? — осведомился Гусев с выражением неподдельного интереса на лице.

Шеф тяжело вздохнул.

— За мной... чудовище, — распорядился он.

Чудовище в ответ вздохнуло еще глубже и очень жалостно, но за шефом последовало.

— Что там произошло у тебя сегодня днем? — бросил шеф через плечо. — С каких это пор ты записался в юные друзья милиции?

— Там нестандартный случай, босс.

— И?..

— Наш случай. Просто милиционер выполнил нашу работу.

— ...и при этом сошел с катушек, — заключил шеф, сворачивая за угол.

Гусев счел за лучшее промолчать.

— Третий нестандартный случай на нашей территории, — сообщил шеф, открывая дверь тактического класса. — Чего встал, заходи.

— За сегодня? — ужаснулся Гусев.

— Да нет, за неделю. Все равно очень много.

Гусев вошел в класс и присел на край парты.

— Убивают преступников на месте? — спросил он. — Да?

— Ну, не всяких, конечно. Тех, кто по идее в нашей компетенции. И если с поличным. В понедельник ночью сняли насильника прямо с какой-то девицы и тут же его... Забраковали. А делать-то грамотно не умеют, не обучены. Так напугали бедняжку, что она теперь из больницы не скоро выйдет.

— Я себе представляю, — кивнул Гусев. — Народные мстители... Забили ногами. Били долго, обливаясь потом и сладострастно хрюкая.

— Циник ты, Гусев.

— Я выбраковщик, шеф. Откуда у меня эмоции? У меня все подавлено к чертовой матери. Взял за ушко, отвел за уголок, посадил в машинку. Был урод — не стало урода. И главное — его жертва не чувствует себя виноватой в том, что урод из-за нее отправляется в брак. Это ведь очень важно — уберечь жертву от комплекса вины.

— Правильно, — кивнул шеф. — Это ты хорошо придумал.

— Да, — сказал Гусев очень ровным голосом, чтобы в нем, не дай бог, не послышался вызов. — Это я придумал.

— А кто спорит? — улыбнулся шеф. — Надеюсь, ты еще не разучился преподавать свою науку молодым.

Гусев коротко мотнул головой.

— Угу, — подбодрил его шеф.

— А я уж думал... — Гусев вдруг сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

— Пока даю одного. Серьезных заказов не жди, так — патруль, мелочевка всякая. Но все равно сможете полноценно работать.

— Да хотя бы патруль! — воскликнул Гусев, разгибаясь. Глаза его слегка поблескивали — он с трудом удержал слезы.

— Потерпи немножко, Пэ, — мягко попросил шеф. — Если верить слухам, объявлен набор стажеров. Я-то думал,

о нас совсем забыли. Но теперь есть основания надеяться... Строго между нами, Пэ, — в город возвращается разная мразь, которая пока отсиживалась на периферии. Тихой сапой начинают тут разведку.

— Чуют нашу слабину? Разным слухам поверили?

— Да похоже. Но мы их возьмем раньше, чем они успеют развернуться. У Мышкина на днях будет спецоперация, Даниле тоже есть заказ. Я думаю, именно поэтому и молодых набирают. Так что будет тебе и тройка, будет и целая группа. Ты думаешь, я совсем тупой? Не-ет, дружище, я тебя очень внимательно слушал. Все это время, что ты молол языком, валял дурака и прочими методами старался предсказывать будущее. Но, кажется, ты ошибся.

— Я... Я должен сделать конкретные выводы? — осторожно спросил Гусев.

— Пока только один. Хватит болтать. Хватит нарываться. Не отсвечивай, Пэ.

— Ну, если я действительно ошибся и нашу контору не прикроют...

— Держи нос пониже, но обязательно по ветру, — сказал шеф многозначительно. — Может, увидишь что-то такое, чего я не замечу. А пока что — готовь тех, кого получишь. Хорошо готовь. Если придет следующее поколение, это будут совсем новые для нас люди. Они ведь настоящего дела не видели и, надеюсь, не увидят никогда. Вот, например, твой будущий ведомый. Славный парнишка, но он даже не очень понимает, каким ветром его занесло в АСБ. И замечательно. Эти... — шеф махнул рукой в сторону лестницы, — слишком хорошо знали, для чего они здесь.

— И теперь их гоняют убивать собак, чтобы они поняли себе настоящую цену? — ввернул Гусев.

Шеф почесал в затылке.

— Черт его знает, — пробормотал он. — Я как-то не задумывался. Знаешь, собаки — это даже неплохо. В конце концов, нашим умникам давно пора слегка утихнуть. Сбавить обороты. Пусть хотя бы раз в жизни почувствуют к себе отвращение. Иначе их уже не наставить на путь истинный.

Гусев коротко глянул на шефа исподлобья.

— Благородные разбойники отстреливают дворняжек... — пробормотал он. — Глупость какая. Вы их только против Агентства настроите. Да еще против себя лично.

— Я, что ли, отстрел собак придумал? — обиделся шеф. — Я просто говорю, что всяким даниловым и прочим мышкиным это может оказаться полезно.

— Сомневаюсь. А насчет отвращения к себе — вообще бред. Выбраковщика, который отработал больше пяти лет, нужно самого браковать. Таков мой диагноз.

— Ну пойди тогда и застрелись, — надулся шеф.

— Со мной случай нестандартный, шеф. Кстати, так это вы меня сдали подполковнику Ларионову? То-то я смотрю, отчего он со мной такой ласковый...

Шеф замялся:

— Ближе никого не оказалось. Ты извини, Пэ.

— Тогда нечего подначивать — юный друг милиции и все такое... Да ладно, я на этом деле бутылку заработал. И покуражился вволю над одним ментом усатым. Знаете, как он меня обозвал? Вождь палачей!

— А ты что?

— А я попросил Ларионова дать его мне в сопровождающие. И этот усатый битый час ходил за мной хвостиком по месту происшествия и все ждал, когда же я ему скажу какую-нибудь гадость. А я взял и не сказал. Бедняга чуть не помер от натуги. В жизни его, наверное, так не презирали.

— Уф-ф... — Шеф помотал головой, что-то соображая. — Не простят они нам. Ох, чую я, не простят.

— Завидуете Железному Феликсу? — поддел его Гусев.

— Это почему? — насторожился шеф.

— Он весьма своевременно помер. Не стал дожидаться момента, когда к нему явится тяжело вооруженная делегация и начнет изо всех сил не прощать.

— Устал я от тебя, Пэ, — сообщил шеф. — Тебя послушать, так ты и этот момент тоже в свое время предусмотрел.

— Естественно. Я очень внимательно изучал историю карательных органов. Причем не только наших. Этот момент наступал всегда. Рано или поздно революционный террор признается исчерпавшим себя. А поскольку при любом терроре невинно убиенных накапливается выше крыши, то есть и отличный повод разобраться с теми, кто террор проводил в жизнь. Доказав их расстрелом свою чистоту. Это просто ротация символов власти, шеф. Закон природы. Так что мне не нужно идти стреляться. Незачем. У меня есть

отличный шанс принять смерть в открытом бою. Уж когда за нами-то придут, мы вдоволь повеселимся, верно?

Шеф внимательно оглядел Гусева с ног до головы.

— Хорош фрукт, — признал он. — И все ты врешь. Только что придумал.

— Ага, — кивнул Гусев с самым невинным видом.

— Издеваешься?! — рыкнул шеф.

— Безусловно.

Шеф вытащил платок и утер потную шею. Невысокий, лысый, с намечающимся животом, он даже выглядел разительным противоречием быстрому в движениях, подтянутому и моложавому Гусеву. А уж насколько они были непохожи внутренне... Иногда Гусев поверить не мог, что вот этот человек — совершенно нормальный человек — начальник его отделения. И такой же ветеран.

Наверное, дело было в том, что шеф занимался кабинетной работой и, по слухам, никогда в жизни не ходил на маршрут. Как загнали его, отставного следователя, в вожди палачей, так он и просидел в кабинете все самые жуткие времена. И Гусев еще, когда был в силе, шпынял его постоянно. «Мало ли, что ты начальник — а у меня зато рукоятка так в ладонь сама и прыгает... И ты, дорогой начальник, прекрасно это знаешь».

— Ну и черт с тобой, — вздохнул шеф. — Потрепались, отдохнули... Называется, отдохнули. Расслабились, мать-перемать. Сиди жди, сейчас ведомого тебе приведу.

— Мне как с ним... не очень? — спросил Гусев. — В свете, так сказать, новых веяний?

— Почему не очень? Как обычно. Все, что понадобится, то и вытворяй. Тебе же с ним на работу ходить, не мне.

— А он иголку уже пробовал?

— Нет. Вот ты и угости. Только учти — судя по характеристике, парнишка резкий. Настоящий ганфайтер.

— Дали бы личное дело почитать.

— Не положено, — мстительно ухмыльнулся шеф.

Гусев поднял глаза к потолку.

— Ну-ну, — пробормотал он. — Интересно, где этого вашего э-э... парнишку натаскивали на пистолет. В спецназе каком-нибудь?

— Нет, в спецназе он с автоматом бегал, и недолго. Думаю, сам натренировался. Он по жизни оружие любит. До армии занимался биатлоном. А сейчас — член сборной Москвы по пейнтболу. И даже кандидат в мастера. Но понял, видимо, что мастера не вытянет, и решил пойти к нам.

Гусев почесал в затылке.

— То, что надо? — понимающе кивнул шеф.

Гусев неопределенно шевельнул подбородком. Современный пейнтбол, когда бои проводятся на очень близкой дистанции, в искусственно построенных декорациях и безо всякого камуфляжа, — это действительно было то, что надо. Да и пейнтбольный маркер по манере обращения с ним здорово походил на штатное оружие выбраковщиков. У «парнишки» действительно могли быть навыки, которые облегчат ему вживание в профессию. За одним маленьким исключением...

— Неплохо. За маленьким исключением. Скорее всего, мой будущий напарник адреналиновый наркоман.

— По-твоему, это намного хуже, чем тихий алкоголик? — вкрадчиво поинтересовался шеф.

Гусев в ответ немедленно выпятил грудь, задрал нос и холодно сверкнул глазами.

— Ладно, ладно. — Шеф сунулся было похлопать Гусева по плечу, но тот от жеста примирения уклонился. — В общем, готовься, я сейчас.

— Зачем спортсмен поперся в выбраковку? — задал Гусев спине шефа риторический вопрос. — Что у него, в раннем детстве бандиты денежку отняли?

— Так он же адреналиновый наркоман! — без тени сарказма напомнил шеф и прикрыл за собой дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Постоянная готовность к самообороне была в те времена главным и необходимым условием выживания. Тот, кто пытался уклониться от борьбы, неминуемо погибал.

Будущий напарник оказался выше Гусева почти на голову и значительно шире плечами. На лице неофита застыла вежливая полуулыбка. Судя по всему, он нервничал. Хо-

тя, как отметил гусевский наметанный глаз, куда меньше, чем мог бы. То ли парень действительно очень хотел стать выбраковщиком и получить от этой работы максимум удовольствия, то ли, наоборот, в свободное от стрельбы время страдал легким добродушием. Ни та, ни другая ситуация Гусева в принципе не устраивала, но лицо молодого человека ему понравилось.

— Итак, — сказал шеф. — Это стажер-уполномоченный Алексей Валюшок. А это старший уполномоченный Павел Гусев. Любить не обязательно, но жаловать — приказываю.

— Леха, — представился Валюшок, протягивая руку.

— Гусев, — лениво бросил Гусев, небрежно сжимая длинные сильные пальцы. Ручка у «парнишки» оказалась тоже дай бог каждому. Хоть сейчас на лесоповал. — Пэ Гусев, суперагент с лицензией на убийство.

— Вижу, — кротко признал Валюшок.

Гусев испытующе оглядел Валюшка с ног до головы и отметил, что задатки у парня что надо. Валюшок совершенно не был похож на выбраковщика. Так, умеренно модный, умеренно интеллектуальный, довольно воспитанный нормальный парень лет двадцати пяти. Все у него оказалось на вид длинное — нос, подбородок, руки, ноги. Длинные волосы, отброшенные назад, лежали на плечах, недельная щетина очень хорошо гармонировала с прической. Этакий мушкетер, скорее всего — Арамис. Уж больно взгляд хитрющий, и опять эта улыбочка. Слегка расхлябанные движения только подчеркивали общую картину, смысл которой сводился к одной фразе: «Я не опасен, даже наоборот». Блестяще. Это может, во-первых, не раз спасти парня от членовредительства, а во-вторых, не отпугнет его будущих жертв. Тех, кого в выбраковке называли емким словом «клиент».

— Ну-ка пройдись слегка, — попросил Гусев. — Вон туда.

Валюшок, похоже, ждал подвоха. Легким качком головы он наметил взгляд через плечо в сторону шефа, но на полпути одумался и пошел куда просили. Довольно скованным шагом и немного ссутулившись. «Растерялся, — понял Гусев. — То-то же. А то уж больно ты в себе уверен, спортсмен».

Шеф неслышно сместился к двери, уходя с предполагаемой линии стрельбы.

— Кру-гом, — негромко скомандовал Гусев, когда Валюшок, пройдя весь класс, уперся в стену носом. — Стой, раз-два.

Валюшок четко выполнил поворот и встал, снова улыбаясь. Не хотел он быть серьезным. Не чувствовал патетику момента.

Гусев достал сигарету, прикурил, выпустил дым и, не оборачиваясь, бросил шефу:

— А действительно ничего.

— И я говорю — ничего, — согласился шеф.

— Валюшок, — сообщил Гусев, — это такой пельмень.

Шеф хрюкнул, Валюшок прищурился. Не агрессивно, типа «давай-давай».

— Даже не пельмень, — развил тему Гусев. — Вареник. Их же обкатывают в муке?

— А я не знаю, — сказал шеф.

— Да и неважно. В общем, валюшок — это такой пельмень, который уже скручен и обвалян, ждет своей очереди в кастрюлю. Симпатичный такой несваренный пельмешек. Эй, Валюшок! Оружие получил?

— Угу, — отозвался Валюшок, на вид совершенно уже обескураженный.

— При тебе?

Валюшок откинул полу куртки, под которой обнаружился пластиковый ложемент с игольником. Висел пистолет удобно, хотя Гусев его немного передвинул бы. Но у Валюшка и руки длиннее.

— Комбидресс нацепил?

Валюшок ударил себя кулаком в грудь, из-под водолазки раздался глухой стук. Парень явно избегал открывать рот, не желая нарваться на следующую подначку.

— Не жмет? Удобно?

— Привыкаю...

Гусев понимающе кивнул. Валюшок должен был к сегодняшнему дню закончить месячный курс тренировок со штатной амуницией. Но, конечно, легкий бронекомплект, на жаргоне сотрудников АСБ — комбидресс, еще не стал его второй кожей. Настоящий-то выбраковщик даже в бу-

лочную не пойдет без брони. Московская улица — это вам не пейнтбольный зал. Мало ли, когда и где честным людям может понадобиться вооруженная защита...

— И как он стреляет? — повернулся Гусев к шефу.

— Я же сказал — ганфайтер, — объяснил шеф, еще немного сдвигаясь к двери. «Подыгрывает ему, — догадался Гусев. — Дает сигнал, что пахнет жареным. Понял уже, что парень мне нравится, и хочет теперь подбросить ему лишний шанс произвести впечатление».

— Хм-м... Эй, Валюшок! Кто такой ганфайтер, знаешь?

— Стрелок, — очень емко, дальше некуда, ответил Валюшок, который сигнал шефа принял близко к сердцу и теперь щетинился невидимыми иглами, как готовый к драке еж. Хотя класть руку на оружие или даже упирать ее в бок не спешил, что Гусев также записал ему в плюс.

«Десять шагов — отличная дистанция. Чаще всего именно на десяти шагах противник нас вычисляет. Ну, посмотрим, насколько хорош стрелок Валюшок. Ты, дружище, сейчас ждешь развлечения и намерен получить от него свой кайф — это заметно. Но и насчет добродушия я не ошибся — как-то в тебе одно с другим уживается. Что ж, хорошо. Развлечение я тебе обеспечу. Запомнишь на всю жизнь. Правда, ты еще не понял, как это окажется больно и унизительно. А мог бы догадаться, ведь у тебя в стволе такая же иголка, как и у меня. Вот поэтому никакой ты еще не ганфайтер, так, просто «ган», один из множества обычных парней, которые любят баловаться с оружием. Ну-с, приступим к обучению».

— Молодец, — похвалил Гусев. — В терминах разбираешься. Значит, так, стрелок. Я тебе сейчас прочитаю короткую нотацию. Что такое нотация, ты не в курсе. Объясняю: нотация — это речь назидательного характера, никак не подкрепленная доказательно. Нотацию обычно читает старший младшему или, как в нашем случае, ведущий — ведомому. А поскольку старший, то есть ведущий, уверен, что его авторитет непререкаем, то место доказательной части занимают голые эмоции. «Ты должен», — говорит старший. И не более того. Поэтому нотации обычно малопродуктивны. Но тем не менее их почему-то все читают младшим и ведомым. Понял?

Валюшок слегка улыбнулся — мол, чего тут понимать-то? И так все ясно.

— Если мы сработаемся, — продолжал Гусев, — то в ближайшее время ты услышишь от меня кучу нотаций. Я буду делиться с тобой опытом, никак его не подтверждая на практике. Ну... Во всяком случае, гарантирую, что мы не будем с тобой специально нарываться. Потому что мне очень хочется, чтобы наша практика расходилась с тем, что я заучил на своей многострадальной шкуре. Но если однажды настанет такой случай, когда моя нотация придется к месту... Ага. Вижу, что понял. Умница. Правильно, у тебя не будет времени что-то вспоминать. Тебе придется мгновенно действовать. Поэтому все мои нотации, будь любезен, проигрывай внутри себя. Представляй визуально, как это было. Пробуй вообразить ситуацию, и внутри ее — себя. Поверь мне на слово — от того, насколько тщательно ты осознаешь смысл каждой моей нотации, будет зависеть твое выживание на работе. И если я скажу: «Так нельзя, здесь не стой, туда не суйся», — твоя задача — не вякать, а подчиняться мне безоговорочно. Да?

Валюшок кивнул.

— Отлично. Тогда слушай нотацию твоего ведущего Пэ Гусева номер раз. Хороший выбраковщик — это живой выбраковщик. А лучший выбраковщик — это долгожитель. Чтобы стать долгожителем, ты обязан всех и вся опасаться. Не бояться, но опасаться. Постоянно ждать, что первый встречный захочет причинить тебе вред. И заранее ненавидеть его за это. Страх за свою жизнь и ненависть к окружающему миру — вот движущая сила выбраковщика. Каждый вор, убийца, вымогатель, насильник на московских улицах — это, конечно, враг народа. Но в первую очередь он твой личный враг. Он угрожает именно твоей жизни. Хочет растоптать именно твои ценности. Он хочет сделать тебе больно. Знаешь, как больно он может тебе сделать? А вот как...

После такой затянувшейся прелюдии Валюшок уже просто обязан был прыгнуть и упасть за парту. И он прыгнул-таки, одновременно вырывая из кобуры пистолет. Но Гусев его переиграл. На протяжении всей «нотации» он размеренно жестикулировал левой рукой с зажатой в ней сига-

ретой. И Валюшок попался. Нет, конечно, не на простейший гипноз, а на сам факт гипнотического воздействия. Он начал размышлять, как именно его пытаются сбить с толку. Напрасно. Этого-то противник и хотел.

Рассевшийся на столе выбраковщик был в невыгодной позиции, но пока Валюшок падал и выбрасывал перед собой руку с пистолетом, Гусев от бедра дал короткую очередь по ногам. Валюшок грохнулся об пол с таким звуком, будто задался целью проломиться на этаж ниже. После этого монументального падения негромкий стук вывалившегося из руки оружия прозвучал чуть ли не музыкально.

— Надеюсь, башку не расшиб, — заметил шеф. — А видал, как он?..

— Подыгрывать не надо было, — сварливо ответил Гусев, засовывая игольник на место.

— Это кто подыгрывал? — возмутился шеф. — Ты сам и подыгрывал! Да он заждался уже, когда ты наконец соизволишь поиграть с ним в Клинта Иствуда!

— Заждался и перегорел, — заметил Гусев, слезая с парты и доставая чехол с аптечкой.

— Слушай, Пэ, — задумался шеф. — Ты на работе тоже клиентуре лекции закатываешь?

— Интересное кино! А что такое «птичка», по-вашему? Ее же читать секунд тридцать! Одно спасение — игольник уже у клиента в ухе. Как правило...

Они пересекли класс и остановились над лежащим в углу бездыханным телом. Голову Валюшок себе не расшиб, но вид у парня оказался неважнецкий. Парализатор мгновенного действия не мешал ему дышать, и глаза жертвы тоже слегка шевелились. Боли в этих глазах оказалось столько, что шеф поспешил отойти подальше.

Гусев присел на корточки, отыскал на бедре у Валюшка желтое пятнышко хвостовика-стабилизатора, осторожно потянул за него и вытащил иглу.

— Одна из трех, — сказал он. — Надо было ниже брать. Парта дурацкая помешала. Ничего, Леша, потерпи. Так надо, сам понимаешь.

Валюшок страдальчески всхлипнул. За месяц тренировок ему, как положено, рассказали про выбраковку все, что можно. Но фирменный гусевский приемчик в стандартный

набор не входил. Более того, никто о нем и не знал, кроме шефа и тех, кто вместе с Гусевым работал. Случись Гусеву или его ведомым проболтаться, Агентство устроило бы своему эксцентричному ветерану настоящий остракизм. Скорее всего другие ведущие и командиры групп не без основания сочли бы Гусева законченным подонком. Не говоря уже о том, что никакой педагогикой здесь и не пахло, а вот психопатия цвела махровым цветом. Учить ведомого жизни, стреляя в него, значит навсегда поселить в душе человека ту самую боязнь пополам с ненавистью, о которой Гусев только что распинался. Правда, направлена была бы эта сильная эмоция не против окружающего мира, а против самого ведущего.

Но Гусев считал иначе.

— Вот теперь, — сказал он, доставая шприц с антидотом, — ты знаешь, коллега, что тебе предстоит делать с людьми. Со всяким отребьем, с нравственными уродами, с врагами общества и лично твоими врагами. Но все-таки с людьми, способными кое-что чувствовать. Ты будешь направо и налево раздавать боль. Жуткую боль. Невыносимую.

Он ввел парализованному лекарство и широко улыбнулся.

— Сейчас отпустит, — пообещал он. — И если ты к этому моменту не передумаешь, то милости просим в наше скромное Агентство социальной безопасности. Знаешь, как меня на днях один милиционер обозвал? «Вождь палачей», вот как. А я, дурак, все думал, что последний из могикан.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Стокер действительно погрешил против истины: Влад не питался кровью своих подданных, предпочитая менее экзотические блюда. Однако свое прозвище он носил более чем заслуженно.

Патруль им достался самый «урожайный» — с восемнадцати до двух ночи, это Гусев нарочно попросил. Валюшок явился на инструктаж в положенное время, был тих, скро-

мен и по сторонам лишний раз не оглядывался. Хотя посмотреть было на что — сегодня по центру города заступала группа Мышкина и еще четыре тройки, одна другой колоритнее. И все сидящие в классе, разумеется, нет-нет да бросали взгляд на новичка. Без комментариев вслух, но с откровенной тоской. Внешность и манеры новоиспеченного выбраковщика для ветеранов свидетельствовали об одном — АСБ вырождается. Сегодня в классе собрались матерые волки, этакие шерифы без страха и упрека, привыкшие к тому, что они — персонифицированный Закон. Люди, безоговорочно уверенные в том, что, если бы не их желание до последнего вздоха служить обществу, мир бы точно рухнул.

Валюшок, по их понятиям, даже на помощника шерифа не тянул. Не было у него в глазах безоговорочной готовности по первому зову бросаться на выручку добрым гражданам. Вот хоть ты тресни — не было. Так, еще один молодой дурак, решивший, что ему на работе позволено будет вволю покуражиться. Ну и, разумеется, ощущать себя более защищенным от всяческих неожиданностей в обычной жизни.

Гусев, который эту повисшую в воздухе легкую неприязнь отлично чувствовал, на всякий случай поймал взгляд сидевшего неподалеку Мышкина и ему подмигнул. Но Мышкин только неопределенно двинул гигантской нижней челюстью и отвернулся.

«Тем лучше, — подумал Гусев. — Значит, у парня будет меньше шансов сдружиться с нашими бравыми паладинами и нахвататься от них всяких глупостей. Вон тот же Мышкин на днях нес какую-то околесицу насчет господствующей расы и ее великого предназначения. Наверное, это лозунг «У нерусских не покупаем» так на него подействовал. Жутко внушаемый этот Мышкин. Прочтет какую-нибудь шизоидную книжку и тут же заделывается апологетом новой веры. Сначала он был убежденный йог, потом жуткий антисемит, в прошлом году из церквей не вылезал, а теперь, по-моему, в нацисты метит. А у него ведь, извини-подвинься, почти тридцать человек, и всем им он постоянно мозги компостирует... Может, подарить ему что-нибудь про экстрасенсорику? Действительно, пусть откроет в себе волшебный дар ясновидения и общается с Космосом. Хотя нет, опасно — вдруг ему прямо из недр мироздания какая-нибудь чушь послышится...»

— ...и обязаны немедленно прибыть в указанную точку, — привычно бубнил шеф. — Также прошу обратить внимание на особую корректность в общении с сотрудниками МВД. Не далее как вчера один из бойцов группы... неважно, какой группы, позволил себе грубость и нетактичное поведение. С этим надо кончать. Хотя по статусу Агентство и находится в равных условиях с МВД, тем не менее одна из наших основных задач — всемерная и неукоснительная поддержка...

— Пусть тогда сами дворняг отстреливают, — прогудел Мышкин. — Если, значит, в равных условиях. А то, короче, совсем обнаглели, взяли моду языки распускать. Мне все Данила рассказал, не извольте сомневаться.

Шеф смерил Мышкина оценивающим взглядом.

— Чтобы это — в последний раз! — процедил он.

— Я больше не буду, — пообещал Мышкин вызывающим тоном. В классе одобрительно захихикали.

— А ты что, тоже в милиционеров камнями бросаешься? — удивился шеф. — И еще забраковать обещаешь?

— А-а... Никак нет, товарищ начальник. Я по поводу, так сказать, выкриков с мест. Но если, значит, какого мента надо забраковать — милости просим. Как говорится, перед законом все равны.

— Но некоторые равнее других, — негромко ввернул Гусев.

Все головы в классе словно по команде обернулись к нему.

— Вы на что намекаете, товарищ Гусев? — прошипел начальник отделения.

— Я ни на что не намекаю, шеф. Я просто говорю, что АСБ в принципе стоит над законом. Но из этого вовсе не следует, что мы должны стрелять в бродячих собак. Дворнягами обязаны заниматься органы санэпиднадзора. Их что, упразднили? Или в городе ни одной двуногой сволочи не осталось? Мы что, получается, всех гадов уже поубивали? Может, я тогда домой пойду?

— Гусев, — сказал шеф подчеркнуто ровным голосом, что предвещало мощную истерику. — У тебя не язык, а по-

мело. Но это еще не значит, что ты самый умный. Хочешь на мое место? Ах, не хочешь...

— На место каждой убитой нами московской дворняги тут же приходит от трех до пяти собак из-за городской черты, — сказал Гусев. — Я вчера позвонил своему приятелю-зоологу, и он мне все очень хорошо объяснил. Думаю, наверху это тоже знают. А еще в головном офисе знают, что стрелять по невинным существам выбраковщики не приспособлены, для них это шок. А в особенности — когда мимо идут наши славные чистенькие незамаранные менты и отпускают ехидные комментарии.

— Мол-чать! — рявкнул шеф. — И после инструктажа — ко мне в кабинет. Оба! И ты, Калинин, тоже!

— Я просто зевнул, — сообщил Калинин.

— Мол-чать! Значит, так. Приказ. С этого дня. Кто поднимет руку на милиционера — в патруль навечно. Пожизненно! Никаких больше специальных операций, никаких премиальных, ни-че-го! Все. Разойтись! Мышкин и Гусев, ко мне!

— А я? — поинтересовался Калинин, демонстративно зевая.

— А ты пошел на маршрут!

— Yes, Sir!

— Что?!

— Будет исполнено, ваше благородие!!!

— Вон отсюда!!! — заорал шеф. — Все! Бегом! Негодяи! Разгильдяи! Всех на мясо! К бандитам в рудники! На лесоповал!

Выбраковщики дружно повскакали с мест и ринулись к выходу из класса.

— Не уходи, — сказал Гусев на ухо Валюшку. — Посиди здесь. В уголок вон отойди и сядь. Я быстро.

Валюшок кивнул и растворился в бурлящей у двери хохочущей толпе. Кричащего и визжащего начальства здесь не боялись. Здесь боялись начальства спокойного и хладнокровного, готового тебя забраковать.

В кабинете шеф несколько минут топал ногами и плевался, а потом устал, рухнул в кресло, утер лысину грязноватым платком и неожиданно спокойным тоном спросил:

— Гусев, это что, правда?

— Насчет чего? — не понял Гусев.

— Насчет собак.

— А-а, разумеется. Город не может прокормить больше определенного числа животных. А если даже вывалить всю еду на помойки, так у каждой стаи все равно есть четко очерченный ареал. Ну, зона обитания. Поэтому число собак в Москве — более или менее постоянная величина. Просто иногда стаи наглеют и слишком часто попадаются на глаза. Тогда их начинают отлавливать, чтобы пейзаж не портили. Но стоит выбить одну собаку, как тут же освобождается ниша. Занять которую мечтает несколько псов, ошивающихся за Кольцевой. Они бросаются в город и начинают бороться за эту нишу. Ослабленная потерей бойца стая не может им эффективно противостоять, и в конце концов в нишу втискивается минимум двое... И так далее. Короче говоря, проще всех сук переловить и спирали им поставить. Лет на пять никаких проблем...

— Спирали?!

— Ну, я не знаю, как это у собак делается, я образно.

Шеф задумчиво поскреб лысину.

— В городе денег сейчас завались, — поддержал Гусева Мышкин. — Так сказать, девать некуда. Могли бы давно наладить такую программу. И короче, Пэ совершенно прав — куда девалась санэпидстанция?

— Вы на все готовы, лишь бы не перетрудиться, — съязвило начальство. — Даже собачьими гинекологами заделаться.

Мышкин и Гусев переглянулись. Видимо, перспектива ловить дворовых сук и делать им операции как-то не приходила им в голову.

— А хоть и гинекологами, — заявил Мышкин. — Лишь бы, так сказать, не убийцами.

Шеф посмотрел на Мышкина косо, но промолчал.

— Напишите запрос, — предложил Гусев. — В Комитет по экологии Верховного Совета. То есть не вы лично, конечно, а пусть главный по Москве напишет. Подбросьте ему идею.

Шеф подергал носом и сдался.

— Попробую, — сказал он нехотя.

— Это же, так сказать, нарочно делается, — понизив бас до шепота, сообщил Мышкин. — Короче, сегодня дворняжки, а завтра что? Каждому по метле?

— Метел не дадут, — авторитетно заявил Гусев. — Ты забыл, в городе уже по четыре дворника на подъезд. Скоро тротуары с мылом будут мыть, как в каком-нибудь, блин, Антверпене. Когда ты в последний раз видел под ногами окурок?

Мышкин глубоко задумался. Шеф, сопя, открыл ящик письменного стола и достал сигареты. Наверное, подействовало напоминание об окурках.

— Между прочим, коллеги, — сказал Гусев. — Меня только что осенило. Я ведь, кажется, догадался, почему санэпиднадзор так распустил дворняг, что их пора ставить на место.

— Я тоже, — хмыкнул шеф. — Ладно, свободны. Но впредь! Чтоб никаких. Ясно?

— Есть! — в один голос отрапортовали выбраковщики.

— И не сметь перебивать старшего по должности!

— Так точно!

— Несите службу.

— Разрешите идти?

— Брысь.

За дверью Мышкин тяжело хлопнул Гусева по плечу, чуть не вколотив его этой лаской в пол по колено.

— Молодец, Пэ, — сказал он. — Спасибо за поддержку. Вижу, значит, не заржавел. А то разное про тебя... Да! Короче, так что там насчет санэпидстанции?

— Мы же всех сумасшедших забраковали, — потирая ушибленное плечо, объяснил Гусев. — И очень жестко. А ты представь себе, что за типы работали собаколовами! Они сейчас либо в земле, либо в клиниках. И тех, кто подлечится, уже на живодерку не потянет.

— Получается, мы себе на задницу, так сказать, проблему создали?

— Да нет. Тут одно из двух. Либо ты прав, и это нарочно делается, чтобы Агентство расшатать...

— Нерусских очень много во власть пролезло, — пожаловался Мышкин. — На кого ни глянь — то, значит, почти еврей, то настоящий еврей, то вообще, так сказать, жидяра

пархатый. Вот бы их самих в живодеры! А еще лучше — в брак!

— ...либо о нас просто слегка подзабыли, — закончил мысль Гусев. — Забыли, что мы из себя представляем. Не знают, куда приткнуть. Агентство страну подчистило — дай бог. Работы почти не осталось, да и клиентура измельчала. Если сейчас кто-то снова голову поднимет, это все равно капля в море. Менты и без нас справятся. И встает интересный вопрос — а что с нами делать?

Он не стал объяснять, насколько многогранно его видение проблемы и как укладываются в эту концепцию участившиеся случаи милицейского произвола и многое, многое другое. С Мышкиным нужно было изъясняться коротко и четко, иначе громила переставал слушать и уходил в себя.

— Короче, разгонят нас, — вздохнул Мышкин. — Или... Ты чего так смотришь, Пэ?

— Да нас попросту забракуют, — сказал Гусев.

— Типун тебе на язык! А на фига тогда Агентству молодых набирать?

— А вот они нами и займутся! — ляпнул Гусев и сам задохнулся от нахлынувшего вдруг ужаса. «Черт побери! Это называется — осенило».

— Как вот дам по шее! — рявкнул Мышкин.

— Не надо. Пока не за что.

— Тьфу! — Мышкин угрожающе потряс лапой над затылком Гусева. — Короче, ты меня так больше не пугай. Я теперь неделю спать не смогу. Я, так сказать, мнительный ужасно. Зар-раза... Ладно. Ты сегодня без места?

— Да, я в свободный полет, мне ведомого обминать надо.

— А хотя бы приблизительно?

— Треугольничком возле офиса. Новый Арбат, Смоленская, Арбат, по Бульварам слегка.

— Значит, так сказать, пешком. Хорошо. Значит, Пэ... Короче, в ноль часов жду тебя на стоянке у памятника Маяковскому. Уже чтоб был на машине. Приезжай, ладно?

— Интересное кино, — пробормотал Гусев. — С чего бы это вдруг?

— Значит, нужен, — коротко ответил Мышкин.

— А куда я ведомого дену?

— С собой бери. Это ничего. Заодно, так сказать, и обомнется, хе-хе...

— Ладно... — протянул Гусев задумчиво. — Считай, договорились. Хотя, если честно, не ожидал. Думал, меня уже все, в пенсионеры записали.

— Тебя не забыли, — сказал Мышкин твердо. — Ну, пока. Живи!

— Живи, — отозвался Гусев старым, почти забытым прощанием выбраковщиков, уходящих на работу.

— Да, вот еще! — Мышкин что-то вспомнил и обернулся. — Меня тут те, которые помоложе, донимали, так сказать, почему нашу формулу называют, значит, «птичкой». Я не стал говорить, правильно? Незачем. Ага?

— Правильно, — кивнул Гусев. — Похоже, ты действительно ничего не забыл.

Мышкин подмигнул, махнул рукой и пошел к выходу, откуда доносились голоса его подчиненных. Гусев свернул в тактический класс.

В углу Валюшок, закинув ногу на ногу, листал какую-то брошюрку.

— Это что у тебя? — спросил Гусев. — Устав внутренней службы?

— Да нет. — Валюшок поспешно убрал брошюру в карман и встал. — Это памятка.

— Забудь, — усмехнулся Гусев. — Будет тебе сегодня памятка, мало не покажется. Идемте, агент Леха Валюшок. Поздравляю вас с первым выходом на маршрут.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Надо отдать Тепешу должное — в своем палаческом усердии он не давал поблажки никому, независимо от национальности или общественного положения.

— Мы разве без машины? — удивился Валюшок, когда Гусев, выйдя из подъезда, сунул руки в карманы и, пыхтя сигаретой, бодро направился в сторону Арбатской площади.

— Подумай, — бросил Гусев через плечо, не останавливаясь.

Валюшок догнал ведущего и пристроился рядом. От дальнейших расспросов он воздержался — то ли решил сойти за умного, то ли попросту опасался лезть, что тоже свидетельствовало о присутствии некоторого интеллекта.

Гусев докурил, небрежно выплюнул окурок в подвернувшуюся урну, промазал и, раздраженно кряхтя, отправился подбирать бычок с асфальта и водворять его куда положено.

— Здесь пешком везде два шага, — снизошел он до объяснения. — А на машине сплошная пробка. Ничего, ближе к ночи покатаемся.

На автостоянке, примостившейся по-над стеной тоннеля, уходящего под Новый Арбат, двое мусорщиков со своим «полотером» усердно вылизывали асфальт, и какая-то смурная небритая личность с сизой физиономией ковырялась в парковочном счетчике. Гусев свистнул. Его проигнорировали. Выбраковщик перешел дорогу и легонько ткнул небритого пальцем в бок.

Небритый чуть ли не со скрипом повернулся к Гусеву, обнаружив при этом на груди форменный жетон, а на молодом еще пропитом лице — выражение полнейшей отрешенности.

— Привет, — сказал Гусев. — Ты в порядке?

— А-а... — пробормотал небритый. — Здорово. Да какой, бля, порядок. Гибель. Похмелиться-то нельзя, выгонят. А я вчера именины отметил. Как нае... В общем, как начал, так и кончил. А что делать, если у меня тормозов нету? Спасибо, не буйный.

— Ну и ну! — восхитился Гусев. — Интересно, что с тобой бывает после дня рождения...

— На день рождения теща заходит, она меня придерживает слегка.

— А жена, значит, тоже без тормозов...

— Накрылась у меня жена, — вздохнул небритый. — Два года уже как. За наркоту.

— Хм-м, соболезную, — протянул Гусев без тени сочувствия в голосе. — Чего ж ты на ней женился? Знал же, чем кончится.

— Думал, справимся как-нибудь.

— С этим не справляются, это лечат. Но мало кому по-

могает. Ладно. Как я вижу, ты мне ничего интересного рассказать не хочешь.

— А у нас с того раза все тихо. Форменный коммунизм, не на кого стукнуть.

— Но ты посматривай все-таки.

— Будь уверен, начальник. Как только, так сразу.

— Про жену твою узнать? Может, вернется еще.

Небритый перекосился в ухмылке.

— Не смеши, начальник, — попросил он. — Что ж я, не понимаю...

— Как раз не понимаешь. Всякое бывает.

— Даже если и так — шла бы она...

— Тебе виднее. Ну, пока.

— Бывай.

Мимо проехал, тихо жужжа, «полотер». Один из мусорщиков сидел за рычагами, второй шел следом, придирчиво оценивая результат. Асфальт за машиной разительно менял цвет. Его будто бы только что положили. Видно было, что моющие средства эта пара не экономит.

— Вы чего так стараетесь? — спросил Гусев. — Начальство ждете?

— Да не, — сказал пеший. — Просто хочется, чтоб было красиво.

— Скоро чихнуть на улице нельзя будет, — пробормотал Гусев себе под нос. — Сразу прибегут двое с лопатами и один с ведром. Где их только набирают, этих маньяков...

— А мне нравится, — сказал Валюшок.

— Мне тоже, — согласился Гусев. — Я просто на самом деле боюсь однажды выволочку схлопотать за то, что жвачку мимо урны выплюнул.

Они снова пересекли дорогу.

— Слушай, — вспомнил неожиданно Валюшок. — А что ты говорил, будто наркомания лечится? Ее же больше не лечат у нас. Или все-таки...

— Опытный психотерапевт может вылечить наркомана. Разумеется, не всякого. И потом, это очень кропотливая и долгая работа. Но в некоторых случаях наркомания поддается лечению. Причем медикаменты здесь не главное. Быстрая детоксикация занимает, по-моему, часов десять или двенадцать. А психологическая зависимость все равно остается. Важно устранить причины, по которым наркоман хочет уйти из реальности. Садится на иглу только тот, кому положено на нее сесть. Кому очень нужно.

— А кому не нужно? — тут же спросил Валюшок.

— Тот и не садится.

— А кому э-э... не очень нужно? — не унимался Валюшок.

— Того после диагностики оставляют в живых и гонят в рабочий лагерь. Поэтому я и сказал, что некоторые в принципе смогут вернуться. Лагерь — не каторга, выжить можно... Несчастными забитыми животными с навеки потухшим взглядом, но они вернутся. И им уже ничего не понадобится, в том числе и наркотиков. Расслабься, Леха. От наркоты только одно верное средство, которое помогает всем, — пуля в голову.

У табачного киоска возле «Праги» Гусев притормозил и заглянул в окошко.

— Как дела? — спросил он.

— Вашими заботами, — сообщили ему из-за витрины.

— Больше не приходили?

Валюшок ответа не расслышал. Гусев довольно хмыкнул.

— Если что — тут же звони, — сказал он продавцу. — И не в милицию, а сразу к нам. С тебя «Кэптэн Блэк». Нет, не эти. Мне темные, с ароматизатором.

На прилавок легли сигареты. Одну сторону пачки целиком закрывала белая наклейка с крупной надписью «ТАБАК УБИВАЕТ».

— Ого, — пробормотал Гусев. — Началось. Как ты там сидишь, бедняга, к тебе же все пачки на витрине этой стороной повернуты...

— Ужас, — согласился продавец. — До костей пробирает. Брошу курить на фиг. Хорошо еще на водке не догадались какую-нибудь пакость написать.

Гусев сочувственно кивнул, расплатился, положил сигареты в карман и обернулся к Валюшку. Выражение лица у Гусева оказалось неожиданно злое.

— Не озирайся так по сторонам, ты, рейнджер недоделанный... — прошипел он. — Витрина не хуже зеркала, все отлично видно.

— Виноват, — пробормотал Валюшок.

— Запомни на будущее. Тебя из-за этого мотания головой могут принять за моего охранника, причем за хорошего охранника, потому что ты на телохранителя совершенно не похож. А нам это надо? Я еще пожить хочу, да и тебе советую. Ты не осматривай пространство хозяйским глазом, а живи в нем. Ну, если очень хочется озираться — делай это небрежно и беззаботно. Мы не патрулируем территорию, мы просто идем сквозь нее по своим делам.

— Понял.

— Молодец. Пошли.

Чисто выскобленные ступеньки вели под Новый Арбат, на ту сторону. Под землей, у стеклянных дверей перехода, стоял небольшой столик, заваленный разнокалиберными плюшками и напитками. Возле столика двое милиционеров, добродушно посмеиваясь, копались в товаре. Продавец широко улыбался.

У противоположной стены очень кстати обнаружилась урна. Гусев тут же к ней пристроился и начал распечатывать сигареты. Пачка ему досталась строптивая, и обертка улетела в мусор не раньше, чем нагрузившиеся провиантом милиционеры отошли от столика. Гусев отловил их уже на ступеньках.

— Сдается мне, сержант, что этот продавец тебя подставить решил, — ласково сказал он на ухо одному из них.

Сержант оглянулся, подпрыгнул и уронил себе под ноги ватрушку. Его напарник тоже ощутимо переменился в лице. Потому что Гусев слегка распахнул куртку, и на груди его ярко переливался всеми цветами радуги голографический значок АСБ.

— А в чем дело? — поинтересовался сержант.

— А в том дело, сынок, что этот тип меня отлично знает. И он видел, что я рядом. Но все-таки позволил тебе уйти, не заплатив.

— Да я платил! — возмутился сержант, рассовывая по карманам банки с водой. — У меня свидетели есть. Какого черта! За кого ты меня принимаешь?!

— Я тебя принимаю за молокососа, который здесь ходит не больше недели. Иначе бы я тебя помнил. Кстати,

вымогатели доморощенные, ну-ка удостоверения мне предъявите. Леха, продавец удрать пытается. Останови.

Валюшок сбежал по ступенькам вниз и ухватил исчезающего в подсобке лоточника за воротник. Милиционеры, наливаясь кровью, вытащили документы.

— Та-ак... Сержант Логинов. Младший сержант Козырев. — Гусев снял с пояса трансивер[1]. — Центральное! Это Гусев. Ну-ка проверь мне двух юных блюстителей закона... — Он продиктовал фамилии, звания и номера. — Жду. Та-ак... Ну, их счастье. — Он спрятал рацию, вернул милиционерам документы, вытащил блокнот и что-то записал. — Ну так как, молодые люди, простить вас на первый раз или будете права качать?

Сержант затравленно посмотрел на лоточника, которого Валюшок развернул лицом к событиям. Лоточник нагло ухмылялся.

Напарник сержанта вдруг переместился на шаг, заслоняя Гусева от прохожих. Гусев с неподдельным интересом огляделся по сторонам. Валюшок, напротив, встревоженно сунул руку за пазуху.

— Неудобно, — объяснил милиционер. — Люди смотрят.

— А денежки не платить — удобно?

— У нас с собой не было денег, — выдавил сержант. — Мы собирались заплатить позже.

— Значит, так, молодые люди. Или платите деньги, или возвращаете товар. За это, — Гусев ткнул носком ботинка ватрушку под ногами, — с вас тоже причитается. И учтите — вы уже в картотеке. Официальное предупреждение за вымогательство.

Сержант опять посмотрел на лоточника. Тот опустил глаза.

— Как же вам не стыдно, а, ребята? — спросил Гусев. — Это же надо — с какого позорного эпизода службу начинаете! А люди, вот эти простые добрые люди, перед которыми вам неудобно, они же надеются на вас. Думают, вы

[1] Трансивер — мобильная приемопередающая многодиапазонная радиостанция (полное описание см.: «Комментарии»).

их защищать будете, помогать им... А вы их вместо этого обираете.

— Да он сам нам это в руки сунул! — прошептал сержант. — Он познакомиться хотел, решил сделать подарок...

— А вот этой версии я вообще не слышал, — отрезал Гусев. — Потому что она еще страшнее.

— Да ты спроси его!

— Нет проблем. — Гусев спустился к лоточнику. Милиционеры пошли следом, в их глазах читалось откровенное желание дать выбраковщику по голове и нарисовать потом в отчете самооборону. Они действительно были совсем молодые и еще очень неопытные. От ошибочных действий их удерживала только рука у Валюшка за пазухой и его прицеливающийся взгляд.

— Здорово, провокатор, — сказал Гусев лоточнику.

— Здорово, гестаповец, — весело ответил тот.

— Ну, рассказывай, как дело было.

— Да как всегда бывает. Подошли типа познакомиться. Ну, туда-сюда, потом говорят — мы возьмем? Я говорю — берите. Вот и все.

— Скотина! — беспомощно взвыл сержант. — Да я тебя... Врет он все, гнида мелкая! У меня свидетель есть!

— Леха, отпусти человека, — скомандовал Гусев. — Пусть торгует. Ну вот что, детишки. Либо вы делаете, как я сказал, и остаетесь дальше служить с первым и последним официальным предупреждением. Из центра вас, конечно, погонят, будете какое-нибудь Ново-Ебенёво окучивать. Но это все-таки лучше, чем к уголовникам в рудники. Либо вы пытаетесь что-то мне доказать. Тогда я вам прямо сейчас зачитываю «птичку», вызываю «труповозку», и дальше беседовать вам придется уже не с добрым выбраковщиком, а с очень свирепым дознавателем. Пять минут психотропного допроса, и вся правда налицо. Так что же?

На ступенях раздался слоновий топот, и между Гусевым и приунывшими милиционерами вклинился еще один сержант, только пожилой, усатый и грузный.

— А-а! — обрадовался Гусев. — Так это твои гаврики?

Пожилой одним взглядом охватил место происшествия и поставил диагноз.

— ... ...! — сказал он. — На минуту оставить нельзя! Посрать отойти невозможно! Сразу же ... ...!

— Безусловно, — поддержал его Гусев. — Редкостные идиоты. Тут, понимаешь, одно из двух. Либо взятка, либо рэкет. Я, конечно, рэкет нарисовал. Зафиксировано предупреждение. А они ломаются и хотят к дознавателю на растерзание.

— ...! — сообщил молодым пожилой.

— В общем, ты их забираешь и учишь жизни. А я иду своей дорогой. Так?

— Я их так научу!.. — вполголоса заорал пожилой. — Да вы же меня, уроды, просто ... ...!

Судя по виду пожилого, расстроен он был донельзя. Не столько взбешен, сколько именно расстроен. Действительно, ситуация дичайшая — он ненадолго оставил подчиненных, и за это время они его макнули в дерьмо по самую кокарду.

— Ерунда, ты-то отмажешься, — утешил его Гусев.

— Как бы не так! — отмахнулся пожилой. — Мне теперь... У-у, ...!

— Ну, мы пошли, — сказал Гусев. — Всего наилучшего.

Валюшок прощаться не стал, только руку из-за пазухи вытащил.

Лоточнику Гусев сунул под нос кулак.

— А что я неправильно сделал? — возмутился тот.

— Это так, для профилактики. Я же не слышал, о чем у вас был разговор. Может, ты их сам подтолкнул.

Лоточник закатил глаза, воздел руки к небу и длинно выматерился, не хуже пожилого сержанта. Из тирады следовало, что он еще не окончательно сошел с ума и скорее готов согласиться на опасный для жизни нетрадиционный секс, нежели дать взятку официальному лицу — как в процессе отправления указанным лицом должностных обязанностей, так и при иных обстоятельствах.

— И все-таки следи за собой, будь осторожен, — напомнил ему Гусев, удаляясь в переход.

Лоточник проводил его неприличным жестом.

Милиционеры уже скрылись, так и не вернув награбленное. Вместо них на ступенях появилась дородная некрасивая мусорщица в оранжевой куртке. Она подняла об-

роненную молодым сержантом ватрушку и задумчиво оглядела ее со всех сторон.

— Да выбрось! — крикнул ей лоточник. — Иди сюда, я тебе пирожок дам... Так уж и быть, с мясом.

— А почему рэкет — не так страшно, как взятка? — спросил Валюшок, когда они с Гусевым поднялись на другую сторону Нового Арбата и неспешным шагом двинулись вдоль зеркальных стен почтамта.

— Взяточничество предполагает сговор двух сторон. И если одна из сторон немедленно не стукнула в милицию или АСБ, потом дело можно очень сильно раздуть. Сегодня они у него плюшками баловались, завтра он их попросит своего хозяина припугнуть. Ну и так далее. А вот если к тебе подходят, забирают товар и не платят — это одностороннее нарушение, к тому же без перспектив развития — теоретически. Ничего, Леха, разберешься. Нам специально оставили несколько таких «вилок», на первый взгляд дурацких. Чтобы можно было с людьми эффективнее работать.

Валюшок согласно кивнул.

— Как-то они по-детски совсем...

— Дураки. Ты что думаешь, этот старый прожженный мент их не учил? Еще как учил. В первый же день объяснил — упаси вас господи, ребята, хоть одну конфетку у кого-нибудь взять. Потом всю жизнь не отмоетесь. Ребята сказали «да». Но, оставшись без присмотра, все-таки решили хотя бы разок попробовать, так ли сладка халява, как ее малюют. Им же, щенятам, позарез нужно самоутвердиться, почувствовать себя большими и страшными. А подтверждение твоей величины может быть самым разным. Для большинства людей хватит и бесплатной плюшки. Кстати, ты не голодный?

— Они даже не пытались толком оправдаться... — переживал Валюшок. — И психологического сопротивления тоже никакого. За спиной только у тебя, когда ты повернулся...

— Да, я по твоим глазам понял. На какой-то миг ребятам очень захотелось треснуть кое-кого дубиной по затылку. И ты все правильно сделал. Хвалю. А насчет оправдания... Гипноз ситуации. Слышал?

— Угу.

— Сам не испытывал? На себе? А некоторые из наших испытали и очень потом ругались. Мы ведь этих двоих почти что взяли с поличным. Считай, за руку схватили. Тут нужно быть законченным подлецом, чтобы мгновенно перестроиться. Мошенники профессиональные это умеют. У них переключение за доли секунды происходит. Был у меня случай...

Гусев закурил. Лицо его вдруг неприязненно скривилось — наверное, случай был печальный. Валюшок с интересом ждал продолжения.

— В общем, брали мы на живца парочку негодяев. Они тонко работали, гады. Один идет и как бы невзначай роняет человеку под ноги пачку денег. «Куклу», разумеется. Если человек ее не берет, тут же рядом оказывается второй, подбирает ее, заглядывает жертве в глаза и спрашивает шепотом — что делать-то? И дальше у жертвы выхода нет. Даже если она кричит: «Эй, мужик, ты деньги потерял, а этот поднял», все равно не уйдет. Там был десяток вариантов, как выставить человека виноватым и подвергнуть обыску. Если что — подбегали тут же остальные члены банды, становились вокруг, кричали — мы свидетели, он твои бабки взял... Сам понимаешь, бросали «куклу» человеку, у которого в кармане много денег. Вычисляли в обменных пунктах, когда те еще были, потом стали по магазинам в бумажники заглядывать. И представь себе, запасными вариантами банда пользовалась очень редко. Потому что двое из трех потерпевших обычно соглашались с провокатором добычу поделить. Жадные мы все до ужаса. Наш парень, который наживкой работал, говорил потом — ничего не бойтесь, люди, а бойтесь вот этого пакостного желания хапнуть чужих деньжат. Когда тебе мерзавец в глаза заглядывает и предлагает разделить ответственность на двоих, ты ведь не становишься от этого мерзавцем. Ты думаешь, что тебе просто очень повезло. Может человеку раз в жизни повезти? Считается, что может. Должно.

Гусев умолк.

— И что дальше? — подтолкнул его Валюшок.

— Да все, что угодно. Если жертва доставала свои деньги, их тут же пересчитывали и возвращали с извинениями. Разумеется, незаметно уполовинив пачку. Хотя могли бы и просто ограбить. Но сам понимаешь, разбой и мошенничество очень разные статьи, а такое ловкое мошенничество к тому же сложно доказать. Против него обычный закон бессилен, только АСБ справится. Ну, менты и дали наколку Центральному. Так вот, мы когда взяли этих ублюдков, они нам целый спектакль закатили... Не Москва, конечно, но областной какой-нибудь драмтеатр за таких актеров дорого дал бы. А я смотрю на того, который с деньгами работал, и думаю — черт побери, ведь из тебя, идиота, вышел бы отличный фокусник. Выступал бы на сцене, народ бы тобой восхищался... А ты — вот как. Обидно до невозможности. Такая меня злоба разобрала тогда на род человеческий... А эти двое кричат, руками машут, святую невинность изображают. При том, что поняли уже — взяты на живца. Все равно не сдаются. Им наводчика ведут под белы рученьки, еще двоих, которые обычно свидетелей изображали, — нет, кричат, мы их в глаза не видели и вообще не местные, через полчаса самолет. У наживки просто челюсть отпадает, я думал, мужик расплачется сейчас. Он, кстати, потом все равно не удержался. Одно дело — свидетельские показания, а совсем другое на собственной шкуре пережить, что это такое, когда ты человеку в глаза плюешь, а он тебе говорит — божья роса. Невыносимо. Просто невыносимо. Самое мерзкое в нашей работе — лицом к лицу с гнусностью людской встречаться. Вот такие, брат, дела.

— И что им было? — спросил Валюшок.

— А я убил их на фиг, — небрежно махнул рукой Гусев.

Валюшок коротко хохотнул, потом осекся.

— Ты не представляешь, как это было мерзко, — объяснил Гусев. — Мне просто делать ничего не оставалось, у меня ощущение было, что я сейчас утону в этом океане лжи. И, главное, «живца» очень жалко, это ведь мой ведомый был. Ну, я взял и застрелил двоих прямо на месте. Оказалось — угадал, потому что ребята мне аплодировали.

Валюшок шмыгнул носом и полез за сигаретами.

— Наводчик только расстроился, — вспомнил Гусев. — Обкакался бедный. Но тут же признался во всем. А еще

один из банды в обморок упал. Они всегда так — как запахнет жареным, становятся очень сентиментальными. За что отдельно воров ненавижу. Леш, не закуривай пока. Мы сейчас на секунду вот в этот магазин заглянем. Или, хочешь, постой снаружи. Ничего особенного, я просто хочу посмотреть, нет ли какого-нибудь нового приличного видео.

— Я тоже хочу, — сказал Валюшок и открыл Гусеву дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кол оказался также весьма эффективным регулятором экономической деятельности: когда несколько семиградских купцов, обвиненных в торговле с турками, испустили дух на рыночной площади в Шесбурге, сотрудничеству с врагами веры Христовой пришел конец.

В магазинчике играла музыка, красивая, но страшноватая. Кто-то жутким голосом ревел на гитарном фоне нечленораздельное. Гусев прислушался и опознал Кинчева. Песня была ему незнакома и не особенно понравилась. Чересчур уж выворачивала душу.

В стеклянный прилавок уперся толстым животом покупатель — маленький азербайджанец в дорогом спортивном костюме. Представитель обреченной на вымирание породы — недавно вброшенный в массы лозунг «У нерусских не покупаем» людям понравился, и могущество чернявых диаспор таяло на глазах. Но пока что они еще хорохорились. Как этот, например. Даже со спины чувствовалось — вот настоящий хозяин жизни, из тех, что с московской пропиской и тридцатью тремя зубами девяносто шестой пробы.

— Так ты, нах, сделаешь? — спрашивал он у продавца, молодого парня, бросившего на Гусева подозрительный взгляд.

— Я же сказал — на будущей неделе сделаю.

— Но ты, бля, обязательно, нах, понял?

От интонаций азербайджанца Гусева покоробило еще больше, чем от непрекращающихся завываний в динамиках. Кроме того, хозяин жизни не обратил внимания на важный момент: продавец снова покосился на Гусева. Хозяину

жизни было совершенно наплевать, кто там сзади вошел в дверь. Что Гусева окончательно взбеленило.

Валюшок уткнулся носом в угловую витрину, набитую компакт-дисками. Гусев встал рядом с азербайджанцем, осмотрелся, понял, что интересного ничего здесь нет, прослушал еще серию «бля» и «нах», слегка приглушенных вокальными упражнениями Кинчева, и почувствовал, что тоже очень хочет на кого-нибудь наорать.

— Ну ты, бля, понял, я, нах, зайду. А это что за х...ня воет?

— «Алиса», — объяснила девушка, сидящая за кассой.

— Какая, нах, Алиса? Девочка?

— Группа! — усмехнулась кассирша. — Кинчев.

— Никогда не слышал. Ну и х...ня! — возмутился азербайджанец. — Я и то, бля, лучше спою. Ладно, нах, пока.

Он повернулся, чудом не задев Гусева животом, и вышел. Кинчев, будто по команде, немедленно стих. Продавец и кассирша переглянулись, оба с легкой усмешкой.

— Ну, что у вас новенького? — спросил Гусев.

— А что вас интересует? — Вид у продавца был немного смущенный.

— Свежее что-нибудь.

— Вот этот не смотрели? Милицейский боевик.

Завязалась оживленная беседа, точнее, оживился продавец, а Гусев удовлетворенно хмыкал и кивал. Постепенно на прилавке выросла стопка кассет из пяти-шести. Валюшок заинтересовался, подошел к Гусеву и посмотрел. Судя по подбору фильмов, какой-либо вкус у Гусева отсутствовал в принципе. Некоторые из кассет оказались совершенным позорищем, Валюшок такое не стал бы просматривать даже за деньги. Реши сейчас Гусев расплатиться и забрать фильмы, он бы здорово упал в глазах ведомого.

Но Гусев платить не стал. Вместо этого он упер руки в бока, раздвинув полы куртки так, что видны стали кобура на поясе и значок на груди.

У продавца отвалилась челюсть.

— Леша, дверку прикрой, — сказал Гусев ласково.

Валюшок метнулся к двери, набросил стопор и перевернул табличку с надписью «Открыто»-«Закрыто». Ему

было уже не стыдно за Гусева, хотя он совершенно не понимал, что ведущий затевает.

— Значит, так, молодые люди, — произнес Гусев еще более ласково. — У вас в магазине стоит какое-то чмо, матерится, как извозчик, наглеет и чего-то требует. Заказывал он, наверное, порнуху. На это мне наплевать, порнография у нас, кажется, запрещена, но вещь на самом деле полезная, так что бог с ней. А вот остальное...

Продавец стоял с каменным лицом и часто-часто моргал. Кассирша съежилась, наверное, она хотела спрятаться под свой аппарат, но размеры не позволяли.

— Мои знакомые азеры таких, как этот торгаш, считают позором своей нации, и я их понимаю. — Гусев не повысил голоса, напротив, заговорил еще тише, и в интонациях его прорезалась тоска. Впрочем, откровенно циничная. — Но вот из-за таких, как ты, — Гусев ткнул пальцем, отчего продавец тоже съежился, — всяческие уроды чувствуют себя в нашем городе чересчур вольготно. Покупатель всегда прав, но это не покупатель, это распоясавшийся хам. Поэтому слушай приказ. Если в следующий раз этот урод сюда явится, гони его в шею. Если погнать кишка тонка, хотя бы не заискивай перед ним, веди себя достойно. А чтобы у тебя, сынок, не отшибло память...

— Он с хозяином знаком... — выдавил продавец.

— Значит, и хозяину твоему внушение не повредит. Вы меня поняли, детишки? Или что-то ускользнуло? Вы думали, наверное, что раз есть выбраковка, значит, уже не нужно быть гражданами — злые кровожадные дяди и так все сделают за вас? Перестреляют всех уродов и начнется золотой век? Фигушки! Каждый должен что-то заплатить за свободу и безопасность, понимаете, каждый! Мало перестать мусорить на улице, нужно еще и человеческий мусор кидать туда, где ему место. А хозяин будет спрашивать, что здесь произошло, — объясните. Так и скажите — выбраковщик заходил. Старший уполномоченный Центрального отделения Агентства социальной безопасности Павел Гусев. Очень злой выбраковщик и очень расстроенный тем, что вы потакаете хамью. А это вам, дорогие мои москвичи, в назидание и на долгую память.

Гусев шевельнулся, и Валюшок обомлел. В руке стар-

шего появилось оружие. Но совсем не пневматический игольник, а очень красивая огнестрельная пушка, в которой даже полный чайник опознал бы по характерному дизайну итальянскую «беретту».

Продавец и кассирша, хором взвыв не хуже давешнего Кинчева, метнулись в угол и затихли там. А Гусев аккуратно подровнял стопку кассет, лежащую на стеклянном прилавке, упер в нее ствол, поставив оружие вертикально, и нажал на спуск.

Пистолет глухо жахнул, кассеты с хрустом осели, внутри прилавка что-то разлетелось в клочья... и медленно, как в рапидной съемке, пошло трещинами и начало рушиться фронтальное стекло. Верхнее стекло, долю секунды подумав, тоже растрескалось и обвалилось вниз.

— Стекло дрянное, — объяснил Гусев в наступившей тишине. Он попрыгал, чтобы отряхнуть с себя осколки, и убрал пистолет за пазуху. — Я думал, красиво получится. Но так даже еще поучительнее. Счастливо, молодые люди. Подумайте о том, что я сказал. Выбраковка много всякой сволочи поставила на место, но на нашем горбу вы в рай не въедете. Извольте уж потрудиться хоть чуть-чуть. Пока!

На улице Гусев достал сигареты. Вид у него был вполне довольный. Валюшок протянул ему зажигалку.

— Спасибо, — отмахнулся Гусев. — Ветер. Я лучше сам. Вот так мы иногда читаем нотации, агент Валюшок.

«Круто читаете, — подумал Валюшок. — Ничего не скажешь, круто».

Но внутри себя он не чувствовал особого протеста. Ему, кажется, стало понятно, чего выбраковщик Гусев хочет добиться от людей. Возможно, Гусев и переигрывал. Но сказать, что его позиция в корне неверна или как-то расходится с общепринятой моралью, Валюшок не смог бы.

Скорее даже наоборот — Гусев требовал слишком многого.

«Интересно, — мелькнуло у Валюшка в голове, — а сам-то ты, Гусев, давно таким замечательным стал? И почему, каким образом?»

Впрочем, ответ на этот вопрос он рассчитывал вскоре найти.

На подходе к Дому книги сворачивались аварийки Мосводоканала — усталый народ в касках тянул какие-то шланги и с грохотом закрывал канализационные люки. Вокруг, жужжа, сновал целый табун «полотеров». Один из уборочных комбайнов чуть было не переехал слегка зазевавшегося Валюшка.

— Эй! Полегче, ты, Шумахер! — рявкнул тот, отскакивая в сторону.

— Закрой помойку, — хмуро посоветовали ему. — Для тебя же стараемся, тормоз.

— Слушай, а действительно, чего они суровые такие? — спросил Валюшок Гусева, опасливо поглядывая на армию мусорщиков, полирующих тротуар.

— Вполне естественная реакция. Мы гадим, они убирают. За что им нас любить?

Возле палатки, где торговали хот-догами, закусывала целая компания — трое выбраковщиков из группы Мышкина и громадная рыжая дворняга.

— Комплекс вины? — осведомился Гусев у старшего тройки, кивая на собаку.

— Да иди ты... — огрызнулся ведущий. — Пришла, села, попросила — угостили. Не хватало мне еще перед собаками грехи замаливать. Проще тогда зарезаться. Сегодня угостил, завтра пристрелил — это что, по-твоему, комплекс вины? Хотя да... Нас уже месяц на собак не посылали. Да я их вообще терпеть не могу... Слушай, Гусев, ну тебя в баню! Надоел со своими подковырками.

Ведущий бросил собаке остаток хот-дога и с тоской посмотрел, как жадно та ест — аж за ушами трещит.

— А вот я так уже не могу, — пожаловался он. — Никакого аппетита. Жую, потому что надо. Пью, когда наливают. Е...усь чисто из принципа. Гусев, ты же умный, скажи — когда все это кончится?

— А ты застрелись, — посоветовал Гусев.

Ведущий пренебрежительно фыркнул:

— Сто раз пробовал. Взвожу курок, гляжу в дуло и понимаю — ничто меня не удерживает. Могу нажать, понимаешь? Запросто. И такая скука разбирает... А потом вспоминаю: мне же на работу завтра. Вдруг случится что-нибудь забавное? Так и живу.

— А ты из игольника — в ногу. Поваляешься часок под наркозом, сразу жизнь медом покажется.

— Больно же! — вытаращился в ответ ведущий.

Валюшок у Гусева за спиной выразительно шмыгнул носом.

— Вот я и говорю — тут же проснется интерес к жизни, — сказал Гусев.

— Ненормальный, — помотал головой ведущий. — Эй, деятели! Вы доели? Пошли на маршрут.

— Можно еще по мусорщикам пострелять, — не унимался Гусев. — От души. Немотивированно. Гляди, сколько их тут. Достаешь что-нибудь большое и огнестрельное — и давай колошматить. Сразу тонус повысится, гарантирую.

Ведущий зевнул, поманил своих подчиненных и, никак не комментируя добрый совет, ушел. Один из ведомых украдкой показал Гусеву большой палец. Видимо, начальник здорово достал его своими излияниями.

Гусев взял два хот-дога и воды, одну порцию отдал Валюшку и принялся жевать. У него с аппетитом, кажется, было все в порядке. Собака подвинулась ближе.

— И много в Агентстве таких? — спросил Валюшок, кивая в направлении удаляющейся тройки.

— Вагон, — промычал Гусев, жуя. — Но этот — явный кандидат на выбраковку.

— То есть?

— Ротация кадров. Самоочистка. Однажды ты собираешься на работу, а к тебе в дверь стучатся твои собственные ведомые. И говорят: «Извини, старик. Ты имеешь право оказать сопротивление. Имеешь право не называть себя. Не отвечать на вопросы...» Ну и так далее.

Валюшок покачал головой и бросил собаке остаток хлеба. Гусев свой хот-дог доел без остатка.

— А с тобой так случалось? — поинтересовался Валюшок.

— Нет, ко мне еще не приходили.

— Это видно, — заметил Валюшок. — Нет, я...

— Что видно? — неожиданно зло огрызнулся Гусев.

— Все, извини.

— Леша, — Гусев резко сбавил тон, — сегодня у тебя первый выход на работу. Потерпи немножко, хотя бы месяц. Уверяю — тебе все станет ясно. У выбраковки есть по-

бочные эффекты, которые никакими словами не опишешь, их нужно прочувствовать.

— Извини, — повторил Валюшок. — Просто очень много вопросов. Нам почему-то на подготовительном ничего не объясняли про порядки внутри Агентства. Действительно — почему?

— Вот и еще один вопрос. Не знаю, Леш. Я понятия не имею, как сейчас организуется подготовка. Кстати, вас много было?

— Человек двести.

— Ско-олько? — не поверил Гусев.

— На моем потоке две сотни.

— На потоке... Ого!

— Да, было три потока. Это что, много?

Гусев крепко взял напарника за отворот куртки.

— Никому. Больше. Здесь. Об этом. Не говори, — выдохнул он. — Понял?!

— Ага. Почему?

— Жить хочешь? Долго и счастливо? — спросил Гусев. — Хотя нет, счастливо уже не получится. Но хотя бы долго?

— Ничего не понимаю, — медленно произнес Валюшок.

— Вот и отлично. Никому здесь, в Центральном, не говори, сколько вас было. Кстати, а остальные куда подевались?

— Да черт их знает. Меня сразу после выпуска в Центральное направили, и я...

— Ладно, подождем. — Гусев отпустил ведомого и достал сигареты. — Скоро все прояснится. Как раз за месячишко. И ты подрастешь за это время, и я уже буду готов что-то тебе объяснить. Договорились?

— Хорошо. — Валюшок тоже закурил. — Еще вопрос можно? Не беспокойся, он по другой теме.

У Гусева под курткой запищала рация. Он жестом попросил Валюшка обождать, достал маленькую черную коробочку и нажал кнопку. Держал он трансивер возле самого уха, как мобильный телефон.

— Гусев, прием, — сказал он в микрофон.

— Диспетчер. Где вы находитесь?

— У Дома книги, ближний к центру угол.

— Ждите.

Гусев скорчил рожу.

— Сейчас припашут, — шепотом сообщил он Валюшку.

Диспетчер не заставил себя долго ждать:

— Вызов на Поварскую...

— Мы пешком.

— Я в курсе. Вам идти пять минут. Фургон выехал. Приготовьтесь, возможно противодействие службы безопасности...

— Та-ак, это то большое офисное здание, да?

— Нет, другое...

Гусев швырнул недопитую банку воды в урну и, махнув Валюшку, сорвался с места. Быстрым шагом они углубились во дворы. Гусев на ходу слушал, что ему говорит диспетчер, и постепенно лицо его приобретало брезгливое и утомленное выражение.

— Все, понял, ждите доклада, — сказал он наконец, убрал трансивер на пояс и вытащил очередную сигарету.

— Трудный случай? — спросил Валюшок, заранее напрягаясь и расправляя плечи, и без того широкие.

— Да нет. — Гусев закурил и прибавил ходу. — Случай несложный, но противный. Идем обезглавливать независимый пенсионный фонд. У президента уже есть два предупреждения за насильственные действия. А теперь он секретарше морду разбил при попытке изнасилования. Прямо маньяк какой-то. Ничего, в каменоломнях ему будет куда руки приложить.

— Да уж...

— Не перебивай. Теперь объясняю, что тут противного и опасного для нас. Приказано клиента изъять с рабочего места немедленно и втихую. Никакие документы еще не готовы, милицейского прикрытия нет, потому что было только устное заявление потерпевшей. Она находится сейчас в офисе, и ей было сказано, что, если пикнет, вообще убьют. Она напугана, я ее понимаю. А главное — этот тип неуправляем и с минуты на минуту ситуация может обостриться. Так что наша задача проникнуть в офис, на месте разобраться и действовать. Неплохо для первого дня, а, суперагент Валюшок?

Суперагент Валюшок в ответ что-то промычал и напрягся еще больше.

— Можно, конечно, прямо на входе назвать себя и избежать лишних сложностей, — заметил Гусев. — Чего бы очень хотелось. Но пока будем добираться до кабинета, снизу могут шефа предупредить, что идет АСБ. Бывали уже прецеденты. Если этот козел девчонку в окно выбросит, чтобы лишнего не болтала, нас с тобой по головке не погладят.

— Ты серьезно? — не поверил Валюшок. — Так вот прямо возьмет и в окно?..

— Разумеется. Это происходит сплошь и рядом. А оставлять тебя одного стеречь охрану я тоже не имею права. Вот такая, блин, катавасия. Понял теперь, почему выбраковка ходит по трое?

Валюшок утвердительно хмыкнул.

— В крайнем случае всех поубиваем, — утешил его Гусев.

На Поварской выбраковщиков обогнала машина «Скорой помощи», проскочила вперед метров на сто и ловко причалила к тротуару.

— А вот и наша «труповозка», — показал на «Скорую» Гусев. — Как часы работает. Значит, так, господин Валюшок. В здании действовать строго по схеме номер два. А именно?..

— Свою принадлежность к АСБ не обнаруживать, поперед батьки не лезть, держать тебе спину, — отрапортовал Валюшок.

— Всячески оберегать ведущего, для чего активно вертеть головой и злобно таращить глаза, — заключил Гусев с усмешкой. — Так, снимаем значки, прячем в карман. И застегнись. Нет, постой. Ну-ка кру-гом!

Гусев придирчиво оглядел Валюшка — не выпирает ли из-под куртки оружие. Похлопал себя по бокам. Нет, здесь понадобится чертовски опытный взгляд. Как хорошо, что комбидресс слегка гнется и не сковывает движений... И вдвойне хорошо, что Валюшка, как стажера, еще не успели навьючить тяжеленной сбруей, положенной ведомому: сверхплоский ноутбук, мобильный ретранслятор, сканер отпечатков и прочая техника.

«Кажется, пробьемся».

— Пошли! — скомандовал Гусев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Суд в его времена был простым и скорым: бродягу или вора, независимо от того, что он украл, ждал костер или плаха. Та же участь была уготована всем цыганам как заведомым конокрадам и вообще людям праздным и ненадежным.

«Скорая» пристроилась за небольшим грузовиком и в поле зрения охранной системы офиса не попадала. Гусев и водитель «труповозки» обменялись издали многозначительными взглядами. Валюшок своему ведущему от души позавидовал. Выбраковщики отличали друг друга на улице, пользуясь сложным комплексом условных знаков. Но Гусеву такие методы идентификации были ни к чему — его, похоже, все знали в лицо. «Интересно, а бандитам он тоже всем известен? — подумал Валюшок. — Вряд ли. Те, кто его видел, недолго оставались на свободе, а на каторге гусевский словесный портрет ни к чему, все равно оттуда никто не возвращается... Удивительно — сколько ни пытался, не могу представить себя на каторге. Мне туда просто не попасть. И это, черт побери, здорово. Неужели я такой хороший человек? Получается — хороший. А Гусев? А те выбраковщики, которым он сам зачитывал «птичку»? Наверное, они тоже поначалу были отличные парни, но потом работа их сломала. Ничего, я-то не сломаюсь. Я для этого слишком хорошо знаю, что такое хорошо, а что такое плохо».

У двери офиса Гусев на секунду замялся, что-то то ли соображая, то ли вспоминая, а затем решительно нажал кнопку звонка.

— Да! — отозвался встроенный в стену динамик.

— К господину Юрину посетители, — сообщил Гусев.

— Вам назначено?

— Разумеется! — бросил Гусев.

Дверь щелкнула замком, и они вошли.

Охраны на проходной оказалось немного — трое, но каждый по отдельности мог бы скрутить обоих выбраковщиков в бараний рог. Особенно Гусеву не понравился самый щуплый и пожилой из секьюрити — явно начальник смены. Этот был помельче Гусева, да еще и за стойкой рассел-

ся, но в нем чувствовался опытный боец, возможно, бывший оперативник, привыкший врага брать хитростью и реакцией. «Ох, расколет он нас, — мелькнуло в голове. — Не вижу металлодетектора, но все равно мы рискуем. Может, все-таки представиться?»

Размещался пост бестолково, но иначе не позволяла конфигурация вестибюля. Здесь было узко и тесно. Стойку с компьютером и мониторами слежения развернули единственно возможным образом. Скученность охраны давала Гусеву преимущество при внезапной атаке, но сильного облегчения от этой мысли он почему-то не испытал. Гусев терпеть не мог честный бой на равных. Пояса охранников украшали массивные газовые револьверы, но под стойкой, за которой сидел их старший, наверняка пряталось нечто крупнокалиберное и полуавтоматическое. «Нет, учитывая тесноту и опасность зацепить своих — нарезной карабин. И, может быть, даже с патроном в стволе. А чего я так нервничаю? Давно не работал, вот отчего».

— К господину Юрину, — повторил Гусев. — Фамилии — Купченко и Бунин.

— Документы, пожалуйста.

Выбраковщики достали удостоверения личности. Гусев по документам выходил неким Купченко, вице-президентом по общим вопросам торговой компании с названием блеклым и незапоминающимся. Валюшку по молодости лет досталась расплывчатая характеристика «менеджер по маркетингу».

Начальник охраны бросил взгляд на монитор компьютера, согласно кивнул и отдал гостям их карточки.

— Пятый этаж. Лифт вон там, по коридору.

— Спасибо.

Коридор оказался длиннющий, метров тридцать. Чувствуя спиной неприятный оценивающий взгляд, Гусев пошел куда сказали. Позади гулко топал Валюшок.

— Кто нам приглашение устроил? — негромко спросил он в лифте.

— Потерпевшая. Обычно так и бывает. Люди помогают нам весьма охотно. Только вот их мотивы... — Гусев скривил лицо и чуть не сплюнул под ноги, но передумал.

— Этот Юрин сам нарвался.

— Ну, она тоже штучка. Дала бы ему в хрюсло, и все дела. Не исключено, что он бы ее резко зауважал.

— Есть огромное число людей, которые не способны дать обидчику сдачи. И, по-моему, это естественно, — заметил Валюшок.

— Спасибо, просветил. А то я не знаю? Сам такой.

Валюшок склонил голову на плечо и смерил Гусева взглядом, полным сомнения.

— Для таких и работаем, — заключил Гусев, выходя из лифта. — Только вот обида — день ото дня бедные овечки становятся все подлее. Бр-р... Так. А куда это нас занесло?

Лифтовый холл открывался в небольшой зальчик с кучей дверей. В центре зала красовалась мощная конструкция — рабочее место как минимум трех секретарш. Из-за стойки виднелась аккуратная женская прическа. Сухо потрескивали клавиши.

— Привет, — сказал Гусев, перегибаясь через стойку.

— Здравствуйте, — ответила совсем молоденькая девушка, отрывая глаза от клавиатуры. Взгляд у нее был напряженный, и где-то в глубине его прятался испуг. — Чем могу?..

«А господин Юрин охоч до свежатинки, — усмехнулся про себя Гусев. — И жаден, судя по всему. Печатать девица толком не умеет, едва-едва школу окончила, согласна на любой оклад... А на что еще ты согласна, бедная девочка? И сколько вас таких по всему миру, несмышленых и остро нуждающихся в защите? Что с вами будет, когда меня пристрелят?»

— Вы к кому? — спросила девушка, возвращая Гусева к реальности.

— Господин Юрин у себя?

— Вам назначено?

Гусев достал из кармана значок, коротко сверкнул им и прицепил на место — за лацкан. Испуг из глаз девушки переместился на все лицо.

— Ты в курсе, зачем мы здесь? — спросил Гусев мягким полушепотом. — Вижу, что да.

Девушка еле заметно кивнула.

— Президент у себя. Один, — прошептала она, указывая глазами направление. Гусев посмотрел на дверь, за которой скрывался господин Юрин, не подозревая еще, наверное, что его ждет.

— А Марина где?

— Вон там, в комнате отдыха...

— Спасибо. Господин Бунин, постойте здесь, развлеките барышню, заодно последите, чтобы клиент никуда не делся. Мне понадобится минуты три-четыре.

— Слушаюсь, господин Купченко, — не упустил возможности съязвить Валюшок.

Пострадавшая сидела с ногами на диване, прижимала к щеке пакет со льдом и роняла тихие слезы в чашку кофе. Даже сейчас, в растрепанном виде и, похоже, не менее растрепанных чувствах, выглядела она стопроцентной шлюшкой. Из тех, которых положено без лишних прелюдий хватать и валить в койку, а за неимением постели — раскладывать на офисной мебели. Крайне неудачная конституция — мощный сексуальный призыв в сочетании с дешевой внешностью. «Не повезло тебе, Марина».

— Сексопатолога вызывали? — осведомился Гусев, присаживаясь напротив и демонстрируя значок. — Все, лапуля, успокойся, с этого момента ты под защитой АСБ. Нука щечку покажи.

Марина подарила Гусеву злобный, хотя и несколько одноглазый взгляд и на секунду отняла лед от щеки. Гусев цыкнул зубом — удар обернулся не только синяком и отеком, Юрин капитально рассек девушке скулу. Если бы не благоприобретенная (или врожденная) стервозность, Марина давно уже сидела бы в травмпункте. Но ей хотелось отомстить, и Гусев ее понимал.

— Спасибо, что организовала пропуск, — сказал он. — И спасибо, что дождалась. Хорошо, что я это увидел воочию. Легче будет прострелить твоему шефу башку. Считай, ты ему подписала смертный приговор.

Это Гусев врал — если Юрин не будет особо артачиться при задержании, он еще поживет. Но Гусева интересовала реакция девушки.

— Он тут вытворяет такое... — Марина всхлипнула. — Его убить мало. Вы других наших девчонок расспросите... Они просто боятся.

— Расспросим обязательно. Значит, так... Внизу стоит машина «Скорой помощи». Это наша. Уедешь на ней. Тебя

сразу зашьют, потом сделают пластику, мордашка будет лучше прежней. Не беспокойся, все операции за счет АСБ. Плюс тебе капнет неплохая сумма за моральный и физический ущерб. Теперь слушай меня очень внимательно. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства социальной безопасности Павел Гусев. Ты обвиняешь президента фонда господина Юрина в сексуальных домогательствах и физическом насилии. Сейчас у тебя есть возможность отказаться от этого обвинения. Подумай и скажи — обвиняешь ты его или нет.

— А что ему будет? — спросила Марина. Видимо, гусевский намек на прострел башки ее не убедил.

— Юрин — закоренелый враг общества. Его уже дважды предупреждали о неподобающем поведении. Так что будет ему выбраковка. Он исчезнет. Навсегда.

— Вы его убьете? — с надеждой спросила Марина.

— Честно? Вряд ли. Сначала ему придется заплатить болью за боль. Искупить свою вину на каторжных работах. И в один прекрасный день он там умрет. Кстати, бежать с каторги нереально. Я видел, я знаю. Итак, ты обвиняешь его?

— Да! — выдохнула Марина. — Я обвиняю его.

— Договорились. Тогда сиди здесь, — приказал Гусев, вставая. — Минут через пять твоя напарница постучит в дверь. После этого выходи из офиса и садись в «Скорую». Понятно? Ну-ка, повтори.

— Когда Машка постучит... Он ведь и ее чуть не изнасиловал, скотина-а!..

— Что ты сделаешь, когда Маша постучит?

— Выйду на улицу, сяду в «Скорую»... У-у-у...

— Умница, — похвалил Гусев и вышел за дверь.

Валюшок о чем-то вполголоса беседовал с Машей.

— Ну и обстановочка тут, — сообщил он Гусеву. — Прямо хоть через одного расстреливай.

— Дознаватель разберется, — отмахнулся Гусев. — Все тихо?

— К Юрину зашел какой-то тип, я не стал его задерживать.

— Черт! — напрягся Гусев. — Он на тебя не отреагировал?

— Машенька выручила.

— Я сказала, что это курьер, — улыбнулась Маша. — А зашел к шефу первый вице-президент. Но он на минуту, ему сейчас уезжать.

Легок на помине, из юринского кабинета вышел дорого одетый мужчина. На выбраковщиков он даже не посмотрел, с головой углубившись в какие-то бумаги, и скрылся за углом.

Гусев оттер Валюшка плечом и заглянул Маше в глаза.

— Ты чудо, — сказал он. — Медаль не обещаю, но признательность гарантирую. Теперь блокируй связь, пожалуйста. Не хочу, чтобы нас беспокоили. Если сунется в кабинет мелкая сошка — у Юрина важные гости. Если кто-то из менеджеров высшего звена — черт с ними, пускай. Может, с собой прихватим. Ты же понимаешь, у нас план. На этой неделе приказано расстрелять десять президентов и двадцать вице. А также спасти не меньше сотни заколдованных принцесс, вот наподобие тебя.

Польщенная Маша залилась краской.

— Не такие уж вы и страшные, господа секретные агенты, — пробормотала девушка, отводя взгляд.

— Приятно слышать, — улыбнулся Гусев. — Когда мы с Юриным войдем в лифт, постучи в дверь, за которой сидит Марина, пусть тоже спускается. Ага? Заранее благодарен. Леха, за мной.

В кабинет они вошли без стука. Клиент играл на компьютере. Он оказался раскормленным дядькой лет пятидесяти, с короткой стрижкой и маленькими глазками. «Ох, порезвятся тут наши дознаватели, — подумал Гусев. — Ставлю десять против одного, что этот «президент» на самом деле зицпредседатель, свадебный генерал. От скуки лапает секретарш, чтобы хоть как-то время с толком провести. Вопрос — зачем он тут нужен такой? Однако кранты пенсионному фонду».

— Ну? — буркнул, не оборачиваясь, увлеченный игрой Юрин.

— Господин Юрин? — сладким голосом осведомился Гусев.

Юрин все-таки соблаговолил посмотреть в сторону выбраковщиков.

— Да, а в чем дело? — спросил он лениво. — Проходите, садитесь.

— Благодарю вас. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства социальной безопасности Павел Гусев...

Юрин перестал шевелить «мышкой» и уставился на гостей уже более осмысленным взглядом.

— Это уполномоченный Алексей Валюшок, — продолжал Гусев. — Господин Юрин, вы обвиняетесь в сексуальных домогательствах и физическом насилии, повлекшем за собой...

— Су-у-ка!!! — проревел Юрин и так кулаком врезал по клавиатуре, что она чуть не разломилась, а компьютер протестующе заверещал. Гусев привычным движением откинул полу куртки. Глаза Юрина уткнулись в рукоятку игольника да так на ней и зафиксировались. Он медленно поднимался из-за стола, и Гусев подумал, что дело плохо. В ярости этот тип себя не контролировал совершенно.

— Вы имеете право оказать сопротивление! — Голос Гусева предупреждающе зазвенел. — Имеете право не называть себя! Имеете право не отвечать на вопросы! Согласно Кодексу законов о социальной безопасности с этого момента вы поступаете в наше распоряжение. В случае неповиновения вы будете обездвижены или убиты. Предупреждаю — любое ваше движение может быть истолковано как агрессия. Приказываю оставаться на месте. Руки на стол!

Юрин с видимым трудом овладел собой и замер. Глаза его оторвались наконец-то от рукоятки игольника и переместились на гусевский значок.

— Обыскать, — распорядился Гусев.

Валюшок не спеша, чтобы не испугать клиента, приблизился к Юрину и довольно ловко его ощупал.

— Чист, — доложил он.

— Понял. Юрин, вы меня слышите? Вы признаете себя виновным?

— Нет... — выдавил Юрин. — Нет! Да нет же!

— Хорошо. Юрин, мы с вами сейчас выходим из офиса на улицу. Выходим не спеша, без резких движений. Хотите жить — подчиняйтесь. Малейшая провокация — стреляю. Вы идете первым, мы за вами. Ясно?

— Ребята... — умоляюще протянул Юрин. — Да она же сука... б... поганая... Она меня шантажировала...

— Этим займется следствие, — пообещал Гусев. — Если

вас действительно подставили, все будет хорошо. Вы получите компенсацию за моральный ущерб. Не исключено, что с вас даже снимут одно предупреждение. Лица, виновные в оговоре, будут жестоко наказаны. А пока что — делайте что вам говорят. Мы уезжаем.

Юрин едва заметно кивнул. Похоже было, что он мучительно рассуждает — кинуться на обидчиков с кулаками или заплакать.

— Выполнять, — сказал Гусев. — Двигайтесь, Юрин. Выходим.

Любой нормальный человек на месте Гусева посоветовал бы Юрину не искать защиты у охранников — мало ли что задержанному в голову взбредет, лучше уж предупредить. Но Гусев осознанно промолчал. Во-первых, Юрин склонен к насилию и запросто может спровоцировать бойню на выходе — просто из спортивного интереса. Во-вторых, Гусев недаром сказал «лица, виновные в оговоре», употребил множественное число. Если Юрин виноват, то намек, что обвинила его не только одна-единственная «б... поганая», должен клиента окончательно вывести из равновесия. И нечего ему лишний раз напоминать, что можно натравить охрану на выбраковщиков, а самому под шумок удариться в бега. И так догадается, если очень захочет. Гусев поймал себя на том, что хочет стычки. Теперь, увидев изуродованную девчонку, — хочет. Он вернулся на работу, он вошел, кажется, во вкус.

«Стрелять в нехороших парней — неужели я всю жизнь к этому стремился? Разве я больше ни на что не годен? Да, но кто тогда будет стрелять, если я такой возвышенно-брезгливый? Кто-то другой, кого я не смогу контролировать. И не факт, что однажды этот «кто-то» не постучится в мою дверь. Если ты взял на себя право решать, кто хороший, а кто плохой, — будь готов, что тебя могут забраковать тоже. А значит, нужно становиться выбраковщиком самому. И это самый разумный выбор».

Юрин вышел из кабинета тяжелым волочащимся шагом приговоренного и сразу направился к лифту. Гусев махнул на прощание Маше, а сам мысленно отрепетировал, как рвет из расстегнутой кобуры игольник. Драки в вестибюле было уже не избежать. Разумеется, ведь Гусев забыл очень важный момент — не выяснил, предупреждают ли

охрану, что выходит шеф. Ему ведь должны подготовить машину! «Непростительная ошибка, но уже поздно сворачивать назад. Я не хочу, чтобы этот урод поедал злобным взглядом убийцы Машу, которая будет звонить вниз и отдавать фальшивые распоряжения. Ей потом с этим взглядом жить и жить. Я слишком хорошо знаю, как это бывает, — на тебя один раз посмотрели, а ты через пять лет просыпаешься в холодном поту. Ничего, справимся. Хорошо, что наручники клиенту не надели — уж больно поза скованная была бы... Или застегнуть его? А чего я так нервничаю, собственно? На проходной охранникам покажу значок — и никаких проблем».

И снова Гусев поймал себя на том, что почти бессознательно хочет драки, хочет кого-нибудь подстрелить. «Окончательно с ума схожу, что ли?»

В лифте они спускались под шумное сопение Юрина.

Как и следовало предполагать, охрана заметила шефа издали, от самого лифта, и на его появление отреагировала вставанием с мест и напряжением тел. Юрин пока вел себя разумно, надвигаясь на пост по центру коридора. Гусев и Валюшок шли следом, держась уступом, Гусев впереди и левее. Частично Юрин его закрывал, а самое защищенное место досталось Валюшку. Выбраковщики часто занимают безрассудные на первый взгляд позиции, заслоняя друг друга собственными телами. При этом ухудшается обзор, сектора обстрела значительно сужены. Но, во-первых, такое построение сплошь и рядом сбивает противника с толку, он принимает тебя за идиота — а зря. Во-вторых, у людей из АСБ все просчитано заранее, они будут стрелять, а не отстреливаться. А в-третьих, если случится нештатная ситуация, кто-то обязательно должен остаться боеспособным и завершить огневой контакт в пользу Агентства.

Сейчас все было бы ничего, вот только старый опытный боец держал в руке то, чего Гусев так опасался — карабин «сайга». Держал пока что стволом вниз. Старый и опытный почуял неладное, но опасался перебдеть и огрести хорошую нахлобучку. Видимо, охране здесь платили неплохо, и начальник поста держался за свое место.

«Переломает мне все ребра, — подумал Гусев. — А то и проникающих наделает. Фигушки, ребята, я вам не мишень.

Самое время обогнать Юрина и предъявить нагрудный знак».

Он прибавил шагу, но опоздал. Когда до поста оставалось шагов десять, у Юрина сдали нервы.

С воплем «Мочи их!!!» клиент бросился в подвернувшуюся справа приоткрытую дверь.

Точнее, попытался это сделать.

Приблизительно на букве «и», когда юринская туша полностью закрыла от охранников Валюшка, Гусев уже вырвал из кобуры игольник и нажал на спуск. При этом он прыгнул влево, отчаянным маневром оттягивая внимание противника от ведомого.

Пистолет затрещал, и с полдюжины игл украсило темную форму начальника поста желтыми точечками стабилизаторов. Начальник успел развернуться к Гусеву и выбросить в сторону опасности руку с карабином. Грянул выстрел, пуля ушла в потолок.

Оставшиеся двое охранников почти достали свои револьверы, но Гусев успел срезать обоих длинной очередью. Автоматически он нажал кнопку выброса магазина и стремительным движением перезарядил оружие.

Юрин наконец-то завершил падение и с грохотом рухнул на четвереньки в дверном проеме.

Охрана сползала по стенам на пол.

Валюшок, не успевший сделать ни единого выстрела, шумно выдохнул, убрал пистолет в кобуру и от души пнул Юрина под копчик. Получив ускорение, тот исчез за дверью, где мгновенно вскочил. Дверь захлопнулась, щелкнул замок.

— По-мо-ги-и-те! — раздалось из-за двери. — У-би-ва-а-ют!!!

— Что ж ты его упустил? — спросил Гусев укоризненно. Он спрятал игольник, нагнулся и подобрал опустевший магазин.

Валюшок помотал головой и развел руками.

— Обалдел, — сказал он. — Виноват.

— На по-о-мощь!!! — надрывался Юрин. — Ка-ра-ул!!!

Гусев подергал дверную ручку и убедился, что перед ним возникла преграда.

— Эй, задержанный! — прогремел он так, что перекрыл крики Юрина. — Две секунды на открытие двери!

Юрин в ответ длинно выматерился.

— Беги на улицу, зови наших, — сказал Гусев Валюшку. — Обязательно с носилками.

Валюшок перепрыгнул через тела поверженных охранников и исчез за дверью. Гусев почесал в затылке и вытащил сразу оба своих пистолета.

— Все, ты меня достал! — сообщил он в сторону двери. — Сейчас будет экзекуция. Сам напросился. Ох, я тебя...

Дальше развивать тему он не стал, а просто трижды выстрелил из «беретты» в область замка. Дверь разворотило так, что даже пинать ее не пришлось — отлетела сама. Гусев шагнул в комнату, оказавшуюся маленьким складом, битком набитым какой-то бумажной продукцией, наткнулся на остолбеневшего Юрина и смачно врезал ему рукоятью «беретты» промеж глаз. Юрин охнул и сел на задницу. Гусев дал ему несколько секунд посидеть, чтобы клиент как следует прочувствовал, насколько же хорошо ему вломили, а затем почти не целясь пустил Юрину иголку в ногу. Виновник безобразия тихонько всхлипнул и упал навзничь.

— Вот так-то, — сказал Гусев. Он снял пистолеты с боевого взвода, убрал их на место, закурил и с наслаждением затянулся.

В дверь ворвался экипаж «труповозки» — трое мордоворотов, изображающих бригаду «Скорой помощи». За их спинами маячил Валюшок.

С другой стороны коридора пошел лифт. Наверное, спускалась Марина. Любому другому на ее месте Гусев бы не позавидовал, а эта девчонка и так за сегодня насмотрелась на всякое. Вряд ли ее особенно расстроит творящийся у выхода бардак.

— Где клиент? — спросили у Гусева деловито и требовательно.

— Вон, — махнул рукой Гусев, отходя к посту, садясь на место начальника и закидывая ногу на ногу. — И потерпевшая сейчас подойдет.

— Пусть тогда поторопится.

— Леша, будь другом, сбегай, приведи ее. А-а, вот и она.

Гусев достал рацию и вызвал Центральное.

— Это Гусев, — сказал он. — Клиент пытался бежать, обездвижен, сейчас грузим...

— Не «грузим», а «грузят», — поправили его «медики». В данный момент двое из них, отдуваясь, проталкивали носилки с Юриным через узкую проходную, а третий, с фонендоскопом на шее, осуществлял руководство.

— ...служба безопасности была спровоцирована клиентом и оказала сопротивление. Есть три незапланированных обездвижки. Немедленно сюда группу поддержки, милицейское прикрытие и обязательно нашего дознавателя, чем скорее, тем лучше. Похоже, здесь есть чем заняться. Я остаюсь на месте, буду встречать. Только поскорее, ладно? Все, жду.

У проходной остановилась потерпевшая, щеку она теперь зажимала платком.

— Круто, — сказала Марина, оглядев лежащие на полу тела.

— Ну-ка, девушка, что это у нас такое? — подскочил к ней «врач». — Та-ак, посмотрим. Ну что же, ничего страшного. Пойдемте, пойдемте...

— Счастливо, — бросил Марине Гусев.

— Пока, — вздохнула она. — Спасибо.

Валюшок подошел к бездыханному телу начальника поста, нагнулся и осторожно защелкнул предохранитель лежащего на полу карабина.

— Лихо ты их, — признал он. — Только в следующий раз меня не береги так, ладно?

— Тебя клиент перекрыл, — буркнул Гусев.

Валюшок поднял глаза на дырку в потолке и ничего больше не сказал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Смерть Влада вызвала среди современников оживленную дискуссию: куда направилась его душа — на небеса или прямиком в пекло? Сторонники обеих точек зрения приводили свои аргументы, но со временем возобладал третий вариант, который и лег в основу легенды.

«Группа поддержки» объявилась минут через пятнадцать — без малого десяток выбраковщиков во главе с дознавателем АСБ. Выглядел дознаватель как форменный ду-

шегуб — нечто среднее между ожившей смертью и Дракулой из очень дешевой киностражилки. Приданный группе милицейский представитель что-то ему рассказывал, а монстр заразительно смеялся и хлопал в ладоши.

— Ты не слышал эту хохму, Пэ? — спросил дознаватель у поднявшегося ему навстречу из кресла Гусева. — Парня спрашивают — чего это у тебя ухо в кровище? Да вот, говорит, пытался с собой покончить, ухо размочалил. Промазал, короче. Как же это можно — сам себе в голову стрелял и промазал? А ты попробуй, говорит, попади в таких условиях — я же на бегу стрелял...

Гусев одобрительно фыркнул:

— По-моему, я этот анекдот читал когда-то. Здравствуйте, господа.

— Ну, ты и наколбасил тут! — заметил милицейский капитан, озирая поле боя.

— Завидно? — спросил Гусев, хитро прищурившись.

— Подумаешь! Трое с газушниками, ты стрелял первым, разумеется...

— Вон туда посмотри. — Гусев ткнул пальцем вверх.

Милиционер поднял голову, увидел пулевое отверстие и впал в глубокое раздумье.

Под ногами принялись надрывно стонать — это первому охраннику вкатили антидот. Валюшка передернуло — он уже испытал на себе, как бывает плохо, когда действие препарата обрывается искусственным путем.

— Отойдем, — посоветовал дознаватель, косясь на пострадавшего. — А то мало ли что. Обувь потом не отчистишь, вонять будет неделю. Ну, Пэ, докладывай. Мы слушаем.

Гусев начал рассказ — очень сжато, но ничего не упуская. Валюшок отметил — первым делом его ведущий объяснил, что охрана ни в чем не виновата, поскольку не знала, с кем имеет дело. Все-таки было в этом странном человеке нечто от средневекового рыцаря. Возможно, он понимал справедливость и порядок в несколько утрированном виде, но вот элементарной честности ему было не занимать.

Тем временем группа поддержки разделилась — двое выбраковщиков остались у двери, еще двое блокировали лестницу наверх, пятеро набились в тесный лифт и уехали,

как сказал один из них, «закрывать етажи». Дознаватель и милиционер делали пометки в блокнотах. Очухавшийся начальник охраны уполз под стойку, и там его мучительно рвало. Остальные двое лежали пластом и хрипло дышали. На бедняг вообще не обращали внимания — помочь им сейчас было нечем, а опасности они не представляли.

«Хорошо, что меня не тошнило, — подумал Валюшок. — Нет, Гусев, я тебя за ту выходку со стрельбой по мне не простил. Но, кажется, я уже понимаю, зачем это было сделано. В первую очередь ты хотел, чтобы я не издевался попусту над людьми, посылая иголки направо и налево. Интересно, каждого новичка в АСБ встречают такой церемонией?»

На пульте звякнуло.

— Эй, молодой! — крикнули от двери. — Посмотри, кого нелегкая принесла.

Валюшок за пульт охраны зайти не рискнул — там было грязновато и лежало слабо шевелящееся тело. Он просто лег на стойку боком. Система здесь была стандартная, уроки в подготовительной группе не прошли даром — он мгновенно увидел нужные кнопки, а заодно разглядел и посетителя.

— Ничего особенного, — сказал он. — Мужик как мужик.

— А ствол... Ствол он в какой руке держит? — тревожно спросил один из выбраковщиков, суя руку за пазуху. Это было до того натурально сыграно, что Валюшку понадобилась целая секунда, чтобы понять — над ним издеваются.

— У него на плече гранатомет, — парировал он и нажал на кнопку. — Да!

— Что, заснул? Открывай давай! — рявкнул динамик.

Дознаватель с радушной улыбкой на этот голос обернулся и сделал Валюшку знак — открывай. От двери махнули рукой. Валюшок послушно разблокировал замок. Визитер шагнул на порог, окинул помещение хозяйским взглядом и побледнел.

— Здравствуйте! — обрадовали его. — Здесь Агентство социальной безопасности. Предъявите удостоверение личности, будьте любезны.

— Я председатель собрания акционеров, — хмуро представился вошедший.

— Замечательно! — воскликнул дознаватель. — Где же вы были? Идите скорее к нам!

Вошедший перестал бледнеть и начал заливаться краской.

— Ну, мы пошли отчеты писать? — спросил дознавателя Гусев.

— Давай. Эй, юноша! С боевым крещением вас.

— Спасибо, — пробормотал Валюшок.

— Живи! — напутствовали его.

Они быстро дошли до офиса, причем Гусев всю дорогу молчал. Только на вопрос, разве не положено отчеты писать по окончании дежурства, он соблаговолил ответить загадочной фразой, после чего снова умолк.

— Следующее приключение назначено на полночь, — сказал он. — А пока что хватит. Мне нельзя помногу, у меня синдром детренированности, понял?

Валюшок кивнул и остаток пути размышлял, что именно у Гусева могло детренироваться.

В офисе Центрального они поднялись на второй этаж и прошли в «рабочую», которую Валюшок до этого видел лишь мельком, — огромную комнату, заставленную рабочими столами командиров групп и ведущих. На столах громоздились кучи бумаг, стояли канцелярские наборы и всяческие финтифлюшки. Особенно Валюшка поразила чья-то здоровенная кружка с надписью «Это я убил Джона Леннона».

— Данилов выдрючивается, — бросил через плечо Гусев, когда пораженный Валюшок уставился на сие произведение искусства. — Данила всем направо и налево объясняет, что «Битлз» — розовые сопли. А вот хэви-метал — это да! Кстати, а твое мнение?

— Ну, в принципе «Битлз» действительно не «Металлика», — пробормотал Валюшок. — Только не до такой же степени...

— Вот именно, что не до такой.

Гусевский стол оказался совершенно гол и покрыт толстым слоем пыли. Вокруг стола притулились три стула, явно знавших лучшие времена.

— Кресла поперли, разумеется, — вздохнул Гусев. —

Даже мое. Совсем обнаглели. Ладно, садись. Или вот что, иди-ка за соседний. Хозяин в отпуске, не обидится.

Валюшок послушно сел, включил компьютер и вывел на монитор стандартную форму отчета.

— Что писать? — спросил он.

— Да все, что в голову взбредет. Как было, так и пиши. Тебе легко.

— А тебе?

— Мне сейчас целый трактат рожать придется. О том, что в следующий раз я спасать подозреваемых от несуществующей опасности не намерен. Либо пусть дают третьего, чтобы наши задницы прикрывал, либо на фиг такие выкрутасы. Я еще разберусь, какого черта на это задание послали двоих. Он же еще, сука, передо мной и извинялся! Мол, простите, я все понимаю, но больше никого рядом...

Гусев открыл ящик, порылся в нем, достал тряпку и принялся обтирать пыльную столешницу.

— Кто извинялся?

— Начальник смены, кто еще... Не диспетчер же, ему до лампочки.

— А кто сегодня начальник смены?

Гусев повернулся к Валюшку и внимательно его оглядел с ног до головы.

— Утихни, — посоветовал он. — Никто нас подставлять не собирался. А начальник смены — Корнеев.

— Я просто тоже хотел бы отметить...

— Сказано же — утихни. Тебе не положено. Знаешь выражение: «по сроку службы не положено»?

— И здесь дедовщина, — вздохнул Валюшок, принимаясь тыкать пальцами в клавиши.

— Везде дедовщина. Каждый раз, меняя работу, ты проходишь заново путь от «черепа» до «деда». Везде, где собирается больше одного человека, «дедовщина» присутствует в том или ином виде. А уж у нас-то, в Воинстве Христовом — сам бог велел. Хотя некоторые считают, что АСБ — армия Тьмы. Но таких мы почти всех поубивали. И чего ты сюда подался, Валюшок?

— В архангелы захотелось, — отрезал Валюшок. — Кстати, а ты-то сам как считаешь, что такое АСБ?

— Необходимое зло, — мгновенно ответил Гусев.

Видно было, что ответ у него заготовлен давно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Он сражался за независимость своей родины, оставаясь тираном и человекоубийцей.

Когда отчеты были закончены, Гусев согнал их в архив, а свою докладную записку не только куда-то отправил, но еще и распечатал. Буркнул Валюшку: «Сиди, кури, играй», забрал бумажки и ушел. Валюшок перебрался за гусевский стол и с огромным интересом полез в компьютер ведущего. Эта машина сразу показалась ему куда быстрее соседней и вообще гораздо круче, чем необходимо для простенького офисного рабочего места. Припомнив немудреную команду, Валюшок ознакомился с конфигурацией и аж присвистнул. Здесь стоял мощный видеоакселератор, а оперативной памяти было просто немерено. Заинтригованный Валюшок сунулся под стол и обнаружил, что пломба на корпусе сорвана. Похоже, Гусеву никакие правила были не писаны. А еще он, судя по всему, проводил на работе куда больше времени, чем полагалось. «Ну, сейчас порезвимся!» — обрадовался Валюшок, резонно полагая, что игровой раздел на диске битком набит хорошими трехмерными «стрелялками» — беготня, пальба, кровища. Однако Гусев и тут своего ведомого удивил. Игрушек действительно оказалось вагон, но все они были стратегические или ролевые, причем нелокализованные, на английском, и очень сложные. Валюшок было затосковал, но потом нашел один-единственный автомобильный симулятор и принялся гонять.

Гусев отсутствовал почти час. В «рабочей» стояла абсолютная тишина, разве что Валюшок иногда скрипел резиной на поворотах. Центральное отделение трудилось на улицах города, и, судя по отсутствию тревожных сигналов, никого покамест не убило. Развешанные там и сям большие мониторы были мертвы, динамики оповещения хранили молчание. Ничего похожего на деловитую суету прежних лет, о которой с ностальгическими вздохами рассказывали инструкторы подготовительных курсов. Похоже, город исчерпал свои криминальные возможности. Как и вся страна в целом. Драконовские законы и невероятно четкое их ис-

полнение сбили температуру почти до нуля — преступления совершались в основном на бытовой почве, — и уполномоченным АСБ предстояло рано или поздно раствориться в армии милиционеров и налоговиков. Об этом инструкторы тоже предупреждали — мол, кончается халява, повоюете немного, а потом станете как все. То есть без огромной страховки, высоченной зарплаты с роскошными премиальными, а главное — без прав, которые вы, салаги, гордо зовете *«лицензией на убийство»*.

И, гуляя по улицам, в это несложно было поверить. Валюшок еще помнил неприятное ощущение, когда в московском воздухе тяжелым удушливым смогом висела ненависть. Висела долго, лет десять, всю его юность, а потом вдруг исчезла.

Потому, наверное, что когда-то на одного выбраковщика приходилось сто уголовников, а теперь, даже при сокращенном штате АСБ, десяток уполномоченных с трудом откопают себе одного-единственного клиента. Кстати, но ведь штат собираются опять расширить... Странно — зачем?

«А действительно, — подумал Валюшок, — на фига нас так много понадобилось? То-то Гусев удивился, когда я ему рассказал, сколько народу было на подготовительных. У него аж глаза на лоб вылезли...»

Выбраковка давно уже не работала с полной отдачей. Раньше Центральное каждый день проводило специальные операции, но с тех пор уцелевшие бандиты попрятались, уличная преступность сошла на нет, а освободившиеся из мест заключения рецидивисты активно овладевали гражданскими специальностями и боялись лишний раз вздохнуть. Знаменитый «Указ Сто два», согласно которому третье по счету преступление влечет за собой пожизненную каторгу, за неполных шесть лет все поставил в стране на положенные места. Упрощенная система дознания сделала правосудие молниеносным, а наказание поистине неотвратимым. И Агентство социальной безопасности — аналог ленинской ЧК, только ориентированный на борьбу с преступлениями против личности, — потихоньку отмирало, как рудимент крутых времен. Рабским трудом многомиллионной армии вымогателей, мошенников, насильников и убийц

потихоньку выковалось местное экономическое чудо, и правительственные менеджеры уже готовили экономику к переходу на более цивилизованные рельсы, потому что ряды каторжников таяли, а новых врагов народа просто неоткуда было взять. «Какой разумный термин — «враг народа», — думал Валюшок, выводя свой виртуальный автомобиль на прямую и давая полный газ. — Ведь действительно, любой, кто нарушает права личности, — это именно враг народа, всего народа в целом. Неважно, кража или грабеж, в любом случае это насилие, посягательство на территорию человека и его внутренний мир. И тот, кто сознательно решается на преступление... Его обязательно кто-то научил, что такое возможно. Какой-то ублюдок. Какой-то мерзавец. Верное было решение — давить уродов, давить, чтобы не могли они больше размножаться и плодить себе подобных. Интересно, кто это придумал. Считается, что и «Указ Сто два», и «Указ Сто шесть» — плоды коллективной воли. Но ведь был некто, подавший идею первым. Хотел бы я посмотреть на этого человека. Ежику ясно — у него должна быть очень больная голова. Но идею он подбросил блестящую».

— Очнись, гонщик, — сказал Гусев. — А то за настоящий руль не пущу. Ужинать пошли?

В столовой их прилично накормили, разумеется, бесплатно. Валюшок рассчитывал, что сейчас они вернутся на маршрут, но Гусев снова пошел в «рабочую». Вытащил из ящика стола какие-то тряпки, фляжки, комплект инструмента, милостиво кивнул Валюшку на свой компьютер, а сам уселся рядом и принялся возиться с «береттой». Движения у Гусева были небрежные и быстрые, как у человека, который проделывает сборку-разборку и чистку ежедневно в течение многих лет. Особенно Валюшок поразился, когда на столе появилась специальная оправка и Гусев тщательно прокалибровал все патроны, даже те, что в запасных обоймах.

«Ты бы их еще в пескоструйную машину засунул», — подумал Валюшок.

Гусев взял один патрон и близко поднес его к глазам.

— В пескоструечку бы тебя, грязнуля... — пробормотал он.

Валюшок от неожиданности чуть не поперхнулся и зашелся в кашле. Гусев коротко на него глянул, ничего не сказал и принялся заряжать обоймы.

— А мне такую дадут когда-нибудь? — спросил Валюшок, показывая глазами на «беретту».

— Не дадут, — отрезал Гусев, сделав ударение на слове «дадут», и у Валюшка как-то вдруг пропала охота задавать еще вопросы.

На первом этаже Гусев молча сунул руку в окно дежурки.

— Что вам? — спросил помощник дежурного, молодой парень, ровесник Валюшка, сидевший за пультом.

— Угадай с трех раз, — предложил Гусев.

Молодой надулся было, но его вдруг заслонил выбраковщик постарше и вложил в раскрытую ладонь Гусева ключи.

— Запиши, — сказал он молодому. — «Пятнадцатую» взял Гусев.

Гусев против ожидания руку не убрал.

— Бери что дают, — сказали ему строго.

— А еще страшнее нету? — сморщился Гусев.

— Только страшнее и есть.

— Даже мне?

— Тебе — особенно. Пэ, не заедайся, ты же в резерве.

— Да в каком я, мать-перемать, резерве?!

— А разве нет?

— В чем, собственно, дело? — подал голос молодой.

— «Группу поддержки» ты высылал на Поварскую?

— Ну я...

— Знаешь, кто оттуда поддержку вызывал? Кто там пулю чуть было головой не поймал, на этой сраной улице Воровского?!

— Стоп, стоп, стоп... Тайм-аут. — Дежурный отодвинул помощника, заслоняя его от гусевского праведного гнева, и принялся листать растрепанный журнал, лежащий на пульте. — Спокойно, Пэ. В расписании тебя нет. Во всяком случае — нам не доводили...

— ДО НАС НЕ ДОВОДИЛИ! — рявкнул Гусев.

— Точно, — согласился дежурный. — Правильно гово-

рится — «до нас не доводили»... Так, а это что еще?! Ты почему разнарядку не сверил, бестолочь? Вот же дополнительный список!

— Да я... — начал помощник, но больше сказать ничего в свое оправдание не успел, потому что Гусев очень метко и больно швырнул ему ключами в глаз. Помощник взвыл и схватился за лицо.

— Первое внутреннее предупреждение тебе, — сообщил Гусев. — Дежурному просьба сделать отметку в журнале.

— За что-о?!!! — заорал помощник, вскакивая на ноги.

— Сейчас будет второе, — пообещал Гусев.

Дежурный взял помощника за шиворот и одним движением утрамбовал обратно в кресло.

— Извини, Пэ, — сказал он. — Недосмотрел.

— Из-за такого недосмотра люди пролетают мимо платежной ведомости! — фыркнул Гусев.

— Да что ты! Хочешь, я прослежу лично?! — замахал руками дежурный.

— Допустим, хочу.

— Обязательно. Честное слово. Ключи возьми, Паша. От «двадцать седьмой».

— Ну...

— От сердца отрываю.

Гусев помялся, но ключи взял.

— Салаге твоему предупреждение — не забудь, — бросил он на прощание.

Дежурный в ответ только вздохнул.

Во внутреннем дворе Гусев окинул взглядом ряды машин и уверенно направился к «двадцать седьмой», которую неким внутренним чутьем вычислил.

— Ты бы еще мордой об пульт этого беднягу... — пробормотал Валюшок в спину ведущему.

Гусев на ходу запнулся. Оказалось — для того, чтобы со всей силы лягнуть ведомого в живот. Не оборачиваясь, на слух.

Валюшок от неожиданности упал.

— Ты идиот? — спросил он, лежа на асфальте и глядя в сумеречное небо.

Гусев не ответил, только впереди хлопнула дверца. Валюшок с глубоким вздохом поднялся. Машинально он отряхнул куртку, оставшуюся совершенно чистой даже в том месте, куда впаялся гусевский башмак. Мысленно поблагодарил мусорщиков за чистоту, а создателей легкого бронекомплекта — за то, что жив-здоров, и пошел вслед за ведущим.

— Наша служба и опасна, и трудна, — пробормотал он тихо себе под нос. — То ли еще будет, ой-ей-ей...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мы уже никогда не узнаем, каким был наш ужасный герой в личной жизни. Шутил ли он хоть когда-нибудь, озаряла ли улыбка лицо этого изверга-патриота?

«Двадцать седьмая» машина с виду была «Жигули» как «Жигули», примитивная старая хреновина — дешевый автомобиль для битья. В городском потоке от таких старались держаться подальше. Но даже сидя пассажиром, Валюшок сразу почувствовал: что-то с «двадцать седьмой» не так. Аппарат доводили до ума, у него оказалась по-спортивному жесткая подвеска и двигатель куда мощнее обычного. Стрелка тахометра едва-едва шевельнулась, а полбульвара уже было позади.

— Подшипник гудит, — сказал Гусев. — Или это не подшипник? Леха, послушай.

Валюшок демонстративно отвернулся.

— Нет, не подшипник, — резюмировал Гусев. — Вот что, Алексей. Я, конечно, зря на тебя замахнулся. Но и ты меня пойми.

— Если это называется «замахнулся»...

— Ну извини, пожалуйста. Очень уж ты неудачно под горячую руку...

— Руку?!

— Я больше не буду. Честное слово.

— Так я тебе и поверил, — фыркнул Валюшок. Понятно было, что Гусев не собирался причинять ему физический вред — да и не смог бы, даже при большом желании. Ведущий просто хотел заткнуть молодого бойца, не ко времени раскрывшего пасть. А поскольку руки у Гусева были в кар-

манах и вынимать их ему оказалось лень... Получилось весьма унизительно, одна надежда, что из окон никто в этот момент не таращился.

— Вообще-то в любом конфликте тебе положено занимать мою сторону, — заметил Гусев, сворачивая на Остоженку. — По штату положено. Не рассуждая и, тем более, не вякая. Живее будешь.

— Даже в конфликте внутри АСБ?

— Особенно внутри, дорогой ты мой! Особенно... Я понимаю — твое желание оградить ребят помоложе от произвола старших вполне естественно. Но ты уж, будь другом, постарайся это желание как-нибудь подавить. Ты ведь не шныряешь по отделению, не бегаешь с разными дурацкими бумажками, не сидишь на пульте. Тебя сразу поставили работать. А значит, друг мой Лешка, держись оперативников, и в особенности — стариков. На маршруте никто тобой помыкать не будет, наоборот, всему научат и даже поначалу защитят, если что. Здесь тебе не армия, у нас дедовщина только в офисах процветает. На поле боя молодых берегут. Иначе откуда новых выбраковщиков брать?

— Ладно, — кивнул Валюшок. — Извинения принимаются. Хотя...

— Это все нервы, Леха. — Гусев цыкнул зубом и достал сигареты. — Это все гребаный пенсионный фонд.

— Он бы в тебя все равно не попал, — вспомнил охранника с карабином Валюшок.

— Еще бы он попал! — усмехнулся Гусев. — Нет, конечно. Но вот я... Я-то в него попал, Леха. И очень больно ему сделал. Такие вот дела.

— Ты в выбраковке уже лет пять... — медленно произнес Валюшок.

— Шесть.

— ...и тебя до сих пор беспокоит то, что ты людям причиняешь боль?!

— «Не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам», — процитировал Гусев. — Кстати, упреждаю твой следующий вопрос — действительно не расстреливал. Убивал — было, не скрою. И даже много убивал. Человек, наверное, тридцать. Но они меня тоже бы убили, дай им волю. А вот насчет расстрелов — фигушки. Я знаю,

про первые годы выбраковки очень много слухов ходит, якобы у нас в подвалах кровищи было по колено. Вранье это все. Это наш отдел внешних связей население пугал. Мол, у чекиста должны быть длинные руки, кожаная куртка... И что-то еще — забыл что.

— А кто тогда расстреливал?

— У нас смертной казни нет, — напомнил Гусев.

— Ну, это понятно, что ее у нас нет...

— На самом деле нет, — отрезал Гусев. Машина стояла на светофоре, из соседнего «БМВ» на убогую таратайку выбраковщиков презрительно косилась расфуфыренная барышня.

— Некрасивая и стервозная, — пробормотал Гусев. — Несчастный человек. И жалко мне тебя от души, и случай упускать не хочется... Ох как смотрит! Думает, я про нее гадости всякие говорю...

«БМВ» всхрапнул мотором и слегка продвинулся вперед.

— Эй, Валюшок! — позвал Гусев. — Держись за шляпу. Нас только что с ног до головы уделали преступным высокомерием. Предлагаю мелко и подло отомстить. Готов?

Вспыхнул зеленый. Как истинный джентльмен, Гусев позволил даме начать гонку. Он даже чересчур увлекся — иномарка уже пересекла стоп-линию, когда «двадцать седьмая» присела на все четыре колеса и выстрелила.

Неизвестно, что подумала хозяйка «БМВ», когда мимо нее пронеслось этакое пушечное ядро, но Валюшку пришлось туго. Опытный и умелый водитель, он невольно воспринимал все эволюции машины так, будто сам был сейчас за рулем. Короткий отрезок пути до Садового кольца Гусев пронесся настолько безопасно, насколько это было возможно при таком сумасшедшем темпе. Пришлось обогнать несколько машин, казалось, застывших на месте, и ни одной аварийной ситуации Гусев не создал. Но все равно, сколько «Жигули» не дорабатывай, в «Феррари» они от этого не превратятся. Так что когда Гусев осадил «двадцать седьмую» у поворота с явным намерением дальше ехать спокойно, Валюшок облегченно перевел дух.

«БМВ» в зеркале отсутствовал. Выбраковщики, не веря своим глазам, синхронно оглянулись.

— А-а... Ползет. — Гусев вырулил на Садовое, и машина неспешно покатилась в сторону Нового Арбата. — Знай наших. Покойник Федя Яковлев на такой же тачке «Субару-Импреза» загнал. Простую, конечно, не турбированную. Но все-таки! В городе, да на сухом асфальте, от нас спасения нет. Дешево и сердито.

— И как же он ее загнал? — поинтересовался Валюшок.

— Натурально. Измором взял. А буквально на следующий день переходил улицу на красный свет и попал под машину. Вот ты бы поперся на красный? Чтобы тебя насмерть задавили, и ты же еще оказался бы виноват... Так вот, Леха, мы с тобой насчет расстрелов не договорили. Заруби себе на носу, выбраковка не расстреливает никого. Все, что ты слышал на подготовительных курсах, — чистой воды правда. Мы вообще не имеем отношения к исполнению приговоров. Наша задача — изъять из общества его врагов, обеспечить доказательную базу для суда — и все. Дальше работают уже судейские и ГУЛАК. А если мы кого-нибудь в процессе задержания убьем — значит, он воспользовался своим правом оказать сопротивление. Исключений не бывает. Каждый занят своим делом. Милиция — розыском и профилактикой, мы — санацией, прокуроры э-э... прокурорят, а ГУЛАК уже непосредственно истребляет всякую мразь. Путем создания ей невыносимых условий жизни. Между прочим, только строго между нами, пару раз имели место запланированные побеги с каторжных работ.

— Запланированные? А-а... — Валюшок поежился.

— Кто-то ведь должен был рассказать братве, какой это ужас.

— Слушай, это на самом деле так... Так страшно?

— Просто гибель, — кивнул Гусев. — Я ездил в командировки. Дознавателей сопровождал ко всяким узникам на допросы по вновь раскрытым делам. И кое-что смог увидеть. Они вкалывают как безумные. Там ведь можно пробиться в десятники, в бригадиры, устроиться на придурочную должность и этим немного облегчить свою участь. Читал Солженицына? Ничего похожего. А вот на фашистские концлагеря смахивает весьма. Малейшее неповиновение — тебя хватают под белы рученьки и уводят. Только не в газовую камеру, а на парочку уколов. И возвращаешься ты потом в тот же барак — остальным в назидание. Тихий и смирный возвращаешься. Их бы всех психотропными средствами обрабатывали, только уж очень дорого это.

— Каторга должна быть прибыльной, — согласился Валюшок понимающе.

— Забудь! — усмехнулся Гусев. — В наши дни каторга по определению не может быть прибыльной. В сталинские времена — наверное, но сейчас рабы больше съедают, чем производят. Это ты пропаганды нанюхался. Все нынешние успехи Союза, дорогуша, зиждятся на трех китах. Повальная честность налогоплательщика — раз. Отсутствие теневой экономики — два. И принцип «У нерусских не покупаем» — три. Конечно, не в том смысле, что мы кока-колу больше не пьем, а в том, что у нас турки Кремль не ремонтируют и чурки дачи не строят. А каторжники — это просто было подспорье в самом начале...

Мимо проехал, обгоняя выбраковщиков, давешний «БМВ» и круто спикировал к подъезду дорогого ночного клуба. Валюшок невольно засмотрелся на яркую вывеску. Он здесь не бывал, да и вообще давно уже перестал тянуться к навороченным кабакам. У него имелся свой любимый пивнячок в двух шагах от дома. С бильярдом, дартсом и теплой спокойной обстановкой. Как у любого нормального человека в этом городе. В неоправданно дорогих безвкусных заведениях наподобие того, куда направилась дамочка из «БМВ», тусовались, как правило, не совсем нормальные. Скучные пустые люди, измученные вечным ощущением, что им чего-то недодали в жизни. Валюшок понимал, от чего так бывает. Он и сам когда-то не знал, чем заполнить щемящую пустоту внутри, которая никак не хотела проходить, хоть ты ее пейнтболом, хоть горными лыжами, хоть книгами хорошими. Бесился, на стенку лез в поисках новых ощущений... А потом все улеглось. Оказалось, нужно просто найти свою любовь и дело по душе. «Просто?.. Черта с два это так просто. Многим до самого конца так и не удается. Интересно — Гусеву удалось?»

Гусев в это время крутил баранку и разглагольствовал. Валюшок не без труда вернулся к действительности и прислушался.

— ...конечно, наши порядки не очень-то согласуются с

Декларацией прав человека, — вещал Гусев. — Но зато в Союзе можно по-человечески жить. Совершенно без страха. Думаешь, почему наш режим так люто ненавидят все правительства мира, кроме совсем уж тоталитарных, а мы с ними по-прежнему выгодно торгуем, науку вместе делаем, экспедицию на Марс готовимся запускать? Да потому что любой, кого хоть раз ограбили на улице, кому хоть раз ни за что ни про что дали по физиономии... В этот момент, сжимая кулаки или утирая слезы, он мечтал переселиться в Союз, где такого не бывает в принципе. Нас давно бы стерли в порошок, даже ценой ядерной войны. Но общественное мнение не позволяет. Сколько ты его телевизором ни потчуй, сколько ни капай на мозги — люди хотят, чтобы Союз был. Хотя бы как недосягаемая мечта, как символ. Мы фактически реализовали утопию, Леха. Мы почти уже построили безопасное общество. Мы! Мы это сделали, понимаешь?

— Ну, я-то пока ничего не сделал, — потупился Валюшок.

— Уже начал. Да и успеешь еще, — пообещал Гусев. — Я же говорил — очередной подвиг назначен на полночь. Так что жди. Будет тебе чем заняться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Как уже говорилось, князь опирался на поддержку беднейших слоев населения страны. Но, конечно, антифеодальная политика Влада вдохновлялась совсем не любовью к простому люду и не состраданием — это чувство было ему неведомо, а стремлением к укреплению государства и собственной единоличной власти.

На стоянке у памятника Маяковскому Гусев пристроил машину рядом с несколькими такими же неприметными автомобилями, в каждом из которых лениво покуривало по три человека.

— Уж полночь близится, а Мышкина все нет, — сказал он, оглядевшись. — Непорядок. А-а, легок на помине...

От Садового поднимался огромный «дальнобойщик».

Машины на стоянке дружно завелись. Фура свернула на Брестскую, и за ней тут же выстроилась целая кавалькада.

В тесном переулке грузовик притерся к обочине. Группа Мышкина кое-как запарковалась вокруг и полезла в трейлер, задняя дверь которого наполовину распахнулась, вывалив наружу короткую лесенку.

— Мобильный штаб, — объяснил Гусев. — Он же летающая крепость. Пошли, чего сидишь?

Внутри трейлер оказался больше всего похож на конференц-зал пополам с сельским клубом: проекционный экран, несколько столиков с компьютерами, ряды простецких деревянных скамеек человек на тридцать. Дополняли обстановку зарешеченные боксы для клиентов в ближнем ко входу торце и пара кондовых несгораемых шкафов. Вот это уж было явно не клубное оборудование. Валюшок заинтересованно вертел головой, Гусев его подталкивал.

Выбраковщики расселись, мягко захлопнулась дверь. В президиуме обнаружилась необъятная туша Мышкина, рядом с которой совсем потерялся мелкий неприметный человечек. При всем желании Валюшок не смог бы описать его внешность — просто некто в галстуке. Да и галстук этот тип повязал скорее всего, чтобы акцентировать на нем внимание и стать от этого окончательным невидимкой.

— Восемнадцать, — прогудел Мышкин. — Все живы, все на месте. Так сказать, более чем достаточно. Внимание, господа. Это, так сказать, наш старый знакомый, коллега, так сказать, из... Короче, неважно откуда.

— С Петровки коллега, — подал реплику кто-то в передних рядах. — Как его... Капитан Петров, вот.

— Майор Сидоров, — представился «коллега». Голос у него оказался слабый и такой же бесцветный, как и он сам. «Хороший, наверное, специалист, — подумал Валюшок. — С такой внешностью — хоть в разведку иди, сам бог велел. И не дурак. Готов поспорить, на самом деле он полковник Иванов».

— Тамбовский волк ему коллега, — неожиданно в полный голос сказал Гусев. Все головы в «конференц-зале» тут же повернулись в его сторону. Мышкин предупредительно заворчал. — Расскажи, майор, как ты у меня Шацкого отнял. Этому подонку самое место было на урановых рудни-

ках. А он, вместо того чтобы кровавыми слезами плакать и руки-ноги веревочками подвязывать, третий год тебе стучит. А на АСБ плюет при каждом удобном случае. И денег у гада немерено. Сколько ты ему платишь, майор?

— У вас еще что-нибудь по этому вопросу, товарищ Гусев? — учтиво спросил майор.

— У меня по этому вопросу имеется для Шацкого именной патрон. Так на нем и написано: «Убийце-садисту Шацкому с приветом от Центрального».

— Никого он не убивал, — начал потихоньку заводиться майор. — А вот сколько мы всякой дряни изобличили с его помощью...

— Дай мне Шацкого, я его в пять минут изобличу. Он у меня сначала чистосердечное напишет, а потом еще и добровольно удавится, — пообещал Гусев.

— У тебя, Гусев, чистосердечное написал бы даже, так сказать, Дзержинский, — сообщил Мышкин.

— Жалко, не дожил, — вздохнул Гусев.

Группа Мышкина одобрительно захихикала.

— Короче, Пэ, заткнись, пожалуйста, — попросил Мышкин.

— Виноват, командир. Разрешите вопрос к товарищу майору?

— Не дождешься! — почти выкрикнул майор, отвечая на еще не заданный вопрос. Голос майора наконец-то приобрел окраску — ехидную и мстительную.

— Да хрен с ним, с Шацким, все равно на пулю нарвется рано или поздно, — сменил тему Гусев. — Меня куда больше интересует, как продвигается дело Бобика.

Майор демонстративно посмотрел на часы.

— А действительно! — оживились на первых рядах. — Куда Бобика заныкал, начальник?

— Он где-то в Америке залег, — нехотя ответил майор. — Ищем. Вместе с ФБР ищем.

— Точнее, ФБР ищет, а вы к ним в гости катаетесь, — заметил кто-то. — Виски со льдом, клубника со сливками, зеленые бумажки с портретами...

Майора основательно перекосило. Теперь Валюшок смог бы его описать — «крепко обиженный человек в галстуке».

— Сами же упустили, — пробормотал майор. — А мы за вас отдувайся.

Группа в один голос угрожающе зашипела. Валюшок присмотрелся — здесь не было его ровесников, в основном люди глубоко за тридцать, а то и за сорок. Ветераны Агентства. И чем-то пресловутый Бобик их всех здорово взял за живое.

— Хватит! — Мышкин хлопнул ладонью по столу. — Короче! Время. Отвели душу, и будет с вас. Так сказать, хлебом не корми — дай обидеть человека. А он, между прочим, нам халтурку подбросил. Короче, майор, рисуйте задачу.

— Опять за ментов говно разгребать, — буркнул плечистый дядька, сидевший от Валюшка слева. Валюшок его узнал — это был Калинин, один из мышкинских ведущих. Он еще зевал на планерке в отделении, чем навлек на себя гнев начальства. А может, и не зевал вовсе, просто не успел гадость сказать.

Майор, вместо того чтобы обидеться, вдруг улыбнулся. Мол, именно это и разгребать. Каждому свое. Кому-то тонкая работа, а некоторым, которые полагают себя круче всех, — лопату в руки и вперед. Для этого, собственно, и организовывали АСБ.

— Итак, вот что у нашего ведомства есть для вас, — сказал майор. — Семь лет назад суд присяжных оправдал пятерых. Это была устойчивая преступная группа, за ними числится как минимум одно убийство, множество фактов вымогательства, разбои, грабежи. Мы их ломали как могли, а на суде все равно дело рассыпалось. Лидеру дали пятнадцать лет строгого, а остальных — за недоказанностью. Разумеется, после «Указа Сто два» они легли на дно. Мы их долго искали — и вот, нашли. Снова лазают по городу. Похоже, ищут, чем бы поживиться. Сейчас эта компания вышла из «качалки» и отмокает в сауне, отсюда пара кварталов. Пробудет там... Минимум еще часа два. Вряд ли они вооружены, но может быть всякое. И у охраны, понятное дело, какая-нибудь пукалка да найдется. «Качалка» в прошлом бандитская, да и сейчас там народ собирается довольно поганый. В общем, можно не церемониться. Гребите всех. И побольше шухера. Чтобы те, кого потом отпус-

тят, надолго запомнили и другим рассказали. А основные лица мы вам сейчас покажем...

Мышкин утвердительно кивнул и повернулся к видеопроектору.

— Вот так всегда, — заявил Калинин. — Как из уголовника признание выбить, так вы и лапки кверху. А честных людей запугивать...

— Закон суров, но это закон, — развел руками майор. — Всего лишь буквы. И мы этим буквам обязаны следовать. Не то что некоторые.

— Интересно, что ты будешь делать, майор, когда нас всех поубивают? — спросил Гусев. — Кому ты будешь это говорить — побольше шума, ребята, побольше страха на гадов нагоните... Омоновцам своим, которые под тем же законом ходят? И так же, как ты, зубами скрипят, когда адвокаты убийц отмазывают? Чего стоит твой закон без АСБ, а, майор?

— Если честно, Павел, я с самого начала был против «Указа Сто два», — сказал майор. — Я и сейчас против. Двухступенчатого правосудия не может быть в принципе. Где это видано...

— А где видано, чтобы ты ночью прошел сквозь огромный город и навстречу тебе попадались сплошь улыбающиеся лица? — парировал Гусев. — Где видано, чтобы на каждой скамеечке влюбленные сидели, и ни одна сволочь, ни одна... — Он задохнулся и умолк.

— И чтобы простой работяга за год мог на машину накопить, — ввернул Калинин. — А бутылка трешник стоила?

— Кто о чем, а вшивый о бане, — откомментировали с передних рядов. — А действительно, майор, где еще так живут?

— В Европе, — скромно ответил майор.

— Хватил! — фыркнул Калинин. — И вообще, начальник, если ты такой принципиальный, какого черта к нам таскаешься?

— Ну, вообще-то я не сам пришел. У меня приказ взаимодействовать.

— Хорошо, а что руководство твое думает?

— Да не нужны вы уголовке! — взорвался майор. — На

фиг не нужны! И без вас справимся. Ясно?! Мы просто ловим момент. Пока вы есть — пользуемся.

— Паранойя какая-то, — помотал головой Калинин. — Верно, Пэ?

— Угу, — согласился Гусев. — У тебя раздвоение личности, майор. Ты просто готовый клиент для одного нашего интересного департамента. Где двери без ручек и всем постоянно спать хочется.

— Короче, вы фотки будете смотреть? — поинтересовался Мышкин. — Пятнадцать минут до выхода. Большая «труповозка» уже на месте должна быть. И закрывайте, так сказать, дискуссию.

— Уже закрыли, — сказал Калинин. — Только вот... Ты это, майор. Ты правильно сказал — пока мы есть, надо ловить момент. Потому что скоро нас не станет. Ты-то, понятное дело, особенно переживать не будешь. Но вот народ... Люди нас еще вспомнят. Потому что вы эту дурацкую страну... Нет, не удержите. Попомни мое слово, не удержите вы ее. Здесь еще браковать и браковать. Каждого сотого выводить из строя и на Колыму. Вот так.

Майор что-то хотел сказать, но передумал и отвернулся.

— Короче, гасим свет, — подвел черту Мышкин. — Давайте, парни, запоминайте вражьи рыла. Чтоб их всех...

Тренажерный зал и сауна занимали длинный полуподвал жилого дома. В прежние времена Мышкин обкладывал такие заведения со всех сторон и устраивал спектакль с громогласным ультиматумом через мегафон и прочими театральными выкрутасами. Чаще всего осажденные прятали кто куда оружие и другие компрометирующие предметы и понуро лезли в руки выбраковщиков, уповая на то, что пронесет нелегкая. Местное население торчало из окон и ловило кайф от того, как его берегут и защищают. Иногда выбраковку даже подбадривали радостными воплями — особенно сцены усмирения бандитов доставляли удовольствие пенсионерам из числа самых малограмотных.

Случались, конечно, эксцессы, когда захваченные врасплох подозреваемые оценивали свои шансы на жизнь объективно и упирались рогом. В таких случаях Мышкин произносил свое знаменитое: «Короче, если гад не сдается, его

уничтожают», жителей просили убраться от окошек подальше, и начиналась пальба. Увы, даже самый лояльный гражданин отчего-то терпеть не может трупы и кровищу, пусть это все и бандитское. По телевизору он с великим удовольствием смотрит, как негодяев разделывают под орех, а от грубой реальности воротит нос. АСБ такие нюансы поначалу не учитывало. Но с определенного момента, когда оказалось, что рейтинг Агентства из-за явно видимой его кровожадности падает, упор был сделан на кошачью тактику скрадывания. Засады, скрытное проникновение, никаких битых стекол и поменьше насилия, которое мог бы заметить посторонний глаз. На бумаге все получалось отлично. По жизни — не очень. Тем не менее весь последний год выбраковщики работали, скованные рамками строжайшего приказа — минимум беспокойства для частных лиц. Особенно в ночные часы, когда налогоплательщик обязан реализовывать свое конституционное право на отдых.

Поэтому Мышкин вместо того, чтобы блокировать входы-выходы и предложить клиентам сдаваться по-хорошему, выбрал другой путь, куда более опасный для своих подчиненных, но зато относительно бесшумный.

Когда на экране появилась схема полуподвала, расстановку сил командир группы обозначил буквально двумя словами. Но непосредственно на объекте Валюшок поразился тому, насколько четко действовали его люди. Группа заняла позиции в считанные мгновения. И сам того не ожидая, Валюшок оказался в двух шагах от парадного входа в закрытый спортклуб, который сейчас ему предстояло штурмовать.

Тут же, за углом, ждала своего часа и большая «труповозка» — фургон с надписью «Хлеб» на борту. Только что из нее кого-то вывели, но Валюшок так и не рассмотрел, кого именно.

Рядом с Мышкиным встали четверо из шести его ведущих — остальные развели группу куда-то вдоль дома и на черный ход. Неподалеку околачивался майор. И еще здесь был Гусев. Который обернулся и бросил Валюшку:

— Останешься на входе, перестреляешь там всех, кого прикажут. Если что, позову.

Валюшок, надеявшийся на большее, разочарованно вздохнул и достал игольник. Да так и застыл со своей пневматической игрушкой в руке. Потому что Мышкин, Гусев и ведущие тоже достали оружие. Но какое!

У Мышкина оказалась «беретта», очень похожая на гусевскую, только раза в полтора больше. Такое Валюшок раньше видел только в кино — это был уже не пистолет, а целый пистолет-пулемет с удлиненной обоймой и откидной рукояткой под стволом. А остальные... Здесь был «глок», здесь был армейский «кольт», хотя тоже какой-то странный, явно доработанный, мелькнул роскошный «зиг-зауэр», и еще одна неприличных размеров пушка, в которой Валюшок заподозрил «магнум», хотя и не очень уверенно.

Затвор никто не передергивал. Значит, патроны уже в стволах.

«Господи, да что же это они такое замышляют?» — поразился Валюшок.

— Начали! — выдохнул Мышкин.

Быстрым шагом выбраковщики обогнули угол и оказались у двери спортклуба. Перед самой дверью переминался с ноги на ногу какой-то субъект, а неподалеку прижались к стене двое с игольниками. «Так вот кого привезла «труповозка», — догадался Валюшок. — Член клуба. Как я раньше не догадался, нам ведь нужно без шума войти...»

Тяжелая бронированная дверь начала открываться. Стоявший перед ней мужчина шагнул назад, и тут же на его месте оказался Мышкин.

Последующие несколько секунд в памяти Валюшка отпечатались как всеобщая непонятная возня — приглушенное сопение, команды вполголоса и задушенная ругань. Дважды тихо хрустнул игольник. Под ногами слабо шевелилось живое и постанывающее. Ничего героического, даже как-то скучновато.

Выбраковка, подмяв под себя охрану, пробилась сквозь тесный коридор и оказалась в небольшом помещении с барной стойкой и кучей дверей. Взвизгнула какая-то размалеванная девица, сильно поддатый широкоплечий парень вытаращил глаза. Бармен, видимо битый жизнью человек, моментально поднял руки.

— АСБ! — прогудел Мышкин. — Имеете право оказать сопротивление!

Валюшок оглянулся — позади валялись на полу двое в форме секьюрити и курил майор.

Ведущие пинками распахивали двери и исчезали за ними. Барахтанье, удивленные возгласы, и отовсюду — «Сидеть! АСБ!», «Стоять! АСБ!», «Тихо! АСБ!». И после этого действительно — тихо.

Негромкий свист. Валюшка сильно толкнули в плечо. Он обернулся — Гусев пихал его в ту сторону, откуда свистели. Валюшок нырнул за дверь. Это оказалась раздевалка, и один из ведущих держал на прицеле троих полураздетых молодых людей.

— Дай им одеться, — распорядился ведущий. — Не голых же тащить.

— Да, — кивнул Валюшок, поднимая ствол. Ведущий тут же потерял к своим жертвам интерес, приоткрыл дверь в тренажерный зал, на пару секунд за нее сунулся, потом вернулся и прошел в глубину раздевалки, где виднелась еще одна дверь, в душевую, откуда доносился плеск воды.

«Там, за душевой — сауна», — вспомнил Валюшок.

— Одеваться, быстро, — приказал он. Молодые люди, бросая на него затравленные взгляды, подчинились.

В холле разговаривали на повышенных тонах. Потом снова завизжала девица, но как-то сдавленно. Опять несколько раз выстрелили из игольника. И сразу за спиной раздались шаги. Мимо Валюшка прошел Мышкин, за ним — остальной его авангард.

— Сделай что положено и сразу назад, к выходу, — напомнил Валюшку Гусев.

Подопечные Валюшка трясущимися руками натягивали на себя одежду. Вода в душевой зашумела сильнее. Выбраковщики скрылись за дверью. Валюшок с грустью рассматривал парней, которых ему сейчас придется обездвижить. «Неужели это необходимо? — думал он. — Ребята как ребята. Выглядят нормально. Испуганы, даже очень. Может, я их так выведу, без стрельбы? Ведь никакого смысла. Все равно наверху экипаж «труповозки» их встретит. Нет, не буду я стрелять. Глупо. Зачем? Это небось Гусев надо

мной какой-нибудь эксперимент ставит в воспитательных целях. А вот фиг ему. В конце концов, имею я право...»

Додумать, на что он имеет право, Валюшок не успел. В сауне начали с жутким грохотом стрелять очередями. Машинально все в раздевалке вздрогнули и повернули головы к двери, в том числе и Валюшок. И тут же трое задержанных на него бросились.

Что бы ни думал себе Гусев, настоящим адреналиновым наркоманом Валюшок не был. То есть он любил раньше пощекотать себе нервы, но в пределах разумной достаточности. Поэтому и кандидата в мастера спорта заработал не скалолазанием или там экстремальным парашютизмом, а вполне безобидной игрой в войнушку под названием «пейнтбол». Что его на этот раз и спасло. Пошатываясь, он сделал шаг назад, не в силах оторвать глаз от распростертых на полу тел, срубленных одной длинной очередью. «Если бы этот попал мне ногой в голову... Я отклонился буквально на сантиметр. О боже! Если бы он попал мне в голову...»

«Он бы проломил тебе висок, мудила!» — услужливо подсказал внутренний голос.

Нетвердо ступая, Валюшок выбрался в холл. На полу без движения валялись давешние парень и девица. Бармен куда-то исчез. Майор сидел на высоком табурете и что-то потягивал из квадратного стакана с тяжелым дном. Рядом на стойке красовалась бутылка виски.

— Что, салага, тяжело пришлось? — спросил майор. — Сам виноват. Это публика такая...

— Какая? — пробормотал Валюшок, присаживаясь рядом и непослушными руками запихивая игольник в кобуру.

— Шакалистая, — объяснил майор. — Сразу чует слабину.

Валюшок помотал головой, отгоняя дурные мысли. Только что его впервые в жизни чуть не убили, и он это слишком отчетливо понимал для того, чтобы как-то реагировать на милицейские подначки.

— А вы давно Гусева знаете? — спросил он. Просто для того, чтобы себя чем-то занять.

— Подонок он, твой Гусев, — небрежно бросил майор.

И снова налил себе выпить.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Те, кто сражался под командованием Влада, чувствовали себя причастными к княжеской славе и хранили неизменную верность своему полководцу.

Битком набитая «труповозка» укатила к себе домой, на «подстанцию» — в следственный изолятор Агентства. Настоящих трупов на этот раз ей везти не пришлось, был только раненый — одному из клиентов отскочившая щепка попала в угол глаза, и он чудом не окривел. Впрочем, клиент сам нарвался, это именно из-за его неосторожного движения Мышкин открыл стрельбу поверх голов и щепок настрогал препорядочно.

Валюшок сидел в машине и курил. Ему все еще было не по себе. Подошедший Гусев внимательно на своего ведомого посмотрел и, вероятно, понял, что за руль его сейчас пускать не стоит.

— И какие же мы выводы сделаем из происшедшего, господин Валюшок? — спросил он, усаживаясь на водительское место и вставляя ключ в замок.

— Какие еще выводы? — огрызнулся Валюшок.

— Не-ет, дорогуша, это я должен спросить — какие?

Валюшок раздавил окурок в пепельнице и тут же потянулся за новой сигаретой. Он никак не мог понять — то ли Гусев им недоволен и собирается читать следующую заумную нотацию, то ли инцидент в раздевалке считается за естественную ошибку новичка и серьезному осуждению не подлежит.

— Я, кажется, понял, зачем нужно огнестрельное, — сказал он, надеясь отойти подальше от животрепещущей темы. — Опытный клиент игольника не боится. Верно?

— В принципе угадал, — согласился Гусев, трогаясь с места и пристраивая машину в хвост колонне группы Мышкина. — Увидев игольник, клиент начинает метаться, искать укрытие. А когда заходит компания с большими красивыми пистолетами, тут сразу все в оцепенение впадают. Ты бы видел, какая там немая сцена образовалась, когда Мышкин очередь выпустил! Один деятель чуть в бассейне не утонул.

— Тех самых пятерых взяли?

— Угу. На редкость сплоченный коллектив попался. У них даже на всех одна девица была. Но про эту-то братию можно теперь забыть, их, считай, нет больше. А вот те субчики, на которых ты напоролся, — весьма интересный случай. Прямо руки чешутся узнать, кто такие.

Валюшок провел ладонью по виску. Голова болела, причем именно с той стороны, куда чуть не попал вражий башмак.

— Я для себя выводы сделал, — сказал он. — Больше не повторится.

— Хотелось бы. Ничего, Леха, все самое интересное еще впереди. Как тебе первый рабочий день? Мало не показалось?

— Это уж точно. Часто так?

— Да что ты! Сегодня была просто весьма урожайная смена. Обычно куда скучнее. Оборванца какого-нибудь нищенствующего сгребешь, ментам передашь — и то праздник. Иногда до того тоскливо, что сам начинаешь на свою задницу приключений искать. Мы ведь действительно очень хорошо почистили Москву.

— А кто такой Бобик? — вспомнил препирательства в мобильном штабе Валюшок.

— Наемный убийца, бывший оперативник ГРУ. При задержании двоих наших застрелил, одного ранил. Его у нас менты выпросили, вот как моего приятеля Шацкого. Хотели на заказчиков выйти. Так этот Бобик прямо по дороге в СИЗО удрал, да еще и в Америку. Одна радость — не вернется.

— Почему не вернется?

— Потому что он для начала всех своих заказчиков нам сдал. Раскололся как миленький. И заказчики эти теперь его ждут не дождутся. Распростерли теплые объятия. Понял? Только смотри не сболтни. Информация закрытая.

— Как раз ничего не понял, — обескураженно пробормотал Валюшок. — А зачем тогда он Петровке нужен был?

— Я же говорю — на заказчиков выйти.

— А... Э-э...

— У АСБ тоже есть свои интересы в этом мире, — усмехнулся Гусев. — И иногда они диаметрально расходятся

с интересами МВД. Бобик работал на таких людей, которых нет смысла трогать. Их выбраковка повлекла бы за собой новый дележ власти. А народу что нужно? Покой и стабильность. Ну, мы ему этот покой и обеспечили. Сделали кое-кому внушение, получили четкие гарантии, что безобразие с заказными убийствами не повторится...

— ...и Бобика в Америку сплавили, — заключил Валюшок.

— Совершенно верно.

— Чего-о?

— Вот именно так, как ты и сказал.

— Ничего не понимаю, — в очередной раз признался Валюшок. — Слушай, Пэ, а ты-то откуда все это знаешь?

— От верблюда, — дружелюбно объяснил Гусев.

— А мне зачем рассказываешь?

— А я вообще трепло. Болтун я известный.

Валюшок обиделся и надолго замолчал. Машина катилась по бульварам. За окном Москва наслаждалась тихой летней ночью, и количество обнявшихся парочек на скамейках предвещало скорый демографический взрыв.

— Господи, до чего же я люблю этот город... — пробормотал Гусев. — Иногда, знаешь, такое зло берет — ну почему, ну за что мне в нем не удалось вволю пожить, а?

— То есть? — хмуро буркнул Валюшок.

— Старый я уже, — вздохнул Гусев. — А когда был молодой, здесь и шагу нельзя было ступить, чтобы на какую-нибудь сволочь не наткнуться. Именно тогда, когда так хотелось всем улыбаться, всех любить, просто радоваться жизни... Теперь-то кругом одни улыбки, а мне это уже вроде бы и не надо.

«Еще как надо, — подумал Валюшок. Отвернулся, попробовал отвлечься — за окном действительно было красиво, — но перед глазами так и маячил проклятый ботинок. На толстой кожаной подошве с мощным рантом. — Интересно, предыдущих своих ведомых Гусев так же по-дурацки потерял? У него ведь тройка была».

— Слушай, Пэ, — сказал Валюшок осторожно. — Заранее извини, если много на себя беру... Что случилось с твоими ведомыми? Ну, которые были до меня?

Гусев закусил губу.

— Прости. — Валюшок понял, что действительно рановато начал задавать такие вопросы. — Прости.

— Ерунда, — бросил Гусев. — Как сказал бы мой приятель Данила: «Расслабься, бывает...». Знаешь, Лешка, кажется, мне уже не больно это вспоминать. Хотя... Хотя ведь это я их угробил. Сам.

Он замолчал, и Валюшок не решился уточнить, что именно Гусев имеет в виду.

До того как заняться вплотную отстрелом бездомных животных, группа Данилова решала вполне серьезные и даже в чем-то деликатные вопросы. Как-то само собой повелось, что именно Данилов со товарищи заняли в Центральном примерно то же место, что отдел нравов у милиции. Среди других старших Данила выделялся относительно гибкой психикой и хоть каким-то подобием воспитания. Ему не то чтобы ставили особенные задачи нарочно, скорее поначалу они сами его находили, а потом это уже закрепилось. Как и все нормальные группы, команда Данилова честно ходила на маршрут, но специальные операции ей подсовывали такие, куда не пошлешь, допустим, излишне прямолинейного Мышкина с его пулеметом и страстью к пальбе очередями. Данилов по-тихому ликвидировал подпольные дома свиданий и нелицензированные абортарии, без ненужных издевательств прикрывал штаб-квартиры религиозных сект, аккуратными точечными наскоками выдергивал из богемной среды распоясавшихся наркоманов и даже выбраковывал проштрафившихся милиционеров, умудрившись при этом не нажить в ментовке смертельных врагов.

А то, что он зверски избивал сутенеров и однажды в припадке злобы поставил ведерную клизму шарлатану-целителю, считалось по меркам АСБ в порядке вещей.

Полное и безоговорочное исчезновение с центральных улиц города бомжей и попрошаек всех мастей и возрастов тоже было его заслугой. Конечно, группа Данилова в этой нудной, грязной и неблагодарной работе выполняла роль верхушки айсберга. Конкретное разбирательство с каждым отловленным проводили спецмедслужба и Реабилитационный центр АСБ — громадные структуры, призванные уста-

навливать, окончательно ли клиент потерял человеческий облик, и создавать тем, кто искренне хотел выкарабкаться из помойки, нормальные стартовые условия. Разумеется, если клиент соглашался на детоксикацию, психокоррекцию и как минимум пятилетний испытательный срок с проживанием в глухой провинции под милицейским присмотром. Это для взрослых — детей-то не спрашивали. Впрочем, беспризорники легко шли на помещение в интернат. С тех пор как воровство стало занятием смертельно опасным, а подавать нищим вся страна в едином порыве отказалась, выжить на улице стало непросто.

Но как бы много ни трудились на благо общества специализированные учреждения, ловил-то контингент именно Данилов.

Вот и в тот душный летний вечер он должен был вывести группу на спецоперацию в район северных городских свалок. В прошлый раз у пьяного бомжа обнаружился самопальный пистолет, и тот сдуру в Данилова выстрелил. Поэтому старший группы попросил дать ему на усиление какую-нибудь тройку, у которой есть огнестрельные стволы. Так, на всякий случай.

Гусев в это время поджидал своих ведомых на станции «Кропоткинская». Был у них такой скромный церемониал — беззаботно пройтись по бульвару перед работой.

Наверху Костик сказал, что пойдет купить воды — пить очень хочется. Гусев и Женька закурили. Тут из метро вышла женщина средних лет, остановилась рядом с выбраковщиками и, глядя куда-то промеж них, в сторону огромного белокаменного храма, осенила себя размашистым крестом.

— Смотри. — Гусев толкнул Женьку локтем. — На нас уже крестятся.

— Странно, что еще не молятся, — подыграл Женька.

Женщина бросила на выбраковщиков укоризненный взгляд. Гусев, собственно, для этого ее и поддел — хотелось заглянуть человеку в глаза. С одной стороны, он весьма уважительно относился к религии как некой философской системе. Но в то же время недолюбливал религиозных людей. Было в них что-то такое, чего Гусев не понимал. Добровольное подчинение загадочной высшей силе казалось ему

выбором как минимум странным. У него не укладывалось в голове, почему нельзя соблюдать десять заповедей просто из элементарной порядочности. Без непременного погружения в мир церковных психотехник, когда на тебя постоянно исподволь давят — если не православными мантрами, так самой внутренней архитектурой храмов. Да еще и поесть вволю не дают.

— Как не стыдно, молодые люди, — сказала женщина строго, но без агрессии. — Сами не веруете, тогда хоть не кощунствуйте.

Глаза у нее оказались именно такие, как Гусев и предполагал, — с легкой отрешенностью, почти незаметной, если не знать, что искать. Глаза человека, с которым Бог, и теперь ему море по колено.

В отличие от самого Гусева — беззащитного перед мирозданием, вечно сомневающегося, но зато свободного.

Женщина отошла было, но вдруг повернула назад.

— Скажите, — мягко спросила она, заглядывая Гусеву в лицо, будто тоже проводя свой эксперимент, пытаясь разгадать душу безбожника. — Неужели вам не страшно?

— Мне-то чего бояться? — удивился Гусев. — У меня перед ним, — он ткнул пальцем в небо, — никаких обязательств нет. Мы ни о чем не договаривались. Это вам, я так думаю, положено бояться, вы же ему душу продали...

Женщина вздохнула, покачала головой и ушла, мелко крестясь и что-то бормоча себе под нос. Наверное, прося у божества снисхождения к идиоту Гусеву.

— А еще кто-то заявлял, что мы — Воинство Христово... — сказал Женька.

— Догони и предъяви значок, — предложил Гусев. — Спорим, она тебе в рожу плюнет. Хотя да, нам ведь какой-то мракобес грехи отпустил. Только объявили «Указ Сто два», как он сразу и выступил. Отпускаю, мол, выбраковке ее предстоящие грехи оптом и в розницу. Видел я его по телевизору — препротивнейший мужик. И глупый. Надеялся, что мы первым делом всех евреев забракуем, а во вторую очередь за сектантов примемся!

— Ну, по сектантам мы ведь хорошо прошлись...

— Да, было дело. Какие-то там неправильные церкви Данила на самом деле разогнал. Страшненькие попада-

лись, тоталитарные. Но он ведь потом двоих наших попов уконтрапупил. Одного за наркоту, другого за малолеток. Ну где этот Костик, чтоб его... Кстати, Женя, могу поделиться опытом. Если не хочешь нажить лишних врагов, никогда с малознакомыми людьми не говори о религии, политике и футболе. Константин! Сколько можно ждать?!

Подоспевший Костик на ходу жадно отхлебывал из бутылки. Гусев пригляделся и отметил: ведомый совершенно не в форме. Перебрал, наверное, вчера. Тройка снялась с места и пошла на работу. Не подозревая, что Бог на Гусева сильно обиделся и в самом ближайшем времени кинет ему подлянку. Не поразит молнией, не разверзнет под ногами асфальт, а просто слегка замутит разум. И сверхосторожный Гусев со всей своей хваленой тревожностью не заметит очевидного.

И случится большая неприятность.

Гусев как раз готовился идти на маршрут, когда ему сменили задачу. Он долго упирался — терпеть не мог бомжей, не выносил их запах и особенно мучился, когда приходилось трогать вонючек руками (бомжи любили, застигнутые облавой врасплох, падать и дожидаться, пока волоком не потащат). Да и ведомые его не отличались лояльностью к типам, которые намеренно выводят себя за грань. Особенно Костик — тот вообще уверял, что один только вид такого отщепенца вызывает у него страстное желание стрелять ему промеж глаз (и получать огромное удовольствие). Но тут позвонил сам Данилов, рассказал про дурака с пистолетом, и Гусев все-таки разнарядку подписал.

К гигантской свалке они вышли в сумерках, когда все ее обитатели собрались вокруг костров. Здесь влачили какое-то совершенно особое существование, непонятное постороннему. Со своим кодексом чести и очень своеобразными взглядами на стоимость человеческой жизни. Пожалуй, даже более жестокими, чем у выбраковщиков. Как раз в этот момент над свалкой разносился пьяный мат и, судя по оживлению, кого-то били. Лучшего момента для выхода к цели не придумаешь.

Разведка обнаружила двух наблюдателей — бесформенные мешки грязного тряпья, почти слившиеся с высоченными мусорными терриконами. Часовых мгновенно сшибли иглами. Данилов подал знак, и первая волна загонщиков, спотыкаясь и кроя матом все на свете не хуже самых отпетых бомжей, рванула сквозь обломки и помои вперед.

Зажглись мощные фонари, стало очень светло, на окраине свалки заревели моторы грузовиков-«труповозок». В лучах света металась перепуганная клиентура.

Сразу несколько загонщиков врезались в небольшое поле аккуратно выстроенных пустых бутылок, еще кто-то прошиб насквозь ветхое строение из упаковочных ящиков, потом один из бомжей свалился задницей в костер, и шум достиг апогея. Гусев что-то несусветное орал, угрожал игольником потенциально опасным клиентам и старался не забывать о ведомых. Он привык ощущать их незримое присутствие немного сзади и по бокам. Если бы Костик или Женька вдруг исчезли, он сразу бы это почувствовал...

Сегодня его очень беспокоил Костик. Еще при встрече Гусев отметил, что у парня какой-то непривычно отрешенный вид, слишком плавные движения и расслабленная улыбка. «Ты что, поддал? — спросил Гусев, когда они пришли в Центральное. — Может, тебе не стоит идти на маршрут? Это ерунда, мы справимся, ты посиди в рабочей, поиграй, кофейку выпей». Костик усмехнулся и дыхнул. Ничем особенным от него не пахло, даже возможным перегаром со вчерашнего. Гусеву стало не по себе. Костик уже месяц вел себя странно. В первую очередь — утратил интерес к выпивке. И начал помаленьку отстраняться от коллег по тройке. Загадочно улыбаясь, отказывался, когда его звали дерябнуть пивка, слишком быстро исчезал из офиса после работы. Несколько раз не отзывался на контрольные звонки в свободное время. «Влюбился, что ли? — предположил Женька. — Хорошо бы». Довольно фальшиво это прозвучало. Женька тоже стал дерганый в последнее время. Он слишком близко к сердцу воспринимал происходящее внутри тройки, которая для него была чуть ли не семьей.

А Гусев подумал о другом. Ему вдруг припомнилось, как они раскопали на квартире у одного из клиентов небольшой склад белого порошка. Костик его нашел, сам. Искал оружие, а обнаружил эту дрянь. И рядом с ним в тот момент по дурацкой случайности (и в нарушение инструк-

ции) никого больше не было... Гусев припомнил характерные симптомы наркотического опьянения. Решил, что они явно не выражены — сейчас, во всяком случае. И дал себе честное слово, что больше с левого ведомого глаз не спустит.

Будь на месте Костика другой человек, Гусев безо всяких телячьих нежностей потребовал бы от него сдать оружие и топать под конвоем на экспертизу. Но они ходили вместе четвертый год. Конечно, Гусева беспокоила возможность того, что его ведомый, не выдержав постоянного напряжения выбраковки, решил обратиться к более мощным психоактивным средствам, нежели водка с пивом. Но как Гусев позже сообразил, на самом-то деле он просто боялся Костика потерять. Утратить это замечательное ощущение того, что за левым плечом находится боевой товарищ — верная, надежная, проверенная частица тебя самого. Лучшее прикрытие от любых опасностей и неприятностей. Да, Гусев терял его в любом случае — вздумай он отправить ведомого на анализы, Костик не стерпел бы обиды. Но если этого не делать, оставался еще шанс. Поговорить по душам, пробиться сквозь невидимую стену, которую парень вокруг себя выстроил. Что-нибудь придумать.

Ни того, ни другого, ни третьего Гусев сделать не успел.

...Бомжей набралось штук сорок-пятьдесят. Их сбили в плотную кучу, обступили со всех сторон и попробовали заткнуть. Клиенты выли и делали неприличные жесты. Данилову принесли «матюгальник», и он попробовал кретинов перекричать, упирая на то, что сейчас всех перестреляет и это будет очень больно. «Труповозки» подтянулись к месту вплотную, из них полез с недовольным видом обслуживающий персонал — низшая каста выбраковки, клиническое дурачье и примыкающие к нему штрафники.

Утихомириться задержанные отказывались напрочь. Им было что терять — они тут вольготно устроились, соорудили какое-никакое жилье, имели в пригороде участки прикорма. Вероятно, они в этом году размечтались отгулять свое, пока холода не настанут, а там хоть трава не расти. Пусть даже выбраковка. Только до осени было еще далеко, и группа Данилова рухнула на аристократию помойки как гром небесный.

— Заткнитесь, гады! Палить начну — вспомните мою доброту! Маму звать будете! От боли глаза полопаются! — надрывался Данилов, свирепо потрясая зажатым в руке игольником. — Мол-чать!!! Смирна-а!!! Уроды! Враги! Пере-стре-ля-ю-всех-на-мес-те!!!

Словно решив Данилова передразнить, один из бомжей дернулся всем телом, карикатурно всплеснул руками и опрокинулся назад. Толпа его не пустила, он съехал на землю. На лбу у «шутника» расплывалось красное пятно. И тут же рядом вскинулся еще один, которому пуля угодила в глаз. И третий начал падать на колени через какую-то долю секунды. И четвертый...

Ошарашенный Гусев напрягся и почувствовал — в тройке кого-то не хватает. Пусто слева. Так, а теперь и справа тоже.

За короткое мгновение, пока Гусев разворачивался и поднимал игольник, он уже понял, что сейчас увидит. И действительно — чуть позади на возвышении стоял Костик, в классической стойке для стрельбы с двух рук. Похоже, выбраковщик был абсолютно счастлив. Улыбаясь до самых ушей, он всаживал пулю за пулей в толпу.

Женька, рискуя схлопотать от друга выстрел в упор, уже лез по косогору вверх. Гусев подивился его глупости и нажал на спуск. Нужно было это сделать как можно быстрее, пока не подсуетился кто-нибудь чужой. Потому что ведущий за своих людей отвечает до конца. Короткой очередью по ногам он сбил Костика наземь. И чуть не прослезился от нахлынувшего отчаяния.

«Какой же ты законченный эгоист, Гусев! Потянуть время думал, подержать при себе парня. А вышло — ты его убил. Пусть не сегодня. Пусть не своей рукой. Все равно убил. Прикончил. Угробил. Похоронил. Забраковал. Коз-з-з-зел!!!»

На свалке вдруг оказалось много тише, чем раньше, только дружный топот множества ног приближался со всех сторон. И Женька наверху что-то несуразное выкрикивал, хлопая Костика по щекам, будто не понимая, что случилось.

Гусев вскарабкался наверх. Женька оставил бессмыс-

ленные попытки оживить парализованное тело и сейчас тянул из кармана аптечку.

— Нет! — приказал Гусев. — Не надо.

— Как?! — Глаза у Женьки были шальные.

— Очнись. Ты что, не понял, в чем дело? Костя под марафетом. Дурак я, нужно было вспомнить, как он рассказывал, что мечтает по бомжам пострелять.

— И ты... И ты с самого начала знал?!

Со всех сторон их обступили насупившиеся выбраковщики из группы Данилова. Только их здесь не хватало.

— Не знал, — коротко ответил Гусев. — Подозревал. Но доказательной базы еще не было, понимаешь? Хватит, Женя. Потом обсудим.

— Потом?! — взвился Женька. — Какое теперь «потом»?! Все, привет, он забракован!

— Может, еще и нет, — вступился кто-то. — У нас вот тоже был случай...

— Да заткнись ты! — смотрел Женька только на Гусева. — Ну, знаешь, Пэ... Ну, ведущий... Не ждал я от тебя!

Гусев провел ладонью по глазам — никто, конечно, не выключал наплечных фонарей, и отовсюду бил яркий свет. Особенно зло слепил его Женька. Гусев почувствовал, что тоже потихоньку начинает терять над собой контроль.

— Заканчиваем дискуссию, — приказал он. — Берем его и несем в «труповозку». Ну?!

Женька то ли фыркнул, то ли всхлипнул, но все-таки нагнулся и взял Костика за плечи.

— Извините, господа, — бросил Гусев в пространство. — Не хотели. Так получилось.

— Это ничего, Пэ... — сказал позади Данилов. — Бывает...

Служебное расследование завершилось для Гусева плохо, ему вкатили сразу два внутренних предупреждения, за невнимательность к подчиненным вообще и недосмотр в ходе спецоперации — отдельно. Еще одно — и будь здоров, отправляйся на черновую работу в «группу поддержки». А там единственный прокол — и окончательное падение, грузчиком на «труповозку». Конечно, Гусев мог в любой момент подать рапорт и уйти в отставку, но такой выход

был для него смерти подобен. Он хотел оставаться в выбраковке до самого конца — своего или Агентства. Что будет, если АСБ прикроют, Гусев старался не задумываться. «Ничего хорошего точно не будет». Пока что Агентство гарантировало ему безопасность, и это казалось самым важным на свете.

Каждый божий день, каждый час, каждый миг статус выбраковщика защищал Гусева от себя самого. Работа держала его в узде, не позволяя спиться или потерять рассудок. И в первую очередь — не оставляя сил задумываться о том, кто же он такой и зачем вообще живет.

Да, иногда на работе бывало невыносимо тошно. Но внутренний мир Гусева казался ему во сто крат страшнее. Иногда он с легким ужасом вспоминал свою предыдущую жизнь, до «январского путча» и образования АСБ. И каждый раз удивлялся — как не сошел с ума тот Гусев, прежний, молодой идиот, запивавший снотворное водкой, чтобы не видеть тревожных снов.

Его отстранили всего лишь на неделю, но, когда они с Женькой вернулись на маршрут, ведущий понял — тройки Гусева больше нет. Как физически, так и психологически. Женька нервничал, медлил и постоянно косился на Гусева неуверенным взглядом. Будто пытался что-то рассмотреть в своем ведущем, такое, чего раньше не замечал. Гусев несколько раз пробовал вызвать Женьку на откровенность, но тот уходил от прямого разговора. Похоже, он перестал ведущему доверять.

И очень выразительно дергался, когда игольник Гусева случайно поворачивался вправо, туда, где по-прежнему нес службу оставшийся ведомый. Так дергался, что Гусев весь холодел. Не от страха — от стыда.

Он уже подумывал о том, чтобы попросить Женьке замену, когда произошла очередная глупость. Рано утром они возвращались на машине с работы. Женька должен был, как обычно, выбросить Гусева на Фрунзенской и ехать дальше к себе. Но буквально в сотне метров от гусевского дома пришлось остановиться — впереди был затор. Только что прошел дождь, и на мокрой дороге случилась цепная авария, сразу четыре машины, что называется, «догнали» одна другую. И почти десяток разъяренных мужиков от ду-

ши орудовали кулаками — слава богу, забыв про монтировки и прочий инвентарь.

Гусев слегка замешкался, отстегивая ремень безопасности, и теперь оказался чуть сзади, в роли прикрывающего. А Женька с криком «Всем стоять! АСБ!» уже прыгнул в центр драки. Но услышали его далеко не все. Поэтому какой-то умник, решив, наверное, что не хрен тут делать всяким пацифистам-разнимающим, замахнулся, опасно целясь выбраковщику в голову. Женька вроде бы отреагировал, но мимо уже просвистело несколько иголок, и драчун в момент скопытился.

— АСБ! — проревел Гусев, выходя на свое законное место — вперед. — Всем стоять!

— Ты что же это, гад... — прошипел ему в ухо с трудом узнаваемый голос. — Ты же меня чуть не зацепил! Хотел и меня тоже?! Не попал, да?

Гусев оторопело повернулся к ведомому. Тот стоял весь в поту и трясущейся рукой поднимал игольник.

— Ё...нулся? — спросил Гусев ласково, внутренне обмирая.

— Я тебе больше не позволю... — пробормотал Женька. — Не будет у тебя второго раза... Хватит и Костика!

— Женя, опомнись! — попросил Гусев, машинально отмечая, что обрадованные заминкой водители и пассажиры, стараясь не шуметь, прячутся по машинам в надежде потихому смыться. — Женя, этот придурок хотел ударить тебя. Я его снял. У меня не было другого выхода, я выстрелил из-за твоей спины. Это нормально, мы же всегда так делали. Ты все эти годы стреляешь из-за меня — и ничего. Успокойся, Женя, все в порядке...

Он сделал шаг к ведомому, совершенно невольно, искренне желая объясниться, и как оказалось — напрасно. Рука с игольником дернулась. Гусев упредил это движение — они выстрелили почти одновременно. У Гусева две иголки застряли в обшивке комбидресса, а одна впилась в рукав, по случайности не оцарапав кожу. Женька получил столько же попаданий, но все — в плечо, и рухнул на асфальт.

И ушел из жизни Гусева навсегда.

Позже ему объяснили, что это было закономерно. Его

правый ведомый страдал теми же комплексами, что и сам Гусев, но в куда более острой форме, почти болезненной. Он чувствовал себя комфортно только в составе хорошо притертой тройки, причем именно на месте ведомого, прикрывающего. Нелепая, трагическая потеря одного из коллег больно ударила по мироощущению выбраковщика и заставила искать виноватого. И, разумеется, виноватым в разрушении тройки оказался Гусев, который к тому же собственноручно подстрелил Костика.

На этот раз наказывать Гусева не стали. Он просто угодил в резерв. С ощущением жуткой вины, дикой растерянности, полной беспомощности. И уверенности, что все в Центральном смотрят на него косо. Ни понять не могут случившегося, ни простить.

Наверное, так оно и было на самом деле. Но теперь его вроде бы простили. Кажется, приняли обратно в семью.

И уж с нынешнего своего ведомого он пылинки будет сдувать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Страна ужаснулась, но популярность Влада, как это ни парадоксально, росла, уже приобретая характер массового психоза. Такое положение дел — сочетание любви и страха — как нельзя лучше соответствовало его планам.

Трое молодых людей, пытавшихся удрать от Валюшка, молчали на предварительном допросе, как партизаны. С одной стороны, они этой нелепой попыткой бежать выдали себя с головой — честный и психически нормальный человек на сотрудника АСБ не кидается. Агентство вообще крайне редко задерживало невиновных, а уж тем более — задерживало надолго. Один укольчик — и сразу ясно, есть у тебя скелет в шкафу или придется извиняться, да еще и приплачивать за беспокойство. Тем более что с тех пор, как страховые компании стали вносить в свои полисы графу «моральный ущерб от ошибочного задержания», трудовой народ Агентства перестал бояться напрочь — лишь бы спать

не мешало. Да и АСБ в свою очередь старалось быть как можно более незаметным. Период громогласной борьбы с теми, «кто мешает нам жить», давно миновал.

Молодчикам вкололи какой-то адской смеси, быстро развязывающей языки. И вскоре эмиссары екатеринбургской братвы, заглянувшие в первопрестольную на разведку, уехали домой, на Урал, только уже не срубать бабки, а рубать породу. Валюшку за халатное отношение к службе, выразившееся в подвергании себя неоправданному риску, хотели было поставить на вид, но для первого раза простили.

Шеф Центрального ходил мрачнее тучи. Во-первых, начинали оправдываться мрачные предположения о том, что в столицу потихоньку стягивается уцелевший криминал. Во-вторых, радужные мечты о скором приходе молодого пополнения развеяло категорическое заявление головного офиса о том, что еще пару-тройку стажеров Центральное получит, но не больше. Поскольку Гусев, не удержавшись, рассказал шефу, сколько народу обучалось на потоке Валюшка, начальник отделения вполне закономерно принялся размышлять, куда же предназначается этакая прорва выбраковщиков. И, судя по всему, пришел к каким-то не особенно утешительным выводам. Отчего сделался злобен и неприветлив.

Сам Гусев решил пока что не пороть горячку и подождать развития событий. Тем более что в воздухе отчетливо запахло осенью, и он, любивший это время года, так и рвался на маршрут. Украшенная холодным золотом листвы Москва была в эти дни особенно прекрасна, и большего удовольствия, чем ходить по ней пешком, трудно было себе и представить. Свежий воздух улиц, спокойные лица прохожих, раздающиеся повсюду детские голоса, по которым за лето Гусев тоже соскучился... И непередаваемое ощущение комфорта, душевного и физического, которое навевал один из самых безопасных и чистых городов планеты.

Пожалуй, ради этого стоило работать в выбраковке.

Следующая неделя выдалась на редкость спокойной, ничего похожего на события первого бурного рабочего дня уполномоченного Алексея Валюшка не происходило. Они с Гусевым шлялись по центру города, неприкаянные и даже поначалу счастливые тем, что вокруг тихо и мирно.

Особенно радовался Гусев. Но вскоре Валюшок начал замечать в своем ведущем растущее внутреннее напряжение и вспомнил его фразу о том, что иногда выбраковщик от скуки начинает сам искать неприятностей. Гусеву пора было совершать очередной героический поступок. А пока что они всего-навсего отыскали заблудившегося в собственном дворе младенца, сняли с дерева застрявшего вниз головой кота и помогли симпатичной девушке завести машину. Гусев каждый раз говорил, что вот такие добрые небольшие дела и есть истинное призвание того, кто поклялся «защищать и служить», но глаза у него становились все более и более злые с каждым днем. Особенно он расстроился, когда оказалось, что буквально в двух шагах от его маршрута случился грандиозный пьяный мордобой, но драчунов растащили и оприходовали менты.

— Из-под носа добычу увели! — плевался Гусев.

— Это же не наш профиль, — утешал его Валюшок. — Все равно в ту же самую ментовку их сдавать пришлось бы.

— А побезобразничать? А вопли устрашения, стрельба в воздух, перекошенные лица? Когда еще случай представится...

В такие минуты Валюшок никак не мог понять, шутит Гусев или говорит серьезно. И поэтому он всерьез испугался, когда им прямо в руки попался молодой воришка.

Этот тип, взмыленный и растрепанный, вылетел из-за угла наперерез выбраковщикам, лениво бредущим по арбатскому переулку. Валюшок и дернуться не успел, а Гусев уже полностью оценил ситуацию — вплоть до того, что рядом очень удачно стоит урна. Он по-хоккейному парня бортанул, и тот кубарем полетел через голову. Урна, о которую парень споткнулся, обиженно зазвенела.

Валюшок уже достаточно нагулялся с Гусевым по маршруту, чтобы не делать большие глаза и не спрашивать: «Пэ, что это было?» Он покорно вытащил игольник и приготовился страховать ведущего.

Парень с воем катался по асфальту, сжимая обеими руками лодыжку. Выражение лица у него было как у футболиста проигрывающей команды, сбитого в штрафной перед пустыми воротами на финале Кубка мира. На земле лежала дамская сумочка, выпавшая у него из-за пазухи.

«Чутье, — подумал Валюшок, уважительно оглядываясь на довольного Гусева. — Вот это уже называется чутье. Я бы мальчишке вслед посмотрел и долго размышлял — куда он так несется?»

А Гусев улыбался. Он даже оружие не достал.

Из-за того же угла выскочила женщина средних лет, тоже основательно запыхавшаяся.

— АСБ! — бросил ей Гусев. — Ваша сумка? Вижу, что ваша. Посмотрите, все ли на месте.

Женщина, отдуваясь и бормоча слова благодарности, принялась копаться в сумочке. Поверженный воришка пытался было отползти подальше, но Валюшок его чувствительно пнул, и тот затих.

— Документы!

— Не-е-ту...

— Ах, нету... — Валюшок отцепил от пояса сканер отпечатков и взял парня за руку.

— Ой, мальчики, — бормотала женщина, — ну какие же вы молодцы... С плеча у меня сорвал, подлец. И толкнул, вы представляете, так, что я чуть не упала... Ой, мальчики.

— Я старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Павел Гусев. Это уполномоченный Валюшок. Вы готовы выдвинуть обвинение против человека, совершившего на вас разбойное нападение с целью грабежа?

Женщина вдруг замялась и посмотрела на воришку с нескрываемым презрением во взгляде.

— Да он такой сопляк еще... — пробормотала она. — Вы же его...

Валюшок закончил снятие отпечатков и, путаясь с непривычки в проводах, наладил систему — подсоединил сканер к ноутбуку, тот, в свою очередь, к трансиверу, вышел на сервер Центрального и полез дальше по сети АСБ.

«Сопляк», оправдывая характеристику, вовсю шмыгал носом.

— Сейчас узнаем, что с ним делать, — сказал Гусев женщине.

Валюшок сосредоточенно давил кнопки.

— Чист, — доложил он наконец. — Семнадцать лет придурку... Оформлять?

— Погоди. — Гусев обернулся к женщине: — Так все у вас в сумке на месте?

— По-моему, все. Ой, мальчики, пожалейте его, а?..

— Вы отказываетесь предъявлять обвинение?

— Да ну его...

— Как хотите. Между прочим, кошелек проверьте. — Гусев произносил слова очень мягко, ласково, даже чересчур, и интонации его показались Валюшку немного фальшивыми.

— Точно, все на месте. Ой, спасибо вам...

Гусев заглянул в кошелек.

— Я вижу, тут куча мелочи, — проворковал он. — Вы не одолжите мне немного?

Женщина подняла на него удивленные глаза. Молчание длилось буквально секунду, потом изумление сменил интерес. Как любой потерпевший, которого брало под защиту АСБ, эта женщина сейчас чувствовала себя в полной безопасности. И даже более того. На короткое время она стала частью большой и непреодолимой силы. Одно ее слово — каюк мальчишке.

— Да хоть все берите! — заявила она твердо.

— Мне чуть-чуть. — Гусев запустил руку в кошелек.

Задержанный издал то ли стон, то ли всхлип.

— А теперь до свидания, — сказал Гусев женщине.

— Спасибо. Большое вам спасибо! Вы только не очень его, ладно? Ну, поучите, чтобы запомнил, но не до смерти.

— До свидания, — повторил Гусев.

Задержанный в тихом ужасе лежал на спине и затравленно смотрел на Гусева, который неспешно к нему приблизился.

— Вставай, сынок, — сказал Гусев, глядя на дисплей ноутбука, где отразилась вся короткая биография вора. — Н-да, негусто. И сделать в жизни ничего толком не успел, а вот угробить ее — всегда готов. Ты же одет вроде бы прилично. Зачем тебе воровать?

Парень, спотыкаясь, встал на ноги и опять тихо всхлипнул.

— Я в армию... — пробормотал он. — Призыва жду...

— И тебе в военкомате сказали — грабь, воруй, насилуй, армия все спишет? А?!

— Не-е-ет...

— Знаешь, что сейчас будет? — спросил его Гусев. — По идее мы и без заявления потерпевшей можем тебя оформить. Хватит того, что сами видели. И ты исчезнешь навсегда. Ты ведь серьезное преступление совершил, мальчик.

— Я... Я... Не хотел...

— Чего ты не хотел? Напасть на человека и отнять принадлежащую ему вещь? Интересное кино. А ты знаешь, мальчик, почему за такое положена выбраковка? Потому что ты сознательно вывел себя за грань закона. Обозначил себя как нечеловека. Люди не нападают на людей и не отнимают их собственность. Получается, ты у нас нелюдь. Враг рода человеческого. Враг народа. Разве не так? Я что, не прав?

Воришка заплакал. А сам все косился по сторонам, прикидывая, как бы ловчее смыться. В переулке было пустынно, спрятаться не за кого. А игольник — это знают все — отлично бьет на полсотню метров. Да и на ста метрах он тебя уложит, если игла попадет в незащищенное место — в затылок, например.

— Ты украл, ты хотел денег, — продолжал Гусев. — Отлично. Вот они, деньги. Посмотри... — Он протянул раскрытую ладонь, в которой поблескивала россыпь монет. — Видишь? Я спрашиваю — видишь?!

— Угу-у...

— Я даю тебе шанс, мальчик. Я даю тебе возможность узнать, каковы они, эти деньги, которых ты так хотел. Ты ведь любишь деньги? Ты не можешь без них? Ты готов ради них даже на преступление? Точно? Я угадал? Отвечай!

— Угу-у...

— Тогда попробуй, какие они, — мягко предложил Гусев.

И Валюшок, и задержанный непонимающе уставились на Гусева. А тот шагнул к парню вплотную и крепко взял его за глотку. И руку с серебром сунул ему под нос.

— Ешь, — все так же мягко приказал он. — Попробуй их на вкус.

«Ты с ума сошел, Пэ!» — хотел было крикнуть Валюшок, но осекся. Сейчас они двое, ведущий и его ведомый, находились в совершенно особых взаимоотношениях, когда поведение старшего не обсуждалось. Наоборот, этого старшего нужно было всячески страховать, что бы он ни вытворял. Но страшно Валюшку стало. Даже не страшно, а както так... Нехорошо.

Это было как в фильме Гринуэя — нереально и будто в другом измерении. Вор даже не попытался что-то сделать, он только давился и хрипел. А Гусев с руки кормил его деньгами.

— А теперь гуляй, — сказал он по-прежнему безмятежным тоном, поворачиваясь к вору спиной и доставая сигареты. — Спасибо, Леха, прячь ствол. Пойдем-ка мы с тобой, дружище, врежем пивка.

Валюшок смотрел через плечо Гусева, прямо в широко раскрытые глаза воришки. Тот стоял ни жив ни мертв. А Гусев смотрел на Валюшка и улыбался.

— Пойдем, Леха, — повторил он мягко. — Шоу окончено.

Валюшок медленно убрал оружие и бросил взгляд на сканер.

— Это стереть, запрос аннулировать, — махнул рукой Гусев. — Ложная тревога. Просто ложная тревога.

Он крепко обнял Валюшка за плечи, развернул и повел в сторону Арбата.

Позади раздался крик. Валюшок рывком освободился от гусевских объятий. Вор лежал на асфальте, конвульсивно содрогался все телом и подвывал.

— Успокойся, Леша. Он немного съел, двух рублей не наберется. Пока что ничего страшного не происходит. Это просто истерическая реакция.

— А что будет потом? — в ужасе спросил Валюшок.

— Откуда же мне знать, милый, — проворковал Гусев. — Кстати, интересно. Вернемся на базу, обязательно спрошу у доктора. Обязательно. Пойдем, выпьем по кружечке. В такую погоду отлично пойдет «Очаковское специальное». Просто замечательно пойдет.

Вор колотился головой об асфальт. Из окон показались встревоженные лица, кто-то выбежал из арки двора и склонился над бьющимся в судороге телом.

— Видишь, уже все в порядке, — заметил Гусев, увлекая

ведомого за собой. Сам он в это время нажимал кнопки на сканере, отменяя запрос.

Действительно, к чему запрос — ведь обвинения вору никто не предъявлял...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

> ...трагическая и страшная личность реального Дракулы, князя Влада III, не должна исчезнуть из людской памяти. Ведь его история — один из ярких примеров того, к каким преступлениям против человечности приводит соблюдение дожившего до наших дней принципа «цель оправдывает средства».

Некто по кличке Писец объявился в Москве внезапно, будто из-под земли. Еще задолго до появления выбраковки его неоднократно задерживали менты и каждый раз со скрежетом зубовным отпускали. При том, что на вопрос: «Чем занимаетесь?» — Писец всегда честно отвечал: «Работаю вором в законе». Когда пришла новая эпоха и появилась реальная возможность за такие заявочки схлопотать пулю в голову не отходя от кассы, Писец растворился в воздухе. Его искали долго и безуспешно, а потом махнули рукой. Справедливо предположив, что негодяй покинул страну в поисках более демократичных государств, где с такими, как он, вовсю церемонятся и в случае поимки на раздавленную фашистской диктатурой родину не отправляют.

И вдруг до скучающего от безделья опера дошли слухи, что Писец со дня на день посетит столицу. Капитан мгновенно встал на дыбы и принялся рыть землю копытом. В итоге милицейский информатор сообщил конкретное место и точное время, когда Писца можно будет забраковать. Опер пожаловал в АСБ лично, и Гусев отметил, что давно уже не видел настолько счастливого и гордого собой человека.

Грех было такого не обломать.

— У тебя двойка, тебе и идти, — сказал Гусеву шеф. — Чтобы не отсвечивать. А с улицы вас подстрахуют.

— Заодно и пообедаем, — хмыкнул Гусев недовольно —

брать Писца нужно было в ресторане, где тот назначил деловую встречу. — Что за кликуха такая — Писец... Песец? П...дец?

— Фамилия у него — Пипия, — сказал капитан, неприязненно разглядывая Гусева. Оперу Гусев сразу не понравился — уж слишком мало проявил энтузиазма, узнав, какая ему предоставлена честь.

Гусев повертел в руках фотографию Писца, на вид совершенно русского человека, и бросил ее на стол. Толку от фотографии было чуть, скорее всего Писец кардинально изменил внешность.

— Готов поспорить, что пока этот урод не купил себе звание вора, то ходил всего-навсего в Пиписках, — сообщил он.

— Откуда подробности? — насторожился капитан.

— Считай, интуиция. Насмотрелся на таких шакалов. Я этих деятелей столько в расход отправил — тебе и не снилось.

— Ладно, Пэ, не заливай, — попросил шеф. — Никого ты в расход не отправлял. Что о нас люди подумают...

— Ну да?! — возмутился Гусев.

— Это формула речи такая, — заверил шеф капитана.

— Вы это... — Опер погрозил Гусеву пальцем. — Вы, товарищ старший уполномоченный, не вздумайте только в людном месте расправу учинить.

— Как же, как же, превыше всего общественный порядок, — кивнул Гусев. — Не извольте беспокоиться, коллега. Голову сложу, но шума и кровищи — ни-ни.

— Хотелось бы, — сказал капитан с угрозой в голосе.

— Да и откуда шуму взяться? — невинным тоном осведомился Гусев. — Ситуация очень даже тихая и мирная. Сами представьте, заходят в кабак два идиота. Суются к этому Писцу, у которого всего-то навсего пара телохранителей. И, разумеется, больше никаких друзей за столиками вокруг. Никакого контрнаблюдения из разных концов зала, как это обычно делается, чтобы иметь хороший обзор и успеть продырявить идиотам задницы. На фиг такие премудрости господину Писцу? Кого ему бояться? Выбраковки, что ли? Так вот, наши идиоты подходят, достают игольники... Писец радостно улыбается и по собственной инициа-

тиве врезает дуба. Охрана покойника рукоплещет. Деловой партнер умершего достает мобильный и звонит в государственное унитарное предприятие «Конец настал» заказать венки. Все очень просто, коллега. Так оно всегда и бывает.

— Не понял юмора, — прорычал опер. — В конце концов, это ваша работа.

— Ага. Вдвоем против минимум четверых. С игольничком на пистолеты. Я это каждый божий день проделываю. Спасибо хоть похолодало...

Опер внезапно успокоился.

— Перестаньте нести ахинею, коллега, — попросил он. — Во-первых, их будет трое. Четвертый вам не помеха, это наш человек. Внештатный сотрудник, так сказать. Во-вторых, уголовные авторитеты по определению клиентура АСБ. Наше ведомство дает наколку, ваше разбирается. Мы заманили Писца в конкретное место, рискуя при этом жизнью информатора. Более того, посадили информатора с Писцом за один стол. Он не сможет долго поддерживать беседу. Вы должны максимум через пять минут войти и нейтрализовать клиента, пока он не понял, что это западня.

— То есть брать его на входе в ресторан — не успеем, а на выходе — опоздаем, — заключил шеф. — Понял?

— И вообще, «Указ Сто два» не я придумал, — ввернул опер. Ему, похоже, стало немного стыдно, что брать опасного вора идут какие-то чайники, да к тому же связанные обязательством не пугать честных граждан. Вот он и оправдывался теперь.

— Зачем у нас снайперов разогнали? — вздохнул Гусев. — Влепили бы гаду иголку в ухо с ближайшей крыши...

— Пэ, ну какие теперь снайперы? К чему дармоедов содержать?

— Разумеется, когда есть Гусев, на все готовый... Ладно хоть с погодой удачно получилось. Шеф, распорядитесь, чтобы бухгалтерия денег подбросила. Нужно будет два костюма поприличнее, галстучки там, ботинки... И два стильных дорогих плаща. Что уцелеет — сдадим в каптерку. Ага?

Шеф едва Гусеву не ответил, и по выражению лица можно было понять, как именно он сейчас выразится. Но Гусев его очень ловко перебил, обернувшись к тихо млеющему оперу.

— А насчет общественного порядка, — сказал он, — это по обстановке. Извините, но гарантий никаких. Мы постараемся успеть первыми, честно, постараемся. Но вы же сами понимаете, какой нюх на опасность у бандита, который столько лет в бегах. Мы даже «труповозку» возле кабака поставить не сможем. И нам самим ждать нужно будет не рядышком в машине, а на другой стороне улицы в подъезде. Что тоже не лучшая позиция. Хорошо, если учреждение какое-нибудь найдем, а вдруг только жилые дома? Бабушки-пенсионерки очень бдительные, вызовут потихоньку милицию, та приедет нас брать, тут Писец идет, старательно оглядываясь...

— Ничего лучше предложить не можем. Он появился буквально из ниоткуда. Вызвонил нашего человека, захотел встретиться, о цели встречи даже не намекнул.

— Может, он кончать его приехал, вашего стукача, — заметил Гусев.

— Ну ведь не в ресторане же...

— Яду сыпанет, и все дела.

— Не драматизируйте. И вообще, что еще делать? Нужно брать его, раз шанс предоставился. Брать положено не нам, а вам. Ну и берите. Честное слово, я не понимаю. — Опер посмотрел на шефа, который с глубокомысленным видом уставился в потолок. — Я свои функции выполнил. АСБ собирается в принципе выполнять свои? У вас что, других оперативников нет? Менее э-э...

— Благоразумных, — подсказал Гусев. — По-вашему, у нас одни психопаты работают? Которых хлебом не корми, дай под смертью погулять?

— Закройся, Пэ, — приказал шеф, возвращаясь из своего далека. — А вы не беспокойтесь, капитан. Мы у вас клиента приняли. Клиент будет подвергнут соответствующей мере социальной защиты. Бумаги я все подписал. Гусев, у тебя еще вопросы есть к капитану? Только не риторические.

— Да все ясно, — заверил Гусев. — Завтра сходим на место, присмотримся. Нажремся там как следует, чтобы хорошее впечатление произвести на обслугу. А послезавтра...

— До свидания, капитан, — вздохнул шеф. — Видите, у него вопросов больше нет.

Капитан холодно распрощался, забрал документы и вышел.

— Что же ты вытворяешь, Пэ! — накинулся на Гусева шеф. — Ну за каким чертом спектакль?!

— А пусть думают, что у нас бардак, — твердо ответил Гусев.

— Так это и есть форменный бардак!!! — заорал шеф.

— Вот пусть они так и думают. А мы последим за дальнейшей реакцией.

— Исчезни! — рявкнул шеф. — С глаз долой! Актеришка! Плащ ему подороже, видите ли! А четыре доски не хочешь?

— Ну, этот-то прикид от меня никуда не денется. Кстати, я надену именно плащ. Человек, который ходит по дорогим ресторанам в кожанке, сразу вызывает подозрение — вдруг оружие за пазухой?

— Тебе виднее, — отмахнулся шеф. — Но соваться на место раньше времени не смей. Я уже вызвал ребят из Южного, их тут в лицо не знают, они проведут разведку по всем правилам.

— Сто лет не был в ресторане, — пожаловался Гусев. — А нельзя будет уже после выбраковки там немножко посидеть?..

В ответ шеф замахнулся на него пепельницей.

Напротив ресторана очень удачно разместилось отделение налоговой инспекции. Там хватило места засесть с полным комфортом не только двойке Гусева, но и доброй половине «группы поддержки». Нижние чины вели наблюдение, а Гусев, старший группы и примкнувший к ним Валюшок принялись всячески отравлять жизнь налоговикам. Они расхаживали по офису, открывая двери ногами, приставали к местным девицам и задавали начальникам дурацкие вопросы типа: «А если я в нерабочее время кого-нибудь убью, мне это нужно вносить в декларацию или нет?»

Инспектора зверели, но не подавали виду. Многие из них хорошо помнили те времена, когда для визитов к злостным неплательщикам приходилось заказывать в сопровождающие парочку выбраковщиков. Это называлось «на усиление». Так что они знали, какова выбраковка в деле, и предпочитали не нарываться. Хотят ребята нас поддеть — а мы плевали на их подначки. К тому, что их никто не любит, кроме близких родственников, налоговики уже давно привыкли.

За полчаса до назначенного Писцом времени Гусев утихомирился, взял бинокль и прилип к оконным жалюзи.

И почти сразу подскочил на месте.

— Мать твою! — воскликнул он. — Да это же... Ух ты!

— Приятеля увидел? — спросил лениво старший группы.

Гусев обернулся к нему и сверкнул глазами:

— Еще какого! Ты про Шацкого слышал?

— М-м...

— Ну, этот... Деятель шоу-бизнеса. Продюсер. Который всю их поганую эстрадную тусовку на иглу пересажал. А три года назад сам переборщил с наркотой и столовым ножом жену выпотрошил.

— А, тот волосатый? Помню. Редкостный урод. Так его же... Погоди, разве он сам?!

— Вот именно. Собственноручно. Тупым столовым ножом. Беременную.

— Ни фига себе!

— Вот именно. Эх... Взять-то я Шацкого взял. Жалко, что не убил на месте. Потому что его менты себе забрали. И выпустили. Сказали — может быть нежелательный резонанс. Мол, артистам Союза положено нюхать исключительно цветочки и ширяться только витаминами.

— Соболезную, — вздохнул старший. — Три года назад? Слушай, а я ведь помню. Нас тогда гоняли в «Олимпийский» какие-то офисы шмонать. Мы человек двадцать всякой мелкой сошки там переловили. Выходит, это Шацкий их сдал?

— Безусловно.

— Думаешь, к нему Писец идет?

— А к кому еще? Я в такие совпадения не верю, — твердо сказал Гусев. — За Писцом что у нас числится, помимо рэкета и прочей гадости? Оптовый драгдилинг. А что такое Москва? Рынок сбыта, который замер в ожидании. Кто

был господин Шацкий? Покупатель с большими деньгами. К тому же неплохо знающий конъюнктуру!

Старший откинулся на спинку кресла и уютно сложил руки за головой.

— Логично, — признал он. — Но будь я на месте Писца, я бы с Шацким не связывался. Допустим, Писец не в курсе, что Шацкого спалили. Ментовка умеет такие дела проворачивать по-тихому. Но он ведь сам наркоман! Опасно.

— После трагической гибели жены Шацкий завязал, — сказал Гусев, снова берясь за бинокль. — Убитый горем муж, любимая супруга которого была зарезана пьяным хулиганом в подъезде... Нашему отделу внешних связей памятник надо ставить. Опять-таки — менты постарались. Знаешь, я ведь был на месте происшествия.

— Представляю себе. Мерзость какая...

— Он ее на самом деле выпотрошил. Это я не для красного словца, — сказал Гусев деревянным голосом. — Ты не подумай, что у меня к Шацкому какой-то личный счет. Просто такое прощать нельзя. Я уж молчу, сколько талантливых ребят из-за его поганой наркоты коньки отбросили или сыграли в лагерь. Понятное дело, если человеку позарез нужен героин, он его везде найдет. Но ведь хороший продюсер музыкантам вроде отца... А Шацкий как раз хороший продюсер.

Старший тяжело вздохнул и сел прямо.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

— Есть у меня подозрение, что Писец Шацкого убьет.

Некоторое время старший молчал. Члены его группы притихли настолько, что не было слышно дыхания. Валюшок, присевший в углу в ожидании приказаний, тоже непроизвольно замер.

— Как именно убьет? — поинтересовался старший деловито и сухо.

— Вижу три варианта. Либо мы опоздаем, либо обнаружим себя на подходе. Или устроим какую-нибудь импровизацию, не знаю пока какую.

Валюшок судорожно глотнул. В него еще ни разу не попадали настоящей пулей, и он как-то не был особенно уверен в надежности своего комбидресса. Хотя Гусев уверял, что девятимиллиметровую пулю броня выбраковщика держит неплохо — только очень больно и остается жуткий синяк.

Буквально за пару секунд весь многомудрый психологический тренаж, которым Валюшка задолбали на подготовительных курсах, полетел к чертовой матери.

— Тебе идти, тебе и решать, — заметил старший. — Только есть ли у Писца оружие?

— Писец вне закона. Для него любой контакт с ментами или АСБ — верная смерть. Он просто обязан иметь оружие. Это его единственный шанс отбиться и уйти.

— А ведь ты маньяк, Гусев, — заметил старший ласково.

— Почему тебя это удивляет? — спросил Гусев, по-прежнему глядя в окно.

— Хм-м... Твое дело. Меня другое удивляет. Ты не учитываешь, что в ресторане может оказаться наблюдатель от ментов — раз. И что там минимум треть столиков уже занята — два.

— Ну, тебя-то менты волновать не должны...

— Меня — нет. Мое дело — прикрытие.

— ...а честных граждан не заденет, я гарантирую.

— Телом будешь закрывать? — предположил старший донельзя язвительно.

— Конечно, — согласился Гусев на полном серьезе, отчего у Валюшка нехорошо защемило под ложечкой.

— Как знаешь, Пэ. — Старший поднял руки, давая понять, что сдался. — Одно могу обещать: я — могила. Парни — тоже. Верно, парни?

«Парни» хором промычали что-то утвердительное.

— Дело святое, — высказался сурового вида уполномоченный, матерый дядька лет пятидесяти. — Мочить надо гадов. Давно пора. Ведь лезут же, снова лезут изо всех дыр, как тараканы! Сколько мы их в расход пустили, а они снова лезут...

— Слабину нашу почуяли, — бросил старший, и Валюшку показалось, что он эти слова уже не раз слышал. Конечно, слышал. В Центральном.

— Есть! — выдохнул один из наблюдателей. — Вижу! Скорее всего — он!

По комнате прошла волна общего движения. Старший бормотал в микрофон, отдавая распоряжения второй половине группы, которая блокировала тылы ресторана. Не-

сколько выбраковщиков быстро выскочили за дверь. Валюшок в который раз проверил свой игольник.

Еще никогда в жизни ему не было так страшно.

Клиент подъехал к ресторану на потрепанной «десятке». Его сопровождала пара быкообразных типов, от вида которых Гусеву сразу полегчало. Больше всего он боялся увидеть в свите Писца телохранителей новой формации — симпатичных людей с дорогими прическами и без лишней мускулатуры, подмечающих любой намек на опасность, а в бою — резких и стремительных. Эта же парочка двигалась как коровы на льду и не сумела даже толком осмотреться.

Впрочем, сам Писец тоже оказался тот еще увалень. Он словно на машине времени прибыл из страшных девяностых, когда Москву заполонили бритоголовые ублюдки. Рядом с ним современная охрана не выполняла бы очень важной своей функции — внешне походить на охраняемого.

И против ожидания, пластической операции Писец так и не сделал. Только отрастил бороду, выкрасил ее заодно с волосами в светло-русый цвет да еще очки нацепил. Это точно был он, никаких сомнений.

Троица вошла в ресторан. Гусев вопросительно оглянулся на старшего.

— Все чисто, — сказал тот. — Контрнаблюдения не отмечено. Мои бойцы встанут на места, как только ты начнешь. Один нюанс. Клиента все-таки пасут менты. На солидном удалении. В ресторан не полезут.

— А ведь уверяли, что понятия не имеют, откуда он едет... — протянул Гусев. — А если не менты? Проверь.

— На их машине номера ментовские.

— Тогда плевать. Леха, готов?

— Угу, — выдавил из себя Валюшок, чем заслужил оценивающий взгляд старшего.

— За мной! — скомандовал Гусев.

— Живите, мужики... — напутствовал их старший.

Все свои действия Гусев и Валюшок расписали заранее. Более того — отрепетировали их «на натуре» в тактическом классе, где раз двадцать совершали разнообразные эволюции вокруг парты, имитирующей ресторанный стол. Но теперь Валюшок понятия не имел, чего захочет Гусев. И поэтому решил не дергаться попусту, а ждать.

Как ни странно, животный ужас немного ослаб.

В прихожей Гусев остановил ведомого и привычно его оглядел.

— Хорош, — заключил он. — И красиво, и оборудование не торчит. А как тебе галстук идет! Не то что мне. Леха, почему ты не ходишь на работу в галстуке?

— Да ну его... — вяло запротестовал Валюшок. Сейчас на нем был красивый длинный плащ, костюм, белоснежная сорочка и галстук, который долго выбирала невеста, уверенная, что ее Лешка идет с Гусевым валять дурака на какую-то официальную церемонию.

Сам Гусев драпировался в элегантное черное полупальто, делающее его похожим на убийцу из Чикаго тридцатых годов — только шляпы не хватало. Если судить по седине в волосах, Гусев давно и успешно работал на одну из тамошних «семей».

— Хорошо. Действуем четко по схеме. Выносим этих двух быков. Только вот что. Фокус с разговором между нами — отставить. Я все беру на себя. Стреляй по слову «извините». Ясно? Потом ты держишь Шацкого, а я поговорю с Писцом. Все. — Он натянул тонкие лайковые перчатки.

— Есть, — поняв, что его функции особенно не меняются, Валюшок несколько воспрял духом.

— И не спрашивай меня, на фига это нужно, — строго приказал Гусев. — Нужно, и все.

— Понял.

Послышался вызов, Гусев достал мобильный телефон. Штатный трансивер он сегодня бросил в отделении.

— Да? Понял. Отлично. Спасибо. Как только зайдем внутрь, сделай одолжение, позвони мне еще раз. Просто так. Все, мы стартуем.

Гусев сделал знак рукой, Валюшок открыл дверь и шагнул на улицу.

— Везуха нам, — сказал позади Гусев. — Рядом освободился столик. Нас за него и посадят. Все-таки нашли ребята выход на метрдотеля. А еще говорят, что в АСБ одни тупицы служат...

Ресторан был небольшой, уютный, здесь играла тихая ненавязчивая музыка и в воздухе плавали едва ощутимые вкусные запахи. Столики размещались в небольших закутках, рядом стояли вешалки. Насчет вешалок Гусев выяснил в первую очередь, без верхней одежды идти в обеденный зал он отказался бы наотрез.

На входе их встретил некто величественный, облаченный в смокинг.

— Господа, прошу за мной, — изрек он и царственным шагом проследовал вперед.

У Гусева в кармане зазвенело. Он тут же вытащил свой «мобильник» и на ходу с головой ушел в беседу, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться.

— А она что? — спрашивал он. — А ты? Не может быть! Ну, поздравляю от души. И когда? А почему не в «Праге»? Какая разница, что дорого, я добавлю, Мишка, не сомневайся! Ради такого дела...

Валюшок из-за спины Гусева уже видел Писца и компанию. Безразлично мазнул взглядом по Шацкому — это оказался нервный мужчина лет сорока с вьющимися длинными волосами — и сконцентрировался на удачно подвернувшейся справа красотке. Даже голову повернул.

— Да ну! — вдруг заорал Гусев и расхохотался куда громче, чем предписывали хорошие манеры в публичном месте. «Быки» мгновенно им заинтересовались, Писец и Шацкий продолжали беседу. До них осталось всего ничего, шагов пять-шесть.

Гусев ржал, «быки» неодобрительно его рассматривали. Он мешал их боссу разговаривать. И полностью занял их внимание. Валюшок мысленно перекрестился. Они вышли на позицию, нужно было начинать.

Гусев поймал злобный взгляд своего «быка».

— Ой, извините! — смутился он.

Валюшок четко, как на тренировке, выдернул оружие из кобуры и всадил две иголки в торчащее из-под стола массивное бедро телохранителя. Но Гусев все равно вырубил своего первым.

«Быки» медленно валились со стульев. Валюшок уперся игольником в грудь Шацкого.

— АСБ! — сказал он негромко, но твердо.

Шацкий очень натурально побледнел.

Писец в свою очередь налился кровью.

— Что ж ты руки-то на столе держал, идиот? — спросил его Гусев. Телефон он давно уронил на пол и теперь левой рукой придерживал стул, с которого все падал и падал «бык». Игольником Гусев небрежно помахивал у живота, не оставляя Писцу шансов потянуться и вырвать оружие. — А туда же — вор в законе, король рэкета...

— Это какая-то нелепая ошибка, — сообщил Писец глухо. Произношение у него было не московское, но Валюшок так и не понял, какое именно.

— Я заявляю решительный протест! — с достоинством произнес Шацкий, честно отыгрывая роль. — Я директор продюсерского центра... — И тут его заклинило. Валюшок понял — Шацкий узнал Гусева.

— АСБ! Специальная операция! — раздалось от входа. — Пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Вам ничто не угрожает, с этого момента вы находитесь под нашей защитой!

Гусевский «бык» наконец-то сполз на пол, и тот занял освободившееся место, придвинувшись вплотную к Писцу. Это была опасная игра, но это была игра Гусева, он сам ее себе выдумал.

— Хочешь скажу, кто тебя спалил? — предложил он. — Хочешь перед смертью отдать должок ментовской суке?

Писец судорожно моргнул. Что-то у них там под столом творилось, между ним и Гусевым. Скорее всего Писцу в одно место уперлась «беретта».

Вокруг столика ничего особеного не происходило, только по напрягшимся лицам и спинам видно было, как остро посетители ресторана переживают напряженный момент. По залу уже бродили непонятно откуда возникшие люди с игольниками в руках. Выходы были перекрыты. Несколько широкоплечих мужчин заслонили от посторонних взглядов столик. Одним из подошедших был старший, которому сейчас по инструкции положено было руководить снаружи. Тут же оказался и давешний матерый дядька, сверлящий жутковатым взглядом затылок Шацкого.

«А у подъезда уже стоит «труповозка», — подумал Ва-

люшок. — Интересно, что она повезет сегодня. Неужели на самом деле трупы?»

— Убей этого пидора волосатого! — вполголоса требовал от Писца Гусев. — Пока еще разрешаю. А потом я тебя по-быстрому кончу. Ты же не хочешь на каторге сдохнуть?

— Да пошел ты...

— Не верь ему! — прошипел Шацкий. — Кому ты веришь?!

— Убьешь? — настаивал Гусев.

— Да соси ты х...й...

Шацкий начал затравленно озираться. Похоже, спектакль в режиссуре Гусева ему очень не нравился.

— Тогда пушку на стол. Очень медленно.

— Да е...л я тебя... Сам доставай.

— Как жаль, что я в тебе ошибся, — сказал Гусев безмятежно.

Валюшок по-прежнему держал на мушке Шацкого и толком не разглядел, что произошло. А Гусев просто влепил Писцу иглу в брюхо, и тот расслабленно сник.

Шацкий так вздохнул, будто у него петлю с шеи сняли.

А зря.

Потому что Гусев выдернул иглу, воткнул ее себе в лацкан, быстро спрятал игольник в кобуру и так же быстро достал у Писца из-за пазухи «макаров». Вытащил из-под стола руку с «береттой». Взвесил оба пистолета на скрещенных руках. Примерно так обычно держали парочку «узи» всякие крутые из полузабытых в Союзе американских боевиков.

— Что вы... — испуганно пискнул Шацкий.

— Господа, не дергайтесь, мне все отлично видно! — предупредил Гусев.

И принялся стрелять.

Шацкий получил две пули в область сердца и рухнул на руки выбраковщиков. Неподвижный Писец был убит двумя выстрелами в живот и переносицу. Гусев бросил оружие Писца на стол.

В зале сдержанно повизгивали женщины.

— Ну, ты... — начал было старший, но передумал и только сплюнул под ноги.

— Я же сказал, мне все было отлично видно. — Гусев уже склонился над Писцом. Слегка ошалевший и малость

оглохший Валюшок понял — он делает клиенту нейтрализующую инъекцию. Через небольшое время обнаружить наличие в крови парализатора будет невозможно. А дырочку от иглы в животе Гусев расковырял пулевым ранением.

— А если бы ты его насквозь...

— Из «макарова»? Упаси бог. Ну что, господа? Наш уговор в силе? Круговая порука мажет, как копоть?

— Естественно, — процедил старший. — Этот убийца прятал ствол в сапоге. У него как раз сапоги... Что тебе оставалось делать? Игольник-то твой заело.

— Вообще хреновое оружие, — согласился матерый дядька. — У меня клинило дважды в самый ответственный момент.

— Перекос, он и есть перекос, — вступился еще один голос. — Между прочим, второй клиент того... Готовченко.

Гусев подобрал с пола «мобильник» и с искренней теплотой улыбнулся выбраковщикам. В том числе и Валюшку, который все отдувался.

— Спасибо, коллеги, — улыбнулся Гусев. — Помогли снять камень с души. Век не забуду. Ну, я поеду отчет рисовать. Если что — знаете, где меня найти.

— Живи, — сказали ему.

На улице Гусев с наслаждением закурил. И встряхнул за плечо насупившегося Валюшка:

— Если ты меня осуждаешь, могу в деталях рассказать, как именно Шацкий изуродовал свою жену. Ей было двадцать три года, Леха. Только двадцать три. Обыкновенная молоденькая дурочка — нормальная женщина за такого бы и не пошла, — но это в данном случае дела не меняет. Нельзя кухонным ножом резать беременных жен, понимаешь? И нет таких высших интересов, во имя которых можно оставлять в живых тех, кто так поступает.

Валюшок молчал.

— А то, что в Агентстве существует круговая порука, ты мог бы и сам догадаться.

— Да нет же!!! — взорвался наконец Валюшок. — Нет!

— Что «нет»? — опешил Гусев.

— Ты... Ты... Да ты чуть мне в руку не попал! Я едва отдернуть ее успел!

— Лешечка! — воскликнул Гусев радостно. Похоже, он ждал чего-нибудь похуже. — Дорогой ты мой! Сам посу-

ди — если бы я мог попасть тебе в руку, уж наверное, я бы тебя предупредил!

Валюшок в ответ только сплюнул — как перед этим старший.

Наверное, они пережили очень похожий стресс.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Лишь в молитвах и заупокойных службах изливалась скорбь по тысячам казненных, не обращаясь в ярость, направленную против тирана, — ведь его власть была освящена церковью, а цели — разумны и благородны.

Очередное испытание на прочность судьба подбросила двойке Гусева в один ничем не примечательный вечер. Да и началось все рутинно — просто на пульте лежала заявка, которую Гусеву передал дежурный. Гусев, привычно изображая лицом скуку и неудовольствие, в бумагу заглянул и сразу же покосился на Валюшка. Его ведомый, поигрывая на пальце ключами от «двадцать седьмой», мурлыкал под нос песенку и, судя по всему, пребывал в отличнейшем расположении духа. «Ну, сейчас посмотрим, какой ты гражданин, агент Валюшок, — мысленно вздохнул Гусев. — Поганая заявка. В последний раз я такую видел года два назад. Ясно, почему ее именно мне подкинули — Гусева ведь не жалко. А Валюшка? Хм-м... Все-таки не оставили надежды восстановить против меня. Какая же это сволочь наверху мутит воду? Понятное дело, не шеф. А кто? Ну, в любом случае нужно будет за Лехой присмотреть. А то еще замочит старика Гусева по великой своей доброте. Обмялся он за последний месяц нормально, уже никакой работы не гнушается, но это...»

— Заводи, — скомандовал он. — Я сейчас, только вот «труповозку» закажу. Нам сегодня особенная понадобится...

Ехать пришлось на самую границу зоны ответственности Центрального. Валюшок вел машину как обычно — быстро и надежно, не хуже, чем если бы за рулем сидел Гусев. С исчезновением знаменитых на всю страну московских пробок средний уровень водительского мастерства в городе

неуклонно падал, и Гусеву было приятно, что хотя бы его ведомый этому повальному расслаблению не подвержен.

«Двадцать седьмая» идеально запарковалась у искомого подъезда — в двух шагах, но так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Гусев достал рацию и вызвал «труповозку».

— Когда подъедете, во двор не суйтесь, — приказал он. — Стойте на улице. А то здесь бабуськи околачиваются, сразу выяснять начнут, к кому «Скорая» приехала.

«Труповозка» ответила, что все понимает, глубоко сочувствует и постарается без повода не светиться. Гусев повернулся к Валюшку. Тот курил и ждал распоряжений, изо всех сил делая вид, что ему это дается легко. Ведь по инструкции Гусев обязан был довести до ведомого содержание заявки если не в офисе Центрального, то хотя бы по дороге.

— Значит, так, Леха, — сказал Гусев. — Ты когда-нибудь задумывался, куда в нашей стране деваются младенцы с патологией развития?

Валюшок фыркнул было — кто ж этого не знает, — но потом насторожился. Гусев задал вопрос неспроста. Большинство патологий медицина определяла на ранних стадиях беременности, и уроды в Союзе просто не рождались. А в тех немногих случаях, когда медкомиссия находила отклонение от нормы уже после родов, младенца либо с согласия матери усыпляли, либо он пропадал в недрах интернатской системы. Сложнее было, конечно, с подрощенными детьми, у которых вдруг открывались серьезные нарушения психики, — но и тех, как правило, удавалось из общества изъять. В тех случаях, когда четко устанавливалась наследственная природа нарушения, — вместе с родителями. А когда нет... По обстоятельствам. Все это Валюшку детально объяснили на подготовительных курсах с примерами из практики. Но раз сегодня они здесь и Гусев задает вопросы, значит, система дала сбой. И где-то в этом подъезде живет ненормальный ребенок. Валюшок поежился.

— Понял? — спросил Гусев. — Вижу, понял. Тяжелый случай, Леха. Соседи, гады, донесли. Участковый стал вести наблюдение и подтвердил. Мальчишка лет десяти. Ночью появляется на балконе. Только ночью. Мать — учительница. Героическая женщина, думаю — сама рожала, втайне. Но и дура изрядная. Эгоистка чертова. И ребенку жизнь изуродовала, и себе. Так в фашистской Германии немецкие семьи еврейских детей прятали. Но ведь не по

десятку лет кряду... На что надеялась? Вот тебе и диспозиция. Готов идти?

— Что мне делать-то? — спросил Валюшок. — Не в том смысле, что деваться некуда, а делать-то что?

— Как обычно — держать мне спину. Пойдем.

Чистая и опрятная лестница вела их на пятый этаж.

— Ты раньше это делал? — буркнул Валюшок Гусеву в спину.

— Дважды, — ответил тот.

— И что было?

— Оба раза пришлось стрелять.

Валюшок тяжело сглотнул, кашлянул и снял игольник с предохранителя.

— А где этот участковый? — вспомнил он. — Как же мы на такое дело и без мента? Дело-то не уголовное, гражданское.

— Он боится. Сказал, все что надо задним числом подпишет, а с нами идти — ни-ни.

— С-скотина... — прошипел Валюшок.

— Отнюдь, — мягко сказал Гусев. — Нас ведь разгонят, а ментам оставаться. Кому же охота за чужие грехи...

«Вот именно — грехи, — подумал он. — Кто нас ждет там, наверху? Только бы не даун. Все, что угодно, только не даун. Ведь не смогу же... Урод должен быть уродом, вызывать отвращение, желание сделать так, чтобы он исчез из нашего мира быстро и навсегда. Дауны, выросшие в семьях, не такие. Ни у одного нормального человека на них рука не поднимется. Дети с синдромом Дауна, если с ними хорошо занимались родители, превращаются, как правило, в милейшие существа. И когда они становятся взрослыми, им можно только сочувствовать, но никак не ненавидеть. Их словно лишили ненужной части разума специально, чтобы оставить счастливыми. Детьми. Нужно признаться, с даунами выбраковка промахнулась. Обществу нужны убогие. Не бесноватые и юродивые, а именно убогие. Чтобы жалеть. Как раз жалости нам сейчас не хватает, не осталось ее в стране ни на грош. Вот давешняя тетка, которая грабителя пожалела... Встал на дороге суперагент Пэ Гусев со своей лицензией на убийство и всю проявленную гражданкой потерпевшей жалость низвел даже не до нуля, а в минус загнал. Переработал в ненависть. Уф-ф... Нет, это не может быть даун. Их вычисляют стопроцентно на ранних сроках. До трех месяцев, кажется».

Гусев позвонил в дверь и отстегнул с груди значок.

— Только не вздумай разговаривать, — бросил он через плечо. — Молчи и держи мне спину. Увидишь, я все сделаю наилучшим образом. Стыдно не будет. И вообще, это не Гусев с Валюшком, это государство пришло. А государство, как известно, — аппарат насилия.

— Кто там? — спросила из-за двери женщина. Голос у нее был донельзя настороженный.

— Извините, пожалуйста, это Агентство социальной безопасности, — сказал Гусев, демонстрируя значок дверному глазку. — Старший уполномоченный Гусев, уполномоченный Валюшок. Мы должны задать вам несколько вопросов.

За дверью повисла гробовая тишина. Правило «мой дом — моя крепость» в Союзе позволяло забаррикадироваться в своей квартире даже от милиции, буде та явится к вам без постановления на обыск. Но в отношении АСБ никакие правила не действовали. Жать на кнопку и разговаривать с жильцами Гусев был не обязан, он мог без лишних церемоний просто взломать дверь. Тем более — эту, хлипкую и древнюю.

— Нам обязательно нужно с вами побеседовать. Это очень важно.

— О чем? — спросили из-за двери.

— Простите, через дверь такие вещи не говорят. — Гусев произносил слова очень мягко, но без той хорошо знакомой Валюшку приторной ласковости, которая предвещала беду. — Впустите нас, пожалуйста. Если какие-то сомнения, позвоните в Центральное отделение АСБ, я вам продиктую телефон. Мы подождем.

Снова тишина.

— Я бы вам советовал не тянуть время. — Гусев прицепил значок обратно под куртку. — Вы же знаете — если уж мы пришли, то мы обязательно войдем. Давайте не будем превращать деловой разговор в выяснение отношений.

— Убирайтесь! — прошипели изнутри.

Гусев раздраженно цыкнул зубом.

— Хорошо, — сказал он. — Будьте добры, отойдите от двери, мы ее сейчас выбьем. Ну-ка, Леха, раз-два...

— Стойте! — Щелкнул замок, дверь приоткрылась на цепочку. В проем на выбраковщиков глядело некрасивое

сморщенное личико — жидкие бесцветные волосы, тяжелые очки. Типичная училка из числа люто ненавидимых школьниками. Гусев знал, что клиентке под сорок, но выглядела она на все полсотни, да еще и с гаком. «Завоевать расположение такого человека — дохлый номер. Она априори ненавидит всех. А детеныша себе родила в качестве игрушки, на которой может вымещать комплексы. Господи, какую чушь я несу! Хотя понятно зачем. Восстанавливаю себя против клиента. Привычка. Старая добрая профессиональная манера. Чтобы не было мучительно больно».

— Спасибо, — улыбнулся Гусев. — Мы тоже не хотим шума. Разрешите войти?

Женщина смерила Гусева ледяным взглядом — маска, за которой просматривается надвигающийся паралич воли. «Она уже сломана. И это тоже сделал я. Какое, на фиг, государство! Это ты, Гусев, приперся в ее жилище с огнем и мечом. Как последний бандит, посягаешь на то немногое, что есть у человека, — его территорию. Ладно, хватит казниться. Быстро сработал — быстро ушел пить водку».

— Вера Петровна. Мы. Пришли. С вами. Разговаривать. — Гусев ритмично покачивал в воздухе рукой. — Давайте. Сядем. И мирно. Разберемся.

Дверь медленно захлопнулась. Звякнула цепочка. Гусев облегченно перевел дух. Не хотелось ему ломать дверь. Жалко было ушибать плечо. Свое ведь, не казенное. Да и дверь еще послужит — в квартиру потом кто-то въедет, буде училку придется забраковать.

Женщина, видимо, терзалась сомнениями, потому что ждать пришлось чуть ли не минуту. И все-таки она открыла. Выбраковке нужно открывать. Выбраковка не шутит.

— Заходите, — процедила женщина.

Квартира была двухкомнатная, и из наглухо закрытой спальни («Детской», — поправил себя Гусев) не доносилось ни звука. Обстановка в доме оказалась скудной и даже ветхой, а главное — на всех предметах лежал дух тяжелой и затхлой неухоженности. Гусев огляделся и почувствовал, в чем дело. Здесь свила гнездо легкая и почти неявная душевная болезнь хозяйки, неопасная для окружающих, но страшно отразившаяся на судьбе ее сына. А скорее всего — и послужившая для мальчика поводом родиться.

— Мы присядем, — сказал Гусев. Древний обтрепанный диван заскрипел под его тяжестью. Валюшок садиться не стал, а прислонился спиной к дверному косяку. Женщина тоже осталась стоять, прижав руки к груди и опустив глаза.

— Вера Петровна, — начал Гусев. — Прежде всего давайте определим главное — наши отношения. Поймите, АСБ пришло к вам без намерения совершать насилие и уж тем более — ломать ни в чем не повинную мебель. Помогите нам, пожалуйста, а мы постараемся никак не ущемить ваши конституционные права.

— Что вам нужно? — процедила женщина, не поднимая глаз.

— Я сейчас позвоню, и через несколько минут придет наш медицинский эксперт. Позвольте ему осмотреть мальчика, который находится в этой квартире.

Женщина оказалась не настолько безумна, чтобы сделать вид, будто никакого мальчика здесь нет. Похоже, она понимала, с кем имеет дело. И, может быть, даже испытывала легкое облегчение от того, что ситуация близка к разрешению. Как преступник, который годами носит в себе ужас перед тем, что однажды его догонит Гусев. И смотрит в дуло игольника глазами, которые так и твердят: «Наконец-то!»

Женщина не сказала: «Его здесь нет». Она спросила:

— Зачем?

— У Агентства есть основание полагать, что вы нарушаете федеральный закон о правах детей.

— Как я его нарушаю?

— Начнем с того, что ребенок находится у вас в квартире словно под арестом, он лишен возможности общаться со сверстниками и посещать школу.

— Это неправда!

— Что неправда?

— Он получает образование. Прекрасное образование.

— Чему вы его учите? — спросил Гусев, стараясь не морщить презрительно нос. — Ботанике?

Женщину слегка передернуло. Тяжело ощущать, что некто знает всю твою подноготную. И вдвойне тяжело, если это человек с правом на убийство.

— Он читает. Он прекрасно читает.

— Замечательно. Но он совершенно один. Никто, кро-

ме государства, не вправе изолировать человека, особенно ребенка.

— Он не один! — воскликнула женщина. — Вы ничего не понимаете!

— Да, он с вами. Но вы, как педагог, не можете не знать, как важно для ребенка социализироваться. В кого вы хотите его превратить? В Маугли?

Женщина принялась истерично ломать себе пальцы, но с места не сдвинулась. У нее была очень сухая безгрудая фигура, и простенькое домашнее платье висело на ней, как на вешалке.

— Послушайте, Вера Петровна. Давайте для начала сделаем так. Я загляну буквально одним глазом, — Гусев ткнул пальцем через плечо, — а потом мы продолжим разговор. Уверен, вместе мы что-нибудь придумаем.

«Чем черт не шутит, — подумал он. — Вдруг тут какая-нибудь дикость, и парень еще не до смерти изуродован мамочкой. Что я понимаю в нервных заболеваниях? Да ничего. Я моментально вижу — псих человек или нет, нахватался опыта. Но насколько псих — это для меня темный лес. Вдруг у нее парень от рождения нормальный, а она просто по каким-то безумным соображениям решила спасти его от общества, в котором больше нет преступности и у каждого есть работа?»

— Нет! Я не позволю! — В голосе женщины не было уверенности, она произнесла это на голом импульсе, только чтобы обозначить позицию.

Гусев очень медленно достал игольник и положил его рядом с собой на диван. «Беретта» висела у него глубоко за пазухой, женщина не могла заметить пистолет. Гусев ничего такого не опасался, просто расстаться с обеими пушками сразу он не согласился бы даже за миллион «новыми», по курсу один рубль на один «юрик».

Да и за сто миллионов не смог бы, наверное.

— Видите, — сказал он. — Вот мое оружие. А я — встал и пошел. На секунду.

Женщина дернулась было, но тут негромко кашлянуло железобетонное изваяние Валюшка. И женщина сдалась. А Гусев крадучись прошел к детской, приоткрыл дверь и заглянул. Только на секунду.

Мальчику, наверное, достался красивый отец. Да и у

самой училки, если присмотреться, черты лица были очень правильные. Чересчур, до совершенной некрасивости. Это мог бы получиться очень славный мальчик. Сейчас, резко повернувшись к Гусеву, он уронил слюну с уголка рта, что-то пробормотал и уставился на выбраковщика скошенными к переносице глазами. Сидя на ковре среди разбросанных игрушек — очень качественных игрушек, вот почему так бедно в квартире, — мальчик не шевелился, но Гусев и без того знал, какие у него движения. Резкие, ломаные, с плохой координацией. Гусев уже видел таких детей. В прошлый раз был такой же пацан, только поменьше.

Но того мальчика родители не прятали от мира. Наоборот, они тянули его изо всех сил, как проклятые. Всячески пытались врастить в общество и само общество приучить к тому, что мальчишка в порядке. Им это почти удалось. Почти. Даже медкомиссия необычно долго тянула с решением — жалко было парня, настолько он перешагнул данные от природы возможности. Им откровенно восхищались. И будь он просто жертвой родовой травмы — оставили бы все как есть. Но дело оказалось в наследственной мутации. За мальчиком приехали врачи АСБ, забирать в интернат. Отец мгновенно обезумел, вытащил из-за шкафа двустволку и подписал этим приговор всей семье.

— Играй, малыш, — негромко сказал Гусев и прикрыл дверь.

«А что бы сделал ты, Гусев, на ее месте? Я? В первую очередь я бы выбрался из города. Очень много лет назад, когда ребенок был еще совсем маленький и не вызывал пристального внимания. Я бы забрался в деревню, в самую несусветную глушь, туда, где милиционера не видят годами, а о выбраковщиках знают только понаслышке. И там... Возможно, там у мальчишки появился бы шанс. К нему быстро бы привыкли, считали бы за своего, он вырос бы в какого-нибудь подпаска и спокойно прожил жизнь. Нормальным деревенским дурачком прожил бы. Счастливым, наверное. Да, счастливым....

Но это — если бы я. Если бы у меня. Интересно, почему она так не сделала? Наверное, я прав, и наша сегодняшняя клиентка просто завела себе игрушку. Такую надрывную, трагическую, садомазохистскую игрушку. Ей-богу, лучше

бы она купила домашнее животное и мучила его. Морскую свинку какую-нибудь.

Интересно, а ты бы отдал своего ребенка в брак, Гусев? Ты, который знает правила игры изнутри? М-м... Новорожденного — да, конечно. А вот если аномалия открылась бы позже, годами позже? Так я же говорю — в деревню. И фиг бы его там нашли. Ладно, Гусев, расслабься. Перед тобой всегда стоял другой выбор. И ты тоже честно его делал. Вот именно — честно. По справедливости. И в чем она заключается на данный момент, ты отлично знаешь. Справедливость ходит в белом халате. Вот и зови ее сюда».

Женщина все так же стояла посреди комнаты, выкручивая себе пальцы. Гусев уселся на прежнее место, с облегчением водворил в кобуру игольник и достал трансивер.

— Простите, Вера Петровна, этот случай вне моей компетенции. Разбираться должен специалист. С вашего позволения, я его вызову. Алло! Это Гусев. Медэксперта прошу ко мне.

— Вы его убьете... — прошептала женщина. — Вы же его убьете...

— Зачем? — удивился Гусев как можно более искренне.

— Я знаю, убьете. Не надо лгать! Вы их всех убиваете! Подонки!

— Он поедет в закрытую школу...

— Мерзавцы! Фашисты!

— У него будут наконец-то друзья. Вы сможете его навещать...

— Грязная сволочь! Педераст вонючий! — Женщина наконец-то справилась со своими руками, теперь она держала их согнутыми в локтях, и пальцы ее целились Гусеву в лицо. А ноги согнулись в коленях для прыжка. — Убийца! Сраный поганый ублюдок!!!

— Да вы же сами его чуть не угробили!!! — от души проорал Гусев. — А теперь он будет жить! Будет, черт возьми!

Валюшок успел выстрелить. Женщина упала головой на колени Гусеву, и тот брезгливо спихнул ее на пол.

— В глаз целилась, — пробормотал он. — Вечно они целятся мне когтями в глаз.

Валюшок смотрел на женщину, а сам вжимался спиной в косяк. Никогда его раньше не окатывала с головой такая бешеная волна чужой ненависти. Женщина кричала вроде

бы только на Гусева, она и прыгнула именно на него, но Валюшку тоже хватило.

Гусев зябко поежился. Нужно было вызывать поддержку, но сил не хватало поднять руку и снова нажать тангенту. Он чувствовал себя вымотанным до предела.

— Что с ребенком? — тихонько спросил Валюшок.

— Поживет еще, — ответил Гусев. — Надеюсь. Пусть хоть немного поживет... В принципе мы ведь ему задолжали. Либо десять лет жизни, либо никаких мучений. А сейчас его усыпить — это будет совсем уже несправедливо. С училки-то взятки гладки, она же не в себе. Но ее страх перед выбраковкой... Косвенно перекладывает вину на нас. Как вы думаете, господин суперагент? Кстати, ты молодец. Спасибо.

Валюшок неопределенно шевельнул бровью, достал сигареты и прикурил сразу две. Видно было, что Гусев нуждается в помощи. Никогда еще Валюшок не видел его таким подавленным.

Как ни странно, сам он никаких особенных угрызений совести не чувствовал.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Период плена — ключ к разгадке всей последующей жизни нашего героя. Какие чувства переполняли его сердце, когда он смотрел на предсмертные муки людей, — жалость, ужас, гнев? Или, может быть, страстное желание применить что-нибудь подобное к тем, кто держит его в плену? Во всяком случае, Влад должен был скрывать свои чувства, и он в совершенстве овладел этим искусством. Ведь точно так же его отец в далекой Валахии, стиснув зубы, слушал надменные речи турецких послов, сдерживая руку, рвущуюся к рукояти меча.

Валюшок как раз завтракал (или, скорее, обедал), когда Гусев ему позвонил.

— Проснулся? — спросил он. — Прекрасно. Слушай, Леха, ты бывал когда-нибудь в штаб-квартире подпольной организации?

— Не-а, — ответил Валюшок с набитым ртом. — А это интересно?

— Ну, как тебе сказать... Террористов-бомбистов не обещаю. Но в целом будет поучительно. Чисто дружеский визит — посидим, чайку попьем. Наберешься свежих впечатлений.

— А мне это надо? — спросил Валюшок на полном серьезе. Мол, сам решай, ведущий, тебе виднее.

— Думаю, что да. Ты на этих людей по собственной инициативе не выйдешь. Не догадаешься просто, что такие бывают. Да и они с тобой не станут по доброй воле общаться.

— А с тобой?

— А я им интересен. Как наглядное пособие, каким не надо быть. Так что, заехать за тобой? Минут через сорок.

— Заезжай, — согласился Валюшок. — Поможешь шкаф передвинуть.

— Черт возьми, семейный человек... — пробормотал Гусев. — Шкафы, диваны, вакуумные окна. Есть куда деньги тратить. Аж завидно. Ладно, жди.

Валюшок хотел было объяснить, как к нему ловчее подъехать, но Гусев уже отключился. Он появился, как и обещал, через сорок минут. Придирчиво осмотрел квартиру, чуть ее не обнюхал и вынес свой вердикт:

— Стильно.

— Слушай, Пэ, — сказал Валюшок. — Я все хотел у тебя спросить. Если это не слишком личное, конечно... Ты вообще женат-то был когда-нибудь?

— Был, разумеется. Когда-нибудь. Давно.

— А сейчас э-э...

— А сейчас меня девочки не любят, — усмехнулся Гусев. — Старею, наверное.

— Тебя-то? — не поверил Валюшок. — Не любят?

— Не любят, но на все согласны, — объяснил Гусев. — А я вот не на все согласен. Расслабься, Леха. Потом как-нибудь расскажу. Ну, где обещанный шкаф?

Они поехали в центр города, и чем глубже в него забирались, тем удивленнее становилось лицо Валюшка. То ли Гусев насчет подпольной организации пошутил, то ли она была не особенно подпольная, то ли, наоборот, чересчур

хорошо окопалась. В представлении Валюшка подпольщики должны были прятаться по хазам и малинам где-нибудь в пролетарских районах и вести там безуспешную революционную агитацию. Потом до него дошло, что пролетариев на самом деле агитировать нет смысла, могут по шее надавать, а то и отвести в выбраковку. Но все равно представить, что в вылизанном до блеска центре кто-то может вести нелегальную деятельность, было с непривычки сложно.

«А собственно, с чего я взял, что они делают нечто противозаконное? Впрочем, сейчас нам все покажут. Гусев очень любит мне что-то необычное показывать и следить за моей реакцией — понял или нет. Педагог доморощенный. Хотя нужно отдать ему должное, он умеет быть честным. Как пообещал доставать нотациями — так и доставал. И каждая нотация оказалась к месту».

Валюшок закурил. Гусев бросил короткий взгляд на пачку в его руках и понимающе хмыкнул. Белая наклейка со словами «ТАБАК УБИВАЕТ» была основательно поцарапана — наверное, Валюшок пытался ее отодрать ногтями, но потерпел сокрушительное поражение. Наклейку лепил по специальному заказу сам импортный производитель и клея не жалел.

— Давит на мозги? — спросил Гусев.

— Что? А-а... Да, неприятно.

— Блестящая идея, — сказал Гусев серьезно. — И очень старая. Лет двадцать назад появилась.

— Твоя, что ли? — прищурился Валюшок.

— Нет. Одного способного парнишки.

— Душить надо таких способных. Сегодня табак... А завтра что, на водке напишут «Алкоголь тебя угробит»?!

— На водке — нет, — помотал головой Гусев. — Все-таки это русский народный транквилизатор. И потом, на водочной монополии у нас половина бюджета держится...

Штаб-квартира подпольщиков разместилась в двух шагах от офиса Центрального, в арбатских переулках. Валюшок уже отлично знал вверенную отделению местность и на всякий случай запомнил дом и подъезд. Мало ли что.

— Значит, ничему не удивляться, — сказал Гусев. — Вежливость и еще раз вежливость. Мы в гости пришли.

Подполье своему формальному определению не соот-

ветствовало, вольготно разместившись на пятом этаже. Пустили выбраковщиков без всяких кодов и паролей. Хмурый парнишка в засаленном свитере открыл дверь, тут же повернулся к гостям спиной и исчез в глубине квартиры.

— Майя Захаровна! — позвал Гусев. — Ау, где вы?

— Сюда! — позвали с кухни. — Сюда заходите.

Валюшок огляделся и сразу понял, что его так удивило с первого мгновения — в квартире не было межкомнатных дверей. Сняли, наверное, для экономии места. В самих комнатах оказалось великое множество компьютеров, и за каждым кто-то сидел, треща клавишами. А кое-кто при этом еще и говорил, так что шума хватало. Стены едва-едва просматривались под наслоениями разноцветных плакатов, а сами плакаты были варварски залеплены исписанными от руки бумажками. «То ли редакция, то ли информационное агентство, — догадался Валюшок. — Все шутит со мной Гусев».

На кухне разливала по кружкам свежезаваренный кофе усталая крашеная блондинка лет пятидесяти с одутловатым лицом и сигаретой в зубах.

— Я так и знала, — сказала она. — Куда это ты запропастился, Пэ?

— Да все политических расстреливаем. — Гусев без приглашения уселся за стол и махнул Валюшку — присоединяйся.

— Садитесь, молодой человек. — Хозяйка, не отрываясь от своего занятия, ногой подвинула Валюшку стул. — Значит, ты уже не в резерве, Пэ. Ну-ну.

— Снова работаю. Знакомьтесь, Майя Захаровна. Алексей Валюшок, суперагент, гроза преступности. Страшный человек, зубодробителен и сногсшибателен. В первый же день уконтрапупил троих заезжих бандюков. После чего почил на лаврах и уже месяц груши околачивает.

Страшный человек суперагент Валюшок тоскливо вздохнул и опустил глаза. Позорную историю, приключившуюся в сауне, он до сих пор без содрогания вспомнить не мог.

— Майя, — коротко представилась женщина. — Ничего, Алексей, привыкайте. У вашего коллеги Пэ Гусева отвратительная манера напоминать людям об их промахах при каждом удобном случае. Посидите, мальчики, я сейчас.

Она взгромоздила кружки на поднос и унесла кофе в «редакцию».

— Это что? — спросил Валюшок громким шепотом.

— Это газета «Эхо Москвы», — таким же шепотом объяснил Гусев. — И ее издатель.

— А-а... — Валюшок кивнул, припоминая. «Эхо Москвы», газета, ставшая правопреемницей закрытой некогда радиостанции, действительно выходила в свое время нелегально. Теперь ее продавали из-под полы, хотя и не особенно скрываясь.

— И как она... оно... — Валюшок неопределенно поболтал в воздухе ладонью.

— Прежняя редакция вся уехала, когда открылась граница. А Майя осталась и вот, работает. У нее маленький заводик в пригороде — то ли зажигалки одноразовые, то ли что-то в этом роде, и вся прибыль идет на содержание газеты. Агентство тетку попугало сначала, а потом отвязалось...

— Ты пугал? — перебил Гусева гордый своей догадливостью Валюшок.

— Не-ет, что ты! Я бы и не согласился, наверное. Кажется, Мышкин здесь оружием бряцал. Или Данила. В общем, кто-то из старичков. Но тут сверху пришла команда — отстать, забыть. Нашему правительству даже тогда нужна была приличная антиправительственная газета. А сегодня просто необходима. Я думаю, их со дня на день вообще легализуют. Надвигается свобода печати, дружище. Да и прочие свободы тоже. Совести, например. Между прочим, как у тебя с совестью, Леха?

— Ты про что? — Валюшок подозрительно втянул голову в плечи. Уж больно жестко Гусев задал вопрос. С холодными-прехолодными глазами.

— Шутка. — Гусев мгновенно преобразился и снова был уже прежним, расслабленным и каким-то домашним. Он уютно облокотился на стол, закинул ногу на ногу — видно было, что ему здесь хорошо. — Расслабьтесь, ведомый. Если нет ощущения, что с совестью непорядок, значит, таковой отсутствует. Интересно, тебе в принципе нужна свобода совести?

— Это в каком именно контексте?

— Хороший вопрос. Майя, — обратился Гусев к вернув-

шейся с опустевшим подносом женщине. — Объясните-ка нам, сирым и убогим, что такое свобода совести.

— Тебе-то зачем? — огрызнулась Майя. — Ты же бессовестный, Пэ.

— Я?! Нетушки. Я каждый раз, как диссидента к стенке поставлю, целую ночь потом уснуть не могу. Все стоит перед внутренним взором этот жесткий бескомпромиссный последний взгляд, которым противник фашистского режима насквозь прожигает мелкую душонку палача...

— Гусев! — перебила его Майя. — Фантазер! Ты хотя бы раз кого-нибудь расстреливал?

— Вы так говорите, как будто вам приходилось, — надулся Гусев. — Конечно, не расстреливал. У меня нервная организация неподходящая. Я по жизни не палач, я шериф. И вообще, насколько помнится, смертную казнь в Союзе отменили еще шесть лет тому. Как новый порядок воцарился, так ее и отменили.

Майя по новой зарядила кофеварку, прикурила очередную сигарету и уселась напротив Гусева, внимательно его разглядывая.

— Устал ты, Пашка, — сказала она. — И шутки у тебя плоские, и сам ты какой-то... Будто под каток попал.

— Еще не попал, но готовлюсь. Надвигается каток, накатывается. Вот, — Гусев хлопнул по плечу Валюшка, — прошу любить и жаловать, молодая поросль. Новая генерация выбраковщиков. Рыцари без страха и упрека. Ни того, ни другого не наблюдается. Все, как один, психически нормальные, социально адаптированные, готовые положить живот на алтарь общественного блага.

Валюшок поморщился и стряхнул гусевскую руку с плеча. Майя теперь рассматривала его. Будто под микроскоп положила.

— И много их, — продолжал Гусев. — Слишком даже много.

— Сколько? — тут же спросила Майя. Валюшок собрался было пнуть Гусева под столом ногой, но передумал. С одной стороны, они вроде бы пришли сюда в гости, однако Гусев по инструкции все равно оставался для Валюшка ведущим.

— На одного нашего минимум полтора.

«Наши» — это ветераны, старики, — догадался Валюшок. — Но откуда у Гусева такая информация? Или он просто врет?»

Майя снова посмотрела на Валюшка.

— И что ты об этом думаешь, молодой человек? — спросила она.

Валюшок от неожиданности вздрогнул:

— О чем?

— О том, куда вас столько.

— Понятия не имею, — честно ответил Валюшок.

— А ты что скажешь, Пэ?

— А я ничего не скажу. Я кофейку вашего замечательного дерябну и пойду себе дальше Родине служить.

Майя раздавила сигарету в пепельнице и надрывно закашлялась.

— Бронхи ни к черту, — определил Гусев.

— Спасибо, утешил. — Майя поднялась и достала из шкафа две кружки. — Слушай, а что там за история приключилась с убийством в ресторане? Ну, когда этого мерзавца Шацкого застрелили. Ты не участвовал?

— Военная тайна, — гордо заявил Гусев. — Но по сведениям из строго конфиденциальных источников...

— Да, разумеется, из очень строго конфиденциальных.

— Геройски погиб, выполняя секретное задание, внештатный сотрудник МВД.

— Ах вот как...

— Положил, так сказать, живот на алтарь...

— Пэ, ты повторяешься. Было уже про живот.

Валюшок прихлебывал кофе, оказавшийся действительно очень вкусным, и ждал развития событий. В воздухе повисло легкое напряжение — Гусев не просто так тянул время: он кого-то или чего-то дожидался. И был готов за это ожидание платить болтовней на строго конфиденциальные темы. Вообще-то вся статистика по текущей выбраковке была открыта, любой желающий мог просмотреть ее на веб-сайте АСБ или в информационном ежемесячнике Агентства. Это правило ввели еще в незапамятные времена, сам Валюшок увидел впервые пухлую книжицу с титулом «Агентство социальной безопасности. Месячный отчет», когда ему исполнилось двадцать. Книжка впечатляла.

Тогда-то он и подумал: «Черт возьми, началось. Никто не верил, а началось. Даже надеяться смысла не было, а вот — началось». И слухи, какие были замечательные слухи, и как они удивительным образом все оправдывались... Бывало, еще в советские времена пожилые уголовники предупреждали «кумовьев» перед выходом на волю — мол, ждите, скоро вернусь, мне там все равно делать нечего. И действительно, выйдя за ворота, грабили ближайший магазин. Но когда началась тотальная выбраковка, из лагерей пришлось буквально пинками вышибать тех, кто раньше спал и видел, как бы на воле покруче развернуться. Матерое ворье, отпетые душегубы и беспредельщики умоляли сделать что-нибудь, но не выпускать их. Они боялись. Они наконец-то узнали настоящий страх.

Ведь те же самые ежемесячники исправно доходили до каждой зоны. И, зачитанные до дыр, напоминали: следующее преступление станет для тебя последним. Вор, грабитель, насильник, убийца мог подтереться этими страницами. Но все равно с них не смылись бы имена людей, которых он знал как воров, грабителей, насильников, убийц. Людей, которых наконец-то во всеуслышание объявили врагами народа, уродами, нелюдью. Признали таковыми официально и начали планомерно истреблять, дабы пресечь главное — воспроизводство преступности.

Гусев и Майя болтали о кино, Валюшок с головой ушел в воспоминания. Очнулся он, только когда хлопнула входная дверь и почти сразу на пороге кухни появился молодой человек с тонким нервным лицом и фигурой атлета.

— А вот и Ваня! — обрадовался Гусев.

— А вот и гестапо! — в свою очередь ненатурально обрадовался Иван. Видно было, что он Гусева терпеть не может, да и Валюшок сразу почувствовал себя не особенно уютно — захотелось достать игольник и снять предохранитель. Наверное, аллергия молодого человека распространялась на выбраковку в целом.

— Это ты угадал, — сказал Гусев благодушно. — Оно самое. Тебе какой гестаповец более симпатичен — в версии Броневого или Хауэра? Выбирай, могу и то, и другое. Впрочем, Хауэра ты не видел, этот фильм цензура зарезала.

— Самого отвратительного гестаповца играет Гусев, —

отрезал молодой человек. — Похоже, у Гусева талант. Что вам нужно от меня, товарищ старший уполномоченный?

— А с чего ты взял, что я по твою душу? — Гусев явно забавлялся. — Ты что, изнасиловал кого-нибудь? Убить-то у тебя пороху не хватит, а вот сексуальное насилие...

Молодой человек побледнел от бешенства.

— Это все от занятий спортом, — сказал Гусев наставительно. — Нынешняя мода на здоровый образ жизни приводит к тому, что молодежь слишком много времени отдает физкультуре. Если бы они вместо этого занимались онанизмом, кривая сексуальной преступности резко пошла бы вниз. Ты смотри, какую мускулатуру отрастил... Интересно, она у тебя везде такая?

— Что вам нужно, Гусев? — прошипел Иван.

— Ваня! — почти крикнула Майя. — Остынь.

— Вот именно, — поддакнул Гусев. — Остынь и сядь. Кофейку выпей.

Иван, тяжело сопя, протолкался мимо Валюшка и уселся рядом с Майей, положив на стол добела сжатые кулаки. Майя налила ему кофе, и молодой человек судорожно вцепился в кружку.

— А теперь расскажи, почему ты с таким нетерпением ждешь выбраковки, — предложил ему Гусев.

— Обойдетесь!

— За тобой ведь ничего особенного пока нет. Или уже есть?

— Да идите вы!

— Ваня... — Майя взяла Ивана за руку, но тот вырвался.

— Оставь, мама! — резко бросил он. — Ты же знаешь, что сейчас будет. Добренький миленький дядя Паша начнет читать мне нотацию.

— Ага! — кивнул Гусев.

— А я не буду его слушать! Понятно вам, Гусев?

— Ой-ой-ой!

— Не буду!

— Будешь, Ваня, — сказал Гусев, и в его голосе прозвучало сознание абсолютной своей правоты. — Еще как будешь. Потому что ты, дорогой мой, слишком далеко зашел в своем желании добиться правды. Ты промахнулся, Иван. Правда была у тебя под носом, но ты проскочил мимо и вляпался в самое что ни на есть вранье.

— Вы хотите сказать, что ничего не было?! — взвился Иван. — Что никто прямо в центре Саратова не расстреливал из автомата трамвай, битком набитый людьми? Что не было десяти трупов и четырнадцати раненых? Что убийца не исчез бесследно?

Валюшок приоткрыл рот и уставился на Гусева. Он об этом случае ничего не слышал. Да и немудрено — таких вещей по телевизору не сообщают. И в газетах про них не пишут. Кроме одной газеты — «Эхо Москвы», для которой криминал — любимая тема. По большому счету, главная задача «Эха» — доказывать, что выбраковка себя не оправдывает.

— Все это было на самом деле, Ваня, — сказал Гусев. — Но кто стрелял, ты знаешь?

— Выбраковщик. Сумасшедший выбраковщик. Такой же безумец, как и все вы.

— Ваня! — снова попыталась одернуть молодого человека Майя, но того понесло.

— И вы хотите, чтобы я не писал об этом?! — кричал Иван. Кричал так, что за стеной перестали трещать клавиши и стихли голоса. — Вы поставили на колени всю страну! Вы изгнали из нее всех нормальных людей! А остальных превратили в скотов, которым нужно только жрать и трахаться! А теперь вы сходите с ума от того, что вам некого больше убивать! И вы хотите, чтобы я молчал?! Давайте заткните мне рот! Мне плевать, тираж уже на улицах! Давай читай свою «птичку», фашист!

Нависая над столом, Иван тянулся к Гусеву и орал еще что-то несусветное про палачей и садистов. Валюшок украдкой расстегнул кобуру игольника. Гусев, морщась, отворачивал лицо и отмахивался — мол, незачем так орать, он все прекрасно слышит. Майя дергала Ивана за рукав. Наконец тот выдохся, и наступила относительная тишина. За стенкой кто-то гулко откашлялся и вновь принялся терзать клавиши.

— Кто тебе сказал, что это был выбраковщик? — спросил Гусев, утираясь носовым платком — Иван собеседника основательно заплевал.

— А вы, конечно, не знаете, кто это был? — сиплым голосом поинтересовался Иван. С большой издевкой поинтересовался.

— Час назад еще не знали. Момент. Леша, дай-ка мне «книжку».

Валюшок одной рукой вытащил ноутбук и подвинул его Гусеву. Тот быстро, почти не глядя, подсоединил «книжку» к своему трансиверу, наладил связь и принялся играть кнопками, пристально глядя на экран.

— Нет, Ваня. До сих пор не знаем, — сказал он, возвращая ноутбук Валюшку.

— То есть человек со значком АСБ на лацкане расстреливает трамвай, и вы не знаете, кто это?!

— Ваня, не будь ребенком. Ей-богу, лучше бы ты побольше занимался онанизмом.

Валюшок незаметно вытянул игольник из кобуры и под столом направил его на Ивана. Он был в полной уверенности, что сейчас их с Гусевым примутся зверски избивать табуреткой. В тесном пространстве кухни хороший замах исключался, да и Майя наверняка повисла бы у парня на руках, но Иван действительно выглядел чересчур сильным для того, чтобы с ним церемониться. Валюшок уже намертво затвердил главное правило выбраковщика — не стреляй без необходимости, но всегда стреляй первым. На собственной шкуре прочувствовал.

— Ваня, ты же знаешь, он никогда не врет, — сказала Майя.

Иван смерил ее таким презрительным взглядом, после которого хорошая мать открыла бы настежь дверь и отвесила сыну прощального пендаля. Но Майя была, наверное, не просто хорошая, а очень хорошая мать. Между делом Валюшок отметил, что сын на маму вовсе не похож. «Спорим, что он приемный и его настоящих родителей забраковали, — подумал он. — Смахивает на мелодраму, но почему бы нет? Все-таки Агентство вмешалось в судьбы миллионов людей. Каждого двадцатого мы вышибли. Мы. И я тоже. Уже».

— Ты давно копаешь под АСБ, Иван, — сказал Гусев очень спокойно. — И то, что у меня в Агентстве имеется э-э... определенный статус, ты знаешь отлично. Некоторые особые каналы информации для меня открыты, и вообще.

Поэтому, кстати, несмотря на все театральные эффекты, ты, дружище, терпишь мой э-э... интерес к работе вашего издания. Все еще полулегального издания, хотелось бы напомнить. Терпишь, Ваня, согласись. И вот я тебе сейчас говорю: все наши на месте. Понял?

— А с чего вы взяли, Гусев, — очень вкрадчиво спросил Ваня, — что я вам не верю?

— Та-ак... — протянул Гусев.

— Вот именно. Давайте представим на минуточку, что ваша хваленая закрытая информация проходит через фильтр. Там, наверху. На самом верху. И вы просто не знаете, Гусев, что в действительности творится в вашем обожаемом Агентстве. Нет, нет. — Иван выставил раскрытую ладонь, упреждая саркастическую фразу Гусева, которая вот-вот должна была сорваться с его презрительно скривившихся губ. — Я не такого высокого мнения об «Эхе», чтобы предположить, будто фильтр поставлен для нас. Вам тоже могут дурить голову. Именно в честь вашего определенного статуса, которым вы так гордитесь, товарищ старший уполномоченный.

— Мне нравится, что ты успокоился, — пробормотал Гусев. — Это мне даже больше нравится, чем то, что ты не желаешь слышать мои аргументы.

— Это был выбраковщик, — сказал Иван жестко. — Докажите, что нет.

— Поймаем — докажем.

— О, когда вы человека поймаете, вы сможете доказать что угодно.

— Химия, Ваня, она не врет. «Сыворотку правды» выдумали слишком давно, чтобы в ней сомневаться.

— Показания, данные против себя, даже под воздействием психотропных средств...

— Это ты будешь говорить на сходках Хельсинкской группы, дружище. Можешь даже кричать. Есть закон, и он гласит: признался — получи. Именно поэтому АСБ не использует пыток и устрашения. Нам это ни к чему, мы должны располагать стопроцентно корректной информацией. Вот почему у нас и ошибок почти не бывает.

— Почти... — Иван криво усмехнулся. — Очень хорошее слово «почти». Очень растяжимое. В общем, Гусев, вы

можете воображать себе что угодно. Но я вам говорю — ждите. Случай в Саратове — только первый звонок. АСБ настолько пропиталось насилием, что начинает потихоньку выплескивать его на улицы. Ждите, Гусев. Вам еще придется охотиться на своих. Вы будете убивать друг друга. И вот тут-то я посмеюсь. Со слезами, но посмеюсь. Неужели вы настолько слепы, Гусев? Конечно, я всегда считал вас убийцей, я и сейчас так думаю, мне с вами противно за одним столом находиться, но все-таки... Вы хотя бы достойный противник, вы не такой тупоголовый психопат, как остальные ваши инквизиторы. Неужели вы ничего не видите?

Валюшок все так же незаметно убрал игольник и посмотрел на Гусева. «Выплескивать насилие на улицы». Перед глазами Валюшка сама собой возникла сцена, которую он запомнил в мельчайших подробностях, — перепуганный воришка и Гусев с пригоршней мелочи...

А Гусев снова улыбался. Только очень грустно.

— Мне бы хотелось закончить этот разговор на довольно неожиданной ноте, — сказал он.

Иван непонимающе уставился на Гусева. Похоже, он ждал дискуссии. Но собеседник перехватил управление на себя. Гусев обрезал разговор не только лишь тематически, он еще и гениально сменил интонацию.

— Я расскажу тебе, Ваня, одну короткую историю. Не надо морщиться, она совсем не поучительная. Возможно, ты ее слышал в каких-то обрывках. Но даже внутри Агентства очень немногим она известна целиком и без искажений. Можно?

— Ну-ну... — неопределенно качнул головой Иван.

— Будешь еще кофе, Пэ? — спросила Майя с ясно различимым облегчением.

— Нет, спасибо, мы сейчас пойдем. Так вот... Это даже не история человека. Это скорее история одной концепции...

За стеной опять наступила тишина — похоже, там напряженно прислушивались.

— Был у меня друг, звали его Паша Птицын, — начал Гусев. — Милейший парень, такой очень спокойный, домашний, трогательно влюбленный в свою жену, короче го-

воря, почти идеальный тип. По образованию социолог. Работал Паша на государство, в каком-то загадочном департаменте стратегических исследований. Впрочем, это важно лишь в том контексте, что Пашины идеи оказались востребованы. Так вот, знакомы мы с ним были с детских лет и общались довольно тесно, но в основном по поводу выпивки и задушевной беседы. И всегда меня в Павле восхищала одна черта — удивительное его добродушие. Вот я, например, от природы страшно злой и изо всех сил пытаюсь эту свою внутреннюю озлобленность не выпускать наружу... Ладно, Иван, не надо смеяться. А тезка мой, он, наоборот, всю жестокость нашего мира как будто не ощущал. Наверное, потому, что был очень большой и сильный — примерно как ты, Ваня. Уверенный, что любого негодяя придавит голыми руками. Кстати, ему удавалось — помню, нас с ним побить хотели, так я глазом моргнуть не успел, а противник уже за горизонтом скрылся. И однажды произошла с этим милейшим во всех отношениях человеком э-э... как бы помягче сказать. Произошло то, чего врагу не пожелаешь. Ехали они с женой ночью по городу, никого не трогали, и вдруг ни с того ни с сего Пашкиной машине в заднищу впаялся джип, битком набитый обкурившимися бандитами. Скорее всего мелкая сошка — так, возомнившие о себе «шестерки». Но ты же сам понимаешь, что делает с человеком наркотик...

— Понятия не имею, — помотал головой Иван.

Гусев оценивающе посмотрел на него одним глазом.

— Верю, — кивнул он. — Тебе вредно знать эти подробности. А то бы ты не смог так яростно выступать против выбраковки пушеров. Христосик ты наш...

— Пэ, хватит! — потребовала Майя. — Зачем ты так?

— Так злой же я, — объяснил Гусев без тени улыбки. — Ладно, опустим прения сторон. А для интересующихся сообщим — любые наркотики растормаживают подсознание. Только водки нужно для этого много, и ты вряд ли окажешься в силах этим своим расторможенным подсознанием как следует размахнуться и отоварить им ближнего по голове. А вот гашиша, чтобы раскрыться во всей первозданной красе, нужно всего ничего. И ворье, которое в Павла въехало, было уже в нужной кондиции. Началось разбирательство — сколько им Паша должен за оцарапанный «кенгурятник». И Павел совершил жуткую ошибку. Ему, понимаешь ли, съездили по морде, чтобы знал свое место. А он, такой большой и сильный, оскорбился. И начал это ворье колошматить. Только он не учел, что, во-первых, их пятеро, а во-вторых, это не центр города, а глухой спальный район, да еще и граница лесной зоны. Не догадался как-то. Бывает. В конце концов, он был в секретном департаменте не оперативник, а исследователь, да еще и редкий тормоз, который даже в армии не служил. Точь-в точь как ты, Иван. У тебя же язва, верно? Тебе в армию нельзя, вредно... И вообще, Ваня, когда тебя в последний раз били? Так, чтобы не драка случилась, а именно хорошее полноценное избиение?

— Вам это нравится, Гусев, — мило улыбнулся Иван. — Я понимаю. Будьте добры, продолжайте.

— Чтобы все сжалось внутри и кричало: «За что?!» — Гусев мечтательно глядел в потолок. — И ногами тебя, ногами... И чтобы поднялся ты, весь в слезах и кровище, совсе-ем другим человеком. Совершенно другим, Ваня.

— А вас часто били, товарищ старший уполномоченный? — все так же дружелюбно осведомился Иван.

— Били, — сказал Гусев. — К сожалению, били. Поганое ощущение, Ваня, когда тебя бьют и ты ничего не можешь сделать. Если нарочно позволяешь себя бить, чтобы совсем не убили, — это один разговор. И кровища будет, и слезы, но в этих слезах есть момент торжества — ушел, вывернулся, обдурил противника. А бывает, так отмудохают, что лежишь и думаешь — повеситься, что ли?

Майя тяжело вздохнула, забрала у Гусева чашку и налила в нее кофе. Гусев благодарно кивнул.

— Так вот, — сказал он. — Вернемся к моему тезке. Он начал с ними драться. Выскочила жена — разнимать. Успела к шапочному разбору, потому что Пашке моментально пропороли ножом бок, монтировкой раздробили колено, а потом этой же монтировкой сломали руку. Затащили в лес, прислонили к дереву и по-быстрому у него на глазах изнасиловали его жену. И нанесли обоим по дюжине ножевых ранений. Жена умерла, а Павел выжил.

— Их нашли потом? — спросила Майя. — Бандитов?

— Нет.

— Как это — нет?!

— Просто не смогли четко установить личности. Машина в угоне, физиономии Павел толком не разглядел — темно было. Скорее всего они, когда очухались, подались в бега. А Павел начал говорить очень не скоро, ему вообще дико повезло. Конечно, если это можно назвать везением в данной ситуации. Пережить такое — бр-р... Он лежал прикованный к койке и все время что-то печатал на ноутбуке. Когда сил хватало уцелевшей рукой шевелить. Я приходил к нему, мы разговаривали... Нет, это не был растоптанный человек. Павел остался личностью, но что-то в нем, сами понимаете, изменилось кардинально. И он стал по-другому смотреть на некоторые вещи. В общем, Павел лежал, печатал и страшно мучился от боли, потому что потихоньку складывал в матрас таблетки, чтобы потом, когда закончит работу, отравиться. Так получилось, что я оказался чуть ли не последним, кто видел его в живых. Я зашел на минуту, он выглядел очень усталым, но и просветленным каким-то, очистившимся. Как будто сумел оттолкнуть от себя память о несчастье. И я увидел — он готов. Мне сразу показалось, что со дня на день он либо покончит с собой, либо просто тихо умрет. А особенно я в эту версию поверил, когда он передал мне дискету и взял с меня клятву хранить ее, но просмотреть только после его смерти, не раньше. Я, конечно, сказал, что к тому времени, когда он умрет, трехдюймового дисковода будет днем с огнем не сыскать. Но он только улыбнулся. Мы попрощались, я ушел. А он достал припасенные таблетки и съел их.

— Если ты догадывался... — начала Майя.

— А хоть бы и уверен был на сто процентов.

— Почему?!

— Вспомни, с кем разговариваешь, — криво усмехнулся Иван.

— Видишь ли, Майя... — Гусев отхлебнул кофе и потер ладонью глаза. У него был усталый вид, он будто состарился, рассказывая эту историю. — В принципе у человека нет права кончать с собой. И Бог не велел, да и вообще это выход слабака или безумца. Но случаются частные случаи. Извини за тавтологию, или как это там... Случаются. С Пашей Птицыным был как раз такой. Особенно мне это стало ясно, когда я просмотрел дискету. Видишь ли, Паша был не особенно талантлив, да и в простом житейском понимании не очень умен. Но зато оказался хорошо информирован. Ему были видны некоторые процессы в верхушке общества, которые должны были прийти к своему завершению в ближайшие месяцы. Не хватало только концепции, хорошо сформулированной идеи, чтобы эти процессы обрели, так сказать, идеологическую базу. Чтобы было за пазухой громкое слово, которое можно бросить в народ.

— Я понял. — Иван снова криво усмехнулся. — Вот отчего произошел «январский путч».

— Ну, это ты утрируешь. Путч не мог не произойти. Более того, он не мог не удаться. Но вот последствия его оказались такими, какими... Какими оказались — из-за Пашиной разработки.

— Вы отдали дискету отцу, тот восхитился и пустил ее в дело! — Иван, казалось, сейчас начнет хохотать.

Валюшок обалдело глянул на Гусева. Гусев улыбался.

— Зачем? Думаю, Павел сбросил текст по сети куда надо. А я вообще никому не показывал дискету. Более того, я ее уничтожил. Но кое-что запомнил навсегда. Например, оригинальный текст «птички». Она начиналась со слов: «Вы имеете право умереть».

— Птицын, конечно же! — воскликнула Майя.

— Это был мой последний долг тезке, — кивнул Гусев. — Никто из гражданских не знает, что «теорию Сверхнасилия» и основные принципы выбраковки разработал именно он. Думаю, он тоже предполагал, что его имя канет в Лету. Но Павел чертовски хотел отомстить тем ублюдкам. И добился этого, правда, несколько экстравагантным способом. А я проследил за тем, чтобы они знали хотя бы косвенно, кто именно сводит с ними счеты. Когда ваш покорный слуга пришел в выбраковку, «птичку» называли по-разному, кто «последним словом», кто «молитвой». И я рассказал парням историю Павла Птицына. Что особенно интересно — мне за это ничего не было.

— Папочка заступился, — ввернул Иван. Он все еще пытался заслониться от истории, которую только что услышал.

— Ты меня с кем-то путаешь, Ваня. — Гусев внешне был безмятежен, но в голове его прорезалась какая-то едва заметная щемящая нота. — Мой отец умер за много лет до путча. Даже если бы он был настолько влиятелен, как ты думаешь...

— Секундочку! — Иван выглядел удивленным. Впервые за весь разговор Гусев его всерьез озадачил. История Птицына Ваню не тронула, похоже, совершенно. — Так разве вы не ТОТ Гусев?

— Да я вообще не Гусев, — сказал Гусев. — И даже не Павел.

Иван отчего-то покосился на Валюшка.

— Идите вы на хрен, НЕ Гусев, — посоветовал он. — Идите вы к чертовой матери с вашими байками и вашей бесконечной игрой.

— И пойду. — Гусев встал, Валюшок тоже поднялся. — Спасибо за кофе, Майя. Увидимся еще. А с тобой, Иван, я надеюсь, это у нас была последняя встреча.

— Это что еще значит? — очень тихо спросила Майя. Лицо ее вдруг осунулось.

— Он так ничего и не понял, Майя Захаровна. Он, похоже, вообще не понимает, в какой стране живет. О чем мне с ним разговаривать?

— Гусев!!! — Голос Майи сорвался на крик.

— Ты в России, парень, — сказал Гусев. Смотрел он только на Ивана, прямо в глаза. — Подумай об этом на досуге. Вспомни историю этой страны. Постарайся нащупать хоть малейший контакт с ее пульсом. А не получится, так мой тебе совет — вали в свой Израиль и никогда не возвращайся назад.

— Разве Иван еврей? — спросил Валюшок, когда они с Гусевым уселись в машину и ведущий расслабленно закурил.

— Почему еврей? — удивился Гусев.

— Ну, ты сказал — вали в свой Израиль...

— А-а! Это я так. Просто шпилька. Ваня полагает, мне неизвестно, какой он махровый антисемит. Не читал такую брошюрку — «Кремлевские звезды Сиона»? И не читай. Его работа. Думает, в Агентстве и этого не знают. Ха! А туда же — европейца из себя корчит, правозащитника. Щ-щенок. С удовольствием бы его шлепнул при задержании, Майю только жалко.

— Это ты так говоришь, чтобы пар выпустить, — сказал Валюшок убежденно. — Я же тебя знаю, Гусев. Хотя ты, оказывается, и не Гусев.

— Да Гусев я, расслабься. Конечно, ТОМУ Гусеву я не родственник. Это Иван промахнулся. Что вновь доказывает, какой он болван и непрофессионал.

— Может, и Птицына тоже не было? Слушай, ведущий, ты вообще предупреждай, когда тебе можно верить, а когда не стоит.

Гусев повернулся к Валюшку и крепко взял его за отворот куртки.

— Когда я говорю с тобой, верь каждому слову, — чуть ли не приказал он. — Когда я разговариваю с потенциальным браком, можешь не верить ничему. Такой расклад тебя устроит?

— Устроит. Так был Птицын или нет?

— А садись-ка ты, мил друг, за баранку, — оборвал Валюшка Гусев. — На работу пора.

Они поменялись местами, Валюшок повернул в замке ключ. Гусев молча курил, глядя в окно. И подал голос, только когда машина заехала на парковку во дворе офиса Центрального.

— Его настоящая фамилия была Лебедев, — сказал он. — Лебедев Павел Леонидович. Вот так. По-моему, близко — Лебедев, Птицын, особой разницы нет. И тот, и другой... с крылышками. Если кому-нибудь расскажешь — убью.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Такое положение дел — сочетание любви и страха — как нельзя лучше соответствовало планам Влада. Тому, кого боятся и в то же время любят, легко собрать армию.

В подвальном тире громогласно препирались Данилов и Мышкин.

— Не моя это дырка! — кричал Мышкин, потрясая в воздухе размочаленной мишенью. — Это ты, гад косой, так сказать, запузырил!

— Ты еще скажи, что нарочно!

— А-а, значит, нарочно!

— Да у нас же патроны под счет, дубина! Ты сам и пересчитывал!

— Я-то, так сказать, пересчитывал. А кое-кто, так сказать, потом еще ковырялся, заело у него, так сказать, видите ли!

Гусев осторожно втерся между двумя здоровяками.

— Третейского судью вызывали? — спросил он. — Туточки я. Такса — по стакану с рыла. Судить буду строго, но справедливо.

— О! — расплылся в улыбке Данилов. — Здорово, Пэ. Добрался-таки до своего друга Шацкого? Поздравляю.

Мышкин раздраженно отшвырнул в сторону мишень.

— Пэ, этот снова мухлюет, зараза, — пожаловался он. — Влепил мне дырку в самое, так сказать, «молоко».

— И не в какое не в «молоко». Чистая семерка... Или шестерка. Расслабься, это ничего. Бывает...

— Ну что мне его обыскивать, что ли? Откуда я знаю, может, он лишний патрон в заднице, так сказать, прячет...

— Ты мои выстрелы считал?! — заорал Данилов. — Считал или нет?!

— Встали, значит, на позицию, а он возится, перекос у него, видите ли... Двадцать раз затвором щелкал!

— Ребята, на полтона ниже, а? — попросил из-за стола в углу инструктор. Он разговаривал по телефону. — Мне жена звонит, имейте совесть.

— Ты ему сколько, так сказать, патронов выдал?

— Сам знаешь, обоим поровну. Мышкин, я тебя умоляю... Что? Маш, извини, у меня тут сумасшедший дом на тренировку приехал... А?

— Это наглая, так сказать, подлая и циничная выходка, достойная всяческого осуждения! — провозгласил Мышкин. — Короче, Пэ, скажи, что ты его осуждаешь.

— Данила, я тебя осуждаю, — послушно сказал Гусев. — С ног до головы. В следующий раз стреляй хуже, чтобы коллеге Мышкину было не так обидно.

— У коллеги Мышкина просто руки дрожат после вчерашнего, — парировал Данилов. — Он сначала в тренажерном зале переусердствовал, а потом за столом окончательно надорвался. Ничего, бывает...

Мышкин сунул Данилову под нос внушительный кулачище.

— Я могу толкнуть двести кило, — сказал он, — а потом выпить два литра. И у меня ни один пальчик не дрогнет.

— Так сказать, короче, значит, — напомнил Гусев. — Мышкин, ты, когда волнуешься, напрочь выходишь из образа. Ты, наверное, когда стрелял, тоже волновался. Так сказать.

Мышкин почесал в затылке.

— Я правда лажанулся? — спросил он уже вполне мирно.

— Ты просто немного отвлекся, — утешил его Данилов. — У тебя был какой-то отсутствующий вид. И потом, это все-таки твердая шестерка. Или даже семерка.

— Кажется, третейский судья больше не нужен. Так где мои два стакана? — напомнил Гусев.

— Две собаки, — бросил Мышкин. — Данилу опять послали, так сказать, псу под хвост.

— И я, так сказать, снова развонялся, — хмыкнул Данилов. — А этот, значитца, славный русский богатырь...

— Я говорю — чего ты, мать твою, орешь, значит, на все отделение? Хорошая тренировка по движущейся, так сказать, мишени. Ну и, короче, подставился. Этот, блин, хитрый Алеша Попович заначил лишний патрон...

— Опять двадцать пять!

— Короче, мне теперь вести группу на собак, — хмуро заключил Мышкин. — На той неделе. Мало того, что график, так сказать, ломается...

— Да ладно, у тебя группа послушная, — утешил его Данилов, у которого в глазах так и играли лукавые огоньки.

— Послушная-то она послушная... — вздохнул Мышкин. Он подобрал свою мишень и пристально на нее уставился. — Боже мой, какой срам! Данила, а Данила... Может, еще разок?

— Хрена, — отрезал Данилов, мгновенно напрягаясь. — Обосрали — обтекай. Не умеешь — впитывай. Привыкай — бывает...

— Мужики, а я ведь по делу к вам, — сказал Гусев. — Насчет провокации в Саратове есть идеи?

У инструктора, который по-прежнему внимал голосу из телефона, дернулось свободное ухо.

— Какие тебе идеи? — спросил Данилов. — Как поймать гада? Нет идей. Кому это выгодно? Кому угодно, вплоть до ментов.

— Это сделали диссиденты... — пробормотал Мышкин, засовывая палец в злосчастную дырку на мишени. — Какой-нибудь, так сказать, сумасшедший правозащитник... Ранее не зарегистрированный...

— И где он взял автомат?

— У бандитов купил. — Мышкин вытащил палец из дырки и опять бросил мишень под ноги.

— А убирать кто будет? — осведомился инструктор. — Нет, Маш, это я не тебе...

— Откуда в Саратове бандиты с автоматами?

— Прямо стихи, — ухмыльнулся Данилов. — Хожу я по Саратову, махая автоматом.

— Что за слово — «махая»? — сморщился Гусев. — И не настолько правозащитники сумасшедшие, чтобы устраивать такие провокации.

— Правозащитники все сумасшедшие, — не согласился Данилов. — Зачем нормальному человеку защищать права, которые и так соблюдаются?

— А что ты, собственно, знаешь об этих правах? — ехидно осведомился Гусев.

— Да он их, так сказать, каждый день зачитывает, — ввернул Мышкин. — Право оказать сопротивление, право не отвечать на вопросы...

— Идите вы! — обиделся Данилов.

— Мышкин, подбери мишень и положи в урну, — напомнил инструктор, кладя наконец трубку. — Кстати, право оказать сопротивление — отличная штука. Честнейшая. Только надо бы его расширить. Например, мне позарез нужно конституционное право оказывать сопротивление теще. Вплоть до огневого контакта.

— Паяц, — сказал Данилов. — Клоун. Слушай, Гусев, чего тебе надо? Я готов хоть сейчас с тобой забиться, что этот случай не будет расследован. Хотя нет, спорить не на что, ты же без группы, тебе на собак водить некого.

— Я не знаю, чего мне надо, — вздохнул Гусев.

— Бабу тебе надо, — сказал Мышкин, запихивая мишень в урну. — И все снимет, так сказать, как рукой.

— У меня есть! — огрызнулся Гусев.

— Да у тебя опять какая-нибудь, так сказать, одноразовая.

Данилов заржал. Инструктор выдавил из себя мечтательный стон.

— И ничего не одноразовая. Прекрасная резина, сносу нет.

Выбраковщики дружно вытаращили глаза.

— Попались? — спросил Гусев, без особого, впрочем, триумфа в голосе.

— Тьфу на вас! — рявкнул инструктор, глядя на часы. — У меня уже пятую минуту обеденный перерыв. А ну брысь отсюда! Гусев, построй их и выводи. А то они сами не умеют, в ногах заплетаются.

— Сейчас, размечтался, так сказать, — бросил Мышкин. — Майор Данилов, через туалет выходим строиться на улицу.

— Слушаюсь, товарищ капитан. Разрешите бегом, товарищ капитан.

— Разрешаю, товарищ майор. Пэ, ты идешь?

— Я догоню, — кивнул Гусев, подходя к столику инструктора. Тот, не задавая лишних вопросов, придвинул к себе журнал.

— Чего прикажете? — спросил он. — Помпы, вибраторы, фаллоимитаторы? Есть отличный анальный разрядник. Стимулирует непосредственно простату. Контрабандный товар, от сердца отрываю. Слушай, Пэ, ты правда с резиновой бабой спишь?

— Правда.

Инструктор наклонил голову и из-под бровей внимательно рассматривал Гусева чуть ли не минуту. Тот ждал с непроницаемым лицом.

— Врешь, — заключил инструктор. — Ну и как это?

— Такая же скука, как и с одноразовой.

— А вот я бы за одноразовую... Гусев, будь другом, черкни телефончик. А лучше два.

— Они никогда не оставляют телефонов. Наверное, им со мной тоже не очень весело.

— Жаль, — вздохнул инструктор. — Так чего тебе?

— Упаковку бронебойных.

Инструктор снова одарил Гусева оценивающим взглядом.

— Только без протокола. Из заначки, — тихонько сказал Гусев.

Инструктор отвернулся и забарабанил пальцами по журналу.

— И чтоб ни одна сволочь не пронюхала, — добил его Гусев. — Я знаю, что ты не болтун. Но... Чисто по-товарищески.

— Я-то не болтун. Никто не болтун, пока к нему дознаватель со шприцем не явится. Что тогда прикажешь делать?

— Ты меня неправильно понял, — улыбнулся Гусев. — Странно, вроде бы сидишь в таком месте, где все слухи оседают, а понял — неправильно... Знаешь, сколько молодых прошло через подготовительные курсы в прошлом месяце?

— До фига, — кивнул инструктор. — Я еще подумал — куда столько?

— Вот именно. И все действительно молодые, ни в коем случае не старше тридцати. Совершенно другой народ, совсем непохожий на нас. Болваночки. Пластичный материал.

— Твой-то вроде не такой, — усомнился инструктор.

— Почти такой, хотя и не совсем. Может быть, поэтому его и поставили на маршрут. Сколько к нам в Центральное пришло салабонов? Трое? Четверо? А где остальные? Кто их учит сейчас, где и, главное, чему?

— Может, их на периферию загнали.

— Москвичей?

— Так их что, для нас, по-твоему, натаскивают?!

— Есть и такая версия, — ответил Гусев уклончиво.

Инструктор смешно вытаращил глаза, мучительно сглотнул и надолго умолк.

— Я из-за тебя так и не пообедаю, — буркнул он наконец.

— Давай патроны, и я пошел.

— Да мне кусок в горло не полезет, тормоз! И что ты предлагаешь, Гусев?

— Предлагаю выдать Гусеву упаковку неучтенных бронебойных. И себе тоже.

— А остальным? Думаешь, у меня тут склад боеприпасов? Гусев, ты сумасшедший. А ты уверен? Что же делать? Может, когти рвануть?

— Куда?

— Некуда. — Инструктор сокрушенно покачал головой. — О господи, какого рожна я полез тогда в чекисты?! Ну почему я не стал каким-нибудь слесарем!

— Слесарей тоже браковали, — напомнил Гусев. — Мы же с тобой и браковали. Так дашь патроны или как?

— У меня на всех не хватит... — простонал инструктор. — Даже по десятку на нос не получится... И украсть больше негде. Гусев, как же так? Нет, ты уверен? Ты просто догадался или что-то знаешь? Тебя что, отчим предупредил? Да не молчи же ты, Гусев!

— Хватит ныть, — попросил Гусев. — Я пока ничего точно не знаю. Но у меня очень нехорошие предчувствия. И мне будет спокойнее, если я получу хотя бы обойму настоящих патронов. На самом деле если что и начнется, то зимой. Когда мороз, нас будет легче отловить. Есть приличный запас времени, чтобы свалить в Африку.

— До зимы-то далеко... — Инструктор подозрительно сощурился. — Гусев, хочешь на колени встану?

— Зачем? — удивился Гусев.

— Если что-то разнюхаешь, капни мне. Вдруг я найду какое-нибудь окошко по старым каналам? Вместе и сорвемся.

— Значит, остались старые каналы? — улыбнулся Гусев. — Хитрец.

— Никому, — предупредил инструктор. — С того света достану.

— Хитрец, — повторил Гусев.

— Зато я не задаю дурацких вопросов. Например, чего ты сам-то так беспокоишься... Гусев Павел Александрович.

— Вот и не задавай.

— И не буду. — Инструктор снова посмотрел на часы. — Ты сегодня заступаешь?

— Да, в ночную.

— Тогда загляни перед выходом. Я же их не здесь держу. И нечего так на меня смотреть! Подземный ход в твою любимую Африку я еще не выкопал.

— А жаль, — сказал Гусев очень серьезно.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

...всему населению страны были понятны и близки идеи, вдохновлявшие Влада на его деяния.

— Ничего не понимаю, — бурчал дежурный, вглядываясь в монитор оперативной информации. — Где у меня все свободные тройки?

Гусев заглянул в окошко.

— А двойка пойдет? — спросил он.

Дежурный поднял глаза на Гусева и весь просиял:

— Пэ, выручай! Спасателям помощь нужна. Прямо тут, на Новом Арбате, самоубийца в окне расселся. Ждет, видите ли, пока толпа побольше соберется. Потом, говорит, прыгну.

— Знаем мы таких, — отмахнулся Гусев. — Не прыгнет он. Особенно если много зрителей будет.

— Пэ, я тоже не мальчик. Но как раз зрителей нам и не хватало в самом центре города. А этот придурок ноги свесил с подоконника наружу и матерные частушки орет. Главное, личность пока не установлена. Он просто зашел в небольшой офис, схватил табуретку, выгнал персонал за дверь и заперся. Дверь стальная, с замком нужно возиться, а если он услышит и все-таки прыгнет?

— Где это?

Дежурный повернул к Гусеву монитор.

— Интересно, как он прошел внутрь здания, — сказал Гусев, разглядывая схему. — Либо охрана проворонила, либо он там работает.

Валюшок привстал на цыпочки и заглянул через плечо ведущего. Гусев подвинулся, чтобы тому было лучше видно.

— В доме без малого сотня контор, мы просто не успеем вычислить, кто это. Я отправил на всякий случай «труповозку» и психолога.

— Здесь психолог ни к чему. Пока он будет клиента уговаривать, пол-Москвы сбежится на бесплатный цирк посмотреть.

— А что ты предлагаешь?

— С противоположной стороны проспекта, вот отсюда... Да, вот отсюда, с балкона, сбить его пулей внутрь помещения. И спасатели могут возиться потом с дверью сколько влезет. Только нужна бесшумная снайперка.

— Ага! — воскликнул дежурный. — Блестяще. Роскошно! А если... — Он вдруг замялся. — М-м-м...

— Это же чистой воды брак, — сказал Гусев. — Разве нет?

— Может быть, — неуверенно пробормотал дежурный, отворачиваясь к мониторам слежения и двигая рычажки. — А может, этот козел — фишка какая-нибудь. Ты его шлепнешь, а у него большой и толстый папочка объявится.

— Ну, пусть сам и разбирается, почему его сынок решил счеты с жизнью свести. Да еще и путем устройства беспорядков в центре города.

— М-м... Так внизу менты стоят, не дают народу задерживаться. Вообще идея отличная. Гусев, смотайся туда, а? Реши проблему.

— А я-то что могу сделать? Тем более психолог уже на месте. Верно, Леха?

— Угу, — поддакнул Валюшок.

— Ты же сам предложил...

— Что я предложил?

— Гусев, не пудри мозги дежурному по отделению, — попросил дежурный. — Твоя идея его сбить? Вот хватай берданку и двигай на место. Осмотришься, выяснишь у психолога, какие шансы, примешь решение и мне доложишь.

— Так снайперов же сократили...

— Снайперов — да, а винтовки — нет. Там дистанция сто метров. С такого расстояния и я попаду.

— Да я в жизни снайпингом не занимался!

— А напарник тебе на что? Биатлонист?

Гусев посмотрел на Валюшка. Тот закусил губу и сделал неопределенное движение глазами.

— Уполномоченный Валюшок! — позвал дежурный, щелкая клавишами. — Ясна задача? Требование в оружейку я послал. Беги получай агрегат.

— Что ж, беги, Леха, — сказал Гусев.

— Я в принципе держал эту штуку в руках, — начал Валюшок. — Но...

— Давай, парень, не тормози! — прикрикнул дежур-

ный. — Пока этот мудак сам не грохнулся и не устроил нам ЧП. Я его уже на Гусева в брак записал.

Валюшок развел руками и нарочито вялой походкой ушел.

— Вот только так и надо, — сообщил дежурный. — Безо всяких антимоний.

— Дурак ты, Корнеев, — сказал Гусев.

— Если твой ведомый такой чувствительный, стреляй лично, — милостиво разрешил дежурный. — Только не вздумай мне травить, будто клиент сидит неудачно, может на улицу выпасть, и все такое. Я его прекрасно вижу, он уселся лучше некуда. Одна пуля — и готов. Кстати, этот спектакль уже десять минут идет, мы в норматив не укладываемся. Так и так выговор схлопочу, а все из-за тебя...

— Дернул же меня черт мимо пройти...

— Я бы тебя все равно нашел. Знал, что ты придумаешь что-нибудь толковое.

— Да этому фокусу сто лет! Кто угодно...

— Гусев, тебе работа надоела? — вкрадчиво спросил дежурный. — Ты скажи, я зафиксирую.

— И докладную нарисуешь?

— Запросто. Ну, где этот твой салабон застрял? Медвежья болезнь прихватила?

С подвальной лестницы донеслись шаги. Появился Валюшок с продолговатым чехлом под мышкой. Гусев нырнул в окошко дежурки и поманил Корнеева пальцем. Тот со сладкой улыбкой придвинулся.

— Не трожь моего салагу, ясно? — прошипел Гусев. — А то не ровен час и сам заболеешь.

Корнеев улыбнулся еще шире.

— Угроза дежурному? — спросил он. — Неуставные взаимоотношения? А ну дуйте отсюда! А то будущим выговором поделюсь. Распишу в отчете, как ты со мной пререкался.

Гусев зарычал, но из окошка выбрался.

— Пошли, Леха, — сказал он. — Устроим побоище на радость прогрессивной общественности.

Когда двойка Гусева исчезла за дверью, молчавший до этого помощник дежурного подал голос.

— Что это с ним? — спросил он. — Сам же предложил, а потом отказывается. Тоже мне, выбраковщик...

Корнеев достал из кармана перочинный ножичек и принялся чистить ногти.

— Да гнать его надо взашей, — бросил он через плечо. — Или сразу браковать. Видел, какие глаза? Жуткий тип. Кстати, ведь гнали его уже. Вернулся.

— Это как? — удивился помощник.

— Просто в отличие от некоторых у Паши Гусева большой и толстый папа, — сказал Корнеев. — Не-на-ви-жу... Ушла машина?

— Да, ушла. Фиксирую время?

— Нет. — Корнеев сложил нож и убрал его на место. — Время ему нарисуй, какое по нормативу положено.

Помощник бросил на дежурного удивленный взгляд.

— В выбраковке проблемы решаются не так, — сказал Корнеев, отворачиваясь к мониторам слежения и разворачивая одну из камер на проспекте, чтобы видеть балкон, с которого Гусев намеревался стрелять. — Привыкай, сынок...

— Ага, — ухмыльнулся помощник. — Когда случается конфликт, вы просто убиваете друг друга.

Корнеев через плечо глянул на него и презрительно скривил губу.

— Больше нет, — сказал он. — Слишком мало нас осталось.

Отправив Валюшка на балкон, Гусев оставил машину, бегом спустился в переход и через пару минут оказался на другой стороне проспекта. Уличные динамики вовсю наяривали музыку, удачно заглушавшую вопли самоубийцы. Зевак внизу не наблюдалось, милицейский наряд украдкой поглядывал вверх.

«Труповозка» стояла во дворе, рядом пристроились знакомые машины — приехал дознаватель с «группой поддержки». Гусев облегченно вздохнул — на объекте появился старший, который будет в случае чего отвечать за все.

За столом в вестибюле здания внимательно разбирал пропуска громила со значком АСБ, а рядом переминались с ноги на ногу трое пенсионеров весьма преклонного возраста, в форменной одежде. Гусев этот тип людей отлично знал — элитарная вохра, всю жизнь на боевом посту. Что

бы ни охранять — лишь бы охранять. Такие же недобитые вертухаи стояли на всех дверях в Центральной клинической больнице, где случалось полеживать отцу Гусева, и чинили там форменный беспредел. Верные сторожевые псы, въедливые и злобные, бумажки проверять и никого не пущать — лучше не придумаешь. Сейчас лица у сторожевых псов были вытянуты куда больше обычного и стали вовсе уж овчарочьими.

У Гусева с такими горе-охранничками были давние счеты. Он их с детства возненавидел.

— Ну что, пердуны старые! — радостно воскликнул Гусев. — Устроили нам ЧП?

Выбраковщик на миг оторвался от бумажек, кивнул Гусеву и буркнул:

— Расстреляем на х...й всех троих...

После чего вернулся к своей работе. Наверное, он тоже хорошо знал и поэтому не любил недобитых вертухаев.

— Товарищ... — проникновенно заблеял один из пенсионеров, бросаясь к Гусеву и чуть ли не повисая на нем. — Товарищ...

Из бюро пропусков вышел еще один выбраковщик с пухлой засаленной амбарной книгой в руках.

— Отставить! — скомандовал он. — По стеночке построились.

Гусев брезгливо отодвинул старика и прошел к лифтам. Позади начались сдавленные рыдания, хватания за сердце и закатывания глаз. «А ведь доведут кого-нибудь до инфаркта, — злорадно подумал Гусев про юмористов из «группы поддержки». — Господи, какое счастье, что все эти железобетонные деды скоро вымрут. А мы уже не станем такими. Во-первых, вряд ли доживем. Во-вторых, мы все равно совершенно другие. Мы просто не знаем того чудовищного порядка, который раздавил достоинство уходящих поколений. А нынешний порядок, как к нему ни относись, человеческое достоинство не ущемляет. Он может разве что убить тебя».

В коридоре пятнадцатого этажа толпились спасатели, милиционеры и выбраковщики.

— Эй! — негромко крикнул Гусев. — Где старший?

Из толпы выглянул парень в дорогом костюме и с явной нехваткой волос на голове. В руке он держал штатный аэсбэшный трансивер.

— Вы Гусев? Очень приятно. Лапин, государственный дознаватель второго ранга.

— Какие указания, старший? — спросил Гусев. — Тебе доложили, что мы намерены предпринять?

— Да, мне дежурный сказал. Ваш снайпер уже на позиции?

— Сейчас выясню. Господа, — Гусев обернулся к спасателям, — не найдется ли бинокля на минуточку? И откуда здесь можно выглянуть наружу?

— Да откуда угодно. Только не из этой комнаты, тут психолог работает.

— Животом на подоконнике висит, — объяснил дюжий спасатель, протягивая Гусеву прибор наподобие оптического прицела.

— Вы петлю накинуть не пробовали? — спросил его Гусев. — Лассо?

— Он ноги к стене прижал. За башмак зацепим — навернется. Зато наш медвежатник с замком почти уже разобрался. Один щелк — и готово. Вот если бы не щелкать... Услышит же, педрила, и как пить дать сбросится! Видали мы таких...

Гусев кивнул и зашел в первую же открытую дверь. Достал трансивер и перевел рацию на канал для переговоров внутри двойки.

— Ты на месте, Леха?

— Готов, — отозвался Валюшок.

Гусев посмотрел за окно. Валюшка на условленном балконе не оказалось, только дверь была распахнута. «Молодчина, — подумал Гусев, поднося к глазу монокуляр. — Умница».

Так и есть, Валюшок устроился на лестничной клетке, даже ствол наружу не торчал.

— Молодец, Леха, — сказал Гусев. — Сиди пока, жди команды. Самочувствие?

— Нормальное. Клиента вижу прекрасно. Что-то он на психа не особенно похож.

— Главное, чтобы упал внутрь, а там разберутся. Эй! Леха, ты не перепутал?! Там в соседнем окне наш психолог.

— Вот психолог-то как раз абсолютно сумасшедший...

— Валюшок! — прикрикнул Гусев. — В каком окне клиент?!

— Да в левом от меня, в левом, что же я — совсем обалдел?

Гусев облегченно вздохнул. Но что-то вдруг защемило внутри.

Оказывается, ему совершенно не хотелось, чтобы Валюшок стрелял в живого человека, единственная вина которого — желание покончить с собой при большом стечении народа.

«Интересно, кого я жалею больше — психа или Валюшка? Да Лешку, конечно же».

— Вот сиди и жди команды, — сказал он и вышел в коридор. Там почему-то стало гораздо просторнее. Гусев едва успел сунуть монокуляр в руку спасателя — люди в синих куртках с желтыми полосами быстро уходили, волоча свое оборудование. Остался только один у двери, наверное, спец по взлому замков.

— Лапин! — крикнул Гусев. — Мой боец на месте, клиента видит, готов стрелять.

— Разрешаю, — махнул рукой дознаватель.

— Секундочку! — удивился Гусев. — А основание?

Дознаватель нахмурился:

— По-моему, вам не обязательно это знать. Достаточно устного приказа старшего на объекте.

— Мне-то как раз обязательно. Я не вижу острой необходимости применять силу. Внизу ни одного человека, клиент никому не мешает жить. Что психолог, каково его мнение?

— Успокойтесь, Гусев. Мы установили личность клиента. Это брак, можете стрелять.

— Товарищ государственный дознаватель, — сказал Гусев. — Прошу разрешения лично осмотреть клиента.

Лапин оглянулся на парней из «группы поддержки», словно ища защиты. Но эта группа, судя по всему, про выбраковщика Гусева из Центрального слышала, а подозрительно юный дознаватель Лапин им был до лампочки.

— В противном случае, — настаивал Гусев, — я потребую дополнительной санкции от дежурного по отделению

и старшего дневной смены и попрошу их зафиксировать мое особое мнение.

— Да идите, любуйтесь, — пожал плечами Лапин. — Только побыстрее.

Психолог как раз слезал с подоконника.

— Что скажете? — поинтересовался Гусев.

— До земли не долетит, грохнется на пристройку, — сообщил психолог. — Разве что если разбежится от самой двери...

— Вы именно это с ним полчаса обсуждали?

— Разумеется.

Гусев раздраженно крякнул.

— А вы разве не в курсе? — удивился психолог. — А-а... В общем, клиент надеется, что его узнает кто-нибудь внизу. Сам загнал себя в ловушку. До асфальта не допрыгнуть, за дверь не выйти...

— Детский сад какой-то! Так он будет самоубиваться или нет?

— Нет, конечно. Истерика уже прошла, а так он более или менее в порядке. К тому же боится высоты. Уже боится, протрезвел. Но переговоры его не устраивают. Говорит — либо все уходят, либо он прыгает.

— Реально его уболтать?

— За пару часов — да. Его скоро начнет потихоньку ломать, и тогда он станет гораздо покладистее.

— Наркоман? — удивился Гусев.

— Пока еще легкий. Но не без этого.

— Мне приказывают застрелить его, — сказал Гусев почти шепотом.

— Неплохая идея. Туда козлу и дорога. Да вы сами посмотрите, кто это.

Гусев проводил ошарашенным взглядом уходящего психолога и шагнул к окну. Высунулся наружу. И обомлел.

На соседнем подоконнике курил и затравленно глядел на проспект начальник пресс-службы Верховного Совета.

— Дима, — позвал Гусев. — Что стряслось?

Дима в ужасе подпрыгнул, чуть не сверзился вниз, замахал ногами, уронил окурок и сам в конце концов рухнул внутрь комнаты, повалив там, судя по грохоту, какую-то мебель.

Гусев шумно выдохнул. Сейчас откроется дверь, в ком-

нату ворвется «группа поддержки», и выбраковщик Гусев спокойно пойдет за пивом.

Ни первого, ни второго, ни третьего не произошло. Гусев выскочил в коридор. Там все стояли неподвижно и глядели на него.

— Какого же вы... — начал он было, но передумал и тут же бросился обратно, на ходу вытаскивая игольник. Лапин что-то сказал ему в спину, но Гусеву было не до того. Он занимал позицию. И как только в оконном проеме показалась нога, которую переносили через подоконник, Гусев трижды нажал на спуск.

Нога на секунду зависла, а потом безвольно упала на карниз, и в соседней комнате снова раздался грохот падающего тела. Гусев убрал оружие и достал трансивер. Краем уха он услышал, что на этот раз дверь открыли, и вокруг подстреленного клиента началась деловитая суета.

— Алексей, спускайся в машину. Концерт окончен.

— Лихо ты его! Как так вышло?

— Спускайся в машину. — Гусев прицепил рацию на пояс и вдруг поймал себя на желании перед выходом в коридор расстегнуть кобуру «беретты».

— У вас будут очень, очень, очень большие неприятности, — донесся до него голос Лапина.

— Заткнись, малявка, — сказал Гусев устало. — У меня все неприятности в далеком прошлом.

Отодвинул дознавателя плечом, вышел из комнаты и зашагал, не оглядываясь, к лифту.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Трудно представить, что происходило в душе не по возрасту угрюмого двенадцатилетнего мальчика, видевшего все это изо дня в день. Наверное, именно отроческие годы Влада, омытые реками крови, превратили его в нравственного калеку.

У проходной Новодевичьего оказалось неожиданно людно. За черными «Волгами» и широкими плечами охранников с трудом просматривался длиннющий правительственный «ЗИЛ».

Гусев загнал «двадцать седьмую» на тротуар. К машине тут же заспешил некто при костюме с галстуком, занося руку для отмашки — вали отсюда, не положено. Гусев вышел и захлопнул дверцу.

— Машину разрешаю не сторожить, — бросил он подскочившему охраннику. Тот оторопело заморгал.

— Ты что, новенький, что ли? — сочувственно улыбнулся Гусев, отстегивая свой значок и предъявляя его тыльной стороной, где размещались имя, личный номер и крохотная фотография. — Кто это здесь? Литвинов?

— Н-нет, — пробормотал охранник, бегая глазами с фотографии на лицо Гусева и обратно. — Гусев приехал.

— Тем более не стой на дороге, — посоветовал Гусев, цепляя значок на грудь.

— Да, проходите... Пожалуйста.

Больше Гусева не задерживали. Он быстрым шагом прошел на кладбище и привычно запетлял между участками. Мелькающие там и сям люди в костюмах его не трогали, а некоторые даже издали кланялись.

За могильной оградой примостился на узкой лавочке пожилой грузный мужчина в черном плаще. Гусев бесцеремонно оттолкнул начальника охраны, загораживавшего путь, и остановился в проеме раскрытой калитки.

Пожилой мужчина с трудом повернул голову.

— Здравствуй, Паша, — сказал он. На суровом лице обозначилось нечто похожее на улыбку. — Не ждал. Давненько мы... Навещаешь, значит. Молодец.

— Я-то знаю, что мне здесь делать, — процедил Гусев сквозь зубы. — А вам? Грехи не так замаливают. Положено свечки зажигать и лбом об пол биться. Хотя да, вы же атеист...

— Я часто здесь бываю, — вздохнул пожилой. — И напрасно ты, Паша. Нет за мной никакой вины.

Гусев оглянулся на начальника охраны.

— Здорово, Пэ, — сказал тот. — Как на работе дела?

— Исчезни, — распорядился Гусев. — Нам поговорить нужно.

Пожилой, секунду помедлив, кивнул. Начальник охраны, состроив оскорбленное лицо, отошел шагов на десять и принялся что-то бормотать себе в воротник. Гусев про-

брался в тесную ограду, подвинул на скамейке пожилого и сел рядом.

— Ладно, Александр Петрович, — сказал он. — Не стану я вас сегодня травить, пожалею. Что было, то было, ничего уже не изменишь. Тем более того, кто мне правду рассказал, вы ликвидировали. Так что и на мне тоже невинная жертва висит. А сейчас меня интересует другое. Что там с Димкой Беловым приключилось?

— Какой-то дряни твой Димка накушался. Вот и все. Под капельницей сейчас лежит. Подлечится — на работу выйдет. Я бы его, конечно, на пушечный выстрел к Кремлю не подпустил, да отца жалко.

— Никогда бы не подумал...

— Павел, — перебил Гусева пожилой. — Ты живешь в реальном мире. А твой дружок Белов видит его только из окна служебной машины с персональным шофером. Ты знаешь этот мир и даже способен влиять на него. Белов — нет. Более того, он бы никогда не поменялся с тобой местами. Вот и вся история. Это я отдал приказ на выбраковку Белова, когда узнал, что он учудил. Вижу — не удивляешься. Правильно. Ты, разумеется, приказ не выполнил и спас Дмитрию его бесполезную шкуру и бездарную голову. И особой благодарности я к тебе не испытываю. Мы установили эти законы и тоже обязаны им подчиняться.

Гусев достал сигареты и закурил.

— Тогда отпустите своих детей на волю, — сказал он. — Чтобы они не сходили с ума. Из-за отрыва от реальности.

— Поздно уже, Павел. Я-то согласен с тобой. Но поздно. Одному тебе повезло, и то потому, что ты так яростно рвался из нашего круга наружу. Теперь я понимаю, насколько ты был прав. Теперь.

— Я не ваш, и мне не повезло, — огрызнулся Гусев. — Я просто выбрал свой путь.

Пожилой снова повернул голову и попытался заглянуть Гусеву в глаза. Тот отвел взгляд.

— У меня, кроме тебя, больше никого нет, Паша, — негромко сказал пожилой.

— Меня у вас никогда и не было, Александр Петрович. И никогда не говорите, что обязаны подчиняться тем законам, которые вы установили. А то ведь я могу и вспомнить,

где работаю. И провести выбраковку на месте, без всяких заявок и доказательств вины.

— Я не делал этого, Паша. Та катастрофа была полной случайностью. А человек, который якобы раскрыл тебе глаза, всего лишь хотел стравить нас. Он меня ненавидел и тебя ненавидел, потому что ты сын своего отца. Какое-то время я думал, что он сам причастен к катастрофе. Но оказалось — нет. Паша, в том, что произошло, никто не виноват.

— Я не ищу виноватых. Я просто хочу разобраться.

— Ты был мертв. У тебя не было лица — сплошная рана. Ни одной целой кости. И мы действительно были уверены, что за гибелью Лебедевых кто-то стоял. Тебя необходимо было спрятать, неужели ты не понимаешь? Тем более что о вашей смерти уже прошло официальное сообщение... А потом, когда ситуация прояснилась... Все равно нужно было что-то с тобой решать. Ты нуждался в опеке. Ты сам не помнишь, наверное, как нуждался.

Гусев закусил губу.

— И знаешь... — пробормотал его пожилой собеседник. — Даже сейчас, дай мне возможность пережить эту историю заново...

— Спасибо, Александр Петрович, за чужую жизнь, — произнес Гусев патетически. — За чужую физиономию и чужую фамилию. За чужую психологию и чужие манеры тоже спасибо. Хотите, в ножки поклонюсь?

— Ты можешь не верить мне ни в чем, — лицо пожилого страдальчески морщилось, казалось, он сейчас расплачется, — но я всегда любил тебя, как родного сына.

— Откуда вам это знать...

— Если бы у меня были свои дети... И если бы ты не оттолкнул меня так... так... жестоко...

— Жестоко — это мое нормальное состояние, — фыркнул Гусев. — Кстати, о жестокости. Когда начнется отстрел выбраковщиков?

— Что? — очень естественно удивился пожилой.

— В ближайшее время должна быть запущена программа ликвидации выбраковщиков. Меня интересует — когда именно? И что их ждет — прямой отстрел или все-таки пожизненное.

Пожилой внимательно присмотрелся к Гусеву.

— Ты, случаем, не это?.. — спросил он. — Не того?..

— Я пока что трезв и до сих пор нормален.

— М-м... А я уж подумал... Да нет, какой отстрел, ты что... В принципе вопрос АСБ пока что не рассматривался, есть только черновые наработки. Скорее всего отправим всех на пенсию, где-то через год-два.

— Ах, на пенсию... И молодых тоже?

— Каких еще молодых?

— Которых завербовали совсем недавно. Тысячами завербовали.

— Я ничего об этом не знаю, Паша. Тысячами? Не может быть такого. Откуда у тебя информация?

— Мое дело намекнуть. Ваше дело разобраться. Без лишнего шума, как это у вас замечательно получается. Вы же умеете действовать тихо, правда, Александр Петрович? Машинку под откос столкнуть, человечка прихлопнуть, мальчишке двадцать лет мозги пудрить...

— Я же признался тебе! — почти крикнул пожилой. — Я мог бы все тогда отрицать! Но я сказал тебе всю правду! И ты права не имеешь так со мной обращаться, права не имеешь!!!

Гусев молча забросил окурок на соседнюю могилу.

— И я тебе, между прочим, тоже могу напомнить кое-что, — сказал пожилой, остывая. — Ты у нас тоже не без греха.

— Я?! А при чем тут я? «Указ Сто два» не я писал. АСБ не я организовывал.

— Александр Петрович! — позвал издалека начальник охраны. — Вас первая линия просит... И вообще пора.

— Я перезвоню!

— Есть.

— Значит, так, Павел, — твердо сказал пожилой. — На вопросы твои я ответил. Теперь позволь один дельный совет.

— Ну? — Гусев неприязненно прищурился. Давно уже он советы этого человека не принимал близко к сердцу и не следовал им. Но послушать не отказывался. Особенно теперь.

— Бросай ты эту чертову работу.

— Вот как?

— Да, бросай. Напиши заявление, тебя отпустят без лишних расспросов. А как уволишься, сразу приходи ко мне. Тогда и поговорим.

— Не хочу в Мексику, — сказал Гусев. — И в Африку не хочу. Вообще никуда отсюда драпать не намерен. Сам заварил кашу, сам и отхлебну сколько влезет.

— Идиот, — резюмировал пожилой. Именно резюмировал, подвел черту под разговором. — Я тебе не предлагаю бежать. Ты просто ненадолго уедешь. Здесь намечается одно дело... Короче говоря, я не хочу, чтобы меня шантажировали. Тобой шантажировали, твоей жизнью, понял? Хочу отнять кое у кого лишний козырь.

— Тем более не уеду! — обрадовался Гусев.

Пожилой с усилием поднялся на ноги.

— Подумай, — сказал он. — Времени тебе неделя. Иначе силой выдворю из страны. Надоело с тобой церемониться. Да... Чуть не забыл. Ты идешь на Государственную премию. За идею акции «Табак убивает». Сиди гордись. Утопист хренов. Великий идеолог. Господи, это же надо — двадцатилетним сопляком выдумать такую... Просто так, для развлечения, в порядке бреда. А мы, козлы старые...

— Но работает ведь, — напомнил Гусев.

— Лучше бы не работало. Как ты сам-то куришь теперь?

— Я не про табак.

— Гадюка, — вздохнул пожилой. — Откуда в тебе столько яда?

— Оттуда же, откуда у старого козла привычка соваться в файлы двадцатилетнего сопляка, — парировал Гусев. — И выдавать их за разработку несуществующего департамента. Когда сопляку уже тридцать и он обо всем забыл.

— Но сопляком все равно остался. Вырасти хоть немножко, Павел, — сказал пожилой. — Очень тебя прошу. Сил нет любить этакое чудовище. Выбраковщик...

Он протиснулся между Гусевым и высоким надгробием, с трудом пропихнул себя через калитку и зашагал прочь.

— До свидания, — бросил Гусев ему вслед. Не хотел, но подумал, что так будет лучше. Пусть его по-прежнему считают умным и расчетливым, готовым договариваться и слушаться голоса разума.

Пожилой, не оборачиваясь, махнул рукой. Гусев отвернулся к могиле.

Никаких крестиков и цветочков, никаких слащавых прощальных надписей, вообще ничего лишнего. Два портрета. Мужчина средних лет и мальчик. Даты рождения. Имена.

Леонид Лебедев и Павел Лебедев.

И дата смерти — одна.

Гусев вгляделся в фотографию мальчика и в который раз невольно потрогал кончиками пальцев свое лицо.

Валюшок уже курил на тротуаре. Гусев остановил «двадцать седьмую» и перебрался на правое сиденье. Валюшку он легко уступал возможность порулить. Во-первых, парню очень уж нравилось это занятие и было бы негуманным лишать его столь невинного развлечения. Во-вторых, когда Алексей сидел за рулем, Гусев чувствовал себя комфортно — у них оказалась настолько похожая манера вождения, что на каждый маневр своего ведомого Гусев только мысленно кивал.

— Ты машину, что, насовсем скоммуниздил? — спросил Валюшок, трогая «двадцать седьмую» с места и уверенно вклиниваясь в поток. — В личную собственность?

— Считай — подарили.

— И кого тебе пришлось для этого убить?

Гусев беззлобно толкнул Валюшка локтем. На душе было муторно, но Алексей умел каким-то образом приводить Гусева в нормальное состояние.

— Помнишь того психа, которого мы выручили?

— Ну, допустим, ты выручил. И не только его. Я думал, если застрелю беднягу, сам потом зарежусь. Слушай, Пэ, как это вообще можно — настоящей пулей стрелять в человека, который ни тебе, ни закону ничего плохого не сделал? Так, сидит придурок, ногами болтает... Тебе приходилось?..

Тут до Валюшка дошло, что это сам Гусев предложил сбить психа выстрелом, и он осекся. Валюшок легко забывал такие вещи. Наверное, очень не хотел считать людей злыми.

Гусев его замешательства, казалось, не заметил.

— Да я любого клиента провоцирую, чтобы на меня бросился, — сказал он. — Эта формула из «птички» — право оказать сопротивление — специально была придумана. Ее основная задача — психологически защитить выбраковщика. Мы же действительно не убийцы, хотя и очень много шутим на этот счет. Что тоже нас характеризует как относительно нормальных людей.

— М-м... Да, наверное. Так что там про этого самоубийцу?

— Обычная история. Кстати, он все-таки преступил закон, мы просто не знали. Наркотиков поел слегка. Ну, в общем, его отец позвонил директору Агентства и сказал: того, кто моего сына выручил, — наградить. А потом еще полчаса распинался о том, как признателен выбраковке и готов ее всемерно поддержать в рамках своих полномочий. Коих у него, как у министра внутренних дел, выше крыши. После чего, сам понимаешь, директор вызвал нашего босса и приказал — дать герою все, что попросит. А босс, недолго думая, пошел и лично занес в памятку дежурного: «Гусеву дать ВСЁ!» Я и взял «двадцать седьмую». Она же тебе нравится, верно?

— Ну, в принципе... Вообще-то я на следующей неделе «Порше» беру.

Гусев вытаращил глаза.

— А ты кого застрелил? — спросил он.

Валюшок беззаботно рассмеялся.

— Это старый «девятьсот сорок четвертый», — объяснил он. — Атмосферный последнего выпуска, ему уже под двадцать. Хотя в очень приличном состоянии. Пять тысяч рублей все удовольствие. Вложу еще штуки две и буду кататься.

— Может, и мне тоже завести какую-нибудь таратайку?

— Почему нет? Кстати, давно хотел спросить — отчего ты в свободное время ходишь пешком?

— Да черт его знает. Ленивый, наверное. А потом, у меня руки не из того места растут, чтобы гайки крутить. Замена масла там, предохранители всякие — это я еще могу, а если что-то сложное... Опять-таки не выпьешь уже...

— Ну, по чуть-чуть...

— И нарваться на конфискацию транспортного средства?

— Да кто ж его у тебя конфискует? У выбраковщика? Менты, что ли?

— А пусть и менты. Я очень законопослушный.

— Раньше не замечал.

— Спасибо большое. Нет, я уж лучше ножками... Пьяный выбраковщик и так угроза обществу. А уж за рулем... Кстати, о руле. — Гусев посмотрел на часы. Судя по всему, разговор он поддерживал так, для порядка, а на самом деле все это время напряженно о чем-то размышлял. — Не туда мы рулим, Леха.

— Это ты в каком смысле? — насторожился Валюшок.

— В самом прямом. Давай-ка разворачивай аппарат. Понеслись в Крылатское. Проведаем нашего психа.

Валюшок, не говоря ни слова, принялся искать разворот.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Интересно, что в народе Влад был, судя по всему, довольно популярен. Причины этого — в основном психологического свойства.

По дороге Гусев отыскал в записной книжке полезный телефон, и Валюшку пришлось выслушать длиннющую беседу с каким-то Василь Васильичем, из которой он уяснил только, что Гусев с Васильичем друг друга весьма уважают. Загадочные намеки и странные аббревиатуры Валюшка быстро утомили, и ведомый целиком сконцентрировался на дороге. Наконец Гусев выключил трансивер и с довольным видом закурил.

— Все в порядке? — спросил Валюшок.

— На месте видно будет. В принципе Васильич мужик влиятельный, но его возможности тоже ограниченны. Информацию для размышления подбросить, словечко, где надо, замолвить — это всегда пожалуйста. А рычагов серьезных — фигушки. Такой же честный наемник, как мы с тобой. Ладно, нечто существенное он нам дал. Теперь мы знаем, где искать. Между прочим, кое-кто только что пропустил левый поворот. Нужно было уйти на боковую дорожку. Извини, я заболтался, недоглядел.

— Дальше развернемся, — преспокойно сообщил Валюшок. Для него, в отличие от Гусева, таких ерундовых проблем не существовало. Он всегда мог дальше развернуться. Гусев тяжко переживал свои промахи и старался поэтому не совершать их вовсе. А Валюшок просто исправлял допущенные ошибки. Легко.

Развернуться им удалось не скоро. В первую очередь это сделать мешал Гусев, который принципиально отказывался включать спецсигнал и кидаться этаким маленьким, но злым бульдозером через двойную осевую, когда для таких асоциальных маневров не было служебной надобности. Из-за его щепетильности «двадцать седьмая» сделала несколько лишних километров. Вернувшись к нужному перекрестку, Валюшок не удержался и нарушил — свернул направо под перечеркнутую стрелку на знаке. От бдительного ока мента, тосковавшего в «стакане» посреди Рублевки, машину удачно заслонил длинный автобус.

— ...и потом еще раз направо, — подсказал Гусев. — Знаешь, Леха, а я ведь редкостный тормоз. Я нам пропуск не заказал. Как-то не догадался.

— Так у нас же «вездеход»! — удивился Валюшок.

— Ага. Только эта вездеходность кончается у стен Кремля. А Центральная клиническая больница — почти то же самое, что Кремль. Ладно, прорвемся как-нибудь. Все равно засветимся, вратари номер запишут...

«Двадцать седьмая» проехала через узкий коридор с металлическими отсекателями и затормозила у шлагбаума на въезде в ЦКБ. К машине тут же подошел «вратарь» — молодой парень с полосатым жезлом, в распахнутой телогрейке, накинутой поверх невнятного мундира. Присмотрелся к номерам, оглянулся на будку КПП, из которой таращились замшелые деды в фуражках, и сделал Валюшку знак рукой — отвали.

— Совсем охамели, — заключил Гусев и полез из машины. — Раньше хоть спрашивали, кто такой... Ты не дергайся, ладно?

Валюшок закурил и приготовился не дергаться. Гусев с «вратарем» завели беседу, причем «вратарь» изо всех сил пыжился и расправлял плечи. Из КПП выполз дедуля лет семидесяти и вознамерился было «вратарю» помочь, но тут Валюшок уловил характерное движение Гусева — тот взялся рукой за свой лацкан и слегка им взмахнул. После чего дед мигом убрался на место, а «вратарь» как-то сразу присми-

рел. Даже тут значок АСБ исправно работал. Но пускать Гусева на свою территорию охрана все-таки не собиралась. Она уже не чувствовала себя так уверенно, как раньше, но все равно до упора качала права. Валюшок курил и ждал, когда же на свет божий появится самый убедительный аргумент Гусева — «беретта». Ему было очень интересно, хватит ли у ведущего пороху с боем прорваться на такой серьезный объект, как знаменитая «Кремлевка».

Но Гусев, похоже, не хотел лишнего шума. Он зашел на КПП и теперь разговаривал с дедулями. «Вратарь» сверлил недобрым взглядом машину выбраковщиков и конкретно Валюшка.

Сзади подъехал фургон «Скорой» — не какая-нибудь «Газель» задрипанная, а «Шевроле». Громадная махина нависла над «двадцать седьмой» и нетерпеливо гуднула. «Вратарь» снова попытался мановением руки сдвинуть Валюшка с места, но тот сделал вид, что его эти жесты не касаются. И на всякий случай высвободил игольник.

«Скорая» гудела, Валюшок курил. Из будки выскочил разъяренный Гусев и что-то такое бросил на ходу в адрес «вратаря», что тот весь покрылся красными пятнами. Шлагбаум пошел вверх. Гусев запрыгнул на место и хлопнул дверью так, что едва не развалил машину.

— Вперед! — скомандовал он. — Ну, с-суки! Режимный объект, видите ли! Закон им, понимаешь ли, не писан! Ладно, гады, я вернусь! Узнаете у меня, что такое стоять на боевом посту... В зоне боевых действий ваш пост окажется... Тогда посмотрим, у кого тут есть полномочия, а у кого их нет... Прости, Леха. Разозлили они меня дальше некуда.

— Я все ждал, когда же ты ствол достанешь, — поддакнул Валюшок.

— Сегодня нельзя, — вздохнул Гусев. — Дело сорвется. Ой, ну и блядство! Ты представляешь, там на КПП парень какой-то на стенку лезет, орет: «Пустите, уроды, у меня жена в гинекологии загибается!» А они ему: «Дни посещения — четверг и суббота[1], телефон на стене висит...»

«Двадцать седьмая» катилась по небрежно убранной ал-

[1] Администрация Центральной клинической больницы усматривает в данном эпизоде вопиющую неточность. По просьбе администрации сообщаем: дни посещения в ЦКБ — четверг, суббота и воскресенье. — *Примеч. ОМЭКС.*

лее. Заметно было, что дворники здесь тоже «режимные» и перетруждаться не любят. А городских мусорщиков с их «пылесосами» сюда, конечно, не пустили бы ни за что. Анкетой ребята не вышли для такого ответственного дела, как подобрать опавшую листву и помыть асфальт.

— К первому корпусу сверни на минутку, — попросил Гусев. — Направо, вот сюда. Нужно слегка подстраховаться, оформить как-то наш визит. Я быстро. А ты вот что... Запаркуйся вон там, на вертолетной площадке. Во избежание ненужного шухера. Здесь, видишь ли, простолюдинам стоять нельзя. Сюда литвиновский «членовоз» подъезжает. Через два дня на третий... У них это называется — «на подкачку». Мать-перемать, заработали еще одного Ельцина себе на голову! Из самых лучших побуждений. Знал бы, чем все это обернется, — сбежал бы в Африку, ей-богу!

С этими словами он вышел из машины и быстрым шагом направился к боковому входу в корпус. Валюшок послушно дал задний ход. Очень своевременно — к «двадцать седьмой» уже скакал очередной дедушка в фуражке. «Господи, откуда их столько?! — подумал Валюшок. — Прямо какой-то заповедник отставных кагэбэшников. Хотя чего это я — у нас все правительство из таких. Разве что лица поумнее. А Председатель, значит, совсем плох... Интересно».

Гусев пропадал в корпусе минут пятнадцать. Вернулся он с напряженным лицом, нещадно жуя двадцатую, наверное, за день сигарету.

— Понеслись в КФН, — сказал он. — Теперь главное — скорость.

— Куда? — переспросил Валюшок.

— Я покажу. В корпус функциональной неврологии. Так у сильных мира сего называются психушки. Дабы лишний раз не травмировать их слабую психику.

— Ты здесь прямо как дома, — заметил Валюшок, выруливая со стоянки.

— Бывал, — коротко сообщил Гусев.

К длинному зданию КФН они подъехали с тыла.

— Видишь двери? — спросил Гусев. — Это «номера». Палаты в несколько комнат с отдельным входом. Чтобы нельзя было проследить, кого именно привезли. В курсе

только медперсонал. Давай к служебному. Ага. Теперь слушай инструкцию-нотацию. Готов?

Валюшок молча кивнул.

— Мы с тобой, дружище, залезли прямо в сердце гадюшника, который управляет нашей великой и многострадальной Родиной, — сказал Гусев. — Извини, что втянул. Так уж вышло. Придется немного потерпеть. Главное — сиди тихо и не поддавайся на провокации. Если подойдут бугаи в костюмах с галстуками и спросят, кто такой — временно смири гордыню. Ты привез своего шефа Гусева Павла Александровича. У Гусева вроде бы тут назначена консультация. Если спросят, какой такой еще Гусев, скажи — ТОТ САМЫЙ. Мягко скажи, уверенно. А больше им знать ничего не положено. Начнут возбухать... Да не начнут. В крайнем случае вспомни, чему тебя на подготовительном учили. Эта машина — имущество АСБ и кусочек территории АСБ. Постарайся, чтобы тебя поняли.

— Я буду стараться, — пообещал Валюшок не слишком уверенно. — Слушай, Пэ... Все-таки я узнаю когда-нибудь, с кем именно работаю в паре? А?

— Да я сам толком не разобрался... — ответил Гусев и в очередной раз ушел, бросив Валюшка на растерзание обстоятельствам и раздумьям.

Главврач КФН профессор Крумов наличие посторонних на своей территории не переносил. Особенно Мирза Мирзоевич зверел, когда эти посторонние носили оружие и просиживали штаны у дверей «номеров», охраняя вельможных пациентов. Будучи просто молодым, подающим надежды психиатром, Крумов уже на таких «посетителей» гавкал. А когда выбился в люди, здорово подлечил кое-кого из кремлевских бонз и занял подобающее своим талантам место — нажал на все педали и добился-таки, что в корпусе воцарилась подобающая статусу заведения тишь и благодать. Теперь эти замашки горного князя играли Гусеву на руку — он был почти на сто процентов уверен, что палата Белова не охраняется. А сам-то Гусев для Мирзоевича чужим не был. Четверть века назад Крумов его фактически спас, вытянул осиротевшего и лишившегося половины лица мальчишку из такой депрессии, за которой могло последовать что угодно, в том числе и смерть.

— А вот и он! — обрадовался гостю Крумов. — Здорово, бычий х...й!

Это у профессора была такая манера приветствовать близких людей мужского пола.

— Он самый, — признал Гусев. — Ну, как поживает наша лучшая в мире карательная психиатрия?

— Если бы карательная, дорогой ты мой! Если бы...

— Васильич звонил вам?

— Звонил, дорогой мой, звонил... — Крумов выдвинул ящик стола и добыл оттуда пару стаканчиков и початую фляжку коньяка. Смотрел он в это время на Гусева, и тот почувствовал, как опытный взгляд будто бы сдирает с него шелуху в поисках малейшей патологии. Не обследовать людей профессор уже не мог. Это у него было машинальное.

— Тогда, может, потом выпьем? — предложил Гусев. — А? Вы уж простите, мне время дорого.

— А чего ты, собственно, от Димки хочешь? — спросил Крумов. — Может, я сам расскажу. Если честно, не стоит тебе к нему соваться. Я, конечно, понимаю, ты его спас и все такое...

— А он это понимает? — вставил Гусев.

Крумов почесал синюю щетину на подбородке. Бриться ему приходилось два раза в день. Гусев как-то спросил профессора (тогда еще просто доктора), что бы ему не отпустить бороду. А Крумов с тоскливой гордостью сообщил, что лезгины бороду не носят. Почему именно, он и сам, кажется, не знал.

— Ну... Скорее да, чем нет. Признаться — не признается, но суицид у него был ложный, это точно. И, в общем, ты его вытащил из весьма затруднительного положения.

— Вы даже не знаете, Мирза Мирзоевич, насколько оно было затруднительное.

— М-м? — Крумов поднял брови. — Даже так?

— Как именно — так? — прищурился Гусев.

— Ну...

— Был приказ на выбраковку.

— Тебе?! — поразился Крумов.

— Скорее всего, я оказался там случайно. И поверьте, я Димку выручил отнюдь не из-за общих детских воспоминаний. Мне просто стало интересно — к чему бы это?

— Ах ты, бычий х...й! — высказался Крумов. Скорее восхищенно, чем как-нибудь еще.

— Что вы узнали насчет его мотивов?

— То, что он врет, — твердо заявил Крумов. — Та-ак...

— Личной охраны нет у него?

— Ха!

— Он вообще в состоянии разговаривать?

— В принципе.

— Понятно. Ну что, проводите меня?

— М-м...

— Мирза Мирзоевич, я сюда пришел как частное лицо, а не как выбраковщик. И поэтому я вам могу сказать, что мне от Дмитрия нужно. Есть вероятность, что он узнал нечто очень важное. Страшно важное, понимаете? С перепугу обдолбался, сдурел окончательно и полез совершать подвиг — демонстративно кончать с собой.

— Я так и думал. А он мне все, х...й бычий, про утрату жизненных ориентиров плел... Слушай, Пашка, не ходи к нему.

— Давайте вместе.

— Х...й тебе. За государственную тайну знаешь что бывает?

— Да вы и так в подписках с ног до головы. Ладно, пойду один. Вы поймите — если мои предположения верны, я обязан выяснить, что именно ему известно. И как выбраковщик, и как просто человек. Возможно, это вплотную касается моей судьбы. А может, и вашей тоже. Со всей страной заодно. Поверьте, я без острой необходимости к вам не пришел бы. У меня есть кое-какие подозрения, и Белов может их либо подтвердить, либо опровергнуть. Конечно, во втором случае я ему не особенно поверю, он же профессиональный лжец, но все-таки...

— У тебя именно подозрения или?..

— Допустим, мне кое-кто кое на что тонко намекнул.

Профессор снова поскреб щетину.

— Ладно, — сдался он. — Разбирайся. Человек и выбраковщик... Но смотри у меня, х...й бычий! Думай, как с ним говорить. Не дай бог он потом суициднет!

Роскошная двухкомнатная палата Белова действительно походила на гостиничный номер. Сам пациент валялся на кровати и делал вид, что спит. Даже когда Белов лежал, все равно было заметно, какое у него солидное брюшко. В сорокалетних богатых мужчинах такое отношение к себе Гусева просто бесило, но он постарался не выпускать наружу эмоции.

— Привет, — сказал Гусев, стараясь, чтобы это прозвучало по возможности небрежно.

Белов лениво повернул голову и посмотрел на гостя. Без особого восторга посмотрел, но и не злобно.

— Уммм, — кивнул он. — Здравствуй. Давно не виделись.

— Не ждал? — Гусев подвинул кресло и, не дожидаясь приглашения, уселся. Еще одна дурная привычка выбраковщика.

— Ну, ждал. Показания будешь снимать? А где твой шприц?

— Э-э... — Гусев слегка опешил. — Дима, ты помнишь вообще, как меня зовут?

— Допустим.

— Ну и как?

— Павел... Гусев.

— Спасибо, утешил. Только я не дознаватель. Я простой оперативник. И мой шприц — вот. — Гусев продемонстрировал Белову пистолет, при виде которого больной слегка оживился. Во всяком случае, взгляд у него стал поострее.

— Если убедишь меня, что я должен тебе оставить эту штуку, может быть, оставлю, — соврал Гусев, внимательно следя за возможной реакцией.

— У самих револьверы найдутся, — хмыкнул Белов. С таким превосходством в голосе, что Гусева чуть не стошнило.

«Жалко, нельзя Мирзоевичу рассказать, — подумал он. — Узнает, что я суицидальному больному оружие предлагал, зарежет».

— Тем лучше. Слушай, Дима. Понятное дело, люди с годами меняются. Я, конечно, уже не тот мальчишка, которого ты помнишь по нашим дачным забавам. Но все-таки,

можем мы поговорить по душам? Учти — это частный визит.

— Частный... Несчастный. — Белов повернулся на бок и подпер обвислую щеку рукой с короткими жирными пальчиками. — Ну давай спрашивай.

— Пожалуй, спрошу. — Гусев на миг задумался. — Нет ли у тебя для меня... Для меня лично. Только для меня одного. Нет ли каких-нибудь интересных новостей?

— Беги, Гусев, — сказал Белов просто.

У Гусева внутри что-то екнуло — не то селезенка, не то еще какой-нибудь жизненно важный орган.

— Далеко? — только и смог пробормотать он.

— Беги, — повторил Белов и снова завалился на спину. Именно завалился, как хронически объевшийся ленивый кот.

— Когда бежать?

— Вчера.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Вчера — беги. А сейчас — уходи.

— А ты... Не собираешься? — выдавил Гусев.

— А мне незачем, — сообщил Белов по-прежнему безмятежным тоном. — С работы я и так уже вылетел, на меня всем плевать... На папика моего — тоже. Пинка хорошего дадут, и не более того. В общем, могу смело уходить в запой. Слышал песню такую русскую народную? «И в запой отправился парень молодой...»

— Значит, ты сознательно эту комедию с самоубийством учинил? — поразился Гусев. — Козлище, да тебя же чуть не грохнули!

— Сознательно... Бессознательно... Х...й его знает. Так колбасило — ничего не помню. Что не грохнули — это хорошо. И что уволили — еще лучше. Теперь уж точно не грохнут.

— Да не уволили тебя!

— Не уволят — на Спасскую башню влезу, — лениво сказал Белов. — Или в Царь-пушку насру. Все, Гусев, отстань. Видеть тебя сил нету. Был за мной должок — я его тебе отдал. А теперь уходи, пока я кому-то в морду не наблевал.

— Мне-то за что? — удивился Гусев, вставая на ноги.

— За выбраковку, — сообщил Белов и перевернулся на

другой бок. Спина у него тоже оказалась жирная, как у бегемота.

— Если бы я не работал в АСБ... — начал Гусев. Ему не хотелось препираться с человеком, находящимся под медикаментозной накачкой, это было как минимум глупо. Но он неожиданно остро вспомнил сейчас того Димку Белова, с которым играл в войнушку и катался на санках.

И еще одного Белова, с которым уже тайком пил водку и бегал за девчонками. Белова, который иногда пронизывал своего нового друга взглядом, будто бы силясь понять — не тот ли это самый Пашка, погибший в автомобильной катастрофе, вернулся из небытия.

Но это был уже совершенно другой Пашка.

А теперь — совершенно другой Белов.

— При чем тут работа в АСБ? — перебил Белов. — Я же сказал — за выбраковку. Настало время отдавать долги, Павел. Я перед тобой чист. Все, что мог, — сказал. Теперь один должник остался — ты. Вот и беги, пока с тебя не спросили. За все хорошее... И сейчас беги, пока я санитаров не позвал. Они тут знаешь какие? У-у... Ты и не видел таких. Просто волки, а не санитары.

— До свидания, — пробормотал Гусев.

— Прощай, — хмыкнул Белов. — Спаситель х...ев.

Валюшок сидел в машине и ритмично мотал головой. В салоне ревел хэви-метал. Хитрый Леха крутил его с бортового компьютера, через динамики громкой связи. Качество звука было похабнейшее, но все лучше, чем ничего.

— Чуть потише сделай! — крикнул Гусев. — А неплохо. Как я раньше сам не догадался... Ну, без эксцессов обошлось?

— Тревожных симптомов нет. — Валюшок повернул регулятор, слегка приглушив музыку.

— Thunder! Ту-ру-ру-ру... — подпел Гусев. — Хорошо живем. Лет пять-шесть тому назад черта с два ты купил бы в Москве «Эй-Си/Ди-Си». Не застал период, когда зверствовала Комиссия по нравственности? Да нет, ты в армии служил.

— На польской границе! — заметил Валюшок.

— А-а... Понятно. Единственный весомый плюс объе-

динения с Беларусью — польский контрафактный товар. Вы небось ящиками это дело скупали.

— Ну, ящиками — не ящиками, но фонотеку я привез солидную. Какие будут указания, ведущий?

— Топчи педаль. Впрочем... Нас еще могут тормознуть на КПП. Поэтому встанем у поворота на аллею, подловим какую-нибудь местную «Скорую» и прилепимся к ней. Не хочу таранить шлагбаум.

— Аналогично, шеф! — согласился Валюшок, поворачивая ключ.

Так они и сделали — дождались идущего на выезд «Шевроле» (этот был уже потрепан, но, похоже, русских машин ЦКБ не признавала) и вслед за ним подкатились к воротам. Но, кажется, Гусев волновался напрасно. Их выпустили без лишних слов, разве что не отдали честь.

— Везуха, — резюмировал Гусев. — Ох, не нравится мне это... Значит, дальше будет хуже.

— Так ты узнал, что хотел? — спросил Валюшок.

— Что узнал? Я так... Проведал старых знакомых. Своего психиатра, например.

Валюшок укоризненно на Гусева покосился, но больше ничего не сказал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пунктуальный во всем, Тепеш и в казнях соблюдал субординацию: для турецкого аги, командовавшего отрядом, был заготовлен кол с золотым наконечником.

Минут пять они ехали молча, причем Валюшок очень правдоподобно дулся. Наконец Гусев не выдержал.

— Я тебе потом расскажу, — пообещал он. — Если сбудется. А если не сбудется — тем более.

— Ну-ну. — Валюшок слегка оттаял и бросил на ведущего насмешливый взгляд искоса.

— Обязательно расскажу. Ты же знаешь.

— Чего это я знаю?

— Я все рассказываю, что тебе не повредит. Или когда уже не повредит.

— А может, я хочу.

— Чтобы повредило?

— Угу. Чтобы пополам.

— Ишь ты! Леха, дружище, умоляю, не спеши...

— Значит, как со снайперкой бегать — так «агент Валюшок», а как по психушкам кататься — сразу «Леха, дружище»?

Гусев довольно заржал — он видел, что Валюшок уже не сердится и вырывать из него информацию клещами не намерен.

— Как вообще дела? — спросил он. — Что жизнь семейная?

— Отлично. Купили наконец-то стиральную машину...

— Валюшок! Откуда у тебя столько денег? Сначала мебель, затем «Порше», теперь еще и бытовая техника...

— Да это же копейки!

— Наверное, я слишком много пью, — вздохнул Гусев и погрузился в раздумья.

— А чего, собственно, не пить? — утешил его Валюшок. — Ведь стиральная машина у тебя уже есть.

— Не мешай. Я считаю. Дебет-кредит свожу. Ого!

Последнее восклицание относилось не к деньгам, которые у Гусева действительно с редкой легкостью утекали сквозь пальцы. «Двадцать седьмую» опасно подрезала черная «Волга» с маячком на крыше и унеслась вперед, буквально расталкивая частные автомобили, которые от опасного участника движения испуганно шарахались.

— Ты номер разглядел? — Гусев потянулся к трансиверу.

— Сейчас. — Валюшок наддал, и «двадцать седьмая» бросилась вдогонку петляющей впереди «Волге». Через затемненные стекла невозможно было разобрать, кто сидит внутри. — Так. Видишь? Солидные номера.

— Да. — Гусев вызвал Центральное. — Леха, садись ему на хвост... Дежурный? Это Гусев. У нас тут непредвиденные обстоятельства, можем опоздать на полчасика. Нет, не форс-мажор, просто нужно внушение сделать. Угу. Живи.

Валюшок догнал «Волгу» и пристроился ей в хвост. Черная машина продолжала распихивать поток, скорость ее перевалила за сотню. Впереди показался милицейский пост.

Гусев открыл «бардачок» и вытянул панель управления бортового компьютера на гибком кронштейне — небольшую клавиатуру с плоским серым монитором. Заткнул музыку. Вышел на сервер отделения и полез в базу данных.

— Ух ты! — воскликнул он. — Действительно номера солидные. Вот увидишь, сейчас героические менты этому деятелю честь отдадут, а нас остановят. Так, мы проезжаем пост безопасности движения номер сорок девять... Леха, прижмись вплотную. Сойдем за эскорт.

— Кто это? — спросил Валюшок, послушно догоняя «Волгу». На загородном шоссе полноприводный монстр с V-образной «восьмеркой» под капотом «сделал» бы машину выбраковщиков легко. Но в городе крутизна правительственного автомобиля сходила на нет. Во всяком случае, пока сухой асфальт под колесами.

— Узнаешь. — Гусев заговорщически подмигнул.

Милиционеры, как и предполагалось, «Волге» откозыряли, а «Жигули» выбраковщиков решили от греха подальше не замечать. Гусев перевел трансивер на милицейскую волну.

— Сорок девятый пост! — рявкнул он. — Старший уполномоченный АСБ Гусев вызывает. Начальника поста ко мне на связь, бегом! Капитан! Ты какого хрена сейчас «Волгу» пропустил?! А мне насрать, что министр! Ему положено включить сирену и мигалку, если он так спешит! Он уже все шоссе на уши поставил! А сейчас я его раком поставлю за такие выкрутасы! А потом он тебя вздрючит за то, что ты его не одернул, ясно?! Он тебя научит, что такое х...й на службу забивать! Все, свободен!

Гусев, отдуваясь, спрятал трансивер и загнал в «бардачок» панель.

— Люблю поорать на разгильдяев, — признался он. — Понавыдумывают ограничений скорости, а потом сами же и нарушают...

— Что за министр? — спросил Валюшок. — Ты давай, если собираешься его тормозить, самое время.

— Министр информации. Только его без мигалки не возят. Там наверняка шофер и какая-нибудь баба.

Гусев ткнул кнопку на центральной консоли. Из-под

капота раздался оглушительный вой, передок машины озарился яркими вспышками.

— Агентство социальной безопасности! — сказал Гусев в микрофон. — Черной «Волге» два ноля шесть приказываю немедленно остановиться.

На шоссе вдруг стало неожиданно пусто, хотя до центра города оставалось рукой подать. За годы выбраковки честные граждане разучились глазеть на чрезвычайные происшествия, а взамен приобрели способность мгновенно рассасываться в пространстве, едва запахнет жареным.

«Волга» судорожно дернулась из стороны в сторону, но хода не сбавила.

— Заходи слева.

Гусев опустил дверное стекло и вытащил «беретту». Валюшок притер «двадцать седьмую» к борту «Волги».

— Не люблю нерешительных, — пробормотал Гусев, направляя ствол в тонированное окно правительственной машины.

Осознав, что с ней не шутят, «Волга» так дала по тормозам, будто у нее там что-то заклинило, и мигом прижалась к обочине. Валюшок строго по инструкции блокировал ее спереди, вытащил игольник и прыгнул за дверь. Гусев не спеша вышел и заглянул сквозь лобовое стекло внутрь задержанного автомобиля. На него таращились испуганные лица. Стекла передних дверей медленно поехали вниз. Очень толстые стекла, броня. Показались отсекатели, защищающие салон от шальной пули, летящей под углом.

— Пушки за борт, — приказал Гусев мужчинам, сидящим на передних сиденьях. — Медленно.

Шофер и охранник послушно выбросили наружу свои пистолеты. Задние стекла машины по-прежнему были закрыты, «начальственную» половину салона отгораживала глухая черная штора. Гусев знал — спереди ее не опустить.

— Выводи и клади, — скомандовал он Валюшку, уткнувшему игольник шоферу в ухо. Подошел к задней двери и сделал знак рукой — выходи.

Никакой реакции. «Да, так просто этого типа не выкуришь оттуда, пока штаны не застегнет», — подумал Гусев.

Задержанные лежали на желтом осеннем газоне. Им повезло, что давно не случалось дождя. Валюшок легкими

пинками заставлял их лечь как положено — выбраковщики называли это «придать форму».

— Кто внутри? — спросил Гусев.

— Министр информации, — буркнул охранник. — С женой.

Гусев рассмеялся и свободной рукой достал из-за пазухи запасную обойму.

— Нет, дорогуша, — сказал он. — Не с женой.

Конечно, внутренняя перегородка в машине легко простреливалась насквозь. Но Гусев вовсе не собирался никого браковать. Он повторил свой жест, требуя, чтобы спрятавшийся за броней вышел. «Звонит, наверное, в Кремль. Или сразу нашему директору. Следующее распоряжение по Центральному отделению будет: «Отобрать у Гусева ВСЁ!» Ха-ха!»

Словно вторя мыслям Гусева, в салоне «двадцать седьмой» запищал сигнал вызова. Личные рации выбраковщиков молчали — звонок шел из главной диспетчерской. А значит, его спокойно можно было похерить.

— Затыкайте уши, — посоветовал Гусев, отошел на пару шагов, прицелился в окно задней двери «Волги» и принялся нажимать спуск так быстро, как только умел.

Пятнадцать выстрелов слились в один сплошной оглушительный грохот — пистолет выплюнул обойму за каких-нибудь пять секунд. Бронестекло превратилось в кашу. Гусев мгновенно сменил обойму, дослал патрон, и тут до него дошло, чем он, собственно, только что стрелял.

Из левой двери на асфальт с диким визгом повалились двое. Гусев мощным прыжком взлетел на багажник, потом на крышу и направил вниз уже не пистолет, который от греха подальше успел спрятать, а игольник.

Толстый красномордый министр сжимал в кулаке вырванную с мясом трубку «вертушки». Растрепанная брюнетка лет двадцати, не переставая орать, вскочила на ноги и бросилась через дорогу. Счастливо избежав попадания минимум под десяток машин, она вломилась в колючий придорожный кустарник и, оставив на нем немалую часть гардероба, пропала из виду.

С честью выполнившее свою задачу стекло издало не-

что вроде удовлетворенного вздоха и с хрустом обрушилось, скомкавшись наподобие целлофанового пакета.

— Круто, — сказал Валюшок.

Министр, лежа на асфальте, припадочно хватал пастью воздух. Трубку он судорожно прижимал к груди. Сигнал в машине выбраковщиков надрывался.

Гусев, засовывая игольник в кобуру, спустился вниз. Ухватил министра за грудки, не без труда поднял и аккуратно прислонил к машине.

— Я старший уполномоченный АСБ Павел Гусев! В следующий раз, — порычал он, заглядывая в вытаращенные поросячьи глазки, — будете включать мигалку, когда превышаете скорость, нарушаете разметку и создаете аварийные ситуации! Ясно?! И останавливаться немедленно, если выбраковка требует. Понял?! Ничего ты, впрочем, не понял. Ты, кажется... — Гусев потянул носом воздух и поспешно отодвинулся. — В общем, записываю вам предупреждение, сударь. Уведомление получите спецпочтой. Тьфу!

Гусев оставил министра в покое, обошел изувеченную «Волгу», бросил взгляд на перепуганных министерских лакеев и махнул рукой.

— Все расслышали? — спросил он. Шофер и охранник активно закивали, насколько позволяла неудобная поза. — Все поняли? Ладно, идите, подтирайте задницу своему хозяину. Принимая во внимание обстоятельства, вас обоих на первый раз прощаю. Но урок советую запомнить. Теперь свободны... Пойдем, Леха. Шоу окончено.

Выбраковщики уселись в машину.

— Обделался клиент? — спросил Валюшок, трогаясь с места.

— Угу, — кивнул Гусев, берясь за микрофон рации и задумчиво морща лоб.

— Чем ты стрелял? Бронебойными?

— Угу.

— Зачем? Нарочно?

— Да нет же! — Гусев невольно повысил тон. — Отстань. Алло! Экипаж «двадцать седьмой», Гусев. Кто вызывает?.. Так точно... Да ничего особенного. Многократное намеренное создание аварийной ситуации на дороге и злостное неповиновение... Да, предупредил. А чего вы, собст-

венно, хотите?.. Нет, дорогуша, это пускай он передо мной извинится... Сынок, ты что, не расслышал? Гусев я. Гусев Павел Александрович. И твой вонючий министр ко мне завтра на карачках приползет. Он у меня теперь в бо-ольшом долгу. А в каком именно долгу, я расскажу только директору Агентства лично конфиденциально. Так и доложи. Все, пошел на хер. — Гусев повесил микрофон на место и достал сигареты.

— Значит, ты все-таки ТОТ Гусев, — пробормотал Валюшок. — Интересно.

— Неинтересно, — отрезал Гусев. — Я не ТОТ Гусев, и вообще я не Гусев никакой, и оставьте вы меня в покое все хотя бы на минуту!!!

— Расслабься, Пэ, — сказал Валюшок. — Какой ты никакой, мне до лампочки. Все равно я с тобой.

— И на том спасибо, — буркнул Гусев. — Знаешь поговорку: «На бесптичье и жопа — соловей»?

Валюшок хитро прищурился, и у Гусева вдруг потеплело на сердце. Мимика у его ведомого была очень богатая. Хищно коситься, грозно набычиваться, ехидно улыбаться и внушительно двигать челюстью Валюшок умел блестяще. Причем каждая гримаса была этакой самопародией, имитацией того, как на самом деле Валюшок мог бы выглядеть, случись ему родиться страшным и кровожадным.

«И за каким дьяволом ты поперся в выбраковку, парень? — думал Гусев, украдкой рассматривая Валюшка. — Неужели, как и я, чтобы не испытывать страха перед жизнью? Чтобы самому изображать ходячий ужас? Ох какая же это ошибка, дружище! Я-то знаю. Достаточно актерствовал, довольно изображал. Наизображался. Превратился в черт знает что... А может, тебя это минует? Ты ведь совсем другой, для тебя существование АСБ — не патология, не извращение, а норма бытия. Тебе не пришлось себя ломать, принимая родину такой, какая она есть теперь — осмысленно жестокой...»

— Так вот, ты не соловей, — заключил Гусев. — И я очень рад, что мы вместе. Хотя и занимаемся какой-то х...ней. Но даже распоследней х...ней гораздо приятнее заниматься в хорошей компании.

Валюшок заразительно улыбнулся и свернул на Гоголевский бульвар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Золотой дождь, порожденный «дракуломанией», не обходит стороной и отечество Вампира номер один. Именно интерес к Дракуле обеспечивает постоянный приток иностранных туристов на его родину.

Шеф Центрального, заложив руки за спину, прохаживался туда-сюда по вестибюлю. Из дежурки за ним затравленно наблюдали две пары глаз. Дежурные отвыкли не только нести службу, но даже несение оной имитировать. Происшествия типа самоубийцы на Новом Арбате давно уже стали чем-то из ряда вон выходящим, особенно в центре города, зачищенном дальше некуда. Агентство медленно погружалось в трясину беспросветной тоски. Даже почесать языком на работе поводов не находилось — разве что выходки шалопая Гусева немного поднимали настроение. Да еще элитарная группа Мышкина добровольно пошла «на собак» — тоже событие.

Гусев и Валюшок появились в вестибюле, когда шеф совершал очередной виток, удаляясь от входа. Гусев придержал дверь, согнулся в три погибели и боком по стене пополз в направлении дежурки. За ним, с удовольствием принимая игру, покрался Валюшок. Ему-то ничего особенного не грозило, это он понимал — грех не повалять дурака.

Дежурный высунулся в окошко и, млея от восторга, наблюдал за представлением.

Шеф уткнулся в стену, сделал четкий поворот и, не поднимая глаз, двинулся в обратном направлении. Он почти миновал крадущихся мимо новоприбывших и скорее всего не заметил бы их, если бы не дежурный с его улыбкой во всю физиономию, торчащий из окна.

— Стоять!!! — рявкнул шеф, расправляя плечи и сжимая кулаки. Чувство юмора у него явно заклинило.

Гусев и Валюшок разочарованно выпрямились.

Шеф налился кровью и издал утробный хрип не хуже давешнего министра. Только шеф хрипел не с перепугу, а от плохо сдерживаемой ярости.

— Значит, ты, — сказал он, тыча пальцем в грудь Валюшка. — Ко мне в кабинет и ждать. Бегом!

— Есть... — Валюшок ободряюще толкнул Гусева локтем и исчез в коридоре.

— А ты... Ты... — Даже эти несложные слова в адрес Гусева шефу нелегко дались. Он резко повернулся к дежурке: — Дежурный! Старшего дневной смены ко мне сюда!

Сказав это, шеф как-то сник и опять принялся ходить взад-вперед. Гусев молча рассматривал свои ботинки и ждал развития событий.

— Ничего-ничего, — пробормотал шеф. — Не утопишь ты меня, Гусев...

— Больно надо, — буркнул Гусев.

— Я еще тебя переживу...

— Да в чем дело-то, шеф?

— Мол-ча-ать!!! — проорал шеф. — Ах, ты не знаешь, в чем дело?! Ничего, там расскажут...

Тут прибежал старший дневной смены — все тот же Корнеев. Несмотря на глубокую личную антипатию к «папенькиному сынку», на этот раз он в точности как Валюшок двинул Гусева локтем. И даже выдавил нечто похожее на улыбку.

— Значит, так, Корнеев, — скомандовал шеф. — Бери машину, сажай туда Гусева и вези его в головной офис. Лично доведешь до кабинета директора и сдашь его помощнику. Если не будет особых распоряжений — сиди там и жди. Потом заберешь... — шеф злорадно глянул на Гусева, — ...то, что останется, и привезешь обратно. Лично отведешь ко мне в кабинет. После чего свободен. Выполнять!

— Есть! — четко отрапортовал Корнеев, щелкая каблуками. — Разрешите идти?

— Стоп. Гусев, — шеф протянул руку, — оружие сюда.

Гусев, который на протяжении всей речи шефа и ухом не повел, резко переменился в лице. Тем не менее он достал игольник и вложил его в требовательно шевелящую пальцами ладонь.

Шеф критически оглядел игольник и небрежно швырнул его на подоконник дежурки.

— Издева-а-ется, — проворковал он. И протянул руку вновь.

— Это мое, — деревянным голосом выдавил Гусев.

— У тебя своего ничего нет! — отрезал шеф.

— Интересная мысль. — Гусев возвел глаза к потолку. — И, кажется, верная...

— Корнеев, заберите у него огнестрельное!

Корнеев осторожно придвинулся к Гусеву.

— Пэ, будь любезен... — попросил он.

— Личная собственность, — казенно процитировал Гусев в окружающее пространство, — не может быть отчуждена, кроме случаев...

— Сейчас будет тебе случай. Корнеев, читай ему «птичку»!

Корнеев оторопело глянул на шефа.

— Зачем? — спросил он. — И вообще, кого Пэ застрелит? Тут же только свои. В директора он, что ли, пулять будет?

— Старший уполномоченный Корнеев!!!

— Шеф, вы же этого на самом деле не хотите! Слушай, Пэ, ну отдай ты пушку, ей-богу!

— Корней, я тебя просто не узнаю. — Гусев улыбнулся давнему своему недругу и сунул руку под куртку. Очень медленно вытащил «беретту», но шефу ее не вручил, а пустил вдоль подоконника дежурки. Из окна метнулась рука и чуть было пистолет не сцапала, но шеф оказался еще проворнее. Он жадно схватил оружие, буквально выдернул из рукоятки обойму и подслеповато уставился на верхний патрон. Выщелкнул его прямо на пол и ткнулся носом в следующий. На лице шефа отразилось глубокое разочарование.

— Весь боекомплект сюда!

Гусев выложил на полированную доску еще три обоймы. Шеф и их придирчиво исследовал.

— Ладно, — сказал он уже не так злобно. — Корнеев, все ясно? Выполняйте.

— Не хочу с вами портить отношения, — печально сообщил Гусев, — но зря это все. Я на такие дела злопамятный. Пошли, Корней.

— Нет, вы только посмотрите на этого наглеца! — возопил за спиной шеф. — Злопамятный он, видите ли! Да по тебе каторга плачет, кретин!

Гусев на ходу полуобернулся было, намереваясь ответить, но Корнеев благоразумно увлек его за собой.

— На чем поедем? — спросил Корнеев бесцветным голосом, когда они вышли на стоянку.

— На моей. — Гусев уверенно направился к «двадцать седьмой».

— Сам поведешь?

— Нет. Тебе приказано, ты и вези. Слушай, Корней, ты вообще из офиса выходишь когда-нибудь? Смотри, надорвешься. И опять-таки всех денег не заработаешь.

— У меня дочь больная.

— Что-то серьезное? — машинально спросил Гусев, предаваясь раздумьям о том, какая головомойка ждет его у директора и что умнее будет говорить.

— Брак, — коротко бросил Корнеев. — По сердцу.

— Иди ты! — Гусев встал как вкопанный.

— Если не лечить — брак. А так держится потихоньку.

— Но должны же бесплатно...

— У нас такие операции просто не делают. Нужно везти за границу. Представляешь, какие бабки? Ничего, еще года два отпашу...

— Тьфу! — Гусев распахнул дверцу, сел в машину и достал ключи. Нащупал под сиденьем замочную скважину, повозился немного и выдвинул лоток сейфа. Вытащил потертый исцарапанный «макаров» и с откровенным неудовольствием его оглядел.

— Не могу без ствола, — виновато сказал он, протягивая Корнееву ключи. — Голым себя чувствую.

— Такой же маньяк, как и все, — хмыкнул Корнеев, заводя мотор.

— Не без этого. — Гусев копался под курткой, прилаживая оружие. В пластиковом ложементе игольника маленький пистолет тонул, из кобуры «беретты» — вываливался. Наконец Гусев просто сунул его за пояс.

Корнеев давно не сидел за рулем и путь на Лубянку выбрал неудачный — через набережную. Когда машина нырнула под Большой Каменный мост и Корнеев свернул налево, Гусев дернулся было, но опоздал. Впереди махнули жезлом, и поперек дороги выкатился милицейский «ушастик».

— Тютелька в тютельку, — сказал Гусев и посмотрел на часы. — Сейчас хозяин домой поедет. Ладно, минут десять покукуем.

Корнеев оглянулся — сзади и с боков их уже заперли такие же не наблюдающие часов раздолбаи.

— Может, спецсигнал включить? — задумался вслух Корнеев. — Продеремся как-нибудь.

— Да ладно, — отмахнулся Гусев. — Мне спешить некуда, у тебя до конца смены тоже еще часа полтора. Отдохнем.

Некоторое время они сидели в полном молчании. Наконец Корнеев не выдержал.

— Так чем же вы стреляли в министра, товарищ Гусев? — спросил он, ловко имитируя начальственный тон. — Заряд усиленный, сердечник бронебойный?

— Стекла хреновые делает наша промышленность, — ответил Гусев, стряхивая пепел за окно. — И министров о...уевших развелось как собак нерезаных. Что это за извращение такое — на заднем сиденье трахаться, когда машина по всей дороге скачет, будто укушенная?

— Опаздывал, наверное.

— К жене и детишкам...

— Обедать в тесном семейном кругу!

— Вот!

— Пэ, ты жене изменял когда-нибудь?

Гусев удивленно зажмурился.

— Корней, — сказал он проникновенно, — что с тобой? Ты же меня третьего дня чуть на дуэль не вызвал!

— А если я извинюсь?

— Давай. Мочи.

— Извини, пожалуйста, я был не прав. Видишь ли, Пэ, ты ведь не ходил дежурным по отделению, верно? А у дежурного, между прочим, когда он на пульт садится, психология ломается коренным образом. И раздражительность к концу смены резко подскакивает. Я просто немного перенервничал.

— Ну...

— В общем, забыли этот инцидент, а?

— Ну, забыли... — Гусев невоспитанно выбросил на дорогу окурок.

— Чего мусоришь? — тут же среагировал Корнеев.

— Люблю!

— А еще выбраковщик...

— Вот в этом ты весь, Корней. Ты чересчур правильный. Везешь коллегу на экзекуцию и следишь, чтобы он бычки за окно не кидал. А если меня прямо в головном

офисе возьмут и расстреляют? Не станет ли вам, Корнеев, мучительно больно из-за того, что даже в последний час своего товарища по оружию вы не удержались от замечаний в его адрес?

— Красиво, — ухмыльнулся Корнеев. — Тебе бы книжки писать. О светлом пути и безоблачно счастливом будущем.

— Давно не читал ничего современного. Неужели такая муть?

— Ну отчего же... Хотя иногда ловлю себя на том, что с удовольствием взял бы какой-нибудь детективчик типа Марининой. Да только где ж его возьмешь теперь?!

— Вот уж лажа эта Маринина была! — не удержался Гусев. — Одна нормальная книга, я помню — «Стилист», и то она там периодически срывается с высокого штиля на язык милицейского протокола.

— Лажа не лажа, а в Италию свалить денег хватило.

Гусева такая логика слегка ошарашила, но тему он решил не развивать. Откинул кресло поудобнее и снова закурил. Корнеев выдвинул ему девственно-чистую пепельницу.

— А почему ты насчет моей жены беспокоился? — вспомнил Гусев.

— Да я вообще. Интересуюсь. Что-то у меня сломалось в жизни, понимаешь? Не то чтобы я свою разлюбил, нет. Но скучно все, пресно. А когда перепихнешься по-быстрому на стороне, так и домой — как на крыльях... Вот и думаю — один я такой или это нормально.

— Говорят — нормально.

— Ты давно в разводе?

— Лет шесть или семь, — равнодушно сказал Гусев и сам удивился, как легко у него получается говорить о том, что когда-то рвало душу. — Нет, я своей, конечно, не изменял. Просто в голову не приходило. Мы по большой любви женились.

— Так что же развелись?

— Она слишком остро хотела ребенка. А я чересчур активно сопротивлялся.

— Почему?

— Да потому что трус я, — бросил Гусев. — Просто банальный трус.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Маленькое княжество Валахия лежало между Семиградьем и мусульманским колоссом, играя роль своеобразного буфера. Прежде чем напасть на трансильванские города, туркам требовалось покорить Валахию; и в интересах семиградцев было создать такое положение дел, чтобы султан дважды подумал, прежде чем начинать новую войну с Валахией.

Нынешнего директора Агентства Гусев лично не знал — этот человек занял должность полгода назад и был, по слухам, редкий мерзавец и прожженный интриган. Впрочем, так говорили в Центральном, где мерзавцами и интриганами считали всех, кто пробился на командные должности, не покидая офиса. Этот директор, как и два предыдущих, тоже ни разу не выходил на маршрут.

Вблизи отпетый подлец и негодяй производил довольно приятное впечатление. Гусев безотчетно доверял таким мужчинам — крупным, сильным, высоким, с неповторимой медвежьей грацией увальня, который старается поменьше махать руками, дабы не ронять ненароком шкафы. Гусевское самомнение намного превосходило его личные габариты, и он всю сознательную жизнь страдал от нехватки пяти сантиметров роста и десяти килограммов веса. Увереннее всего он чувствовал себя, когда шел по улице между Даниловым и Мышкиным. Даже с покойными Костиком и Женькой было не так, он все-таки за ведомых отвечал. А вот в этой компании у него наконец-то исчезал рефлекс на постоянное ожидание разбойного нападения из-за угла.

— Здравствуйте, Павел Александрович, — сказал директор. — Наслышаны о ваших подвигах.

Гусев улыбнулся, скромно и с достоинством. Мол, какие-никакие, а действительно подвиги.

— Есть мнение... — Директор выдержал паузу. — Есть мнение, что ваши способности не были в полной мере оценены. Вы непростительно засиделись в оперативниках, товарищ Гусев. Передний край, невидимый фронт — это все

замечательно. Но такой одаренный сотрудник, как вы, товарищ Гусев, вправе рассчитывать на большее.

Гусеву мучительно захотелось курить. Он никак не мог сообразить — издеваются над ним или нет. В глазах директора была какая-то неуловимая лукавинка, но как ее трактовать, Гусев не понимал.

— Подписано распоряжение о создании в системе ГУЛАК нового отдела. Называется подразделение... — директор заглянул в бумаги на столе, — ...«отдел системного проектирования». Заведующий в ранге моего заместителя. Вы же экономист, Павел Александрович?

Гусев, стараясь не пучить глаза, припомнил, что у него написано в дипломе.

— Вообще-то я больше оценщик, — сказал он неуверенно. — То есть я помню всякую лабуду типа «товар — деньги — товар штрих», но...

— Как раз ваш профиль. Задача отдела — комплексная оценка и выработка рекомендаций по утилизации и конверсии исчерпавших себя подразделений Агентства. Вы же знаете, Павел Александрович, нам в наследство от бывшего Министерства юстиции досталось огромное количество самых разных структур. Пенитенциарные учреждения, например... Мы эти структуры в свое время успешно использовали, но значительная их часть уже не представляет для нас интереса...

— Поумирали каторжники? — ввернул Гусев.

— Вот именно. Вы, наверное, еще не в курсе, но в ГУЛАК грядет полная реструктуризация. И теперь нужно разобраться, какие объекты стоит перевести, так сказать, на гражданские рельсы, а какие в нетронутом виде передать на баланс МВД.

— Секундочку, — попросил Гусев. — Я же выбраковщик. Шериф. А ГУЛАК, если мне не изменяет память, — обычный трест. Ну, не совсем обычный, но все-таки — контора. Пусть даже и подотчетная АСБ.

— Нет, Павел Александрович, дорогой мой. Не контора, а мощнейшая промышленная группа. Оплот экономического благоденствия Славянского Союза. Вы, я вижу, не оценили перспективы. Если все пойдет по разработанному плану, через несколько лет вы, товарищ Гусев, окажетесь в числе руководителей самой могущественной государственной корпорации нашей страны. Понимаете, что это значит?

— Я так понимаю, что выбраковке конец, — сказал Гусев. — Простите, здесь курят?

— Да, разумеется. Вот пепельница. А как вы сами думаете, товарищ Гусев, сколько еще будет необходим в действии «Указ Сто два»?

— И что же будет потом, когда его отменят? — спросил Гусев, закуривая. Ему было очень трудно изображать болвана-шерифа, не видящего дальше собственного носа, но он старался изо всех сил.

— Как раньше. Старая добрая система — прокуратура, Минюст, МВД. Конечно, с учетом накопленного опыта. Преступность в стране подавлена, остается поддерживать статус-кво. Давайте посмотрим в глаза реальности — АСБ как репрессивный орган свою задачу выполнило. На сегодняшний день существование Агентства просто теряет смысл. И, между прочим, рейтинг АСБ по данным социологических опросов начинает снижаться. Народ уже не считает выбраковку фактором стабильности. Даже наоборот — высказываются опасения, что в отсутствие настоящих уголовников АСБ начнет «охоту на ведьм». — Директор сокрушенно вздохнул, демонстрируя, как ему это все неприятно. — Согласитесь, такое положение вещей малоприятно для нас с вами, да и не идет на пользу стране в целом. Скажу вам по секрету: там, наверху, — директор показал глазами куда-то на потолок, — мнения разделились. Кое-кто полагает, что нас следует немедленно распустить, пока еще спад популярности Агентства не принял катастрофические формы. Но большинство, слава богу, считает, что мы должны, так сказать, подчистить хвосты. Поэтому годик еще, я так думаю, поработаем. Однако подготовку к расформированию Агентства приказано начать сейчас же.

— Как вы со мной... откровенно, — нашел подходящее слово Гусев.

— Это с вами. Есть мнение, что вы умеете глядеть правде в глаза, не отворачиваясь. Вот из таких людей, проверенных, надежных, думающих о будущем страны и чувствующих за него ответственность, и будет формироваться управляющее звено новой структуры. Так что мой вам совет, Павел Александрович, — соглашайтесь. Будущее имен-

но за «конторами», как вы изволили выразиться. Бескомпромиссная война, которую Агентство вело в течение почти десятилетия, завершилась полной нашей победой. Настало время подумать о том, как адаптироваться к условиям мирного времени. Именно сейчас подумать и еще раз подумать. И принять единственно верное решение. Потом может быть поздно. Вы понимаете?

— Да, — кивнул Гусев. — В последнем вагоне на юг может начаться драка за полки.

Директор потер рукой подбородок. Гусев курил и ждал, хватит того на прозрачный намек или нет.

— Не совсем так, — сказал директор после короткого раздумья. — Я бы выразился определеннее. Но строго между нами. Вы понимаете? Строго. Впрочем, извините, не мне вас учить, что такое государственная тайна. Но вы тоже должны понять — меня никто не уполномочивал с вами делиться. Это, так сказать, моя личная инициатива. И от того, какие вы сделаете выводы...

«Так, — подумал Гусев. — Вот теперь все ясно. Теперь я понимаю, отчего старик так вытаращил глаза тогда на кладбище, когда я его спросил насчет отстрела выбраковщиков. Он просто ничего не подозревает. Чересчур велик и слишком инертен для того, чтобы войти в группировку, которая намерена заново поделить власть и собственность. Интересно, он воспринял мои предупреждения всерьез? Сомневаюсь. Но тем не менее старый хрен всегда старался меня защитить, даже когда опасность бывала гипотетической. Ведь сразу предложил исчезнуть из страны, тут же! А поняв, что я за границу не сбегу, решил хотя бы спасти меня от вероятной пули и капнул на мозги директору. А директор, оказывается, знает гораздо больше. И хочет сейчас на всякий случай прикрыть свою задницу. Ведь неизвестно, кто еще одержит верх в кремлевских разборках, — а директор раздолбая Пэ Гусева в любом случае прикарманит. И радостно сдаст его победившей стороне.

В одном директор прав — АСБ ликвидируют. Агентство свое отработало. И слава богу, наверное. Хватит. Еще годик на маршруте, и Пэ Гусев окончательно сойдет с ума. Пора завязывать.

Но главный вопрос даже в другом — кто и как именно будет распускать АСБ. Может, действительно забежать в

Кремль и рассказать, как тут со мной директор откровенничал? Предупредить старика, что он не видит заговора под самым носом? Старик действительно очень сдал в последнее время. Да нет, глупости. Я и так дал ему более чем достаточно информации к размышлению. А у него-то самого хватает возможностей докопаться до истины. То же самое Агентство натравить на кого следует. Полчаса элементарного психотропного допроса — и вся правда на поверхности».

— Что? — переспросил Гусев, возвращаясь к реальности. — Ну, что вы там бормочете?

Директор опешил. Перед ним сидел неожиданно другой Гусев, совсем не тот, который только что мялся, делал большие глаза и разыгрывал из себя безответственного папенькиного сынка. Этого Гусева, настоящего, хорошо знали подонки, которых он «прихватывал» на маршруте. Но директор, разумеется, нет. Да и не предполагал даже.

— Говорите что хотели, — приказал Гусев. — Ну?!

— Э-э... — протянул директор. — Однако. Ну, в общем, я хотел пояснить, что тот самый вагон, как вы очень хорошо сказали... Конечно, в нем может оказаться тесновато. Но я не исключаю возможности... Что его просто отцепят от поезда.

И посмотрел Гусеву в глаза — кристально честным взглядом человека, который выдавил-таки из себя ровно столько правды, сколько был в состоянии.

«Вам что-нибудь известно о времени отправления поезда?» — чуть было не ляпнул Гусев, но удержался. Это был бы уже перебор. Директор на такие откровения не пошел бы. Да и не знал он, наверное, деталей. В самый последний час ему позвонят и скажут — начинай. И всемогущее АСБ начнет «самоочищаться» от неуправляемых и опасных ветеранов, неспособных «поглядеть в глаза реальности». Агентство парализует себя, превратившись на время в замкнутую систему, которая будет слишком занята, чтобы выполнять приказы извне.

И как-либо влиять на происходящее вокруг.

А когда все кончится, выживший молодняк переведут в охрану чего-нибудь — хотя бы бывшего ГУЛАК, который станет каким-нибудь «Главресурсэкспортом», а на дверях головного офиса сменят вывеску.

И я, отсидевшийся в кабинете, останусь навсегда один.

Меня ждет одиночество в сто раз страшнее, чем то, в котором я пребываю сейчас.

Ведь меня даже не убьют — зачем? И не сошлют, и не спрячут.

Человека, который так легко предал своих, умнее использовать.

Я еще поживу — но какой ценой?!

— Ясно, — сказал Гусев. — И сколько же платят заведующему отделом в ранге замдиректора?

Директор расцвел:

— Не так уж много. Раза в три больше, чем вы зарабатываете на маршруте. Но зато и риска никакого. Вы меня понимаете?

«Да что ты заладил: *понимаете, понимаете*... Хуже Мышкина, ей-богу. Тот хоть придуривается, а ты-то нет. Всего лишь стараешься быть многозначительным».

— А в перспективе... Впрочем, я вам уже говорил.

— Мне очень понравилась ваша формула «Дать Гусеву всё», — с мягкой улыбкой сообщил Гусев. — Я был польщен до глубины души.

— А мне очень понравился ваш поступок, — с видимым облегчением расплылся директор. Трудные переговоры закончились, началась положенная по протоколу светская беседа, директор своего добился и был теперь, похоже, счастлив. — Я в курсе, что вам пришлось настаивать на своем. Этот юноша дознаватель оказался не в меру ретив и совсем недальновиден.

— Я, слава богу, уже не юноша. Бывают моменты, когда интересы Агентства расходятся с буквой закона.

Директор от восторга чуть не подпрыгнул.

— Кстати, я не один такой в Центральном, — сообщил Гусев.

— Какой? — напрягся директор.

— Сообразительный. И если вас интересует мнение частного лица...

— Еще бы!

— ...то методика реструктуризации нашей фирмы — ну, с отцеплением последнего вагона — может оказаться несколько э-э... расточительной.

Директор с облегчением нахмурился. Именно так — с облегчением. Он-то думал, что Гусев намекает, будто кое-кто тоже догадался о грядущем отстреле.

— У нас будет крайне экономное штатное расписание, — сказал он твердо. — И в нем просто нет места для экспертов по расстрелам на месте.

«Ух ты! — поразился Гусев. — Вот это как бывает, оказывается, когда продашь душу дьяволу. Вот какие начинаются разговоры... Жестко, четко, откровенно».

— Вы меня понимаете? — спросил директор вкрадчиво. — Вы как опытный выбраковщик должны меня понять. Вам же приходилось браковать своих, не так ли?

«Спасибо, напомнил!»

— Этой весной я забраковал двух своих ведомых, — сказал Гусев надменно.

— Да, я знаю. Вы поймите меня, Павел Александрович, я тоже не людоед. Я всего лишь реалист. Человек, который пробыл на маршруте больше трех лет кряду и тем более — принимал участие в специальных операциях... Вы же знаете, кто он. Эти люди неустойчивы, их понимание своей роли в обществе чересчур своеобразно. Они слишком долго ходили по грани между добром и злом.

— Я хожу по этой грани пять лет, — напомнил Гусев. — Ладно, хватит. Это все эмоции, простите. В одном я с вами согласен — нужен здоровый реализм. И с позиции здорового реализма... Сколько у меня времени на размышление?

— Понимаю, — кивнул директор. То, что Гусев может отказаться, ему, похоже, и в голову не приходило. «Время на размышление» просто входило в правила игры. — Понимаю и не осуждаю.

— Подготовиться. Свыкнуться с мыслью.

— Мы с вами сработаемся, Павел Александрович.

— Уверен.

— Постарайтесь дня за три.

— Неделя.

— М-м... Хорошо, неделя. Позвоните моему помощнику, скажите, что готовы к работе, и он тут же спустит в Центральное приказ о вашем переводе. А вы сдавайте дела, и на следующий день милости просим. Кабинет уже обставлен, персонал тоже на местах.

— Ах вот как...

— Да, отдел уже работает. Очень толковый заместитель, весьма компетентный молодой человек. Фактически вам нужно только занять свое место и потихоньку, без лишнего напряжения...

— Хорошо бы. Устал напрягаться.

— Да что вы! — замахал руками директор. — Итак, я жду звонка.

Гусев встал и церемонно раскланялся. При этом у него из-за пояса чуть не выпал «макаров» — кургузый пистолетик выдавило наружу гибким сегментом «комбидресса» на талии. Гусев уже забыл, когда в последний раз выходил из дому без брони.

— Всегда при оружии... — пробормотал директор пафосно. — Всегда на посту... Тяжело будет отвыкать, наверное. Вы не поверите, дорогой мой, как я глубоко понимаю все эти проблемы. Я ведь тоже когда-то... Да-а...

— Рад был познакомиться, — сказал Гусев, запихивая пистолет глубже.

— А я как рад! Будет случай — передайте нижайший поклон Александру Петровичу.

— Непременно.

— Ну, до встречи с вами в новом уже качестве...

— До встречи. — Гусев усилием воли остановил поток взаимных уверений в совершеннейшем почтении и выскочил за дверь.

— Ну, как ты? — спросил Корнеев с тревогой в голосе, вскакивая и оглядывая Гусева с ног до головы, когда тот показался в приемной.

«Ох, не купишь ты меня, Корней! Тоже хитрец нашелся. Как услышал про бронебойные, сразу понял, что я почуял опасность. Но с чего ты взял, что я тебя резко полюблю и, если опасность действительно навалится, — предупрежу? Разве что дочку твою больную пожалеть...»

— Я — замечательно, — сказал Гусев, отечески хлопая Корнеева по плечу. — Ну-с, коллега, поехали в Центральное. Вылечим шефа от излишней заносчивости. А то он в последнее время стал многовато брать на себя!

— Я так и думал! — воскликнул Корнеев. — Я именно так и думал!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Массовые казни — испытанный способ остаться в памяти потомков; до сих пор большинство устных преданий о Дракуле сохранилось именно в цыганских таборах.

Назад, в Центральное, Корнеев поехал нормальной дорогой, через Бульварное кольцо, чем очень Гусева расстроил. После встречи с директором поводов для размышления набралось дальше некуда. Гусев приветствовал бы любую задержку в пути. И когда на подъеме в двух шагах от Петровки «двадцать седьмая» влипла в пробку — искренне обрадовался.

Корнеев, напротив, по пояс высунулся в окно.

— Что за ерунда... — пробормотал он. — Никакого шевеления. Пэ, ты видел когда-нибудь такое на Бульварах?

— В прошлом веке, — лениво бросил погруженный в себя Гусев.

— Сходить посмотреть? — Корнеев дернул ручник, включил передачу и заглушил двигатель.

Гусев тяжело вздохнул и полез в «бардачок» за компьютерной панелью. Вывел на монитор карту города. И от удивления чуть не вывихнул себе челюсть.

На схеме перекрестка было пять... шесть... Нет, гораздо больше красных точек. И много синих. Маркер в виде крошечного автомата показывал — здесь стреляли, причем очередями.

— Корней, — выдавил из себя Гусев. — Похоже, мы застряли.

Он прыгнул с карты в оперативную сводку. Никаких деталей. Просто стрельба из автоматического оружия десять минут назад. Милиция уже на месте. АСБ к расследованию инцидента не привлекается. «Естественно — не наша компетенция. Наше дело забраковать преступника. Если найдут, кто...»

Гусев подвинул Корнееву панель, и тот в свою очередь тоже широко открыл рот:

— Мама!

— Вот именно. Ну что, полезли?

— Да... — Корнеев принялся судорожно копаться, проверяя игольник.

— Оставь, Корней, — хмыкнул Гусев. — Там всех уже убили.

На перекрестке оказалось форменное месиво из покореженного железа, костей и мяса. Обильно политое кровью. Гусев тяжело сглотнул, позади тихо охнул Корнеев. Похоже было, что машины едва успели тронуться на зеленый, и тут кто-то с тротуара принялся по ним стрелять. По всем сразу, поливая огнем от живота, не имея конкретной цели.

Милицейское оцепление гоняло зевак. Вокруг раскуроченных автомобилей образовался целый муравейник — белые халаты, серая форма, гражданская одежда, — все слилось в одну копошащуюся массу. Несколько «Скорых», отчаянно воя, пытались выбраться с перекрестка, и еще множество сирен, закладывая уши, надвигалось со всех сторон. Адский шум заглушал стоны раненых.

И хруст битого стекла под ногами.

На единственном свободном участке тротуара, где остановились выбраковщики, образовалась все-таки небольшая толпа. Приходилось все время тянуть шею. Гусев пробрался к светофору, чуть-чуть подтянулся на гладком столбе и попытался охватить картину происшествия целиком. Где-то он что-то подобное уже видел.

Очень много битого стекла.

Весь перекресток в кровавых следах — там, куда еще не натекло, кровь занесли на ботинках.

«Нет, — подумал Гусев. — Я такого не видел».

Слышал. Читал. Думал.

Саратов.

Парень с автоматом, расстрелявший трамвай.

Какой-то подонок, нацепивший на грудь имитацию аэсбэшного значка.

Провокатор.

Кто-то подергал его за полу куртки. Гусев удивленно посмотрел вниз. Там оказался Корнеев с немым вопросом в глазах. Гусев совсем забыл, что не один здесь.

Расстрелянные машины не успели разогнаться и сбились в кучу, только одна вылетела на бульвар и въехала на

площадку летнего кафе — наверное, мертвый уже водитель нажал на газ.

«И то хорошо — никого не подавили».

Гусев решительно прошел сквозь толпу и оказался нос к носу с милицейским сержантом. У парня был такой вид, будто его сейчас одновременно вырвет и пробьет на слезу. Гусев огляделся и нашел человека покрепче, немолодого усатого толстого старшину.

— Кто стрелял? — Гусев показал старшине значок.

Он ждал какой угодно реакции, но только не той, что последовала. Глаза милиционера округлились, а на щеках проступили красные пятна.

— Пошел на х...й! — прошипел старшина. Усы его встопорщились, и он стал похож на разъяренного моржа.

— Ты чего?! — обалдел Гусев.

— Я сказал — пошел на х...й! — Старшина опустил руку на кобуру. Гусев быстро сдал назад и вдавил спиной в толпу прячущегося за ним Корнеева.

— Что такое? — удивился тот. — Не пускают?

— Момент. — Гусев отодвинул его и почти бегом кинулся на другую сторону бульвара, где мелькали офицерские погоны. Корнеев, видимо безоговорочно приняв его старшинство, тяжело пыхтел над ухом.

На углу возбужденно размахивали мобильными рациями как минимум десять полковников и целая стая чинов поменьше. Гусев сунулся было к ним, но его ухватил за шиворот очередной сержант.

— Вам нельзя, товарищ уполномоченный, — сказал он подчеркнуто сухо.

— Еще как можно. — Гусев попытался вырваться.

— Нет. Приказ министра. АСБ не допускать.

— В гробу мы вашего министра видали, у нас свой не хуже... — пробурчал Корнеев.

— Помолчи, Корней. Сержант, ты что-нибудь знаешь?

— Нет.

Гусев поднял руку, пытаясь хоть так привлечь к себе внимание. Повезло — к оцеплению выскочил раздраженный майор.

— Я старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Гусев. Скажите, пожалуйста...

— Исчезни, — приказал майор.

«И у этого тоже глаза такие, как будто он в меня сейчас выстрелит, — отметил Гусев. — Неужели я прав и тут повторился саратовский вариант? Чтобы мне, выбраковщику, какой-то майоришка, который меня раньше никогда не видел, говорил «Исчезни!»?»

— Я же сказал — приказ министра, — пробурчал сержант, оттирая Гусева от майора, который сверлил выбраковщиков очень недобрым взглядом.

— Два слова, — попросил Гусев. — Это был человек со значком АСБ?

— Никаких комментариев, — процедил майор и ушел.

— Сержант! Это был человек со значком АСБ?!

Сержант коротко оглянулся на начальство и почти незаметно кивнул.

Гусев почувствовал, как почва уходит из-под ног. Корнеев ухватил его за плечо.

— Уходим, Корней, — сказал Гусев.

— Господи, да что же это такое...

— Уходим. Ты лучше подумай, как нам машину из пробки вытащить. Не на руках же ее нести... Ладно, дворами пролезем.

— Да как ты можешь...

— Что я могу?!

— Тут же такое... Такое...

— Успокойся, Корней. Мы уже ничего здесь не можем сделать. Пойдем, ну же! — Гусев плотнее запахнул куртку, чтобы невзначай не сверкнуть нагрудным знаком. Чересчур заметным.

Опасно заметным — теперь.

Валюшок сидел в «рабочей», положив ноги на гусевский стол, и пускал дым в потолок. Увидев своего ведущего не только без пулевого отверстия в голове, но даже и без наручников, он вскочил и кинулся к Гусеву через всю комнату:

— Ну, ты как?! А?!

— Поживу еще, — скромно ответил Гусев. — Что-нибудь слышно про стрельбу на Петровке?

— Да кто ж мне скажет... Кстати, инструктор по стрелковому заходил, тебя искал.

— Странно. Мог бы и позвонить.

— Значит, не захотел.

Гусев прищурился и ткнул Валюшка кулаком в плечо.

— Дельная мысль, — сказал он. — У нашего Вильгельма Телля крысиное чутье на пробоину в борту. Давай-ка, Леха, перестрахуемся. С этого момента по радио — никакой лишней болтовни. Только строго по делу. А то ведь нас подслушать — задача простейшая, было бы желание. Ладно? Чем тут занимался без меня?

— Соболезнования принимал.

— Издеваешься? — не поверил Гусев.

— Ни в коем случае. Пол-отделения сбежалось. Данилов сказал — если что, в свою группу возьмет. Бывает, мол.

— Значит, гады, хоронить меня собрались... — вздохнул Гусев и помрачнел.

— Вроде того, — согласился Валюшок, немного смутившись.

— Выбраковщики... — Гусев выглядел не на шутку расстроенным. — Трусы поганые. Было время, они этих министров пинками из кабинетов выпроваживали. А теперь, стоило одному нормальному человеку поставить козла на его законное место, сами расстрела ждут. Н-да, подгнило что-то в Датском королевстве. Вот поэтому и ворье уцелевшее в город возвращается. Кто-то уже лохотронщиков на улице видел... А дальше что? Цыгане обратно через границу попрут?! Тьфу! Знаешь, был у нас такой народ — цыгане?

— Ну...

— Которым вроде как бог воровать разрешил?

— Ну...

— Вот они и воруют себе по-прежнему. Только уже не здесь. Как же их гнали отсюда, Леха! Это просто была песня какая-то. Агентство всю страну на уши поставило. Создали цыганам такие невыносимые условия жизни, что их как ветром сдуло. Мелюзга сама разбежалась, а тех, у кого особняки были по полмиллиона долларов, за ушко да на каторгу. Понимаешь, Леха, это ведь удивительно просто — выбить подчистую одну четко обозначенную социальную группу. Идешь в Останкино и говоришь населению: так и так, с послезавтрашнего дня объявляю цыган врагами народа. Потому что они, сволочи, мало того, что ворье и попрошайки, так еще и наркотой торговать навострились. А кто даст цыгану денег — тот, значит, не желает родине добра. И привет горячий.

— Да, так примерно и было, — согласился Валюшок. — Я помню.

— Ничего ты не помнишь. — Гусев помотал головой. — Потому что так на самом деле не было. Цыганская диаспора пустила в стране очень глубокие корни. И мы на одном только Киевском рынке забраковали пятерых ментов, которым местные цыганки дань платили. Явились туда с облавой — а эти гаврики, видишь ли, защитить решили своих подопечных от произвола АСБ. А в целом по стране...

— Ты мне что-то хочешь сказать?

— Наверное. У выбраковки нет таких корней, Леха. И если завтра маразматика Литвинова заставят выступить по телевидению и объявить нас с тобой врагами народа... Увидишь, что будет.

Валюшок поежился. Он уже привык верить Гусеву во всем, но сейчас его ведущий, кажется, хватил лишку.

— Что делать-то будем сегодня? — спросил Валюшок, стараясь вернуть мысли Гусева в нормальное русло.

— Пока ничего. Мне сейчас к шефу на доклад — это еще полчаса минимум. Дальше не знаю. Надоело попусту по маршруту шляться. Может, к тому же Даниле на усиление попросимся. У него вроде бы перестрелка наклевывается. Ты не против?

— Да я что...

— Вот именно — что?

— Что?

— Я спрашиваю — чего ты хочешь, суперагент Валюшок?

Валюшок очень комично свел глаза к переносице.

— Пэ, не злись, — попросил он.

— Да я и не злюсь. Черт! — У Гусева вдруг неприятно задергалась щека. — Решать надо, Леха. Что-то надо решать.

— Ну и решай, — согласился Валюшок.

— А ты?

— А я — с тобой. Буду согласно инструкции держать ведущему спину.

Гусев сплюнул под ноги, резко повернулся и ушел. Валюшок укоризненно посмотрел ему вслед.

— Ну? — спросил шеф. — Уходишь?

— Директор звонил?

— Представление на тебя пришло только что.

Гусев тяжело опустился в кресло и закурил. Шеф последовал его примеру. Вид у начальника отделения был так себе.

— А если я не уйду? — предположил Гусев.

— Ну и дурак.

— А все-таки?

Шеф пыхтел сигаретой и глядел пустыми глазами куда-то Гусеву через плечо.

— П...ц нам, — сказал он после короткого размышления. — Не сегодня, так завтра. На х...й тебе здесь оставаться? Шальную пулю в голову захотел? Уходи, пока жив.

Гусев закряхтел и уселся прямее.

— Я не смогу никого забрать с собой, — пробормотал он. — Ни вас, ни кого-то еще. Даже Лешку моего и то не получится.

— Спасибо, что предложил, — хмыкнул шеф. — То-то я все жду не дождусь, отчего это Гусев меня в головной офис не приглашает? В денщики к себе, любимому. В ординарцы.

— Хватит, — попросил Гусев.

— Ты знаешь, мне даже как-то легче стало после этой провокации сегодняшней, — признался шеф. — А особенно — с того момента, как на тебя запрос прислали. Я раньше сидел и думал — когда? А теперь все ясно. Можно наконец-то отдохнуть. Так меня зае...ла выбраковка, слов нет. Отдохну хоть немного, пока... Пока не придут.

Гусев раздавил сигарету в пепельнице и вытащил новую. Курить хотелось просто взахлеб. Он бы и водки сейчас выпил.

— И от тебя отдохну, — сообщил шеф. — Вытащили занозу из жопы, забирают драгоценного Гусева к е... матери!

Гусев хотел было возмутиться, но решил повременить. Он никогда еще не заставал шефа в таком жутком душевном раздрызге, и ему стало просто по-человечески интересно. Даже забавно.

— За стажера не переживай, его Данилов возьмет. Да ты и не переживаешь, я вижу. Тебе это, мать твою, недоступно. Ты же у нас железный человек, настоящий чекист. Как это там... Длинные руки, холодные ноги...

— Большие голубые глаза, — подсказал Гусев. — Оставьте, босс. Я же сказал — я никуда не уйду.

— Чего-о?! — взревел шеф.

— Молчать!!! — Гусев подал команду так жестко, что шеф оплыл в кресле и ошарашенно вытаращился.

Гусев встал. Он вошел в этот кабинет подавленный и угрюмый, но теперь в каждом его движении сквозила непререкаемая воля.

Шеф немного пришел в себя и теперь с глубочайшим интересом ожидал продолжения. Он привык, что Гусев язвит и выпендривается. Ему и в голову не приходило, что этот тип может вдруг начать распоряжаться.

Любого другого шеф в два счета выставил бы за дверь. Но Гусев шел по особому списку. Во-первых, они были почти друзьями. А во-вторых... Это был Гусев, человек, одной ногой стоящий в мире сильных и властных, но почему-то решивший, что с нормальными людьми ему лучше. Трудно было такого не уважать. И не прислушаться к его мнению, когда надвинулась беда.

— С этого момента, — произнес Гусев резко, — все силы бросить на оборону. Всем группам, выходящим на маршрут, поставить задачу в первую очередь беречь себя. Любой заказ на специальную операцию рассматривать как возможную ловушку. Подготовить здание к отражению атаки. Конечно, такой вариант сомнителен, нас должны отлавливать поодиночке, но тем не менее... Внешнее контрнаблюдение, ну, все, что положено, — вы это знаете гораздо лучше меня. И патроны бронебойные — каждому.

— И пару танков со склада выписать, — не удержался шеф.

— Еще... — Гусев сделал вид, что подначку не расслышал. — Я бы на вашем месте провел экстренное совещание ведущих и начальников групп. У нас достаточно специалистов, чтобы просчитать возможные ходы противника. Идеально было бы не отпускать людей по домам. Идеально. Только слишком заметно...

— Дон решил — пора залечь на матрасы? — осведомился шеф.

— ...И, конечно, попробовать наладить взаимодействие с другими отделениями. Выяснить, какие настроения за пределами Москвы. Если заваруха действительно начнется, то это произойдет в течение ближайшей недели. Думаю, будет как минимум еще одна провокация. Нужно готовиться. Я по-прежнему в вашем распоряжении и могу в случае чего надавить на остальных. Так что не раскисайте, а действуйте. И быстро.

— Это кто приказывает? — спросил шеф.

— Павел Гусев, — сказал Гусев и вышел за дверь.

В вестибюле Гусева окликнул дежурный:

— Пэ, зайди в оружейку. Инструктор говорит, нужно посмотреть твою пукалку. У тебя ведь был перекос на днях?

— Ничего себе — на днях...

— Ну, значит, до него только что дошло. Он совсем какой-то прип...зднутый стал. Кстати, с грядущим повышением тебя.

— Угу, — кивнул Гусев и направился в подвал. Оттуда доносился негромкий сухой треск — как будто грызли, набивая полный рот и давясь, чипсы «Московские». Гусев вспомнил, что сегодня не обедал, и ему сразу захотелось есть.

Конечно, инструктор не чипсами баловался. Он сидел на стуле в одной из стрелковых ячеек и, положив ноги на стол, постреливал из незнакомого Гусеву короткоствольного автомата. Небрежно так, с одной руки. Из мишеней летели клочья.

Гусев осторожно приблизился, думая, как бы поделикатнее о себе заявить, чтобы не нарваться на пулю. Но инструктор почуял его приближение спиной. Обернулся, снял наушники, положил автомат на колени и поманил Гусева пальцем. Тот разглядел неподалеку кресло на колесиках, подкатил и сел рядом.

— Здорово, — сказал инструктор. — Какие новости? Уходишь?

— На кого же я вас брошу? Остаюсь, конечно.

— Ага... — Инструктор сразу повеселел. — Помнишь, был у нас с тобой разговор... Ну, ты помнишь.

— Насчет свалить по-тихому в Африку?

— Далась тебе эта Африка. Там, между прочим, белому человеку затеряться гораздо сложнее, чем в Латинской Америке.

— Это у меня, наверное, романтические грезы детства. Всегда мечтал увидеть снега Килиманджаро.

— А другие снега тебя не интересуют? Монтана не подойдет?

— Мне надоели холода, — честно признался Гусев, внутренне напрягаясь. — Я стал очень трудно переносить зиму. Возраст, знаешь ли.

— Тогда будешь из Флориды ездить в Монтану кататься на лыжах. А потом снова на побережье. По-моему, замечательно.

— Рассказывай, — попросил Гусев. — Хватит рекламы. Говори о деле.

— Ты понимаешь, насколько это серьезно? — Инструктор выразительно помахал автоматом.

— Если проболтаюсь, ты меня убьешь, — легко согласился Гусев. Ему было на самом деле все равно, какую такую сделку предложит отставной контрразведчик. Гусев заранее решил отказаться. А послушать... Было просто интересно. Никогда еще Гусеву не намекали так откровенно на возможность продать родину в обмен на жизнь. И закладывать инструктора он не собирался. Какой смысл?

— Нет, дорогой мой, — сказал инструктор ласково. — Я тебя застрелю, если только почувствую, что ты в принципе можешь проболтаться. Малейшее подозрение — и конец беседе.

— А психотропный допрос? — улыбнулся в ответ Гусев. — Сам знаешь, что бывает, когда один выбраковщик убивает другого.

— Не успеют, я буду уже далеко.

Гусев фыркнул.

— Ну и ладно, — сказал он. — Кстати, оружие мое у тебя?

— Угу. Потом заберешь.

— Тогда рассказывай.

Инструктор снова поиграл автоматом.

— Для начала статус политбеженца. Деньги, жилье, охрана. Потом, если захочешь, новые документы, новое лицо, все, что можно по программе защиты свидетелей.

— И против кого я должен свидетельствовать?

Инструктор бросил нервный взгляд через плечо — наверное, ему что-то померещилось.

— Ты ведь знаешь, кто именно придумал выбраковку, — глухим шепотом произнес он, подаваясь к Гусеву всем телом. — И как эта идея просочилась в Кремль, к нашим дуракам, которые самостоятельно даже велосипеда не изобретут. И к каким именно дуракам идея попала в руки, ты тоже наверняка знаешь. Кто делал проекты указов — Сто второго и Сто шестого. Кто толкал эту разработку. Ты же все знаешь, Гусев. Расскажи об этом — и к тебе не будет никаких претензий, тебя еще и героем объявят.

— Кто именно объявит? — спросил Гусев.

— А ты не догадываешься?

— Правительство Соединенных Штатов?

— Я этого не говорил.

— Значит, они хотят иметь надежный компромат против режима Литвинова... Что ж, естественно. Но хватит ли для этого голоса одного человека?

— Ты даже не представляешь, как мало для этого нужно. Только несколько слов правды. Но твоим голосом, Пэ. Ты ведь у нас не просто выбраковщик, а Павел Гусев. Расскажи — и наконец-то вырвешься отсюда. Разве ты этого не хочешь?

— Допустим, хочу. Всегда хотел. А твой-то какой здесь интерес?

— Мы уйдем вместе. Можем прямо сейчас, можем чуть погодя. Но желательно не позднее завтрашнего утра. Понимаешь, они собирались кого-то спешно эвакуировать и этот коридор готовы отдать нам.

— А без меня, значит, ты им не нужен...

Инструктор сделал каменное лицо, и Гусев понял, что угадал.

— Попробуй выбраться сам, — мягко сказал он. — Спасибо тебе большое, но я отсюда никуда не уеду. Не могу бросить наших в такой кризисный момент.

— Второго шанса не будет, — прошипел инструктор. — Лови удачу, Пэ, не будь дураком. Ты же в Союзе как в клетке. Пусть она у тебя и золотая, наверное...

— Ошибаешься. Моя жизнь такое же говно, как и у всех прочих.

— Тем более! — оживился инструктор. — У Союза никаких перспектив, он скоро загнется, ты это сам отлично понимаешь. Фашистские режимы подолгу не держатся. Но на твой век бардака хватит. Давай хоть остаток дней проживи как свободный человек!

— А я и есть свободный человек, — сказал Гусев твердо, вставая. — Еще раз спасибо за предложение, но мне оно не подходит. Где мои пушки?

Инструктор раздраженно зарычал, но тоже поднялся на ноги.

— Я жду твоего звонка до рассвета. Подумай. Очень надеюсь, что ты примешь умное решение. Какого черта, Гусев! На хрена тебе расплачиваться за чужие грехи?! Кто тебе этот Птицын... Которого на самом деле не было... Или ты очень любишь старшего Гусева?! Не надо, только мне не п...ди. Ты же их всех ненавидишь, этих людоедов! Думаешь, никто не догадывается, зачем ты пошел в АСБ?!

— И зачем? — спросил Гусев с интересом.

— Потому что ты мечтал их самих забраковать! — выдал инструктор. — Надеялся, что Агентство действительно поубивает всех сволочей в этой блядской стране! Разве не так?

— Господи! — взмолился Гусев. — До чего же вы мне все надоели! Да ни на что я не надеялся! Мне просто нужно было отдать старый должок.

— Какой? — жадно поинтересовался инструктор.

— Пушки мои верни, тогда скажу.

— Да вот они, в ящике...

Гусев покопался в указанном ящике, нашел свое оружие, придирчиво его осмотрел и рассовал по кобурам. «Макаров» он переложил в карман.

Инструктор томился в ожидании. Гусев шагнул к нему вплотную и прошептал в самое ухо:

— А перед собой должок. Ни перед кем больше. Совестливый я очень. Вот так-то...

И ушел, оставив инструктора в расстроенных чувствах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Отношение к памяти Дракулы на родине совсем не такое, как в Западной Европе. Не то чтобы его считали национальным героем, но уважение к нему несомненно, и сегодня Влад считается одной из ведущих исторических фигур эпохи национального становления страны.

Гусева сцапали в шестнадцать десять, прямо на дороге. Он как раз ехал на диагностику — чрезмерно форсированный двигатель «двадцать седьмой» был капризен, и за ним

полагалось внимательно следить. Гусев беззаботно курил, стоя на светофоре, когда с трех сторон его блокировали угрюмые черные джипы.

Гусев еще толком не понял, что случилось, а рука его уже дернула под сиденьем чеку аварийного маяка. Почуяв неладное и оценив расклад сил, выбраковщик повел себя единственно верным образом — не стал хвататься за оружие и вообще нарываться на стрельбу по себе, драгоценному, а просто метнул в эфир сигнал тревоги и сдался на милость победителя. Его выволокли из машины, уперли ствол в висок, сковали руки за спиной и небрежно швырнули в багажник.

«Вдесятером на одного — что за чертовщина?!» — только и успел подумать Гусев, когда его тюкнули по затылку и сознание отключилось.

Джипы взвыли сиренами, включили мигалки и бешено рванули с перекрестка, чуть не переехав высунувшийся слева под «стрелку» вишневый «Порше». Один из нападавших запрыгнул в «двадцать седьмую», бросил на заднее сиденье объемистый чемодан и умчался следом.

Ошарашенный Валюшок протер глаза — ему показалось, что он сходит с ума. Они с Гусевым должны были встретиться в ста метрах отсюда, под загадочной, но от того приметной вывеской: «Православное братство священномученика Епидифора. Оптовый склад». Гусев пообещал договориться на аэсбэшной станции техобслуживания, чтобы Валюшку по-фирменному заклеили треснувший передний спойлер.

Пожалуй, не случись у похитителей такой накладки, Гусеву в этот день пришлось бы хуже некуда.

Гусев очнулся в незнакомом помещении, явно подвальном, намертво привязанный к стулу и совершенно ничего не понимающий. В глаза била ослепительная лампа, вокруг сновали какие-то незнакомые люди.

«Это не наши, — сообразил Гусев, мучительно стараясь припомнить, каким ветром его сюда занесло. — В наших допросных обстановка скорее медицинская. Ой-ей-ей. Наверное, бить станут».

— Очухался? — спросил его некто, прячущийся за режуще ярким лучом. — Ну, привет. Фамилия?

— Где я?

— Фамилия!

— Пошел на х...й, — ответил Гусев с надлежащим реплике высокомерным достоинством. Нет, он не помнил, как его взяли. Помнил, как проснулся, как созвонился с Валюшком, как сел в машину... Дальше шли только неясные обрывки. «Наверное, удар по голове. Вот сволочи!»

Собеседник усмехнулся, и тут же Гусеву кто-то такой же невидимый так звезданул в ухо, что даже вскрикнуть не получилось. Будто кувалдой врезали — тяжелый мощный тупой шлепок. С пострадавшей стороны наступила глубокая и неприятно мягкая по ощущениям тишина.

Гусев осторожно поднял голову с плеча, на которое ее обрушил удар. Он не расстроился и даже не разозлился. Ему просто стало мучительно обидно.

«За что?! Вы хотя бы скажите, гады, — за что?!»

— За что? — выдавил он.

— Фамилия!

Невольно Гусев припомнил свой недавний разговор с покойником по кличке Писец. И, сам того не ожидая, в очень похожей манере ответил:

— Может, тебе еще и пое...ть завернуть?

«Вот в такие моменты и понимаешь, что ты — носитель великой русской культуры». Гусев почувствовал, что его потихоньку разбирает нервный смех.

На этот раз бить его не стали, просто затушили сигарету о кисть руки. Оказалось вполне терпимо, но еще обиднее, чем раньше. Гусев зашипел, как очень большая гадюка в брачный период, и метко плюнул в обидчика, плечистого мужика в дорогом костюме.

Мужик, похоже, рассердился, потому что двинул Гусеву в глаз. Поле зрения мгновенно сократилось, в голове зазвенело. Мужик пропал — наверное, утираться пошел.

— Фамилия! — орал невидимка.

«А то ты не знаешь! Черт, нужно было в свое время слушать шефа внимательнее, он же рассказывал, как строится классический допрос... Ладно, справимся. Главное — идти вразрез их тактике. Если я сейчас честно отвечу, мне будет легче раскалываться дальше. А я, мать-перемать, не отвечу, и все тут. Болтать согласен, поддаваться нет. Конечно, интересно, чего им от меня надо. Только вот гораздо интереснее, успели менты сесть им на хвост или нет. А если они сами — менты?!»

— Отвечать! Как фамилия?!

— Name's Bond. James Bond.

Комбидресс с Гусева не сняли, и это придавало наглости. Все-таки ему, кажется, не собирались прищемить дверью яйца или вырезать на груди неприличное слово. Как минимум — пока не собирались.

Действительно, ему всего лишь снова засветили по тому же глазу, выбив из глотки короткий задушенный всхлип. «Спешат. Через пару минут получилось бы куда больнее. Суки, окосею ведь. Но то, что спешат, — хороший знак. Кто же это?»

— Послушай, чего ты добиваешься? — спросил невидимка. — Отвечай, и мы тебя, может быть, не убьем. Может быть.

Гусев вслепую плюнул на голос, но, кажется, промахнулся.

— Да я застрелю его сейчас! — рявкнул мучитель, и Гусеву в зубы, основательно раскровенив губу, воткнулся ствол пистолета. Клацнул, вставая на боевой взвод, курок. Во рту стало неприятно сладко.

— Не спеши, — попросил невидимка. — Он же умный, он будет говорить. Правда? Ты будешь говорить, и мы тебя, может быть, отпустим.

— Ни хера мы его не отпустим!

— Спокойно. Я здесь командую. Эй ты, скажи мне что-нибудь! Например, имя, фамилию, звание.

— Страшный прапорщик Хуев, отдельный десантно-мародерский батальон! — отрапортовал Гусев. Он все отчетливее чувствовал приближение серьезной и неодолимой истерики. «Наверное, так будет даже лучше. Черта с два они от меня чего-нибудь добьются, если я сорвусь и начну визжать, брызгая слюной. Только уж очень это будет... Недостойно как-то».

Ему несколько раз дали по зубам и, кажется, порвали щеку. Лицо теряло чувствительность, перед глазами все плыло, сознание туманилось. Гусев извивался и шипел — реакция на уровне инстинкта, с ней он просто не мог спра-

виться, — но не издал ни одного сколько-нибудь отчетливого крика. Примерно так же с ним было, когда его в армии колошматили «деды». Он чувствовал такое бешеное моральное превосходство над этими сирыми и убогими, что просто не мог показывать им, как ему больно и страшно. Позднее Гусеву самому не раз приходилось ломать клиентов о колено, и он только утвердился во мнении, что по-настоящему сильная личность никогда не станет мучить слабого и беспомощного. Она его просто запугает. Или перехитрит. Но опускаться до пыток...

Без психотропного допроса, исключающего всякое насилие по определению, АСБ превратилось бы просто в еще одну грязную охранку наподобие гаитянских тонтон-макутов или родного НКВД. Одним из ключевых пунктов легендарного «Меморандума Птицына» была поправка к Уголовному кодексу, допускающая, что свидетельство против себя может считаться доказательством вины. Исключительно — свидетельство, полученное под воздействием психотропных средств, протестированных и одобренных Минздравом.

Раздался треск, кольнуло ногу. Гусев шевельнул здоровым глазом и увидел, что ему распороли ножом брючину. Появился, кровожадно улыбаясь, и присел рядом на корточки давешний мучитель. В одной руке он держал кружку, из которой что-то прихлебывал, в другой — конец электрического шнура с двумя оголенными концами.

Гусев набрал побольше воздуха и смачно харкнул кровью, разукрасив физиономию палача вплоть до полной неузнаваемости. Тот от неожиданности повалился на спину, облился водой из кружки и чуть было не уронил на себя провод. Гусев довольно захохотал.

Ему снова надавали по морде, на этот раз — от души, с воплями и матом. Надо было позволить голове мотаться, демпфируя удар, но у Гусева уже пару минут назад что-то нехорошо хрустнуло в шее, и он боялся смещения позвонков. И так уже натерпелся после того, как несколько лет назад задержанный беспредельщик Кумар попробовал оторвать ему башку. С тех пор Гусев ни одного клиента не взял без предварительной обездвижки — боялся. Разве что вполне безобидного развратника Юрина неудобным оказалось

сразу подстрелить. Что тут же повлекло за собой неприятности.

«Наверное, меня захватили прямо в машине. Успел я включить маяк? Должен был успеть, это рефлекс. Засекли маяк или нет? — размышлял Гусев, стараясь гнать подальше мысли о том, какой в программе допроса следующий номер. — Кто меня взял? Не бандиты, это точно. Контрразведка? Охрана какого-нибудь гада из правительства? Может быть. В любом случае они знают о маяке. Как его нейтрализовать? Допустим, я бы посадил в «двадцать седьмую» человека с помехопостановщиком и угнал ее к черту на рога. Сколько же мне тогда держаться?! Я помню — когда солнцевские захватили по дурости Баранова... Нет, какой, к черту, Баранов, это был Овчинников по прозвищу Бедная Овечка. Героический мужик, случайно оказался свидетелем ограбления банка и один попер на шестерых. Только он сразу чеку сорвал, знал, на что идет. Ненормальный. Так вот, Овечку нашли через полтора часа. Вернее — то, что от него осталось. А что от меня останется через полтора часа? А через два с половиной?»

— Чего ты добиваешься? — спросил невидимка почти ласково.

— А ты? — промычал Гусев.

— Я всего лишь хочу задать тебе несколько вопросов. И чтобы ты не валял дурака, а ответил. Честное слово, мне совсем не в радость смотреть, как тебя уродуют, но ты сам заставляешь это делать. Не понимаю — зачем?

— А я не понимаю, зачем меня уродовать, когда есть пентотал-натрий. Один укольчик, и все, что у меня в голове, — твое.

— Долго ждать, пока сработает. Мы надеялись на сотрудничество. Признаться, не ожидал, что ты настолько глуп.

— Я очень глупый, — согласился Гусев. — Я просто тупица.

— Значит, ты вынудишь применить к тебе серьезные меры. Поверь, мне очень жаль.

— А мне-то! — Гусев выпятил губу, прицеливаясь, но понял, что невидимка стоит за пределами эффективной зоны поражения. Так что он миролюбиво харкнул себе под

ноги. Крови у него во рту хватило бы, чтобы переплюнуть матерого верблюда.

Страшно по-прежнему не было. Только стыдно, противно и унизительно. Почему-то казалось неприличным предстать в таком чудовищном виде перед теми, кто явится на выручку.

Если, конечно, явится.

А так... «Конечно, у меня, как у любого, есть предел. Скоро он наступит. Очень интересно — разговорюсь я все-таки или вконец обезумею? Мне и так уже порядочно свернуло башню. Ишь как уперся! Действительно — что они могут со мной сотворить? Лицо раскурочили — так не мое ведь это лицо, я так и не полюбил его по-настоящему. Зубы выбьют? Все равно половина вставных с той самой автокатастрофы. А всерьез меня калечить у них, похоже, нет приказа. Вот тут-то ваша слабина, подонки. Кому-то я очень нужен живой. Непонятно только, почему меня не схватили утром, дома, пока я спал. Допустим, замок мой вскрывается очень непросто, да и сигнализация тут же оповестит ментовку. Но этим, наверное, с милицией договориться — раз плюнуть. Так чего они ждали? Проклятье, совершенно не помню, как и где именно прошел захват».

На оголенное бедро пролилось что-то жидкое. Гусев склонил голову посмотреть, увидел капельки воды и тут же — те самые оголенные провода. Успел только внутренне сжаться.

Это было как ожог и ударило прямо в душу. Снова хрустнула шея. Гусев невероятным образом изогнулся, ничего уже не понимая и не чувствуя. Его швырнуло куда-то в такую бездну, откуда непросто выкарабкаться, когда боль пройдет.

По-настоящему больно. Чересчур.

Настолько чересчур, что Гусев опять не закричал. Он ждал от себя какой угодно реакции, но то, что произошло, его просто напугало.

Гусев дико, безумно, оглушительно захохотал.

Провода уже оторвались от его тела, а Гусев все подпрыгивал вместе со стулом, мотал головой и страшно ржал, брызгая кровавыми слюнями. Потом он начал отдуваться.

А потом заплывшими, но все равно округлившимися

глазами уставился в направлении луча, который уже не слепил, потому что смотреть было почти нечем, и произнес:

— Ну вы... даете!!!

— Еще хочешь? — услужливо спросил невидимка.

— Конечно! — заорал Гусев. — Конечно, хочу! Почему двести двадцать?! Триста восемьдесят сюда!!!

Его прижгли снова, и он мгновенно вырубился.

Переворот, названный позже «вторым октябрьским путчем», начался в пять вечера субботы. Не самое удобное время для масштабных операций по всему городу, но у путчистов были вполне определенные задачи. Семнадцать часов — пересменка у АСБ, когда в отделения подтягивается максимум выбраковщиков и их можно брать оптом. Брать легко — дневная смена устала, а ночная еще толком не проснулась.

Такого расклада не предполагал даже Гусев со всей своей хваленой тревожностью. Настоящего дворцового переворота он вообще не ждал. И того, что выбраковщиков назначат главными козлами отпущения, — тоже. Ему-то казалось, что «плохих» уполномоченных просто сменят на «хороших», и все. Придут с оружием, скажут лечь на пол... Ему просто в голову не приходило, каким страшным жупелом стала выбраковка в масштабах Союза и как удобно продемонстрировать силу всей стране, учинив в очагах вселенского зла — отделениях — массовый разгром.

Нападавшие появились в лучших традициях Агентства — словно из-под земли. Крепкие молодые парни, натасканные на штурмовку зданий и подгоняемые мыслью о том, что расчищают место для себя, вваливались в офисы и с порога кричали: «АСБ! Вы арестованы, сдайте оружие!» К их великому удивлению, в ответ, как правило, немедленно летела пуля, слава богу — не бронебойная, но все равно очень злая. Тем не менее молодые без особых помех одолели Восточное, Южное, Северо-Западное и Северо-Восточное отделения и почти всех там поубивали. На западе атакующим пришлось туго — идущая с маршрута тройка засекла подозрительные автобусы, стягивавшиеся к офису, и дала сигнал общей тревоги. Но численный перевес сыграл роль — отделение продержалось от силы минут десять.

Юго-запад в полном составе вышел на улицу с поднятыми руками и накидал во дворе гору оружия. Сдавшихся погрузили в автобусы, на которых подкатил штурмовой отряд, и куда-то увезли. Юговосточников, сидевших в отдельно стоящем здании с хорошо простреливаемой территорией вокруг, пришлось выковыривать целых полчаса, и из этого отделения не уцелел никто.

И только в Центральном нападавших ждал неприятный сюрприз. В окнах горел свет, двор битком забили машины — все указывало на то, что здесь полно клиентов. Но внутри офис был совершенно пуст. Только в вестибюле сидела небольшая компания и смотрела по телевизору, как диктор читает обращение к нации.

— Дежурный по отделению старший уполномоченный Корнеев, — бросил через плечо один из зрителей бряцающей оружием толпе. — Не шумите вы так, детишки, я не слышу ни хера, что он там бормочет...

Как известно, на президентские дворцы и прочие крепости, в которых размещается власть, нападают только в двух случаях — либо приезжает на танках собственная армия, которой надоело бездельничать, либо на машине таранит ворота сумасшедший идейный террорист со взрывным устройством в багажнике. Все остальные почему-то считают, что эти объекты слишком хорошо охраняются, и поэтому захватывать нужно в первую очередь банки, телевидение и нервные узлы энергетической системы, прикрытые не в пример хуже.

Той же точки зрения придерживаются и лица, непосредственно отвечающие за государственную безопасность. Традиционно их усилия направлены в основном на выявление потенциальных маньяков-бомбистов и раскрытие антиправительственных заговоров в силовых министерствах. Непосредственной охране зданий и территорий внимания уделяется куда меньше — это системы настолько отлаженные, что в них уже просто нечего подправить. Вроде бы.

На самом же деле гарнизон любой крепости подсознательно чувствует себя припертым к стенке. В случае нападения извне гарнизону просто некуда отступить — только

откатываться все глубже внутрь. Да, атакующих обычно гибнет втрое, а то и впятеро больше, чем обороняющихся. Но если в атаку идут настоящие мастера, ситуация иногда меняется с точностью до наоборот. Удивительно, но после того, как легендарная «Альфа» раскурочила неприступный дворец Амина, ни у кого в голове соответствующий звоночек не прозвенел.

В Центральном отделении АСБ города Москвы особенных специалистов по штурмовым операциям не водилось. Большинство уполномоченных имели, разумеется, боевой опыт, но воевали они давно и успели с тех пор обрасти жирком как в прямом, так и в переносном смысле. Отдел внутренней безопасности Агентства располагал по этим людям исчерпывающими данными и незадолго до путча выдал наверх соответствующий прогноз. Разумеется, в докладной не было сказано, что, когда некоторых сотрудников как следует прижмет, они могут повести себя, будто нажравшиеся мухоморов викинги. И тем более никто не учитывал давно известный факт — в критической ситуации, когда нужно бросаться на амбразуру, психи и отморозки могут сработать не хуже самых продвинутых мастеров.

Не ждал эксцессов и один из ведущих заговорщиков — нынешний директор АСБ, лично курировавший подготовительные работы по выбраковке своих подчиненных «старой формации». Длительное планомерное давление на психику, осуществлявшееся на протяжении всего последнего года, должно было подготовить выбраковщиков к тому, чтобы они заранее смирились с печальной участью отставников и как следует ослабли духом. Служили в Агентстве люди негибкие, зачастую откровенно туповатые. Уполномоченные не должны были догадываться, что их всех ждет силовой захват, а потом — если выживут — обвинение в массовом терроре и геноциде русского народа.

Директор просто не знал, что такое лично выбраковывать собственных напарников и какие после этого интересные мысли намертво застревают в голове.

Что полтораста человек, немолодых уже, много курящих и пьющих, могут броситься на Кремль, путчисты не предполагали. Это как-то не укладывалось в их план захвата власти, да и в схему мышления вообще.

Временное правительство собралось в опустевшем по случаю выходного кремлевском «Первом корпусе» и, слегка нервничая, но очень довольное собой, внимало проникновенному голосу диктора, который уже перечислил страшные прегрешения старой власти и теперь зачитывал поименно состав кабинета, вырвавшего Союз из лап негодяев, коррупционеров и предателей.

Все шло как по маслу.

И действительно — в городе перекрыто движение, милиция на посту, армия готова подавить беспорядки, спецслужбы бдят, Агентство «самоочищается». По сообщениям из краев и областей, там состав АСБ уже полностью заменен, региональные лидеры готовы присягать на верность — им самим надоел до чертиков этот дамоклов меч, — а трудовые коллективы подписывают верноподданнические телеграммы. Какие могут быть случайности?

Только когда охрана испуганно сообщила, что через Боровицкие ворота бегут какие-то сумасшедшие, директор сообразил — Центральное-то отсюда меньше чем в километре и преспокойно может дойти пешком, не привлекая лишнего внимания.

Что оно и сделало. Как только сработал аварийный маяк Гусева, а Валюшок срывающимся голосом сообщил, что, похоже, его ведущего захватила какая-то спецслужба, у шефа сдали нервы. Он решил, что уже все — предсказанная заваруха началась. Поэтому Центральное, само того не зная, опередило путчистов на верных полчаса. Вслед за Валюшком, который осторожно сел похитителям на хвост, послали группу Данилова. На месте оставили Корнеева и еще человек десять с задачей «побольше мельтешить и суетиться» перед глазами трех наблюдателей вероятного противника, которых засекли еще с утра. А само отделение дружно кинулось в подвал и по давно разведанным «на всякий пожарный» теплотрассам уползло аж до Кропоткинской. Некоторые от такой адской физкультуры чуть не отдали богу душу. Потрепанные и очень грязные, но зато донельзя злые, аэсбэшники скрытно выбрались на поверхность через внутренние дворы, отряхнулись и небольшими группками пошли воевать. Заложили крюк, выскочили из-под Большого Каменного моста, растоптали милиционеров-

«вратарей», подорвали динамитом бронированную калитку[1] и оказались внутри главной крепости страны, в которой со времен достопамятного «январского путча» сидели все основные властные структуры.

Ни мощная и хорошо вооруженная Служба охраны, ни Кремлевский полк к такому выкрутасу не были готовы. Охрана по большей части оказалась в разгоне, отлавливая записанных во враги народа депутатов Верховного Совета и министров на загородных дачах. А военные, как ни старались, задержать взбесившихся аэсбэшников не успели. И милиция, державшая оборону по периметру, тоже вынуждена была не отбивать атаку, а в основном догонять.

А главное — все, кому следовало встать нерушимой стеной на пути выбраковщиков, довольно смутно представляли, кто сейчас в стране хозяин, и не были уверены в том, что поступают разумно. В частности, новый комендант, явившийся принимать дела у старого и одновременно его арестовывать, первым делом выставил на стол бутылку коньяка.

Так или иначе, но под огонь попал только самый хвост толпы, почти уже целиком втянувшейся в здание правительственной резиденции. Задние, как и положено выбраковщикам, телами прикрыли авангард, а тот, оказавшись внутри, принялся с диким энтузиазмом убивать всех кого ни попадя, не обращая внимания на возраст и пол.

Когда полсотни окровавленных и взмыленных головорезов ввалилось в зал совещаний, где следили за развитием событий путчисты, телевизионный диктор еще не успел до конца рассказать народу, как его только что осчастливили.

Лица самих благодетелей оказались не особенно радостными — до них только что дошло, как по-дурацки они сами заперли себя в ловушке. Судя по тому, какие гости к ним нагрянули, — ловушке смертельной.

---

[1] Взрыв у Боровицких ворот Кремля в описываемый промежуток времени действительно имел место. Официальные власти никак его не комментировали, но по сведениям из компетентных источников, взорвались баллоны с ацетиленом, подготовленные для проведения сварочных работ. В этот момент рядом проходила караульная рота. По факту гибели двадцати шести и ранения восемнадцати человек было возбуждено уголовное дело, итоги расследования нам выяснить не удалось. — *Примеч. ОМЭКС.*

— В чем дело?! — во главе стола поднялся бывший региональный барон, а теперь — премьер Временного правительства. — Что это значит?!

Он уже понимал, что это значит, но положено ведь говорить нечто патетическое в таких случаях.

— Караул устал! — рявкнули из толпы.

Шефа Центрального в зал доставили волоком — ходить он уже не мог.

Мышкин, радостно осклабившись, прицелился в директора АСБ.

— Этого не трогать... — выдавил шеф. — Пригодится еще. Другого какого-нибудь замочи...

Путчисты, в большинстве своем ровесники выбраковщиков, «молодые выдвиженцы», начали, как в хорошей комедии, зеленеть.

— Кто тут у вас, так сказать, главный, пидарасы?! — осведомился Мышкин.

— Я председатель Временного правительства! — начал премьер. — И я не позволю...

Мышкин нажал на спуск. Он целился в верхнюю часть туловища, но у него дрогнула от усталости рука, и очередь эффектно разнесла самозванцу голову в мелкие клочки.

— А кто теперь, значит, главный?! — спросил Мышкин снова, дождавшись, пока в зале не наступит относительная тишина. Слышно было, как в глубине здания отстреливается из трофейных автоматов от преследователей куцый и еле живой арьергард. Не знай путчисты, с кем имеют дело, они могли бы и потянуть время, дожидаясь помощи. Но к ним пришли смертники, а с такими шутки плохи. Тщательно продуманная схема переустройства власти в стране оказалась раздавлена простейшим человеческим желанием хотя бы немного пожить.

— Каковы ваши условия? — холодно произнес директор АСБ.

— Полный назад... — пропыхтел шеф. — Тех наших, которые целы еще, — отдайте. И вообще, все, что успеете, — назад... Можете даже сказать людям, что ваш переворот удался. Но на самом деле — вы меня понимаете... Сумеете договориться с прежним составом — они и будут разбираться, как вам дальше жить и жить ли вообще. Прямо сейчас организуем каждому из вас личную охрану. И не дай бог... Ясно?! Теперь — немедленно приказ козлам прекратить стрельбу.

— Это все не так-то просто... — сказал один из путчистов, утирая с лица ошметки мозгов своего бывшего предводителя. Во главу стола никто старался не смотреть. Некоторых здесь уже стошнило.

— Мышкин! Забракуй еще кого-нибудь! — распорядился шеф.

— Которого вам?

— На твой вкус.

— Секундочку! — попросил директор АСБ и потянулся к телефону.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Можно только поражаться долготерпению народа, в течение почти *десяти лет управляемого подобным* государем. Но для того, чтобы понять «феномен Дракулы», надо учитывать существование постоянной внешней угрозы, висевшей над придунайскими странами в XV веке.

— Задание! — орал, надсаживаясь, чей-то голос. — Твое задание!

«Господи, ну и кошмар же мне приснился! Все, пора в отпуск! — подумал Гусев, мучительно пытаясь выбраться из тупого сонного остолбенения. — А почему суставы так крутит? Погода, что ли, меняется?»

— Твое задание, сука!

«Нет, это не только суставы. Это просто все болит. Везде. Как бы глаза открыть... И где я?»

— Значит, ты у нас герой. Ладненько...

Бац!

— А-а-а!!!

Бац!

— У-у-у!!!

«Похоже, бьют кого-то. Интересно, за что».

— Леха, ты плоскогубцы не забыл?

— Обижаешь, начальник. Вот.

Хрустнуло.

— Ва-а-а-а-у!!!

— Да перестаньте вы шуметь! — попросил Гусев. Ему показалось, что он произнес эти слова громко и отчетливо, на самом деле — едва выдавил. Язык еле ворочался, губы шевелились плохо и как бы сами по себе.

— Что он говорит? Пэ! Ничего, мой хороший, все будет нормально. Попробуйте ему водички дать, только осторожно.

— Сейчас, Паша, мы тебя унесем.

Гусев разлепил-таки один глаз, огляделся и ничего не понял. Он лежал на полу в каком-то незнакомом помещении, над ним склонился улыбающийся Валюшок. На лбу у ведомого красовалась здоровая ссадина.

— Привет, — сказал Валюшок. — А я машину разбил. Представляешь, только что. На парковку тут заезжал, сунулся в «бардачок» за сигаретами. Высунулся, гляжу — столб... Капот дыбом, фара — на фиг. И спойлер мой треснутый вообще отвалился. Вот так...

Рядом опять кто-то дико взвыл.

Гусев с трудом повернул голову. В комнате ярко горела лампа, и в ее луче сидели два незнакомых голых мужика, намертво привязанные к стульям. Тот, что слева, был с ног до головы в кровище — это он сейчас кричал. Правый выглядел невредимым, только очень расстроенным. Казалось, он вот-вот заплачет.

Перед мужиками свирепо прохаживался туда-сюда Данилов с пассатижами в руках. Он тоже, наверное, куда-то врезался, потому что голова у него оказалась забинтована.

— Живой? — спросил он. Гусев слабо кивнул в ответ.

— Ну и отлично. Расслабься, бывает... Главное — живой. А второстепенное мы сейчас выясним.

С этими словами Данилов вытащил из кобуры свой любимый «ПСМ» и почти не глядя выстрелил окровавленному мужику в голову. Тот коротко вякнул.

— Надо же, промазал! — удивился Данилов. — Может, еще попробовать? Что скажешь, одноухий? Или ты у нас к тому же одноглазый?

— Су-у-ка... — провыл одноухий.

— Нет, глаз потом вырву. А пока что ты будешь... Гомозиготный! Знаешь, что такое?

— Паша, — Валюшок снова наклонился над Гусевым, — ты, наверное, не понимаешь, что происходит. Это нормально, не беспокойся. Сейчас ребята там наверху закончат, и мы тебя вытащим. Ты в порядке, только лицо разбито немного. Ерунда, заживет...

— Гомозиготный — это однояйцовый! — провозгласил Данилов.

— Все равно вам хана, людоеды... — прошипел «гомозиготный». — Все на каторгу пойдете, кого не убьют...

— Это ты, мил друг, на каторгу пойдешь. Ох и повеселятся же там! Ухо одно, яйцо одно, глаз тоже один — насчет глаза я не забыл, не думай... Ты, милашка, будешь главный прикол инвалидного барака! А что касается людоедов...

— А-а-а!!! А-а-а!!! У-у-у!!!

— Это тебе за Гусева, палач недоделанный!

— О-о-о...

— Повторяю вопрос. Задание. Ну?!

Раздался топот, как будто спускались по лестнице. В поле зрения появились несколько человек из группы Данилова. Старший оглянулся и вопросительно двинул подбородком.

— Умер Семецкий, — сказали ему. — Так что потери вчистую — девять. И раненых — десять.

— Меня-то зачем считать?

— Да нет, без тебя. Оказалось, Лопух с пулей в ноге бегал. Только сейчас заметил.

— М-да, бывает... Хорошо. Раненых грузите — и в больницу. От шефа есть что-нибудь?

— Он в Кремле надолго застрял, непонятно, когда освободится. Говорит, сами пока разбирайтесь. Да, Корней звонил. Он вызвал отдыхающую смену, так никто не пришел.

— Чего и следовало ожидать. По домам тепленькими взяли. Главное — чтобы именно взяли. Тогда вернут. Ладно, хватит трепаться, берите Гусева. И вот что, Миша, пока будешь ехать, пробейся на «вертушку», найди кого-нибудь, чтобы отцу его передал...

Дальше Гусев ничего не услышал, потому что расслабился и то ли снова потерял сознание, то ли заснул.

— Ну, ты здоров дрыхнуть! — сказал Валюшок, присаживаясь рядом с кроватью, игравшей роль больничной койки. — Проспал революцию и контрреволюцию. Между прочим, тебя к ордену представили.

— «Беретту» мою принес? — спросил Гусев невнятно. Прошло уже три дня, а сплошная опухоль, в которую превратилось его лицо, едва-едва начала спадать.

— Извини, не нашли. — Валюшок горестно развел руками. — Может, потом объявится.

— Как же, объявится... Дознаватель какой-нибудь прикарманит. Жалко пушку, я из-за нее человека убил.

— Знаю я, как ты убил. Мне Данилов все расписал в красках.

— Наврал, конечно.

— Может быть. А знаешь, я ведь «браунингом» разжился. Все как положено, в бою взял. Когда тебя вытаскивали.

— Поздравляю. Машину-то чинишь?

— Некогда. Успею еще. Я пока на «двадцать седьмой». Колоритный аппарат, весь в пробоинах. Знаешь, как чайники на дороге шарахаются? Прямо жаль заделывать.

— Что в отделении?

— Не поверишь. Укомплектовано заново теми самыми мудаками, которые нас убивать приходили. И главное — наглые такие... А знаешь, кто теперь начальник? Твой приятель Корней. Шеф на повышение уходит, чуть ли не директором.

Гусев тяжело вздохнул.

— Я действительно все проспал, — сказал он. — Слушай, Леха, строго между нами. Где бутылка, салабон?!

Валюшок от души рассмеялся.

— Я все ждал, насколько у тебя выдержки хватит. Вот. — Он воровато оглянулся, как будто в палате еще кто-то был, и добыл из-за пазухи литровую бутыль «Джек Дэниелс». — Нормально? А тут, в пакете, я кока-колу принес, если захочешь разбавить. Там еще апельсины всякие, шоколад...

— Спасибо, — выдохнул Гусев и так вцепился в бутылку, словно это был эликсир молодости.

— Не за что. Долго тебе здесь?

— Да хоть сейчас выписывайся. Я просто не хочу, честно говоря. Надо перележать недельку-другую. Да и... Старшие товарищи советуют.

— Охрана у тебя просто зверская. Такие лоси у дверей сидят... Представляешь, с ног до головы обыскали. Думал, все — отнимут пузырь. А они только оружие забрали. Козлы. Будто я не выбраковщик!

— Ты выбраковщик, Лешка, — сказал Гусев серьезно. — Ты настоящий суперагент с лицензией на убийство. Если бы не ты... По большому счету, из-за тебя одного все получилось так, как... Ну, как оно сейчас есть.

— Да ладно...

— Ничего не ладно. Спасибо тебе.

— Мне тоже орден пообещали, — заявил Валюшок без всякой ложной скромности. Видно было, что он своими подвигами гордится. — Да всем достанется. Шефу — Героя, остальным по Красной Звезде. Говорят, даже Корнееву что-то обломится. За проявленное мужество. Я все думал — как это называется, когда тебе в рыло сапогом двинут!

— Не обижай Корнея. Не такое уж он дерьмо. У него, оказывается, дочь больная под браком ходит. Вот он и рвет на службе жилы. Видишь — дорвался...

— Угу. Ты извини, мне пора. Да, ближе к вечеру Данилов подъедет. Ты не прикончи бутылку сразу, он намекнул, что хочет с тобой о чем-то серьезно поговорить.

— Мне сейчас пара глотков — и глаза на лоб, — сказал Гусев печально. — Алкоголь с обезболивающим... Ломовая смесь. А он не сказал конкретнее, в чем дело?

— Мне кажется, он тех уродов все-таки расколол, которые тебя допрашивали. Очень уж у него вид был загадочный.

— Какой там допрос... Так — глумления и издевательства. Знаешь, я ведь почти ничего не помню.

— А это разве плохо? — удивился Валюшок.

Данилов приехал очень поздно и застал Гусева весьма и весьма навеселе. Тем не менее он тоже вытащил бутылку и сунул ее больному под кровать.

— Охрана у тебя педерастическая, — сказал он. — Расстреливать таких охранников. Видят же — идет выбраковщик. Нет, все равно ноги врозь, руки на стену... Где они были, спрашивается, когда тебя сцапали?

— Да плюнь ты!

— Спасибо, выпивку не отняли. И то: «А не много ли будет?» Я говорю — вам точно мало не покажется, когда сюда все Центральное придет! В Кремле никому мало не показалось... Блин, жалею страшно, что не участвовал.

— Ну, извини.

— Ерунда, бывает...

— Я, между прочим, тоже не участвовал.

— Ха-ха! Пэ, если бы не ты... По большому счету, из-за тебя одного все так удачно сложилось.

— Это не из-за меня, — слабо возразил Гусев. — Это Валюшок постарался. И на месте оказался вовремя, и с хвоста его не стряхнули. Умеет ездить парень. Ну, рассказывай, как там вообще.

— Да погано. Бардак. В целом по стране накрылось семьдесят процентов личного состава АСБ. В Москве самые маленькие потери у Юго-Западного, которое сразу лапки кверху сделало, ну и мы второе место держим.

— А сколько у нас?

— Больше половины. Убитыми — сто восемьдесят семь. Из них в Кремле — девяносто. Всех к Герою посмертно. Даже тех, кого по домам перестреляли.

— Много им с этого радости... Особенно семьям. Накатим по одной за помин невинно убиенных?

— Давай, — согласился Данилов, подхватывая с тумбочки стакан.

— Живи, Данила.

— Живи, Пэ.

Гусев пил осторожно, но все равно ему прижгло разбитую губу, и он поморщился.

— Ты обалденно вел себя на допросе, — заметил Данилов.

— Это как? — не понял Гусев.

— Достойно. Так довести этих козлов до белого каления...

— Да ты-то откуда знаешь?!

— Они все писали на видео. С самого начала.

— Черт побери! — Гусев аж подскочил на кровати. — И где пленка?

— Забрали. Приехал человек от некоего Гусева и забрал. Что, не надо было отдавать?

Гусев на миг задумался.

— Ну, отчего же... — сказал он. — Может, так даже к лучшему. Пусть ознакомится. А я там ничего такого... В смысле, уболтали они меня или нет?

— Нет, успокойся.

— Ты видел?

— Не видел, они сказали. Точнее, один из них. Я все по науке сделал — давил того, который посильнее. И второй сломался. Правда, не раньше, чем я первого убил. Все-таки удивительное существо человек! Знает ведь, что это старый метод армейских разведгрупп и второго «языка» тоже обязательно кончат! Но все равно начинает говорить.

— Данила. — Гусев лег на бок, поворачиваясь к Данилову лицом. Против ожидания, тот не отшатнулся. Гусев на его месте не выдержал бы — пару часов назад он добрел до ванной и опасливо посмотрел в зеркало. После чего зарекся это делать на месяц вперед. — Слушай, дружище... Ты же выяснил, чего они от меня хотели?

— Да... Кажется, выяснил. Странная история, Пэ. Только учти — что бы я такого ни узнал, мое отношение к тебе не изменилось. И никогда не изменится. Усек?

— Этот «язык» сказал тебе, что я по утрам пью кровь христианских младенцев?

— Приблизительно.

— То есть? — насторожился Гусев.

— Понимаешь... Так странно... У них было две задачи. Первая — как следует тебя помучить. Наверное, хотели потом отослать пленку туда, куда она в конечном итоге и попала. Чтобы твой старик был посговорчивее.

— Это-то очень хорошо, — сообщил Гусев.

Данилов покачал головой и что-то неразборчиво промычал.

— Чего еще? — спросил Гусев. — Всякие малявки будут учить меня, как устраивать семейные дела?

— Ни в коем случае. Прости. Я только подумал — не было бы инфаркта...

— Этот старый хрыч сделан из железобетона. Скорее у тебя инфаркт будет. Ну и что дальше?

— А дальше... А дальше им было приказано узнать, кто настоящий автор «Меморандума Птицына».

— А я-то тут при чем? — автоматически спросил Гусев.

— Ну... Не знаю, — замялся Данилов.

— Нет, ты скажи, при чем тут я?

Данилов поднял на Гусева честные-пречестные глаза и очень тихо сказал:

— Вот и я думаю — при чем здесь ты, Гусев?

— Что это значит — «настоящий автор»? Я же тебе рассказывал...

— Заткнись, Пэ, — ласково попросил Данилов. — Думаешь, я тебе не верю?

— Подозреваю.

— А вот я хочу тебе верить, — произнес Данилов с нажимом. — Раньше верил и дальше хочу. И что бы ты мне ни сказал теперь — я буду верить.

— А тебе очень хочется знать правду? — спросил Гусев агрессивно.

— Наверное. Может быть. Все-таки интересно, кто это придумал. Это ведь не была коллективная идея, что бы там ни говорили. Такое мог придумать именно один человек.

Гусев почувствовал, что охватившая его внезапно злоба прошла.

— А какой это был человек, как по-твоему? — спросил он мягко.

— Очень несчастный, — сказал Данилов уверенно. — И обозленный на весь мир.

— Совершенно неспособный принимать действительность такой, какая она есть... — подхватил Гусев.

— Да-да. Вот именно. Он хотел все изменить.

— Хотел сделать мир чистым и справедливым. Хотя бы в одной стране. Хотел создать единое общество, не разорванное, как обычно, на бандитов и людей, а цельное. Уничтожить основу преступности — ее воспроизводство. Дело ведь не в экономике, Данила, не в уровне жизни.

— Понятное дело, не только в ней...

— Да, не только и не столько. Воровать начинают с голодухи. Но это не значит, что, когда жизнь выправится, человек, который таскал с поля в карманах пшеничные колосья, обязательно начнет подламывать хлебные ларьки. Многие готовы стянуть то, что плохо лежит, когда жизнь берет за глотку. Но они не становятся от этого закоренелыми

преступниками. А вот если тебя с детства научили, что работать глупо, потому что можно отнять, украсть... Кто научил?

— Тот, кто всю жизнь только это и делал, — подсказал Данилов.

— Вот именно. Знаешь, меня всегда ужасала история так называемых ссученных воров, которые пошли воевать в штрафные батальоны. Оказалось, многие из них потом стали даже офицерами, вернулись домой в орденах. Но на гражданке выяснилось, что они как до войны ничего не умели делать, так и теперь не могут. Предмета тяжелее чужого «лопатника» в руки не брали никогда. Разве что оружие. И все они очень скоро опять занялись прежним ремеслом.

— Естественно. А мы с тобой чем всю жизнь занимаемся?

Гусев оторопело умолк.

— Ты не сбивай меня, — попросил он. — Хотя, конечно, да... Это-то и есть самое жуткое. Но мальчишки, которые видят нас с тобой на улице, вряд ли станут выбраковщиками. И никогда не станут ворами. А тогда пацаны смотрели на гадов и думали — почему я в дерьме живу, а урка по ресторанам гуляет? Так и родилось новое воровское поколение. Даже политические... Впрочем, не важно. Теперь вспомни, что здесь творилось в девяностые годы. То же самое. Нищая страна, толпы безработных — и мимо едут бандиты на «Мерседесах». Процесс нужно было остановить, понимаешь? Обрубить, пресечь, обрезать, переломить ситуацию в корне. И не только один Птицын думал — как? Многие думали. Но именно он построил и обосновал схему. Очень жестокую, но и очень справедливую. Далеко не идеальную. Но ведь она сработала?

— Конечно, — закивал Данилов. — Конечно, сработала.

— Мы это сделали?

— Ну разумеется.

— Так в чем проблема?

— Да ни в чем. Не заводись, Пэ.

— А я и не завожусь. — Гусев взял стакан и отхлебнул. — Просто обидно бывает иногда. Такие интонации звучат — как будто мы впустую работали.

— И вовсе даже не впустую! — обиделся за выбраковку Данилов.

— И на фига этим уродам знать, кто автор птицынских заметок?

— Это ведь контрразведка, Пэ. Мало ли чего они задумали. Может, хотели все на ЦРУ свалить. Найти разработчика и представить его как агента мирового империализма... Хотел бы я познакомиться с этим Птицыным. Хотя бы посмотреть, какой он был, — пробормотал Данилов, глядя под ноги. — Жалко, уже не получится.

— Его звали Лебедев, — сказал Гусев. — Лебедев Павел Леонидович. И ты прав, Данила. Этого человека больше нет.

Он перевернулся на спину и закрыл глаза.

— Бывает... — сообщил Данилов философски.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

> В некоторых хрониках говорится, что он умер сам, без видимой причины, умер, сидя в седле. В других кровавую эпопею князя обрывают копье или меч. Они сходятся лишь в описании последующих событий. Найдя тело Дракулы, бояре изрубили его на куски и разбросали вокруг. Позднее монахи из Снаговского монастыря, не забывшие щедрости покойного, собрали останки и предали их земле.

С утра Ирина, как обычно, писала заключения по результатам обследований, которые провела вчера. За дверью кабинета стояла глубокая ватная тишина, изредка нарушаемая шорохом чьих-то обутых в тапочки ног и поскрипыванием кресел. Нормальная рабочая обстановка, всеобщий покой и заторможенность. Только непривычный к этой атмосфере человек мог бы отметить легкое напряжение, разлитое в воздухе. Ничего удивительного — в отделении функциональной неврологии не от грыжи лечат, здесь особый контингент, и от него исходят не всегда приятные флюиды. А может, все дело в едва различимом запахе лекарств, совсем не таких, какими обычно пахнет в больнице.

Ирина строчила заключения, иногда отвлекаясь, чтобы

поразмыслить. Во время одной из таких отключек она вдруг поняла — ей что-то мешает. Оказалось, в коридоре, буквально под дверью кабинета, появился источник загадочного низкого гула. Ирина прислушалась. Гул разложился на два женских голоса, что-то назойливо бубнящих. И чем больше она прислушивалась, тем больше эти голоса мешали писать.

Помучившись еще минут десять, Ирина поняла, что работать так невозможно, и выглянула за дверь.

Ну, разумеется! По обе стороны от входа в ее кабинет стояли два глубоких кресла, и в каждом из них расположилась слабоумная бабушка. Судя по всему, старухи были еще и полуглухие, так как разговаривали на повышенных тонах, постоянно друг друга переспрашивая. Удобный диван неподалеку их не привлекал, они просто не соображали, что туда можно пересесть, а вот эти кресла, между которыми метра три...

Ирина вернулась на место, покачала головой и попробовала снова заняться делом. Но оказалось, что не слышать разговор за дверью она больше не может. Речь обеих старушек была наполнена многозначительными интонациями и привлекла бы внимание любого нормального человека — казалось, что бабульки обсуждают проблемы войны и мира. Да к тому же и в полный голос.

Ирина через силу продолжала стучать по клавишам, но в какой-то момент не выдержала и прислушалась — о чем же за дверью идет речь. Тут как раз к беседе присоединилась третья бабка. Конечно же, усевшаяся на приличной дистанции от первых двух, поближе к тихо бормочущему телевизору.

— А как вас зовут?

— Лидия Ивановна.

— Какое имя красивое — Лидия... А у меня внучка Лидочка... Представляете, маленькая совсем.

— Да, а у моего мужа, он, правда, уже покойный... Жалко, так тяжело умирал человек... А такой человек был хороший... Как его моя дочка любила! А дочка замечательная. Когда она, бывало, звонит мне в больницу и спрашивает — а как папа, — я говорю, вот папа так-то и так-то, ты не волнуйся... Она говорит — ничего, я сама ему позвоню. Вот

как отца любила! Боялась, вдруг я чего ей недоскажу, как с ним плохо. Беспокоилась.

— А у меня ведь тоже внучка есть, только уже большая. Наверное, почти как ваша дочка.

— А вам сколько лет?

— Да мне... Семьдесят восемь.

— Ну! Это вы еще молодая. Когда вам будет восемьдесят пять, как мне, вот тогда вы поймете, как это — быть старой.

«Чистой воды «салонное слабоумие», — подумала Ирина. — Ну, это надолго. Они могут поддерживать такой разговор до бесконечности, пока родственников и знакомых хватит».

И действительно, беседа плавно разворачивалась именно по такому сценарию. В кабинете Ирина тупо глядела в монитор и отчаянно боролась с желанием то ли побиться головой об стол, то ли выйти и поубивать бабушек.

Примерно через полтора часа старушки все-таки умолкли, потому что забыли, о чем дальше положено разговаривать. Или не могли вспомнить, у кого еще какие родственники есть. Споткнулись на ровном месте. Ирина слегка приободрилась. И тут...

— А вот этот-то, посмотрите! Он второй раз за утро идет курить. Надо же, как люди курят! Вредно! Нет, вы не знаете, Елизавета Марковна, как это вредно! Я была в санатории, где нам рассказывали о том, как именно влияет курение на здоровье человека. Нет, вы не представляете! Да-да-да, и легкие, и печень даже страдает!

— Надо же, и печень?!

— Да-да-да!

И бабки с упоением погрузились в благодатную тему — перемывание косточек молодежи, которая злоупотребляет курением, пьянством и другими формами разврата. Ирина со стоном уронила голову на руки. «Господи! Ну за что?! Ладно, какое-то время я не обращала на них внимания. Потом оказалось, что мешает гул. Потом ты начинаешь понимать, что слышишь этот дурацкий разговор во всех подробностях. А когда начинается обсуждение того, насколько плохо себя ведет нынешняя молодежь... В том числе и тот, кто второй раз за утро идет в курилку... И это — безумные дуры, у которых даже компьютерная томография наличия мозгов не обнаружит! Да, очень хочется выйти с большой дубиной и сказать — если вы сейчас не заткнете свои языки в свою поганую задницу... Но сделать этого никак нельзя.

А хорошо бы!!!

Неплохо бы принять такой закон, чтобы некоторые категории стариков тоже списывали в брак. Только не получится — власть имущие чересчур пекутся о старых людях. Почему-то считается, что именно такие бабки — главная опора правительства. Ирина решила взять себя в руки и как-то справиться с эмоциями. «Они же старые, они маразматички, у них «салонное слабоумие». Заняться им нечем совершенно. Дрыхнуть круглые сутки они не могут, им еще не выдали достаточное количество таблеток. Бедные старухи. И все-таки... Сдохли бы они поскорее!!!

«Вот если бы они все передохли! — мечтала Ирина, позабыв, что минуту назад пыталась вызвать в себе понимание и сочувствие к чужим проблемам. — Тогда никакая сволочь не могла бы мне лично сообщить о том, что я обязана делать и как мне вредно что-либо делать вообще в этой жизни. Например, моя проклятая бабуля, мать ее за ногу... Они, суки, ведь тоже занимались черт знает чем в свое время, а теперь не могут! Реализовать свои потуги на то, как должен быть устроен мир с их точки зрения, они тоже не в состоянии. И поэтому сидят и брюзжат. Все, на что способны. Безмозглые старые коровы!

И почему меня это так заводит, в конце концов?! Да потому что они дуры! Какого черта они в таком идиотском состоянии живут на белом свете?!

И мне же еще, не приведи господь, с ними работать, и быть внимательной, ласковой, понимающей!

Да я и сейчас это делаю, потому что не выскочила и не заорала».

Старушки бубнили, Ирина злилась. Потом наступил обеденный перерыв, но уже в полвторого бабки вернулись и принялись талдычить дальше.

«Чем бы еще себя успокоить? — думала Ирина. — Ну, допустим, раз они такие живут, значит, Господь решил. Может, им положено так страдать. Может, они действительно страдают, находясь в таком состоянии».

Тут явился на психотерапию сумасшедший Петя. Он долго рассказывал Ирине, как его мучает деспот отец, достает целенаправленно, пытается извести. Все шло хорошо. Но посреди своего монолога Петя вдруг подскочил в кресле и взвыл:

— Ну а вот эти, вот эти старые тетки! Они третий день мне спать не дают своими дурацкими слабоумными разговорами!

«Боже, как я тебя понимаю, бедный мальчик!»

— Почему их никто еще не убил? — возмущался Петя. — Куда выбраковка смотрит?! Так и хочется выйти и дать им всем трубой по башке, чтоб заткнулись и больше никогда не возникали!!!

— Ну, Петя, — сказала Ирина через силу, — не только вам хочется многим людям дать по голове. Но мы же этого не делаем.

— И я не делаю, но очень хочется! Убивать надо таких сволочей. Ведь они же сядут друг от друга подальше, ни хрена не слышат...

Выслушав эту тираду от больного парня, Ирина подумала, что, наверное, она все-таки умнее, да и здоровее в том числе. «Да и постарше буду. Так что все-таки надо решить эту проблему».

Внутренне настроив себя на спокойный и конструктивный разговор, она вышла из кабинета, прервав разговор бабушек, которые появлению доктора очень удивились.

— Извините, — сказала Ирина спокойно, — дело в том, что я очень прошу вас пересесть вон в тот угол поближе друг к другу. И вам будет легче разговаривать между собой, и все-таки будет тише, сейчас ведь тихий час.

Одна из бабулек на секунду задумалась и сообщила:

— Да мы знаем! Мы и Пете мешаем...

«Расстрелять!» — подумала Ирина.

— И Пете мешаете. Да вы поймите, я еще и работаю все-таки вот здесь, за этой дверью.

— Да? — сказала бабка с некоторым удивлением.

— Да, и если вы сядете чуть-чуть подальше отсюда и поближе друг к другу, то все будут довольны.

Бабки принялись со скрипом выкарабкиваться из кресел.

Ирина вернулась в кабинет, сдерживая улыбку. Ей вдруг стало очень смешно. Действительно — она столько времени не могла толком работать, потому что ее одолевали те же мысли, которые несчастного больного Петю мучают в течение всего дня!

И еще неизвестно, кто бы первым бросился на бабок с кулаками. Если бы сумасшедший мальчик не напомнил вовремя доктору, что тот все еще нормален и может решать такие вопросы, не теряя человеческого облика.

Эскалатор был почти пуст, и она — спокойная женщина в спокойном городе — вступила на разворачивавшуюся ступеньку, думая о своем.

Шаги, которые раздавались за спиной, ничуть не беспокоили ее, пока человек не остановился на ступеньку выше и не повернулся к Ирине лицом. Молодой, довольно высокий парень, чуть сутулые плечи, кепка на голове, из-под нее выглядывают светло-каштановые волосы, нос капельку длинноват. В общем, вполне обычный тип, только чем-то неприятен.

— Девушка, вы прекрасны! — раздался чуть глуховатый голос.

— Правда? — улыбнулась она. А что еще оставалось делать?

— Девушка, вы смущаетесь. Я хочу только познакомиться с вами.

— А я нет, — отрезала Ирина.

— Я не про то говорю. — Он снова приблизился. — Все девушки любят романтику, и по вашим глазам я вижу все. Вы просто Венера Милосская. Я отвезу вас за город на машине. Я вам покажу такие места! И вы тоже увидите, как черти и ведьмочки прыгают даже в тех местах по проводам!

«Мама! — Она невольно отступила на ступень ниже. — Господи, и никого вокруг!» Впервые в жизни Ирина об этом пожалела.

— А ведьмочки — они хорошенькие, как вы, только вы другая, у вас энергия другая. У меня тоже. Вы позволите мне искупать вас в ванной и почувствуете такой приток сил!

Этого она уже перенести не могла.

— Какая ванная! Я знать вас не хочу и слушать тоже! —

Ирина посмотрела ему прямо в глаза, и ее пробрал озноб. Глаза были абсолютно чистые, прозрачные, довольно светлые, как льдинки. Особую странность им придавал зрачок. Абсолютно черный, он вызывал лишь одну ассоциацию, на уровне ощущения — с черной дырой, которая засасывает в себя.

«Прямо наш пациент. Ну почему сейчас, когда я к этому совершенно не готова? Почему не в клинике? И что мне теперь с ним делать?!»

— Ваша душа так чиста — я вижу это. Не то что у них — сплошь чернота. — Он понизил голос, приблизив лицо к ней.

— У кого? — автоматически переспросила она.

— Вы еще не знаете... — Он ненадолго умолк, склонив голову набок. Внезапно лицо его просветлело. — Но вы-то! Вы чистая, прекрасная моя. Я всегда знал, что встречу такое чудо. Истинное чудо на свете, человек — высший разум!

— Да, скорее всего. — С этим нельзя было не соглашаться. Только уж слишком приподнято. И очень хотелось отодвинуться, заслониться от чересчур близкого контакта с этим незнакомым человеком. Ирина поняла — она не может задействовать свои профессиональные качества сейчас, она просто не готова. Ей страшно. «Помогите кто-нибудь!»

— Конечно, высший, у настоящих людей, — продолжал разглагольствовать незнакомец. — Он покоряет. И их мы покорим тоже. Много позже. Но не печальтесь. Я буду с вами. Защищу и позабочусь. Я буду мыть вам ноги и купать. Вы никогда не чувствовали такого потока энергии, когда вас купают. Я вам ее передам...

«О боже, снова купать!»

Смутное подозрение зародилось в ее голове и, не успев оформиться в слова, вызвало больший испуг. Еще раз невольно, с недоверием заглянув ему в глаза, остановившиеся, немигающие, погруженные в себя, Ирина прочитала: «Только выведи меня оттуда, изнутри, наружу — и смерть».

«Он же совсем больной — не дистанцированный, с бредом. И полным отсутствием контроля. Эскалатор кончается. Что с ними вообще-то делают на открытом пространстве?» — пронеслось у нее в голове, а в это время она уже кивала и произносила:

— Да, принять поток энергии от другого человека и передать часть своей — это проявление высшего единения... — Наконец-то в ней проснулся опытный профессионал.

Эскалатор уже почти вынес их наверх. Впереди показались какие-то люди, но вряд ли они могли помочь. Ирина до конца осознала, что за типа ей принесла нелегкая. Этот человек смертельно опасен. Малейший неудачный жест, крошечная ошибка в разговоре — и он взорвется. А что у него в кармане, где он держит руку? Нож?

Додумать она не успела. Только заметила боковым зрением, что впереди и чуть левее стоит у аптечного киоска мужчина и очень внимательно изучает ее лицо. Дальше время спрессовалось, и за какие-то секунды произошло очень много всего. Мужчина сделал резкое движение, раздался звонкий треск, и сумасшедший, закатив глаза, начал медленно валиться на спину. Двое молодых парней, будто соткавшиеся из воздуха, подскочили и буквально сдернули его с эскалатора. А тот мужчина оказался совсем рядом и протянул ей руку. Левую. В правой у него было оружие — большой и какой-то игрушечный с виду пистолет.

— Прошу, — сказал он, и Ирина шагнула наконец-то на твердую землю. Впервые за этот утомительный день.

— Леша! — мужчина обернулся к парням. — В угол его, подальше. Установи личность. Андрей! Быстро мне контакт со здешними ментами, утряси что положено. И «труповозку» вызови. Так... — Он спрятал пистолет.

— Все нормально! — Это подбежала от турникетов взволнованная дежурная.

Мужчина отвел в сторону лацкан куртки, и на его груди вспыхнула переливчатыми огнями яркая эмблема.

«АСБ! — догадалась Ирина. — Разумеется, кто же еще. Слава богу!» Она никогда раньше не видела так близко настоящего выбраковщика, и значок мужчины сверкнул перед ней как символ полного избавления от любой мыслимой и немыслимой беды.

— Старший уполномоченный Агентства социальной безопасности Гусев, — представился мужчина, нависая над крошечной дежурной, как скала. — Центральное отделе-

ние. Можете ни о чем не беспокоиться, продолжайте работать. Теперь вы, барышня. Здравствуйте. Павел Гусев. Похоже, мы успели вовремя, да? Ну, успокойтесь, все уже в порядке. Вы под защитой АСБ. Этот человек угрожал вам?

— Да... Как вы догадались...

— У вас было э-э... несколько испуганное лицо. Что конкретно произошло?

— Вау! — воскликнул в углу выбраковщик Леша.

— Извините. — Его начальник повернул голову на возглас. Теперь Ирина была уверена, что этот Гусев именно начальник.

Леша продемонстрировал что-то блестящее, поймал опасливый взгляд Ирины и мгновенно спрятал находку в карман.

— Ерунда, — небрежно бросил Ирине Гусев. — Вы рассказывайте, пожалуйста.

— Он сумасшедший, — объяснила Ирина, чувствуя, что приходит в себя. — Бредовые концепции, отсутствует контроль, нет чувства дистанции. Большего сказать не могу, его нужно обследовать, но он, безусловно, опасен. Видите ли, я... — Она достала служебное удостоверение.

— Ах вот как... — Выбраковщик посмотрел в ее документы и удовлетворенно кивнул. А Ирина наконец-то его разглядела. Очень симпатичный мужчина лет сорока, с легкой сединой в черных волосах и прелестной лукавинкой во взгляде. Очень приятный, даже красивый. — Ну что же, Ирина... Георгиевна.

— Можно без отчества.

— С удовольствием. Во-первых, я вам искренне соболезную. Ко мне тоже иногда пристают мои э-э... клиенты в самое неподходящее время. Каждый раз будто гром с ясного неба. Поэтому я вас отлично понимаю. Теперь что у нас во-вторых? Да, во-вторых. Понимаете, милая Ирина, раз это опасный псих, снимается множество утомительных формальностей. Мы просто возьмем его за белы рученьки и отправим на экспертизу. После чего он получит такое лечение, что навсегда разучится ездить в метро. Разумеется, — Гусев поднял указательный палец, — если вы не собираетесь предъявить ему обвинение. Подумайте. Леша, что там у тебя?

Длинноволосый Леша, сидя на корточках, склонился над экраном маленького переносного компьютера. Еще какой-то прибор он зажал между плечом и ухом. Сумасшедший лежал совершенно неподвижно, как мертвец. Редкие пассажиры, сходя с эскалатора, осторожно косились в его сторону. А некоторые просто не обращали внимания.

— Готов, — доложил Леша, глядя на экран. — Ого! Действительно готов. Три предупреждения, все за сексуальные домогательства. Два психиатрических освидетельствования, последнее в том году... Ограничение гражданских прав по дееспособности. Так, да он еще и в бегах! Пропустил контрольный осмотр. Ну, мужик, допрыгался!

— Можете не думать насчет обвинения, — сказал Ирине выбраковщик. — Этот деятель уже труп, безо всякой экспертизы.

И заразительно улыбнулся.

«Значит, он исчезнет, — подумала Ирина. — Исчезнет и никогда больше передо мной не появится. Какое счастье! Я могу о нем не думать, не вспоминать, не бояться... Нелегко будет себя убедить, но я сумею, у меня получится».

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо... Павел.

Ее начала бить нервная дрожь, и машинально она схватилась за плечо Гусева.

— Не за что... — раздался совсем рядом ласковый голос. — ...Ира.

— Шеф! — прибежал третий выбраковщик, Андрей, совсем еще мальчишка. — Все сделано, машина на подходе, милиция в курсе.

— Понял, молодец. Леша, сворачивайся.

— Угу, — пробормотал Леша, как-то слишком непочтительно выдирая из гнезд на боку компьютера провода. — Ничего себе — зашли аспиринчику купить...

Гусев рассмеялся и бросил на Ирину подчеркнуто теплый взгляд.

— У меня заболела голова, — объяснил он. — Как оказалось — к счастью. Иначе вам пришлось бы терпеть этого психа до самого выхода. Там менты стоят, они бы помогли. А сейчас... Давайте потихонечку двинемся наружу. Подъедет наш фургон, там есть врач, он даст чего-нибудь успокоительного. И я вас отвезу домой. Вы же здесь живете?

— Да, спасибо... — Ирине показалось, что отвозить ее домой — это уж чересчур, она такого не заслужила. Но очень хотелось, чтобы Гусев хоть ненадолго остался рядом. С ним было тепло и безопасно. — Мне на Третью Фрунзенскую, отсюда недалеко...

— Простите за нескромный вопрос, вы давно здесь?

— Всю жизнь. С детства. А что?

— Просто мы соседи, — улыбнулся Гусев. — Как обидно, что я вас раньше не встречал.

— Может, встречали...

— Нет, я бы не забыл, — сказал Гусев твердо. — Ну, пойдемте? Отлично. Леша, подожди тут. Андрей, за мной.

У выхода стояла машина «Скорой помощи», и какие-то плечистые ребята вытаскивали из салона носилки.

— Андрей, проводи, — скомандовал Гусев. — Эй, доктор! Осмотри-ка потерпевшую. Держится она героически, но я бы не рисковал.

Ирина позволила усадить себя в «Скорую», Гусев остался курить снаружи.

Врач открыл дверь через несколько минут, вышел из машины, подал было Ирине руку, но Гусев успел первым.

— Порядок, — сказал ему доктор. — Совершенно здоровая молодая женщина. Давление чуть подскочило, но это естественно. Немного валерьянки и крепкий продолжительный сон.

— Все нормально? — спросил Гусев Ирину.

— Да, — она улыбнулась в ответ. — Кажется, отпустило. Знаете, не надо меня никуда везти. Я с удовольствием пройдусь. Такая чудесная погода...

Мимо пронесли на носилках обмякшее тело. Ирина на своего обидчика даже не посмотрела. Он больше не существовал, его забраковали. Она смотрела на Гусева, будто чего-то ждала.

— Можно я провожу вас? — попросил Гусев. Немного смутившись то ли потому, что очень давно не говорил таких слов женщине, то ли из-за доктора, который рядом терзался мучительной завистью. Совершенно искренне попросил.

— А вам можно... сейчас?

— Ему все можно, он начальник, — буркнул доктор. — Ну, до свидания, мы понеслись.

— Спасибо, живи... Да, Ира, мне все можно. Если вы позволите.

— Конечно, — сказала Ирина. — Конечно, я буду рада.

— Два слова ребятам, и я ваш. — Гусев отошел к своим подчиненным, которые с почтительного расстояния скалили зубы и таращили глаза. Особенно забавно выглядел Леша, он так и пыжился весь от восторга. «А ведь мальчишки любят его, — подумала Ирина. — Мальчишки славные, кого попало любить не станут, значит — есть за что. Да я и сама знаю почему. Он не очень счастливый и очень добрый. Изо всех сил давит в себе эту доброту и ничего не может с ней поделать. Он и в выбраковку пошел, наверное, потому что боялся окружающего мира, такого жестокого и неприветливого. Решил, что нужно самому превратиться в чудовище, и тогда ему будет не так страшно жить на свете. Наверное, детская травма. Глупый. До чего же все мужики глупые...»

— Живите! — Гусев коротким взмахом руки отпустил ведомых. Они издали поклонились Ирине. А Гусев вернулся к ней. Ирина взяла его под руку, и это получилось так естественно, как будто они каждый день ходят вместе от метро домой. «Хотя он-то, конечно, ездит на машине. Интересно, которая его?» — Ирина проводила взглядом отчалившие от тротуара автомобили выбраковщиков — распластанную по земле стремительную вишневую иномарку и какие-то странно мускулистые на вид «Жигули».

— Вы давно работаете в АСБ? — спросила Ирина. Просто для приличия. Могла бы и промолчать, ей было с Гусевым и так хорошо.

— Давно, — вздохнул он. — Чересчур давно. Пора менять профессию. Только еще не придумал, какую именно выбрать. Которая пригодилась бы в Африке.

— В Африке?

— А почему нет? Здесь скоро будет холодно, а мне, знаете, жутко надоели холода. Разлюбил я нашу вечную зиму.

— Я тоже, — согласилась Ирина. — Все время хочется уехать куда-нибудь, где тепло. Пусть даже жарко. Лишь бы отсюда.

— Это у нас с вами из-за работы, — сказал Гусев. — Вы слишком много видите больных людей. А я — плохих. Невольно мы озлобляемся и начинаем потихоньку ненавидеть родину, где сплошь подонки и ненормальные. В принципе Союз — не самая дурная страна. Только очень уж холодная.

— Очень холодная, — кивнула Ирина.

Гусев на миг отвлекся — им навстречу попалась умилительная пара. Невысокий крепко сбитый милиционер вел за руку прелестную светловолосую девочку лет шести-семи. Девочка что-то радостно щебетала, а милиционер ей поддакивал с очень серьезным видом. Заметно было, что он просто тает от удовольствия и совершенно не стесняется показать это всему миру.

«Классический счастливый отец, — подумал Гусев. — Надо же, как его распирает. Почему я всегда боялся иметь детей? Трусливый дурак. Может, еще не поздно? Конечно, не поздно. Уехать к чертовой матери отсюда, жениться, завести ребенка... Нужно просто решиться. Хоть раз в жизни что-то твердо решить. Поступить наконец-то по-мужски. Господи, как приятно идти рядом с женщиной, которая тебе по-настоящему понравилась! Хоть бери ее в охапку... и пусть даже в Африку!»

— Как ваша голова? — вспомнила Ирина.

— Я даже забыл. Прошла. Совершенно. Мне просто хорошо. С вами.

— Знаете... Мне тоже.

— Вот и замечательно, — сказал Гусев.

Он на секунду обернулся, провожая взглядом милиционера с девочкой.

Участковый Мурашкин посадил Машеньку себе на руки и нежно поцеловал в щеку.

КОММЕНТАРИИ

Цифры и факты — Историческая справка — Общественная жизнь — «Меморандум Птицына» — АСБ изнутри — Техника — Персоналии

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Согласно данным Мемориального архива Главного управления лагерей и каторжных работ, в период с 2001 по 2009 год в системе ГУЛАК отбывало наказание за подрыв экономики страны и преступления против личности 15 миллионов 864 тысячи 502 гражданина Славянского Союза. Немногим более полутора миллионов каторжников дождались смягчения приговоров и вернулись домой либо были переведены «досиживать» в лагеря общего режима.

В основном чистка производилась среди населения крупных промышленно-культурных центров. Выбраковка очень слабо затронула небольшие города, где отделения АСБ выполняли скорее роль пугала, и почти не охватила сельскую местность. Тем не менее в первые же годы после образования АСБ на всей территории страны было отмечено лавинообразное падение числа зарегистрированных преступлений, в том числе и по категориям, лежащим вне компетенции Агентства.

Безусловно, количество заключенных в целом по стране было гораздо больше, и многие из тех, кто находился в «обычных» исправительных заведениях, отбывали весьма значительные сроки — например, за угон автотранспорта, ношение оружия или квартирные кражи. Одна только принудительная демилитаризация кавказских республик породила гигантские «черные зоны». Следует также учитывать и огромный контингент так называемых «лечебно-трудовых» учреждений, куда направлялись алкоголики и лица, ули-

ченные в систематическом употреблении наркотических средств. Кроме того, активно пополнялись интернаты для беспризорных детей и «профилактические лагеря» для малолетних правонарушителей. Фактически в этот период каждый десятый житель Союза был против своей воли переведен на закрытый казарменно-лагерный режим.

Тем не менее из лагерей и «профилакториев» люди возвращались. С каторги — нет. Туда уходили навечно, и очень немногим, как мы уже отмечали, удалось вернуться назад. Что характерно — общество приняло их без особого восторга. Клеймо «врага народа», даже несомое человеком, сломленным душевно и физически, оказалось несмываемым.

Политика «сильной руки», подкрепленная жесточайшим давлением на общественное сознание, обусловила и возникновение некоторых побочных эффектов. Даже в Москве, городе традиционно динамичном и резком, был кардинальным образом сломан ритм жизни. И отмеченная уже в первой главе идиллическая всеобщая ленца — только самый поверхностный знак того, насколько серьезно вмешалась власть в повседневную жизнь гражданина.

Н. ГЕРМАН, С. ЛУЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Многочисленные социологические опросы, проведенные в России в конце XX века, выявили следующую закономерность. Фактически сто процентов респондентов готовы были приветствовать власть, которая наведет в стране некий условный ПОРЯДОК. Как правило, люди вкладывали в это понятие несложные по форме, но труднодостижимые по существу идеалы, реализовать которые могло только сильное правительство, опирающееся на всенародную поддержку. В то же время — парадоксально, но факт — не менее 70% респондентов не были готовы ради достижения ПОРЯДКА согласиться на ограничение своих гражданских свобод. Люди хотели, чтобы в магазинах сохранялось прежнее изобилие, отпуск можно было проводить на зарубежных курортах, а свобода слова никак не ограничивалась. Эти безусловные достижения правящего режима они успе-

ли оценить по достоинству и не хотели с ними расставаться. Им просто казалось странным, почему внешние атрибуты демократии каким-то загадочным образом уживаются с разгулом бандитизма, невероятно высокой уличной преступностью, повальной безработицей, жестокими финансовыми кризисами и тем, что богатые все богатеют, а бедные становятся еще беднее. Многократные удары по нарождающемуся среднему классу, который мог бы стать истинным гарантом стабильности общественного устройства, только усугубили положение дел, выбив из «зоны лояльности» самых одаренных и трудолюбивых. Фактически на переломе веков вся Россия требовала одного — ЧУДА.

Чудо должно было заключаться в следующем. Во-первых, четко определить, кто виноват в бедственном положении страны. Во-вторых, четко обозначить, что делать, дабы из такого положения выбраться раз и навсегда. И наконец — СДЕЛАТЬ ЭТО!

Самопровозглашенное Правительство народного доверия, захватившее власть в результате «январского путча», принесло с собой все необходимые лозунги. Но в отличие от предыдущих властных команд ПНД было классической хунтой — с той лишь разницей, что костяк его составляли не столько армейские генералы, сколько высокопоставленные офицеры спецслужб. Поэтому все свои лозунги ПНД подкрепило реальной силой. И сила эта была настолько убедительна, что перед ней почтительно склонились не только россияне, но и мировое общественное мнение, на первых порах грозившее России чуть ли не интервенцией.

Лозунги ПНД были удивительно просты и доходчивы. Купировать преступность на уровне ее воспроизводства — раз. Вернуть награбленное в казну и создать такие условия, чтобы деньги никогда больше не уходили за кордон без разрешения, — два. Решительными мерами оздоровить нацию — три. И главное — ПНД твердо заявило: «Мы уважаем каждого честного гражданина и сделаем так, чтобы ему больше нечего было бояться».

Короче говоря, это был тот самый вожделенный ПОРЯДОК.

Естественно, на уровне заявлений ПНД столкнулось,

мягко говоря, со всеобщим сарказмом. Первое же обращение правительства к нации вызвало к памяти давно знакомую всем аббревиатуру (напомним, ПНД — это психоневрологический диспансер). Но страна еще не осознала, что ее границы перекрыты, а созданная на днях специальная служба ведет повальные аресты тех, кого называли «олигархами». Россия еще не подозревала, что завтра она проснется в составе нового государства, именуемого Славянским Союзом, а у народа этого Союза появится множество врагов, от которых страну нужно очистить, — для них уже расконсервировались многочисленные лагеря на севере. И что жизнедеятельность Союза регулируется уже сто одним указом ПНД, а на подходе еще два, которые на ближайшее десятилетие определят ВСЁ.

Эти указы не могли быть проведены в жизнь по определению. Не могли сработать, потому что весь народ должен был восстать против власти, провозгласившей массовый террор. Ни в одной стране мира люди не согласились бы жить под таким чудовищным гнетом. Но то, что происходило на территории Союза до сих пор, было во многом еще страшнее, а главное — унизительнее.

Сто второй и Сто шестой указы откровенно подкупали настрадавшегося обывателя. Они гарантировали вернуть ему самоуважение. Веру в то, что он и есть истинный хозяин своей страны. Обыватель с наслаждением купился. И, как показала дальнейшая практика, очень долго ни о чем не сожалел.

«Указ Сто два» провозгласил так называемое «двухступенчатое правосудие». С момента его опубликования среди всех уголовно наказуемых преступлений в особую группу выделялись преступления, направленные против человеческой личности. Не только убийство или изнасилование, но также разбои, грабежи, хулиганские действия с нанесением тяжких физических повреждений и многое другое, включая торговлю наркотиками, классифицировалось указом как посягательство на главное достояние страны — ее моральный климат. Человек, решившийся на такое злодеяние, провозглашался врагом народа, то есть лицом, сознательно поставившим себя за грань человечности и не достойным

сожаления. Такие преступления карались одним-единственным образом — пожизненными каторжными работами.

Во вторую группу выделялись преступления, охарактеризованные емким термином «подрыв экономики». Здесь соседствовали уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах и примитивный рэкет, торговля контрафактным товаром и производство оного, несанкционированный вывоз капитала за рубеж и далее по пунктам. Эти преступления также вели прямиком на каторгу.

Защитой интересов общества в рамках «Указа Сто два» призвана была заняться совершенно новая структура, подведомственная напрямую председателю ПНД. Структура называлась Агентством социальной безопасности.

«Указом Сто шесть» вносились серьезнейшие дополнения и изменения в действующий Уголовный кодекс. В первую очередь указ резко поднимал планку наказания за правонарушения, считавшиеся до сей поры не очень серьезными. Покушение на личную собственность, такое, например, как угон автомашины или квартирная кража, теперь влекло за собой минимальный срок в десять (!) лет. Но главными позициями «Сто шестого» были методика пресечения рецидивной преступности и система предупреждений. Третье по счету уголовное преступление (или просто следующее — для тех, кто уже сидел за десятое по счету) каралось опять-таки пожизненной каторгой. А если гражданин не был склонен к уголовщине, но вел антиобщественный образ жизни — например, жестоко обращался с детьми, продавал свое тело за деньги или любил в пьяном виде подраться, — его дважды предупреждали, что он плохо кончит. А на третий раз отправляли «перековываться» в лагерь. Для таких случаев существовала широко дифференцированная система наказаний. Описанный в книге инцидент с господином Юриным — достаточно характерный пример «поглощения менее тяжких нарушений более тяжким», когда в дело вмешалось АСБ. Если бы Юрин просто ударил секретаршу или сексуальные домогательства не сопровождались бы избиением, диспетчер Центрального отделения Агентства мог передать вызов милиции.

Безусловно, существовало еще великое множество нормативных актов, которые следовали за двумя исторически-

ми указами вдогонку, регламентируя малейшие детали новых взаимоотношений человека и государства. Но в памяти народной четкими вехами сохранились именно эти два документа, создавшие порядок, кардинально отличающийся от привычного.

Да, к моменту воцарения ПНД и образования Союза на земном шаре еще были государства, где ворам отрубали руки, а прелюбодеев забрасывали камнями (причем опросы показывали, что огромное количество россиян считало такое положение дел хотя и жестоким, но справедливым). Однако мало кому было известно, что в тех же государствах актом мужеложства (за который где-то отрубают голову, а где-то всего лишь бьют палками) считается исключительно введение головки полового члена в задний проход лица мужского пола, а не что-нибудь другое. Любой, даже самый драконовский закон, предполагает некоторые лазейки и «вилки». Законы, установленные ПНД, никаких лазеек не предусматривали.

Более того, они не предусматривали и наличия традиционной доказательной базы как необходимого условия для признания человека виновным. Справедливо рассудив, что в стране, где ежегодно регистрируются миллионы (!) преступлений, а следственные изоляторы набиты битком, понадобится новых подследственных годами мариновать в концлагерях, ПНД совершило революционный прорыв. Было объявлено, что в интересах скорейшего отправления правосудия доказательством вины можно считать признание самого подозреваемого. В том числе и полученное под воздействием психотропных средств.

И с этого момента колесо выбраковки покатилось.

С. ЛУЦКИЙ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Феномен десятилетнего царствования ПНД вряд ли может уложиться в голове, если не принимать в расчет базовую пропагандистскую идею Правительства народного доверия. ПНД никогда не отнимало у своих граждан больше четко определенного минимума свобод.

Само собой напрашивалось, что ПНД провозгласит изоляционистскую политику, наглухо закрывшись от остального мира. Естественно было ожидать рецидива мобилизационной экономики, а как следствие — голода, пустых прилавков и массовых народных волнений. Нормально было предположить, что, развязав «охоту на ведьм», ПНД от чисток социальных рано или поздно докатится до этнических.

И уж никак нельзя было ожидать, что, по сути, национал-социалистический режим удержится на тонкой грани между «закручиванием гаек» и откровенным большевизмом.

Тем более что мировое общественное мнение устроило ПНД настоящую обструкцию. Планета не забыла, что русские — величайшие в мире обманщики, заразившие в двадцатые годы XX века коммунизмом не только пол-Европы, но и Америку, где объявленные вне закона коммунисты-агитаторы намеренно подворачивались «копам», дабы те их до полусмерти избивали. То, что русские в это время коммунистическую идею тихой сапой подрывали, набивая лучшими из сограждан ГУЛАГ, стало для всех тяжелейшим уроком. И сколько бы ПНД ни уверяло, что в Славянском Союзе готовится построение земного рая и все скоро будут счастливы, это только подогревало всемирную «антиславянскую» истерию.

Особенно злобствовали поначалу американцы — они вложили массу средств в финансирование русского коммунистического реванша и всем объясняли (в первую очередь россиянам), что для России борьба с коррупцией важнее любых реформ. Получили они на выходе черт знает что без единого коммунистического лозунга, зато с отчетливым фашистским душком. И очень долго не хотели признавать, что русские их цинично переиграли.

На самом деле ПНД блестяще использовало передовые западные технологии паблик рилейшнз. Оно талантливо вычислило и сформировало идеологию режима, одновременно удовлетворяющего его личным потребностям и запросам самой политически активной части россиян. Хотим мы того или нет, в первые шесть-семь лет своего пребывания у власти ПНД не учинило ни одной из тех возможных глупостей, о которых мы говорили в начале раздела. Оно

просто железной рукой «закрутило гайки». Оно стало той властью, которую все долго ждали — способной не только делать вид, будто в стране демократия, но и по-настоящему убедить обывателя, что это на самом деле так. Властью, которая готова была во имя демократии поступаться некоторыми демократическими ценностями и прикрывать это демократическими же лозунгами.

Ведь демократия — это власть народа, не так ли? Когда народу объяснили, что теперь все будет делаться только для него, и наглядно доказали это решительным изничтожением убийц и казнокрадов...

Народ не то чтобы воспрял. Повторим в очередной раз — это происходило в начале века, когда общее настроение в стране было однозначным — мы живем так, что хуже быть не может. ПНД предложило выход, который точно был не хуже. Люди решили посмотреть, что из этого получится, и невольно увлеклись.

Интеллигенция была удручена, журналисты наперебой кричали о приходе к власти фашистов, кое-кто умудрился-таки бежать на Запад и там разразился апокалиптическими прогнозами. Евросоюз туманно намекал на торговое эмбарго, Америка фактически его ввела. Одного только отказа от фильтрации информационных потоков хватило бы, чтобы ПНД обрушилось — но оно все стояло. И как-то очень быстро оказалось, что в Союзе по-прежнему существует частный бизнес, а вот как раз борьба с коррупцией, о которой так долго говорили американцы, — свершилась. И то, что на каждом углу стоят милиционеры с автоматами, люди воспринимают скорее как благо, потому что милиция вдруг стала удивительно приветлива, а ворье куда-то попряталось.

Кроме того, Союз не отказывался платить по российско-белорусским долгам, чего все от него с замиранием дыхания ждали. Союз только попросил отсрочку.

Глобальная вакханалия продолжалась несколько месяцев, а потом заглохла сама собой. Выяснилось, что русские всего-навсего НАВЕЛИ У СЕБЯ ПОРЯДОК, и с ними теперь можно иметь дело. А на то, какими методами они этот порядок организовали, можно довольно легко закрыть глаза. Удивительно благоприятный инвестиционный климат и

дешевизна рабочей силы начали постепенно засасывать в страну очень большие деньги. К 2005 году Союз заложил основы своего «экономического чуда» и занимал такое положение в мире, о каком и мечтать не могли прежние Россия и Беларусь по отдельности.

Что интересно — как раз к этому моменту в Союзе уже не было по-настоящему свободных газет и начались гонения по этническому признаку. Но по большому счету зарубежных партнеров Союза такие «мелочи» не очень волновали.

Сложилась фантастическая ситуация — государство, которое откровенно попирало права человека и которому об этом все говорили в лицо, прочно вросло в мировое сообщество. Псевдоальтернативные выборы, зверское уголовное законодательство, начавшиеся-таки припадки массового шовинизма... Но тем не менее с Союзом торговали, вели научный и культурный обмен. Нечто подобное случилось когда-то с фашистской Германией и продолжалось до тех пор, пока она не начала воевать. Да и с Советским Союзом — тоже.

Если бы ПНД не загнивало изнутри — кто его знает, сколько бы лет просуществовал этот странный парадоксальный рай.

Конечно, четкая датировка в романе отсутствует, но и так ясно, что это 2007 год, год провалившегося «второго октябрьского путча» и последний, наверное, «счастливый» в истории Союза. Недаром книга пронизана ощущением надвигающейся беды. ПНД начало чудить уже тремя-четырьмя годами раньше — сначала ему вдруг помешали цыгане, потом оно окончательно подмяло под себя масс-медиа, потом начало откровенно подтасовывать результаты выборов, на которых и так выбирать-то было особенно не из чего. Все это происходило на фоне акции «У нерусских не покупаем», обращенной в первую очередь против граждан Союза, имеющих кавказские и среднеазиатские корни. Принято считать, что у ПНД не вовремя образовался дефицит врагов народа. Но не очень понятно, как это вяжется с нагнетанием слухов о близком роспуске АСБ и случившимся вскоре страшным «самоочищением» Агентства. Скорее

всего просто набрали силу характерные для любой хунты самодеструктивные тенденции. Нелепый выверт с несвоевременной деноминацией рубля только подтверждает это. ПНД катастрофически теряло дееспособность.

Тем не менее жить в Союзе еще было можно.

Хотя действие «Выбраковки» и происходит девяносто лет назад, сплошь и рядом в тексте проглядывают характерные приметы сегодняшнего времени. Оказывается, современная Россия очень многое взяла от «союзного» периода. Например, Служба доставки по-прежнему развозит по домам граждан, которые уже не могут передвигаться самостоятельно, причем, как и в самые первые годы ее работы, кое-кто предпочитает отлежаться в наркологическом центре, нежели попасть в руки близких родственников.

Упомянутая в книге акция «Табак убивает» чуть было не породила целое некурящее поколение, чего не скажешь о знаменитой европейской программе «Non-Smoking Generation». Если вы сегодня не курите, то скорее всего можете поблагодарить разработчиков этой страшной по степени воздействия пропагандистской агрессии. То ли к счастью, то ли к сожалению, акция была поспешно свернута вскоре после распада Союза. Выяснилось, что тотальный психологический дискомфорт, в который она буквально окунула страну с головой, может иметь куда более страшные последствия, чем прямой вред, наносимый курением здоровью нации. Сама идея очень показательна — именно так все и делалось в Союзе. Быстро, жестко, без оглядки на возможные побочные эффекты, но с твердым заверением: граждане, это в ваших интересах, мы заботимся о вас.

С результатами другой акции, по-настоящему дикарской — «У нерусских не покупаем», — про которую все в Союзе знали, что она инспирирована ПНД, мы тоже сталкиваемся и по сей день. О том, когда же рассосется опухоль искусственно раскрученной ксенофобии и почему у нее оказались такие кошмарные метастазы, написано достаточно исследований, и мы сейчас не будем касаться этой больной для каждого порядочного человека темы.

А вот чего девяносто лет назад точно не было — это постоянных разговоров о коррупционерах и редких, но все же раздающихся выстрелов на улицах городов. Остается только согласиться с Большаковым — выбраковка не достигла цели. Стремительный откат, начавшийся после ухода ПНД, не обрушил нас на то же дно, с которого «кремлевские людоеды» подняли страну. Но все-таки так и остался нерешенным вопрос — а стоит ли безоговорочно признавать ошибкой все, что было тогда сделано?

С. ЛУЦКИЙ

«МЕМОРАНДУМ ПТИЦЫНА»

Наверное, это будет самый краткий и наиболее конкретный раздел комментариев. Если вы интересовались историей выбраковки, то наверняка видели в И-нет многочисленные ссылки на альманах «Меморандум Птицына и другие материалы». Нет ни малейших оснований считать Павла Птицына реально существовавшим человеком. Однако после выхода в свет комментируемого нами романа это название так и закрепилось за относительно небольшим произведением, которое похоже одновременно на наброски рекламной концепции и аналитическую справку-доклад.

Психолингвистический анализ, проведенный впервые в 2030 году и многократно повторенный независимыми специалистами, не позволяет твердо заявить, что именно этот материал лег в основу креативных разработок «аналитической группы ПНД». Во-первых, сама эта «аналитическая группа» в большой степени миф. Во-вторых, большинство исследователей убеждено, что «Меморандум» всего лишь хорошо выполненная подделка. В то же время нельзя не признать один-единственный неоспоримый факт. А именно: «Меморандум» был первоначально составлен человеком приблизительно двадцати лет и затем дополнен и переработан взрослым мужчиной, не моложе сорока. Оба таинственных автора, безусловно, являются носителями русского языка, причем младший пишет легко и свободно, а у старшего письменная речь сильно клиширована. То, что оба этих человека не совсем нормальны (о чем заявлялось многократно), — вопрос дискуссионный. Младший, безусловно, шизоиден, но без четко обозначенной патологии. О психике старшего еще труднее судить все из-за тех же жестких клише. Кроме того, вызывает естественные со-

мнения искренность авторов — ведь «Меморандум» действительно может быть подделкой, и тогда любой психологический анализ теряет смысл.

Важно другое — концепция возникновения «Меморандума» полностью укладывается в сюжетную логику романа. И либо оба текста появились в рамках какого-то неведомого нам замысла (об этом подробнее ниже, в разделе «Персоналии»), либо... Напомним, что «Меморандум» впервые был опубликован в 2029-м, источник так и остался неизвестен.

Тут мы позволим себе остановиться в рассуждениях, ибо версий напрашивается множество, а правду установить пока что не представляется возможным.

И. КОРОЛЕНКО

АСБ ИЗНУТРИ

Разумеется, для всех оказалось бы проще записать одним махом выбраковщиков в психопаты и навсегда покончить с вопросом, отчего же структура, в которой работали исключительно сумасшедшие, получилась настолько эффективной и живучей. Но в реальности все обстояло гораздо сложнее. Да, в отделениях АСБ «трудились» отнюдь не ангелы, и почти каждый выбраковщик страдал в той или иной мере психическими отклонениями. Но все это были люди вполне социализированные — по меркам своего времени, разумеется. Да, с нынешних позиций непросто поверить в то, что им дали в руки оружие и власть. Но давайте учитывать, что Россию начала двадцать первого века наводняли миллионы — повторим — миллионы! — преступников и не меньшая армия людей, которые им противостояли: милиционеров, частных охранников, работников спецслужб. Плюс невинные жертвы множества локальных военных конфликтов, люди, которые, едва достигнув совершеннолетия, не по своей воле оказались под огнем и были вынуждены стрелять в ответ.

То есть счет уже может идти на десятки миллионов людей, изначально склонных к насилию вообще и насилию как методу решения вопросов — в частности!

В такой обстановке странно было бы считать выбраковщиков каким-то выдающимся явлением. Подавляющее большинство из первого потока уполномоченных, к которым принадлежат такие герои «Выбраковки», как Мышкин, Данилов и многие другие, имели боевой опыт и навсегда запомнили, что самый благоразумный метод обращения с вооруженным противником — стрелять первым. А еще лучше — схватить его, пока он не дотянулся до оружия, и навсегда лишить возможности оружие носить.

Вышедшая в Нью-Йорке книга «АСБ изнутри» (2020), название которой мы использовали как заголовок этого раздела, показывает именно такую картину. Хотим мы того или нет, выбраковщики были всего-навсего героями своего времени. Точь-в-точь как описал автор «Выбраковки»: они жестоко расправлялись с теми, кого считали врагами народа, и мучились совестью, убивая бродячих собак. Характерная черта уполномоченных АСБ — полное отсутствие жалости к лицам без определенного места жительства (а попросту — нищим бродягам) — у некоторых из них полностью редуцировалась, если бомжем оказывался ребенок, а у некоторых только усиливалась. И все, как один, уполномоченные тяжко переживали, когда им приходилось браковать детей с патологией развития. Здесь всплывает ключевой момент концепции выбраковки — безоговорочному устранению подлежал человек, СОЗНАТЕЛЬНО выбравший антиобщественный образ жизни или уродливую манеру поведения.

Судя по всему, на заре выбраковки никто из ее верных солдат не подозревал, что, раскрутив политику чисток, власть не сможет остановиться, и в категории брака начнут попадать все новые и новые социальные группы, враждебность которых зачастую будет вызывать сомнения даже у самых убежденных адептов модели «двухступенчатого правосудия».

К сожалению, вся кадровая документация АСБ была уничтожена сотрудниками Агентства в дни окончательного падения ПНД. Сегодня мы не располагаем статистикой по динамике самоубийств среди уполномоченных АСБ — можем только предполагать, что она была нарастающей. Нет данных и по количеству внутреннего брака — хотя свидетели

утверждают, что с каждым годом выбраковщикам все чаще приходилось убивать своих. Казалось бы, иначе и быть не могло, это все очевидные тенденции, но они почему-то изначально не учитывались самой заинтересованной в данном вопросе стороной — руководством Агентства и правительством страны.

Но скорее всего недоумение современных исследователей зиждется на неверной посылке. Отчего, например, социологи таким категорическим тоном говорят о подтасовке результатов опросов, проводившихся в начале века? Естественно — им кажется невозможным запредельный (70—80%) рейтинг ПНД в первые шесть лет его владычества. Конечно, они не могут согласиться с тем, что до шестидесяти процентов молодых людей (а с образованием ниже среднего — до восьмидесяти!) мечтали работать в выбраковке. Но не кажется ли вам, уважаемый читатель, что мы просто слишком далеко ушли от того общественного устройства, которое вытолкнуло на свет божий (не могло не вытолкнуть!) Правительство народного доверия с его концепциями и методами их проведения в жизнь? Мы от него примерно на том же расстоянии, что и от древнегреческой Спарты.

А значит, нам просто не дано понять, какими истинными мотивами руководствовались люди, приходившие на собеседование в рекрутинговые офисы АСБ. И сколько бы ни твердили психологи о детских травмах и феномене «комбатантов», они выступают с позиции нынешнего дня и современного человека. Вспомним еще раз жестокие условия, породившие Спарту, и честно признаемся: для тех лет, для того постоянного страха, в котором жила Россия, эти люди были вполне обычны. А значит, и вполне нормальны.

Безусловно, нельзя не сказать в данном контексте о работе Кипниса «АСБ: триумф незрелой личности» (СПб., 2019 г.). Выводы автора и по сей день представляются совершенно безупречными. Но если учитывать, что к умеренно инфантильному типу можно смело отнести до восьмидесяти процентов мужского населения России, опять-таки встает прежний вопрос: и что?! Некоторым милиционерам тоже приходится убивать нехороших парней, тем не менее у этих милиционеров есть жены и дети, которые гордятся ими и считают, что муж (папа) нормальный человек (чего и вам желаем). Поэтому не факт, что личные проблемы выбраковщиков не усугублялись тем, что уполномоченным приходилось убивать хладнокровно и помногу. Хотя четко установлено, что первая генерация сотрудников АСБ (так называемые «ветераны») была сплошь и рядом несчастлива в личной жизни, не умела (или не хотела) подолгу удерживать партнеров и заводить детей, но где тут причина, а где следствие — в этом еще предстоит разобраться.

И последний аргумент: если бы они все были так ненормальны, как принято считать, выбраковка уничтожила бы себя самое уже через год-два.

Кажется, с этого утверждения мы и начали.

И. КОРОЛЕНКО, Т. КОРОЛЕНКО,
С. ЛУЦКИЙ, В. В. ALEX

ТЕХНИКА

Техническое оснащение АСБ — оружие, средства индивидуальной защиты, транспорт и системы передачи информации — находилось на характерном для того времени уровне и не представляло ничего революционного.

Рядовой оперативник Агентства носил легкую двухкомпонентную броню, закрывающую тело от паха до горла, рассчитанную на защиту от пистолетной пули 9 мм и осколков гранаты. Поскольку уполномоченные проводили в своих комбидрессах значительное время, то под броню обычно надевалось специальное гигроскопическое белье с демпфирующим эффектом.

Пневматический игольник, внешне похожий на игрушечный пистолет из-за характерного «пластмассового» оттенка, имел эффективную дистанцию поражения около 50 метров. Помещавшаяся в рукоятке обойма с интегрированным газовым баллоном содержала двадцать, иногда тридцать игл-дротиков, начиненных парализующим раствором, обеспечивающим почти мгновенную блокировку двигательных функций. Огнестрельное оружие уполномоченным не полагалось, но, как справедливо отмечено в книге, многие выбраковщики носили его вполне открыто. За ред-

ким исключением это оружие было добыто ими в бою. Кодекс чести выбраковщика предполагал, что иным путем заполучить огнестрельный ствол для уполномоченного недостойно. Уже на второй-третий год выбраковки в каждом отделении АСБ имелся приличный стрелковый тир с опытным инструктором и солидным боекомплектом. Откуда все это бралось, сейчас установить не представляется возможным, ясно лишь, что руководство Агентства такое положение вещей считало естественным. Принимая во внимание исключительные полномочия Агентства, можно предположить, что движение огнестрельного оружия и боеприпасов внутри АСБ регулировалось какими-то закрытыми документами.

Коммуникационные устройства выбраковщиков также не блистали особой продвинутостью, это были несколько громоздкие прообразы тех мобильных приемопередающих станций, которыми сейчас пользуется фактически каждый житель планеты. В России такие аппараты традиционно называют «телефон», за рубежом в ходу термин «кам» (Communication Module, казалось бы, произносить нужно «ком», но имеется в виду другое). Естественно, в годы выбраковки подобные устройства еще не были компьютеризированы. Штатный трансивер АСБ представлял из себя довольно дорогую для того времени полнодуплексную станцию, обеспечивающую транкинговую связь с выходом в телефонную сеть. Подключив к трансиверу «книжку» — ударопрочный мини-ноутбук, — оперативник получал онлайновый выход в закрытую внутреннюю сеть и базы данных Агентства. Во избежание ненужной активности программное обеспечение «книжек» не предусматривало возможности доступа к И-нет, сами «книжки» не имели дисководов, а корпуса их были опломбированы. Два порта со штыревыми разъемами предназначились для штекеров трансивера и сканера отпечатков пальцев. К моменту, описываемому в книге, полномасштабное дактилоскопирование жителей Союза было завершено и установление личности по отпечаткам не составляло ни малейшей проблемы, хотя и занимало определенное время.

У этой системы имелся только один существенный недостаток. Поскольку транкинговая связь — всего лишь разновидность сотовой с плавающей частотой, то устойчивость приема напрямую зависела от расстояния между трансивером и ближайшим ретранслятором. Оказавшись на границе двух сотовых ячеек, трансивер мог дать сбой. Кроме того, в городской черте всегда имеются некие «мертвые зоны», в которых по целому ряду причин радиосвязь глохнет. Дабы избежать таких ситуаций, в каждой тройке один из «ведомых» носил на себе ретранслятор — компактный усилитель сигнала, фактически превращавший тройку в самостоятельную мобильную ячейку сети. Как правило, этот же ведомый был экипирован и ноутбуком — основной груз вешали на заведомо наименее подвижного члена тройки, чтобы не ограничивать возможности остальных двоих.

«Труповозки» и легковые машины Агентства были только отечественного производства, изменения в их конструкции носили чисто утилитарный характер, а надежность обеспечивалась постоянным грамотным техобслуживанием. Форсированные двигатели и спортивные подвески автомобилям АСБ вряд ли требовались — Агентство предпочитало не догонять, а подстерегать. Кроме того, чтобы увеличить скорость движения по городу почти вдвое, уполномоченному достаточно было включить спецсигнал. Разумеется, у нас нет оснований не верить автору книги, и вполне можно предположить, что «двадцать седьмая» машина с ее выдающимися ходовыми качествами действительно существовала. Тем более что, по свидетельствам компетентных лиц, московский техцентр АСБ собрал под свое крыло отличных специалистов (почти исключительно из бывших уголовных преступников), а желающих провести глубокий тюнинг отечественной машины в России всегда было хоть отбавляй. Ничто так не тешит национальную гордость великоросса, как «Лада», обгоняющая «Мерседес».

B. B. ALEX

ПЕРСОНАЛИИ

Соответствие героев книги историческим прототипам — очень непростой вопрос. Как известно, любое художественное произведение, созданное на реальной событийной

базе, пусть даже и по горячим следам, грешит субъективизмом оценок. Иногда этот субъективизм намеренный (как, например, в случае с Дракулой в версии Стокера — реальный Влад «Дракул» Тепеш соотносится с его героем разве что географически). Иногда — злонамеренный, но из лучших побуждений, — достаточно вспомнить нашумевшие труды первого рецензента «Выбраковки» И. Большакова «Кремлевские звезды Сиона» и «Эпоха геноцида». Это классический случай, когда автор просто не смог пересилить себя и настолько сгустил краски, что первую из названных книг вообще отказываются публиковать российские издательства, а вторую нельзя читать без саркастической усмешки. Случаи откровенной умышленной подтасовки фактов или элементарного незнания предмета, наверное, не стоит разбирать вообще. А вот тот вариант, при котором автор по-честному зеркально отражает ситуацию, пропуская через призму своего видения характеры и лица, — это документальная книга «АСБ изнутри» или художественная «Выбраковка».

С одной стороны, мы сами не ожидали, насколько легко можно вычислить реальные имена целого ряда прототипов. С другой — автор «Выбраковки» оставил нам множество отчетливых знаков, причем совершенно примитивных, лобовых. Ему, наверное, показался самым простым (забавным? изящным? подлым?) метод элементарного жонглирования фамилиями. Недаром же он раскручивает маховик генерации имен в обратном направлении на примере своего Павла Гусева.

Вряд ли нам удалось бы провести корректную реконструкцию, если бы не любезная помощь Всемирного Фонда ветеранов оперативных служб. Эта организация, мафиозно-клановый статус которой вызывает и по сию пору множество кривотолков, провела колоссальную работу по установлению личности и поиску сотрудников самых разных (а зачастую и невероятных) секретных правительственных агентств. Подчеркнем: официально заявленные цели Фонда мемориально-исследовательские. И именно Фонду, что закономерно, удалось выйти на тех немногих аэсбэшников, которые по тем или иным причинам все еще оставались живы к середине нашего века. Некоторые из них оказались весьма осведомленными и достаточно охотно предоставили Фонду информацию, не доверять которой у нас нет оснований.

Увы, радужные надежды, которыми мы тешили себя в самом начале работы, вскоре уступили место разочарованию. Да, как и следовало ожидать, выбраковщик Данилов оказался капитаном спецназа в отставке Данилиным, командиром одной из групп Центрального отделения, и, судя по свидетельствам коллег, в «Выбраковке» он как живой со всеми своими характерными словечками. Да, безымянный инструктор по стрелковой подготовке работал когда-то в контрразведке и даже был вскоре после второго октябрьского путча застрелен сослуживцами как американский шпион, что полностью доказывает реальность его существования (уж извините за неуместную живость, мы, видимо, слишком глубоко погрузились в материал).

И Калинин оказался Малининым. И Корнеев — Корнешовым. И Иванов-Петров-Сидоров (на самом деле Петров) с Петровки дослужился до генерала. Наверное, автору показалось уж слишком анекдотичным сочетание «Петров с Петровки», иначе он бы оставил все как есть. Потому что, например, милицейский подполковник Ларионов в книге настоящий вплоть до фамилии и места работы. Даже «кремлевский мальчик» Вадим Чернов действительно был мужчина в теле и покончил-таки с собой, вскрыв вены осенью 2012 года. И командовал тогда в КФН ЦКБ не кто-нибудь, а профессор Мирзоев (оставивший, между прочим, интереснейшие мемуары с презабавным названием «Моя жизнь в психиатрии»).

В принципе можно предположить, кто такой старший группы Мышкин. Следуя логике автора и цепляясь за внешние приметы, он либо Алексей Кошкин (о котором ниже), либо полулегендарный Алексей Крыса, основавший после сокрушительного падения ПНД и распада Славянского Союза знаменитый «Фронт славянского возрождения» — взрывчатую смесь шайки Робина Гуда, тоталитарной религиозной секты и подпольной организации большевиков. «Крысняки» некоторое время зверствовали в средней полосе России, потом их выдавили за Урал, где организация и была окончательно рассеяна, а сам Крыса бесследно ис-

чез. Кошкин тоже избежал расплаты за свои грехи, но он в 2021 году вдруг объявился в Штатах, причем в обличье — ни больше, ни меньше! — легализованного сотрудника ЦРУ США и выпустил бестселлер, известный на русском как «АСБ изнутри» («SSA inside: The True Story of Total Horror»).

Крысу автор вряд ли вывел бы в ипостаси Мышкина, персонажа не самого приятного, но более или менее терпимого. Кроме того, Крыса работал в Смоленске, а автор упорно не хочет выходить за пределы Москвы, даже описывая подробности «второго январского путча». Заметно, что его вообще куда больше интересовали персоналии, чем процессы. А вот если автор был лично знаком с Кошкиным (что интересно — человеком с безумно замусоренной русской речью), то это в какой-то степени могло бы пролить свет и на личность самого писателя, и на его дальнейшую судьбу после ликвидации АСБ. Увы, тут наши возможности пока исчерпаны. Сам Кошкин в своих многочисленных интервью русскоязычной прессе автора «Выбраковки» называл исключительно фашистом, маньяком и от любых возможных контактов с ним открещивался. А наши американские коллеги-исследователи, в том числе и допущенные к рассекреченным файлам ЦРУ, полагают автора коллективным и попросту отказываются искать следы отдельно взятого человека. По их мнению, «Выбраковка» — часть сложной многоходовой пропагандистской конструкции, с помощью которой русские пытались откреститься от своего каннибальского прошлого. Вообще наш интерес к личности автора зарубежным аналитикам понятен, но они его просто не разделяют. Им кажется гораздо более важным нащупать масштабные тенденции и установить, кому это выгодно, а мы полагаем, что иначе как мелким ситом здесь оперировать нельзя. В конце концов, большинство членов группы, собранной ОМЭКС, — полноценные носители русской культурной традиции, и нам лучше знать, для чего в России пишутся книги.

Все же, наше исследование продвинулось неожиданно далеко. Мы знаем, кто такой шеф Центрального отделения АСБ — он действительно когда-то работал в прокуратуре, но его настоящее имя уже никому ничего не скажет. А имя директора АСБ памятно многим, но это тоже совершенно

неинтересный персонаж. И Председатель Верховного Совета, по совместительству премьер-министр Литвиненко (Литвинов), мало у кого вызовет острое желание близкого знакомства. Мы выяснили очень многое. Нам удалось даже отыскать следы Православного братства священномученика Епидифора (наткнулись случайно), на оптовом складе которого попросту разливали лампадное масло.

И Овчинникова по прозвищу Бедная Овечка на самом деле замучили бандиты — такой факт даже Ивану Большакову был известен, только непонятно, почему он в своем эссе «Палачи и шерифы» уверяет, что «и тут не без вранья». Хотя скорее всего он не располагал нашей документальной базой.

И действительно выбраковщики Купченко и Бунин (нет, вы только подумайте — какой все-таки автор наглец!!! Это же оперативные псевдонимы Гусева и Валюшка) расстреляли однажды служебный автомобиль высокопоставленного чиновника (правда, не министра информации, а Генерального прокурора). На этом, кстати, их карьера и закончилась — уполномоченные были вдребезги пьяны, им что-то померещилось, стрельбу квалифицировали как тяжкое преступление и обоих забраковали в тот же день.

Но это все мелочи. Очень точно подмеченные и неплохо выписанные мелочи. Антураж. Самое интересное оказалось тайной за семью печатями.

Так получилось, что наша группа, работавшая над этими беллетризованными комментариями — журналист и консультанты: психолог, социолог, историк и один профессиональный контрразведчик, — вынуждена была более чем внимательно ознакомиться с текстом «Выбраковки». И что бы каждый из нас по отдельности ни думал о чудовищном периоде в истории Родины, которому роман посвящен, — сам предмет исследования запал нам в душу. Ни «АСБ изнутри», ни многие другие аналогичные произведения, включая и художественные, не вызвали у нас такой мощной эмоциональной реакции. Мы с удивлением обнаружили, что сроднились с этой книгой, будто сами ее писали. И двое из ее персонажей стали нам чрезвычайно близки.

Был или не был стажер-уполномоченный Валюшок? Никаких следов, никаких ключей. В желании докопаться

до истины мы даже подняли милицейские архивы и отследили пути всех ста пятидесяти московских «Порше» тех лет, но это оказалась пустая трата времени.

Был или не был старший уполномоченный Гусев? Определенно — был. Даже в трех лицах — Павел, Сергей и Валентин. Но Лебедевых, Воробьевых, Уткиных, Куликовых и Куликов значится в собранных по крупицам списках Агентства еще больше.

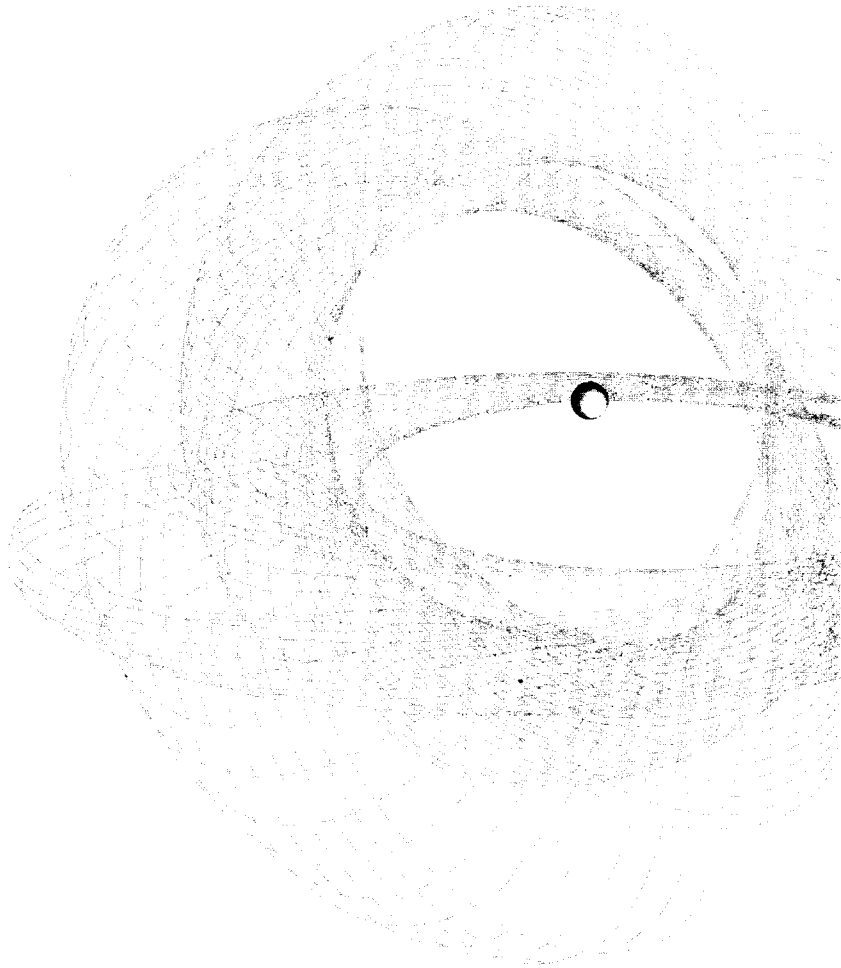
И, к сожалению, здесь мы вынуждены расписаться в полном бессилии. Установить подлинность личности Павла «Пэ» Гусева ничуть не легче, чем того же Павла Птицына. А скорее всего пока что нереально.

Обидно? Нам тоже.

С. ЛУЦКИЙ, В. В. ALEX

НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

РОМАН



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рейсовый автобус до Зашишевья отменили еще зимой. И летом маршрут не восстановили.

— А незачем, — объяснил Лузгину милиционер на вокзальной площади, немолодой и заметно поддатый сержант. — Вы-то чего там забыли? Кстати... Можно документики ваши?

Лузгин секунду помедлил и вытащил паспорт.

— И на ружье попрошу.

— Вот, пожалуйста.

Сержант раскрыл паспорт и глубокомысленно изрек:

— Ага!

— Да-да, я тут родился. У меня в Зашишевье дом. Бабушкин еще. Приезжаю иногда отдохнуть и на утку сходить.

— На утку сходить... — эхом повторил сержант.

— Поохотиться, — на всякий случай уточнил Лузгин.

— Рановато вы. До сезона еще месяца полтора, если не два.

— А я и не тороплюсь.

Сержант оглядел Лузгина с ног до головы, будто оценивая, из торопливых тот или нет.

— Говорят, хреновая в тех местах охота стала, — бросил он, снова утыкаясь в документы.

— Это кто говорит? — хмыкнул Лузгин.

— Да все говорят. Утка теперь больше на Голубых Озерах. А под Зашишевьем ни утки, ни зверя нет. Утиные гнезда паводком затопило по весне. А зверя волки, наверное, заели. Волки там шалят, знаете?

— Ну, это зимой...

— И летом тоже.

— Летом? — изумился Лузгин. — Волки?

— Так глухомань же, чего бы и не пошалить. Вот туда

даже автобуса нет. Потому что незачем. Сколько там дворов-то жилых?

— Ну-у... В том году я не был, не получилось. А в позатом десятка три.

— Загибается ваше Зашишевье, — сказал милиционер, возвращая Лузгину документы. — И если б только оно. Всё просрали москвичи-демократы. Пидоры.

Лузгин несколько раз крепко моргнул.

— Да, тут еще собаки бешеные в пригороде бегают, — продолжал сержант. — В пригороде и в старой промзоне, там вообще целые стаи. Мы всех предупреждаем, вы осторожнее. Второе лето подряд такое безобразие. Их лисы бешеные кусают, собаки людей кусают, люди бесятся и тоже кусаются...

Лузгин надолго зажмурился.

— Как добираться-то в Зашишевье думаете? Не повезет ведь никто. И попутки в ту сторону не дождешься. Разве какой зашишевский в город выбрался — доски вроде они возят, так его еще найти. А полсотни верст пехом... Может, ну на фиг? Честное слово, ехали б вы, скажем, на Голубые Озера.

— Я на родину и пехом могу, — хмуро пообещал Лузгин.

— К ночи-то не успеете, — сказал сержант. С непонятным каким-то значением сказал. — У вас хоть патроны нормальные есть? Что на утку — пятерка, четверка от силы...

— Три ноля вам хватит? — Лузгин начал злиться.

— Мне-то хватит, — ухмыльнулся сержант. — А там — кто его знает... Ладно, счастливого пути.

Привязчивый милиционер козырнул и ушел по своим делам. Лузгин, чертыхаясь под нос, двинулся к заметной издали группе привокзальных извозчиков.

Те его разве что на хер не послали.

— Триста, — объявил Лузгин внушительную по здешним меркам сумму.

— Долларов? Или этих... Еврей? — рассмеялись ему в лицо.

— В чем дело-то, мужики? — попытался втереться в доверие Лузгин.

— Да ни в чем. Просто не ездим мы туда. И никто не поедет.

— Почему?! Вы еще скажите, там волки!

— Какие, в жопу, волки...

— А что тогда?!

— Слушай, друг, отстань, а? Сказано тебе — на Зашишевье не ездим. Дорога херовая.

Лузгин оглядел потрепанные машины извозчиков и скривился.

— Думаете, я не знаю, по каким вы дорогам на «Жигулях» рассекаете? Да там не всякий грузовик пройдет!

— А на Зашишевье — херовая.

Лузгин демонстративно сплюнул и зашагал прочь.

— Эй, москвич! — крикнули ему в спину. — Вон, гляди, дедушка подвалил. Ты с ним попробуй. Дедушка у нас отмор тот еще. Он тебя не только в Зашишевье, он хоть прямо в само Филино отвезет!

И извозчики хором заржали, будто сказано было что-то очень смешное.

Дедушка оказался и вправду дедушкой. При ржавом насквозь «Запорожце».

— В Зашишевье не повезу, ты понял, — твердо заявил он. — А вот до зашишевской повертки...

— Хоть туда! — взмолился Лузгин, втайне надеясь по пути уговорить деда проехать дальше. От поворота с асфальта до деревни оставалось еще верных двадцать километров по грейдеру через лес.

— Двести рублей.

— Легко, — бросил Лузгин, ныряя в машину.

* * *

Уже за городом дед спросил:

— По делам или как?

— В отпуск.

— А-а... — протянул дед и отгородился от пассажира такой стеной, что Лузгин ее почти физически почувствовал.

— Я сам вообще-то местный, — сказал Лузгин. — Из города. Просто родители в Москву перебрались, когда я школу заканчивал. А в Зашишевье бабушка моя жила, дом от нее остался. Почти каждое лето приезжаю.

— А-а... — повторил дед, но стал вроде бы поближе.

— Вот поживу спокойно месячишко-другой, а там сезон откроется, уток постреляю...

— Охотник, значит? — хмыкнул дед. — А я думал, зачем ружье, ты понял. Думал, по делу. Поживешь ты в Зашишевье, как же... спокойно.

— По делу?.. — переспросил Лузгин.

— В том году-то не приезжал ты, — сказал дед.

— Да, не приезжал. С работой закрутился. А вы...

— Возил я туда в том году. Тоже вроде тебя — москвичей. Один я возил, другие зассали, ты понял. Двоих возил с ружьями. А тебя не было.

— Да, меня не было. Правда, я на машине обычно. А что эти двое?..

— Говорю — москвичи, — объяснил дед и умолк.

Лузгин вздохнул. Он слишком хорошо знал местных, чтобы надеяться теперь хоть на обрывочную информацию. Здесь умели великолепно сплетничать, но если по какой-то причине образовывался заговор молчания... Сицилия с ее знаменитой «омертой» могла идти далеко и надолго. Одна радость — в Зашишевье ему, как своему в доску, конечно же, все объяснят.

Вот только добраться бы туда.

Дед гнал, «Запорожец» неприятно плавал по дороге. Под колеса летел щербатый кривой асфальт. Лузгин увидел знакомый столб и приготовился не пугаться. Неподалеку затаилась подленькая незаметная промоина, на которой внезапно теряли управление и резко дергали вправо передним мостом все без исключения автомобили, невзирая на марку и тип привода.

Машина опасно вильнула. Лузгин испугался.

— Вот блядство, ты понял, — произнес дед лениво.

— Хреновая дорога, — поддержал тему Лузгин.

— Дорога нормальная. Гонять не надо.

— Не бывает на нормальной дороге поворотов с обратным профилем, — фыркнул Лузгин. — Таких, чтобы машина на отрыв шла. А эта вмятина? Главное, ее не видно совсем, а тачка обязательно вильнет. Сама. И любая. Я тут на разных ездил. Пару раз с перепугу чуть в канаву не улетел.

— А сейчас чего пешком?

— Машину жене оставил.

— Потом жена приедет?

— Не приедет, — отрезал Лузгин.

— Ты попусту не огрызайся, парень, — сказал дед строго. — Человека не сразу видно, ты понял. А я тебе добра желаю. Ты вроде нормальный.

— Вроде, — согласился Лузгин.

— В городе люди пропадают, ты понял.

— Они везде пропадают, — заметил Лузгин осторожно. — По России до ста тысяч в год пропавших без вести.

— Ско-олько?! — недоверчиво протянул дед.

— Официально шестьдесят-семьдесят тысяч. Ну, сами догадываетесь, как занижены официальные цифры...

— Ты-то откуда знаешь?

— Слышал где-то.

— Это у вас в Москве говорят?

— Говорят.

— Да-а, однако... Ну, у нас-то немного пропадает, конечно. И так, шелупонь разная — бомжи, пьянь, тюремщики. Но мы же их знаем всех — а они пропадают, ты понял. А бывает, и приличные люди. У меня сосед через два дома — ушел по весне, и с концами. Потом рыбаки тоже. Прошлым летом. Уехали впятером как раз в эту сторону. Грузовик-то нашли, ты понял. Москвичей тех, что я отвез, вообще с милицией искали. Неделю искали, ты понял. Меня на допрос таскали, а я что? Я — до повертки, дальше нини. Тогда уже пастуха с подпаском заели где-то там, дальше, за Горелым Бором.

— Не похоже на волков... — пробормотал Лузгин.

— Какие волки, мил человек? Волки! Двоих мужиков заели, коров не тронули — ничего себе волки, ты понял! А в городе? В городе что, тоже волки шуруют? Менты все прошлое лето собак бродячих отстреливали. Как бы они вроде людей грызли. Ну, отстреляли. А этим летом та же херня. Бешеные собаки, ты понял. Ага, так мы и поверили. Не знаю, что там у вас в Москве на этот счет говорят...

— В Москве я ничего подобного не слышал.

— И про новое бешенство?

— Не-ет...

— Люди кусаться начинают, — сообщил дед, заметно понизив голос, насколько позволили дребезг и пуканье «Запорожца».

— Ах да, — вспомнил Лузгин. — Мне на вокзале мент говорил.

— Тебе мент сказал, а я своими глазами видел.

— Чего?! — подыграл Лузгин, в свою очередь понижая голос.

— Не чего, а кого. Бешеных, — важно заявил дед.

— И много?

— Не веришь, да? Много не много, а парочку видел. Рожи белые, пасть в кровище, глаза выпучены... А я на рыбалку двинул затемно и по дороге их чуть не сбил, ты понял. На выезде из города, вот где промзона начинается — ну, знаешь. Хорошо, ночь лунная была, у меня фары-то не особо того. Гляжу — идут двое мне навстречу, шатаются, как пьяные, не видят ни хрена. Страшные, оборванные все, у девки сиськи наружу...

Тут дед надолго замолчал.

— А может, и правильно, что не веришь, ты понял, — сказал он наконец. — Сам не верю. Я тогда дальше-то еду, думаю, не перекреститься ли, ни хрена себе рыбалка начинается, и вижу — собака! Здоровая, черная. По обочине чешет в ту же сторону. Метров за триста позади от тех. А за собакой еще чуть позади мужик. В черном плаще длинном, до самой земли, ты понял. С капюшоном. Смотрю — коса есть, нет? Вроде нет у него косы. Тут уж и вправду перекрестился. А все одно клева не было вообще, ты понял.

Лузгин ошарашенно молчал.

— Погнали, называется, Советскую власть, — сообщил дед. — Надоела она им, ты понял. Мне она тоже, прямо скажем, не особо нравилась. Но при Советской власти не было такого. На днях, я слышал, опять бабу загрызли под Филиным. Вторую уже. Ты это, через Филино напрямик не ходи, ты понял, в обход бери вдоль озера, по старой дороге. Там мужики любого чужого застрелят на хер без разговоров. Знают тебя в Филино? А все равно не ходи, они же киряют вчерную. Раньше по безделью, теперь от испуга. С залитых глаз точно завалят...

Лузгин смотрел на дорогу и мучительно соображал. Может быть, впервые в жизни он не знал, что спросить. А ведь с детства был любопытен, недаром работу выбрал — сплошные расспросы и поиск истины.

— Собаки бешеные! — сказал дед с выражением. — Допустим, с собак все началось, я не возражаю, ты понял. Но дальше одними собаками не обошлось. Хотя ты и собак тоже бойся. Ты как лесом пойдешь, всего бойся. В городе вроде ясно, кого бояться. А в лесу какое говно лазает, не разбери-поймешь. Второе лето хер знает что творится. Раньше хоть понятно было, куда жаловаться...

«Запорожец» сбавил ход. Слева впереди, в плотной стене леса, виднелась рваная прореха. А справа — покосившийся указатель «На Зашишевье», облезлый и в дырках от сквозной ржавчины. Надпись читалась с трудом.

— Дальше не повезу, даже не надейся, — сказал дед, притормаживая.

Лузгин глядел налево. Еще позапрошлым летом в глубь леса уходил вполне приличный укатанный грейдер, по нему можно было гнать и под сотню, если машину совсем не жалко. Ну, дорога осталась дорогой. Только крайне запущенной, с осыпавшимися, заросшими травой обочинами и заметной грузовой колеей посередине.

— Не надеюсь, — вздохнул Лузгин, протягивая деньги.

— Ружье собери и заряди, — распорядился дед. — Картечью. А лучше пулей, ты понял.

— Хватит меня запугивать, — попросил Лузгин, выбираясь из машины. — Я и так уже едва дышу.

— Живее будешь, — дед откинул спинку правого сиденья, помогая Лузгину достать рюкзак и чехол с ружьем. — Да, это... Привет Ерёме от меня, ты понял. Скажи, зимой приеду на мормышку ловить.

— А зимой что, в Зашишевье не страшно?

— Зимой тут везде глухо, — сказал дед. — Как в танке.

И сам захлопнул дверь, отгораживаясь от Лузгина уже окончательно.

— Вас зовут-то как? — спросил Лузгин, но дед уже разворачивал дребезжащий «Запорожец».

— Никак, — понял Лузгин.

* * *

Для начала он помочился на обочину. Потом закурил сигарету и поглядел на часы. Полдень. Если ничего страшного не произойдет, к Зашишевью можно выйти около ше-

стнадцати. Лузгин вытащил из чехла помповую гладкостволку и ловко собрал ее на весу. Присел в задумчивости над рюкзаком. Боеприпасы он упаковывал бессистемно, не глядя, и в каком углу рюкзака затерялась коробка с двадцатью патронами, снаряженными дробью «три ноля», никак не мог вспомнить.

— Бред, — сказал Лузгин, вскрывая клапан.

— Паранойя, — добавил он заметно громче через минуту-другую.

— И всё-таки! — провозгласил он в полный голос еще несколькими минутами позже, заряжая подствольный магазин.

За все это время по асфальту не проехало ни одной машины.

Лузгин передернул затвор, щелкнул предохранителем и дозарядил ружье еще одним патроном.

Он в общем-то не чувствовал страха. Но Лузгин прекрасно знал, что местные не боятся ни волков, ни медведей, ни бешеных собак, ни белой горячки. Этого добра в округе испокон веку было хоть задом ешь. Местные опасались только милиции, да и то по причинам отнюдь не метафизического, а самого что ни на есть материального свойства. В приснопамятные советские времена народ постоянно что-то воровал — не от хорошей жизни, конечно, — и до сих пор сохранил перед людьми в погонах атавистический ужас. Да и милиция тут всегда была насквозь коррумпированная, эдакая сама себе мафия, и кого угодно могла посадить за что угодно или вовсе ни за что.

Короче говоря, если местные вздумали чего-то всерьез бояться, значит, оно пострашнее милиции будет. Выходит, и самому немного поберечься не зазорно.

С этими невеселыми мыслями Лузгин навьючил на себя рюкзак, приспособил ружье на одно плечо и зашагал по грейдеру, держась самой его середины.

Через два часа, обходя берегом озера потенциально опасное для жизни село Филино, он наткнулся на бешеную собаку.

Небольшого роста черная с рыжим псина, некогда лохматая, а теперь облезлая, трусила Лузгину навстречу по узкой тропинке.

Запаленное дыхание и вся морда в пене.

Лузгин сполз с тропинки задом, выставив перед собой ружье.

Собака покосилась на человека мутным заплывшим глазом и, хрипя, будто загнанная лошадь, пробежала мимо.

— С-с-сука! — прошипел Лузгин ей вслед, защелкивая предохранитель.

Хвост удаляющейся собаки весело торчал вверх.

Лузгин сам уже шел в одной рубашке и все равно потел. А каково было по жаре псу, хоть и облезлому... Тут не то что вспенишься — закипишь.

— Бля! — выдохнул Лузгин, доставая трясущейся рукой сигареты и ощущая всем телом, как бешено колотится сердце.

Больше он до самого Зашишевья никого не встретил.

* * *

К концу дороги Лузгин совершенно запарился и похудел минимум на килограмм. Можно было, конечно, по пути окунуться в три озера и две речки, но не терпелось поскорее добраться до места и выяснить, что за аномалия там приключилась. Большое и удивительно чистое Шишево, вдоль которого село лежало, и то Лузгина не соблазнило — он наспех голову в воду окунул с мостков да шею намочил. В это озеро не хотелось нырять. Отсюда слышно было: ой, нехорошо на берегу.

Ничего слышно не было.

В нормальном состоянии даже такое умирающее село, как Зашишевье, производило довольно много шума. Причем не городского, сливающегося в гул, а типично деревенского, состоящего из множества самостоятельных и информативных шумов. Вот лесопилка гудит, вот трактор везет с поля сено, а кто-то в город на грузовике двинул, а там баба матом кроет сволочь пьяную свою... Да и псина какая нет-нет, а гавкнет.

Нынче село то ли вымерло, то ли затаилось.

Лузгин на Зашишевье вышел с юга. Не удержался, срезал угол по лесным тропинкам. Половиной мозга понимая: ох, нарывается — а другой твердо зная, что в жару никакое лесное чудовище на охоту не ходит, оно под корягой пря-

чется и тяжело дышит. И действительно, никто его не загрыз и не испугал. То есть, вздумай Лузгин испугаться, он бы повод нашел, но после встречи со взмыленной собакой ему основательно полегчало. Вспомнил, как велики глаза у страха. И еще — что местные народ сметливый, но малограмотный.

Увидел кто-то мельком что-то. Принял его за черт знает что. Обозвал непонятно как. И пошел на всю округу байки травить, знай ему наливай. Включается испорченный телефон — кстати, здесь и настоящий-то телефон постоянно сбоит... «Кстати!» Лузгин, неловко извернувшись, сунул руку в боковой карман рюкзака и вытащил мобилу. Нет контакта с сетью. Последний сотовый ретранслятор стоял в городе.

Да и зачем тут ретранслятор? В Зашишевье магазина-то нет уже десятый год. Спасибо, электричество есть.

Итак, Лузгин пришел с юга, и теперь в село входил не с «парадного» края, а по узкой боковой улочке. И сразу же заметил, как прибавилось брошенных домов. Этот конец Зашишевья действительно вымер. Но дальше-то что?

Будто желая поддержать Лузгина, вдалеке замычала корова. Он прибавил шаг, обогнул угол и остановился, с облегчением переводя дух.

В селе жили люди. Они даже занимались делом. Братья Яшины, непохожие близнецы, крепкие шестидесятилетние дядьки-пенсионеры, напряженно трудились. Старший, Витя-электрик, висел на высоком столбе, обхватив его «кошками», и ковырялся в телефонном коммутаторе. Младший, Юра-плотник, сидел у подножия столба и пил водку, заедая ее копченой рыбой. Вите как раз захотелось добавить, но слезать, видимо, было лень — он опустил вниз полевую сумку на длинном ремне, а Юра аккуратно вставил в нее стакан, накрыв его бутербродом с рыбой.

— Ну, братка! — сказал Витя, откидываясь назад, чтобы удобнее было опрокинуть дозу — насколько позволял страховочный пояс, обвивавший столб.

— Ну, братка! — ответил Юра.

Они дружно выпили, причем Юра как раз увидел Лузгина и сделал поверх стакана большие глаза.

Витя у себя наверху закусывал.

— Слушай, Андрюха приехавши! — сообщил Юра хрипло.

— Где? — Витя принялся опасно вертеться на столбе. — О! Андрюха! Етить твою! Приехавши!

— Не приехавши, а пришодце, — поправил Лузгин. — Здорово, отцы.

— Здорово! А чего, где машина-то?

— Маринке оставил.

— Присаживайся. Братка, ну его на хер, слезай давай. Слушай, а Маринка приедет?

— Не приедет, — коротко ответил Лузгин, сбрасывая рюкзак.

— Во как... — сказал Юра понимающе. — Ну, выпей.

Витя спустился вниз, звякая «кошками», подошел к Лузгину и сунул ему мозолистую руку.

— Опять вырос, — оценил он. — И куда вы растете!

— Да куда мне расти, тридцать лет уже. Все ты шутишь, дядь Вить.

— Ско-олько?

— Тридцать.

— Это сколько же мне тогда?!

— Слушай, ты посуду давай, — напомнил Юра.

— На.

— Ну... Вот. Держи, Андрюха. С приездом.

— С приездом, — согласился Лузгин, опасливо заглядывая в стакан и заранее передергиваясь. Этикетка на водочной бутылке внушала сомнение даже издали, а уж вблизи... И налили ему сто граммов верных. Здесь по-другому не умели наливать. Не понимали, зачем. И вправду зачем, смысла ведь никакого. Пить надо, чтобы выпить.

Водка оказалась мерзкая, да еще и теплая. Наверное, поэтому она тут же, ударом, треснула в голову. Лузгин присел на траву и достал сигареты.

— Вы сейчас курите? — спросил он. Близнецы лет пять назад на спор вместе бросили курить. Кто первый закурит, с того ящик.

— Не-а, — мотнул головой Юра. — Этот-то смолит втихаря, я подозреваю...

— Чего-о?

— Молчу. Слушай, Андрюха, ты рыбки попробуй. Отличная рыбка.

Лузгин попробовал. Рыбу есть было можно, ее почти докоптили.

— Хорошая, — кивнул он. — Сами... настреляли?

Прислоненную к забору двустволку Лузгин сразу заметил, просто не знал, как о ней спросить.

Братья переглянулись.

— Слушай, а давай еще по одной, — предложил Юра. — Там и осталось-то всего ничего.

— Да мне же идти дом открывать. Мести, вытряхивать, мыть, воду таскать — возни на три часа... Может, вечером?

— Вечером не до того будет, — сказал Витя. — Давай сейчас. Да чего ты смотришь на нее? Хорошее вино.

Лузгин с трудом отвел взгляд от бутылки, закурил и кивнул.

На этот раз ему перепало чуть меньше, и по голове стукнуло не так сильно. Подзатыльничек, не больше.

— Хорошее вино, — повторил Витя. — Эх... Ладно, полезу доделывать.

Он зашагал к столбу.

— Что с телефоном? — спросил Лузгин.

— А-а, с ним всегда чего-нибудь. Трещать начал. Плохо слышно.

— А вечером что намечается?

Витя, уже закинувший одну ногу на столб и впившийся в дерево стальными когтями, оглянулся.

— Часиков в десять подходи на Кресты, — сказал он. — Поговорим. Там все будут, и ты приходи.

— С ружьем?

— А как же. Пули есть у тебя?

— Крупная дробь. Три ноля. Почти картечь.

— Ну, не знаю. Ты сначала тогда ко мне зайди, я тебе с пулями дам, у тебя же двенадцатый калибр?

— На кого охота-то?

— А х...й его знает, — очень честным голосом ответил Витя, карабкаясь на столб.

Лузгин в упор посмотрел на Юру. Тот сделал неопределенное движение носом.

— Слушай, ты откуда пешком-то? — спросил он.

— С повертки. Филино обогнул — водила посоветовал, который меня вез.

— Слышь, Витя? Ему водила посоветовавши Филино обойти.

— Какой еще водила?

— Который Андрюху до повертки везши. Вот гондоны ведь городские!

— Сучье, — поддержал Витя, заново пристегиваясь страховкой к столбу. — Андрюха, они тебе про собак бешеных не говорившн?

— Рассказывали. Мент на вокзале. Но этот, который вез меня...

— Вот гондоны рваные, етить твою!

— ...он сказал, что дело не в собаках.

— Ага! — обрадовался Юра. — Слушай, люди у них кусаются! Да?!

Лузгин выставил перед собой ладони — мол, за что купил, за то и продаю.

— А вообще, — заметил Витя со столба, — если в нашем городе долго прожить, и кусаться начнешь, и лаять.

— Хорошо, — сказал Лузгин. — А кто тогда кусается?

— Зверь, — ответили ему. — Зверь ходит.

— Э-э... Какой?

— Я же говорю — х...й его знает. Следы вроде как у росомахи — видел у росомахи следы?

— Не-а.

— Вот как у нее, но здоровенные. Он такой зверь. Медведь не медведь, волк не волк. Надо его, конечно, того. Лазает, гад, следит повсюду, собак ест, баб перепугал насмерть. Вчера Козлову собаку утащивши — помнишь Козла-то?

— Ну.

— А помер Козел. Собака бегала-бегала, вчера гляжу — пропавши. Точно зверь ее заевши, сука. Некому больше.

— Это не черная с рыжим, уши торчком, хвост кверху? — спросил Лузгин. — Небольшая. Облезлая, будто с лишая? Я под Филином ее встретил.

— Не, у Козла белая. А то вон его кобелина, — Витя со столба махнул рукой в сторону брата.

— Удрал, — вздохнул Юра. — Под Филином, говоришь? М-да. Е...ться, наверное, побегши. Ничего, пое...тся — вернется.

— Думаете, этот зверь пастухов загрыз? — свернул ближе к теме Лузгин.

— Каких пастухов? — дружно изумились близнецы.

— Ну, вроде бы погибли двое... — начал Лузгин неуверенно.

— Слушай, это у Горелого Бора? — перебил Юра. — Ага? Нет, братка, ты понял?! Ё-моё! Совсем они там в городе ох...евши. Да кто же их загрыз? Они сами кого хошь загрызут. Ножами один другого зарезавши. Бабу вроде не поделивши. Тьфу!

— Хорошо, а женщина мертвая в районе Филино?

— Слушай, да она же не местная! — воскликнул Юра так радостно, будто это все объясняло и сводило к минимуму ущерб.

— И... И что?

— Да ее из города вывезли и нарочно бросили!

— Не далеко везти-то?

— Слушай, мужик, да кто ж их поймет, городских?

— Ты представь, Андрюха, — сказал Витя, запуская отвертку в коммутатор. — Чего под Филином в лесу может делать голая баба с маникюром и этим... па... падикюром? Молодая.

— Молодая, — повторил Юра, поднимая кверху палец. Опять же, будто молодость погибшей многое проясняла.

— А то, что погрызли ее — ну, мало ли кто погрыз.

Лузгин громко рыгнул. Пахнуло сивухой.

— Извините, — сказал он. — Давайте подытожим. Значит, лазает зверь, дерет собак, оставляет следы, больше ничего. Но люди-то пропадают? Рыбаки, я слышал, исчезли. И потом, вроде бы прошлым летом приезжали сюда двое москвичей — и тоже пропали. Их милиция искала.

— А-а, слушай, это которые зверя как раз ловивши! — вспомнил Юра. — Биологи, зоологи, хрен их поймет.

— Сами его и накликали сюда, — добавил Витя со столба.

— Он еще в прошлом году тут был?! — вконец ошалело спросил Лузгин.

— Не-а, в том году зверь к городу ближе ходил. Москвичи у нас покрутились чуток, поспрашивали и дальше умотали. Серега Муромский их тогда за Горелый Бор отвезши — и с концами. Ментовка потом искала, да без толку. А странные были оба. Пришибленные не пришибленные, а

вот с прибабахом. Медленные. Я еще подумал — как они зверей-то ловят, если медленные такие.

— Ладно, — сказал Лузгин, поднимаясь на ноги. — Пойду дом открывать. Вечером увидимся.

— Ты, Андрюха, погляди там у себя внимательно. Избато на отшибе, вот и погляди — вдруг следы.

— Я смотрел — нету, — сказал Юра.

— А пускай он поглядит, глаза-то молодые.

— Только уже залитые малость, — заметил Лузгин и снова рыгнул.

* * *

Село и вправду умирало. Проходя главной улицей, Лузгин повсюду встречал отчетливые знаки близкого конца. Конечно, Зашишевье еще держалось, ерепенилось, даже новый и довольно прибыльный бизнес освоило — заготовку древесины, но ему фатально не хватало молодых. Они покидали этот лесной угол еще в советское время, а когда настала эпоха больших возможностей, сорвались отсюда все разом. У них просто не было стимула оставаться.

Чтобы жить, село должно обладать стратегически верным положением на карте. Зашишевье этим похвастаться не могло. Окажись оно хоть километров на десять ближе к городу, здесь сейчас была бы дачная зона, неплотно, но обстоятельно заселенная бегущими из шумного и грязного Подмосковья столичными жителями. А это уже приработок для аборигенов, рентабельный автобус и магазин хотя бы летом. Какое-никакое, а шевеление. Увы. Быть может, придет время, и Зашишевье поднимется. Но скорее всего этого не случится.

Потому что незачем.

На Крестах — единственном в селе перекрестке, украшенном кирпичным ящиком автобусной остановки и «рельсой» пожарного колокола, Лузгин встретил Ерёму-рыбака. В прошлом знатный браконьер, а теперь просто мирный дедушка-алкоголик безуспешно пытался завести мотоцикл с коляской, весь такой же перекошенный, как Ерёмина физиономия. По меркам прогрессивного человечества рыбак был просто в жопу пьян, по своим личным — вполне ничего.

— О, Андрюха! — обрадовался Ерёма. — Приехавши!

Лузгин угостил его сигаретой.

— Привет вам, — сказал он. — От деда на «Запорожце».

— От какого деда? — удивился Ерёма.

— Дед меня подвозил на желтом «запоре». Просил вам передать, что зимой приедет на мормышку удить.

Ерёма только головой помотал да рукой махнул.

— Да и ну его, — сказал он. — Слушай, что я у тебя спросить хотел... Во! А правда, Киркоров — пидор?

— Дядя Ермолай, я же светской хроникой не занимаюсь, — извиняющимся тоном ответил Лузгин. — В основном про социалку пишу — ну, типа, как народу херово живется.

— Правильные слова, Андрюха! — воодушевился Ерёма. — Народу сейчас живется... — он снова помотал головой и махнул рукой.

— Далеко собрались-то? — участливо спросил Лузгин.

— А-а... — Ерёма изобразил ту же комбинацию жестов и широко улыбнулся. Глаза у него были пронзительно-голубые, приделай на молодое непропитое лицо — и хоть сейчас в Голливуд.

— Ну, счастливого пути, — сказал Лузгин.

— И тебе, Андрюха, того же!

Из коляски мотоцикла торчала двустволка.

* * *

Дом Лузгина стоял у околицы, и в этом году его от ближайшей жилой избы отделяло уже не две заколоченных, а четыре.

— Как же ты там будешь, милок? — спросила Лузгина повстречавшаяся на пути знакомая старушка. — На самом краю, да еще один... Может, ко мне, а? У меня полдома свободно, живи — не хочу.

— Ничего, справлюсь, — улыбнулся Лузгин.

На участке никаких следов не обнаружилось, разве что за баней — там неоднократно выпивали и закусывали, но деликатно, без вандализма. Не у чужих же.

Лузгин открыл дом, распахнул ставни и окна, затопил печь, вытащил на лужайку пару матрасов, половики и начал выметать накопившуюся за два года пылищу, радуясь, что избушка у бабушки небольшая была. Потом натаскал

воды, полы вымыл, половики выбил, по-быстрому искупался в озере, переоделся в чистое и принялся разгружать свой объемистый рюкзак. Сумку с ноутбуком небрежно бросил на диван. Расставил по кухонным шкафчикам припасы, которых должно было хватить на первую неделю — а потом наверняка оказия в город случится, или можно вытащить из бани велосипед и до Филина доехать. Тамошних мужиков с ружьями он уже не боялся. Куда больше Лузгин теперь опасался водки, которая продавалась в филинском магазине — он ведь ее уже сегодня попробовал. Нет, за водкой — в город. Пока что литр есть... Лузгин с сомнением поглядел на бутылки. Выпитое так и не выветрилось из организма, напротив, оно там в каком-то пороговом состоянии присутствовало, не столько радуя душу, сколько подбивая добавить. Собрав волю в кулак, Лузгин бутылки спрятал и посмотрел на часы. Ого! Вечер уже. Полдесятого. Не мешало бы поужинать — кто его знает, как оно дальше обернется. Тратить на перекус банку тушенки было жаль — тушенке предстояло обрести консенсус с макаронами, явив миру сытное и вкусное горячее блюдо. Поэтому Лузгин сунул в карман пару вареных яиц, оставшихся с дороги, и краюху черного хлеба, завернул в бумажку немного соли. Прицепил на пояс нож, плотно набил кармашки патронташа, небрежно повесил его на плечо, взял ружье, вышел на крыльцо, присел и закурил.

Безмолвие нахлынуло и потрясло. Тихий-тихий шелест листвы, почти неразличимый плеск воды у берега, и ни одного искусственного, человеческого звука. У Лузгина чуть слезы на глаза не навернулись. Еще два с лишним месяца покоя впереди.

И никакого внутри ни смятения, ни зуда по поводу возможной в самом недалеком будущем встречи с неведомым зверем. Или не зверем. Или не встречи. Абсолютно все равно. Лузгин знал, куда едет и зачем. Он искал тишины и гармонии. Он их нашел.

* * *

— На, держи, — Витя протянул Лузгину два патрона, снаряженных пулями. Лузгин их критически оглядел и сунул в карман.

— Ты заряди, — сказал Витя.

— Успею, — отмахнулся Лузгин. Не хотелось ему обижать Витю, объясняя, что патроны выглядят не лучшим образом. Для двустволки, конечно, сойдет — пальнет, родимая, никуда не денется. А вот магазинное ружье с трудом переваривает картонные гильзы, набитые кустарным способом. Перекосит в магазинке такую гильзу запросто, и окажется у тебя вместо помповухи дубина. На утиной охоте перекос не трагедия, а вот против зверя...

— На дорожку? — предложил Витя.

Лузгин задумался. Витя заразительно подмигнул.

— А-а, черт с ней, давай! — обреченно согласился Лузгин.

Когда они подошли к Крестам, там уже топталось человек с дюжину. Все сплошь крепкие дядьки глубоко за пятьдесят, а то и старше. Верховодил, как обычно, Серега Муромский.

— На собаку возьмем! — убеждал он. — У всех собаки, какие остались, по дворам заперты, а мы одну за село выведем и к околице — на цепь. И сами вокруг. Придет как миленький. Ветер откуда дует? Оттуда. Вот там посадим. И сами тихонько. Он выйдет, а мы фонарями его ослепим — и огонь. Секунду-другую он постоит ведь, ослепши, — разве не хватит?

— Чью собаку-то на живца? — спросили его.

— Да хоть мою! — твердо ответил Муромский. — Ради дела не жалко. Во! Андрей!

— Здрасте, дядь Сереж, — улыбнулся Лузгин. — Здрасте все.

Началось обстоятельное здоровкание со всеми присутствующими и риторические ответы на непременные риторические вопросы. Лузгина тут все знали еще во-от какого маленького.

— Ну че, акула пера, — сказал Муромский. — Что там слышно в столицах? Посадят когда-нибудь этого ворюгу Чубайса, мать его еб?

— Вряд ли, — покачал головой Лузгин, делая умное лицо. — У нас, конечно, не Америка — фиг знает, кого завтра посадят. Но ведь попадаются деятели, которых не посадят никогда, верно?

— Он же все мои сбережения поп...здил, — вздохнул Муромский. — Сколько на книжке было, столько и унес. Обокрал с ног до головы. Рыжий еврейчик Чубайс. Тьфу!

Серега на самом деле был мурманский, это местные его в «муромского» переделали, как им удобнее показалось. Вырос-то Серега здесь и по зашишевским меркам высоко поднялся, мореходку окончил, карьеру завершил секондом на «торгаше». В общем, было там чего украсть Чубайсу.

Теперь Муромский на исторической родине если не командовал, то определенно задавал тон. Их в селе набралось таких — репатриантов с активной жизненной позицией — человек пять. Но увы, даже общими усилиями поднять Зашишевье они не могли. Потрепыхались немного, увидели, что дело швах, с горя запили — кто на годик, кто поменьше, успокоились и пошли тоже, как нормальные люди, валить-пилить-вывозить лес.

Лузгин стоял в толпе, почти не слушая разговора, ощущал, как усваивается водка, курил и думал, что в общем-то Зашишевье выдержало удар судьбы. Могло бы просто рухнуть. Оно и пыталось. В годы перестройки тут разворовали, съели и распродали целый совхоз. Потом начали от тоски и пьянства вымирать — на кладбище полно могил сорокалетних мужиков. Но к концу тысячелетия ситуация постепенно выровнялась. Село, будто живой организм, переболело и теперь намеревалось достойно встретить старость. А там — как сложится.

«Только странного зверя им тут не хватало, — подумал Лузгин. — Зверь — это совершенно лишнее. Уж лучше город, где люди бешеные кусаются. В городе доски на базу сдал, товаром затарился и был таков. Глядишь, покусать не успеют... Черт побери, я все же пьяный. Какие звери?! Какое бешенство?!»

— Андрюха, со мной будешь, — сказал Витя, толкая Лузгина в бок. — Рядом держись, ага? А то мало ли... Ты же волка с медведем, кроме как в зоопарке, не видавши, етить твою. Хотя ведь звали тебя, я помню. Сколько раз звали. А ты все «работать надо, работать надо»... А зверь — это тебе не птички-уточки. Прибаутки-шуточки...

— Да ладно вам. Будто на тиранозавра собрались.

— Тиро... завра мы бы в болото заманили, — авторитет-

но заявил Витя. — Он здоровый, но тупой. А наш зверь ох не прост, сука.

Лузгин словно проснулся. Тряхнул головой. Народное ополчение шло по улице гуртом, и он вместе с ним.

— Момент! — сказал он Вите. Протолкался вперед, к Муромскому. И сделал то, что нужно было с самого начала, чтобы расставить точки.

— Вы же сообщили в город? — спросил он.

— Ха! Ну ты даешь. В том году еще. В охотинспекцию капнули. Хотели сначала ментам заявление написать, но те не приняли. Сказали, когда зверь человека сожрет, тогда, может быть, следователя пришлют. Я, понятное дело, поспрашивал кого мог. Оказалось, есть уже в городе и погибшие, и следствие полным ходом, и ментовка вовсю за зверем гоняется. Он по окраинам шастал. А потом к нам зоологи приезжали...

— Про это я слышал.

— Про то, что они пропали, — тоже?

— Представьте себе.

— Интересные были ребята. Скромные, интеллигентные, но очень уж неразговорчивые. Я их и так, и этак — ни в какую. Настоящие зоологи, мать их еб. Зоологи в штатском — понял, да? Жили тут неделю, днем все больше отсыпались, ночами по лесу бродили. Потом сказали — ушел зверь. Могли бы нас спросить, будто мы не знали. Он, понимаешь, когда от села далеко, сразу как-то легче дышится. Ну и, в общем, попросили меня господа секретные агенты отвезти их за Горелый Бор. Я что — отвез, сколько дороги хватило. Они попрощались, в лес ушли. А через месяц являются менты — и за жабры меня!

— Деда, который их сюда подвозил, тоже допрашивали. Может, знаете, он на желтом «запоре» ездит.

— Слыхали, жаловался. Но с него взятки гладки, а на меня чуть убийство не повесили. Я уже, не поверишь, со свободой простился, и тут менты отстали. Может, узнали что-то. Тела, допустим, нашли. Такая херня, Андрей. Вот ты взял бы и написал про это. А? Чего молчишь?

— А что писать-то, дядь Сереж? — искренне удивился Лузгин. — Ну как вы себе это представляете? «Антинародный режим скрывает от общественности таинственные со-

бытия в провинции! Ужасный монстр терроризирует население!» Так, что ли? Факты нужны, факты. Хоть кто-то этого зверя видел?

Они подошли к громадному дому Муромского. Откуда-то из недр густо заставленного хозяйственными постройками участка пару раз тявкнула мелкая собачонка. Ополчение закурило и развесило уши.

— Зверя не гарантирую, но следы мы тебе покажем, следы наверняка сегодня будут свежие, — пообещал Муромский. — Можешь их сфотографировать, если есть чем. А нету — я «мыльницу» дам.

— «Звериный оскал грабительской клики Чубайса!» — выдал очередной заголовок Лузгин. — «Эксклюзивные снимки: еврейские олигархи-живоглоты наследили на русской земле!» Слушайте, не будем форсировать события. Дайте мне осмотреться, хорошо?

— Толку от вас, журналистов... — буркнул Муромский. — Скажи честно, тебя-то хоть не купили гады?

— Да кому я нужен... — отмахнулся Лузгин. — Даже не предлагали. А потом, у них все равно столько денег нет.

— У них — есть, — убежденно сказал Муромский. — Ну ладно. Я сейчас.

Он скрылся за домом и через пару минут вернулся с собакой на поводке.

— Пират, — гордо представил Муромский небольшую остромордую лохматую псину с загнутыми кончиками ушей.

— Жалко, — сказал Витя.

Муромский утвердительно хмыкнул и пошел к околице.

— Фонари-то у всех? — спросил он через плечо. — А то могу дать. Андрей, у тебя где?..

Лузгин достал из кармана миниатюрный, в пол-ладони, плоский фонарик и, не дожидаясь ехидных реплик, сдвинул регулятор. На улице смеркалось, до полной темноты было еще далеко, но узкий луч шибанул вдоль улицы.

— Энерджайзер, — сказал Лузгин. — Маленький, да удаленький. Светит отменно, правда, батарейки жрет.

— Модный парень Андрюха, — хмыкнул Витя. — Всегда был пижон. Весь в отца. Эх, Димка, Димка, дружок мой, рано ты помер...

Ополчение принялось вздыхать, Лузгин закусил губу.

Отец его тоже, как и многие из местных, не пережил суровые девяностые. Сгорел. Андрей осиротел гораздо раньше, чем хотелось бы, частенько ощущал себя, будто ему в жизни чего-то очень важного недодали, и втайне осуждал знакомых, которые собачились с родителями. Полноценная, в три поколения, семья была, по его мнению, безусловным благом.

Как так вышло, что собственный брак Лузгина оказался в фазе полураспада, Андрей сам до конца не понимал. И в Зашишевье его пригнала настоятельная потребность очистить душу, разобраться в себе, отрешившись от московской суматохи. Побыть наконец одному — в надежде, что именно временного одиночества ему не хватало последние годы и вскоре, отдышавшись, он сможет вернуться домой свежим и готовым любить дальше ту, которую по-прежнему хотелось любить, но уже не очень получалось.

А у них тут зверь.

— На всю жизнь запомнил, — буркнул Лузгин тихонько, Вите на ухо, — эту вашу историю про «камень надо передвинуть».

— Гы! — гордо сообщил Витя.

— У Козла потом доска не пролезала, а дяде Юре надо было срочно по-французски перевести, что на бутылке написано. И все в один день.

— Гы! — повторил Витя еще громче и удовлетвореннее.

— Я к вечеру протрезвел немного, вышел прогуляться, а отец на Крестах с какого-то мотоциклиста пытается шлем содрать, до дома, мол, дойти...

— Не-е, это Юра. Димка-то в шлем вцепивши, а Юра и говорит — ну чего тебе, жалко, одолжи дружку моему шлем, домой сходить, он без шлема уже не может...

Село осталось за спиной.

— Ну что, дедушка, куда живца? — спросил Муромский.

— А вон, — сказал отставной егерь Сеня, главный авторитет в охотничьих вопросах, указывая на одиноко стоящую полевую сосну. — Прямо туда. И не сомневайся, милок.

Муромский вздохнул и повел Пирата к сосне. Пес бодро семенил короткими лапами и слегка подпрыгивал. Ему было весело. Пока что.

— И не сомневайся, — повторил Сеня.

Сеню вообще-то звали, как и Муромского, Сергеем. О чем Лузгин, которого Сеня еще годовалого на коленях нянчил, узнал через четверть века, и то случайно. Как говорил отец: «Здесь имена выбирают людей, а не наоборот». Действительно, стал же Мурманский (по паспорту Иванов) — Муромским, Яшины — Яшкиными, и называли же одного плотника всю жизнь Козлом. Ничего, уважаемый был человек. Что интересно, вовсе не Козлов по фамилии...

Трудно не полюбить такие места. Это Лузгину тоже отец говорил, и с годами сын понял — да. Не захочешь полюбить — хотя бы оценишь по достоинству. Здесь человека принимали не каким он хотел казаться, а каким на самом деле был и, возможно, никогда себя не видел.

— Значит, ты, милок, туда иди, — распоряжался Сеня. — А ты, милок, вон туда...

— Встаем на номера, — буркнул кто-то.

— А ты, милок, — это уже Лузгину, — давай с Витей. И поперед него не стреляй, ты ж на зверя-то...

— Не ходивши, — перебил Лузгин. — Все нормально, дядь Сеня, я буду тих и скромен.

Вернулся к околице Муромский, хмурый и подавленный. Издали пару раз обиженно тявкнул Пират.

Витя послюнил указательный палец и ткнул им вверх.

— В самый раз ветерок, — сказал он. — Ни больше ни меньше. Бля буду, сюда зверь придет. И мы ему... Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

— Сожрет Пирата — голыми руками словлю и яйца на уши намотаю, — сообщил, ни к кому не обращаясь конкретно, Муромский.

— Это если он кобель, — ввернул Витя. — А если сука?

— Тогда п...ду на нос натяну! — Муромский невесело хохотнул.

— Ну ладно, братка, ни пуха, — Юра хлопнул Витю по плечу и тяжело утопал вдоль околицы.

— К черту тебя, брательник! Эй, Андрюха, давай за мной.

Быстро темнело. Ополчение разошлось по номерам, и Лузгин уже через несколько минут понял, что расположение соседей знает, но самих людей не видит.

— Курить завязывай, милок! — прикрикнул на кого-то Сеня.

— Начальник, бля, нашелся, — ответили ему. — Не ссы, бычкую.

Витя сел прямо на землю под ивовым кустом, поставил ружье между колен торчком и сказал:

— А покурить-то совсем не лишне, пока можно еще.

Лузгин уселся рядом. Земля, прогревшаяся за день, оказалась приятно теплой, хоть засни тут.

Пират снова тявкнул, потом взвыл. Получалось у него вполне отвратительно.

— Никак судьбу чует! — произнес Витя невнятно, жуя папиросный мундштук.

Лузгин тоже решил закурить, осторожно щелкнул зажигалкой и упрятал огонек сигареты в ладонь. Табак показался вкуснее обычного. Сказывался зашишевский воздух. На этом воздухе и курилось по-особому, и пилось, и елось, и еще множество приятных вещей обретало неожиданные свойства, и хотелось всего побольше, желательно сразу. Лузгин однажды в Зашишевье неделю пропьянствовал и выглядел потом как огурчик. А в Москве он после трехдневного загула лежал пластом.

Из села Пирату ответила сначала одна псина, вскоре подключилась вторая.

— Всю жизнь интересуюсь, это они переговариваются, или как, — пробормотал Витя. — А может, поют?

— Или как. Если, конечно, верить зоологам.

— Видели мы тех зоологов, — сказал Витя. — Ну их в жопу. Чистые упыри. Хотя ничего ребята, обходительные, вот только...

— Что — только?

— Не знаю. Честно, не знаю. Ты с ним говоришь, а он сквозь тебя смотрит. Или они такие и должны быть?

— Выпивал я однажды с зоопарковскими, люди как люди. Веселые. Обещали крокодилом угостить, когда сдохнет. Бедняга долго не протянет, ему какая-то гнида по морде кирпичом навесила, он с тех пор в депрессии. Удивительная скотина — человек. Ну залезь к крокодилу в вольер и там хоть кувалдой его лупцуй, это будет по-честному. Нет, обязательно надо с безопасного расстояния кирпичом! Ты

таких деятелей понимаешь, дядь Вить?.. Вот и я не понимаю.

Собачье трио выводило рулады. Лузгин снова огляделся и забеспокоился — совсем ничего не было видно. Где-то справа в темноте скрывался Юра Яшин, слева засел Муромский — по идее. Впрочем, сейчас полагалось не смотреть, а слушать.

— Давай теперь потихоньку, — шепнул Витя, будто угадав мысль Лузгина.

Прошло около получаса. Несчастный Пират то умолкал, то снова принимался за свое. Лузгин от души пожалел Муромского. Настроение постепенно менялось — расслабленное ощущение участия в каком-то трагифарсе уступило место знакомой с детства охотничьей настороженности. Вероятно, Лузгин внутренне согласился с правилами игры. И чувствовал себя примерно как на утином перелете — просто ждал развития событий, без лишнего напряжения, но готовый мгновенно среагировать на появление дичи.

Он вспомнил, как это было: отец, совсем еще молодой, сидит на заборе, в драной телогрейке и громадных валенках с галошами, а над головой у него пролетает стая — отец прямо с забора со страшным грохотом дуплит, и пара уток валится к его ногам... На самом деле «перелет» не всегда удавался. Однажды они битый час гоняли по кустам подранка, швыряя в него пустые гильзы и камни. А подранок оказался на поверку старой опытной уткой, обогнавшей стаю. Он пешком утопал от незадачливых охотников и, оказавшись на безопасном расстоянии, взлетел, громко крякая — как показалось тогда маленькому Андрею, ехидно. Через минуту появилась стая и, вместо того чтобы начать снижение, прошла высоко-высоко.

«Сделали нас, как маленьких, — сказал отец. — Понял? Толковая у них организация. Мотай на ус полезный опыт. Ничего, придем завтра. Не у каждой же стаи такой лидер впереди летит».

Следующим утром выяснилось, что хищная птица растерзала нескольких домашних утят на пруду у Вити. А вечером, придя на перелет, отец заметил ястреба.

«Видишь — на осине? — спросил отец. — Наверняка это он Витиных утят погубил. Сними его».

На суку будто мешок сидел. Андрей прицелился и выстрелил. Мешок сдуло. Они подошли к дереву, отец включил фонарь. На земле возился, громко шипя, раненый ястреб. «Добей», — сказал отец.

Ястреб был страшен — Андрей навсегда запомнил, с какой бешеной ненавистью птица смотрела ему в глаза, когда он опустил ружье, прицеливаясь. Эта ненависть пугала, но она же и подтолкнула скорее все закончить. До той ночи Андрею не приходилось совершать хладнокровного убийства, ему был знаком лишь охотничий азарт. Одно время мальчик сомневался — как это можно, стрелять по ни в чем не повинным животным, — но первый же «выход на утку» все расставил по местам. Они два часа колупались на плоскодонке вдоль заболоченного берега. И когда утка выскочила прямо из-под носа лодки, стремительно уходя назад — поди скажи, что птица дура, — Андрей развернулся и чуть ли не с наслаждением нашпиговал ей задницу дробью. Именно так: дроби сволочи в задницу... Но одно дело противоборство, а совсем другое — месть.

Утята были очень милые, светленькие, доверчивые, забавные. Может, и не этот ястреб убил их. Тем не менее Андрей снес ему голову выстрелом в упор и никогда не жалел о содеянном. Много позже, через годы, он понял — ему в принципе несимпатичны животные-убийцы. Тигры и львы не будили в Лузгине никаких восторженных чувств. Леопарды с гепардами оставляли его равнодушным. Волки раздражали. Фольклорная лисичка-сестричка при ближайшем рассмотрении оказалась довольно противной тварью. Лузгину по жизни нравились еноты и барсуки. Впервые увидев скунса, он вспомнил, что на Западе можно купить это чудо природы с ампутированной железой, и всерьез задумался, не подкопить ли деньжат. Еще Лузгин мог часами смотреть на кенгуру, а над капибарой просто медитировал.

Изо всех хищников он почему-то уважал одних крокодилов.

— Андрюха...

— А? — Лузгин от неожиданности дернулся и тут же мысленно себя обругал. Надо же так далеко унестись на крыльях воспоминаний — чтоб их переломало... И где, на охоте! Хотя какая это охота — пародия одна.

— У тебя часы не светятся? — спросил Витя.

— Не-а.

— Ладно, справимся, — Витя накрылся курткой. Чиркнула спичка. — Полпервого. Долго ждем. Пора бы уже. Давно пора. Это нас кто-то сглазил, бля буду. На-ка...

Лузгин протянул руку и получил в ладонь что-то шершавое.

— Корочка сухая, — объяснил Витя. — Пожуй.

«Народное средство от сглаза на охоте», — вспомнил Лузгин и послушно сунул корочку в рот. Откровенно говоря, он был не против сглаза. Ему совсем не хотелось, едва выбравшись на волю, угодить в центр непонятных событий. Лузгин резонно предполагал, что он, с его журналистским удостоверением и репутацией «городского», то есть человека ушлого и пронырливого, окажется крайним в любой истории, какая тут приключится. Его непременно о чем-то попросят. И попробуй откажи. Да он и не собирался отказывать, не мог, только вот планы на лето у него были — ну совсем другие. Мечталось найти вокруг тишь, гладь, божью благодать...

На другом конце села истошно заорала скотина.

— Ах, сучара... — выдохнул в сердцах Витя.

Вторя скотине, дико взвизгнула женщина.

Когда Лузгин в последний раз так бегал, он и вспомнить не мог. Не факт, что ему вообще случалось носиться подобным образом, сломя голову. Мужики шпарили по улице, бухая сапожищами, и сквозь запаленное дыхание там и сям прорывался отборный мат. Против ожиданий, никто не оступился, не влетел в забор и не выпалил случайно. Лучи фонарей хаотично вырывали из темноты куски пространства. В домах загорались огни, на Крестах кто-то уже колошматил железом по железу, внося в происходящее дополнительный элемент сумятицы. Вокруг надрывались уцелевшие собаки, а далеко, в самом конце улицы, дурным голосом ревела корова, блеяли овцы, тарахтели куры, и все это многоголосие накрывал женский визг.

«Орет баба — значит, живая», — подумал Лузгин.

Ополчение проскочило Кресты. «Рельсой» в Зашишевье служил лемех от старого плуга, и сейчас какой-то пар-

нишка, от силы лет десяти, упоенно лупил по нему монтировкой.

— Домой пошел, мать твою ети! — рявкнул Витя, и ребенка как ветром сдуло.

Лузгин почувствовал, что отстает от толпы, и прибавил ходу. Странно было в свои тридцать с небольшим догонять пенсионеров, траченных крестьянской работой и крепко проспиртованных, однако же... Зато не страшно за их спинами. Похоже, Лузгин всерьез заразился общим настроением и уже немного опасался неведомого зверя.

Впереди бухнул выстрел, потом еще один.

— От-ста-вить! — проорал Муромский.

К прочей живности в придачу заголосила кошка. Вероятно, поймала картечину не самым жизненно важным местом.

Пострадавший дом был третий с краю, последний жилой на улице. С заднего двора кто-то опять выпалил, и сквозь шумовую завесу Лузгин отчетливо расслышал характерный звук, который не спутаешь ни с чем — тресь! — это пуля вошла в живое дерево.

Лузгин перешел на шаг. Все было ясно. Теперь умнее отдышаться, а подробности ночного происшествия ему через несколько минут детально разъяснят. И вообще, развитие событий на ближайшие полчаса-час он мог предсказать со стопроцентной точностью.

Вот за домом матерятся, кто-то клянется «убить суку», рвется в погоню и других подбивает. А вот вмешался Сеня и объяснил — так нельзя. А теперь вступил Муромский и сказал, что этого не допустит. Ага, зверь уволок овцу! Действительно не стоит за ним гнаться сейчас, время упущено, вот если бы сразу, тогда еще да, а теперь уж нет, увольте... Лузгин обогнул дом.

— Андрей, сюда иди, — сказал Муромский. — Я тебе обещал следы — вот, ознакомься.

Муромский повел фонарем, Лузгин пригляделся и сказал вполне искренне:

— Ой, мама... Зуб даю, это не Чубайс.

Чем значительно разрядил обстановку.

Скотный двор был бревенчатый, с прочными воротами, единственное слабое место — откидное застекленное окошко, через которое на улицу вышвыривали навоз. Зверь подобрался к окну по навозной куче, выдавил стекло, запрыгнул внутрь, сцапал овцу и ушел с ней. Из оставшихся на дворе животных ни одно не пострадало вообще. От этой информации у Лузгина неприятно засосало под ложечкой. Он вернулся к следам, и во втором приближении отпечатки лап зверя понравились ему еще меньше. С первого взгляда они просто вызвали оторопь. А тут...

— Кто сказал — росомаха? — спросил Лузгин. — Дядь Сень, ты где? Проконсультируй меня, пожалуйста.

— У росомахи вот так, — показал Сеня. — И здесь вот так. Хотя это не росомаха никакая. И не мишка. И не волк.

— А кто?

— Зверь, — емко ответил Сеня.

Лузгин впечатал в засохший навоз свой туристский башмак сорок третьего размера.

— Я в этом, конечно, ничего не понимаю, но узковат след для животного, тебе не кажется? И длинноват.

— Оборотень, — подсказали сзади и хихикнули. Нервно.

— Значит, вот! — заявил Муромский. — Сил моих больше нет терпеть. Слушайте предложение. Сейчас все по домам, спать. Эта сволочь овцу сожрет и будет дрыхнуть до вечера. А мы с утра в лес. Отыщем гада, шкуру спустим и чучело набьем. Вопросы? Нет вопросов. Ну, тогда до завтра. Пойду, что ли, Пирата отвяжу.

— Схожу-ка я с тобой, — вызвался Витя.

— И я, — сказал Лузгин.

Они не спеша шли по улице, курили, и говорить не хотелось, один Муромский бухтел, обещая зверю страшные кары.

— Следы надо будет обязательно сфотографировать, — сказал Лузгин.

— Завтра щелкнешь самого зверя, — небрежно бросил Муромский. — Первая овца легко ему далась, поэтому он далеко от села не убежит. Зверье, оно всегда по пути наименьшего сопротивления идет. Оттачивает успешную технологию. За эту-то слабину мы нашего хитреца и возьмем.

— Ну-ну, — буркнул Лузгин. Обернулся к Вите: — Можно у тебя переночевать?

— Спрашиваешь! Веранда свободна, хочешь, насовсем поселись там.

Лузгин отлично понимал, что этой ночью можно беззаботно дрыхнуть хоть посреди села на улице, хоть за околицей в кустах. Но...

— Прочувствовал? — спросил Муромский.

— Да, — кивнул Лузгин.

Привязанный к сосне Пират хозяина встретил неласково. Он его истерически облаял. Лузгин еще подумал: что бы там себе ни воображали господа зоологи, а говорить животные умеют. Во всяком случае, матом ругаться — точно.

* * *

Разбудил его солнечный луч. Лузгин перевернулся на другой бок, закрыл глаза и понял, что спать больше не хочет. Он прекрасно себя чувствовал, хотя вчера, поддавшись на уговоры, прикончил с Витей бутылку тошнотворного самогона, а отдыхал чуть больше четырех часов.

В доме ощущалось нешумное деловитое шевеление — корова уже наверняка подоена, к завтраку будет парное молоко, вкуснейшее, пасут-то на клеверных полях...

Словно вторя мыслям Лузгина, на дороге раздался выстрел. Хлесткий, как удар бича. Собственно, это и ударил бич — не по живому, конечно, а просто для острастки.

— Эй-ё-твою-ма-ать!!! — задорно проорал кто-то. — Куда-а!!!

Тонкая стенка веранды содрогнулась — мимо протопало массивное животное.

— Давай-давай, — негромко сказала Витина жена. — Дуреха ты моя.

— Здорово, Татьяна! Эй-ё-твою-ма-ать!!!

— Доброе утро! На, пирожка возьми.

— О-о, благода-арствуем... Куда-а!!!

Бац! «Бе-е-е...»

— Со-овсем они седня одуревши... Эй-ё-твою-ма-ать! Ска-а-тина-а!

Бац!

«Хочу здесь жить, — подумал Лузгин. — И всегда хотел. Но что-то меня удерживало от этого шага. А сегодня не держит. Может, я взял от Москвы все, что она могла дать

мне? И теперь — свободен? Хм... Допустим, зимой в деревне трудно. Но я не обязан хоронить себя тут. Как пожилые москвичи делают: полгода на даче, полгода в городе. Деньги — вот проблема. Деньги. Работа. Я далеко не культовая персона в русской журналистике, простой нормальный середнячок, каких много. Стоит такому надолго исчезнуть, читатель о нем забывает, а в редакции находится замена. Хорошо писателям — сидят и пишут, сидят и пишут... Когда я гляжу на бесконечные ряды книг в магазинах, мне иногда кажется, что наши писатели вообще ничего больше не делают, не едят, не пьют, не занимаются любовью, только пишут и пишут. Круглосуточно. Гонят вал, дают стране текст. Может, писателем заделаться? Мечтал ведь в юности — вот поработаю журналистом, накоплю опыта и замахнусь на серьезный роман. Сооружу бестселлер, заработаю деньжищи, все меня будут любить... Увы и ах. Оказалось, что писатель — это прежде всего крепкая задница, железная сила воли и умение концентрироваться. А ты, Андрюха, терпеть не можешь сосредотачиваться на одной проблеме. Тебе надо, чтобы сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье, иначе скучно. Но... Так было, кажется, вчера. А сегодня и ты заметно другой, и на дворе совершенно новый день. Ты молод, здоров, полон сил, в любую секунду можешь освободиться ото всех обязательств — лишь слово нужно сказать, короткое слово «прощай». И целый мир вокруг. Странный, загадочный, непознанный, манящий. Светлый огромный мир, залитый солнцем. Вперед! А? Не испугаешься? Ну-ну. Думай, Андрей, думай. Еще есть время, брат».

За стеной завозился Витя.

Лузгин улыбнулся. Хороша была та история, о которой он вчера напоминал.

...Андрею тогда исполнилось лет семнадцать-восемнадцать, и как-то утром он помогал матери по огороду. На крыльце маялся с похмелья отец. Курил, щурился на солнце, потом встал, буркнул что-то вроде: «Ну, я тут это...» — и исчез, провожаемый неодобрительным взглядом жены и завистливым — сына. Прошло где-то с полчаса, и вдруг появился Витя. «Андрюха, пошли! — махнул он рукой. — Слышь, я Андрюху заберу, а? Нам там с Дмитрием надо ка-

мень передвинуть, вдвоем не получается». — «Конечно», — сказала мама. Витя почти бегом сорвался с места, Андрей, недоумевая — не лежало у Вити на дворе никакого камня, — поспешил следом.

В сарае-гараже камня тоже не обнаружилось, зато там были пиво с водкой, недокопченная копченая рыба и отец, излучающий во все стороны позитивные эмоции. Андрею щедро плеснули «ерша», и через несколько минут он воспарил как на крыльях. Старшие чинно беседовали, младший благовоспитанно прислушивался, выпивка быстро кончилась. Отец сказал: «Ну, я пройдусь», Витя отправился раскидывать навоз по картофельным грядкам. Андрей вышел на улицу и подумал: возвращаться к дому глупо — что на огороде требовало мужской руки, он сделал, а подвернуться матери, когда она занимается сельским хозяйством, почти наверняка означало быть припаханным.

Поэтому Андрей двинулся в центр села. Он настолько хорошо знал тут каждое бревнышко в каждой избе, что никогда не упускал случая посмотреть, как все меняется год от года. Зашишевье всегда было для него объектом пристального исследования. Любил он это место. К тому моменту он провел в селе верных шесть лет чистого времени. Даже первые в жизни деньги заработал не абы как, а крестьянским трудом, ворочая лопатой зерно на элеваторе. И еще — про Зашишевье он мог определенно сказать, что здесь никто и никогда не пожелает ему дурного и не захочет причинить вред.

Свернув с Крестов налево, он успел пройти метров сто, когда прямо на него выскочил из дома тот самый Козел.

— А ну, заходи! — позвал Козел. — Помоги нам с батей. У нас там, вишь ты, доска не пролезает.

Андрей не подумал удивиться, просто взял и зашел.

Доски не было. Зато отец на газете чистил селедку.

Бутылку прикончили в три захода. Потравили байки, посмеялись. Отец сказал: «Ну пойду взгляну, как там у меня дома». Однако, выйдя на улицу, тепло попрощался с сыном и бодро зашагал в диаметрально противоположном направлении.

Андрей, чувствуя себя необычайно хорошо, правда, уже слегка неустойчиво, решил вернуться, залезть на чердак и

раскопать в грудах старых журналов что-нибудь интересное. С каковыми благими намерениями он проделал обратный путь до Крестов. Там дорогу ему преградил Витя при поддержке брата Юры.

— Андрюха, ты по-французски читаешь? — вопросил Юра сурово.

— Вот честное слово, два года учу этот язык — и до сих пор ни в зуб ногой. Полсотни слов знаю, конечно...

— Нам перевести надо, что на бутылке написано. Пойдем.

— Спасибо, — сказал Андрей, — но с меня на сегодня хватит!

Братья засмеялись, как показалось Андрею — с уважением.

— Ну, передумаешь — заходи...

— Андрей, милок! — раздалось сзади.

Он обернулся. Из окна соседнего дома торчала встрепанная голова Сени.

— Баллон-то газовый! — напомнил Сеня.

Тут Андрей не ожидал подвоха. Действительно, нужно было забрать баллон с газом. Килограммов сорок или пятьдесят, нести от силы метров триста, если огородами. Даже с учетом некоторого заплетания в ногах для молодого парня не проблема.

Сеня ему такой отравы налил, что Андрей от одного запаха чуть не упал. Но отказать хорошему человеку не было сил. «Кажется, я впервые в жизни буду пить технический спирт, — пронеслось в голове. — Впрочем, Сеня-то ничего, хлещет эту мерзость и не жалуется. Глядишь, тоже выживу». Ощущая себя не то самоубийцей, не то настоящим индейцем, а в общем и целом полным идиотом, Андрей опрокинул прозрачную жидкость в рот.

— Что... это... было?.. — прохрипел он, отдышавшись.

— Как — что?! — почти возмутился хозяин. — Самогон!!!

После граненого стакана Сениного пойла Андрей баллона не почувствовал вовсе. Просто уложил красный цилиндр на плечо и, небрежно придерживая его одной рукой, пошел узкими тропками, ловко открывая и закрывая за собой калитки, прыгая через канавы... Своего участка он дос-

тиг поразительно быстро, а баллон, не переводя дух, загрузил на место и подключил. После чего сказал: «Мам, я прилягу» — и вырубился.

Отца он нашел уже в темноте на Крестах — при большом стечении народа, под дикий хохот, Дмитрий Лузгин клянчил у проезжего мотоциклиста шлем. Домой сходить...

На веранду осторожно выглянул Витя.

— Ага, проснувши! Вставай, умывайся, пайка уже на столе.

«Пайка» оказалась вчерашней картошкой с тушенкой в большой сковороде и селедкой на районной газетке. Поверх раздела объявлений. Лузгин нацепил на вилку кусок осклизлой рыбы и прочел:

НЕЖЕЛАТЕЛЬНАЯ
БЕРЕМЕННОСТЬ
БЫСТРО
КАЧЕСТВЕННО
НЕДОРОГО

— Бля! — только и сказал он.

Опохмеляться Лузгин отказался наотрез. Заявил — и так хорошо. Ему действительно было хорошо. Зашишевский воздух прекрасно лечил похмельный синдром, точнее, не давал синдрому разгуляться в теле.

— А я выпью, — решил Витя. — Мало ли как дела пойдут, верно?

Лузгин смысла фразы не понял, но на всякий случай кивнул.

* * *

Народ собрался, естественно, на Крестах. Лузгин вспомнил, как много лет назад, совсем еще мальчишкой, провожал отсюда местных на волка. Тогда поддатая орава укатила в прицепленной к трактору ржавой телеге со страшно перекошенными колесами. Добыли они волка или нет, память не сохранила. Кажется, не добыли. Может, не особенно и хотели?

Сейчас мужики оказались практически трезвы. По некоторым заметно было, что они усилием воли заставили себя обойтись без дежурного утреннего стакана. Выглядело ополчение мрачно-деловито, с тем неуловимым оттенком

холодной отрешенности, какой можно прочесть на лицах мужчин, готовых к убийству. Кажется, после ночного происшествия тут восприняли зверя окончательно всерьез, как равного себе противника, и шли на него тоже нешуточно.

Сеня привел Найду, свою гончую — старую криволапую псину, некогда гладкошерстную, а теперь просто в лишаях и проплешинах. С заплывшими гноем скучными глазками. Поверить в то, что эта развалина способна идти по следу, да еще давно простывшему, мог лишь тот, кто знал Найду в деле. Лузгин — знал. Но все равно не верил. Найда сильно одряхлела за последние годы, как и большинство зашишевских, как и все село.

— Хорошо, что ее зверь не заел, — сказал Муромский.

— У меня не заешь! — напыжился Сеня.

— Это ты, дедушка, молодец. Ну, погнали?

Найда взяла след с полуоборота. Снюхала прямо с навозной кучи. И уверенно пошла в лес. Лузгин только языком цокнул.

— Я ее сюда ночью приведши, — объяснил Сеня. — Пока след теплый. А ей все равно, она слепая, ничего не видит.

Будто желая проиллюстрировать, насколько ей все равно, Найда попробовала врезаться в дерево, но за секунду до удара носом сменила курс. Лузгин припомнил: собаки к старости действительно слепнут и ориентируются нюхом.

— Ночью она испугавши была, — сказал Сеня негромко. — Ой, милок, испугавши... Но в лес прямо рванувши. Будто и страшно ей, и взять зверя все одно надо. Значит, плохой зверь. Сильно плохой, однако.

— Чего это ты как чукча заговорил? — удивился Лузгин.

Сеня в ответ хмыкнул. Лузгин понял: не одна собака «испугавши». Она еще с ночи заразила страхом хозяина. А Сеня в жизни не был трусом. Осторожным, внимательным, осмотрительным — да, был. Предпочитал не связываться с опасностью попусту. Но, допустим, когда на него однажды решила поохотиться рысь — видимо, Сеня, низкорослый и худой, показался киске добычей подходящего формата, — он охотницу переиграл и завалил с блеском, злорадно.

Что рассказало поведение Найды опытному народному

умельцу, Лузгин воображать не хотел, а спрашивать в лоб постеснялся. Здесь это не было принято. Захотят, сами расскажут. В Зашишевье один Муромский, испорченный городской жизнью, вел себя естественно, раскрепощенно, где-то обходя, а где-то и прямо нарушая местный этикет. С остальными приходилось держать ухо востро, ловить малейшие оттенки речи — именно в нюансах крылась самая важная информация.

Охотники миновали подлесок и углубились в сосновый бор. Найда уверенно тянула хозяина за поводок, Сеня подтормаживал, не давая собаке чересчур разогнаться.

— Дедушка, не пора нам цепью? — спросил Муромский.

— Да что ты, милок! — отмахнулся Сеня. — Километр еще, не меньше. Зверь, он вон там, в завале. Больше некуда ему.

— Это где старый бурелом? — уточнил Лузгин.

— Ну да, милок, завал.

Такие вещи Лузгин привык спрашивать. В Зашишевье элементарный напильник звали то «подпилок», то «распилок», а водку либо «вино», либо «белая». Остальное питье — «красное». Что важно, не «цветное», а «красное», будь оно хоть белое полусухое. Когда вокруг сплошные лингвистические казусы, не ровен час недопоймешь какую-нибудь сущую ерунду — может выйти глупо. Тут, было дело, Юра помогал Муромскому массандру строить. Вот массандра она, и хоть ты тресни.

— А ручей? — встрепенулся Муромский.

— Да пересохши тот ручей.

— Не весь. И если зверь по руслу прошел?..

— На что ему?

— Не знаю, — сказал Муромский и насупился. — Я бы прошел.

— Ты ж не зверь! Они не любят.

— Не знаю, — повторил Муромский. — Я-то, допустим, точно не зверь. А что за гадость эта сука...

Он будто в воду глядел — и иносказательно, и буквально. За ручьем Найда встала, задрала нос вверх, покрутилась на месте, потом вознамерилась заложить дугу, но Сеня собаку придержал.

Следов в русле было не разглядеть, их замыло течением. А ручей тянулся себе и тянулся по лесу. Вовсе он не пересох.

Вдалеке маячила линия бурелома. Здесь лет десять назад повалило множество деревьев, и прятаться зверь мог где угодно.

— Разделимся, и в разные стороны по берегу? — предложил Муромский. — Авось увидим, где он выходил.

Сеня подумал и не очень уверенно сказал:

— Это, конечно, да. А может, ну его?

— Ты чего, дедушка?

— Предчувствие у меня, — буркнул Сеня виновато. — Пошли-ка до села.

— Думаешь, пока мы тут, он — там?!

— Нет, милок, нет. Только ничего у нас в лесу не получится. В селе надо зверя брать. Ночью. Он придет же, зверь-то.

— Бабы нас убьют! — бросил издали Витя.

— Это точно, — поддержал Юра. — Моя уже того. С утра на кочергу нехорошо смотревши!

— А моя-то! — пожаловался вчерашний пострадавший.

— Баб и детей сгоним в одну-две избы, выставим охрану, — заявил Муромский. — И устроим засидки по дворам, где скотина. Куда-то зверь непременно сунется. Тут мы его и возьмем. Хорошо ты придумал, дедушка. Теперь вопрос: людей-то у нас хватит? Или скотину тоже... уплотнить?

— Если на совхозный двор? — предложил Витя. — Там крыша провалившись, а так ничего. Окна досками заколотим. Пусть зверь через крышу лезет, точно никуда не денется. Электричество я сделаю. Как он запрыгнет, а мы рубильник — бац! Полная иллюминация.

— Значит, когда стадо вернется — сразу его туда. Ничего, бабы с ведрами прогуляются, не графини. Ну что, потопали на дворе порядок наводить?

— Главное, в суматохе не пострелять скотину! — ляпнул что пришло на ум Лузгин.

— И не говори, Андрюха! Тогда нам точно п...ц! — хохотнул Витя.

— Я лучше грохну свою корову и съем, чем зверь ее ута-

щит, — сказал Муромский. — Все, решили. Возражения? Нет возражений. Пошли.

Возвращались они, нервно перешучиваясь.

И поминутно оглядываясь.

* * *

«Совхозный двор» оказался длинным коровником из белого кирпича. С отсутствующей крышей. Внутри было разломано все. В полу зияли громадные дыры. Отличная натура для кино про светлую жизнь русской деревни после ядерной войны.

— Нормально, — сказал Муромский с удовлетворением в голосе. — Стойла, в общем, есть, цепи кое-где тоже. Коров зафиксируем, овец вон в тот угол загоним...

— А зверь возьмет и по курам пойдет, — предположил Лузгин. — Вот смеху-то будет!

— Птицу — в те дома, где бабы с детишками. Пометить надо будет, а то потом не рассортируем. Не боись, Андрюха, справимся. Некуда деваться, иначе нас не сегодня-завтра бабы прикончат. Баба, она пострашнее зверя будет!

— Знаю, — кивнул Лузгин.

— Натравить бы их друг на друга! — выдал идею Витя.

Ополченцы хором расхохотались.

— Пол бы поправить... — вздохнул Муромский, ковыряя сапогом гнилые доски. — Ноги переломаем. Ладно, сойдет. Вить, как у тебя с проводами? И лампочки еще нужны, тут же ни одной не осталось.

— Не боись, все найдем.

Мужики быстро поделили обязанности и разошлись за материалами и инструментом. Лузгина забрал с собой Витя, таскать провода.

— Думаешь, зверь придет к коровнику? — спросил Лузгин.

— Конечно, — без тени сомнения ответил Витя. — Позже вчерашнего, но явится. Он сначала возле домов покрутится. Унюхает, что там одни люди, и двинет в обход села выяснять, куда скотина девши. Аккурат к совхозному двору выйдет. Мы еще окна забьем со щелями, чтобы запах шел. Это если у зверя нюх слабый, хуже собачьего. С хорошим-

то нюхом он мимо села прямо ко двору пойдет, как по ниточке...

— Дядя Витя, тебе не кажется, что такого странного зверя убивать нельзя? — забросил удочку Лузгин. — А лучше бы поймать?

— Как тебе сказать, Андрюха... Нельзя-то оно, может, и нельзя. А придется. Что мы его, прикладами замесим? Он, сука, быстрый, резкий, прыгучий. Разве сетью? А порвет? Это еще откуда он запрыгнет. Не бегать же за ним по всему двору с бреднем! Сам подумай. Тут ни петли, ни капканы не поставишь. Только стрелять его.

Витя поразмыслил и добавил:

— Да и страшно такую пакость ловить. Ты-то не боишься?

— Очень боюсь, — честно признался Лузгин и почувствовал, как от самих этих слов побежали мурашки по спине.

— Ну, вот и грохнем.

— Если удастся поймать, Зашишевье на всю Россию прославится. А может, и на весь мир, — сказал Лузгин, превозмогая накативший страх.

— А нам оно надо?

— Реклама — вещь полезная.

— Андрюха, ты что, не понял — мы тут не живем, а доживаем. Ко мне Серега, дружок-то твой, в последний раз пять лет назад приезжавши. Сын родной, мать его ети! Все письма шлет да звонит иногда. Мол, занят, а то с билетами проблема. Никому мы не нужны и никогда уже не понадобимся. Реклама! Нам бы кладбище побольше да на помин винца. Скоро как начнем один другого хоронить... Тьфу. Совсем ты меня расстроил. Пошли в сарай, я там кой-чего заначил...

К вечеру добрая половина ополчения распространяла вокруг себя мощный сивушный дух. Забивая выхлопы остальных мужиков, от которых пахло слабее. Тем не менее и в селе, и в коровнике все было налажено, как договаривались. Женщины, конечно, поматерили своих благоверных от души, но в положение вошли. Скотину никто не спрашивал. Кур переловили и надписали зеленкой, какая чья. Радовались приключению одни дети, сплошь чьи-то внуки, угодившие в Зашишевье на лето отдохнуть.

— Какого черта детей-то к родителям не отослали? — спросил Лузгин у Муромского. — Трудно позвонить и сказать, что тут опасно? Приехали бы, забрали. Да ты и сам при машине, мог бы отвезти.

Муромский почесал в затылке и выдал оценку ситуации, лишний раз напомнившую Лузгину, где он находится.

— Знаешь, — сказал Муромский, — в общем-то ничего чересчур опасного. Ну, зверь. А что, волки лучше? Конечно, если сегодня не получится, тогда может быть... Ты не паникуй. Водочки хочешь? Немножко? Чисто для успокоения нервной системы?

— Я уже. И как раз от этого забеспокоился.

— Значит, неправильную дозу принял. Добавь.

— Или убавь, — подсказал Витя, прислушивавшийся к разговору. — Серега, он тут идею толкнул, что зверя поймать надо. Реклама нам будет, говорит.

Муромский с живейшим интересом посмотрел на Лузгина.

— Ты, Андрей, не обижайся, но вы, журналисты, все е...анутые. Это я не про тебя лично, а вообще.

— Да я понимаю, — Лузгин вздохнул. — Мне просто в какой-то момент показалось...

— Не перекрестился? Обязательно крестись, если чего кажется. Идея твоя прекрасная, но совершенно невыполнимая. Я сам об этом думал. Не выйдет. Вот, смотри...

— Да мне уже дядь Вить объяснил.

— Ну и замечательно. — Муромский закурил, сплюнул под ноги, поправил ружье на плече и вдруг сказал: — А было бы здорово поймать зверя. Ай как здорово! Он ведь... э-э... особенный. Мы бы с него настригли шерсти. Я даже не в смысле денег. Просто чтобы места наши прославить. Чтобы знали о нас. И вообще, сначала поймаем, а там уже поглядим. Вить, а Вить! Где подельник-то твой ошивается? Ведущий браконьер всего на свете?

— Ерёма? Бухой небось лежит в Филине.

— Жалко. У него сетей два километра, и оба который год без дела валяются. А свои-то ты не дашь сети, верно?

Лузгину стало тесно — это народ сгруппировался вокруг Муромского и Вити.

— Крыши-то практически нет над двором, — говорил

Муромский. — Так, огрызки по краям. Но их хватит, чтобы закрепить сеть. Пустим в три слоя, ее тогда и бык не разорвет. Закроем сверху весь двор. По краю продернем трос. Зверь через стену прыгнет и собственным весом уже частично застегнется. Хвост от троса надо кинуть через балку, и когда зверь в кошеле окажется, протянуть со всей силы. Четверо с тросом бегом наружу через ворота, чтобы зверь на ноги не встал, а остальные его — прикладами и чем попало. Отпи...дим душевно, к балке подтянем, горловину кошеля перехватим, самого зверя проволокой спеленаем, а дальше разберемся... Времени светлого в обрез хватит все устроить. Значит, решать надо быстро. Что скажете, мужики?

— Насчет отпи...дить — это я за! — сообщил вчерашний пострадавший, имени которого Лузгин так и не вспомнил.

— Получится, а, дедушка?

— Да как сказать, милок... Если быстро трос потянуть, вроде должно. Стены высокие. Главное дело, чтобы зверь сеть не углядел. По ручью-то пройти у него мозги хватило.

— Будем надеяться, что голодному мозговать некогда. Ну чего, народ, голосуем, или все уже за?

— Экий ты быстрый! — возмутился Витя. — Я сети-то вам еще не дал.

— А ты не дашь?!

— Дам, конечно. Только ты сначала меня спроси.

— Витя, дай нам сеть! Пожалуйста!

— Да хрен с ней, берите!

Впервые за последние сутки Лузгин услышал в Зашишевье настоящий смех.

* * *

С сетями управились до темноты. По идее, не должны были успеть, но вот очень захотели — и смогли. Мало того, что соорудили вполне работоспособную на вид ловушку, так даже испытали ее! Один из мужиков, употребив стакан допинга, бросился с крыши в сеть и был успешно пойман, отделавшись пустяковыми ушибами, а попутно заработав второй стакан и ласковое прозвище Каскадер.

Правда, скотину перепугали — беготней и оглушительным матом в процессе теста, — но коровы быстро успокоились, а за ними и овцы кое-как притихли.

С испытательным прыжком здорово угадали — Лузгин сразу заметил, как переменилось в настрое ополчение. К мужикам пришла спокойная уверенность, которой не хватало раньше. Они придумали, как поймать страшного, опасного зверя. А если ты кого в состоянии поймать, значит, не столь уж он страшен и опасен.

Ловушку вновь натянули, уже до того сноровисто, будто всегда с ней работали. У Лузгина эта сосредоточенная, деловитая спешка наложилась на предыдущие жизненные наблюдения, и он утвердился в печальном выводе: Россия умеет все на свете, кроме одного — у нее не получается остро хотеть.

Он не выдержал и сказал Вите — эх, если бы в этой стране все с такой охотой трудились...

— На всех зверей не напасешься, — отмахнулся Витя.

— А за бабки слабо?

— За бабки скучно. Мы народ морально-нравственный, нам идею подавай. Ты, что ли, за одни бабки работаешь?

— Могу еще за бухло.

— Да не п...ди! — натурально обиделся Витя. — Я же тебя с детства знавши. Понял? То-то!

— Ладно, я пошутил, — признался Лузгин. — Хотя...

— Кабель там продерни! — скомандовал Витя. — Ага, есть. Теперь сюда бухту тащи. Помаленьку трави... И чего «хотя»? Смотрю я, херово тебе, парень. К Маринке-то вернуться думаешь или уже того, насовсем?

— На самом деле мне хорошо, — сказал Лузгин, медленно вытягивая из бухты тяжелый черный провод. — Потом, наверное, будет херово, а сейчас хорошо. Вернуться... Она уверена, что да. А я пока ни в чем не уверен. Жить хочу. Просто жить. Успеть нечто особенное сделать, пока силы есть. Без оглядки на то, что обо мне думают и чего от меня хотят. Кажется, именно это называется кризис среднего возраста. Черт побери, у родителей он наступал в сорок, а то и позже. А у моего поколения гораздо больше возможностей чего-то достичь, реализоваться, вот мы и начинаем фигней мучиться в тридцать с небольшим. Красиво, радостно мучиться. Ходил на встречу сокурсников, все жалуются, до чего им плохо. Сплошь начальники, хозяева, попадаются известные люди, настоящие знаменитости — и

всем нехорошо. Потом один в меня пальцем ткнул — а вот у этого, говорит, вообще нет кризиса среднего возраста. Ка-ак я начал тельняшку рвать — мол, у кого нет кризиса?! Да у меня такой кризис, прямо такой кризис, хоть ложись и помирай!..

— Ы-ы, — протянул Витя, изображая глубокое понимание.

Подошел Муромский и спросил:

— Ну?

— Да вот, Андрюху на философию потянувши.

— Хер с ним, с Андрюхой! Ну?

— Спокойно, даю свет.

Витя перебросил рубильник, и слабенькое дежурное освещение потонуло в ярком блеске мощных ламп. Раздались одобрительные крики.

— Можем же, когда хочем, — сказал Муромский удовлетворенно. — Эх, если бы в этой стране все с такой силой вкалывали!

— На всех зверей не напасешься... — машинально ответил Витя и прыснул. — Да хоть работай, хоть сачкуй... Чего вкалывать, если никто лампы и кабель загодя не припрятавши?

— Тебе зачтется, — пообещал Муромский. — Эй, народ! Разошлись по номерам! Дедушка, проследи! Курим по сигарете и сидим, ждем. Готовы? Витя, отбой.

Иллюминация погасла, и Лузгин моментально ослеп от навалившейся темноты. Витю и Муромского он не столько видел, сколько ощущал. Это должно было пройти, но первым впечатлением стала полная беспомощность.

— Ну что, забьем кабанчика? — сказал рядом Муромский.

— А? — Лузгин обрадовался живому голосу и хотел услышать еще.

— Купила бабка порося. Кормила, растила, вымахал здоровенный хряк. А бабка-то старая. Выходит на улицу, глядит — трое поддатых мужиков идут. Она им — сынки, помогите, забейте кабанчика. Я, типа, не обижу. Те — бабка, давай полбанки авансом. Ну, бабка налила. Мужики приняли на грудь, и в сарай к хряку. И начинается там светопреставление: вопли, удары, визг свинячий, аж сарай трясется.

Потом стихло все, мужики выходят, потные, довольные... Бабка — что, забили? А те ей — ну, мамаша, забить-то, конечно, не забили, но п...ды дали капитально!

Лузгин рассмеялся от души, немного даже чересчур.

— Ладно, я пошел, — сказал Муромский. — Задачу свою знаете. И ты, Андрей, когда начнется, умоляю, вплотную не лезь. Твое дело смотреть. Раз уж ты эту херню выдумал...

— Чего я-то? — буркнул польщенный Лузгин. Он помнил за Муромским нехорошую манеру — присваивать чужие идеи. И если уж зашишевский «бугор» отметил его авторство...

Громадная фигура растаяла в темноте, стало неуютно, и тут же пришла мысль совсем противоположная — Муромский просто сомневается в успехе предприятия. Вот и напомнил, кому в случае неудачи работать козлом отпущения.

— А покурить-то надо, пока можно, — сказал Витя. — Покуривши — оно веселее. Не как выпимши, конечно, но все же, все же... Все же.

Витя перешел на едва слышный шепот. Лузгин насторожился.

— Все же курить лучше после... — услышал он.

Раздался характерный выдох. Забулькало. Еще один выдох, протяжный, немного сдавленный, но ощутимо расслабленный. Пахнуло сивухой.

— На.

— Ох. Ладно, давай.

Самогон у Вити как был всегда тошнотворный, так и остался. Но внутрь проскочил и назад не запросился.

— Вот теперь закурим.

Лузгина хватило лишь на то, чтобы утвердительно хмыкнуть. Говорить он не мог.

Тем не менее уже через минуту говорить захотелось. Очень. Вообще стало, как Витя и обещал, веселее. «Кажется, организму уже все равно, что пить, — подумал Лузгин. — Деградирую. Если охота затянется на неделю-другую, я, наверное, обрасту шерстью. Почему местные до сих пор не обросли шерстью? Это же удобнее. В баньке попарился, заодно и постирался. У Вити в сортире я видел стакан. Витя

там с утра пивом лечился, без отрыва от дырки. Правильно, зачем далеко ходить?»

При воспоминании о сортире вдруг туда и потянуло. Неожиданно резко. За Витиным самогоном Лузгин такого побочного эффекта не помнил и озадачился.

«Выйти, что ли, пока не поздно? Да вроде терпимо. Вероятно, это у меня нервное. Медвежья болезнь в начальной стадии. Тело намекает: пора бы успокоиться. Ой, пора. Неспроста я перед Витей про кризис распинался. Странная вышла болтовня... Сдержанная мужская истерика. А ну-ка, подумаем о чем-нибудь абстрактном...»

В селе залаяли собаки.

— Началось, — сказал издали Муромский. — Ну, теперь... Вы поняли.

Прислушиваясь к шевелению в кишечнике, Лузгин поднял глаза и сквозь неплотный полог сети заметил несколько ярких звезд. «Однажды на месте Полярной окажется Вега. Увидит ли ее кто-нибудь с Земли? Почему я не верю, что увидит? И почему так мучительно хочется, чтобы это все же случилось? Может, это просто еще одно тщеславное желание личной реализации? Ведь если человечество погибнет, мой труд пропадет зря. То, что я успел сделать, — малюсенькая крупинка в общем здании, но она все же присутствует, и я хочу, чтобы она... была. Хотя бы поддерживала другие крупинки. Уже достаточно. Живите, люди. Всякие-разные, умные и глупые, красивые и не очень, белые и черные — живите. Пока вы есть на свете, я не умер. Я же столько работал для вас! Рассказывал, какие вы есть на самом деле. Иногда делал вам приятно, но чаще больно. Не со зла, а чтобы вы менялись к лучшему. Пусть не всегда у меня получалось, да и не очень важно это, главное — живите. Хотя бы какие есть».

Протрезвел он еще резче, чем опьянел.

На душе скребли кошки, и снова хотелось выйти. И побольшому, и еще глобально — убежать к чертовой матери.

Коровы обеспокоенно топтались в стойлах.

Заблеяла овца, потом еще одна.

Лузгин вцепился в ружье. Ему показалось, что он слышит тяжелое дыхание за стеной.

А потом он вправду услышал — как по кирпичам шваркнули когти.

Опасливо выставив ствол перед собой, Лузгин посмотрел вверх и увидел на фоне темно-серого неба грузный человекообразный силуэт.

Кто-то сидел там на корточках и глядел со стены вниз.

Лузгин готов был поклясться: глаза у зверя желтые, и он что угодно, только не животное.

Коровы звенели цепями и топали копытами, овцы уже просто орали дурными голосами. Лузгин, не дыша, смотрел на темную ссутулившуюся фигуру, медленно поворачивающую из стороны в сторону массивную голову.

Лузгин понимал, что не дышит, но дышать — не мог. Он бы сейчас удрал, если б не боялся подставить опасности спину. Еще помогало держаться воспоминание об интервью с одним профессионалом, который уверял: картечью хорошо расстреливать машины, это надежнее, чем автоматная очередь, пуля мало ли куда угодит, а дробовым зарядом из двенадцатого калибра ты просадишь дверь и вомнешь ее внутрь с противником вместе...

Худо-бедно, это успокаивало.

Скотина бесновалась. Зверь все принюхивался. Лузгин боролся с желанием по темному силуэту выстрелить, сбить его обратно за стену — черт с ним, пусть раненый уйдет, лишь бы перестал нагнетать страх, лишь бы можно было вздохнуть. Лузгин сейчас не чувствовал присутствия вокруг надежных опытных вооруженных людей. Он был со зверем будто один на один. И испытывал дикий ужас, по сравнению с которым померкли все известные ему страхи. Он вообще не предполагал, что может так бояться.

Зверь приподнялся на задних лапах и неспешно, будто в замедленной съемке — видимо, настолько у человека обострилось восприятие, — начал валиться вниз. Лузгин прикинул возможную траекторию, шевельнул стволом, чтобы встретить им зверя в нижней точке полета...

И тут сообразил, что у него пять выстрелов в магазине и ни одного в патроннике. С утра перезаряжал, потом не было повода дослать патрон, а дальше Лузгин окосел, задумался... Забыл.

Рука лежала на цевье помповухи — а где ей быть еще? Движение вперед-назад заняло бы четверть секунды максимум.

Зверь прыгнул.

Лузгин обосрался.

* * *

Увесистая туша ухнула в сеть, потеряла равновесие и с хрустом вломилась в гнилые доски пола. Вспыхнули лампы. Четверо мужиков, пинком распахнув ворота, бросились на улицу, затягивая горловину кошеля. Остальные подскочили к бьющейся в сети фигуре и принялись исступленно молотить ее прикладами, а кто похитрее да посмелее — заранее припасенным металлоломом.

Сквозь невообразимый гвалт прорвался оглушительный рык, и тут же — отвратительный вой.

Лузгин, держа обеими руками брюки, выскочил со двора и скрылся за углом, взяв курс на водонапорную башню, к знакомому с детства крану, откуда всегда текло.

Мало того, что он провалил ответственную задачу стороннего наблюдателя, еще и ружье бросил.

И на дальнейшую судьбу зверя Лузгину сейчас было категорически наплевать.

Хотя, судя по доносящимся со двора звукам, стоило бы этим озаботиться. Там кое-кого забивали — ой, не как кабанчика из анекдота, а конкретно, до состояния домашней колбасы. Мясо в кишки заколачивали.

Испытывая жуткий стыд и почему-то редкостное облегчение, Лузгин добежал до крана, разделся, отмылся, кое-как вычистил штаны, трусы зашвырнул в ночь, прикурил сигарету и постарался успокоиться. Его трясло. Надо было немедленно возвращаться, но делать этого не хотелось совершенно, и сил хватило лишь на то, чтобы пойти назад раздумчивым неспешным шагом.

На совхозном дворе блеяло, мычало, выло — и смачно, с оттягом, било твердым по твердому, но живому.

Материлось еще. Радостно, звонко, душевно, как обычно русский крестьянин восхищается собственной работой, которую сделал хорошо.

Сам двор со стороны выглядел фантастически — длин-

ное грязно-белое здание, из которого вверх уходит даже не столб, а параллелепипед электрического света.

И били там, и били — и били, и били.

— Рррр-а-а-а!!! — кричал зверь почти человеческим голосом. — А-а-а!!! У-у-у!!! Гррр... Ы-ы-ы!!!

Судя по всему, он уже на отдельные удары не реагировал, а просто орал в предсмертной тоске. Потому что когда тебя забивают, в некий момент приходит осознание — забивают к чертям собачьим или поразвлекутся да бросят. Зверь, похоже, решил, что уж его-то, ясен пень, на хрен забьют.

— А ты бы раньше подумал! — грозно заявил Лузгин, появляясь в воротах эдаким героем-победителем: руки в карманах, сигарета к губе прилипла. Заявил, глянул на зверя — и опешил.

Желудок прыгнул к самому горлу. Сигарета выпала изо рта. Лузгин поперхнулся, закашлялся...

Его стошнило.

* * *

Витя нашел Лузгина у подножия водонапорной башни. Тот нервно курил, в промежутках между затяжками тихо подвывая от жалости к себе.

Витя дышал, казалось, чистым самогоном. Лузгин тяжело сглотнул.

«Он, наверное, этой гадостью еще и кончает», — пришла в голову безумная мысль.

— Жахни, — предложил Витя, протягивая бутылку.

— На х...й!!! — заорал Лузгин, вскакивая и отпрыгивая назад.

— Чего-то ты, Андрюха, сегодня расстроивши, — миролюбиво заключил Витя. — Прямо с самого утра. Ну, ладно. Это... Будешь тут куковать или ко мне пойдешь? Все одно концерт закончивши.

— Концерт... — буркнул Лузгин, затаптывая сигарету. — Шоу уродов. Славный парень Андрюха и его дрессированные внутренности... Из чего ты свое пойло гонишь, дядь Вить?

— Как из чего? Из меда, конечно. У меня же пчелы, забыл?

— Уфф... Ну, вы как там вообще?

— Да ничего, — уклончиво ответил Витя.

— Скотину по домам сейчас?

— Не-а, темно. До утра оставим. Зверя оттащим подальше, чтобы не вонял. Привяжем, вон, прямо к водокачке.

— Было бы чего привязывать...

— Так он живой, зверь-то.

Лузгин вытаращил глаза и шумно рыгнул. Снова зашевелился желудок, слава богу, пустой — только одарил ночь сивушным факелом.

— Он дышит, зараза, — пояснил Витя. — Вломили мы ему знатно, убить могли, а он дышит. Образина, мать его.

— Не то слово, дядь Вить. Чудовище, блин. Я уже жалею, что уговорил вас поймать его.

— Ерунда, привыкнем, — оптимистично заявил Витя. — Ты Ваню Русского помнишь? А Гошку? Тоже были... красавцы редкие. Я однажды на Гошку бревно уронил — бум его в канаву, а он там спавши. Рожу высунувши — ну, думаю, привет, уважаемый Кондратий. Ей-ей, чуть не помер.

— Бабушка рассказывала, — вспомнил Лузгин, хватаясь за малейшую возможность говорить не о звере. — Просыпается однажды на рассвете с ощущением, что в доме кто-то лишний. Открывает глаза, а перед ее кроватью стоит на коленях мужик с искаженным лицом. Она ему — Гошенька, бедный, что с тобой случилось? А он ей — тетка Нина, дай рубль! М-да... Привыкнем, говоришь? Ваня с Гошкой люди были. А эта нечисть — что она? Сказать? А? Объяснить тебе, чего нас от нее колбасит? Проклятье, да я хоть сейчас пойду и отстрелю ему башку! Привыкнем...

— Лучше осиновый кол в сердце, — посоветовал Витя.

Зрение Лузгина адаптировалось к темноте, и он хорошо видел, какое у собеседника выражение лица. Серьезнее некуда. Интонации-то Витины были всегда чуть дурашливые, не поймешь, шутит или как.

— Это вервольф, — сказал Лузгин. — Знаешь слово?

— Знаю.

— Оборотень. Ты мог представить, что они бывают?

— Влегкую.

— Дядя Витя, не валяй дурака! Ну чего ты...

— Андрюха, мы люди деревенские, темные, суеверные,

с любой херней готовы согласиться — догадываешься, почему? А с волками рядом живем. С медведями. Видим разное, чуем всякое. Не боимся его обычно. Мы привыкши. Если кто ночью вокруг дома ходит — собака лает, и я с ружьем на улицу. Потому что мой дом. Но место-то общее, и наше, и ихнее. Мы хозяева, и они, в общем, тоже хозяева. Вот. Этот зверь, он — другой. Он не отсюда, я думаю. Издалека пришодце.

— Перестань называть его зверем, дядь Вить. У него должно быть человеческое имя. И фамилия. Я одного не понимаю — какого черта он бегает в шкуре и всех жрет, ведь полнолуние давно прошло! Или это какой-то ненормальный оборотень, или мы о них ни черта не знаем. Ох... Вот же угораздило!

Подошел Муромский. Собственное ружье висело у него на плече, под мышкой торчала лузгинская помповуха.

— Ну что, засранец! — весело сказал он. — С боевым крещением!

— О-о... — простонал Лузгин, отворачиваясь.

— Не ссы, Андрюха, бывает, — утешил его Витя. — Нас однажды минометами накрывши — целый взвод в штаны наклавши. Дружно.

— Ты же не воевал! — усомнился Муромский.

— А в Советской Армии воевать не надо было, чтобы снаряд на башку упал. Сам не помнишь? Американцы и те до сих пор по своим долбят, чего уж про нас-то...

— Это да, согласен. Андрей, держи ружье, и правда, не ссы. Дело житейское. Все перепугались. Чуть насмерть зверя не забили со страху. Насилу я прекратил это безобразие. Главное, людей оттаскиваю, а сам так бы и треснул гада лишний раз ломом по морде. Но крепкий он, сука! Думаю, у него все кости целы. Разве что пара ребер того. Его пулей надо в голову.

— Серебряной, — подсказал Витя.

— И обычная сойдет. Но мысль твою я улавливаю. Андрей, что скажешь? Вервольф?

Лузгин молча кивнул.

— Фантастика, — сказал Муромский. — Прямо кино. Был американский оборотень в Лондоне, а теперь русский в Зашишевье. Вот этого говна нам для полного счастья не

хватало. Ведь не поверит никто! И вообще — ну, поймали. И что теперь с ним делать? И что сделают за это с нами? Он же, сука, наверняка секретный! Думаешь, он сам по себе зародился? Щас!

— Секретный, не секретный — по фигу. Сейчас он наш. Вот и пристроим его на пилораму — бревна ворочать, — предложил Витя. — Я не шучу. А там видно будет.

Муромский посмотрел на Витю с сомнением. Принюхался.

— Как, вы говорите, ваша фамилия? — осведомился он елейно. — Бухой?

— Ошейник ему надо железный и цепь, — упрямо гнул свое Витя. — На ноги кандалы, чтобы не разбежался. На руки тоже придумаем что-нибудь. Скажи Сене, чтобы кузню раскочегаривал. Все равно сегодня не спать.

— Зачем кузню? — спросил издали Сеня.

Лузгин вдруг осознал, что вокруг тихо. Наконец-то. Даже овцы на дворе не блеяли. То ли свыклись с присутствием зверя, то ли впали в ступор.

— Дедушка, а дедушка! Тут Витя придумал — на пилораму зверя, чтобы бревна катал.

— И правильно, милок. А что еще с ним делать?

— Совсем с ума посходили... — бросил Муромский недовольно. — Андрей, хоть ты меня поддержи. Нельзя это чудовище в селе держать. А как его и куда... Не представляю.

— В городе есть лаборатория «Кодак-экспресс»? — спросил Лузгин. — Должна быть хоть одна.

— Целых две, — сказал Муромский. — В городе теперь все есть. Вплоть до ночного клуба и Интернета. А через месяц обещают из Москвы привезти мужской стриптиз. Бабы уже деньги считают. Ничего развлечение — пидарасам в трусы купюры засовывать? Свою не пущу, бля буду.

— Ну чего, я в кузню пошел? — спросил Сеня.

— Иди уж, — вздохнул Муромский. — Забирай этого... мечтателя и иди. Зверя мы вам прямо к горну доставим. Хоть всего в железо упакуйте. Намордник бы ему, да рожа плоская, бульдожья... Я сейчас машину подгоню, зацепим его — и волоком...

Витя кивнул Лузгину и ушел вместе с Сеней в село.

— Дедушка грустный, — сказал Муромский тихонько. — Дедушка о зверя приклад сломал. Два раза. У своего ружья, а потом у чужого! М-да... Так зачем тебе «Кодак», Андрей?

— Пригодится, — заявил Лузгин уверенно. Он бы мог объяснить свой интерес к фотолаборатории прямо сейчас, но ему хотелось Муромского немного помучить. В отместку за «засранца».

— Лишнего спрашивать не буду, — Муромский зевнул. — Ваши журналистские профессиональные секреты... Сам расскажешь, когда время настанет. Ладно, надо руководить, пока все не перепились в жопу.

— Пойду, что ли, с вами. Посмотрю...

— Теперь-то бояться тебе нечего, — многозначительно сказал Муромский, подавляя смех.

— Это Витин самогон виноват, — буркнул Лузгин, шагая рядом. Оправдываться было противно, но — очень хотелось.

— А ты его не пей больше. Захочешь накатить, ко мне приходи, я налью сколько угодно. У меня качественный национальный продукт. Двойной перегонки и тройной очистки. Почувствуешь разницу.

— С детства меня волнует один вопрос. Чего они-то дважды не перегоняют и совсем не чистят, а? Неужели просто от жадности? Как из крантика закапало — тут же присасываются?..

— Именно, Андрей. Именно от жадности. Ты поставь им самой лучшей водки, они скажут: ох, хороша! А когда водка кончится, будут хлестать смагу за милую душу. И попытаться самостоятельно приблизиться к высокому стандарту — ни-ни. Зачем? Им что бухло, что пулемет, лишь бы с ног валило.

Муромский подумал и добавил:

— Хотя люди в общем и целом очень хорошие. Такой, блин, нюанс!

* * *

У вервольфа оказалась роскошная шерсть — темная, почти черная. Даже сейчас, изгвазданная, свалявшаяся, местами ободранная, залитая кровью, она производила впечатление.

Больше в его внешности найти что-то положительное было решительно невозможно.

С первого же взгляда на это существо тянуло блевать и убивать.

Порвать на куски, хоть зубами. Стереть с лица земли. А потом сделать что-нибудь с собственной головой, чтобы не мучиться остаток жизни ночными кошмарами.

Комплекцией вервольф напоминал мальчишку-подростка, правда, очень ширококостного и тяжелого. С отвратительно худыми и жилистыми конечностями, мерзко вывернутыми в суставах. Причем если туловище и ноги шерстью заросли густо, то плечи, например, были почти голые, лишь местами на них красовались черные клочья. Очень странно выглядела стопа — когтистая и ороговевшая, чем-то она походила на птичью лапу. И кисти рук были... Тошнотворны. Лузгин поймал себя на том, что не смог бы описать их на бумаге.

Морда и вправду бульдожья, плоская, с торчащими наружу клыками, тяжелыми брыльями — гадкая черная морда.

Одни уши были вполне человеческие, разве что сильно в шерсти, зато на подобающих местах, по бокам головы.

— А глаза желтые, — сказал Муромский. — А кровь почти черная...

Лузгин сплюнул.

Вервольф лежал неподвижной тушей, и только бока чудовища едва заметно шевелились. Спеленали его умело — руки за спину, ноги заломлены и примотаны к рукам. Проволокой.

— Кобель. Вишь — яйца? Ох, получил он по ним сегодня... За все хорошее.

Лузгин сплюнул еще раз.

— Надо бы в зубы ему чего-нибудь, — решил Муромский. — Ну-ка...

С неожиданной ловкостью он махнул ногой и всадил каблук оборотню под ребро. Лузгин удивленно покосился на отставного моряка. Удар был хорошо поставленный, и не простой, спецназовский, из тех, какими ломают хребты вражеским овчаркам.

Вервольф тихо охнул, пустил слюни и размазался по полу.

— Я думал: а если он придуривается, — объяснил Муромский. — Ну здоров, чертяка. Точно, на пилораму его! Эй, народ! Там обрезок трубы валялся, суньте ему в зубы, проволоку внутрь пропустите и на загривке смотайте. А я за машиной пошел. Сейчас устроим... доставку товаров населению.

Лузгин закурил и прислонился к ограждению стойла. В ухо тепло и влажно дышала сонная корова.

— Узнать бы, кто ты... — пробормотал Лузгин тихонько, глядя на вервольфа и напряжением всех сил заставляя себя поверить: это не сон. — Хотя бы откуда. И раскрутить цепочку. Я ведь умею. Могу. Выяснить, что с тобой случилось. Мне ведь тебя почти жалко, парень. Я не плохой, не злой. Просто... Какой же ты отвратный!

Подошел и встал рядом Юра Яшин.

— Да, — сказал он, — такого мочкануть не грех. Но знаешь, какая штука, Андрюха? Слушай. Мы, когда его месили, были все точно голову потерявши. А он в один момент из сети-то почти вылезши, лапу высвободивши. Ох, хорошо отмахнуться мог! И меня достать, и Сенька по чану точно бы огреб. Муромский ему по суставу ломом, да поздно. И вот я думаю теперь — а чего зверь нас не тронувши, а? И раньше — собаки, овца... Ты ж не знаешь, его на той неделе баба Вера поленом огревши. Думала, мужик пьяный на двор залезши. Сама потом от страху чуть не окочурившись...

— Мелковат он для взрослого, тебе не кажется? — спросил Лузгин.

— Слушай, да, пацан, — сказал Юра уверенно. — Лет четырнадцать.

— И все-таки в округе были человеческие жертвы.

— Это не его.

— А кто же тогда?

— Городские, кто...

— Ох, не любите вы городских!

— Слушай, фигня это, — не согласился Юра. — Мы к городским нормально. Нам с ними друг без друга никак. В Зашишевье каждый второй наполовину из города — либо там работавши, либо еще чего. Не в этом дело совсем.

— Ладно, замнем. В любом случае, вот кто все знает. Допросить бы! Если в нем осталось хоть что-то еще человеческое... Но я боюсь, с такой собачьей рожей он не в состоянии говорить. И не факт, что он вообще помнит, как это делается.

— Слушай, ты ему ксиву свою предъяви, — предложил Юра. — Скажи: я корреспондент московской газеты, нарочно сюда приехавши, чтобы взять у вас интервью. А? Слушай, он сразу вспомнит, как разговаривают!

— Любите вы, Яшины, над людьми издеваться, — буркнул Лузгин.

— Слушай, да я от чистого сердца посоветовавши! — тоном оскорбленной невинности сообщил Юра и отошел, сдавленно хихикая.

— Так и сделаю, — пообещал Лузгин ему вслед.

Оборотень вдруг напрягся всем телом, громко хрюкнул и снова расслабился, затих.

— Фу... — выдохнул Юра, опуская ружье.

Лузгин потер грудь в области сердца.

— Вот же пакость! — сказал он. — Даже сейчас напугать в состоянии.

— Трубу-то ему в зубы точно надо, — вспомнил Юра. — Мало ли...

— Зубы — выбить! И когти вырвать.

— Слушай, Андрюха, пожалей мальчишку.

— Мальчишку?! — взвился Лузгин.

— Чего-то ты сегодня расстроивши, — в точности повторяя недавнюю фразу брата, заметил Юра.

— Мое дело маленькое, — сказал Лузгин твердо. — Суйте ему хоть трубу, хоть лом. Хоть в зубы, хоть в жопу. А я к себе пошел. Хватит с меня на сегодня. Могу ведь и вправду расстроиться!

Он вышел со двора и побрел по едва заметной тропке коротким путем в Зашишевье. На душе было крайне муторно. Связанный и измордованный до потери сознания, вервольф все равно страшил Лузгина. Уже не столько внешностью, сколько фактом присутствия здесь, на родной земле. Спокойно осознать ситуацию и жить в ней, как это делали местные, не выходило. Сложившаяся за тридцать лет единая картина мира оказалась грубо взломана. Лузгин более-менее представлял себе, как дальше придется действовать, но все еще не мог принять, что происходящее ему не снится.

А ведь не снилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проснулся Лузгин от человеческого крика. Орали где-то посреди села, на много голосов. Слова разобрать было невозможно, но судя по общей интонации — собирались убивать. Лузгин знал, как в Зашишевье кричат перед дракой. Нынешнее орово тянуло на большее, чем тривиальный мордобой по-соседски.

Еще собаки лаяли. Опять. И бабы голосили.

Это начинало действовать на нервы. Он приехал в Зашишевье за тишиной и покоем. И выдерживать ежедневно такую свистопляску в его планы не входило.

Лузгин рывком сел в кровати, схватился за голову, упал обратно.

— О-о-о... У-у... Сволочи. За что?!

И тут он вспомнил события прошедшей ночи — сразу все.

Одновременно стало больно, стыдно, противно и... любопытно.

Проклиная себя, оборотня, Витину самогонку, местных оптом, Муромского отдельно и вообще жизнь, Лузгин кое-как поднялся на ноги, похлебал из ведра холодной водички, быстро оделся, схватил ружье и выбежал на улицу.

Напротив дома Муромского посреди дороги бушевал пыльный смерч, а внутри его активно шевелилась куча-мала человек на десять.

— Пассатижи, блядь! — орали из кучи начальственным голосом. — Пассатижи, блядь, держи! Крепче!

К обочине приткнулся древний, но еще крепкий на вид «Форд Сьерра». От машины внутрь кучи уходил трос, дергающийся и извивающийся, как змея в агонии.

Супруга Муромского, могучего сложения женщина, стояла на крыльце, и в тональности милицейской сирены, без малейшей паузы на вдох, кричала что-то вроде «ой, чего деется, убивают, гады, пидарасы, остановите их, мудаков, кто-нибудь».

— Палец! Палец ему! Перехвати!

— Ой-ё-о!!!

— Андрей! — донеслось с крыльца. — Стрели! В воздух стрели!

Лузгин не стал раздумывать, а просто сделал, что просили, — дернул помповуху за цевье и нажал спуск.

Бахнуло так, что заложило уши и заломило виски.

«О, черт! Это после вчерашнего. Ей-ей, пить брошу».

Куча-мала распалась, открыв скрючившегося вервольфа, подобравшего под себя все четыре конечности. На Лузгина уставились бешеные глаза мужиков.

— Ты какого хрена... — начал было Муромский.

— Какого хрена?! А за каким... вы его сюда приволокли? — перебил Лузгин. — Зачем он здесь?

— Тебя спросить забыли!

— Слушай, Андрюха, он Пирата зашиб, — вклинился Юра.

Лузгин огляделся и увидел на обочине кучку шерсти с лапками и хвостиком.

— Пират набежавши, прыгнувши, а он его...

— И кто виноват? Тот, кто собаку с цепи спустил? Или тот, кто средь бела дня опасную тварь по улицам таскает?

— Ишь ты, как завернул! — Муромский растолкал народ, поднялся на крыльцо, грубо оттер жену и скрылся в доме.

Лузгин шмыгнул носом и достал сигареты. Все было ясно. Бугру понадобился небольшой триумф. Он решил на буксире протащить вервольфа по улицам села. И доигрался. Подставил собственного пса.

Лузгин подошел к вервольфу поближе. Разглядел железный ошейник, крепкие цепи... Кандалы оборотень прятал под собой вместе с руками-ногами.

Когти ему рвать собирались, не иначе.

От черной шкуры осталось лишь воспоминание, теперь это был один сплошной колтун серо-желтого цвета. На песке Лузгин заметил несколько крупных темных пятен.

А еще вервольфа била мелкая дрожь.

— Эй! — позвал Лузгин с безопасного расстояния. — Ты живой вообще?

— Слушай, хули ему сделается, — бросил Юра.

— Игрушку нашли? Вы зачем его ловили, а? — Лузгин постарался быть убедительным, сейчас все зависело от того, удастся ли ему запудрить мозги озверевшим крестьянам. — Вы Зашишевье прославить хотели, кажется. Сами

героями заделаться собирались. Денег заработать. Хороши же из вас герои, ничего не скажешь...

— Агитатор, бля! — крикнул Муромский, спускаясь с крыльца. В одной руке у него был тяжелый молоток, в другой — здоровенные клещи. — А ну, кончай демагогию! Нашел за кого заступаться!

— Да как тебе не совестно, живодер ты эдакий! — вступила жена.

— Он нашего Пирата убил!

— Знаю, что убил! Не нарочно ведь!

— А ну пошла в дом, зараза! — прорычал Муромский, резко понизив голос. Это возымело действие — жена с крыльца испарилась мгновенно.

— Значит, когти я ему вырву, — будничным тоном сообщил Муромский, подходя к собравшимся. — Ну-ка...

Вервольф перестал мелко дрожать. Его заколотило.

Муромский собирался еще что-то сказать, но осекся.

Лузгин, чувствуя, что сам тоже сейчас весь затрясется, выставил в сторону Муромского ладонь.

— Видел? — спросил он громким шепотом.

— Зубы до следующего раза оставим, а когти — извините...

Лузгин не мог понять, играет Муромский или нет. Как любой настоящий лидер, тот обладал качествами почти несовместимыми — умением переть танком до полного упора и способностью мгновенно ориентироваться в меняющихся обстоятельствах.

— Взяли, перевернули, — скомандовал Муромский.

Вервольф застонал и... расплакался. Больше всего это было похоже на жалобное нытье очень маленького ребенка.

— И такая пое...ень — целый день! — провозгласил некто, проламываясь сквозь придорожные кусты. — Вы чего, мужики, совсем охреневши?

Лузгин с облегчением вздохнул. Сейчас он готов был простить Вите Яшину все — даже регулярное злостное нарушение правил самогоноварения. Лишь бы тот переломил ситуацию.

Вервольфа ухватили за бока и кувыркнули на спину. Тот не сопротивлялся, только ныл и пытался спрятать лапы. Железной трубы у него в зубах уже не было — проволока, наверное, размоталась, пока оборотня таскали по селу. Лузгин не заметил слез на изодранной в кровь черной морде, но готов был голову прозакладывать — существо действительно плачет.

Еще стало ясно, насколько же оборотень маленький. Самому невысокому из мужчин он едва достал бы до плеча.

— Бугор, а бугор, — позвал Витя с приторным миролюбием, выходя на дорогу. — Чегой-то ты нынче круто взявши.

— Разберемся, — буркнул Муромский, наклоняясь над вервольфом и щелкая клещами.

— Дя-а... — проныл оборотень. — Не-е...

— Чего-о?!

Впервые Лузгин увидел Муромского по-настоящему опешившим.

Впрочем, от услышанного обалдели все.

Кроме Вити.

— Он говорит: дядя, не надо, — перевел Витя очень спокойным тоном.

— Не-е... Дя-а... Не-е... Дя-а... Не-е...

Глаза вервольфа были крепко зажмурены, он выстанывал свое «дя-не», как заклинание, чуть мотая вобранной в плечи головой.

Муромский выпрямился, поглядел растерянно на Витю, потом на Лузгина... и вдруг лицо его озарила торжествующая ухмылка.

— Расколол гада! — сообщил он гордо. — Вот как это делается. Желающих с ним побазарить — милости прошу. Закурить дайте мне кто-нибудь.

Протянули сразу несколько пачек. Лузгин показал издали «Парламент» и угадал — Муромский со словами «А нука, угостимся с барского стола» подошел к нему. Старательно пряча бегающие глазки.

Никого он, конечно, специально не раскалывал. Просто хотел в припадке жестокости выдрать оборотню когти. По-человечески Лузгин его, в общем, понимал. Но что-то подсказывало: мучить пойманное существо дальше некоторого предела нельзя.

Не потому, что ты сам окажешься хуже зверя — кого волнует философия, когда руки сами тянутся к железу...

А вот довольно. Точка. Одна глава прочитана, начинается совсем другая.

— Ловко сделано, — сказал Лузгин.

— Дык! — кивнул Муромский, наклоняясь к зажигалке.

— Я все думал, это игра или нет. Прямо испугался.

— Пирата жалко... А так — конечно, игра. Что же я, и вправду живодер?

Боковым зрением Лузгин поймал насмешливый Витин взгляд. Не удержался и подмигнул.

Вервольф продолжал жалобно ныть. Витя осторожно ткнул его носком сапога в плечо.

— Хватит тебе, — сказал он. — Больше не тронем. Если с нами как с людями, мы тоже как люди. Эй, пацан! Завязывай.

— Слушай, братка, а вина ему! — предложил Юра. — В пасть. От нервов.

— А есть вино? — мигом встрепенулся Витя, оглядывая собравшихся.

— Не надо! — поспешил встрять Лузгин. — Свернет ему башню, сами пожалеем. Лучше просто отойдите. Он же вас боится. К вон тому столбу трос принайтуйте, а сами хотя бы шагов на двадцать в сторону. Я тут останусь, если вы не против. Я, кажется, единственный, кто его не тронул еще. Может, это подействует?

— Дело говорит, — признал Муромский. — Но к столбу не тросом, я лучше цепь принесу и замок. А сами — ко мне на лавочку. И не близко, и слышно будет, как Андрюха его разговорит.

— На быстрый результат я бы не надеялся, — помотал головой Лузгин. — Ему успокаиваться час. И учиться говорить — неделю. Если это возможно в принципе. И вообще... С чего мы взяли, будто он понимает нашу речь? Может, он считывает каким-то образом сами намерения. А «дядя, не надо» — единственное, что у него в мозгах осталось от прежней жизни...

Тут Лузгина озарила неприятная догадка — а озвучил ее сообразительный Муромский.

— Если там вообще что-то имелось, в мозгах этих! — сказал он брезгливо. — Вдруг он был алкаш, бомж или умственно отсталый... Обидно получится, столько усилий зря. И Пират — зря. А могли расстрелять и не париться.

— Расстрелять никогда не поздно никого, — буркнул Витя. — Цепь свою неси, расстрельщик. А замок у тебя какой?

— Какой надо замок. Ему не по зубам. Сейчас я. Давайте это... чудо пока к столбу.

Успокоился вервольф действительно не скоро. Зато Лузгин, сидя рядом на краю придорожной канавы, успел к нему попривыкнуть. До того, что уже не подташнивало.

Мужики на лавочке заскучали, притащили вместо стола ящик, надергали с огорода закуски и принялись, как это здесь испокон веку называли, «отдыхать». Зашишевье постепенно возвращалось к нормальной жизни, шевелилось, производило затейливые деревенские шумы. Издали, от самых Крестов, за вервольфом подглядывали ребятишки. Потом им надоело, и они стайкой упорхнули к озеру. Сеня, которому жена объявила принудительный мораторий на пьянку, у себя в огороде поливал из шланга грядки. В прогал между домами видно было, как невдалеке на пригорке дрыхнет пастух и лениво бродят коровы.

Вервольф лежал на боку, крепко прижав к груди скованные передние лапы — назвать их руками Лузгин не мог себя заставить. Глаза оборотень так и не открыл. Зато дышал ровно. И не спал. Лежал, отчаянно трусил, ждал развития событий.

— Теперь все будет хорошо, — сказал Лузгин, прислушиваясь к мерному дыханию вервольфа. — Тебе больше нечего бояться. Я хочу говорить с тобой. Если понимаешь меня, кивни. Не разучился кивать-то?

Голова оборотня немного склонилась.

— Мы правильно догадались — ты просил «Дядя, не надо»?

«Да».

— Дядя не будет, я тебе клянусь. А как мы скажем «нет»?

Оборотень довольно живо помотал головой.

— У тебя есть имя?

— В-ва!

Лузгин от неожиданности дернулся.

— Чего там? — крикнули с лавочки.

— Нормально все, погодите! Эй, ну-ка, повтори.

— В-ва.

— А неплохо получается. Расскажи мне что-нибудь.

Оборотень, давясь и булькая, выдал нечленораздельную фразу слов на пять и очень по-человечески обиженно застонал.

— Научишься, — пообещал Лузгин, сам себе не веря. — Давай еще немного поиграем в «да — нет». Согласен? Отлично. Ты помнишь счет времени? Годы, месяцы?

Оборотень качнул головой из стороны в сторону.

— Ах, вот как... То есть, сколько ты прожил в таком состоянии, не можешь сказать?

«Нет» и жалобный всхлип.

— И все же ты гораздо больше человек, чем зверь. Я сейчас говорю с человеком, верно? И зовут тебя... Вова?

Оборотень приоткрыл глаза. Находиться под его взглядом было неприятно, хотя не так, как вчера. Или Лузгин притерпелся, или из вервольфа частично выбили зверскую сущность, а может, и то, и другое сработало.

Только оставалось гаденькое ощущение, что смотрят желтые глазки человеку прямо в душу.

— В-ва, — сказал оборотень и часто закивал. Если Лузгин верно его понял — закивал радостно.

— Точно Вова?

«Да», «да», «да».

— Ну, привет. А я Андрей. Значит, слушай. Я стану говорить медленно, а ты кивай, если понял, и мотай головой, когда не поймешь. Ты пока что будешь жить здесь, в этом селе. Тебя будут кормить и не будут обижать. От тебя нужно одно: ты больше никого не тронешь. Задавишь хотя бы курицу — прощайся с когтями. Ну ладно, не нервничай. Скажи, пожалуйста, ты по-разному чувствуешь себя ночью и днем? Когда темно, хочется охотиться, убивать? Ага. Просто есть хочется, да? Ты поэтому не трогал людей? Люди не еда? Погоди, я по-другому спрошу. Честное слово, все останется между нами, просто мне очень нужно знать — ты уверен, что никогда не нападал на человека? Та-ак... Здесь — я повторяю: здесь ты не убивал людей? В окрестностях этого села? А у города? Знаешь, что такое город? Знаешь, где

он? Ну? А в самом городе? Точно? Ты вообще откуда пришел? Секундочку, а ты писать умел когда-нибудь?..

Оборотень послушно зачеркал когтем по песку, но вышло у него хаотичное переплетение линий, пародия на букву «ж». Он раздраженно вякнул. «Осваивается», — подумал Лузгин.

— Помнишь, сколько тебе было лет, когда это началось? Когда ты стал меняться?

Снова знак «не уверен».

— Примерно хотя бы. Погоди! Ты считался взрослым?

«Нет».

— Десять? Одиннадцать? Двенадцать? Тринадцать? Четырнадцать?

Оборотень застонал и снова заплакал. Даже немного побился головой о дорогу. Лузгин напряженно размышлял. Похоже, существо теряло самообладание, когда начинался счет. При этом оно отличало день от ночи, город от деревни, человека от курицы...

— Сколько пальцев? Эй! Сколько пальцев?

Два кивка.

— А сейчас?

Три.

— Сколько тебе лет?

— Ы-ы-ы-ы... У-у-у!!!

Прибежали с лавочки мужики.

— Ты его довел, — констатировал Муромский. — И меня тут называли живодером?

— Что-то с ним категорически не так, — сказал Лузгин, поднимаясь на ноги и отряхивая штаны. — Впрочем, я не был готов к разговору. Надо подумать, составить вопросник... Главное — подумать. И парень намерен сотрудничать. Вова, язви его. Простой русский вервольф. Писать умел. Считать может. А как называю цифры — его клинит. За этим наверняка кроется нечто. Понять бы, что... Слушайте, мужики, сообразите ему пожрать. Кашки, супчику хотя бы. Он давно голодный, к ночи может с собой не совладать и начнет рваться с цепи. Нам это надо?

— Вовчик! — позвал Витя заметно пьяным голосом. — Кушать хочешь? А? Вовка, твою мать! Не слышу ответа. Ну-у, мальчик расплакавши...

— Мальчик, бля! — фыркнул Муромский. — Хорошо, не девочка.

— Почему? — удивился Лузгин.

— Убить будет легче, если что.

— Он не даст повода, — сказал Лузгин убежденно.

— Ответишь? — прищурился Муромский.

— Если он поселится на самом краю села — почему нет? К моему дому его, там как раз последний столб рядом. Я и присмотрю за парнем, и разговаривать с ним буду.

— Слушай, это он пока на солнышке перегревши — смирный, — предположил Юра. — Ночью-то, по холодку, как бы чего не натворил.

— Вот я и говорю — пожрать ему надо. А потом, куда он денется с цепи? От столба-то?

— Столб там херовый, — авторитетно заявил Витя. — Сгнивши. Зверю на ползуба. Да я его сам перегрызу.

— Сам поставил, сам и перегрызу, — ввернул Юра.

— Когда было-то? Лет двадцать уже. В общем, столб херовый. А надо знаете чего? Трактором подтащить ту чушку бетонную, которая у дороги валяется. Она как раз с проушиной. И весит килограмм двести. Будет якорь, ха-ха!

— Разумно. Короче, Андрей, кормежку и привязь мы обеспечим, но поведение зверя под твою ответственность, — заключил Муромский. — А то у нас разговор простой будет. Пулю в лоб, и баста.

— Лично застрелю, — сказал Лузгин жестко. Надоело ему спорить и выторговывать условия. — Ясно?

— Застрелил один такой... Видали мы ночью, как ты стреляешь. Из главного калибра! Без промаха! Гы-ы! Ладно, молчу. Сейчас все организуем. Это хорошо, что ты его на себя берешь, а то нам поработать не мешало бы.

— Беру... — вздохнул Лузгин. — Взял на себя и с честью несу. Проследите, чтобы на мой край детишки не шлялись. И всякие домашние животные. Да и сами тоже... не отсвечивайте.

— Когда он тебя жрать будет, кричи громче, — посоветовал Муромский. — А то ведь не услышим.

— Кажется, он кого-то убил в самом начале. И с тех пор этого не делал. Надеюсь, и дальше не собирается.

— Ты ему веришь? — Муромский снисходительно улыбнулся.

— Я своим ощущениям верю. Это чудо природы было раньше человеком. И если обращаться с ним правильно, оно захочет снова человеком стать. Вряд ли у него это получится, но оно хотя бы расскажет нам свою историю. Как сможет, так и расскажет. Если сможет.

— М-да... Он расскажет, а ты запишешь... Бред!

— В чем проблема? — напрягся Лузгин. Муромский опять поворачивался к нему какой-то совершенно новой стороной.

— Ты, конечно, прости, но недаром я говорил: журналисты все е...анутые. Верят во что угодно. И пишут, и пишут... То-то меня от газет воротит. Сил нет читать. С самой перестройки одно говно. Будто это жулики печатают для идиотов.

— Газеты ему не нравятся... А ты ящик смотри! — огрызнулся Лузгин. — Если читать кишка тонка.

— Мы же договорились: про кишки ни слова! — напомнил Муромский и довольно заржал.

Лузгин секунду-другую поразмыслил и Муромского красиво уел. Потому что вместо ответной колкости сказал просто:

— Ну, я пошел. Отдохну немножко. Вы, значит, это... действуйте.

И вправду пошел досыпать.

— Вот жопа! — бросил Муромский ему вслед почти что с восхищением.

* * *

Строго говоря, приковали оборотня все равно к столбу. Та самая «чушка с проушиной» оказалась здоровым куском железобетона, обломком мачты низковольтной линии, которую еще при социализме хотели пробросить от Зашишевья дальше, да передумали.

— Не сдвинет? — усомнился заспанный Лузгин. — А-а, да хрен с ним, главное, в дом не залезет с таким якорем на буксире.

— Без шума не залезет, — многозначительно заметил Муромский.

Словно в воду глядел.

Посреди ночи вервольф принялся теребить цепь. Лузгин в окно посветил фонариком, прикрикнул: «Вот я тебе щас!», наткнулся на тяжелый желтый взгляд и счел за лучшее спрятаться. Банально струсил. Там, на улице, шуровал отнюдь не испуганный мальчик Вова. Хотя и не жестокая смертоносная тварь. Нечто среднее.

Оно хотело на волю и просило не становиться у него на пути. Всего лишь просило. Не нагоняло ужас на все живое, как прошлой ночью, а просто отодвинуло человека, чтобы не мешал. Во всяком случае, так это понял Лузгин.

«Понял? Не-ет, батенька, ты прямую команду принял и выполнил! Неужели эта зараза — телепат? Да запросто. Копается в мозгах, внушает эмоции, подслушивает мысли. Тогда понятно, отчего ему не даются некоторые абстрактные категории. Счет, например. Два пальца, три пальца — это то, что он глазами видит. А считать из чужой головы цифру — фигушки. Хм... Оказывается, мы и в телепатии совершенно не разбираемся. Собственно, чего тут странного — откуда нам?»

Ничто не препятствовало выйти и попросить вервольфа утихомириться, но просьбу наверняка пришлось бы вколачивать, а этого Лузгин себе позволить не мог. Он все еще верил, что статус человека, не причинившего боли, даст ему шанс записаться оборотню в друзья-защитники.

Очень захотелось увидеть Муромского, и желательно — с ломом в руках.

Снаружи перестали бряцать и начали скрести. Потом — скрести со звоном. Зашишевские псы давно устали брехать, предупреждая о наличии в селе «зверя», тишина стояла гробовая, и все было прекрасно слышно.

Лузгин сидел в темноте и прикидывал, насколько положение запуталось. Полдня назад он был уверен, что вервольф неплохо понимает человеческую речь. На этой посылке строился вопросник, который Лузгин вчерне набросал в уме. А теперь... Как общаться с существом, которое слышит тебя через пень-колоду, зато отлично видит, что ты спрашиваешь? А может, и слышит хорошо, но все равно больше видит? Главное — как разобрать, поняли тебя или

нет? И если поняли, то насколько правильно? Что именно кроется за ответами «да» и «нет»?

Скребуще-звенящий шум потянулся от избы куда-то по улице. Лузгин взял ружье, фонарь, вышел на крыльцо и обалдел.

Картинка ему открылась из разряда иллюстраций к книгам в жанре «стебучий хоррор». Под серым-серым небом по серой-серой деревенской улице брел, раскорячившись в напряженном полуприседе, некто черный-лохматый и пер на себе бетонный столб. Взвалив один конец столба на плечо, а другой волоча по песку.

Звеня кандалами.

Кряхтя и пыхтя.

— Бля-а... — выразил Лузгин всю гамму охвативших его эмоций.

Вервольф через силу попросил убраться подальше, и человек шатнулся за дверь.

— А вот хрен! — отважно крикнул Лузгин, высовываясь из-за косяка. — С тобой пойду.

Вервольф попросил не лезть в его дела вторично, но «прозвучало» это довольно вяло. Похоже, оборотню под столбом несладко приходилось.

Лузгин закурил, повесил ружье на плечо и, не включая фонаря, пристроился вервольфу в отсутствующий хвост.

— А колоритно мы с тобой смотримся, парень! — сообщил он. — Напрашивается аналогия. Хм... Какая страна, такой и Христос. Какая судьба, такой и крест на себе переть. Где пригодился, там тебе и Голгофа. Ага. Надо будет записать, сойдет за мировоззрение.

Вервольф под столбом гнулся все сильнее, но упрямо двигался по улице вперед. Что особенно интриговало — шел он в глубь села, к Крестам.

— Дурак, там килограммов не двести, а все триста. Грыжу наживешь. Пупок развяжется!

Лузгин представил себе развязавшийся пупок с выпадающими из него кишками, да так ярко, что едва удержался от желания схватиться за живот.

Вервольф утробно взвыл, отбросил столб — тот гулко хлопнулся в пыль, — и упал на колени, вцепившись передними лапами в брюхо.

Залаяли сиплыми голосами собаки.

Лузгин присел на удачно подвернувшуюся водоразборную колонку. Сигарету он выронил, пришлось доставать новую. Курить в общем-то хотелось не очень, но чем-то надо было себя заткнуть.

От накатывающих мыслей.

Оборотень немного подышал, встряхнулся по-собачьи, пронзил человека взглядом, полным омерзения, показал клыки и прохрипел:

— Ф-ф-ф-ф-ф!!! У-у! М-м-м! У-у!

После чего попытался снова подлезть под свою ношу.

— Извини, я не нарочно, — смущенно буркнул Лузгин. — А мудаками старших обзывать нехорошо!

Подумал и добавил:

— Даже если они мудаки.

Хлопнула дверь, скрипнула калитка. В поле зрения возникла тощая сутулая фигура в майке, семейных трусах и галошах на босу ногу. Зато при двустволке. Ружей у отставного егеря было запасено изрядно, он приклады мог хоть каждый день ломать.

— Привет, дядь Сень. А мы вот тут дурака валяем.

Сеня критически оглядел надрывающегося вервольфа и спросил тихонько:

— Это... Только никому не говори. Чуешь, милок, как он в голову торкает?

— Раньше было, сейчас нет. Наверное, он со мной общаться не хочет. Или устал. Или ты лучше его чувствуешь.

— Я думал — мне блазнится. Не говори нашим. Не поймут.

— Еще бы.

Вервольф почти взвалил столб на плечо, но уронил его.

— Не надоело тебе? — спросил Лузгин. — Знаешь, как это называется?

Вервольф хрюкнул и совершил очередной подход к весу.

Вес опять ему не дался, да еще и на ногу упал. Оборотень сдавленно рыкнул, уселся, вырвал из-под столба отдавленную конечность, прижал ее к груди и принялся баюкать.

— Мудовые рыдания, — сказал Лузгин. — Вот что это.

— С вами, может, сходить...

— Еще не факт, что у него получится. И все равно далеко не уползет.

Вервольф отпустил ногу, встал на четвереньки и снова взялся за столб.

— Хотя интересно было бы посмотреть, в какую сторону он от Крестов попрется.

— Да к кузне, — сказал Сеня просто.

Вервольф оторвался от столба, под который безуспешно пытался загнать когти, и уставился на Сеню.

— Ну-ну! — пригрозил тот, замахиваясь ружьем. — Не балуй.

Вервольф плюхнулся на задницу, вывалил язык и совсем по-человечьи закрыл лапами глаза.

— Трактором его обратно волочь, — заметил Сеня. — Умаявши он.

— И зачем ему понадобилось в кузницу? — спросил Лузгин мягко и слегка удивленно, надеясь не спугнуть удачу. Сеня мог закрыться, а то и пойти на попятный. Его охотничьи рассказы в Зашишевье далеко не всегда принимали всерьез, и частенько бывшего егеря выставляли на смех. Он любил приписывать зверью человеческие эмоции. Слишком человеческие, даже по здешним широким меркам.

— Вот не скажу, милок. Точно не скажу. Однако там инструмента всякого... Замок сбить, вывернуть скобу, цепь подпилить. Он же прошлой ночью все в кузне высмотревши. Он не постоянно без сознания лежавши. Витька думал — так, да я-то вижу. Я, милок, в лесу верных полжизни... Эй, чего глядишь? Отпустить бы тебя, дурака.

Вервольф тихо подвыл.

— Уйдешь отсюда? Знаю, уйдешь. Только ведь ты, глупый, еще где-то набедокуришь. Оставайся лучше с нами. Чем плохо? За кормежкой бегать не надо, люди хорошие, Андрюха про тебя в газете пропишет...

Вервольф занервничал, чуть приподнял шерсть на загривке и покосился на Лузгина.

— Не хочешь? — удивился Сеня. — Зря. Пусть узнают о тебе, глядишь, приедут ученые, придумают чего. Ведь зоологи искавши тебя в прошлом годе — а?..

В воздухе между Сеней и вервольфом что-то повисло. Лузгин ощутил это почти физически.

— Не понял, — сказал человек оборотню. Буднично сказал, но на самом деле его интонации маскировали очень серьезное напряжение. — Вот не понял я тебя, милок.

— Расскажи! — не удержался Лузгин.

— Я не понял, — Сеня удрученно помотал головой.

— А что ты видел? Он тебе картинку показал?

— Дай закурить.

— Ты же не... На, бери.

— Я, милок, до сорока лет смоливши, — сказал Сеня, прикуривая и несмело затягиваясь. — Кхе! А потом в завязку. Кхе! Яшкины, Витька с Юркой, на спор бросали, на ящик водки, и от жадности теперь не курят. А я просто бабе своей наказавши — увидишь с папироской, бей смертным боем... Ха! Кхе. А она ж у меня дама крепкая. И научила, как не курить. Коромысло до сих пор за сараем валяется, треснувши.

— Странные московские зоологи, — вывел собеседника на тему Лузгин. — Медленные, будто приморожденные. Днями больше спали, а ночью шастали по лесу. К тебе не обращались...

— Это Яшкины наплели? Ой, навравши-то. Приходили ко мне эти двое. Как не прийти. Лучше меня никто тут леса не знает. И, понимаешь, милок... Вот не показались они мне. А я, если человек не понравивши... Бояться начинаю, что не уберегу его, случись беда. У нас вроде и не тайга какая, а всякое может быть. Ну, я и того. К Муромскому их пославши.

— ...и он тоже не пришел в восторг.

— Кхе! — Сеня бросил под ноги окурок и аккуратно затоптал. — Ну да. Он их когда за Горелый Бор завезши, потом и говорит — убрались нелюди. Только он, понимаешь, милок, решил, что ребята... — тут Сеня ощутимо понизил голос, — из КГБ. А я думаю — не-а. Хуже дело.

Лузгин оглянулся на вервольфа. Тот сидел, поедал желтыми глазами столб и по-прежнему топорщил шерсть.

— Ты, милок, никому не говори, — в очередной раз попросил Сеня. — Особенно нашим.

— Как тебе поклясться? Типа крест на пузе желтым

фломастером? Предположим, я обещаю всячески охранять твое право на конфиденциальность в рамках Закона о печати. То есть, допустим, если ты мне сообщишь нечто важное, до того важное, что я как честный журналист буду просто обязан это рассказать людям, — никаких ссылок на тебя. Нормально?

Сеня задумчиво притих, осознавая услышанное.

— Ты же собираешься выдать такое, во что все равно никто не поверит, — напророчил Лузгин. — Никто вообще. Зашишевским я не разболтаю, зуб даю.

Сеня посмотрел на вервольфа, тот фыркнул и отвернулся.

— Ну и контакт у вас, — позавидовал Лузгин.

— А думаешь, милок, мне с этого много радости? Если б я хотя понимал, как оно получается... Короче, они его нашодце тогда в лесу. И вроде бы погибши оба.

— Загрыз?

— Конечно. Хотя перепугавши был сильно, толком не помнит ничего. И не люди они. Люди так не могут.

— Как — так?

— А не знаю, милок. Он же не говорит. И картинок никаких я не вижу, ошибши ты. Я... отношение его чую.

Вервольф снова фыркнул, встал и с новыми силами примерился к столбу.

— Вот дурак упорный... — вздохнул Лузгин. — И что с ним делать?

— А пускай тута живет. На пилораме сгодится. Мы ж все старичье, нам трудно уже. Доски-то плевое дело, с бревнами плохо. Тот же Муромский до чего бугай, а в прошлом месяце как за сердце схвативши...

— Я думаю — сейчас что?

— А проводим, чтобы не скучал. Все одно до кузни не допрет.

— Шел бы ты спать, дядь Сень. Тебе на работу с утра.

— А мне уж скоро доить, я бабе-то не позволяю, у нее рука не та. Всем хороша баба, а вот доить — ну не та рука.

Вервольф поднатужился, громко пукнул и, звякая цепями, поволок столб к Крестам.

Лузгин последовал за ним, Сеня попросил еще сигарету и пристроился рядом.

«Значит, когда он говорил, что убивал человека в самом начале, — вот что имелось в виду, — думал Лузгин о вервольфе. — Те «зоологи» для него не люди. Итак, какая складывается картина? Отчасти прав Муромский, бредовая. Но попробуем во все поверить. Выключить критику, оставить голую логику. Значит: в городе и окрестностях творится дурное. Кто-то нападает на людей, они исчезают без вести, по дорогам ночью лазают странные персонажи. Население запугано, милиция ведет себя неадекватно: будто знает о проблеме, но не может ее решить и старается удержать контроль над городом доступными средствами — зажимая информацию и давя народ. А оборотень ко всему этому бардаку не причастен, на его совести одни домашние животные. Максимум, чего он мог натворить — лишнего шороху навести. За самим оборотнем охотятся нелюди в человеческом обличье. Двоих он загрыз...»

Стало как-то холодно внутри. К Лузгину пришел очередной страх, новый, непохожий на тот, который он испытывал перед вервольфом. «Подумаешь, оборотень! Вещь понятная. Вон ползет себе, пыхтит. Вы говорите — проблема верволка в средней полосе? Дюжина мужиков из Зашишевья решит эту проблему за одну ночь! Поймаем зверя с выездом к заказчику. И п...ды ему дадим капитально. Хоть зверю, хоть заказчику. Быстро, качественно, недорого. Оптовикам значительные скидки. Возможен бартер на алкоголь. Звоните нам по телефону...»

С Крестов оборотень свернул направо, в сторону кузницы.

— Ага! — напомнил Сеня.

— Вижу... Слушай, как рано светает. Петухи скоро закричат.

— А дни-то сейчас длинные самые. Гляди, ловко тащит! Приноровивши.

Оборотень и вправду как-то приспособился к своей ноше. Его заметно водило из стороны в сторону, однако скорее от усталости, чем от неудобства. Он был не только крепок, но еще и ловок.

— М-да... Я не понимаю, на что он рассчитывает? Ну, через полчаса-час доберется до кузницы, попробует освободиться. Уже народу вокруг будет немерено. Снова отмудохают и на место вернут. С шутками и прибаутками.

— А он чует, бедняга, что без когтей останется. Вот и хочет уйти. По-любому. Не может иначе. Его отсюда енстинкт сохранения гонит.

— Э-э... — Лузгин в очередной раз опешил.

— Дурной, — сочувственно вздохнул Сеня. — Не понимает, что лучше тут без когтей, чем потом без головы. Верно, Андрюха? Не смотри, милок, я не знаю, чего он так думает.

— Ты ему втолковать не можешь, что с головой действительно лучше?

— А ему виднее, пожалуй, — возразил Сеня. — Он хоть наполовину, все равно зверь — раз чего учуявши, не свернет. Особенно ночью, когда у него енстинкты в полной силе.

— Наполовину зверь... Понять бы, насколько он может своей волчьей натуре сопротивляться. Точно ведь допрыгается. И зачем тогда было это все? Чего мы, спрашивается, его ловили...

— А ты думаешь, милок, он очень хотел на совхозный двор идти? — загадал очередную загадку Сеня. И, не дожидаясь следующего изумленного «э-э», объяснил: — Ему тогда жрать было охота до полной одури. Я еще смотрел и думал — сейчас уйдет, ведь почуявши нас да разглядевши. И тут он в сеть ка-ак прыгнувши...

— Хреново это, — заключил Лузгин. — Ну, будем кормить до отвала, а мало ли какие у него еще... енстинкты откроются. Например, охотничьи.

— А ты говори с ним, милок. Побольше говори. Пусть вспоминает, что был человеком. Он же пацан совсем. Ему мамку с папкой надо. Вот и будешь... заместо папки, хе-хе. Своих-то нету еще у вас с Маринкой?

«И не будет», — подумал Лузгин, а вслух сказал:

— Всю жизнь мечтал о зубастом мускулистом сыночке. Чтобы сам кормился, мог за себя постоять, да еще и тяжести перетаскивал. Э! Ты близко к канаве не бери. Свалишься!

Оборотень, похоже, вконец умаялся. Он уже не управлял столбом, напротив, кусок железобетона мотал его по краю дороги. У Лузгина мелькнуло желание как-то помочь носильщику — плечо, что ли, подставить...

Вервольф потерял равновесие и едва успел отпустить столб.

Тот навернулся в канаву. Пошла разматываться цепь.

Сеня с Лузгиным дернулись и остановились — они сделать ничего не могли. Дорога здесь проходила по высокой насыпи, канава была что надо, оставалось посочувствовать и увидеть, как незадачливый силовой акробат спикирует в густые заросли крапивы с лопухами.

Это заняло полсекунды — вот вервольф стоит на краю, наблюдая за падением столба, вот цепь натягивается... И срывает его за ошейник вниз!

Он только лапами взмахнул.

— Мы, летчики, специалисты, — уныло пробормотал Лузгин. — Есть такие, которые снизу вверх, а есть такие, которые сверху вниз... Тьфу.

— Приехавши, — сказал Сеня.

— Угу, приплывши.

Вервольф лежал в крапиве, раскинув лапы и закрыв глаза.

Он теперь мог с чистой совестью отдыхать, пока не приедет трактор.

* * *

Днем сильно разогрело. Оборотень зарылся в лопухи и тяжело дышал там.

Вытаскивать его из канавы никто и не подумал. Решили — обойдется. Дети к вервольфу потеряли интерес, взрослым на него стало и вовсе наплевать, а скотина, вплоть до кошек, вроде бы к присутствию в селе «зверя» адаптировалась. Пока оборотень гулял сам по себе, легендированный и обросший мифами, его боялись и ненавидели. Реальный, пойманный и закованный в цепи, он больше никого не волновал.

Муромский спустился в канаву, задумчиво попинал оборотня сапогом, заглянул в кастрюлю с собачьей похлебкой и пришел к выводу:

— Не жрал? Значит, решил сдохнуть. Ну-ну. Меньше проблем.

— Он не хочет меня слушать, — пожаловался Лузгин. —

Закрылся наглухо, никак не реагирует. Может, оттащить его к моему дому, а? Там от кустов хоть какая-то тень.

— А ты водичкой поливай. До колонки недалеко. Пройдись с ведром, что, трудно?

— Понятно, — Лузгин вздохнул. — Вы на него забили. Все.

— Работать за нас ты будешь? — веско спросил Муромский.

— Трактор! На двадцать минут! Жалко, да?

— Не жалко. Но... Пускай тут поваляется. Куда упал, пусть там и лежит. Чтобы осознал!

— С вами осознаешь... — буркнул Лузгин и пошел за ведром.

Первая же водная процедура довела вервольфа до истерики.

— А я знал?! — взорвался Лузгин в ответ на дикие вопли. — Я хотел как лучше! Да пошел ты на хер! С тобой одни проблемы! Трудно сказать было, что у тебя водобоязнь?! Собака ты бешеная!

Тут он вспомнил, что оборотень запросто ходил по ручью. И сообразил, что воду-то принес очень холодную, а шкура у вервольфа перегретая дальше некуда. Наверняка бедолага воспринял обливание как ожог.

— Извини, я не нарочно... — пробормотал Лузгин и отправился набирать следующее ведро. Дал воде нагреться и вылил ее на страдальца не одним махом, а плавно.

Вервольф ныл и закрывал морду лапами.

— Правда, так лучше?

— Ы-ы-ы...

— Да тьфу на тебя. Что я, нянька? Ты сам виноват. Какого черта сюда приперся? Сидел бы сейчас под кустами, все было бы нормально.

— Ы-ы-ы...

— Ну хватит, парень. Сердце разрывается на тебя глядеть.

— Ы-ы-ы...

Лузгин поймал себя на желании засветить бестолковому оборотню ведром по затылку и поспешно выбрался из канавы на дорогу, пока и вправду не дал волю рукам.

— Ты бы поел, что ли! — крикнул он с безопасной для

вервольфа дистанции. — Помрешь ведь! Или нарочно разозлиться хочешь к ночи? Зверя наружу выпустить? Убьют же, дурила! Себя не жалко — других пожалей. Думаешь, большая радость караулить тебя на солнцепеке? Уйду, так и знай! А без меня с тобой быстренько разберутся...

Вервольф проявлять благоразумие не думал. Лежал и стонал. Может, вправду решил помереть. Или ему стало окончательно плохо, и он уже не мог контролировать себя. В любом случае, нужно было что-то решать, пока солнце не зашло.

В обед Лузгин перехватил на дороге Сеню.

— Дядь Сень, подойди хоть послушай, чего с ним.

— А непонятно, милок, — сказал Сеня, приглядевшись к вервольфу. — Ну-ка...

Он безбоязненно протянул руку и запросто, без усилия, снял с оборотня здоровый клок шерсти. И еще один.

— Облезает? — прошептал Лузгин с благоговейным ужасом.

— А я знаю? Мож, линяет. Хотя он как бы кобель, ему не положено.

— И что делать?

— А я знаю?

Лузгин присел рядом с вервольфом. Загадочное существо больше не вызывало у него приступов отвращения. Да, выглядел мальчик Вова по-прежнему мерзко, но уже не до рвоты. Это наверняка было связано с тем, что оборотень перестал «торкать в голову», как сказал бы Сеня. То ли сил у него не хватало давить людям на мозги, то ли желания.

Лишний шанс парню выжить в нынешней ситуации.

— Пойдем ко мне обедать, — позвал Сеня. — А этот пусть лежит. Все одно он теперь никому здесь не нужный.

— Твоя правда. Никому.

Лузгин отлучился почти на час, а когда вернулся, ничего не изменилось — вервольф лежал себе полутрупом, разве что не стонал уже. К еде он не притронулся.

— С ложечки я тебя угощать не буду, — заявил Лузгин твердо. — И из соски тоже не буду. Вообще ничего не буду. Либо сам выкарабкаешься, либо тебе кранты! Эй, парень! Ты живой?

Он присел на корточки и осторожно ткнул вервольфа

пальцем в висок. Подергал за ухо. Положил ладонь на горячий бок. Оборотень дышал редко и слабо-слабо.

Лузгину в голову не пришло, что это может быть охотничья хитрость. Он взял тяжелую башку оборотня руками, повернул ее к себе, вгляделся в черную морду. И сразу понял, что ему раньше мешало запечатлеть образ вервольфа правильно, во всей полноте. Те самые легенды и мифы.

«Мы ничего не знали об этих существах. Ни-че-го. Впрочем... Кто сказал, что они вообще были?! Может, водились другие типажи. Или просто люди, сложившие легенды, никогда не видели обезьяну».

Да, в физиономии вервольфа сквозило что-то собачье, и даже медвежье. Но в целом-то, если присмотреться, он был версией на тему шимпанзе.

Малосимпатичной версией, надо признать.

— Может, ты это... Русский народный йети? Мать твою ети...

Веки оборотня дернулись. Он медленно, очень медленно приоткрыл глаза.

Лузгин не испугался и сам удивился этому. По идее, вервольф сейчас мог свернуть ему шею одним взмахом лапы. Но Лузгин откуда-то знал: ничего подобного не случится.

Глаза у вервольфа оказались мутные, измученные, безразличные.

— Хреново? — участливо спросил Лузгин.

Оборотень едва заметно кивнул.

— Я вытащу тебя отсюда, слышишь? Вытащу сначала из канавы, а потом и из этого села. Только помогай мне хоть немного, и все получится, — быстро заговорил Лузгин, поражаясь тому, насколько искренне рвутся с языка слова. — Если повезет, мы найдем людей, которые смогут тебе помочь. Если нет — значит, отыщем место, где ты сможешь жить в свое удовольствие, никому не мешая, и никто не будет мешать тебе. На земле свободного места очень много. Веришь?..

Он представил себе что-то вроде новозеландского предгорья, которое видел во «Властелине Колец», — и вервольф кивнул снова. Кивнул благодарно, в этом Лузгин готов был поклясться.

— В России есть территории не менее красивые и к тому же безлюдные. Это мы тебе организуем, честное слово. Это никуда не денется...

Вервольф поблагодарил. Слабенько, будто перышком огладил. Кто бы мог подумать, что он так умеет. Еще ночью Лузгин был уверен, что этот тип соткан из ненависти.

— Взамен я не попрошу от тебя ничего дурного или невыполнимого. Обещаю. Хорошо? Ладно, а сейчас придется еще немножко тут полежать одному. Я скоро вернусь и освобожу тебя от этой штуковины. Не надейся, все равно будешь на привязи. Но зато в тени. А ты пока что хоть воды немножко выпей. Пожалуйста.

Ключа от замка, скреплявшего цепь на торчащей из столба проушине, у Лузгина не было. Зато дома в инструментальном ящике валялась ножовка по металлу. Перепилить арматурный пруток — не вопрос.

Тащить вервольфа к себе пришлось волоком. У страдальца заплетались ноги, он все порывался встать на четвереньки, но когда Лузгин ему это позволил — рухнул мешком в дорожную пыль.

Скрежеща зубами от беспомощности.

Лузгин огляделся. На Крестах возбужденно щебетали дети, из-за занавесок пялились недобрые глаза. Под ногами валялся полудохлый оборотень.

«Красота. И ведь не расскажешь никому!»

— Эй ты! Адекватно униженная особь! — позвал Лузгин. — Попробуй хоть немного пройти.

Оборотень мысленно пожаловался на дурное обращение, которое довело его до подобного ничтожества.

— Ничего себе! Ты хоть понимаешь, жопа, до какой степени всех тут успел задолбать? Поэтому они и рады были тебя помучить. То-то. Не держи на местных зла. На самом деле здесь люди хорошие.

— У-р-р-о... — сказал вервольф и отрубился.

— Сам урод, — парировал Лузгин. У него заметно поднялось настроение. Во-первых, он больше не боялся оборотня, во-вторых, наконец что-то реальное делал, в-третьих, был убежден, что «зверь» выживет.

К тому же он впервые очень четко воспринял и детально разобрал то, что оборотень хотел ему передать. Это вселяло определенную уверенность.

Весила туша килограммов пятьдесят, но взвалить ее на плечи, бесчувственную и аморфную, оказалось непросто. Лузгин повозился с минуту, плюнул, схватил вервольфа за задние лапы и поволок.

Резонно предположив, что после катания по пыли за машиной оборотню должно быть глубоко по фиг, как перемещаться.

На дороге оставались клочья черной шерсти. Это было чертовски интересно. Втайне Лузгин лелеял надежду, что у вервольфа на нервной почве запустился процесс обратной трансформации.

Но так вышло бы чересчур хорошо.

«Очень уж по-киношному, — думал Лузгин, обливаясь потом. — В действительности — особенно в российской действительности — оборотню положено разве слегка облинять. Он еще меня убьет и съест, если по сюжету-то идти... Только отчего я не верю в такой сюжет? Почему мне кажется, что впереди нас ждет какая-то полная фигня? Невообразимая?»

Возле своего дома он кое-как упихал вервольфа под куст сирени и чуть не свалился рядом. Цепи как раз хватало заякорить пленника за столб — по мнению Вити, херовый, а на взгляд Лузгина — вервольфу не по зубам. Нашелся и замок взамен прежнего.

Пришлось еще возвращаться за кастрюлей и ведром. Снова под настороженными взглядами. Лузгин посмотрел на часы. Мужики должны были вернуться с работы уже скоро. Им, естественно, накапают, они придут разбираться...

Он вытащил из дома раскладушку, пристроил ее в тени рядом с вервольфом и улегся, заслонив оборотня собой. Закурил. И сказал:

— Вот! Возможно, кто-нибудь с перепугу упадет в обморок, но это его личная проблема.

Подумал и добавил:

— Если ты после всей моей заботы сожрешь меня, сука... С того света достану!

Вервольф не отзывался. Он спал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К середине июля похолодало, зарядили дожди. Лузгин отпустил бороду, а Вовка заново оброс густой черной шерстью.

Оба работали на пилораме. На равных условиях — за еду. Правда, Лузгину еще наливали сколько попросит самогона. Вовке иногда давали пожевать конфет. Лузгин к самогону адаптировался, оборотню конфеты просто нравились.

Ну и толку от Лузгина было гораздо меньше, чем от вервольфа. Вовка пахал как черт, с видимым удовольствием. В перекурах, навострив уши, внимательно слушал мужицкий треп. Когда обращались — кивал или мотал головой. Речь ему давалась с большим трудом. А «торкать в голову», транслируя напрямую свои эмоции, он больше и не пытался. Запомнил, насколько местные этого не любят.

Вовка был с людьми послушен до подобострастия. Когда смотрели в глаза, тут же опускал их. Руки держал расслабленными. Вырасти у него хвост, он бы его поджимал. Оборотень выглядел совершенно ручным. Дрессированным.

Сломленным.

— Ну и хитер же ты, — сказал ему однажды Лузгин.

Вовка объяснил, что до сих пор иногда видит во сне Муромского с пассатижами.

— Дай тебе волю, надрал бы ему задницу?

«Нет». Вовка показал Лузгину череду образов, и тот догадался, в чем дело. Муромский напоминал вервольфу какой-то ужастик из раннего детства, скорее всего — разъяренного папашу. Вовка чувствовал себя жертвой в его присутствии и терял способность давать отпор. Случись оборотню впервые столкнуться с Муромским в прямом бою, он бы просто отвесил мужику затрещину и пошел дальше по своим делам. Но Вовку поймали, загнали в положение жертвы и долго истязали. Теперь он находился со своим бывшим мучителем в каких-то очень сложных отношениях, на грани худого мира и «холодной войны». Муромский делал вид, что Вовка его не интересует, вервольф притворялся, будто все забыл.

Вовке приходилось очень трудно, однако парень держался молодцом. Его полузвериная психика оказалась на редкость устойчивой. Вовка тяжко страдал от своей раздвоенности, но при этом умудрялся выжимать максимум пользы из «одомашненного» житья. Всего за месяц оборотень заметно отъелся и нарастил мышцы. Черная шкура блестела. Лузгин нашел старый бабушкин гребень, и теперь Вовка ежедневно тщательно расчесывал шерсть. Выглядел он почти неплохо. Зашишевские бабы его жалели, а которые посмелее, норовили подкормить. От детей Вовка благоразумно держался подальше — Лузгин объяснил вервольфу, что если с ним и случится в Зашишевье беда, то из-за ребенка. Один-единственный случайный детский испуг мог стоить Вовке жизни. Даже Витя и Сеня, редкие добряки, убили бы оборотня сразу, едва заподозрив в недобром взгляде на человеческого детеныша. С учетом поразительной живучести вервольфа и крепости его шкуры — черт знает, как именно, но убили бы.

Кувалдой по черепу, а потом раскатать в лепешку трактором?

Вовка в ответ только поморщился. То ли не знал, как его убивать, то ли не хотел выдавать слабые места.

А если из «калашникова»? Лучше старый, калибра семь шестьдесят два. Эх, полетят клочки по закоулочкам.

Но Вовка не помнил, что значит «калашников».

Он вообще мало что помнил.

Дом, родители, детство присутствовали в его памяти, но скорее как абстрактные понятия. Дом был большой, родители тоже большие, детство — перемежающиеся радость и страх. И ничего сверх этого Лузгину выяснить не удалось.

Оставалось надеяться, что постепенно разум Вовки прояснится и воспоминания станут конкретнее. Должно было повлиять и общение с людьми. Блуждая по лесам, оборотень день ото дня зверел и дичал. А теперь у него появились стимулы восстанавливать свое человеческое «я». Но чем дальше Вовка продвигался по этому пути, тем больнее и неуютнее становилось Лузгину.

В Зашишевье один Лузгин знал, что почти каждый день, точнее каждую ночь, мальчишка горько плачет от безысходности и жалости к себе. Случалось, он звал маму, и тут Лузгину хотелось расплакаться самому. Жил Вовка в

бане — пристегивался цепью к каменке и отдавал ключ. Спал вечерами, прихватывал еще понемножку днем. А с полуночи обычно просыпался и начинал страдать, когда молча, когда вслух. Иногда поутру Лузгин видел в глазах оборотня давешний звериный блеск, уже затухающий. А иногда боль. Тогда Лузгин обнимал несчастного звереныша и принимался нашептывать ему, что все будет хорошо, все непременно будет хорошо, вот увидишь, мы придумаем, ты сам найдешь свое место в этой жизни, надо подождать, освоиться, ну что ты, сынок, ты же замечательный... Вовка доверчиво прижимался к Лузгину и тихонько скулил, жалуясь, как его мучают сны. Иногда во снах его избивал кто-то страшный и огромный, но чаще Вовка всю ночь бегал по лесам, свободный и счастливый, а под утро возвращался домой, к маме.

Наконец Лузгин не выдержал. Однажды он не забрал ключ с собой, а демонстративно бросил на подоконник. И сказал: «Только вернись».

В первую ночь Вовка не ушел. Лузгин не стал задавать бестактных вопросов. Потом Вовка остался в бане снова. И снова. А потом вдруг ускользнул, незаметно, бесшумно. И не вернулся.

Было воскресенье, хмурое и дождливое, на лесопилке — выходной. Лузгин сидел дома, пил стаканами запасенный самогон, перечитывал свои рабочие записи и ругался последними словами. Он понимал, что Вовка, убежав, одним махом решил сложнейшую этическую проблему, которая могла в перспективе Лузгина просто раздавить. Но все равно было очень горько на душе. Да, Лузгин понятия не имел, что делать с Вовкой дальше. Да, он опасался, что, провоцируя оборотня вспоминать больше и больше, причиняет ему лишь зло. Как вервольф адаптируется к человеческой жизни? Никак. Зачем она ему? Ни за чем. Но что с ним будет на свободе?!

Скорее всего, оставшийся без присмотра оборотень скоро погибнет. Но сначала наломает дров. Он неминуемо вновь одичает, потеряет осторожность, звериные инстинкты подавят рассудок... Европейская часть России населена гуще, чем кажется на первый взгляд. Значит, рано или поздно вервольф неминуемо перейдет дорогу человеку. Примется зимой по бескормице воровать мелкую скотину, и...

А имеет ли смысл ему вообще жить? Кому он нужен в принципе, этот Вовка, одинокий вервольф? Да нужен ли он себе?!

Может, и не нужен. Только почему кто-то будет решать это за Вовку? Он какая-никакая, а личность. Вот, реализовал свое право на свободу.

Что она вообще такое, свобода, драть ее вперегреб...

Лузгин ругался и пил. Очень не хотелось идти к Муромскому, говорить, что Вовка сбежал.

Уж Муромский за ответным словом в карман не полез бы.

* * *

Лузгин проснулся затемно. Лежал, слушал предутренние шорохи, ворочался под двумя толстыми одеялами. Наконец выбрался из кровати, оделся, прошел в сени, ежась от утреннего озноба, зачерпнул кружку воды, жадно выпил. Помочился с крыльца, глянул в сторону леса, тихо выругался. Вчерашнее пьянство один на один с больной совестью не принесло ни малейшего облегчения.

Он поплескал в лицо из рукомойника, почистил зубы, вернулся в дом. Постоял у холодной печки, убеждая себя, что топить сейчас бессмысленно, потом не выдержал. Бросил в топку несколько поленьев, развел огонь. Воткнул в розетку старый электрочайник, сел на кровать, раскрыл ноутбук, уставился мутными глазами в монитор. Вечером он перечитывал свои файлы не раз, но не запомнил, пришел ли к каким-то выводам, — самогон все стер из головы.

Жутко хотелось удрать из Зашишевья. Прицепить на дверь записку: «До свидания, я в Москву уехал» — и пешком. Сначала покрутиться в городе, оценить тамошнюю обстановку, может, что-то интересное углядеть, а потом и вправду уехать. Домой. И забыть эту историю. К чертовой матери. Потому что не получится из нее ни-че-го.

Домой. Вернуться на работу. Зайти к Маринке. Поглядеть друг на друга свежим взглядом, поговорить. Заняться любовью. Зажить по новой. Почему нет? В этот брак столько было вложено с обеих сторон — сил, нервов, денег, на-

конец... Маринка хорошая. Почему у них нет детей? Все откладывали на потом. А кончилось тем, что Лузгин нерастраченную отцовскую нежность обратил — на кого? На мальчишку-оборотня. И наверняка сделал ему хуже.

«Пора отдавать долги», — думал Лузгин. Он уже оторвался от текста, сейчас его взгляд рассеянно блуждал по резной дверце шкафчика, за которой пряталась недопитая бутылка. Минуту-другую Лузгин маялся, потом собрался с духом и пошел опохмеляться. Граммов пятьдесят опрокинуть, сразу полегчает. А то просто депрессия какая-то.

«Не надо ля-ля. Настоящая депрессия — это когда ни пить, ни есть, ни двигаться, ни жить не хочется, — всплыло в памяти интервью с психиатром. — А ты вон какие планы строишь».

Бутылки в шкафчике не оказалось. Добил, значит. Лузгин облегченно вздохнул. У него самообладания не хватало грамотно похмеляться. За терапевтической дозой непременно следовала еще одна, для улучшения погоды, потом за мир во всем мире, а дальше как пойдет. Бороться с неправильным опохмелом приходилось по методике начинающего Стивена Кинга — выжирать все, чтобы на утро не осталось. Методом зрелого Кинга, который перед сном выливал недопитое в раковину, Лузгин искренне восхищался. Как проявлением железной силы воли, отличающей матерого писателя от графоманствующего пацана.

Лузгин хлопнул залпом еще кружку холодной воды. Заварил чай. Готовить полноценную еду было лень, и он просто залил кипятком лапшу из пакетика. Ничего, обед на лесопилке плотный, хоть сразу ложись и засыпай от сытости. М-да, на лесопилке.

Бежать.

Но все же сначала поболтаться в городе. Ох, с городом неладно. Значит, придумать себе легенду, снять жилье — это сущие гроши, позвонить в Москву, спросить Маринку: «Ты меня еще любишь?» — а потом на разведку. Диалект вспомнить, прикинуться местным, насколько получится — морда, слава богу, не московская, одежда простая. Потолкаться на рынке, побродить по окраинам. Может, устроить засидку где-нибудь на крыше, чтобы оценить, что творится ночью. Не забыть автобусную станцию — центр, куда стекаются все сплетни. Еще бабушки и алкаши. Под большим вопросом больница. А вот вокзал с его всезнающей мафией извозчиков и редакция газеты отпадают по умолчанию. Эти стуканут мгновенно. Все равно — как быстро его раскроют и возьмут под колпак? Если через неделю, выходит, он крепкий профессионал.

Только зачем ему игра в расследование? Неужели он до сих пор не вырос, не выпестовал в себе здоровый журналистский цинизм и чувство меры? Внутренний цензор, ау, ты где? Ведь даже сейчас, когда публиковать можно почти все, очень многое осознанно не выкладывается авторами на бумагу и в Сеть, потому что писать об этом — не надо. Не стоит. Нехорошо.

Что, собственно, вы надеетесь раскопать, господин Лузгин? По городу и окрестностям ночами шастает нелюдь? Экая, понимаешь, сенсация. Ты эту нелюдь сначала поймай да допроси с пристрастием. Вон, словил уже одну. И?..

Хотя Вовка не нелюдь. Просто несчастный мальчик, жертва странной мутации. Написать про него? Роман фантастический! Кропать вечерами после работы по чайной ложке целый год, потом скинуть в какую-нибудь средней паршивости книжную серию. Долларов семьсот-восемьсот дадут максимум, как начинающему. И купят ли? Это же получится невыносимо грустная история жуткой несправедливости судьбы и запредельного одиночества. Жизненная история. Рецензенты скажут: автор писал про жуткого оборотня, но вышло у него о несчастных людях, а нашему читателю это на фиг не нужно, читатель уверен, что сидит в дерьме по уши, ему подавай настоящую фантастику — про то, как русские захерачили американцев, или Чужих уфигачили, или построили развитой капитализм, или тыщу лет назад легли под китайцев и стали от этого счастливы...

Да, массовый российский читатель уверен, что его жизнь — дерьмо. Ему это вколачивают в сознание уже двадцать лет. Он отбрасывает газеты и книги, включает телевизор, но оттуда идет то же давление, еще более эффективное... Раньше бездарно убеждали, будто кругом рай земной и коммунизм вот-вот. Теперь одаренно внушают совершенно противоположное. И куда бедному крестьянину податься?

Лузгин захлопнул ноутбук, вышел в сени, посмотрел наверх. Там, в дальнем углу чердака, он спрятал от себя пол-литра хорошей водки. Под кучей хлама прикопал.

Накатить для храбрости — и домой.

На фиг этот город, сорваться прямо в Москву.

Отдохнул, называется, обрел просветление, к корням прикоснулся.

Кряхтя, Лузгин полез на чердак. Думая, что можно сейчас и не пить, но оставлять пузырь бессмысленно — когда он еще сюда вернется. Водку на вокзале перелить в бутылку из-под минералки, и в поезде уже спокойно употребить. С бутербродами и толстым автомобильным журналом на закуску. Хорошая выйдет поездка.

Он уже стоял на последней ступеньке лестницы, когда во дворе шумно, по-собачьи, отряхнули воду с шерсти.

Лузгин выскочил из дома как ошпаренный. Рассвело, за околицей по земле тонко стелился туман, с неба легонько капало. Ноги скользили по мокрой траве. Он рванул на себя дверь бани.

В предбаннике сидел Вовка. И улыбался жутким своим оскалом.

Лузгин сгреб вервольфа, сжал в объятиях, замер, переполненный самыми противоречивыми ощущениями. И радость, и разочарование, и страх — чего только он ни почувствовал в этот миг, крепко прижимая к себе странное и очень близкое существо.

— Вовка, черт... Нагулялся. Вернулся. Слушай, ты вырос немного, а? Или мне кажется? Вов-ка! Привет. Я соскучился. А ты? Эх, Вовка, Вовка...

Они «говорили» битый час, в итоге у Лузгина голова разболелась, переполненная картинками странствий оборотня по окрестным лесам и его впечатлениями от пережитого. Вовка воспринимал окружающее до того глубоко и ярко, что Лузгин невольно позавидовал вервольфу. Тоже захотелось приобрести такое зрение и обоняние, и еще какие-то немыслимые чувства — шестое, седьмое, восьмое... Вовкино видение было гармоничным. Казалось, обретя его, человек сразу одумается. Перестанет разрушать свой мир и уничтожать себе подобных.

Оборотень нагулялся вдоволь. Питался мелкой живностью, лакомился ягодами, жевал какие-то полезные травки, спал в густых зарослях, дышал свободой. И вот — пришел обратно к людям... Одно насторожило Лузгина: Вовка несколько раз ловил тревожную волну, идущую от города.

Тот же сигнал, что посылали искавшие его «нелюди-зоологи».

Только гораздо сильнее.

* * *

Лузгин терзался сомнениями еще неделю. Вовка почти каждую ночь уходил гулять и возвращался под утро очень довольный. Он стал живее, веселее и даже на Муромского смотрел без прежней боязни. Напротив, во взгляде его теперь читался некий брезгливый интерес. Муромский нервничал. Лузгин, конечно, украдкой хихикал, но, по большому счету, было ему не до смеха. При внешней благостности, ситуация с оборотнем в Зашишевье потихоньку набирала опасное напряжение. Казалось, Вовка в жизнь села вписался лучше некуда. Но это если не обращать внимания на настороженные взгляды, которыми иногда одаривали его мужики. И внезапные приступы черной меланхолии, находившие на самого Вовку. В любой момент оборотень мог уйти в кусты, залечь там на полчаса, выйти обратно с перекошенной мордой и некоторое время глядеть сущим волком. Нет, он не проявлял агрессии. Ему просто становилось необъяснимо плохо, и он не собирался этого скрывать. Однажды, будучи хмур и подавлен, Вовка послал Юру Яшина на три буквы, вполне членораздельно. За что тут же огреб по черепу железным крюком для перетаскивания бревен. Яшин вызверился на Вовку мгновенно, будто давно был готов к конфликту. Оборотень принял боксерскую стойку и начал ловко отмахиваться от железяки, не пытаясь атаковать, но и не пропуская удары. Подбежал Витя Яшин, отнял у брата крюк, обматерил его, Вовку, Лузгина и — превентивно — Муромского, уже тащившего из штабеля досок заныканный там лом.

Вовка отделался довольно легко — ему снова прицепили к ошейнику длинную цепь. Цепь мешала работать, и смышленый оборотень тут же обмотался ею, как революционный матрос пулеметной лентой. А свободным концом

покрутил над головой, со свистом рассекая воздух. У Муромского отвалилась челюсть. Поразмыслив, он цепь с Вовки снял и вручил ее Лузгину, сказав: «Еще раз вы...нется щенок — сам ответишь». — «А ты на меня тоже ошейник надень и присобачь одного к другому, — предложил Лузгин. — Будем с Вовкой, как в песне, — скованные одной цепью, связанные одной целью...» — «Дождешься», — пообещал Муромский. — «Не дождусь. Надо как-то решать это все, пока не случилась беда». — «Ишь ты! — усмехнулся Муромский. — Никак поумнел».

Назавтра ситуация обострилась — приехала на мотоциклах целая делегация из Филина, «разобраться насчет зверя». Лузгин струхнул было, но тут навстречу гостям выдвинулся Муромский и показал себя во всей красе. Изъясняясь с небрежной уверенностью, он за пару минут сбил с филинских боевой задор и погрузил их в состояние униженной зависти. Потому что зашишевские, хоть числом поменьше, зато разумом покрепче, зверя словили, приручили и к делу приспособили! Визитеры посмотрели, как Вовка расправляется с бревнами, почесали в затылках и уважительно первыми достали пузырь.

Вместе с филинскими прибыл опухший Ерёма. Его отозвали в сторонку, по-свойски расспросили с применением угроз и шантажа и выяснили: слух о поимке «зверя» уже добрался до города. Бабы растрепали по телефону городским подружкам, и была наверняка утечка информации через магазин в Филине. Так или иначе на городском рынке (когда, зачем, каким образом он туда попал и как вернулся назад, Ерёма не помнил) его расспрашивали — правда ли, что за Горелым Бором мужики поймали громадного черного волка, бегающего на двух ногах... А в окрестных селах началось брожение умов. Народ дружно задался вопросом — не слишком ли много позволяют себе эти зашишевские куркули? Не обурели ли они от хорошей жизни — ручных двуногих волков заводить?

Муромский при поддержке братьев Яшиных задал Ерёме резонный вопрос — не обурел ли он сам? Но Ерёма клялся и божился: за что купил, за то и продаю, сам лишнего не болтал, катался по родственникам с сугубо развед

ывательными целями, как просили, а налейте стакан, ну хоть полстакана.

Филинских умеренно напоили и спровадили. Муромский хорохорился и говорил, что общественное мнение видал в гробу. Если общество плюнет, зашишевские утрутся, а вот если Зашишевье дружно харкнет — утонет весь район. Лузгин молча грыз ногти. Вовка жевал соевые батончики и глядел в лес.

Ясно было, что дальше так продолжаться не может. Русские народные рокеры на мотоциклах, помятых, как долго бывшие в обращении купюры, и с такими же рожами, явились в Зашишевье при двустволках.

По сельским меркам это уже не шутки, а прямая угроза.

Однажды в обед Лузгин подсел к Сене.

— Что с Вовкой-то будем делать, а?

— А чего, милок? — удивился Сеня. — Разве нехорошо? Вон, живет, кашу жует.

— Что-то надо делать, — пробормотал Лузгин.

Витя с Юрой многозначительно кивали друг другу на бревно, за которым пряталась бутылка. Силу воли испытывали.

— Тяжело Вовке с нами, — начал издалека Лузгин.

— Слушай, да ремня ему, и все дела, — бросил Юра. — Ты это... Вишь, там за бревном? Ну-ка, дай сюда.

— Не по правилам! — сказал Витя. — Андрюха, не трогай. Он сам должен.

— Да я не хочу.

— И я не хочу!

— И я не хочу, — сказал Лузгин. — Мужики, а мужики, ну признавайтесь, вы бы хотели, чтобы Вовка тут надолго остался? Как вам с ним?

— Слушай, да никак. Пусть живет пока, а там видно будет.

— Точно, — согласился Витя, гипнотизируя торчащее из-за бревна зеленое горлышко, заткнутое газетным жгутом. — Там видно будет...

— Ой, не будет, — буркнул Лузгин и ушел.

Он твердо знал — в Зашишевье у каждого мужика свое мнение о Вовке, и свое понимание, как ему дальше жить. Но дождаться совета было нереально. Местные переклады

вали решение судьбы оборотня на «городского», да еще и «москвича». Чтобы потом в случае чего спросить: «Как же так, Андрюха? Сгубил ты пацана. А мы тебе говорили...»

Муромский подошел к Лузгину сам.

— Ну? — спросил он. — Вижу, наигрался со зверушкой своей?

— Наигрался, — кивнул Лузгин, отводя взгляд. — Пора бы и совесть поиметь. Завтра приноси фотоаппарат. Пленка есть? Вот и приноси. Будем сдавать мальчишку. В надежные руки спецслужб. Ох и подлец же я.

— Не переживай, Андрюха, — посоветовал Муромский. — Все правильно. Это сейчас он мил да хорош, а что дальше будет? Рано или поздно кого-то загрызет, помяни мое слово. И капец. А если не загрызет — сам посуди, как ему жить с нами, такому? Не человек, не зверь. Измучается и от тоски подохнет. Или с ума сойдет. Короче, по-любому кончится эта история убийством.

— Да, — сказал Лузгин просто, встал и пошел к Вовке. Тот уплетал кашу из большой кастрюли. Культурно, ложкой.

Лузгин присел рядом, обхватил руками плечи и пригорюнился. Было очень стыдно. Обещая Вовке найти ему тихий уголок на земле, где вервольф будет жить свободно, он погорячился. Теперь, более-менее изучив внутренний мир оборотня, Лузгин понимал, что это нереально. Вовка с каждым днем все больше нуждался в общении. И чем теснее сживался с людьми, тем острее чувствовал свою инородность. Отпущенный на волю, он проживет недолго. Оба доступных ему сценария — одичание и сумасшествие либо попытка заново установить контакт с человечеством — однозначно приводили к насильственной смерти вервольфа.

«Как все было бы просто, расстреляй его мужики сразу, едва поймав», — родилась в сотый раз мысль, подлая, но разумная. Подговорив зашишевских поймать «зверя», Лузгин взвалил на себя ношу, с которой теперь просто не мог справиться. Душа разрывалась от боли за Вовку, а выхода никакого не придумывалось.

Вервольф обречен на одиночество. Он ни разу не почуял ни намека на присутствие где-то подобных себе. Вовка был уверен, что «унюхал» бы другого оборотня с громадного расстояния. Но ему не виделось самой возможности зарождения таких существ. Будто не предполагалось их здесь. Россию населяли люди, звери и тоненькая, едва заметная прослойка «нелюдей».

Значит, надо как-то устраивать Вовкину судьбу именно сейчас. Пока у вервольфа сохранился интерес к жизни и хватает воли контролировать свою нечеловеческую составляющую.

Идею притащить Вовку в Москву, прямиком в редакцию, Лузгин отмел давно и сразу. Технически это было вполне решаемо, нехитрыми партизанскими методами. Но что дальше? Сенсационный материал? Телевидение, консилиум ученых, скандал. На короткое время Вовка становится ярмарочным уродом, получает тяжелейший стресс, а потом исчезает в каком-нибудь научном центре. Страна — та небольшая часть ее, которая поверит в реальность сенсации — забывает о чуде через неделю. И нету Вовки. Растворился в информационном поле.

Почему тогда сразу, без скандала и шума, не направить мальчишку туда, где им займутся? Должны в России найтись какие-то закрытые «фирмы», интересующиеся подобными аномалиями. Были же они в СССР. Если верить слухам. И сейчас наверняка есть. Не может их не быть. Пусть забирают вервольфа. Худо-бедно, там Вовка почувствует себя нужным. При деле. Не разрежут же его на части для подробного исследования, елки-палки!

И будет парень жить.

Вот только как рассказать ему об этом?

«Чистой воды попытка свалить ответственность с себя. Я виноват, конечно. Но я не виноват. Мне надо возвращаться к жизни самому. Заново ее выстраивать. Интересно, насколько повлиял на это мое решение Вовка? Похоже, еще как повлиял. Что ж хреново так, а, люди?»

Вовка доел кашу, облизал ложку, повернулся к Лузгину и послал ему легонький сигнал утешения. Оборотень не понимал, что именно творится с его другом, но чувствовал, до чего тому плохо.

Лузгин, как мог, передал оборотню мысленно, что им предстоит большой серьезный разговор о Вовкином буду-

щем. Передал, и сам опешил — хорошо получилось, емко, образно.

Вовка занервничал, но ответил, что готов к беседе в любое время.

Тут его позвали загружать в пилораму бревно. Лузгин закурил. В поле зрения снова показался Муромский.

— Ты не жалей его, Андрюха.

У удаляющегося Вовки на загривке встопорщилась шерсть.

— Хочу, и жалею, — сказал Лузгин. — Вы, что ли, не жалеете никого?

— Да я всех жалею. Тебя вот, например. Людей жалеть надо.

— Беспредметный какой-то разговор.

— Точно. Я это... Что за фокус ты задумал с фотографиями?

— Спорю на бутылку — когда мы приедем забирать отпечатки, нас встретит ФСБ. Заинтересованное дальше некуда.

Муромский заметно поежился.

— Я с ними разберусь, — заверил Лузгин. — Вы-то при чем? Вы герой, поймали вервольфа... Согласитесь, так удобнее. Чем ехать к ним и доказывать, что у нас не приступ белой горячки, сразу доказательства на бочку — хлоп!

Муромский шумно вздохнул.

Лузгин заметил, как Вовка издали коротко зыркнул веселым глазом. Оборотню явно нравилось замешательство Муромского. Сути разговора он не понимал, но результат ему был по душе.

— В «Кодаке» отсматривают негативы, — объяснил Лузгин. — И если обнаружат нечто странное, тут же стучат. Попробуй отнеси туда пленку с окровавленным трупом, увидишь, что будет. Они, конечно, сволочи, и для себя трудятся. Я слышал, почти у каждого проявщика есть фотоальбомы по интересам. Кто отбирает прикольные снимки, кто по бабам специализируется... Ладно, бог им судья. Главное, они отслеживают все, выходящее за рамки закона и нормы. Уж такое чудо, как Вовка, не проглядят. Надеюсь, капнут именно в ФСБ. Но даже если ментам — будьте спокойны, я все устрою. С московскими журналистами никто

не хочет связываться. Нас либо уважать приходится, либо сразу убивать.

— Вот это я давно понял! — веско сказал Муромский и тяжело утопал к пилораме.

* * *

Лузгин отщелкал все тридцать шесть кадров — оборотень анфас и в профиль, в полный рост, лежа, сидя, в движении... Несколько снимков с мерной рейкой. Только на природе — ни разу в кадр не попал человек или строение. С Вовки даже ошейник сбили. Лузгин очень не хотел, чтобы остались какие-то доказательства причастности зашишевских к поимке «зверя». Он и думать забыл, как уговаривал крестьян стать героями сенсации. Слишком все изменилось с тех пор.

Местные вроде бы не возражали. Они, кажется, поняли, что странная история с вервольфом близится к концу — и бог с ней. Один Сеня повздыхал немного. Но Муромский сказал ему: «Дедушка, забудь. Ну его на хер. Оно нам надо?» Дедушка согласился: не надо.

Вовка позировал охотно. Он четко увязал фотосессию с будущими переменами в судьбе, которых немного страшился, но и страстно желал. Оборотень устал. Ему хотелось вырваться из рамок, четко выставленных Зашишевьем.

Сдавать пленку отправились с Муромским на его «Форде». Лузгин решил, что случай подходящий, и сбрил бороду. Долго рассматривал себя в тусклом бабушкином зеркале. Показалось — лицо помолодело, а взгляд обрел какую-то новую глубину. А может, добровольная абстиненция повлияла: Лузгин уже неделю не пил Витиной самогонки. Надоело.

Город производил странное впечатление. Древние русские городки с населением сто-двести тысяч человек обычно покойны и неспешны. Но тут было нечто другое. Выйдя из машины, Лузгин огляделся и всей кожей ощутил неестественную сдержанность, пропитавшую городскую жизнь. Люди на улицах, люди в автомобилях, люди в окнах домов будто все чего-то напряженно ждали. На миг Лузгину стало очень страшно.

— Вовка, черт, — прошептал он. — Неужели я от тебя нахватался? Заразился...

— А? — спросил Муромский. Он хмуро озирался по сторонам, ему тут не нравилось.

Город умирал.

Он был густо заляпан рекламой, завален хорошими товарами, через дорогу красовался щит «Интернет — здесь» (стрелка указывала под землю, на облезлую подвальную дверь), а машину Муромский запарковал у супермаркета вполне московского уровня. Тут были офис мобильной связи и искомый «Кодак-экспресс». В городе можно было найти все, что требуется для жизни. По слухам, даже работу, оплачиваемую не прилично, но сносно. И уровень преступности считался терпимым.

А город умирал, Лузгин это чуял крошечным своим шестым чувством, несоизмеримым с Вовкиным, но развившимся явно из-за общения с вервольфом.

— Атмосферный городок, — сказал Лузгин. — И кто так убил мою родину? Уж точно не Чубайс. Кишка у него тонка.

Муромский неопределенно хмыкнул. У него на возможности Чубайса был свой взгляд.

В «Кодаке» на приемке заказов сидела флегматичная полноватая девица с вызолоченным перманентом и в кофточке дикой расцветки. К этому осколку советского прошлого клеился тощий сутулый мужик, удивительно похожий на птицу-падальщика. Лузгин давно не видел таких роскошных типажей.

— Да ты не волнуйся, лапуля, — донеслось до Лузгина. — Он вывихнул руку, и доктор запретил ему пить. Все будет культурно! Посидим, расслабимся, поговорим о современном искусстве...

Нижняя челюсть приемщицы ритмично двигалась.

— Ну-у, не зна-аю, — невнятно жеманилась девица.

— Добрый день, пленочку возьмете? Проявка, печать.

Падальщик глянул на Лузгина — как и положено, одним глазом, — прошил насквозь, аж до дрожи, оценил, классифицировал, счел невкусным по причине недостаточного разложения и деликатно отвернулся. «Мент», — подумал Лузгин.

Девица, жуя, вяло оформила заказ.

— Послезавтра с утра.

— А срочный тариф есть?

Падальщик оглядел Лузгина вновь, уже не как потенциальную добычу, а с каким-то естествоиспытательским интересом.

— Завтра после обеда.

— Отлично.

Лузгин расплатился и пошел в магазин, где Муромский, раздраженно сопя, изучал длиннющий список покупок, которым его снабдила жена.

— Наш, но давно в Москву перебрался... — объяснил падальщик девице.

«Точно мент», — решил Лузгин.

Он остановился у витрины с охлажденными продуктами, быстро пробежал глазами по ценникам и оторопел.

КРОВАВОЕ МЕСИВО

Стараясь не терять самообладания, Лузгин закрыл глаза, открыл, перечитал ценник и с облегчением вздохнул. Там было написано: «Крабовое мясо».

Всего-то.

Часа два они провели в разъездах, набивая багажник «Форда» товарами по списку. И с каждой минутой город, такой когда-то родной, нравился Лузгину все меньше. Ни узнавание знакомых мест, ни воспоминания юности не помогали — впечатления необратимо портил всепроникающий запах мертвечины. Город утратил индивидуальность, стал неприятно похож на Москву. Он просто существовал, без какой-то идеи, без смысла. Только Москва жадно пожирала жизненную силу, текущую в ее чрево со всей страны, и тут же выплескивала наружу излишки, создавая иллюзию бьющей фонтаном энергии. А этому городу неоткуда было подпитаться. Вот он и умирал.

Они остановились на перекрестке, Лузгин увидел впереди почтовое отделение. Тут же хлопнул себя по карману и понял, что оставил мобильник в рюкзаке. Отвык от этого чуда техники.

— Заедем? Я быстро в Москву звякну.

Очереди не было, соединили почти сразу.

— Маринка! — позвал Лузгин. — Ты меня еще любишь?

— Какой же ты дурак... — сказала жена. — Господи, какой дурак! Когда ты вернешься?

— У меня тут случайно наклюнулась работа, но я справлюсь за неделю, ну, дней за десять максимум, и сразу домой! — протараторил Лузгин. — Марина, я правда дурак. Был дурак. Больше не буду. Простишь?

— Не спеши, приезжай, когда сможешь. Да, я люблю тебя...

Лузгин вышел на улицу, закурил и подумал — вот и все. Он подписал Вовке приговор.

Но и себе ведь тоже.

Всю обратную дорогу Муромский молчал, что-то соображая, и уже на въезде в Зашишевье разродился:

— Знаешь, Андрюха, давай-ка ты завтра с Яшиными. Братья доски на базу сдавать повезут, ну и... База от центра недалеко, три остановки автобусом. А то у меня левый шрус похрустывает, слышал на повороте? Надо разобрать и промазать как следует.

— Я понимаю, — сказал Лузгин. — Не беспокойтесь.

— Понимаешь? — спросил Муромский со странной интонацией.

— Очень хорошо понимаю, — кивнул Лузгин.

— Вот и ладушки. Заедем, что ли, на пилораму, глянем, как там твой приемыш.

Вовку они нашли сидящим на цепи. Оказалось, пока их не было, прикатил на своем разваливающемся мотоцикле пьяный Ерёма с ультиматумом. Сказал, мужики из Филина выражают неодобрение позицией зашишевских, прикормивших опасного зверя, с каковым неодобрением и прислали Ерёму парламентером, налейте стакан, ну полстакана хотя бы, ну капните хоть на донышко... И что дальше, спросили Ерёму. А то дальше, что застрелите его, пока филинские не приехали и сами не убили... Мы им, бля, приедем! Мы им так приедем — езжалка отвалится!.. А я чего?! Мое дело маленькое, сами на разведку послали, и хоть бы стакан теперь налили... Тут подошел Вовка и на Ерёму уставился. И то ли просто напугал его недобрым взглядом, то ли «торкнул в голову», потому что Ерёма вдруг завизжал, как свинья, прыгнул на мотоцикл, дал по газам — только

его и видели. А Вовку за это Яшины поставили в угол, то есть посадили на цепь, чтобы знал, как встревать в разговоры старших.

— Завтра в город Андрея с собой возьмете, — распорядился Муромский. — А пацана... спустите с цепи. Он хороший, пацан-то.

Сел в машину и уехал.

— Ты чего с бугром сделал, Андрюха? — ехидно поинтересовался Витя Яшин.

Лузгин отмахнулся и пошел отстегивать Вовку.

Долго гладил оборотня по загривку и шептал ему на ухо, что все будет хорошо, все будет хорошо, все будет хорошо... почему тебе так горько, малыш?

— Па-па... — сказал Вовка и передал серию образов. Лузгин до боли сжал челюсти. Оборотень видел Ерёму раза три-четыре, да и то мельком. А сегодня он хорошо рассмотрел его — и вспомнил отца. Никакой внешней похожести, но совершенно тот же тип. Крепкий, сильный, колоритный русский мужик, будто задавшийся целью утопить свою неординарную личность в водке. Из-за него мальчишка старался как можно реже появляться дома и большую часть времени проводил на улицах... На улицах какого города? Что с ним случилось там? Вовка пока не мог вспомнить. Но очень хотел. Это было как-то связано с «нелюдьми».

«Уверен?»

«Убивать их. Убивать. Очень страшно. Но я могу. Я хочу».

— Быстро растешь, парень... — выдавил Лузгин сквозь зубы.

* * *

Яшины думали забросить Лузгина прямо к «Кодаку», но он не позволил.

— Незачем вам светиться. Лучше в три часа подъезжайте на автобусную станцию. Увидите меня у пивного ларька — заберете. Не увидите — значит, либо я уже в Зашишевье, либо позже сам приеду.

— Слушай, Андрюха, ты это... — сказал Юра. — Ну, понял, да?

— Опытный, справится, — буркнул Витя.

Грузовик остановился, Лузгин распахнул дверцу, встал на подножку, обернулся к братьям и сообщил:

— Летит стая напильников, вдруг один пикирует, и в болото хлоп! Вожак поглядел и говорит — да хрен с ним, он все равно без ручки был.

Юра усмехнулся, а Витя сказал:

— Ты прилетай. Ручку приделаем. Раз плюнуть.

На улице было прохладно, градусов шестнадцать, дождь все собирался, но никак не мог начаться. Лузгин плотнее запахнул куртку. Вспомнил, как не любит русское лето жена, привыкшая с детства отдыхать на «югах». Лузгин сто раз предлагал ей отправиться на неделю-другую к морю, но в одиночку Марина туда не хотела. А Лузгина на юге раздражало все. Кроме самого моря... Теперь придется ехать, устроить подарок супруге. Если не шиковать, денег хватит.

Денег хватит... А нервов? Ремонт квартиры, ремонт машины, возня на подмосковной даче — опять головой в ту же задницу. И попробуй не сделай. Ничего, он справится. Просто раньше все было непонятно зачем. Без внутреннего смысла, отсутствие которого убивает целые города — как этот вот. Теперь смысл вроде бы появился. Его личный смысл жизни. Оказывается, когда существуешь только для себя, это не жизнь, а дорога к смерти. И обманываться тем, что твоя работа нужна людям, можно лишь до определенного предела. Однажды приходится выбирать: или ты служишь конкретному человеку, или ложись и помирай.

Любить надо. Детей рожать. И — жить...

В «Кодаке» сидела та же приемщица, с ней опять болтал мужик. На этот раз — плечистый грузный дядька в легком черном плаще. Бледный, одутловатый, заметно невыспавшийся блондин с круглыми водянистыми глазами.

— Привет! — бросил он Лузгину. И улыбнулся, как старому знакомому.

— Э-э... Здравствуйте.

— Я был уверен, что это именно ты. Ну, пойдем?

И зашагал на выход.

Лузгин неуверенно посмотрел на приемщицу, та отвернулась.

На улице их ждала черная «Волга», которой — Лузгин поклясться был готов — минуту назад тут не стояло. Загадочный блондин приглашающе раскрыл заднюю дверь. Лузгин покорно забрался внутрь. Блондин, ловко подобрав развевающиеся полы своего одеяния, уселся рядом и заговорщически поднес к губам палец.

— Обедать, — распорядился он.

Машина тронулась. Лузгин искоса разглядывал блондина. Потом сказал:

— Черт побери... Неужели?!

Тот протянул руку, Лузгин крепко ее пожал.

— Там поговорим.

— Угу.

Ресторан был небольшой, уютный. Блондина встретили с подчеркнутой любезностью. Под плащом у него оказался строгий деловой костюм. Камуфляжную армейскую куртку Лузгина на плечики вешали, будто изделие «от кутюр». И улыбались.

Холодные закуски и ледяная водка на столе возникли мгновенно. Блондин поднял рюмку:

— Ну, за встречу. Сколько лет? Пятнадцать?

— Около того. За встречу.

С минуту они жевали, потом Лузгин сказал:

— Прости, Игорь, что сразу не узнал. Мы же не за одной партой сидели.

— Через одну. Да все нормально.

— Гляжу, ты стал большим человеком на исторической родине?

Блондин протянул визитку. «Игорь Долинский», и ничего больше. Лузгин повертел карточку, потер между пальцами.

— Дорогая игрушка.

— Положение обязывает, я же местный полиграфический бог.

— Типографию, что ли, под себя подмял?

— Подмял! Возвысил. То есть сначала подмял, конечно... Ну, дружище, рассказывай.

— Да я чего, — засмущался Лузгин, потупившись. — Так, журналистика всякая. Живу себе, никого не трогаю...

Долинский насмешливо прищурился, и Лузгин почувствовал — кровь прилила к лицу. Бывший одноклассник изучал его, сканировал, примерно как Вовка.

«Он не то, что Вовка считает «нелюдью», — мелькнуло в голове. — Он человек, но измененный. Другой».

— Слышь, ты, экстрасенс, — сказал Лузгин неприязненно и потянулся за графином. — Давай ближе к делу. Какие у тебя полномочия?

— Широкие. И мне налей, пожалуйста. Ага. Полномочия у меня разные. Тебе документик показать, что ли?

— А покажи.

Долинский отвернулся, посмотрел в окно. А на Лузгина будто навалилось что-то, упало сверху, обволокло.

— Вот какие у нас докуме-ен-ты... — донеслось еле слышно.

Лузгин встряхнулся. Посмотрел на рюмку с водкой и отодвинул ее подальше.

— По второй-то можно, — сказал Долинский, ласково глядя на Лузгина.

— Не хочу.

— А я выпью, если не возражаешь.

— Хм... Одного не понимаю! Ты же серьезный человек, бизнесмен, и вдруг такие интересы... Что с тобой случилось? Это личное?

— Да. Я с ними столкнулся по собственной дурости. Потерял близкого человека, и сам чуть не пропал, — сказал Долинский просто. — У меня личные счеты к ним. Тут у всех, кто этим занимается, — личные счеты. Иначе трудно привлечь человека к ночной работе, он либо не поверит, либо перепугается.

— Но ты с ними... и сотрудничаешь тоже.

— Я наблюдатель и посредник. Понимаешь, они без поддержки со стороны людей — обречены. Но и люди без некоторой помощи, хотя бы консультативной, не справятся с их... выродками и отбросами. И наши, человеческие структуры, без взаимной координации тоже... наломают дров по отдельности. Замкнутый круг. Вот я и обеспечиваю связность всего этого в районных масштабах.

— Хорошо, но Вовка-то зачем тебе?

— Вовка... Дай посмотреть, а то я маловато знаю о твоем питомце.

Лузгин прикрыл глаза и постарался расслабиться. Опять пришло ощущение мягкого одеяла, упавшего сверху.

— Теперь понятно, — сказал Долинский. — Спасибо. Ну что же. Твой Вовка очень волнует их. Беспокоит. Это какая-то редкая мутация, и ее появление здорово их пугает. А все, что пугает их, закономерно интересует нас.

— Потому что в конечном счете мы были бы счастливы от них избавиться, — уверенно закончил Лузгин.

— Это, знаешь, вопрос философский. Сам подумай, у нас под носом с незапамятных времен живет альтернативная цивилизация. По всем признакам — тупиковое, нежизнеспособное, уже заметно деградирующее ответвление рода людского. Но вот способности, которыми обладают его представители... Там есть чему учиться и что распространить на всех. Было бы обидно потерять этот шанс.

Лузгин снова придвинул к себе рюмку.

— Вампиры, блядь, — произнес он без выражения.

* * *

«Волга» подъезжала к Зашишевью, когда Лузгин ощутил смутное беспокойство. И тут же Долинский передернулся.

— Что там справа, в лесу? — спросил он.

— Метров через сто поворот на лесопилку. Эй! — Лузгин хлопнул ладонью по спинке водительского сиденья. — Сейчас направо уходим.

— И быстро! — приказал Долинский.

«Волга» глухо взревела, нырнула с дороги в лес и, закидывая корму на виражах, припустила по узкой колее.

— Убьют же, гады... — прошипел Лузгин, судорожно цепляясь за ручку двери.

— Не позволю, — отрезал Долинский.

Водитель что-то крикнул, машина вильнула, сошла с колеи, вломилась в подлесок и встала так резко, что сидевший сзади Лузгин крепко ударился щекой о подголовник, едва успев отвернуть нос. Водитель громко выматерился. Перед капотом мелькнула детская фигурка. Мимо пробежала, пряча лицо в ладонях и не разбирая дороги, маленькая девочка. «Волга» едва-едва не сбила ее.

Лузгин распахнул дверь. Долинский уже был снаружи и бежал к шевелящейся впереди, между штабелями досок, куче-мале из множества тел.

«Я это раньше видел», — подумал Лузгин.

— Пассатижи, блядь! — орали в куче. — Пассатижи крепче держи, мать твою!

Лузгин продрался сквозь кусты и понесся изо всех сил. Позади водитель громко лязгнул затвором чего-то крупнокалиберного.

Под кучей-малой возился и рычал полузадавленный вервольф.

— Стойте! — крикнул Лузгин на бегу. — Остановитесь!

Грянул выстрел.

— Стойте! — крикнул Лузгин. — Да стойте же! Люди вы или нет?!

Часть II
ДЕНЬ ВАМПИРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Не пора нам? — спросил Зыков. — Скока время?

— Рано, — ответил Котов, не глядя на часы. — Время пять с копейками. Солнца мало.

— А рассвет уже все заметнее... — пробормотал Зыков, глядя в хмурое утреннее небо.

— Я и говорю — мало солнца, — повторил Котов и достал сигареты.

Они сидели на поваленном столбе. Мокрые — сверху капало. Усталые — лазали по пригороду всю ночь. Злые. Котов закурил, плотнее запахнул плащ, обхватил себя руками и стал окончательно похож на нахохлившуюся хищную птицу. А Зыков был в шляпе. Птицы шляп не носят.

— Пойдем, а? — попросил Зыков. — Ну нормально же. Ну уже можно.

— Я докурю, — буркнул Котов.

Зыков вздохнул и отвернулся.

— Надоело ждать, — сказал он. — Я всегда устаю, когда жду. И начинаю дергаться.

— А ты не дергайся. С нашей клиентурой чем солнце выше, тем работа легче. Мне дай волю, я бы тут до полудня сидел.

— Нельзя, — сказал Зыков серьезно. — Кто-нибудь мимо пойдет, заметит нас...

— Слушай, можно человеку покурить спокойно, а?

Зыков снова вздохнул и поднялся.

— Ты чего это? — спросил Котов подозрительно.

— Ноги затекли, — сообщил Зыков и принялся расхаживать у Котова перед носом. Тот раздраженно выплюнул сигарету и тоже встал. Очень медленно подтянул рукав плаща. Долго смотрел на часы. Так же медленно рукав оправил. Подобрал с земли обмякший от старости потрепанный саквояж. Зыков остановился и теперь, переминаясь с ноги

на ногу, ждал. Его круглое полнокровное лицо страдальчески кривилось, показывая, как Зыкову тяжко и неуютно.

— Черт с тобой, — сказал Котов. — Пять десять. Будем считать, что нормально. Пошли.

Они начали спускаться с холма в низину, к покосившимся заброшенным баракам. Они странно и угрожающе выглядели, когда шли рядом — одного роста мужчины в одинаковых промокших заношенных плащах, только Зыков вдвое шире Котова. И в мятой шляпе.

Серая одежда, серые лица. Два человека, таких же серых и тоскливых, как наступающее утро.

Серых и облезлых, как жизнь.

Перед дверью второго барака мужчины остановились. Зыков распахнул плащ и достал помповую гладкостволку, обрезанную по самый магазин. Приклад ружья был тоже спилен, подобие рукоятки обмотано синей изолентой. Зыков дослал патрон, вытащил из кармана еще один и дозарядил обрез.

Котов извлек из саквояжа фонарь.

— Ну... — выдохнул он. — С богом!

— Зря я тоже не покурил, — сообщил вдруг Зыков.

— Уже все, — отрезал Котов. — Уже начали.

— Знаю... — Зыков брезгливо взялся двумя пальцами за ржавую осклизлую ручку двери и осторожно потянул ее на себя. Петли взвыли глухо и зловеще.

— Вот ё! — сказал Зыков.

— Они не слышат, — утешил напарника Котов. Он включил фонарь, и открывшийся за дверью коридор залило лунным светом.

Кривые обшарпанные стены с лохмотьями драных обоев. Распахнутые, а то и вовсе повисшие на одной петле двери. Хлипкие половицы с зияющими щелями.

— Ужас, — сказал Котов. — Как чувствовал. То-то мне сюда не хотелось... Зацени, Робокоп, вот в таком примерно говне я родился.

— А я деревенский, — посочувствовал Зыков.

— В деревне, что ли, говна мало... Да оно там всюду.

— Там не говно, там навоз.

— А навоз не говно?

— На говне картошка не уродится, — авторитетно заявил Зыков. — Ну, кому стоим?

— Ну и пошли.

— И пошли.

Котов зевнул.

— Надоело, — сказал он. — Что-то мне все надоело. Давай, когда закончим, нажремся. Чтобы спалось лучше.

— Давай, — согласился Зыков и, выставив перед собой обрез, шагнул вперед. Половицы, ощутив на себе верных сто двадцать кило, заскрипели. Зыков замер и, словно принюхиваясь, задрал короткий облупившийся нос.

— Не слышат, — сказал Котов. — Уже пять двадцать. Все, нормалек, придавило их.

Зыков шагнул снова, половицы скрипнули опять.

— Да иди же, — подбодрил его Котов. — Вон та дверь, которая закрытая. До чего ж они тупые. Не закрылись бы, пришлось бы сейчас во все комнаты лезть...

Оглашая барак тоскливым скрежетом досок, они добрались до закрытой двери, гнилой и хлипкой на вид. Зыков осторожно толкнул ее стволом обреза. Дверь немного поддалась и застряла. Зыков вопросительно посмотрел на Котова.

— Какой-то ты сегодня нервный, — сказал Котов и с неожиданной для своей комплекции силой врезал по двери ногой. Та с хрустом отлетела, попутно расслоившись вдоль. Зыков, что-то возмущенно рявкнув, прыгнул в комнату. Котов не спеша зашел следом.

— Я же говорю — придавило их, — усмехнулся он.

— В следующий раз получишь по шее, — пообещал Зыков, не отводя взгляда и ствола от безвольно распластанных тел.

— Ага, — согласился Котов. Он огляделся, нашел торчащий из стены ржавый загнутый гвоздь, повесил на него фонарь и переключил режим лампы. В комнате стало почти светло.

— Угу, — констатировал Котов с печальной усмешкой, — вот именно в таком говне... Да и соседи, доложу я тебе, были немногим лучше.

Заколоченное снаружи окно щетинилось внутрь комнаты осколками стекол. Потолок, давно прохудившийся до совершенной прозрачности, открывал взгляду стропила. А на грубо сколоченных голых нарах лежали... Не люди —

тела. Все лицом вниз. У нескольких головы оказались замотаны тряпьем. И руки они под себя запрятали.

И много их лежало, много.

— Да-а... — удовлетворенно протянул Зыков. — Нехило. Прямо, блин, хоккейная команда. Взяли мы их, а, Кот? Взяли стаю.

— Взяли, — согласился Котов. — Праздник. Они думали, у них красный день календаря, а будет у нас. Не знаю, как ты, Терминатор, а я точно нажрусь сегодня.

— Раз, два, три... Шесть, — сосчитал Зыков, сопровождая цифры кивками ствола. — Ух, гляди, какая девочка!

— Уже не девочка... Шесть, говоришь?

— Раз, два, три... Не понял. Кот, мы же вели пять. Откуда шестой?

— Разберемся... Вон тот — вожак. Который телогрейку на голову натянул. С краю валяется.

— Этот? — Зыков моментально развернул оружие в ту сторону. — Почему вожак? — Он был очень напряжен, а Котов, напротив, вел себя внешне абсолютно спокойно. — С чего ты взял?

— Немного дышит еще. Наверняка чует нас, а проснуться не может.

— Мне подержать?..

— Не-а, — Котов пристроил саквояж на нарах, раскрыл его и принялся внутри копаться. — Расслабься. Мы вожака оставим напоследок. Пока с этими управимся, он уже будет совсем никакой.

— Крепкий, однако, — Зыков посмотрел на часы.

— Угу... — Котов достал из саквояжа стандартный милицейский набор для дактилоскопии и грязноватый металлический ящичек. Вдруг он замер — с таким выражением лица, будто его внезапно осенила гениальная мысль.

— Ты че? — еще больше напрягся Зыков.

— Минуточку... — Котов с неуловимой быстротой, свидетельствующей о хорошей тренировке, шевельнул рукой, и в ней будто ниоткуда появился тупорылый пистолет, исцарапанный и тусклый. — А вот мы сейчас поглядим...

Он неспешно пошел вдоль шеренги распластанных тел, приближаясь к крупному мужчине, обмотавшему голову

драной телогрейкой. Зыков нервно засопел и двинулся следом.

В шаге от вожака Котов остановился, медленно протянул руку с пистолетом и осторожно ткнул мужчину стволом в ногу. Тот не отреагировал.

— И ничего он не дышит, — сказал Зыков. — Слушай, Кот, а ведь мы его этой ночью не видели. Не было его.

— Вот именно... — пробормотал Котов. — Но я зуб даю — это не одиночка приблудный, а конкретный вожак. И еще один зуб, что он дышит.

— У тебя столько зубов нет, — заметил Зыков.

Котов сделал жующее движение нижней челюстью и поморщился.

— Опять болят? — участливо спросил Зыков.

— Да пошел ты... — Котов снова ткнул мужчину пистолетом, на этот раз в бок. Безрезультатно.

— Посмотрим? — Зыков подошел к мужчине вплотную, направил ствол обреза ему в поясницу и свободной рукой потянулся к телогрейке.

— Нет, отставить. Рано, — вздохнул Котов и посмотрел на часы.

— Боисься? — просвистел Зыков. Не насмешливо. Понимающе.

— Опасаюсь. Подождем немного, пусть солнышко повыше взойдет.

— Слушай, Кот, я же вижу — у тебя версия. Давай колись. Что это за чудо-юдо?

— Да хрен его знает... Если он не водил стаю, а гулял сам по себе, но под утро все равно соединился с ними... Кто угодно. Хоть «мастер». Все может быть.

— «Ма-астер»... — протянул Зыков недоверчиво.

— Стоп! — скомандовал Котов. — Версии — пока что забыть. Действуем по плану. Сначала обрабатываем стаю. А вожак никуда отсюда не денется. Ты это... страхуй.

— А я и вправду не красавец.

— О-о, шутки юмора? Повеселел, гляжу? Хорошо.

— Да, вроде отпустило... Ладно, гражданин начальник. Моя страхуй твоя страхуй!

Получив инструкции, Зыков моментально потерял к вожаку интерес. Вышел на середину комнаты и картинно встал там, широко расставив ноги и закинув обрез на плечо.

— А девочка — вещь, — сказал он.

— Н-да? — Котов убрал пистолет в плечевую кобуру, заложил руки за спину и прошелся вдоль шеренги тел, придирчиво их рассматривая. Возле «девочки» он остановился. — А ведь правда, хороша. Жалость-то какая...

«Девочке» исполнилось, наверное, чуть больше двадцати. Она не прятала голову под одежду, но лица ее все равно не было видно — его окутала грива черных волос, длинных, вьющихся плотными кудрями. Потертые джинсы были спущены до колен, открывая серые ягодицы, казавшиеся совершенно искусственными, пластмассовыми. В грязных засохших потеках. Как вся стая час-другой назад отымела девчонку попой кверху, носом вниз, так и бросила ее. А у той даже штаны натянуть сил не хватило — солнце поднялось из-за горизонта.

— Какая жалость, — повторил Котов. — Вот это жопа. Красотища. Эксклюзив. Хоть в кино снимай.

— Молодая еще, вот и красивая, — подал голос Зыков.

— Не-ет, коллега. Ты посмотри, какая... э-э... линия бедра. И вообще — какие ноги. Вот за это я их, гадов, отдельно ненавижу.

— За ноги? — уточнил Зыков.

— За руки! — неожиданно разъярился Котов.

— Да понял я, понял...

— Мне такая все равно никогда не даст, — процедил Котов сквозь зубы. — Но хоть кому-то. Может, хорошему человеку повезло бы. А теперь... Что? Ну что с нее толку? Она же смертница. Когда бы мы ее накрыли? В следующий раз? Через год? А если не мы — во что она через несколько лет превратится?

— А допустим, она завтра проснулась бы и пошла к хорошему человеку... — предположил Зыков. — До следующего раза.

— Щас! Размечтался! В лучшем случае к другому упырю. Но уж точно не ко мне. И не к тебе.

— Абыдна, да, слюшай?

— Не то слово... — Котов окинул взглядом «девочку» и раздраженно цыкнул зубом. — Знаешь, Терминатор, давай не просто нажремся. Давай еще по бабам. А?

— Прямо с утра?

— А чего?

— Начальник, ты начинал бы, а? — предложил Зыков. — Хватит переживать. Клиенты вон заждались. Полшестого. В городе уже будильники звонят.

— Твоя правда. Извини. Люблю оттягивать этот момент.

— Я знаю, — кивнул Зыков. — Они сейчас такие... Ничего не могут.

— Это страхи наши, страхи подавленные, — объяснил Котов, еще раз взглянул на «девочку», тяжело вздохнул и пошел к своим разложенным на нарах инструментам. Натянул хирургические перчатки. Бесцеремонно встряхнул крайнее тело и выдернул из-под него левую руку. Кисть оказалась того же цвета, что «девочкин» зад. Так же безжизненна и искусственна. И почти так же грязна.

Зыков, покачиваясь с пятки на носок, буравил взглядом «девочку» и что-то соображал.

Котов быстро и ловко снимал с руки отпечатки пальцев. Закончив, проставил на дактилокарте номер и открыл свой ящичек. Внутри оказались большущие одноразовые шприцы и полиэтиленовые ампулы с чем-то черным. Котов распаковал шприц, присоединил толстую и длинную, сантиметров десять, иглу, проткнул ампулу, набрал черной жидкости. Оставил шприц в ящичке, влез на нары с ногами и попробовал тело перевернуть.

— Держу, — сказал Зыков сзади, подходя и направляя ствол телу в область почек.

— Не надо, отдыхай, — разрешил Котов. — Он никакой вообще. Они все никакие. У них завтра-послезавтра конец цикла. Ты что, не видишь, девка с голой жопой лежит и не парится? Один вожак еще пыхтит.

— Как ты это чувствуешь? — изумился Зыков, отходя назад и оглядываясь на неподвижного вожака.

— Ненавижу гада, вот и чувствую... — Котов с натугой опрокинул тело на спину. Как бревно. Уселся «клиенту» на грудь, с треском разодрал футболку, зашарил по ребрам. — Тоже молодой парень, черт побери. Смену они себе выращивают, что ли, суки. Давай!

Зыков протянул шприц. Котов прицелился, сказал «И-

и раз!» и на выдохе, нажимая всем корпусом, с отвратительным хрустом загнал иглу «клиенту» между ребер.

— Есть! — Котов на секунду замер, а потом очень проворно соскочил с нар. — Ага, пошло-поехало!

Тело ожило, дернулось, всплеснуло руками, попыталось кувыркнуться обратно на живот. Не смогло и начало корчиться. Зыков и Котов синхронно полуотвернулись, один налево, другой направо, следя, не шевельнется ли на нарах еще кто.

Тело билось в судорогах, подскакивало, махало руками, мотало головой. Лицо и кисти быстро темнели. На губах выступила пена.

Грохнулся на пол стоптанный ботинок.

Тело сделало «мостик», простояло в таком положении несколько мгновений и упало на нары мертвое, растянув в страшном оскале черные губы.

— Уффф... — выдохнул Зыков.

— В анамнезе: колбасит, — сообщил Котов внезапно севшим голосом. — В эпикризе: плющит. Очень хорошо. Никто не реагирует, даже вожак. Можно спокойно работать.

— Как это быстро всегда, — протянул завороженно Зыков. — И до чего же противно! Сколько раз уже гляжу...

— Шестьдесят девять, — сказал Котов, пинком отправляя под нары башмак покойника. — Шестьдесят девять раз глядишь.

— А ты?

— Девяносто два. Скоро юбилей. И тоже до сих пор не привыкну. Ничего, брат. Зато я с каждым разом все лучше понимаю — они уже не люди. Больше не люди. А значит, нечего их жалеть.

— А кто их жалеет? — удивился Зыков. — Я не жалею.

— И я. Ладно, следующий...

Котов пошел к очередному телу, Зыков снова закинул обрез на плечо и опять уперся взглядом «девочке» промеж ягодиц.

— Слушай, Кот, — спросил он. — А ты когда-нибудь бабу в жопу е...л?

Котов — он накатывал краску на пальцы следующего «клиента» — от изумления аж передернулся.

— То есть?

— Чего «то есть»? Я спрашиваю — е...л?

Котов посмотрел на Зыкова, потом на «девочку», потом опять на Зыкова. И очень сильно переменился в лице. Оно и так у него было не ахти какое, а теперь совсем осунулось.

— Мужик, окстись... — пробормотал Котов. — С ума сошел? Только не это.

— Да я ничего... — невинным тоном сообщил Зыков. — Просто интересно.

— Правда? — Котов глядел на напарника весьма недоверчиво.

— А в чем дело-то? Ладно, Кот, не хочешь рассказывать — не надо.

— Почему же не хочу... — Котов все еще сверлил Зыкова подозрительным взглядом. — Ну, допустим, бывало. И не раз.

— И как оно?

— Да понимаешь... — Котов вернулся к своему занятию. — Я, наверное, толком не раскусил это дело. У меня почти каждая подружка рано или поздно сама предлагала — давай попробуем. Чисто из любопытства. Все же знают, что так можно, но не понимают, какой в этом кайф. Ну и пробовали. Чтобы понять.

— И чего они потом говорили?

— Говорили, больно, но интересно. Второй раз почему-то не просили. Наверное, у меня женщины были под такой секс не заточенные. Я потом в газете прочитал, что для этого нервные окончания должны быть сдвинуты к прямой кишке. И уж тогда...

— А тебе как было? — не унимался Зыков.

— Говорю же — не раскусил. Мы еще всегда по пьяни это делали. А ты ведь знаешь, какой я по пьяни. Никакой. Вот как наша клиентура сегодняшняя.

— Угу...

— Чего «угу»? — Котов поднял глаза: Зыков опять таращился на «девочку».

— Робокоп, я тебя умоляю, — действительно взмолился Котов. — Не думай о ерунде. Лучше меня страхуй.

— Да чего тебя страховать-то... Сам говоришь — нечего.

— Тогда просто стой и не дергайся! — взорвался Ко-

тов. — Ты что, совсем мальчик? Не знаешь, с кем дело имеешь?!

— Подумаешь... Не так уж это опасно. Вообще кто придумал, что случайные заражения бывают?

— А вдруг?! Если этот вирус, который ее перекосоебил, еще не выдохся?! — Котов судорожно дернул рукой, чтобы посмотреть на часы. — И потом... Потом... Да ты представь на секундочку, кого она жрет и какая дрянь после этого у нее в крови плавает! Там самая ерундовая зараза — сифилис! Ей-то до фени! А тебе п...ц! Стопроцентный! Жить надоело?!

— У меня есть три гондона, — безмятежно сообщил Зыков.

Котов от этого заявления потерял дар речи и только отдувался.

— Ну, Котик... — ласково попросил Зыков. Видно было, что он для себя все уже решил. — Ну что тебе стоит?

Котов шумно выдохнул.

— Нет, я понимаю... — пробормотал он. — Я же образованный, я читал. Нассать врагу на голову или, допустим, сожрать его печень... Или в жопу трахнуть. Даже мертвого, вот как сейчас...

— Ничего она не мертвая!

— Это она не мертвая?! — взвился Котов. — Это она-то не мертвая?!

— Ну ладно, ладно... — Зыков выставил в сторону Котова широченную ладонь. — Физически практически мертвая. Теоретически. А юридически?

— Терминатор, ты мудак, — сообщил Котов упавшим голосом.

— Ну, Котик... Котярушка... Что тебе, жалко, что ли?

— Ты в курсе, что так поступают дикари? А ты кто? Сержант Зыков, очнись! Ты что, папуас?

— Сам ты папуас!

— Нет, ты что, людоед? С какой-нибудь Новой Гвинеи, мать ее? Ты взрослый русский человек! Со средним специальным образованием! К тому же при исполнении служебных обязанностей...

— Друг называется... — вздохнул Зыков.

Котов склонил голову набок, отчего стал еще больше

похож на грифа-падальщика, и с тоской поглядел на приунывшего здоровяка.

— Друг, — поизнес он негромко. — Конечно, друг.

— И ни хрена не друг. Как оказывается... — Зыков отвернулся и демонстративно потупился.

— Да делай ты что хочешь! Пожалуйста! Разрешаю! Вперед! И с песней!

— Пра-а-вда? — спросил Зыков, немного поворачиваясь обратно, чтобы искоса недоверчиво глянуть на Котова.

— Да! Но учти, Терминатор... Если подхватишь от нее... гангрену — подохнешь в одиночестве. Я к тебе в больницу ходить не буду!

— Заметано, — легко согласился Зыков.

— А подцепишь ее вирус, — использовал главный козырь Котов, — я тебе собственноручно вкачу серебра!

— К следующему полнолунию сам напомню, — сказал Зыков очень серьезно. — И наблюдай за мной сколько угодно. Котик, не сердись. Я вот понял... Надо мне. Хочу.

— Дикарь и папуас, — Котов нагнулся над саквояжем и одной рукой в нем шарил.

— Когда еще будет подходящий случай... — оправдывался Зыков. — Я же не потому, что она из этих... А потому, что случай.

— Знаем мы вас, папуасов... Хм, что у нас тут... Мазь универсальная «Спасатель»... Нет, сомнительно. Ну, где же это... Ага! Левомеколь. На, держи. Он жирный и резину не должен разъесть.

— Котярушка, ты настоящий друг!

— А то... — Котов покачал головой и продолжил работу. — Только быстро давай.

— Да я мигом! — Зыков уже бросил обрез на нары и тянул с себя плащ.

— Это п...ц какой-то, — сообщил Котов в пространство, рисуя номер на очередной карте.

— Совершенно верно, — поддакнул Зыков, расстегивая штаны.

— Лучшие, можно сказать, люди нашего города... — Котов зарядил шприц и перевернул «клиента».

— А-шо-же-худшие-што-ли... — согласился Зыков сквозь зубы, грызя упаковку презерватива.

— Прямо у меня на глазах сходят с ума!

— Н-бз-этого... — опять согласился Зыков.

— Ты учти, Робокоп. Еще одна подобная выходка, и конец. Я просто все брошу и эмигрирую.

— Как это?! Куда?! — уже нормальным голосом возмутился Зыков.

— Просто! В Москву! И-и раз!

Снова раздался тошнотворный хруст. Котов спрыгнул с «клиента», того моментально начало корежить.

— Не уедешь ты в Москву, — пробормотал Зыков, карабкаясь на «девочку». Нары издали стонущий звук. — Кому ты там нужен?

— Ну, тогда в Питер. Говорят, там народ получше, чем в Москве, может, кому и пригожусь... — предположил Котов, наблюдая, как тело, принявшее дозу серебра, исполняет пляску смерти и на глазах чернеет. При этом он не забывал настороженно поглядывать в сторону вожака и руку держал под плащом.

«Клиент» так яростно отбросил копыта, что с него слетели кроссовки. Котов запинал их в угол комнаты.

— Был ты беленький, а стал черненький... — промурлыкал Котов. — Все на борьбу с апартеидом.

Зыков сосредоточенно ворочался на «девочке». Стройная фигурка скрылась под его тушей целиком. Нары скрипели, похрустывали и опасно шатались.

— Вот ё! Да что ж такое?!

— Чего? — вяло удивился Котов.

— Не лезет! — возмущенно объяснил Зыков.

— Хм-м... Цитата...

— Чего? — в свою очередь удивился Зыков. Он даже голову к напарнику повернул. С выпученными глазами.

— Ничего! Отрастил, понимаешь, агрегат — вот и не лезет. С левомеколем попробуй, я зачем тебе дал...

— Забыл, — пробормотал Зыков и продолжил беспорядочное ерзание.

Котов тяжело вздохнул, обошел Зыкова — «девочка» лежала в ряду третьей, — присел на край нар спиной к напарнику и принялся за следующее тело.

— Ага! — провозгласил Зыков и приступил к возвратно-поступательным движениям. Нары зашатало всерьез. Котов вздохнул еще тяжелее.

— Терминатор, ты не можешь, э-э... полегче как-нибудь? — спросил он.

— А в чем дело? — пропыхтел Зыков.

— Трясет очень, вот в чем.

— Я постараюсь... — серьезно пообещал Зыков.

— Буду тебе глубоко признателен.

Некоторое время прошло в относительной тишине, нарушаемой только скрипом нар, запаленным дыханием Зыкова и неразборчивыми проклятьями, которыми Котов сопровождал попытки снять отпечатки пальцев с «клиента». Укол пришлось делать при такой серьезной качке, что Котов почти уже отказался от этой затеи — велик был риск промазать мимо сердца, но тут Зыков решил то ли перевести дух, то ли осмыслить впечатления. Котов быстро вогнал иглу, надавил поршень, сполз с обработанного тела, оступился и упал на колени в пыль. Зыков кряхтел и постанывал. Котов отряхивал брюки и тихо матерился. Когда он уселся между следующим «клиентом» и вожаком, нары уже не шатало — бросало. Котов, пытаясь хоть как-то унять их эволюции, крепко уперся ногами в пол.

— Ну как? — спросил он, не оборачиваясь.

— А-а-а-а? — выдохнул Зыков.

— Я спрашиваю — как ощущения? Зае...сь?

— А-а-а-ага...

— Ну-ну. Будем надеяться, что она не проснется. Я бы проснулся на ее месте.

— А-а-а-а?

— Давай шевелись. Некрофил.

Зыков шевелился. Котов пытался работать. Потом он не выдержал. Пробормотав: «Нет, это нереально», — Котов отпустил дактилоскопируемую костлявую руку, ставшую уже из белой черной, с тоской посмотрел на свою перчатку, измазанную краской ничуть не меньше, и потянулся за сигаретами.

— Ты долго там еще? — спросил он раздраженно.

— У-у-у... А-а-а...

— Тьфу! Вот угораздило...

Наконец Зыков издал глухой утробный рык, несколько раз по инерции дернулся взад-вперед и затих.

— Слава тебе, господи! — провозгласил Котов, выпле-

вывая сигарету и возвращаясь к прерванному занятию. — Я уж думал, этот кошмар никогда не кончится.

— Вот... это... да! — сообщил Зыков.

Чавкнуло — повис на стене презерватив. Прошуршало и чмокнуло — отлип и упал на пол.

— Отношения с клиентурой прояснились? — небрежно поинтересовался Котов. — Забрезжил свет в конце тоннеля бытия?

— Ы-ы-ы... Э-э... Эй! Кот!

Кличку напарника Зыков не выкрикнул — вышипел. А Котов, уже почуявший опасность, сидел очень прямо и смотрел в глаза, взгляд которых никому из живых не дано поймать дважды.

Вожаку было очень плохо. Сев напротив Котова, он строил ужасные гримасы костлявым серым лицом. Коренные зубы у него давно вывалились, зато в черной дыре приоткрытого рта желтели острые длинные клыки. Руки вожака судорожно комкали грязную телогрейку, которой он до этого был укрыт.

У рядовых членов стаи руки были другие. А в этих уже не осталось ничего людского. Не руки — грабли. И зубы еще, зубы... Прямо как у собаки.

— Что, дружок, хреново? — участливо спросил Котов. До жути спокойно. Нечеловечески.

Вожак не то вздохнул, не то всхлипнул.

— А ты приляг, — посоветовал Котов. — Приляг, накрой лицо, тебе сразу же станет легче...

Придерживая одной рукой штаны, сзади к Котову медленно, очень медленно приближался Зыков. Лицо у него было еще серее, чем у вожака. Впрочем, в молочном свете фонаря тут все плохо выглядели. Зыков не взял обрез. Не потому, что растерялся, а просто вожак сидел к Котову слишком близко, и брызги его крови могли попасть человеку на лицо. Риск весьма умеренный, но риск. Случись такое, Котов бы потом долго и обидно ругался.

— Ничего страшного, ты просто заболел, — ворковал Котов. — Это не опасно, у тебя уже все прошло, но ты сейчас очень слабенький, тебе нужно спать. Как можно больше спать...

Вожака ломало. Он с хриплым посвистом втягивал в себя воздух и по-прежнему строил рожи. Зыков кое-как застегнул штаны и подошел вплотную. Пригляделся к вожаку повнимательнее и окончательно спал с лица.

— Спать и видеть прекрасные сны... — мурлыкал Котов. — Не удивляйся тому, что вокруг, это... м-м... карантин. Ты не один здесь. Еще сутки-двое, и тебя отвезут домой. Просто сейчас нужно отдохнуть. Ложись скорее, мой хороший. И ничего не бойся. Все уже позади. И мы тебя не оставим. Пока ты будешь спать, мы будем рядом, мы позаботимся о тебе...

По идее, больше всего на свете вожак сейчас хотел именно спать. Но не с такими сиделками под боком. В иных обстоятельствах он бы вообще, наверное, удрал. Проломил бы хлипкую стену, выскочил в коридор и задал стрекача. Увы, сейчас за стеной занимался день. Серый и паскудный, но все равно день. А перед вожаком было двое врагов, твердо убежденных, что не боятся его. Придавленный невидимым солнцем, вожак плохо видел, чувствовал, двигался, соображал. И поэтому был смертельно напуган. Его загнали в угол, и он не мог понять, что страшнее — утро за стеной или двое убийц здесь, в комнате.

— Ладно, больной, хватит! — повысил голос Котов. — Ну-ка, ложитесь. Я кому сказал! — Он протянул руку и толкнул вожака в плечо. Тот чуть пошатнулся.

— Ты ляжешь, сука, или нет?! — взревел Зыков.

Против ожидания, вожак на Зыкова не отреагировал вовсе и продолжал стеклянным взглядом пялиться Котову в глаза.

— Тебе что сказано, пидарас сраный?! — орал, надсаживая глотку, Зыков.

Вожак смотрел на Котова. Тот на вожака. Сеанс двустороннего гипноза.

Зыков откашлялся.

— Ни х...я не понимает, — просипел он. — И что теперь?

— Товарищи, наша разминка окончена, — голосом радиодиктора произнес Котов. — Переходим к сексуальным извращениям. Где берданка, Робокоп?

— Ох, забрызгает тебя...

— Я плащом закроюсь и назад упаду. Тащи свой бла-

стер. И в душу ему на счет «три». Чего стоишь? Последние мозги прое...л?

— Да ладно тебе... — начал было Зыков.

В этот момент вожак, собравшийся, видимо, с силами и переборовший страх, перешел в наступление. Выронив телогрейку, одну когтистую граблю он выбросил в сторону Котова, а второй махнул, пытаясь зацепить Зыкова. Котов дернулся было, но вожак достал его и ухватил за лацкан. Котов рванулся назад и попытался вскочить на ноги. Ветхая ткань плаща затрещала и «поехала».

Несмотря на свои габариты, двигаться Зыков умел стремительно и с неким тяжеловесным изяществом. Сначала он вобрал живот, отчего когти вожака прошли мимо. А потом мощным рубящим ударом врезал сверху вниз по запястью руки, вцепившейся в одежду Котова. Раздался короткий треск. Освобожденный от захвата, и лацкана заодно, Котов упал на спину. Зыков взвыл от боли. Вожак раздраженно зашипел и развернулся к нему лицом. За что моментально огреб ногой по зубам и опрокинулся на нары. К несчастью, удар, после которого нормальный человек оказывается в глубоком ауте, вожака только раззадорил. Или разбудил. Сделав на нарах кувырок и ударившись о стену, вожак от нее пружинисто оттолкнулся и прыгнул к Зыкову.

Котов уже встал на четвереньки и прямо из такого положения тоже прыгнул, совсем в другую сторону. Он схватил лежащий рядом с неподвижной «девочкой» обрез и развернулся, чтобы бросить его Зыкову. Развернулся и обомлел.

Вожак, скаля клыки, сидел на краю нар, обеими руками вцепившись в громадную волосатую лапу, которой Зыков ухватил его за тощую длинную шею. Свободным кулаком Зыков методично бил вожака в переносицу. Каждый удар сопровождался коротким взревыванием Зыкова, которому, видимо, было очень больно колотить по твердому. И тяжким оханьем вожака, у которого, наверное, сдвигались все сильнее остатки мозгов. Вожак был в панике. Вместо того чтобы полосовать руку Зыкова когтями, он пытался сдернуть ее со своей шеи.

— Кот! Кот! Кот!!! — звал Зыков.

— Ох! Ох! Ох! — жаловался вожак.

Котов швырнул ружье назад, выхватил пистолет и метнулся к единоборствующей парочке. Сгреб телогрейку, накинул ее вожаку на голову, упер ствол в область темени и нажал спуск.

Даже на фоне уже имеющегося концерта, в замкнутом пространстве комнаты выстрел прозвучал оглушительно. Вожак резко дернулся назад. И заорал Зыков, да так, что уши у Котова заложило совсем.

— Су-у-у-ка-а!!! Ру-у-у-ку!!!

Присмиревший вожак медленно и неуверенно тянул с простреленной башки телогрейку. Зыков, задрав лицо к потолку, рычал и выл. Его левая рука безвольно повисла, заметно вывернутая в плече.

— Уход! — скомандовал Котов до того громко, что сам расслышал. — Зыков! Уход!

— Слома-а-ал!!!

— Да ни хера не сломал, вывихнул!

— А-а-а! Гр-р-р... — Зыков схватился правой рукой за левое предплечье и, видимо, сделал еще больнее, потому что выкрикнул лишь одно слово: — Убью!!!

Вожак обнажил голову и теперь с крайне задумчивым видом ощупывал свою макушку. Зыков сунулся было врезать ему ногой еще раз, так сказать, в знак благодарности, но Котов ухватил напарника за воротник.

— Атас! — рявкнул он Зыкову прямо в ухо.

— А-а?!

Глаза у Зыкова оказались похлеще, чем вожаковы стекляшки. Тут были прямо фары от «КамАЗа». Конечно, если фары отмыть.

Котов застегнул на Зыкове засаленный неопределенного цвета пиджак, не без труда отнял у напарника пострадавшую руку и быстро, но осторожно уложил ее за борт.

— Это «мастер»! Не видишь?! Уходим!

Зыков обернулся к вожаку. Тот вставал. С явным намерением продолжить драку. И вставал довольно быстро.

— Бллядь! — выдохнул Зыков, отступая и озираясь в поисках оружия.

Котов несколько раз выстрелил, почти не целясь. Сначала пули толкали вожака в грудь, заставляя всего лишь приостанавливаться, но последняя угодила прямо в глаз и

вынесла его напрочь — аж с тыльной стороны черепа брызнуло. Вожак кувыркнулся назад, карикатурно дрыгнув в воздухе ногами, и крепко треснулся затылком. Но тут же сделал попытку вскочить.

Зыков подхватил свой обрез и с одной руки саданул по вожаку картечью, снова припечатав того к полу. Расстреливаемый, уразумев, что подняться ему не дадут, встал на четыре лапы и снова двинулся в атаку. Картечь Зыков рубил из технической серебряной проволоки, «рядовой» член стаи от нее закрутился бы винтом, как обезглавленная гадюка. А вожак только зашипел, будто угодил в крапиву.

— Уход! Уход! — орал Котов. Он был уже у двери. — Зыков, бегом!

Зыков перехватил обрез за цевье, рванул, досылая новый патрон, снова подбросил оружие и ловко поймал его за рукоятку. Долю секунды помедлил, раздумывая, не стрельнуть ли еще, но все-таки внял голосу разума — или начальника — и мимо Котова метнулся в коридор.

Котов стрелял по вожаку. Взяв пистолет двумя руками, считая патроны и выбирая на теле монстра больные места. От пороховой гари в комнате уже было не продохнуть. А вожак, содрогаясь при каждом попадании, тем не менее упорно полз вперед. Он был страшно изуродован, но по-прежнему опасен.

На выходе из барака смачно бубухнуло — отступающий Зыков прошиб собой дверь. Котов на прощание влепил пулю вожаку в переносицу и бросился наутек.

Снесенная с петель дверь валялась на земле. Котов об нее запнулся и спикировал в глубокую коричневую лужу. Приложился он так, что относительно чистым остался разве пистолет. Поджидавший напарника Зыков, увидев, что тот более или менее жив, повернулся и резво припустил вверх по косогору, оскальзываясь на мокрой траве и размахивая обрезом, дабы удержать равновесие. Котов, матерясь, вскочил на ноги, уронил пистолет в карман плаща и рванул следом.

Далеко позади рычало, скулило и лезло на стену в припадке бессильной злобы то, что осталось от вожака.

На подъеме Котов поскользнулся, упал и, решив по-

пусту не вставать, поскакал вверх на четвереньках. Через несколько секунд он обогнал Зыкова и упрыгал вперед.

— Машину отпирай... — пропыхтел Зыков ему в спину. — Скорее! У меня шок проходит... Кажется...

Потрепанная котовская «Волга», по документам серая, а на самом деле бурая от ржавчины и грязи, сливалась с придорожными кустами заподлицо. Котов секунду провозился с ключами, распахнул дверцу, швырнул на сиденье пистолет, с отвращением стряхнул на землю изгвазданный плащ и полез в машину. Поднял фиксатор задней двери, выбрался наружу и прыгнул к багажнику.

— Давай на заднее! — крикнул он Зыкову.

В багажнике под кучей разнообразного хлама обнаружился еще один саквояж. Котов достал запасную аптечку и поспешил на помощь Зыкову, который уже открыл себе дверь и теперь неловко лез на заднее сиденье.

— Сейчас уколемся быстренько, и все будет хорошо... Давай, Терминатор, уколемся. Пару кубов анальгинчика, будешь как огурчик. Ну-ка! Во-от. Слушай, я не умею вправлять серьезные вывихи. Пусть рука так лежит. Ага? Десять минут до больницы, не больше, гарантирую...

— Да не суетись ты, — буркнул сквозь зубы Зыков. — Все нормально. Бывало и хуже. Ты молодец, Кот. Спасибо.

Смотрел он не на Котова, а в сторону кустов, за которыми скрылся барак. И в уцелевшей руке крепко сжимал обрез.

— Нет канистры, представляешь? Канистры нет! Кр-р-ретин! — простонал Котов. — В гараже оставил, ур-р-род! Подпалить бы сейчас! Это же «мастер» — видел, зубы какие?! — его надо огнем... Плеснуть бензинчику, запалить барак к едрене матери...

— И хорошо, что нет канистры, — сказал Зыков.

— У-у, да ты уже, брат, заговариваешься. Сейчас поедем, сейчас, я только плащ свой подберу, может, хоть на тряпки сгодится...

— Девочку жалко, — объяснил Зыков. — Ты бы и ее спалил. Тебе волю дай, ты кого угодно спалишь. А девочку жалко.

Котов этой реплики толком не расслышал, потому что уже возился в багажнике.

— Чего? — спросил он, возникая на переднем сиденье.

— Ничего...

— Все, мы едем! — Котов вытащил из-под себя пистолет, критически его оглядел, сунул за пазуху и занялся машиной. Заскрипели педали, отчетливо хрустнуло в коробке передач.

— Она нас однажды угробит... — с философским безразличием заметил Зыков.

— Ты про работу? — Котов воткнул ключ в замок и, невольно затаив дыхание, повернул. Из-под капота раздался отвратительный скрежет. Раздался и стих.

— Про машину.

— Какой хозяин, такая и машина, — преувеличенно бодро сообщил Котов, поворачивая ключ снова. «Волга» вся содрогнулась, будто от подступившей тошноты. Котов тихонько ругнулся.

С третьего раза — прямо как в анекдоте — машина завелась.

— Береги руку! — сказал Котов. — Не очень больно сейчас?

— Берегись автомобиля! — хмуро ответил Зыков. — Совсем не больно.

Подумал и добавил:

— Потом, наверное, будет.

Котов довольно плавно тронул свой рыдван с места и начал петлять, объезжая колдобины. Он преодолел метров двести, когда из переулка выкатился ему наперерез длинный черный «БМВ». Котов дал по тормозам, стертые до металла колодки отозвались хриплым гулом. Зыков тяжело охнул.

Одной рукой Котов крутил ручку, опуская стекло, другой безуспешно пытался воткнуть передачу заднего хода.

Дверь «БМВ» распахнулась, и на улицу не спеша, с достоинством, шагнуло нечто, имеющее внешность человека.

— По самые яйца, — вяло сказал Зыков, кладя на плечо Котову цевье обреза. — Вляпались.

— Не спеши, — прошипел Котов, терзая коробку передач. — Не спеши...

Существо размеренным шагом приближалось. Одетое в безукоризненно отглаженный черный костюм, выглядело

оно на разбитой дороге, ведущей в промзону, совершенно неуместно. Что-то на уровне инопланетянина. Или, допустим, президента США.

— Не могу... Заело... — сдавленно пробормотал Котов. — Ну ладно... — Он воткнул первую и легонько газанул, не отпуская сцепления. И вытащил пистолет.

Существо подошло к «Волге» со стороны водительской двери и нагнулось, заглядывая Котову в лицо. А вот в смотрящие прямо на него стволы оно глядеть и не пробовало. Угроза оружием его просто не волновала.

«Расслабьтесь, вы мне не нужны, — подумало существо. — Мне нужен тот, которого вы нашли сегодня ночью. Вы же нашли его, верно?»

— Я с-сейчас т-тебе п-прямо в р-рожу с-с-блюю... — еле выдавил предупреждение Котов.

— А я стрельну, — очень уверенно заявил Зыков. Ему было легко целиться одной рукой — он по-прежнему использовал плечо напарника как упор. Нимало не заботясь тем, что от первого же выстрела у Котова накроется барабанная перепонка.

«Вы нашли его, — подумало существо. — Но не справились. Он совсем рядом. Где?»

— Н-не н-надо т-так, — давился словами Котов. — Я-а п-понял. Я-а с-скажу. Н-не д-дави. Д-давай с-сотрудни... чать.

«Есть направление, я чувствую его, — подумало существо. — Это в таком длинном заброшенном доме. Теперь я знаю, где. Но вы очень сильно все усложнили. Вы разбудили его, запугали, довели до истерики. Плохо».

— Слушай, Кот, чего мы усложнили? — возмутился Зыков. — Да пошел ты на х...й, ты... сам попробовал бы!

«Теперь нам придется очень трудно. Это из-за вас. Я буду жаловаться», — подумало существо.

— Чего-о?! Жаловаться?! Ах ты... Козел нерусский! Да пошел ты!.. Да я тебя... Ща так отрихтую, мама не узнает! Ща как схлопочешь прям в е...ало из двенадцатого калибра! — в искреннем возмущении орал Зыков.

Котов молчал, только головой тряс. И пистолетом.

«Мама?.. Да, мама не узнает, — подумало существо, обращая взор к Зыкову. — Я помню, что такое мама».

Зыковская ругань умолкла по затухающей, будто разъяренного громилу за шнур из розетки выдернули.

Котов у себя на переднем сиденье вроде бы начал дышать.

— Извините, спасибо, до свидания... — пробормотал Зыков очень тихо и скромно, убирая ствол.

«Уезжайте немедленно», — подумало существо, распрямилось и величественной походкой удалилось к своему «БМВ».

— Кот, а Кот? — позвал осторожно Зыков. — Ты живой?

— Вроде, — без особой уверенности ответил Котов. Он спрятал пистолет и теперь утирал лицо грязным рукавом. «БМВ» развернулся и проехал мимо. Котов проводил его безумным взглядом.

— Трое, — сказал он. — Трое их там. Ужас...

— Откуда ты знаешь? Стекла тонированные.

— Знаю, и все, — отрезал Котов. Педали под его ногами издали протяжный скрип, «Волга» дернулась, затарахтела и покатилась вперед.

— Он тебя почти и не коснулся, — сказал Котов нарочито громко, чтобы перекрыть голосом фырканье и пуканье глушителя. — А вот меня...

— Жуткий тип, — согласился Зыков. — Кто это, а? Тоже «мастер»? Тогда почему днем?.. Как же он днем-то, Кот?

— Я не знаю, кто это. Ужас, летящий на крыльях ночи. Хозяин жизней.

— Хозяин жизни, — поправил Зыков.

— Не-ет, Терминатор, я не оговорился. Именно жизней. Вот наших с тобой, например.

— Тьфу! Водки хочется, — пожаловался Зыков. — Слышь, Кот, я понимаю, тебе хреново пришлось, но ты не мог бы побыстрее, а?

— Ничего ты не понимаешь. Мне не хреново пришлось. Он меня убил вообще. Ох, уеду я, уеду...

— Туда, откуда... эти? В Москву? Брось. Слушай, правда, давай газуй. Плечо на глазах пухнет.

— Держись там за что-нибудь, — сказал Котов. — Нет, ну какого же хрена?! Ведь напрасно все, напрасно... И зачем мы это делаем?!

Котов длинно выматерился и утопил педаль в пол. На заднем сиденье Зыкова принялось болтать, он бросил обрез и растопырил здоровые конечности во все стороны.

— «Дворники» опять едва шевелятся, — буркнул Котов. — Пусть моросит, вот только бы не дождь.

И пошел дождь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Всю ночь Мишу одолевали кошмары. Раз за разом он пытался убежать на ватных ногах от каких-то неясных зловещих теней, которые, естественно, настигали его и принимались душить. Миша в ужасе просыпался, но оказывалось, что он лишь перепрыгнул из одного сна в другой, где все повторялось. Непослушное тело, обычно сильное и проворное ночью — о да, там, во сне, была ночь, — отказывалось повиноваться, руки преследователей сжимались на Мишином горле... И так до бесконечности. Закончилось все тем, что Миша, катаясь по постели в тщетной попытке вырваться из лап кошмара, навалился на Катю и почти разбудил ее. А Катя просто как следует двинула Мишу локтем под ребро. Отвернулась лицом к стене и засопела носом.

Миша лежал, мучительно хрипя пересохшим горлом, держась за ушибленный бок и стараясь не глядеть в сторону окна. Там занимался рассвет. Все было естественно и понятно — Миша забыл с вечера задернуть шторы. Точнее, не забыл, а просто вытеснил из памяти эту необходимость. С каждым новым циклом ему все меньше хотелось прятаться от солнца. Чем больше это было нужно, чем сильнее день обжигал сердце — тем меньше хотелось.

Но сейчас придется встать и зашторить в доме все окна. Иначе проснется Катя, и тогда держись. Настоящая Катя никогда не закатывает сцен. Она любит своего Мишу и скорее умрет, чем допустит ссору в доме. А вот эта, другая, измененная, которая сейчас так уютно спит...

Зубами к стенке.

Двигаясь рывками, как марионетка, Миша сел на кровати и зябко обхватил себя руками за плечи. Тело слушалось хуже, чем во сне. Там оно было просто как желе, а в реальности будто состояло из отдельных плохо сопряженных частей. На тупых корявых шарнирах. Примерно через

пятнадцать часов это тело будет — вещь, но что толку? Какой во всем смысл, если другое тело, сейчас мирно лежащее рядом, красивое и гладкое, любимое, вдруг — каждый раз это словно плевок в глаза — проснется с душой озлобленной неудачницы?

А может, ну их, эти шторы?

Нет. Будет очень больно, и вскоре случится одно из двух. Либо инстинкт самосохранения погонит Мишу драпировать окно, либо поднимется Катя, сделает это сама, а потом обругает мужа последними словами. А то еще и ударит. Она пока что не пыталась это делать, но в прошлый раз было заметно — готова.

Когда Миша вставал, ему показалось, что у него скрипят все суставы. Шаркающей походкой он дополз до окна спальни, задернул наглухо толстые гардины и тяжело вздохнул. Предстояло еще топать в мастерскую и на кухню. И там делать то же самое одеревеневшими руками. Зато потом, на кухне, можно будет выпить стакан воды. Многократно удушенное врагами горло невыносимо саднило.

От воды Мишу чуть не вырвало. Он присел на край табурета, закурил — сигарета дважды выпадала из пальцев — и совсем расстроился. Сколько ночей на этот раз? В позапрошлый было две, а в прошлый уже три. Выдержит он три ночи? А если их окажется четыре?! Если бы Миша сейчас мог заплакать, он бы этому утешительному занятию предался. А так — глотал безвкусный дым и переживал.

Три ночи... Или четыре? Да даже три ночи рядом с этим ужасом, этим чудовищем, безжалостно пожравшим его возлюбленную, — невыносимо. Просто невыносимо. И никакого выхода. Никакого выбора. Ни-ка-ко-го.

— Сука... — прошептал Миша. Для затравки, попробовать, сможет ли он это произнести в адрес любимой женщины. А когда вышло, повторил уже уверенно, почти в полный голос: — Су-у-ка...

Тридцать лет всего, а жизнь кончена. Потому что без Кати — разве это будет жизнь? Это что-то такое будет, о чем и подумать страшно. Работать-то он точно не сможет.

А если все же подумать?

Миша честно постарался охватить умом тоскливую перспективу, но не смог. К тому же ему пришло в голову, что

Катя без него влипнет в какую-нибудь жуткую историю. Нет, не выйдет ничего.

— Сука... — вздохнул Миша. Швырнул сигарету в набитую грязной посудой раковину. Кряхтя поднялся и с выражением полнейшей обреченности на лице пошел спать дальше. Примерно еще пятнадцать часов.

* * *

В кромешной тьме Катя стояла перед зеркалом и «рисовала» глаза. Миша сидел в мастерской и тупо разглядывал последнюю работу — портрет депутата городской думы. Сутки назад и при дневном освещении депутатская рожа Мишу никак не трогала, а вот сейчас его подташнивало. Сама-то картина чисто технически была ничего — крепкий средний уровень, не придерешься. Но в каждом мазке сквозило подсознательное отвращение художника к жертве...

Почему к жертве?

— Ты чего там притих? — спросила Катя. — На урода своего любуешься?

— Это не урод, а тысяча долларов, — хмуро возразил Миша.

— О чем и речь. Когда ты перестанешь на него пялиться и начнешь работать? Тебе осталось-то всего ничего.

— Он мне не нравится, — сказал Миша. Почти агрессивно сказал. Непонятно было, в чей адрес — депутата, его портрета или вообще собственной жены.

— Знаешь, Михаил... Я тебе вроде работать не мешаю. Я все делаю для того, чтобы тебе было в этом доме удобно. Да?

— Ну... — признал Миша, догадываясь, чего ждать дальше.

— Так вот! — В голосе Кати лязгнул металл. — Тебе не кажется, что должен быть хоть какой-то ответ с твоей стороны?

— У тебя косметика заканчивается? — поинтересовался Миша осторожно.

— Не в этом дело, Михаил. Не в этом дело.

— Понимаю... — вздохнул Миша.

— Да ничего ты не понимаешь.

— Куда уж мне...

— Тебе нужно всего-навсего быстро намалевать этого урода. Потом его жену. Потом дочь. Потом любовницу. Неужели трудно, Михаил, раз в месяц...

— Схалтурить, — подсказал Миша. — Во всех отношениях. Да, трудно. Раньше было нетрудно, а теперь — надоело. Я вообще-то художник.

— Художник, который не знает теории живописи? Хм.

— Знаю!

— Хорошо, — подозрительно легко согласилась Катя. — Значит, халтурить ты у нас больше не можешь. Угу. Но что тебе мешает рисовать их так, как ты считаешь нужным?

— Если я начну работать с этой шушерой в полную силу, — горько сказал Миша, — через месяц у нас не останется ни единого заказчика. И не будет уже никогда. Они просто разбегутся.

— Ха! А сейчас ты чего добиваешься? Того же самого. Ты не работаешь вообще, и они точно так же разбегаются.

— Да закончу я этого урода, закончу на следующей неделе!

— Ну-ну... Посмотрим. И угораздило же меня связаться с рохлей...

— Ты готова или нет?! За каким дьяволом мазаться, если тебя все равно никто не увидит...

— Уви-и-дит, — промурлыкала Катя. — Кое-кто непременно увидит. А ты заткнись. Не понимаешь, что нужно женщине, вот и заткнись.

— Извини, — вздохнул Миша. — Но... Ты не могла бы чуточку поторопиться, а?

— Куда спешить? Ночь дли-и-и-нная... Краси-и-и-вая... Вкус-с-с-ная... До чего же я люблю ночь!

— Это, конечно, замечательно, вот только у меня уже крыша едет, — пожаловался Миша.

— С чего бы это? — поинтересовалась Катя.

— Голодный, вот с чего, — признался Миша сквозь зубы. — Как-то очень быстро все на этот раз. Ощущение, будто каждого таракана в доме слышу...

— А ты скушай тараканчика, мой хороший, скушай...

— Катенька! — взмолился Миша. — Мне действительно плохо. Честное слово. Очень плохо. Давай уже пойдем? А то...

— А то что?

— Ничего, — отрезал Миша. Его рвало на улицу. Буквально выворачивало. Телесно он еще оставался здесь, но что-то главное — душа, наверное — просочилось за стены и теперь множеством невидимых щупалец обследовало мир. Обостренное голодом восприятие стало невероятно тонким, и многое из происходящего вокруг причиняло Мише чуть ли не физическую боль. Соседние квартиры, двор, небо над крышей, земля под домом... Везде что-то творилось, и все это было отвратительно. Потревоженная ворона на дереве скрежещет когтями по ветке — будто по сердцу наждаком. Храпят соседи — кажется, от этого звука стошнит. Какая-то непонятная возня в кустах за аркой, ведущей из двора-колодца на улицу, — фу, до чего грубо!

Стоит утолить голод, и все станет на свои места. Ночь окажется волшебно красива. Можно будет жить ею, дышать, впитывать эту ночь в себя и радоваться ей. Стоит только утолить голод... Пока остался хоть какой-то минимальный контроль, пока еще не поздно...

Будто подпружиненный, Миша вскочил с табурета и вылетел в прихожую. Рванул дверную ручку. Пронзительный негодующий вопль жены почти остановил его. Почти.

Во дворе Мише сразу полегчало. Держась рукой за грудь, в которой бешено колотилось сердце, он несколько раз судорожно вздохнул и почувствовал себя человеком. То есть не совсем человеком, конечно. Хотя бы просто собой. Личностью довольно странной, но отчасти сохраняющей интеллект и какие-то эмоции того Миши, которого он знал по прежней жизни.

Теперь нужно эту личность подкормить, и сразу все наладится.

«Ну что, доволен? — подумала совсем рядом Катя. — Вые...нулся?»

Миша от неожиданности подпрыгнул и опять схватился за сердце.

— Господи... — пробормотал он. — Это ж надо так напугать... Чуть не до смерти.

«Да я б тебя и убила, будь моя воля», — подумала Катя брезгливо.

На всякий случай Миша решил не оборачиваться. Он

знал, что Катя стоит за левым плечом. Одетая в черное, от этого еще более красивая и сексуальная, чем обычно. Он бы с наслаждением ее рассмотрел внимательно, тая от любви. Даже сейчас — с наслаждением. Вспомнил бы, что давно не рисовал ее... Но оборачиваться и пялиться на жену именно сейчас было глупо. Миша спиной чувствовал, какое у нее выражение лица.

«Нож не забыл?» — подумала Катя.

Тут Миша не выдержал и оглянулся. «Что со мной происходит? Неужели я действительно слышу ее мысли? Раньше ничего подобного не было. Боже, в кого я превращаюсь? В такой же ходячий злобный ужас, как она?.. Интересно, а Катя слышит, что именно сейчас думаю я? Ой!»

«Нож, — мысленно повторила Катя. — Забыл, да?!»

Миша таращился на жену, то ли подглядывая, то ли подслушивая, как именно она передает ему свои мысли. «И не только мысли, — догадался он. — Сейчас мне влепят пощечину. И она хочет, чтобы я это почувствовал раньше, чем последует удар. Ей не очень приятно меня бить. Но я ее постоянно раздражаю своей тупостью. Она слишком далеко ушла от меня, слишком изменилась. Ей, бедняжке, со мной тяжело». Миша не без труда вышел из оцепенения и сунул руку в карман.

«Вот он, твой нож, — подумал Миша внятно и отчетливо. — Я не забыл его».

«Наконец-то! — Глаза Кати немного потеплели. — Спящий проснулся. Ладно, пойдем... Чудо в перьях».

Она даже под руку его взяла.

Путь их лежал на улицу через ту самую арку, сразу за которой все продолжалось непонятное шевеление в кустах.

* * *

Катя любила делать это медленно.

Две черные тени бесшумно приблизились к костру. «Доброй ночи», — произнесла Катя вкрадчиво. Бродяга поднял голову и застыл, парализованный. Миша, с трудом удерживаясь от желания наброситься на добычу и порвать ее в куски, шагнул вперед. Не-ет, все должно выглядеть аккуратно и эстетично.

Он не отказал себе в удовольствии треснуть бомжа рас-

крытой ладонью в переносицу. Тело завалилось назад, Миша уселся на него сверху. В тишине раздались два щелчка — выскочило лезвие ножа и раскрылся складной стаканчик. Миша надрезал артерию. Катя подставила стакан под струю. Быстро, жадно выпила. Еще. И еще. Миша тихо застонал, но тут посуду наконец-то передали ему.

Уже полную.

На этот раз Миша от крови мгновенно опьянел. Когда-то, поначалу, его вообще тошнило, позже он с трудом перебарывал отвращение, глотая необходимую, но малоприятную живую влагу. Потом мешала омерзительная вонь немытого тела жертвы... Теперь все забивала кровь. Еще на подходе к цели Миша чувствовал ее запах сквозь кожу и одежду человека. Кровь манила и сводила с ума. А сейчас — горячей волной растеклась по желудку и вскружила голову.

Миша сделал еще несколько глотков и удовлетворенно отвалился от бездыханного тела. Вальяжно, будто насытившийся зверь, прилег у костра, подперев голову рукой и разглядывая в затухающем пламени какие-то потаенные вещи, недоступные человеческому зрению.

Катя, тихо мурлыча, смаковала очередную порцию. Отпивала по чуть-чуть, облизывала губы, снова отпивала. Приоткрыв рот, проводила кончиком языка по зубам, выгибалась, запрокидывала голову, оглаживала себя по груди и животу, будто сопровождая движение чужой крови по телу... Раньше Мише в этой манере чудилось нечто извращенно-сексуальное, неприятно отдававшееся в сердце. Но сейчас ему было просто хорошо, и он не обращал внимания на причуды жены.

Мише наконец-то стало по-настоящему комфортно в его новой ипостаси. Он упивался совершенной внутренней гармонией и хотел растянуть момент радости как можно дольше. Просто лежать и смотреть на огонь... Просто видеть и слышать, чувствовать мир вокруг до малейшей его тонкости. Просто быть...

«Здравствуй, Грэй! — подумала Катя. В мыслях ее звенели и переливались веселые, праздничные нотки. — Здравствуй, мой красавец! А где же твой хозяин? Игорь, ау!»

Миша очнулся от блаженного забытья и неприязненно скривился.

По другую сторону костра стоял, насторожив уши и опустив хвост, здоровенный серый овчар. А позади него, в кромешной тьме, угадывалась грузная человеческая фигура. Кого угодно из племени людского Миша сейчас разглядел бы во всех подробностях. А вот этого — не видел.

Там стоял и наблюдал еще один человек, одетый в черное. Глядел он на Катю, и только на нее.

— А-а... — с деланой ленцой произнес Миша вслух. — Вот и полиция нравов пожаловала. Ночной Позор. Больная совесть русского вампиризма. Здорово, Долинский. Выходи, чего прячешься.

— Я и не думал прятаться, — донеслось из темноты.

Пес на этот голос коротко оглянулся и снова обратил тяжелый немигающий взгляд к Мише. Морда у собаки была вся в шрамах.

— Я не хотел мешать. — Из тени к костру вышел крупный, но грузноватый для своего роста мужчина в легком черном плаще.

— Игорь, ты мне никогда не помешаешь, — проворковала Катя, выуживая из кармана пудреницу.

— Долинский, ты не умеешь не мешать, — говорил в это время Миша, отчего голоса мужа и жены слились в один невнятный гул.

Ночной гость присел на корточки рядом со своим псом, приобняв его за напряженные плечи. У Долинского было простое, чуть одутловатое лицо с неуловимым выражением, одновременно добродушным и жестким. Миша подумал, хватило бы ему умения нарисовать Долинского, какой тот есть на самом деле, и пришел к выводу, что работать пришлось бы ночью в полнолуние. Этой ночью или следующей, например. Задача показалась ему довольно интересной, но он знал — Долинский не согласится.

— Как дела? — спросил Долинский, наполнив этот невинный по сути вопрос содержанием, хорошо понятным им троим.

— Замечательно, — ответила Катя. Сидя на бревне спиной к мужчинам, она придирчиво изучала себя в зеркальце.

— Угу, — поддакнул Миша. — Если б не вы, господин Кайфоломов...

— А дальше? — Глядя в огонь, Долинский мягко оглаживал пса по холке. Грэй переступил с ноги на ногу. Садиться в этой компании он не хотел. Похоже, ему очень не нравились Миша и Катя, но опытный пес верно оценивал расклад сил. В свете костра заметно было: не одна морда, а вся серая шкура собаки расписана шрамами.

— Что — дальше? — Миша достал сигареты и обнюхал пачку. Теперь, утолив голод, можно было со вкусом закурить. С таким вкусом, которого ни один нормальный курильщик не вообразит.

— Через месяц... — Впервые Долинский поднял глаза на Мишу, и тот поразился, до чего же у этого симпатяги-увальня, типичного фольклорного русака, холодный взгляд. — Через год... Что будет, если вас поймают? А в особенности — если не поймают? Вы об этом не думаете совсем, а, ребята?..

Миша от изумления чуть не проглотил сигарету. А Долинский буравил его внимательным прозрачным глазом.

— Игорь, ты чё, а-ху-ел? — произнес Миша раздельно и очень медленно.

«Михаил!» — мысленно прикрикнула Катя.

— Ставишь московское произношение? — Долинский ухмыльнулся. — Получается. Но это без толку. В Москве тебя мигом вычислят и убьют. Там упырей-любителей и своих-то давят как клопов, а уж залетных... Тебе придется оказаться нужным, чтобы выжить в столице. Но что особенного ты можешь предложить?

Их разделяло метра три, и дай Мише волю, он бы на Долинского прыгнул. Легко, прямо из положения лежа. Одной рукой свернул бы шею собаке, а другой — этому провокатору. И в болото обоих.

Только вот никто Мише воли такой не давал.

— Да он и здесь ничего не может, — сообщила Катя. — Чтобы стать настоящим художником, ему не хватает образования. А уж настоящим мужчиной...

— Давай не будем обсуждать наши проблемы сейчас, а? — попросил Миша с угрозой в голосе.

— Наши?! Проблемы?!

— Не ссорьтесь, — попросил Долинский тихонько.

— С кем, с этим недоучкой? — возмутилась Катя. — Больно надо. Игорь, пошли гулять! Погляди, какая ночь!

— Тебе со мной будет скучно, — так же тихо промолвил Долинский, опуская глаза.

— Зато тебе со мной не будет, — пообещала Катя. — Гарантирую.

— Как-нибудь в другой раз, ладно? Извини, мне сейчас нужно с Михаилом поговорить.

— А-а... — Катя встала и уперла руки в бока. — Вот как... — В голосе ее звякнули льдышки. — А я думала, ты мужик, Долинский. Ну что ж, если тебе с этим... ничтожеством интереснее, чем со мной, — ради бога. Михаил, не забудь тут прибрать. Найдешь меня потом. Если сможешь!

С этими словами она канула в темноту. Единственным из мужчин, кто проводил ее заинтересованным взглядом, оказался Грэй.

Миша наконец-то закурил. Увы, сигарета уже не показалась ему такой вкусной, как могла бы.

— Зачем ты это, Игорь? — спросил он.

Долинский, кряхтя, поднялся с корточек, шагнул к бревну, критически его оглядел и уселся. Грэй с видимым облегчением отошел в сторонку и там прилег. Без Кати у костра — уже совсем погасшего — стало как-то уютнее.

— Ты не подумай, будто я хочу вас поссорить, — сказал Долинский, приглаживая рукой свои растрепанные светлые волосы. — Просто с тобой еще можно договориться, а с ней уже нет.

— Договориться? — Миша хмыкнул. — Почему бы тебе не прийти дней через пять? Отлично договоримся о чем угодно.

— Я уже пробовал. Но в прошлый раз ты ничего не помнил, Миша. А что будет в следующий, не представляю. Это очень индивидуальная штука, друг мой.

— В прошлый раз?!

— Да. Я приходил месяц назад, дня за два до того, как у тебя должен был начаться очередной кризис. Но ты оказался совершенно нормален и просто не понял моих намеков. А в этом цикле не получилось — были дела. Извини.

— Бред какой-то.

— Не без этого, — согласился Долинский. — Но ты поверь моему опыту, сегодня ночью время для разговора — лучше не придумаешь. Я вижу, до тебя наконец-то дошло, в какую ситуацию ты влип. Дошло в полном объеме. И теперь важно, чтобы ты решил, как жить дальше. Решил именно на нынешнем этапе. Потому что, боюсь, через месяц-другой разговаривать с тобой будет не о чем. Сегодня ты в состоянии все изменить. А за потом я не поручусь.

— Погоди. Но Катя? Она как же? — спросил Миша слабым голосом. Он вдруг сообразил: его склоняют к чему-то, очень похожему на предательство. «С тобой еще можно договориться, с ней уже нет». Постановка вопроса Мишу просто напугала. Он ждал нормального «мужского разговора», а вместо этого Долинский принялся чуть ли не вербовать старого приятеля. Друзья так не поступают.

— Нет. Я не буду ни о чем договариваться без нее! — почти выкрикнул Миша. — Мы ведь...

— Тебя отпустило уже? — перебил Долинский. — От первой крови?

— Что? А... Вроде да.

— Добавки хочется?

— Н-нет. Кажется... Точно нет.

— Ну давай еще пару минут тихо посидим, — предложил Долинский, доставая сигареты. — Покурим. Ночь послушаем. Ночка-то какая интересная, вкусная... Многогранная. Редкая ночь. Видишь эти структурки полупрозрачные в воздухе? Голубенькие? Ничего, еще увидишь. Если захочешь. Отдыхай пока. А когда совсем в норму придешь, тогда и побеседуем всерьез.

— Как скажешь, — кивнул Миша. — И чего я тебе верю так...

— Может, потому, что я — живой пример? — спросил Долинский вкрадчиво.

— Знаешь, ты... живой пример! — окрысился Миша. — У меня сейчас жена... Угадай, что делает?!

— Тебе правду сказать?

Миша прислушался и принюхался. Катя ушла далеко. Куда-то к автомобильной трассе. От нехорошего предчувствия у него засосало под ложечкой.

— Не надо правду, — отрезал он. — Я знаю, что через два-три дня это закончится. И Катерина снова будет такой, какой... Какой я ее встретил пять лет назад. Молодой, красивой, ласковой.

— Доброй, — подсказал Долинский. — К тебе доброй.

— Доброй... Я люблю ее, понимаешь? Дурак ты, Игорь. Если ты что-то предлагаешь мне одному... А она? Ведь так нельзя!

— Я делаю как можно, — Долинский закурил. — Как я знаю как можно. Сразу говорю, радикального выхода нет. Но облегчить свою участь, переменить роль ты пока еще в состоянии. А насчет Кати... Извини, дружище, боюсь, поздно. Насколько у нее раздвоено сознание? Ты сейчас помнишь себя нормального, обычного, верно? А что помнит она? И какая она в середине цикла, когда луны не видно?

— Я же сказал — добрая...

— Это я сказал, — сварливо заметил Долинский.

У Миши от напряжения заныли виски. Он не был готов к разговору о своем будущем. Ударившая в голову кровь настраивала его совсем на другое. Видеть ночь, гулять всю ночь до утра...

— Их двое, — хмуро сообщил он. — В смысле, ее две. Совершенно разных. И какая настоящая, я уже не понимаю. Знаешь, мне, наверное, себе признаться страшно... Но кажется, будто она от полнолуния до полнолуния живет будто во сне.

— Хреново, — то ли посочувствовал, то ли поставил диагноз Долинский.

— Ладно, давай рассказывай. Зачем пришел?

— Жить хочешь? — спросил Долинский просто. — Долго и, может быть, относительно счастливо?

— По твоему образу и подобию? Не хочу. Игорь, я понятия не имею, что ты над собой учудил, как превратился в... это. Но, извини за прямоту, ты, по-моему, сильно обокрал себя. А знаешь, почему? Из трусости. Из элементарной трусости. Структурки он голубенькие видит... А чем свобода пахнет, так и не узнал.

— Возможно. Возможно.

— У тебя ведь папа начальник, мама начальник — а ты же мог стать неплохим художником! Но не стал. Намеренно. Внял голосу разума. Решил, что талант рисовальщика — штука ненадежная, а вот умение контролировать других — очень востребованная профессия. Ну и вырос начальником. Думаешь, я забыл, как ты еще в школе лидерские качества

вырабатывал? Ха-ха. О, да, начал ты, как порядочный человек, с себя. Собственное творческое начало затоптал. Но других-то зачем топчешь? Вот что ты делаешь со мной, например? То пробуешь давить и подходы ко мне ищешь, то ласково говоришь! А на самом деле купить пытаешься, чтобы потом запродать подороже! Менеджер хренов. Отцепись от меня, Игорь. Я художник. И останусь им, чего бы мне это ни стоило. Разница ясна?

Долинский молчал, опустив глаза.

Мише стало немного стыдно — он высказал приятелю в лицо то, что давно, много лет, рвалось наружу. Храбрости только этой ночью хватило, на кровяном драйве.

— Хорошо. Кто я такой, чтобы осуждать выбор художника? — сказал Долинский. — Но учти. Будете и дальше упиваться кровью — значит, вам с Катериной осталось всего ничего.

— Нам что-то угрожает? — бросил Миша небрежно. — Ты говорил — поймают, убьют... Прости, Игорь, я в этом очень сомневаюсь. Ты хоть представляешь, как тяжело меня убить сейчас?

— Зачем сейчас? Можно и подождать.

У Миши отвисла челюсть. Он и думать забыл о том, насколько беспомощен — по сравнению с нынешним состоянием — окажется в середине цикла. А ведь он будет просто человеком, обычным человеком, плоть которого податлива, а мышцы слабы.

Бери и ешь.

— И кто же?.. — с трудом выдавил он.

— Не одни, значит, другие.

— Объясни! — потребовал Миша, садясь к Долинскому лицом.

— Ты что сделаешь с этим?.. — Долинский мотнул головой в сторону бомжа, валявшегося без сознания.

— Хм... Как обычно. Спрячу тут в кустах. Катя ему шею зарастила, пролежит до завтра в коме, придем, доедим. Потом в болото отнесу и заброшу подальше. А что?

— А правильно, — похвалил Долинский. — Ты стараешься не привлекать внимания. Ловишь тех, кого никто не хватится, и заметаешь следы. Не трогаешь соседей. Но ты не единственный вампир в городе.

— Догадываюсь.

— Вряд ли. С тобой редкий случай, Михаил. Тебя инициировала жена, когда у нее самой этот механизм едва запустился. Катя не слишком обгоняет тебя по развитию — и поэтому вы сумели образовать маленькую стаю из вас двоих. Если не перегрызетесь, сможете продержаться в паре несколько лет. Но потом вас непременно поглотит стая побольше.

— Стая? — переспросил Миша.

— Естественно. Вампиры тупеют, друг мой. А глупому и ограниченному непременно требуется стая.

— И... И что?

— Да то, что стаю гораздо проще вычислить, чем одинокого упыря. Особенно если уметь охотиться на упырей. К поиску одиночек, случается, привлекают... э-э... «мастеров». Бывают, знаешь ли, осторожные экземпляры, которых нюхом приходится искать. А вот стаю всегда нейтрализуют специалисты из простых людей. Быстро и эффективно. Сугубо полицейскими методами. Отслеживают, локализуют, потом бац — и нет тебя.

— Кто-то из... обычных людей этим занимается? Здесь, у нас? Фу, Игорь. Сказки.

Долинский насмешливо щурился. Миша изо всех сил делал вид, что ни капельки не испуган. В действительности он сильно нервничал. Долинский заставил-таки его задуматься, и мысли в голову пришли неутешительные. Люди могли охотиться на вампиров. Не в том смысле, что горели желанием, — а имели шансы на успех. Выследить, поймать, убить. Трудно, но выполнимо.

— Ты, конечно, не обязан мне верить, Миша. Но я знаю, что говорю.

— Откуда знаешь-то?

— Ну, я вроде бы в городе не последний человек, правда?

— Понимаешь, как это важно для меня? Игорь, ты ведь рассказываешь о моем будущем. Если...

От недавнего Миши, с его задранным носом и обличительным пафосом, не осталось и следа. Он сам не заметил, как улетучился весь гонор.

— Ага, — кивнул Долинский. — Понимаю. Честное слово, мне не нужно что-то выдумывать, чтобы тебя напугать.

Так вот... Зимой будет нечто вроде спячки — ты еще сможешь шевелиться и выполнять какую-то работу, самую примитивную. Извини за откровенность, вряд ли тебе удастся по-прежнему рисовать.

Миша отчетливо скрипнул зубами.

— В зимние полнолуния наступят жуткие ломки, — продолжал Долинский. — С болями по всему телу и осыпанием шифера.

— В смысле?

— В смысле крыша начнет съезжать. Тебе ведь не очень весело было вчера-позавчера? Ну вот, а зимой будешь впадать в такое состояние на верную неделю каждый месяц. И к весне окажешься от пережитого малость сумасшедшим. Миша, дорогой, это ты сейчас мыслишь как человек. Но когда переживешь то, что тебе предназначено... Вас же с Катериной страшное ждет. В промежутках между полнолуниями вы будете вести себя как сонные мухи, но это не главное. Вам потребуется все меньше еды. Значит, начнет усыхать, а потом и отмирать кишечник — это сопровождается жуткими болями. И именно в моменты самых острых мучений вы будете ненадолго приходить в сознание. Неминуемо сдвинется психика. А дальше... Пойми, вампир на пике формы — это два, три года максимум. Короткий период упоения ночью и своим неземным совершенством. Но вот подлость какая — ночная жизнь сжигает интеллект... Прямо мечта художника — ярко вспыхнуть и быстро сгореть. Да? Нет?

Миша озадаченно молчал.

— Со временем ты отупеешь. Найдешь стаю, впишешься в нее. После чего тебя отыщет специальная команда и уничтожит. Как перспектива?

— А если не уничтожит? — поинтересовался Миша довольно уныло.

— Сам помрешь. От старости. Которая наступит лет через пять-шесть, не больше. А ты думал?.. Кстати, отвратительное зрелище — старый упырь. Впрочем, и молодой не подарок. Сначала иссохнешь весь, потом зубы коренные выпадут за ненадобностью, кожа станет как пергамент... Фу. Ну а с возрастом станет трудно двигаться, и однажды

ты не сможешь ни догнать жертву, ни подманить ее. Вот и загнешься полегоньку. Это если будешь вести себя тихо.

— А если громко...

— За громкими сразу приходят. Не люди. Люди и понять ничего не успевают — а проблему уже решили твои же... соплеменники. Чтобы ты их не засветил. Поверь, им этого совсем не надо.

— А эти, соплеменники, которые за мной придут, значит, не упыри? Что-то вы, батенька, загнули.

— Они не упыри, — сказал Долинский твердо. — Они просто другие.

— И как же стать таким... э-э... другим простому русскому вампиру? — саркастически вопросил Миша.

— Для этого вампиром должны заниматься опытные специалисты. «Мастера» и «старшие». Долго и упорно. Из тебя будут растить новое существо, уже не человеческое, но все-таки родственное людям по разуму. К сожалению, процесс занимает годы и очень дорого стоит. Ну и здесь его, конечно, не организуешь. А я уже спрашивал — что ты можешь предложить, чтобы тобой заинтересовались в Москве?

Миша отвернулся.

— Я хочу, чтобы ты уяснил одну простую истину, — сказал Долинский. — Послушай, это важно, жизненно важно для тебя. Вампиризм не болезнь. Не вирус, не паразит в организме, а что-то вообще другое. Иначе вампиры не умирали бы так быстро. И заражали бы всех подряд. Нет, дружище, вампирами становятся лишь те... как бы сказать — лишь те, кто может. Тот примитивный вампиризм, о котором люди знают из книжек, и которым, собственно, ты страдаешь, — всего лишь ошибка развития некой скрытой возможности, спящей в отдельных людях. Повторяю, Катя тебя не заразила. Она тебя инициировала. А ее инициация произошла случайно, как я понимаю...

Миша опять скрипнул зубами.

Сразу подумал, что, если верить в обрисованные Долинским перспективы, скоро зубы выпадут, и мучительно скривился.

— В идеале мы все должны быть другими. А в реальности человечество делится на громадное большинство и крошечное меньшинство. Причем меньшинство это постоянно гробит себе подобных. Обидно, правда? Случайные инициации — знаешь, отчего? А тянет друг к другу товарищей меньшевиков! Непреодолимо тянет... И всем плевать, изменится после тесного контакта партнер или нет! Потому что отслеживать это все равно нет ни сил, ни средств. Да и как отследить, если потрахались и разбежались? Или куснул симпатичного человека в темном переулке, крови наглотался и отпустил. А кого именно укусил-то? Почему выбрал его, а не другого?

— Не верю, — в полном замешательстве Миша помотал головой.

— Да? Вот ты, например, час назад за девчонку заступился, рискуя себя выдать, — отчего? Кто она тебе, а?

— Отстань! Тебя не было там!

— Было, — сказал Долинский. — Только очень издали. Я бы не успел. А ты вмешался. Зачем?

— Захотел! — ответил Миша с вызовом.

* * *

...Через двор они тогда прошли, беззвучно переговариваясь, болтая о какой-то ерунде. Миша тренировался в ночной речи, а Катя вроде бы рада была его, оголодавшего, немного отвлечь, чтобы не напачкал у собственных дверей. Но все-таки Миша еще и обнюхивал пространство. Хотя открывающееся ему — травмировало. Увы, заслониться от вселенского уродства и безобразия у Миши не получалось, он был в режиме поиска еды и ничего не мог с собой поделать. Мир вонял, издавал гадкие звуки и всячески раздражал нечеловеческие органы чувств, которые Миша не смог бы описать словами. Единственную более-менее отрадную эмоцию приносило шевеление на выходе со двора — потому что там возились живые, налитые кровью люди. Больше ничего в них хорошего, кроме живости и крови, не было. То ли люди там, в кустах, делали что-то отвратительное, то ли отвратительно это делали.

Ох, зря они затеяли свою возню именно здесь. Темная арка, сквозь которую вышли на них Миша и Катя, для ночного зрения сработала как бленда на фотообъектив. Отсекла боковую засветку. Миша и так бы все разглядел, но тут

он увидел это слишком ярко. Вплоть до чувств и мыслей копошащихся людишек. И Мишу заклинило.

«Вот гады, — подумал он. — Ты видишь? Ну, молитесь...»

Катя пригляделась, и ее переменило с ног до головы. То есть, как это воспринял Миша, — будто по жене прокатилась наведенная извне волна, разительно поменявшая ее облик. В свою очередь, Катю заклинило тоже. Слишком легко было догадаться, что сейчас предпримет Миша.

«Не вздумай здесь! Не смей!»

Несколько секунд они препирались, затем сцепились. Миша рвался на волю, отталкивал жену и почти уже готов был ей врезать. Потом разум возобладал, и Миша демонстративно расслабился.

«Катя, отпусти, — подумал он. — Я еще не настолько сошел с ума, чтобы упиваться кровью в сотне шагов от своего подъезда. Клянусь. Но я просто обязан прекратить то, что они творят. Да оставь ты в покое мои карманы, нож — вот. Забирай».

«Ну, дурак! — подумала Катя ему вслед. — Рыцарь х...ев. Сопли розовые подбери!»

Миша вломился в кусты с грацией медведя, идущего по малину. Нарочно. «Рыцарь, говоришь? Ну, вот он я, с открытым забралом».

За кустами обнаружился вкопанный в землю стол — конечно же, стол, как он мог забыть. Раньше тут «забивали козла» и пили водку, хохоча и матерясь. А теперь — насиловали, шумно пыхтя.

Парня, сидевшего у девчонки на голове, Миша просто тюкнул по затылку — тот упал на бок. Второго, отиравшегося рядом в ожидании своей очереди, коротко ткнул кулаком в живот. А вот третьего, который был слишком занят, чтобы почуять опасность, он снял с девчонки очень аккуратно — одной рукой за глотку, другой за яйца.

Какие-то незнакомые, видимо из другого района, молодые козлы. Успели уже, как это у них говорится, «пройтись по разу» и теперь хотели еще.

«Тебе помочь кончить, дорогой?» — ласково подумал Миша. Сообразил, что его не слышат, нужно не думать, а говорить, но повторять фразу вслух было лень. Не отпуская

горла парня, он поставил насильника перед собой и крепко взял его за осклизлый член. И сжал.

«Что ты делаешь, он же сдохнет...» — брезгливо подумала Катя. Она уже была рядом.

Миша сжал еще сильнее. Парень сначала извивался и хрипел, а потом как-то резко обмяк. «Не до крови, — подумал Миша. — Почую запах — с собой не справлюсь».

Он выбросил — именно выбросил — парня и поднял с земли следующего. Запустил руку ему в ширинку.

«Кать, а у тебя носовой платок есть?»

«Хрен тебе, а не платок. Там дальше по улице колонка, отмоешься».

«Хм... Большое спасибо. Девчонку узнаешь? Кажется, из шестого дома».

Миша изуродовал второго парня и перешел к третьему. Тот вяло сопротивлялся и за это получил для начала в лоб. Потом его стали избивать. Сладострастно и изобретательно. А потом так защемили гениталии, чтобы не смог ими пользоваться очень долго.

Или вообще больше не смог. Неважно.

Катя склонилась над девчонкой, перевернула ее на столе лицом вверх и теперь неодобрительно разглядывала.

...Они на выходе с дискотеки подстерегли того, который им задолжал. Тот был с какой-то соской. Сказал, денег нет. Они сказали — а так? Тот подумал и сказал — ладно, но тогда прощаете все, и проценты тоже. Они сказали: нормально.

Девчонка что-то почувствовала, занервничала, порывалась уйти, не хотела пить, но тот ей сказал — в городе ночами знаешь как опасно стало? Не слышала, опять предупреждение было по радио про бешеных собак, как прошлым летом? Побудь с нами, потом я тебя провожу... Девчонка водки отпила чуть-чуть, поперхнулась, все смеялись. Уговорили выпить еще. Слегка одурела, улыбаться начала. Тот потихоньку смылся. А обещал ведь, держать ее будет, если что. Удрал, слабак... Один девчонку поцеловал, она почему-то вырвалась. И другого оттолкнула. Ей сказали — ты чего? Она: а вы чего? Ей: давай, хорошо же будет. Она: ну-ка отстаньте, я ухожу. Ее за руки — она драться. Ей говорят:

ты глупая, не суетись, все по уговору, твой красавец с нами тобой расплатился, давай же! Она в крик.

Тогда все чего-то озверели как-то сразу — выпили уже много, — и платье ей разорвали в клочья. А она, вместо того чтобы все понять и успокоиться, на помощь звать принялась. Ну, они трусы с нее сняли и в глотку забили. А с другого конца — водочную бутылку горлышком. Чисто в шутку. Для симметрии. Знали это слово, в школе проходили.

Очень потом расстроились, потому что бутылкой сломали целку. А целок у них ни у кого еще не было. Да и не предвиделось. Целок всех поимели кто с деньгами.

Могли бы вообще сообразить, чего она кочевряжится, и не устраивать театр, а всего-то придушить малость. Хотя кому нужна баба в обмороке. Когда дрыгается — самый кайф.

Вот такая история...

Вламываясь в кусты, Миша уже ее знал приблизительно. А роняя на землю третьего — во всех подробностях.

Катя хлопала девчонку по щекам и что-то ей говорила. Девчонка тяжело дышала, будто выброшенная на берег рыба, и смотрела в черное небо пустыми глазами.

Миша оглядел пострадавшую — голую, с разбитым лицом, всю в синяках, царапинах, крови и сперме, и ему ужасно захотелось помыть руки. Для начала он их вытер о рубашку одного из парней. Секунду поразмыслил, оглядел насильников, выбрал поменьше ростом и принялся вытряхивать его из одежды. Тот был как ватный и на раздевание не реагировал. Хотя вроде бы дышал.

«Интересно, когда они очнутся?» — подумал Миша.

«А я тебе говорила! — отозвалась Катя. — Когда-нибудь очнутся. Может быть. Давай шмотки и тоже сюда иди, помоги мне одеть эту... Эту».

Кое-как им удалось задрапировать девчонку — зрелище оказалось тяжкое, но все лучше, чем ничего, — и поставить на ноги.

«Зомби», — оценил Миша.

«Тебя бы так оттрахали. Спасибо, мне хоть настолько удалось ее в чувство привести».

— Ты сейчас пойдешь домой и ляжешь спать, — сказала

Катя девчонке. — И сразу крепко заснешь. А когда проснешься, ничего не будешь помнить. Ладно, топай.

Что интересно, девчонка повернулась и, спотыкаясь, пошла. Действительно к шестому дому, как Миша и предполагал.

«Вроде бы немного по-другому надо это все говорить, — подумала Катя. — Но мне, собственно, по хер. Главное, посыл я ей дала нужный, а на остальное уже насрать».

«Спасибо, что помогла».

«Вот девка утром обалдеет!» — И Катя засмеялась в голос.

Мише от ее веселья стало просто страшно, и он быстрым шагом направился к колонке мыть руки.

Катя позади громко хохотала...

* * *

Долинский молча смотрел на луну — белую, круглую, яркую.

— Ни одному твоему слову не верю, — заявил Миша с твердокаменной убежденностью. — Ни одному. Вот. И что ты предлагаешь?

— Достань наручники. Это сейчас не проблема. И в следующий раз, едва почувствуешь, что началось, пристегни себя к чему-нибудь. К батарее, допустим. Ключ отдай надежному человеку. Хотя бы мне.

— И чего? — спросил Миша недоверчиво. Как-то все у Долинского получалось очень примитивно.

— Когда начнешь отгрызать зубами руку — может, увидишь себя со стороны и очнешься. Выскочишь в реальность. И за недельку переломаешься. Это страшно, не буду скрывать. Других слов нет — просто страшно. Но зато дальше легче раз от разу. Через годик станешь таким, как я.

— А если не очнусь и не переломаюсь, тогда что? — спросил Миша с истерическим оттенком в голосе.

— Ну... Бывают однорукие бандиты, а ты у нас будешь однорукий вампир, — ответил Долинский безмятежно.

— Да пош-шел ты!

— Пойду, — Долинский сделал вид, будто встает с бревна.

Миша дернулся было, чтобы остановить его, но словно ударился головой о невидимую стену и негромко охнул.

Грэй вскочил и угрожающе зарычал.

Долинский уселся опять.

— Нормально? — спросил он.

— Однако... — пробормотал Миша, потирая рукой лоб. — Будто по башке палкой. Слушай, я ничего плохого не хотел, это случайно. Не уходи. Вот, значит, как... То-то, думаю, отчего я тебя не вижу и не слышу. Ты, выходит, только наполовину человек теперь.

— Но мне не нужна кровь, — заметил Долинский.

— А что тебе нужно? — моментально среагировал Миша — видимо, уже бессознательно примеряя на себя шкуру Долинского.

— Ну... По-моему, обычные люди меня теперь не особенно жалуют. Странный я, наверное, стал.

— Да нет, я спрашиваю — что тебе нужно?

— Ничего... — сказал Долинский. Не очень уверенно сказал.

— Совсем ничего?

— Пить стал меньше. То есть больше, но почти не пьянею. Зато полюбил гулять по ночам. Любоваться природой. Такой мир вокруг невероятно красивый — я же его, дурак, совершенно не понимал! Кино, живопись, книги — помнишь, как мне нравилось раньше искусство? Разочаровался полностью. Все фуфло, даже признанные шедевры. Поверхностно очень, видение не то у авторов. Вот, может, если ты нарисуешь...

— Значит, наручники... — пробормотал Миша задумчиво. Он посмотрел на свою правую руку. — Оторву я батарею-то. Прямо с ней на улицу и побегу.

— Сейчас еще не оторвешь. Через полгодика — да.

— А я говорю — оторву.

— Миш, хватит торговаться. Хочешь, ко мне приходи. Есть хорошая веревка. Надежная, проверенная. Скручу — и в подвал.

— На тебе проверенная?

— Да, — Долинский невесело кивнул.

— А тебя кто вязал?

— Жена. То ли три, то ли четыре полнолуния со мной, бедная, промучилась. Я кричал ведь. А когда не кричал — уговаривал.

— Не знал, что ты женат. Кольцо-то не носишь.

— Может, еще серьгу в ухо? Потом на мои сосиски, — Долинский неуклюже потряс в воздухе растопыренными пальцами, — не всякое налезет. Да и незачем теперь.

— Что-то случилось? — спросил Миша участливо.

— Купил ей квартиру в Москве, вот что случилось. Думаешь, я просто так, от природной жадности расценки на полиграфию задрал? Или бумага сильно подорожала? Ха! Я, Миш, все рассчитал тогда. Кроме одного — что у жены тоже нервы есть. Она меня вытянула, спасла. А я теперь думаю иногда — зачем? Чтобы я ее потерял? Может, лучше уж в подвале собственного дома подохнуть.

— М-да... Ладно, хоть ты ее не заразил. То есть не инициировал.

— Еще как инициировал.

Миша захлопал глазами.

— Подобное тянется к подобному, — сказал Долинский горько. — Жили не тужили, и вот. Совершили открытие.

— И... И что же?! Она не смогла переломаться, как ты?

— Она и не пробовала, Миш. Ее просто некому было держать. Сначала возилась со мной, потом стало уже поздно. Если человеку комфортно в вампирской шкуре, ему переломаться вряд ли удастся. Я-то не ходил по ночам на улицу, мне вкус крови вообще неизвестен. Хотя уже был на грани, но повезло, луна убывала. Как только понял, что в полнолуние безумцем становлюсь, испугался, и тут же в подвал. Каждый месяц — туда, обратно, туда, обратно. Когда отпускало, подолгу валялся трупом, ничего не мог делать. А жена ведь осталась, по сути, одна совсем. Поддалась этому проклятому зову и успела пару раз прогуляться ночью. Ей понравилось. Вот как твоей Катерине. Посмотрю на Катю — и плакать хочется, до того знакомо. Может, мы неправильно с ними обращаемся, а? Прости. Ну и все, что я смог для нее сделать в благодарность, — отправить в Москву к нужным... специалистам.

— Значит, ты смог что-то им предложить, да? Что?! Скажи, что?!

— Значит, смог, — вздохнул Долинский. — Но тебя это не касается.

— Да почему?!

— Потому что на ближайшие годы квота закрыта. У них хлопот полно с теми кандидатами, что уже есть.

— Ох, проклятье! — Миша упал спиной в траву и закрыл глаза. — Зачем, ну зачем же они тогда допускают вот это... Вот как с Катей.

— Вот именно потому, что их мало, и они не в состоянии все контролировать. Недаром столько работы делается руками людей, или таких, как я.

— И много их? Таких, как ты?

— Пока что немного. Хочешь, станет больше? — не спросил, а вроде бы попросил Долинский.

— Сколько?

— Миш, какая разница?

— Я хочу знать. Я имею право знать. Неужели ты не понимаешь, Игорь, зачем мне это нужно? Да я бы с собой покончил еще месяц назад, если б не тот урод, который Катьку... — Миша совсем по-человечески всхлипнул. — Вон, в болоте утопился бы.

— Это вряд ли, — покачал головой Долинский. — В твоем нынешнем состоянии не особенно утопишься. И не повесишься. И в окно не прыгнешь. Разве из моего кабинета, с десятого этажа, и обязательно об асфальт головой... Значит, ты надеешься достать его?

— Я не надеюсь, Игорь. Просто найду и убью. А потом, может, попрошусь к тебе в подвал. Не раньше.

— Ох-хо-хонюшки... — Долинский низко опустил голову. — Миш, подумай, сколько твои поиски могут продлиться и как сильно ты изменишься за это время. В подвал уже не захочется.

— Плевать, — сказал Миша убежденно.

— Миш, я предлагаю тебе реальный шанс. Остаться более или менее человеком. Приобрести кое-какие очень интересные новые качества. И с их помощью сделать то же самое — поймать гада. Когда ты переломаешься, он не сможет на тебя воздействовать ментально, ему придется драться, просто драться. А они терпеть не могут драки и очень боятся тех, кто не боится их, — да, да, поверь. Мы отловим его вместе, я помогу.

— Отловим — и что? — спросил Миша саркастически. — Ты, Долинский, конечно, несъедобный тип, подтверждаю.

Но по сравнению со мной слабый. И я буду слабый. Загоним мы ублюдка в тесный угол. А дальше? Осиновый кол ему в жопу? Что-то я осины совсем не опасаюсь. Или, может, вилкой серебряной в нем поковыряться?

— Экий ты... художник, — усмехнулся Долинский. — Есть методы.

— Какие? — тут же встрепенулся Миша.

— Ну, пока ты на другой стороне, тебе о них знать не следует, извини. А если простыми народными средствами обойтись — выгнать его под открытое солнце хотя бы. Не дать спрятаться. Чем опытнее вампир, тем хуже ему на свету.

— А искать как? — Судя по всему, Миша не хотел лезть к Долинскому в подвал. Да и на потенциального самоубийцу он не был похож. А походил он на человека, старающегося добыть как можно больше информации и с ней уйти восвояси. Реализовывать собственный план и жить своей жизнью. Долинский глядел на Мишу сквозь ночь бесцветными прозрачными глазами, и взгляд у него был тоскливый.

— Нюх у меня не хуже, чем у тебя. Ночное зрение тоже, — сказал он. — Ладно, Мишка, я вижу, тебе все это не интересно. Пойду-ка домой. Грэй! Пошли баиньки.

— Я все обдумаю, — пообещал Миша.

— Хорошо бы, — безразличным тоном отозвался Долинский.

— Я, может быть, приду.

— Ага... Приходи.

— Ты не ответил, сколько вас. Таких, как ты.

— Мало, — бросил через плечо Долинский, уходя в ночь.

— Я так и думал, — пробормотал Миша себе под нос. — Эй! Игорь!

— Ну, чего еще?

— Я тут визитку себе нарисовал красивую, полноцветную. Забацаешь тиражик по старой дружбе? За деньги, естественно.

— А там написано: «Михаил Ефимов, художник-кровосос»? — донеслось из-за кустов.

— Шутить изволите...

— Тогда пошел на х...й со своими визитками, — заключил Долинский совсем уже издали.

И сколько Миша ни кричал ему вслед: «Ну же, Игорь! Не валяй дурака! У нас ведь нет другой типографии!» — больше не отозвался.

* * *

Катя, возбужденно притопывая, стояла у дороги и высматривала подходящую машину. Хотелось большую, с широким и удобным задним сиденьем. Глаза Катя закрыла, чтобы не слепило фарами. Ей и так было отлично видно, кто едет, куда и зачем. А вот Катю водители разглядеть не могли. Безразлично скользили взглядом по гибкой фигурке, пританцовывающей на обочине трассы, и пылили себе дальше.

Сначала прошло несколько дальнобойщиков. Потом сразу три битком набитых машины колонной — пьяная «золотая» молодежь, дети городских властей и ментовского начальства, покатили нажираться до полной отключки в загородный ресторан. За ними местные же бандиты, и по тому же адресу. На бандитов Катя было облизнулась, но в последний момент решила не связываться. Она ведь еще не знает, как поступит с ними после. Мало ли чего ей захочется потом.

Катя уже начала испытывать раздражение, переходящее в злобу, — дурное и опасное состояние, провоцирующее на глупые выходки, когда ей повезло. Вдалеке показался большой красивый автомобиль с двумя мужчинами в салоне. Перегонщики. Вдвоем, поэтому не боятся ехать ночью. Перегонщики опасаются засад, нервно реагируют на любую неожиданность — и эти не были исключением, но Катя очень-очень захотела, чтобы машина не проехала мимо. И та действительно сбавила ход.

Именно такая, как ей надо, — здоровая длинная американская тачка.

Машина встала, опустилось стекло.

— Сколько за отсос, красавица?

Катя наклонилась, оперлась локтями на подоконник и заглянула мужчине в глаза. Тот в ответ глупо улыбнулся. Водитель нервничал. Катя и на него посмотрела. Он успокоился.

— Какой, в жопу, отсос... — произнесла Катя с неповторимой хищной ленцой в голосе. — Трахаться хочу — аж зубы сводит.

Мужчина, как загипнотизированный — отчасти это и было так, — полез из машины. Катя царственно подождала, чтобы открыли заднюю дверцу, и проскользнула внутрь. Сиденье ей понравилось очень.

— А ты рули, не оглядывайся, — небрежно бросила она водителю. — Потом местами поменяетесь.

На Кате была кожаная юбка с «молнией» по боку. Лучше не придумаешь — вжик, и нету юбки. Она знала, что надевать на эту ночь.

— Ух! — только и сказал мужчина, когда застежка вжикнула и юбки не стало.

Машина тронулась.

* * *

Миша волоком затащил бродягу в кусты. Он легко взвалил бы тело на плечо, но уж больно неудобная для переноски вещь — человек без сознания.

Голод был утолен, следы заметены, пища на завтра припасена, настало время заняться серьезным делом. Миша вышел обратно к жилому массиву, прикрыл глаза и потянул носом воздух.

Не один воздух, и не одним носом, конечно. Просто Миша ощущал это словно принюхивание. Человек — пока он еще человек — не может обойтись без аналогий, чтобы поскорее уяснить для себя нечто совершенно новое. Он все сравнивает с известным ему опытом. Да и ладно. Важен не метод, важен результат... Миша принюхался.

И ничего не почувствовал.

Нет, на самом-то деле он узнал об окружающем мире очень много. Только не ощутил в нем присутствия кого бы то ни было, похожего на себя. В радиусе нескольких километров оказались сплошь люди. Некоторые из них мирно спали, другие употребляли алкоголь и наркотики, кое-кто совокуплялся... «А где же Катя?» — промелькнуло вдруг. Кати не было.

Миша тихонько зарычал от досады. Когда Долинский намекнул, что Катя отнюдь не за невинными развлечениями ушла в ночь, Миша его отлично понял. Сам мог бы до-

гадаться, увидев на жене юбку, которую подарил несколько лет назад специально для эротических забав, восхищенный и возбужденный тем, как эта штука вмиг сдергивается... И догадался, собственно говоря. Но верить в свою догадку не хотел.

Миша «принюхался» снова. Никого. Глухо. Он закурил и медленно двинулся в глубь жилой зоны. В какой-то момент ему послышалось далеко-далеко, на самой границе восприятия, слабое шуршание, и он, бросив сигарету, метнулся в ту сторону. Ничего.

Из головы не шла Катя — как в своей блядской юбке, так и без нее. Яркая, красивая, любимая женщина, ежемесячно превращающаяся волшебным образом в смертельно опасную голодную суку.

Суку, которая его, своего избранника — столько вместе прожито и пережито! — всего лишь терпит.

Ужасная несправедливость — именно в те дни, когда новое восприятие мира позволяло раствориться в любимом человеке, душу его в ладони взять и расцеловать, Катя мужа отталкивала. Месяц назад, в предыдущем своем перевоплощении, Миша впервые остро и глубоко почувствовал, как много дает человеку это измененное состояние. Ощущения и эмоции обострились до безумия, к ним прибавились другие, не ведомые ранее. Прежний Миша, когда ему чего-то хотелось, не терял над собой контроль и не шел к цели напролом всего лишь потому, что не умел по-настоящему хотеть. Миша нынешний мог убить, чтобы отнять понравившуюся ему вещь — и получить дикое, зверское наслаждение от обладания этой вещью...

Миша остановился, задумчиво глядя под ноги. Снова достал сигареты, закурил. Что-то с ним происходило. «Убить? Отнять? Насладиться? Да, можно попробовать. А можно еще попытаться убить бесцельно — и посмотреть, каково это. А можно... Все, что раньше было запрещено. Все, что тебе запретили другие, или ты сам — из-за того, что хотел быть как другие. Нарушение табу наверняка доставит огромное удовольствие. Смысл не в том, что новые возможности позволяют тебе совершать любые поступки и оставаться безнаказанным. Нет, главное — исчез моральный запрет. Я и правда — могу. Все могу.

И ничего не хочу. Мне нужно большее. Другое».

Наконец-то он понял, что происходило с Катей. Ощутив себя не только способной на все, но и достаточно сильной, чтобы реализовать это, она не устояла перед соблазном. Красивая девочка из интеллигентной, но бедной семьи, Катя выросла с ощущением, будто ей чего-то в жизни недодали. Теперь она хотела получить все и сразу, пользуясь своими новыми возможностями. И хватала то, что попадается под руку. В первую очередь — свободу. Волю.

Мише стало уже не так горько. Просто немножко грустно. Но теперь он, кажется, знал, что будет дальше. Он довольно скоро в своем развитии догонит Катю. А когда они окажутся на одном уровне, Миша наверняка снова Кате понравится. И все у них сложится очень хорошо. Надо пока немножко потерпеть. Все само получится.

Ждать и не сопротивляться тому, что происходит с тобой. И ты станешь таким, какого она уже не оттолкнет. Напротив, захочет. Пока что даже этот увалень Долинский, кастрат несчастный, ей интереснее, чем ты...

Миша хихикнул. Сравнение Долинского с кастратом ему показалось очень метким. Недовампир-перечеловек. Никто. Единственный представитель нового вида, по умолчанию обреченного на вымирание. Бедняга, тяжко страдающий от одиночества, и изо всех сил пытающийся обратить кого-нибудь в свою веру. Чтобы была хоть малейшая надежда. «Вот что есть у меня и чего нет у Долинского — надежда». Миша представил себе оглушительную пустоту, окружающую бывшего приятеля, и от души пожалел его. «Нужно будет с ним как-то поласковее, что ли. Чутче. Ладно, при случае зайду, поговорю. Заодно разузнаю побольше об этих... охотниках на вампиров. Что за дурацкое слово — вампир? Придумать бы русское». Миша принюхался снова, ничего интересного не заметил, и на секунду Долинскому позавидовал — возможно, тот стоял от Миши в сотне шагов и тоже «нюхал» пространство, но засечь его Миша не сумел бы. Хотя невидимость не могла даже приблизительно компенсировать понесенную Долинским утрату. «Вот ведь не повезло мужику... Всего лишь переспал с какой-то московской бабой — и нате. Совсем один на целом свете! Вообще — один! Жуть. Впрочем, он ведь сам

устроил себе такую судьбу. Мог бы не сопротивляться. А почему он сопротивлялся? Да струсил! Струсил, да. Верно. Кстати, Долинский всегда был трусоват. Недаром «крыша» у него не ментовская и не бандитская, а от ФСБ. Отец был из Комитета, оставил сыночку в наследство связи. И паскудные наши кагэбэшники Долинскому ближе, чем зверообразные братки в погонах и без. Что ж, понимаю. Только на какую гнусь подпишут его однажды покровители в штатском, это ж невообразимо. Жилой дом взорвать, например! Не слабо, а, Долинский?» Тут Миша сообразил, что в нынешнем состоянии Долинский идеальный террорист — да и сам он, в общем, тоже, — и призадумался.

«Дано: есть люди, которые охотятся на вампиров, — тьфу, надо обязательно придумать нормальное слово, — и Долинский с этими людьми связан. Плюс: Долинский внештатный сотрудник госбезопасности. Выводы?.. Да какие угодно. Нужно смотреть в корень — не как чего делается, а кому и зачем оно понадобилось. Тогда будет ясно, что за процессы идут в городе и можно ли в них поучаствовать или, напротив, отмазаться. Поэтому вывод пока один — с Долинским придется дружить и набираться от него знаний».

Стало немножко холодно. Потому что немножко голодно. И вообще чего-то было надо... Эдакого. Миша не предполагал, что ему этой ночью снова захочется крови, а вдобавок еще и... и... Развлечения? Он думал провести время до рассвета в поисках урода, который погубил Катю («Погубил? Да, да...»). Но, во-первых, никого из ночных — вот это слово! — он не заметил. Во-вторых, навалилось мрачно-задумчивое настроение. Может, всю злобу и ярость он уже выплеснул там, возле дома, за кустами? Пока был до одури голоден? «Надо запомнить: голодный — злой — активный. Значит, планировать важные дела следует на период до еды». А сейчас Миша от нехватки чужой крови в организме почти не страдал. Так, не отказался бы добавить. Прямо как с выпивкой.

А тех троих насильников возле дома он просто съел бы, порвал на мясо и сожрал, если бы не Катя и остатки разума.

Тут Миша совершил второе за ночь открытие. Он сообразил, что имел в виду Долинский, описывая поведение ночного, прожившего в этом состоянии несколько лет. «Большинство вампиров тупеет, Миша...»

Поднявшись над человеческим восприятием бытия, ты оторвешься от человеческих страхов. А значит, совсем иначе будешь оценивать возможные последствия своих решений и поступков.

«Тебе это недоступно, Игорь, — сказал Миша про себя теми же словами и тем же тоном, которым сейчас, во всеоружии знания, мог бы бросить это Долинскому в лицо. — Ты не знаешь, что такое по-настоящему видеть, слышать, ощущать, понимать, хотеть, любить. Ночные вовсе не тупеют с годами. Просто они обретают по-настоящему мощные чувства. И тебе, домашней скотинке, с твоими обточенными когтями и обрезанными крыльями, никогда их не понять».

А Миша уже понимал. Или как минимум был готов к пониманию. Он ощутил, какова сила высшего существа и что она с этим существом вытворяет.

* * *

Он немного удивился, когда обнаружил, что ноги сами привели его назад, на свою улицу, к шестому дому. Миша бродил по затихшему, прямо вымершему ночному городу, размышлял, время от времени «принюхивался» — скорее уже машинально... И вот, пришел.

Здесь жила та девчонка.

«Как это Долинский спросил... Кто она мне? Да никто! Игорь, дурак, по-прежнему делит мир на белых и черных, хороших и плохих, своих и чужих. Остался ксенофобом, как все люди. Не верит, что можно заступиться за того, кто тебе — никто. А я стал уже настолько другим, что могу выручить человека, не задумываясь, почему и зачем. У меня теперь мораль другого порядка. Я — ночной».

От осознания своего нравственного превосходства над людьми у Миши чуть слезы на глаза не навернулись.

Главное, он не искал себе оправданий. Просто был таким, каким стал. Наконец-то гармоничным и свободным.

Во дворе необычно пахло — именно пахло. Легонько несло медициной. И довольно сильно — комбинированным запахом оружия, кожаных ремней и мужского пота. Когда

они уехали, «Скорая» и милиция, Миша точно определить не смог, да его это и не особенно интересовало.

Бедная девчонка крепко спала. Если даже Катин гипноз не сработал, так наверняка ее чем-нибудь укололи. Третий этаж, окно спальни распахнуто настежь. В соседней комнате храпит мать. С горя напилась, понять можно. А отца нет, его у девочки отродясь не было.

Дом кирпичный, на растворе экономили, он весь осыпался, между кирпичами глубокие удобные щели. Миша оглядел стену и мгновенно увидел путь. Поднес к глазам руки. Ну что же, крепкие, сильные, отличные пальцы — если нужно, он на одних руках по стене поднимется.

И Миша полез. Наслаждаясь каждым движением. Приятно открывать в себе дремлющие таланты. Он, конечно, с непривычки осторожничал, и чтобы оказаться в спальне, ему понадобилось минуты три.

Убогая обстановка, портреты киногероев на стенах. Девчонка лежала, вытянувшись в струнку на узкой кровати, и лишь очень внимательный человек — или ночной — заметил бы ее дыхание. Миша присел на корточки и заглянул девчонке в лицо. Почувствовал, как от жалости заныло сердце. Он ведь ее там, в кустах, не разглядел толком. Лет пятнадцать-шестнадцать. Хорошенькая. Наверняка берегла себя для сказочного принца — и вот.

Миша насторожился, принюхался, внимательно оглядел комнату, и ему стало еще горше. Он ошибся. Никто девчонку ничем не колол. Не было здесь ни врачей, ни милиции. Это в Мише наивный романтизм взыграл, наверное. Приезжала братия на поножовщину, что случилась этажом ниже — муж с женой отношения выясняли. А девчонка... Кому она нужна. К ней вообще не поехали бы. Эка невидаль — трахнули. Дай бог разобраться с теми, кого порезали. А потом, в небольшом провинциальном городе заявить об изнасиловании значит лишь навлечь на себя позор.

Она тихо пришла домой, и тут перестал действовать заданный Катей посыл. Девчонка очнулась, все вспомнила, приняла душ, переоделась в чистое, потом немного поплакала, наглоталась таблеток из аптечки и легла умирать.

Миша прислушался к дыханию самоубийцы и понял:

девушка на грани. Может уйти, может и остаться. Как ляжет карта.

Что делать, Миша не знал. Но и спокойно проститься с девушкой почему-то не мог. Как все началось с совершенно иррационального позыва выручить человека, так до сих пор и не закончилось. Он чувствовал себя по отношению к этой девушке... Не ответственным, нет. Но заинтересованным.

Миша осторожно взял девушку за руку. Закрыл глаза. Выпустил из-под контроля себя-ночного. Погрузился в человека, растворился в нем. Чем-то с ним поделился, мягко, ласково, дружески.

Он просидел у кровати неподвижно около получаса. И когда вынырнул обратно в прежнее свое получеловеческое состояние, знал твердо: девушка выживет. Что он с ней сделал, Миша не понимал. Что-то сделал.

Миша поднялся на ноги и сдернул с девушки одеяло. «А ведь действительно хороша. Это не просто очарование молодости, а уже неплохо очерченная красота. Написать бы тебя маслом... Надо же, почти забыл, что я художник».

Он разглядывал ее как свое произведение. Отчасти так и было. Миша только что переписал линию судьбы этой девушки. Этого... просто человека. Всего лишь человека.

«Почему меня тянет к тебе?»

Наверное, припомни Миша, что говорил ему Долинский пару часов назад, он бы нашел однозначный и четкий ответ.

«Стань ты такой же, как я, тебе никто не смог бы причинить боль. А еще, ты никого бы и ничего не боялась. Свободная от страхов, уверенная в себе, любого человечишку видящая насквозь. Ты была бы счастлива».

Девушка лежала перед ним почти обнаженная, в одних лишь трусиках, оттопыренных толстой прокладкой, и Мишу будто невидимая рука схватила за горло от ненависти к подонкам, осквернившим красивое тело. Оказалось, что ни капельки он их не наказал, не казнил. Не было на свете подходящей казни. Да ведь он и не с ними расправлялся. Он в лице этих уродов совсем другого урода искалечить хотел. Не получилось.

«Что же мне еще сделать, девочка? Я опоздал к тебе на

выручку этой ночью. Прости. Конечно, я вытянул тебя из смерти, к которой ты себя приговорила, но это, по сути, мелочь. А может, я могу оградить тебя от будущих несчастий?»

Миша отбросил в сторону одеяло, присел на кровать, протянул руку и осторожно погладил девушку по волосам. Заговорил с ней на своем ночном языке. И она — о, чудо! — почти ответила, почти улыбнулась сквозь полусон-полусмерть. Она понимала, что Миша друг.

«Ты прелесть. Меня не обманут эти синяки, царапины и ссадины, я прекрасно вижу, как ты хороша. Я и сейчас мог бы по памяти написать твой портрет...» Миша склонился к девчонке и легко-легко, чтобы не побеспокоить, символически, поцеловал ее в распухшие губы. Потом еще, чуть крепче. То ли она совсем не чувствовала боли, то ли ей действительно было приятно внимание Миши, но она, не просыпаясь, несмело ответила. Или Мише это показалось? Он снова встал и оглядел девчонку с ног до головы. И понял, как портят картину дурацкие эти трусы с прокладкой. Ломают, разбивают линию.

Миша сам был словно завороженный. Нет, он понимал, что творит, более того, каждое движение старательно разъяснял себе — зачем и почему именно так. Но вздумай кто-то остановить Мишу или хотя бы попробовать отговорить — его убили бы.

Миша раздел девушку. Запахло кровью. Пришлось стиснуть челюсти. Не надо кусаться. Совершенно ни к чему. Катю, например, не кусали. И он не будет. Он просто сделает для бедной девочки все, что в его силах. И самым уважительным для нее образом.

Бесшумно скинув одежду, он лег на девушку, точнее, встал над ней на колени и локти — так ловко, что кровать не скрипнула. Закрыл глаза, чтобы не замечать ими синяков, царапин и ссадин — и ночному зрению приказал не видеть этого. Девушка под Мишей слегка шевельнулась, и только. Он и правда был друг, она доверяла ему. Миша обрадовался и ласково, нежно, осторожно принялся целовать ее маленькие, восхитительно круглые грудки. Поднялся выше — о-о, какая нежная длинная шея, — добрался до губ. Девушка опять едва заметно ответила на его поцелуй. И, кажется, чуть-чуть раздвинула ноги. Миша помог ей коленом, она не сопротивлялась, и тогда он всем весом опустился на нее, подмял под себя, почувствовал, какая она чудесно упругая и юная. Закинул ей руки за голову, чтобы грудь еще чуточку приподнялась. Открыл глаза, взглянул, задохнулся от восторга.

Легонько куснул. Просто так. Для удовольствия.

Когда он вошел в нее, грубо и резко, она почти очнулась. И что-то вроде бы простонала — это Миша и ночным своим видением схватил, и почувствовал по движению губ, в которые впивался. «Нет» или «не надо» она хотела сказать. От непонимания. Все-таки в последний момент она передумала доверять Мише. А потом даже попыталась, сдвигая ноги, вытолкнуть его из себя. И вообще — оттолкнуть. Может, ей казалось, будто это кошмар. А может, и нет. В любом случае Миша, грубо истязавший ее тело — уже рвущееся из-под него, но такое беспомощное перед нечеловеческой силой ночного, — лучше девушки знал, что именно ей нужно.

Ну да, она немножко заплатит за это.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

День рождения генерала праздновали долго и старательно. Начали операцию в стенах управления, развили успех в ресторане, а точку ставить отправились в генеральский загородный дом — теплой компанией, без случайных людей. Пили только водку, разговаривали исключительно о работе и были счастливы.

Поэтому, когда через бильярдную прошел смурной и трезвый незнакомый мужик, один поддатый майор — как раз была его очередь бить по шарам — даже кий отложил в изумлении.

— Это что еще за хрен? — спросил поддатый майор.

— Да вроде Котов, — ответил его соперник, нетрезвый подполковник. — Ты давай, лупи.

— Какой еще Котов?

— Ну, Евгений Котов. Не помнишь, что ли, Жеку-Потрошителя?

— Я думал, его посадили... — неуверенно пробормотал

майор, провожая взглядом длинную сутулую фигуру, скрывшуюся за дверью. — Не помню. Года три назад это было.

— Ага, посадили. Щас. Играть собираешься? Или сдавай партию. Ты все равно ее просрал.

— А чего он Потрошитель? — спросили из угла, где курили сигары и по такому случаю пытались с водки перейти на коньяк.

— Здрасте, пожалуйста! Расчлененка за ним. Топором жену разделал.

— И вовсе не жену, просто бабу какую-то...

— А чего он сейчас без топора?

Повисла напряженная пауза. Товарищи офицеры пытались вникнуть в смысл вопроса.

— Ну, мужик, ты гонишь... — нашелся кто-то наконец.

— М-да? Точно. Извините, гоню...

— Может, коньяк не в то горло пошел. Вот мы сейчас водочки...

— А чего этот Котов вообще тут? — не унимался любопытный.

— Чего тут?

— Ходит чего? Если без топора.

Товарищи офицеры снова ненадолго задумались.

— А чего ему тут ходить с топором?

— Логично. Нет. Нелогично. С топором он хотя бы за бабой побегать может. А без топора он как-то... Не впечатляет.

— Молчи, дурак, а то и водки не нальем!

— Котов ведь был сыскарь, кажется, — вспомнил подвыпивший майор. — Или нет? Черт, много времени прошло. Да я и не знал его почти.

Из угла к бильярду выкарабкался тот самый любопытный. Старший лейтенант по званию, младший из приглашенных по всем статьям.

— Вообще странно это, — заявил старлей. — Зачем он тут лазает?

— Ну догони его и спроси — типа, как дела, уважаемый маньяк? Чему обязаны вашим посещением, а?..

— А вот пойду и спрошу! — старлей заметно качнулся из стороны в сторону.

— На воротах-то его пропустили.

— Это потому, что без топора ваш маньяк Котов почти не виден, — он просочился, гад. Пойду и спрошу! Каково это — расчленить и не сесть? Пусть опытом поделится, а то у меня теща зажилась!

И, шагая с преувеличенной четкостью, старший лейтенант вышел из бильярдной.

— Сходить посмотреть, а?.. — буркнул подполковник.

— Что он сделает, этот Котов, без топора-то? — майор снова взял кий.

— Успокойся, да?.. Ничего не сделает. Только Котов при нашем папе как бы офицер по особым поручениям. Нельзя ему для развлечения по морде шваркать, папа обидится.

— Ты серьезно?! — встрепенулись в углу. — Он все еще в погонах?!

— Я очень серьезно. Вы просто Котова не видите, он в управлении бывает очень редко. И, как правило, рано утром или поздно вечером. Вы, товарищи старшие офицеры, давно отвыкли в такое время на работу ходить.

— Неправда ваша. Я его днем однажды встретил. Не знал, что он тот самый Котов, а то бы документы спросил.

— А он тебе ксиву.

— Ну, я бы и посмотрел, где он сейчас.

— В старом архиве.

— Ты-то откуда знаешь?!

— Да я через этого Котова чуть инфаркт не заработал. Помните, к проверке готовились? Я до ночи засиделся, и еще с утра кучу бумажек на подпись. Выхожу, с дежурным парой слов перекинулся, и он мне — а папа-то до сих пор на месте. Я бумажки хвать, бегу к папе в кабинет. Влетаю в приемную, и тут дверь открывается, а из нее мне навстречу... Блин, наемные убийцы из старого кино. Два урода в длинных серых плащах, и у одного в руке — помповуха спиленная! Прямо, бля, шотган! Да еще урод этот, на хер, — в шляпе! А другой с портфелем! И ка-ак шибанет от этой парочки мне прямо в нос свежей кровищей! И вижу я — пятна едва замытые у обоих на плащах! Это посреди управления, время полночь. Ну, думаю, почти сорок лет я прожил. Криво-косо, однако прожил. Детишек жалко, не успел на ноги поднять... А тот, который с портфелем, глядит на ме-

ня и, видно, всю эту херню с физиономии моей, как с листа, читает. Достает не спеша ксиву: здрасте, говорит, товарищ подполковник, давно не виделись, капитан Котов! Я: ка-ка-ка-кой ка-ка-ка... Ко-ко-котов?!. Чего ржете?! Вас бы туда! Кровью ведь пахнет, кровью — что я, запаха этого не знаю? А Котов, сука, улыбается мне ласково и говорит: тот самый, товарищ подполковник, тот самый! И глаза у него... Ух, глаза. Кто не знает, что такое настоящий психопат, тому не объяснишь.

— Вот как у меня глаза! — обрадовались в углу. — Вот посмотрите!

— У тебя сейчас не те. У тебя сейчас глаза как у вареного порося... Ну, короче, я стою и думаю — он ведь прошел в здание? Прошел. Трупов на входе что-то не видать — сами пустили. И на второй этаж пустили тоже. Прямо с шотганом, портфелем и в шляпе. Выстрелов я не слышал. Если, конечно, у него топор в портфеле и он этим топором папу ухайдакал...

— И портфеля сейчас нету! — сообщили из угла.

— Спасибо, утешил. В общем, я бы тогда долго еще соображал, что к чему. И тут из кабинета папин голос: кто там? А я молчу. А Котов оборачивается к двери и говорит: это подполковник Туровский к вам. Помнит ведь, зараза! Папа ему: скажи, пусть заходит. И Котов мне: заходите. Типа разрешил. Вот.

— Ну а ты чего?

— Ну я и зашел.

— А папа?

— А папа говорит: не ссы, это мой офицер по особым поручениям. Числится в архиве, чтобы не отсвечивал. Ясно? Я ему: извините, товарищ генерал, но как же та знаменитая расчлененка — она имела место или нет? А папа мне спокойно отвечает: та расчлененка, она кого надо расчленeнка, понял?

— Ни хрена себе! — восхитились в углу. — Ну-у... Водки подполковнику Туровскому! И еще раз водки.

Открылась дверь, вошел старший лейтенант. Практически трезвый. Твердым шагом промаршировал в угол, сцапал налитую для подполковника рюмку и одним махом ее опрокинул.

— Ну? — спросили его. — Поговорил с маньяком?

— Не сложилось... — помотал головой старлей. — Но вообще... Хорошо, что он сегодня без топора. Ну и глаза у мужика, бля!

* * *

Котов старлея почти не заметил. Он и собравшихся в бильярдной нетрезвых товарищей офицеров толком не разглядел — прошмыгнул мимо, стараясь не привлекать внимания. Через столовую он бы легко не проскочил, там как раз орали хором «Наша служба и опасна, и трудна». А пьяный сотрудник органов, когда поет эту песню, только кажется расслабленным. На самом деле у него изо всех клапанов сифонит боевой дух. Ну его на фиг, пьяного сотрудника органов, в таком состоянии.

Поэтому Котов прошел через бильярдную. И едва свернул к лестнице, ведущей на второй этаж, как его с неженской силой ухватили за рукав.

— Котик, ты редкая скотина! — произнес осипший от выпивки ангельский голосок.

— Ой, — сказал Котов, оборачиваясь. — Ой, Наташка, какая ты смешная!

— Это шампанское, товарищ капитан. Вкусное шампанское. Ты где был?

— Где был... Пиво пил!

— Ну и дурак!

— Наташа... — Котов шагнул к девушке вплотную. — Я же говорил, не могу. Ты хоть отца спроси, он подтвердит — нельзя мне на люди.

— А мне с какими-то дебилами танцевать — можно, да? Все платье в слюнях. Эх, Котик...

— Красивое платье, — сказал Котов. — И чистое, по-моему.

— А давай его испачкаем!

— Ой, — опять сказал Котов.

Он словно вывернулся наизнанку, весь переродился, встав рядом с этой девушкой. И худоба его уже выглядела не болезненной, а элегантной. Расправились плечи, оказавшиеся неожиданно широкими. А запавшие щеки говорили скорее об аристократизме, чем алкоголизме. Да, было

в нем по-прежнему много от хищной птицы. Но сейчас эта птица смотрелась довольно гордо и почти благородно.

Девушка, стоя на высоких каблуках, была с Котовым одного роста. Очень белая кожа и вьющиеся черные волосы до плеч, милое юное личико. Черное с отливом платье.

Даже нетрезвая улыбка ничего не могла испортить в этом совершенном ансамбле.

— Наташка, ты прямо королева ночи.

— Знаю, я тебе всегда нравилась, — кивнула девушка. — А ты — мне. Но ты скотина, потому что не пришел. Испортил праздник. Они меня всю обслюнявили. Сверху донизу! Все платье...

— А ты бы его сняла, прежде чем танцевать, — предложил Котов.

— Сняла? — Девушка задумалась. — Тьфу, дурак! Издеваешься над бедной нетрезвой женщиной.

— Как можно!

Дверь бильярдной открылась, и к лестнице вышел какой-то пьяный молодой человек.

— О! — обрадовалась девушка, тыча пальцем. — И этот тоже!

— Да? — Котов обернулся.

— М-м-м... — сообщил молодой человек, отрицательно мотая головой.

— Желаю вам счастливого полета, — сказал Котов.

— М-м-м!.. — кивнул тот и поспешно удалился в сторону туалета.

— А что он? — спросил Котов у девушки.

— Что — он?

— Ну, ты сказала — и этот тоже.

— Ай, да все они козлы! У папика одни козлы в подчиненных.

— И я? — притворно расстроился Котов.

— Не-ет, Котик, ну что ты. Ты не козел. Ты — котик. Ну, пошли!

— Наташ, я ведь по делу. Подожди немного, а?

— Это ты подожди. Не дергай папика, он устал. В кабинете спрятался и виски пьет. Как лекарство, говорит. Дай ему продохнуть хоть полчасика. А мы с тобой пока... — она уставилась на Котова жадными блестящими глазами. — Потанцуем!

Котов опять ссутулился и бросил настороженный взгляд на дверь столовой. Там уже притомились распевать и теперь, похоже, выкаблучивали. Музыка сквозь грохот разудалой пляски едва прослушивалась.

В этот момент Котова поцеловали. Губы у Наташи были мягкие, влажные, от нее одуряюще пахло шампанским. И водкой тоже немножко пахло. Котов сомлел и временно утратил чувство реальности. Крепко обнял девушку и буквально впился в нее.

— Только потанцуем, — сказал он примерно через полминуты.

— У меня потанцуем! — воскликнула девушка и почти волоком потащила Котова по лестнице наверх.

Напротив генеральского кабинета Котов попытался затормозить, но его бесцеремонно толкнули вперед.

— Здоровая ты стала... — заметил Котов.

— У влюбленной женщины скрытые резервы включаются, — сообщили ему. — Что ты вообще знаешь о женщинах, Котик?

— Наташ, а, Наташ...

— Ты их вообще любишь, женщин?

— Не очень. Я плохо умею их готовить, — признался Котов.

— Ха! Рассмешил! Какой ты милый, Котик!

— Угу, — согласился Котов безрадостно.

Его впихнули в незнакомую полутемную комнату, освещавшуюся через распахнутую настежь балконную дверь. Котов машинально отметил, что луна все еще очень яркая, но на самом деле уже никакая. Ерундовая луна — для тех, кто понимает. Кончился цикл. Почти месяц более или менее нормальной жизни впереди. Не очень спокойной, конечно, но хотя бы не смертельно опасной.

Не смертельно опасной — всем. Его городу. А может, и всей стране.

Если, конечно, не принимать в расчет чудовище, разъезжающее на длинном черном «БМВ» с московскими номерами. И черт еще знает, сколько таких чудовищ. Котов тихонько вздохнул.

Наташа протянула руку и достала откуда-то из темноты бутылку.

— Выпей, милый, — сказала она тихонько.

Котов покорно глотнул. Это было виски, на вкус — очень дорогое, Котов ничего подобного раньше не пробовал.

Они снова поцеловались, и Котову стало как-то легче. Свободнее. Он глотнул еще, на этот раз от души. «И мне», — попросила девушка. Выпила и поцеловала его. Прошло минут пять. Котов сбросил пиджак и распустил галстук. Расстегнул Наташе «молнию» на платье.

— Погоди, сейчас я тебе на самом деле станцую, — сказала она.

Девушка подошла к балкону и встала в дверном проеме, под серебристо-белым сиянием. Котов подумал, что в полнолуние это выглядело бы гораздо эффектнее, но тогда он просто не мог оказаться здесь.

Наташа, пританцовывая и извиваясь, медленно стягивала платье через голову. У нее оказались удивительно красивые бедра, просто замечательные, и их с каждой секундой перед глазами Котова становилось все больше.

Котов поглядел на бутылку у себя в руке, потом на раздевающуюся девушку, сделал еще глоток, поставил бутылку на пол и пробормотал под нос: «А-а, да пошло оно все!.. Пое...ать!»

Платье куда-то улетело. Девушка мурлыкала: «Котик, иди ко мне, Котик...» Она стояла к нему спиной, упираясь руками в дверной косяк. Чуть прогнувшись, слегка раздвинув стройные мускулистые ноги и приподняв навстречу мужчине прекрасные юные ягодицы.

Котов охватил взглядом открывшееся ему великолепие и решительно шагнул вперед.

Еще через секунду, не менее решительно, — назад.

Он не снял плечевую кобуру — это подтверждал «макаров», непонятным образом прыгнувший в руку. Будто по собственной инициативе.

«Котик, а, Котик...» — ворковала Наташа. Она, наверное, думала, что Котов все никак не может налюбоваться ею. Или штаны расстегивает.

Котов в это время уже нащупал лопатками дверь. Глазами он пожирал скульптурно вылепленную попку девушки.

В коридоре стоял генерал, бледный и напряженный. Котов прикрыл дверь, повернулся и толкнул его.

— Ой, — в который раз за вечер сказал Котов.

— Она в порядке? — быстро спросил генерал.

Котов утвердительно махнул рукой, увидел в ней пистолет и принялся запихивать его в кобуру. Пистолет упирался.

— Пойдем ко мне, — сказал генерал.

За дверью Наташа длинно и умело выматерилась.

* * *

В кабинете генерал протянул Котову бутылку. Котов хлебнул, утерся и, не спрашивая разрешения, упал в глубокое кресло.

— Хорошо, что ты сегодня без топора, — сказал генерал сухо.

— Зачем вы так? — выдавил Котов. — Не надо. Она же мне как родная.

— Вы...бать ты ее тоже как родную хотел?

— Ой, не знаю я, не знаю... Простите.

Генерал уселся на кушетку и, по примеру Котова, выпил прямо из горлышка.

— А что, — сказал он. — Я не против. Для хорошего человека не жалко. Гондон только надень. И целуйся осторожно.

Котов закрыл лицо руками и принялся раскачиваться в кресле вперед-назад.

— Как ты догадался?

— Это просто ужас какой-то... Ну за что мне такое, за что?!

— Хватит ныть, капитан. Отвечай.

— Мы... Мы с Зыковым засекли похожую в этом цикле. Видели со спины, — почти не соврал Котов. — Но сейчас в лунном свете я узнал ее. Она красивая, ее нельзя не узнать.

— Повезло девчонке, что ты ее не накрыл, — генерал тяжело вздохнул и снова приложился к бутылке. — Повезло, да. С красотой, правда, не повезло.

— Давно?.. — только и спросил Котов.

— Ты не поверишь. Четвертый год.

— Не... Не может быть!

— Может, если постараться. Но все старания без толку оказались. Заметил, как она разговаривает? Она же полная

дура. Идиотка, — генерал бросал слова куда-то мимо Котова, в стену, но от этого они еще больнее ударяли.

— Как-то внимания не обратил...

— Ты часто с ней виделся, но мало говорил. Вы больше глазки один другому строили.

— Да ну...

— Ладно, оставь. Ты ей всегда нравился. Правильно, я считаю. Ты мужик. Она мужика за версту чует.

— И что же теперь? — спросил Котов тоскливо. — Что-то ведь можно придумать?

— Поздно уже думать. Вешаться пора. Ее нужно было сразу отправлять в Москву или Питер. Но я тогда не знал, как это делается. Теперь знаю — а толку? Вырастить из нее сверхчеловека уже не получится, в человека обратно переломаться она не может. А обычным уличным кровососом... — Генерал то ли вздохнул, то ли всхлипнул. — Два-три раза в год я ее выпускаю. Это поможет ей протянуть еще несколько лет в более-менее нормальном состоянии. А что дальше будет, мне и думать страшно, веришь, нет, Котов?

— Уж я-то верю, — кивнул Котов. — Но как вам удалось так долго?..

— На транквилизаторах. Дня за два до начала каждого цикла ко мне переселяется доктор и начинает глушить бедную.

— Смелый доктор, — заметил Котов.

— Твой психиатр.

— А-а... — Услышав это, Котов в один миг столько всего узнал и понял разом, что временно утратил способность изъясняться.

— Не из болтливых мужик, да? Все мы тут одной кровью повязаны, дорогой товарищ. И не болтаем. Нельзя.

— Уфф... Я еще выпью?

— Выпей, конечно. Хоть весь бар выпей. Мне как-то уже насрать.

Котов хлебнул изо всех сил, чтобы оглушило.

— А что Марья Михайловна? — спросил он, утираясь.

— А что она? Она мать. Это ее дочь. Тут все просто. Сложности начнутся, когда ты девке серебра вкатишь.

— Не надо... — попросил Котов.

— Знаешь, ты ее действительно трахни, — сказал генерал. — Не пропадать же добру. Тем более тебе не впервой.

— Разрешите идти? — спросил Котов казенным голосом.

— Ах, оно на меня обиделось! — всплеснул руками генерал. — Доложи и топай.

Котов докладывать не собирался. Он сидел, глядя в пол, и скрипел зубами от тоски и безысходности. Генерал встал, подошел к окну, уткнулся лбом в стекло.

— Извини меня, пожалуйста, — сказал он негромко. — Черт, даже плакать уже не получается. Кончились слезы, наверное. И сострадание, похоже, кончилось. Сил нет жалеть ни себя, ни других. Одна злоба осталась. Хочется делать больно. Вот и делаю всем, кто подвернется. Извини, ладно? Так что там у вас?

— У Зыкова вывих тяжелый, с растяжением. К следующему циклу работать сможет, но не в полную силу.

— Зыков не проблема. Пусть себе лечится. «Мастер» — вот проблема.

— Это все-таки был «мастер»?

— Не «был».

— Они... Москвичи его упустили?!

— Хорошее слово — «москвичи»! — генерал коротко хохотнул. — Все они кровососы. Империю досуха выдоили, теперь из России последние соки выжимают. Москвичи... Упустили. Он стену проломил и на завод убежал. Говорят, пока бежал, аж дымился. На заводе они его потеряли. Залез, наверное, в канализацию, а по ней куда угодно выползти можно. Вы тоже молодцы. С «мастера» надо было начинать.

— Он дышал еще. Я сразу понял — клиент серьезный, не простой вожак — и ждал, пока его придавит.

— Придавит... А то, что он проснется, когда ты давить начнешь — группу его кровную давить, — тебе в голову не приходило? Они же все ему... как родные, бля. Как родные.

— Я никогда раньше не видел «мастера», — сказал Котов просто.

— Он хоть на что похож-то? Словесный портрет сможешь?

— Да ну... Там лица нет. Вот если собачью морду ободрать... Типа ротвейлера...

— Все на борьбу с бродячими собаками... — вздохнул генерал. — Как надоело врать-то, го-ос-по-ди... Своих же людей обманываем, которых защищать клялись. Тьфу! Собаки, бля. И волки. Позорные. Слышал, опять под Филином волк бабу загрыз? Местные облаву готовят. И не помешаешь никак. А хор-рошенького волка они бы там словили, если б на день раньше занялись! Килограмм на девяносто. Сорок третьего размера сапогами вокруг трупа натоптано. Одна радость, у тамошних мужиков давно мозги самогоном заплыли. Да и покусы типично волчьи... Ох, надоело врать.

— А может... того? — осторожно спросил Котов.

— Чего того?

— Ну, рассказать. Людям. Сначала нескольким, понадежнее отобрать. А там, глядишь...

— А там, глядишь, московская психушка, — сказал генерал, придвигая к себе бутылку. — А потом убьют тихонечко.

— Тогда сразу всему городу. Раскрыть всю эту липовую статистику по волкам и собакам. Про бомжей тоже. Город поднять, чтобы Москва уже не смогла замять это дело.

— Не поднять, а взбунтовать.

— А вы этот бунт возглавьте.

— Эх, Котов... — Генерал выпил. Закурил. — Эх, Котов. Простая душа. Храброе сердце. Ладно, сделаем вид, что я твоих противозаконных речей не слышал. Давай побеседуем без протокола, по-мужски. Ты хотя бы разок думал, как глубоко эта зараза въелась? Ты можешь представить, кого именно я просил, чтобы сюда ликвидаторов прислали?

— Не представляю и не хочу. Да хоть министра нашего. Что они сделают, когда целый город поднимется?

— Химкомбинат взорвут. Город как поднимется, так и ляжет. Простой выход, да? Самим же проблем меньше. Их этот «мастер» отмороженный давно беспокоит. Статистику, видишь ли, портит.

Котов задумался.

— Не сомневайся, взорвут, — пообещал генерал. — Были уже пре-це-ден-ты. Думаешь, на Чернобыльской атомной станции технику безопасности из спортивного интереса нарушили? Типа посмотреть, е...анет или нет? Эта Припять... Что надо была Припять. Вообще тот регион. Там они слишком активно промышляли.

— Не верю, — отмахнулся Котов.

— Это правильно. Чем меньше веришь, тем здоровее психика.

— Вам к гостям не пора?

— Им без меня веселее. Ну давай спрашивай!

— Что спрашивать?

— За каким хреном я ликвидаторов вызвал.

— Вызвали, значит, надо было, — Котов опустил глаза.

— Это точно. Я ее когда отпускаю, за ней ходит один... человечек. Смотрит, чтобы в неприятности не вляпалась. Он и засек «мастера».

— Хороший, наверное, человечек... — предположил Котов ревниво.

— Нормальный, — заверил генерал.

— Случаем не тот, который нас на вампирские лежки наводит?..

— Хм-м-м... Так вот, он сказал, что вожак стаи, к которой она прибилась, судя по всему, не просто упырь, а «мастер». Ее «мастер». И точно — она утром не пришла, загуляла всерьез. Извини, капитан, не мог я не вмешаться. Слишком большие проценты по этому долгу накапали.

Котов молча сделал жест — все понимаю, без обид — и потянулся к бутылке.

— Я же тогда весь город перетряхнул и наизнанку вывернул, — произнес генерал очень тихо. — Красивая была операция, хоть медаль себе давай. Помнишь? Очистимся от нежелательного элемента, и все такое прочее... А это я искал насильника.

Котов поперхнулся выпивкой.

— ...думал, сначала в камеру к пидарасам его, а потом застрелю при попытке к бегству. Ага. Застрелил.

Котов с трудом сглотнул и отставил бутылку подальше.

— Они говорят, сейчас у него уже не стоит, — генерал откинулся на спинку дивана и смотрел в потолок. — Сейчас он вообще ничто и никто, просто такой... Робот-убийца. Не личность. Но тогда у него стоял, и еще как. И любил он это дело.

— Он ее... — Котов заметил, что генерал не называет дочь по имени, и тоже не стал. — Он ее...

— Да. Обычное дело. С твоей ведь что-то похожее в Москве случилось.

— Она мне потом сказала. Не сказала, намекнула. Ну... Перед самым концом. Перед тем, как убить меня решила.

— Ненавижу москвичей!!!

— Что такое? — прошептал Котов.

— Они принесли мне извинения, представляешь? Извинились за то, что развели срач на моей территории. Они этого урода сюда прислали ночным смотрящим. Узнали, что здесь кто-то промышляет по мелочи, и отправили своего, чтобы навел порядок. А он свободу почуял и сам начал бедокурить. От вседозволенности крыша поехала. Оказывается, они тоже с ума сходят, если за собой не следят. У них все на перекрестном контроле построено. Система, бля. Структура. В Москве они тихие, друг дружке разгуляться не дают. А у нас — тьфу! Один упырь приехал чистить город и сам его засрал! А я думал, почему люди пропадают.

— То есть... Вы раньше не знали? Ну, до.

— До... нее? Нет. Я — не знал. А некоторые из соседей, например, знали. У нас место относительно тихое, спокойное, а, допустим, южнее — путь сезонной миграции бомжей. Представляешь, какая отличная кормушка для кровососов? На северо-запад — большие города, где им и прятаться легче, и выедать население втихаря тоже проще. Вот там уже целые ликвидационные бригады трудятся на постоянной основе. В тесном, блин, контакте с нашими... Такие дела, капитан. Знаешь, просьба у меня к тебе будет.

— Слушаю. — Котов сел прямее.

— Как ты должен теперь понимать, за тобой должок небольшой перед ней... — Генерал забрал у Котова бутылку и коротко приложился к горлышку.

— Еще какой должок! — подтвердил Котов, вкладывая в эти слова куда больше смысла, чем мог бы предположить генерал.

— Не случись с ней этого, не окажись я в курсе...

— ...вам бы и в голову не пришло выслушать меня, когда я сам влип, — за генерала закончил Котов.

— Естественно. Но я уже знал о вампирах в городе. Знал

из-за нее. И был готов услышать от тебя правду. Спасибо, что не удрал тогда, капитан. Спасибо еще раз.

— Пожалуйста, — сказал Котов просто.

— Так вот, капитан. Вдруг случится, что однажды вы с ней столкнетесь ночью вплотную. Да не вдруг, случится наверняка... Рано или поздно тут начнется п...дец! — неожиданно рявкнул генерал. — В общем, если сможешь — не убивай ее. А?

Котов одну руку прижал к сердцу, а другой обозначил какой-то многозначительный жест.

— Я подчеркиваю — если сможешь.

Котов в ответ вздохнул.

— Пусть это будет кто-нибудь другой, — сказал генерал тоскливо. — Совсем другой. Не наш. Чужой.

— Их нужно херачить всем миром, — не очень-то к месту сообщил Котов. — Поднимать народ и бить.

Теперь вздохнул генерал.

— Или найти противоядие. Вакцину.

— На, — генерал протянул Котову бутылку, в которой едва-едва плескалось на самом донышке. — Хлопни... Вакцины. Думаешь, я не хочу устроить им последний день Помпеи? Я — и не хочу?! Но ты сам видел этих... Москвичей. Скажи мне — как? Забудь о том, что они повсюду и буквально все на свете контролируют. Представь, как бы ты справился с одним-единственным таким. Ну?

— Должен быть способ, — твердо сказал Котов и выпил.

* * *

...Котов на ней жениться хотел. Молодая, привлекательная, энергичная. Работала в представительстве крупной торговой сети. Каждый месяц уезжала в Москву на несколько дней. Котову это нравилось. Он и сам бы не отказался выбираться почаще в мир. Нужно видеть, чем живут люди там, за границей маленького городка. Иначе не чувствуешь перспективы. Не понимаешь, какой смысл двигаться вперед, развиваться — ведь у тебя все есть, и ничего уже не надо. Котов свой город искренне любил, но знал за ним гадкое свойство размягчать мозги и доводить до освинения. «Вследствие духовного кризиса и отсутствия моти-

ваций». Эту роскошную фразу Котов подслушал из телевизора — так объяснял свое нежелание участвовать в Олимпиаде какой-то заграничный «летающий лыжник». Котов долго прикидывал, что же это за кризис может быть у человека, добровольно прыгающего с трамплина, и ответа не нашел. Но само выражение запало ему в память. Его даже коллеги некоторое время дразнили Духовным Кризисом. Надо сказать, молодой Котов, с его внешностью чахоточного провинциального аристократа, на ходячий духовный кризис весьма смахивал. Пока рот не раскрывал. Или не брал в руки пистолет. Язык у Котова от рождения был подвешен что надо, да и стрелял опер будь здоров. Языком он неплохо убалтывал начальство, а стрельбой заработал почетную грамоту за подписью знаменитого полковника Попова.

Впрочем, с той же легкостью Котов дотрепался до строгого выговора с занесением. А метким выстрелом едва не ухлопал сержанта Зыкова, не вовремя высунувшегося. Правда, строгача потом сняли, а Зыкову всего лишь отстрелило погон, разорвало портупею и чуть оцарапало плечо. Зыков пообещал затаить на Котова злобу и разобраться с ним, когда тот уволится из органов. Котов обозвал Зыкова тормозящим робокопом и заржавевшим терминатором.

В общем, Котова все любили.

А он почти любил свою Ленку. То есть любил ее очень, но не мог себе признаться в этом. Хотел быть с ней рядом как можно чаще и больше, ее хотел постоянно, без нее впадал в глухую тоску и становился раздражителен. Однако у самого Котова, в его умной и быстро соображающей голове, эти частички мозаики отчего-то не складывались в простое слово «любовь». Может, работа влияла. В милиции не было принято распространяться о чувствах и говорить о женщине в возвышенных тонах. Трудовая жизнь мента к этому не располагала. Начальник отдела, где Котов служил, жену и дочь называл ласково «мои бляди». Менты, если их послушать, не любили, они трахали. И вот про трах болтали часто, помногу, с картинками.

Еще они очень хотели быть хорошими ментами. Но временами уходили в запои, не упускали шанса настричь капусты, иногда брали натурой (и жестоко мстили, если по-

том случалось лечиться), старательно избегали лишней работы. И втайне ужасно боялись, что им когда-нибудь за такое поведение чего-нибудь будет. Страх этот (совершенно беспочвенный, ведь никому ни разу не было ничего) раздражал ментов неимоверно, но избавиться от него они не могли. Во всей городской ментовке водилось, наверное, от силы особей десять, свободных от подобного страха. Но то были товарищи конченые, даже тени особой не бросающие на органы, потому что их уже ни свои, ни чужие не считали за ментов.

Котову этот страх — в его конкретном случае так, страшок мелкий — был отлично знаком. И опять-таки, чего-то в жизни Котова не хватало, чтобы обозначить возникающее иногда сосущее ощущение под ложечкой термином «стыдно».

А вообще городская милиция работала хорошо. Ну, то есть нормально. Как всё в городе, да и в стране, наверное.

Когда живешь без любви и стыда, по-другому и не получится.

Видимо, у них свойство такое, у любви и стыда. Они могут в тебе жить, но пока сам для себя не продекларируешь их, не проговоришь эти слова, не признаешься, что известны тебе эти чувства, — механизм не включится. Они не будут отравлять тебе существование — о, как мешают жить любовь и стыд! — но пока они не проснутся, ты всего лишь полуфабрикат человека.

У Котова — однажды проснулись все-таки. Правда, при столь печальных обстоятельствах, что и врагу не пожелаешь.

* * *

...Лена из очередной поездки в Москву вернулась хворая. Котов ждал ее, а она больным голосом по телефону умоляла его не приходить. Говорила, она сейчас некрасивая и может заразить его гриппом. Бывает такой дурацкий грипп — летний. Хуже не придумаешь. Котов в трубку искренне ныл, а сам уже смирился с мыслью, что придется обождать несколько дней, у него как раз квартальная проверка накатила — вздохнуть было некогда.

И вышло, что встретились они вообще через неделю.

И у Котова сложилось впечатление, что ему не особенно рады. Осунувшаяся, бледная, вся какая-то словно выжатая и скомканная, Лена будто не ерундовую инфекцию перенесла, а серьезную болезнь. Вялая, заторможенная, не реагирующая на шутки и теряющая нить разговора, она сначала просто напугала Котова. Постепенно ему удалось немного расшевелить ее, но...

Она не понимала его. Едва видела. Почти не слышала. И еще — не хотела его совершенно. Между ними, столь близкими совсем недавно, теперь как стена выросла, и стену эту возвела женщина.

Котов терялся в догадках. То немногое, что приходило ему на ум — беременность, последствия тяжелого аборта, всякие там «ломки», — все это к Лене не относилось. Тем более что про первое и второе он ее сразу в лоб спросил и очень внимательно проследил за ответной реакцией, а уж наркоманов-то Котов навидался достаточно. И не только их. Наркомана, сумасшедшего и человека, опасающегося, что его сейчас за дело менты повяжут, Котов навскидку замечал даже в плотной толпе. Опыт сказывался. Нет, с Леной было что-то другое. Вообще другое.

Она взяла отпуск и дни напролет спала. А когда не спала — преимущественно ночью — тупо бродила по дому или сидела у окна, глядя в темноту. Котов забеспокоился. И еще — ему стало плохо. Как в жизни до этого не было. Он ощущал утрату, и она была вдвойне страшна, ведь переживал Котов ее медленно, постепенно. У него на глазах дорогой и любимый человек превращался во что-то, лишь внешне напоминающее человека.

Самое логичное, что мог сделать Котов, — обратиться к специалисту. Был у него доктор на примете. Однажды Котов со своим зорким глазом крупно пролетел: тормознул сумасшедшего наркомана, топающего рано утром по улице с громадным водопроводным ключом в руке. Асоциальный тип оказался психиатром, возвращавшимся домой после ночного дежурства. Так и познакомились. Кстати, профессиональное чутье все-таки не подвело Котова — психиатр уже много позже сознался ему, что полезный в хозяйстве ключ стырил у пьяного сантехника, лежавшего поперек тротуара неподалеку от больницы... Теперь открылся несчастливый повод знакомство освежить.

Котов вкратце описал симптомы, и психиатр как-то нехорошо заморгал. А потом учинил ему настоящий допрос, особенно нажимая на внезапный характер недуга и еще почему-то на факт поездки девушки в Москву. Котов понимал: столица питается душами провинциалов. Достаточно рассмотреть повнимательней телевизионные лица музыкантов, политиков и актеров, перебравшихся на московские хлеба, чтобы сделать вывод — Москва людей сжирает. Но не так же резко, в один укус...

— Может, ты придешь и осмотришь ее, а? — спросил Котов, вконец утомившись отвечать на вопросы. Оказалось, что он больше привык задавать их сам.

— Да чего там смотреть... — психиатр опустил глаза. — Значит, говоришь, родственников нет?

— Бабушка старенькая.

— Адрес знаешь?

— Ну, допустим. Погоди, погоди... Зачем тебе бабушка? Ты что, Ленку класть будешь? — Котов испытал нечто вроде облегчения, но и новый, ранее неведомый страх кольнул сердце. Близкий человек вдруг сошел с ума. Настолько, что нужна госпитализация. Это означало расставание уже насовсем. — Все-таки что с ней?

— Тяжелая депрессия, — по-прежнему не глядя на Котова, отозвался психиатр.

— Вирусная? — съязвил Котов и сам не порадовался удачной хохме. Шутить и язвить становилось с каждым днем все труднее.

Психиатр хмыкнул. Потом усмехнулся. Потом вздохнул и сказал:

— Не смешно.

Встал и принялся вышагивать туда-сюда по кабинету, заложив за спину руки.

Котов глядел на врача и чувствовал, что сам потихоньку трогается. Он подозревал — от него скрывают нечто важное. Эка невидаль! Но сейчас опер имел дело не с игрой подследственного или уловкой свидетеля, не желающего идти соучастником. Дело касалось напрямую жизненных интересов самого Котова. Он с легким ужасом понял, что

почти готов взять психиатра за жабры и припомнить ему тот несчастный водопроводный ключ. Дело из ключа не сошьется, но уж нервов-то попортить человеку Котов сумеет... Естественно, такой выкрутас был не по понятиям и не лез ни в какие ворота — именно поэтому Котов и догадался, что у него от душевной боли едет крыша.

— В общем, гляди, какая ситуевина, капитан, — нарушил тягостное молчание врач. — Я, конечно, могу к ней в гости зайти — с тобой за компанию, чисто по-приятельски, в частном порядке. Но смысл? И так все ясно. Да, подруге твоей не помешает определенная помощь. Только она за этой помощью должна сама прийти.

— Ни фига себе! — изумился Котов. — Хорошая, однако, медицина. А если я, допустим, ногу сломаю, мне как — тоже самому приползать?

— Ты сравнил! Нога не голова. С тех пор как в стране демократия, нам полномочия обрезали. Нельзя принудительно человека подвергать освидетельствованию. Сейчас без веских на то оснований ни соседи, ни милиция, ни родственники не имеют права взять сумасшедшего за жопу и притащить силком в больницу. Если, конечно, больной не опасный, не буйный там, не бегает по улице с... с...

— ...водопроводным ключом, — ввернул Котов.

— С лопатой, — предложил версию психиатр. — Ну еще, допустим, проходит вариант, когда он совсем не жрет и вовсе не шевелится... В общем, нужна реальная угроза жизни и здоровью. Больного или окружающих. Во всех остальных случаях больной должен обратиться к врачу сам.

— До-о-октор... — слабым голосом позвал Котов. — Мне прямо сейчас застрелиться? Как я ее уговорю?

— Спокойно, капитан, — психиатр уселся за стол и потянул к себе перекидной календарь. — Может, и уговоришь... Ага. Значит, если заболела она три с лишним недели тому... Ну вот, уже пора.

— Что пора?

— Погоди. Ты слушай. Значит, у нас через пять дней начнется легонькое, слабенькое полнолуние...

— Я думал, они все одинаковые, полнолуния... — удивился Котов.

Психиатр оторвался от календаря и смерил Котова хмурым взглядом.

— Молчу, молчу!

— ...слабенькое полнолуние. И ты увидишь, как твоей подруге становится лучше. Если будешь наблюдать ее каждый день, то обязательно заметишь, как стронется с места этот процесс. И вот пока ей не стало уже совсем хорошо, и она не забыла, что еще недавно было плохо... Тут-то и будет у тебя возможность с ней поговорить.

— И?..

— И либо ты ее убедишь, что нужно к врачу, либо нет. Будь поаккуратнее. Без грубого давления и неприятных выражений. Даже слово «лечиться» не употребляй. Расскажи о знакомом докторе, очень добром и хорошем. И, мол, доктор тебе сказал, что сейчас идет волна депрессий. Как эпидемия. Особенно часто депрессии возникают на контрасте. Съездил, например, в столицу, мать ее, потом домой вернулся, огляделся и выпал в осадок. А это всего-навсего усталость психики за много лет накопилась. Небольшой толчок — и упал человечек.

— Ага, — Котов кивнул, соображая, как он это будет Лене расписывать.

— В общем, ври поубедительней, — бросил небрежно врач и осекся.

Котов гулко сглотнул. Потом крепко зажмурился. Разжмурился. И спросил — вполне нормальным, деловым тоном:

— А на самом деле?..

Врач подумал-подумал и ляпнул:

— Да это вампиризм!

У Котова отвисла челюсть.

— Думаешь, я просто так с фазами луны сверяюсь? — вкрадчиво спросил психиатр.

— Тьфу на тебя! — заорал Котов, вскочил и пулей вылетел за дверь.

Психиатр утер пот со лба, достал сигареты и, сломав несколько спичек, закурил.

Дверь приоткрылась.

— А знаешь, мне полегчало, — сообщил Котов. — Спасибо. Ну, в общем, я сразу. В смысле, позвоню.

— Обязательно, — кивнул врач. — Обязательно.

* * *

...У Котова был свой ключ, и он вошел в дом. Ожидал найти что угодно, а нашел пустоту. Лена исчезла.

— Ты сколько дней ее не видел? — спросил по телефону психиатр.

— У нас режим усиленный, — пожаловался Котов.

— Короче, ты ее прошляпил. Наверное, она уже в норме, только... Это может быть не совсем та норма, к которой ты привык.

— Хватит пугать меня. Как думаешь, где искать?

— Да хоть в Москве. Слушай, капитан...

— Не хочу слушать! — разозлился Котов. — Чего ты мямлишь постоянно?!

— Я тебе объяснить пытаюсь. Это, конечно, очень грустно, но лучше забудь свою подругу. Ты ей больше не понадобишься. Она другой человек теперь. Уж поверь специалисту. Выкинь ее из головы.

— Я скорее тебя выкину, — пообещал Котов. — Из окна!

Он поехал на вокзал, зашел к кассирам и уговорил их поглядеть, не покупала ли гражданка такая-то билетик — просто взглянуть, по-хорошему, без лишних формальностей.

Гражданка билетик покупала и по нему убыла. В Москву.

«Ты ей больше не понадобишься, — стучало в голове. — Она другая теперь».

— В Москву? — психиатр чуть ли не обрадовался. — Ну-у... Сочувствую. Если вернется, обязательно позвони мне.

— Она может вернуться?! — кричал в трубку Котов. — Может?!

— Капитан, я тебя умоляю, поставь на ней крест. Это больной человек, понимаешь, больной. Переродившийся. Совсем другой.

— Сам ты больной! И другой! Я тебя русским языком спрашиваю — может?!

— Да, может. Доволен?

— Пошел ты!..

Котов напился прямо на рабочем месте, днем. Если без протокола — нажрался в говно. И плакал. Сослуживцы честно пытались отправить его домой, пока начальство не засекло, но фиг у них чего вышло. Тогда они попробовали отволочь недееспособного капитана в свободную камеру, чтобы проспался. И, по закону подлости, в коридоре наткнулись на шефа.

Начальника отдела чуть столбняк не хватил, когда он увидел Котова в таком состоянии.

— До чего же эти бляди мужиков доводят! — возмутился начальник. — Нет, хоть разжалуйте меня, а баба не человек!

— Вирусная депрессия! — сообщил ему Котов, заливаясь слезами.

— Угу. И духовный кризис, — согласился начальник. — Ладно, отдыхай пока, завтра обсудим. Рассолу тебе принесу.

В изоляторе, совершенно пустом по случаю понедельника, скучал дежурный — сержант Зыков. Увидев, какое счастье ему на руках несут, слабо трепыхающееся, он инстинктивно попятился и выпалил:

— Ой, только не это!

— Открывай давай! — потребовали взмыленные опера.

— А может, не надо? А, товарищи офицеры?

— Не ссы, Котяра без пушки, — утешили Зыкова.

— Чего-то он мне и безоружный не нравится, — вздохнул Зыков, звеня ключами.

Котов поднял на сержанта налитые кровью глаза и провозгласил:

— Человек родится в говне!

Зыков придержал было дверь, но его уже вместе с ней оттерли. Сослуживцам не нравился такой Котов, и они спешили поскорее запереть его в холодной. Такой Котов их нервировал. А на самом деле — они просто не понимали этого — пугал.

— ...и вся жизнь человека говно! — вещал Котов. — От памперса обосранного до гроба сраного! И все нормальные люди! Знают! Это! Но почему-то! Зачем-то! Выдумали Москву! И человек туда едет! И видит там всякую херню! И ему приходит!

— Да-да, — согласился Зыков. — Некоторым уже пришло. Мощный приход, аж завидно. Он у вас еще и обкуренный, что ли?

— ...В тупую его голову! Что возможно! Жизнь не говно!

А потом! Он едет домой! Выходит из поезда! И видит — говно! Одно говно! И на контрасте! Понимаете, на контрасте! Хуяк! И нету человека!

— Да в Москве тоже говно сплошное! — крикнул Зыков вслед Котову, уплывающему от него на руках коллег. — Только в обертке конфетной! Что я, не был, что ли, в этой Москве вонючей?

Котова с большим трудом занесли в камеру и сгрузили на нары.

— И нету человека! — воскликнул Котов с невероятной тоской. — А я?! А как же я?!

Сыскари, отдуваясь, вышли в коридор и полукругом обступили Зыкова, прижав к стене.

— Значит, так, сержант. Матрас, одеяло, подушку. Уложить капитана, как дитя малое, нежно и ласково, понял? Если что — вызывать дежурного по отделу. Вопросы?

— Да за кого ж вы меня держите! — обиделся Зыков.

— Захочет общаться — садись рядом и ему поддакивай, ясно?

— Да за кого ж вы меня держите! — обиделся Зыков до глубины души.

— А будешь потом болтать...

— Да за кого ж... Не буду!

И правда, Зыков потом болтать не стал. Хотя мог бы. Котов возжелал общаться. Сержант, как ему и было приказано, сидел рядом, поддакивая, и наслушался такого, что средней руки литератору хватило бы минимум на три книги. Милицейский боевик, детективный роман о коррупции и слезоточивую мелодраму. Фиговые книжонки, но продавались бы они неплохо, все.

А Котов проснулся, выпил пива — про рассол начальник отдела забыл, конечно, — и пошел дальше служить.

И ничего ему за безобразное поведение не было.

А Лену он из головы выбросил. Приказал себе выбросить — и сделал это.

И все пошло как прежде.

Правда, работа у капитана Котова валилась из рук, его заедала тоска, и вообще жизнь будто потеряла смысл. Жить стало удивительно скучно.

Специалисты говорят, именно так ощущаются духовный кризис и отсутствие мотиваций. Догадайся об этом Котов, он наверняка испугался бы, начал шевелиться и вскоре переболел. Ведь «тоска» и «скука» — понятия обыденные, в тоске и скуке от рождения до смерти проколупаться можно, а вот «отсутствие мотиваций» звучит довольно угрожающе, и человек с ним мириться не захочет.

Но Котов умел только красиво трепаться, а называть вещи своими именами — нет.

Он продержался неделю и позвонил Лене. Телефон не отвечал. Котов зашел к ней на работу. Ему сообщили, что Лена уволилась — точнее, просто ушла, когда ей сказали, что такого ценного специалиста не отпустят... ну ладно, пусть уж за расчетом приходит, раз ей приспичило... извините, а вы не в курсе, у нее с головой все в порядке?.. Тогда Котов наведался к ней домой. Лены не было. В квартире нашлись признаки жизни, но едва заметные, неявные. К тому же здесь перестали убирать, мыть посуду и, судя по всему, есть. Еще было темно — шторы повсюду были плотно задернуты. Котов внимательно жилище осмотрел, разве что под кровать не заглянул, присел в гостиной, выкурил сигарету, бросил окурок на пол и растоптал его. Швырнул на стол ключи.

Вышел, захлопнул дверь и снова приказал себе забыть эту женщину.

Ох, зря он под кроватью не посмотрел.

* * *

...Прошел месяц. Котову было по-прежнему очень плохо, но он применил народное средство — ежевечерне выпивать и ежеутренне похмеляться, — и оказалось, что это помогает. Жить не выходило, зато удавалось не замечать жизни, идти мимо нее. Даже смеяться над ней. Из раздолбая и ерника Котова постепенно вылуплялся бессердечный циник. Он уже не язвил беззлобно, а отпускал обидные колкости. И работать перестал — создавал видимость, не более того. На Котова стали нехорошо поглядывать коллеги.

— Эх, угробила нашего Котяру его прошмандовка... — сказал начальник. — Нет, хоть погоны с меня снимайте, а я скажу — бабы должны ходить в парандже и давать исключительно раком!

И на вопрос, почему же только раком, ответил:

— А чтобы морд их блядских не видеть, если паранджу сдует!

Однажды Котов сидел ночью на кухне в своей крошечной однокомнатке, пил водку и вдруг понял, что на него смотрит из-за окна Лена. Смотрит и улыбается. Котов заорал дурным голосом, так, что полдома разбудил: «Ленка! Ленка!», выбежал на улицу и там сообразил: он живет на третьем этаже.

Пришлось еще соседей успокаивать, объяснять, что у него не белая горячка.

— У меня белка, — сообщил он психиатру. — Давай лечи.

— Нет у тебя белки, — сказал психиатр. — Но если и дальше будешь стараться...

— Тогда что это было? — спросил Котов. — Про вампиров не надо, второй раз не сработает.

— Это ведь случилось в полнолуние? — врач потянул к себе календарь. — Ну-ка... Да-а, как раз очень сильное полнолуние имело место, редкое...

— Застрелю, — сказал Котов.

— Сначала я выпишу тебе направление на анализ крови. Сходи, ладно? Прямо сейчас.

— Я все-таки болен... — Котов удовлетворенно кивнул.

— Совсем не похоже. Но провериться надо. А потом стреляй кого хочешь.

Кровь у него была в порядке. «Типичный для наших мест бензин с портвейном, — буркнул психиатр. — Не понимаю, как некоторые эту отраву пьют». А через пару недель Котов впервые в жизни действительно застрелил человека. Вроде при самообороне, но вообще-то — намеренно. Конечно, не с «заранее обдуманным», скорее повинуясь импульсу. Ловили отморозка Вовика Тверского, и этот урод, естественно, побежал не в ту сторону. И погоню случайно возглавил Котов. Вовик споткнулся о дыру в асфальте, вывихнул ногу, заполз на четвереньках в темную подворотню и там притих, сжимая обрез. А Котов, будто нарочно, с утра еще высчитал, от скольких эпизодов Вовика отмажут адвокаты и как несправедливо мало ублюдку придется сидеть. Вывод Котова был однозначен: жизнь — дерьмо. Поэтому, когда он сослепу наступил затаившемуся Вовику на вывихнутую ногу, потерял равновесие и упал в грязь, решение вопроса несправедливости бытия нашлось само. Вовик от боли лупанул в белый свет — точнее, в кромешную тьму — из двух стволов. Факел был знатный, Котов разглядел бритую голову противника и из неудобного для стрельбы положения «лежа в луже» запузырил Вовику пол-обоймы в лоб. Кое-что попало.

Фактически он безоружного расстрелял. Практически — хрен чего докажешь. Реально — как начальство сочтет нужным. В принципе Котов для себя лично особой проблемы не создал: за Вовика мстить никто бы не взялся, он всем ужасно надоел. В то же время Котов нарушил давний уговор ментов с бандитами о порядке разрешения спорных вопросов. Дырки в головах уговором не предусматривались. Город маленький, не Москва и не Чикаго, если пулять во всех негодяев без разбору, можно ненароком соседа грохнуть или там одноклассника, будет потом стыдно... Короче говоря, с Котова свои же могли спросить за неприличное поведение. Уволить к чертовой матери, а то и дело завести. При желании. Если тоже, как Вовик, — надоел. Другому такой подвиг сошел бы с рук без вопросов. Но Котов в последнее время слишком уж откровенно забивал на службу болт, демонстрировал странности в поведении и, что особенно дурно сказалось на его имидже, чересчур резко взял с места на этом пути. Тоже будто напоказ. Поэтому многие в управлении призадумались, не надоел ли Котов городской милиции и чего теперь ему в эдаком разрезе будет.

Только Котову было по фиг. Он надоел уже самому себе.

И когда его вызвали наверх — не в отдел кадров или дисциплинарную комиссию, а прямо к генералу, — он ухом не повел. Его не интересовал ни процесс, ни результат. Разве на генерала вблизи посмотреть? Но Котов подумал и решил, что генерал его тоже не интересует.

— Не ссы, уцелеешь, — пообещал начальник отдела. — Если папа вызывает, значит, пронесло. Он тебя пожурит отечески, и все. Генералы дрючат полковников. А капитаны, они для майоров. Так что возвращайся — я тебя дрючить буду.

— Да я и не ссу, — искренне сказал Котов.

— А зря, — предупредил начальник. — Я тебе по самые

гланды впендюрю. Начинаешь ты мне надоедать, дорогой товарищ Котов. Будто ты и не Котов. Будто тебя подменили.

— В роддоме, — сказал Котов.

Разумеется, генерала Котов видел сто раз. Но поговорить по душам — ха-ха — повода не было. И уж чего Котов не ждал вовсе, так это именно разговора по душам.

Генерал предложил товарищу капитану сесть, разрешил курить, попросил секретаршу принести чаю и завел беседу, которая довольно быстро вывела Котова из пофигического транса и погрузила в состояние тревожного замешательства. Генералу, видите ли, было очень интересно, как товарищу капитану служится. Котов знал за начальниками такую манеру — беседуешь с подчиненным ласково, а в это время одним пальцем его личное дело перелистываешь. И глядишь исключительно в бумаги... Внушает. Только вот личного дела на генеральском столе не лежало. Лежала невыносимо косноязычная докладная о проверке состояния подсобного свиноводческого хозяйства — Котов вверх ногами читал бегло, как любой сыскарь, — да и та в стороне.

Котов не понимал, чего от него хотят, ждал подвоха и нервничал. Потом устал нервничать и попробовал расслабиться. Тут подвох и наступил.

— Что же ты, капитан, этого отморозка так неаккуратно?.. — спросил генерал.

— С перепугу, — Котов очень натурально вздохнул. — Он шмальнул, я в ответ... Рефлекторно.

— Рефлекторно — это я понимаю, — заверил генерал. — К сожалению, закон не всегда понимает.

Котов сделал удрученное лицо.

— Ты бы хоть патрон ему нестреляный в один ствол засунул, что ли. Не мальчик ведь.

Котов снова вздохнул, на этот раз от души.

— Ну, и?.. — генерал смотрел на Котова, прищурившись, и ждал ответа. Котов думал, по фиг ему или не по фиг. Полчаса назад это был не вопрос для него, но сейчас разочарование в жизни немного подрассосалось. Возможно, генерал подарил капитану призрачную надежду на то, что Котов хоть кому-то может быть нужен. Или просто надоело с утра до ночи ощущать себя таким разочарованным.

— Во-первых, — сказал Котов, глядя мимо генерала,

прямо в докладную о свиньях, — на выстрелы ребята быстро прибежали, а я в луже валялся и пока вылез из нее... А во-вторых... Вот не захотел я. И все.

— Почему?

— Да потому, что вор должен сидеть в тюрьме. Сколько украл, столько и должен, на все деньги. А Вовик года через три вышел бы. И не вор он был, а разбойник.

— Предположим, не через три, а минимум пять.

— Какая разница, товарищ генерал? — Котов поднял на начальство честные глаза.

— Если без протокола — никакой, — с подкупающей легкостью согласился генерал. — Хорошо, допустим, ты на подлог не захотел идти из принципа. А эти твои... ребята? Они почему не захотели тебя прикрыть?

— Извините, товарищ генерал, — произнес Котов вкрадчиво, — может, лучше у них спросить?

— Меня твое мнение интересует.

Котов потупился. Еще несколько месяцев назад он бы наврал генералу такого... Даже не с три короба, а с четыре мусорных бака.

— Думаю, я им надоел, — сказал Котов.

Все-таки ему оказалось по фиг.

Секунду-другую генерал молчал. Потом выдвинул ящик, пошарил в нем и шлепнул на стол личное дело. Котов читать не стал, чье. Уж не инспектора Лестрейда, наверное.

— И как же это ты умудрился? — спросил генерал. — Тут ничего дурного не написано. Тут написано, что ты способный парень.

— Это же бумага...

— Ты не крути.

— У меня личные проблемы... — выдавил Котов.

Это оказалось трудно выговорить. Безумно трудно. Котов и представить не мог, до какой степени.

— Ну да, ты пьешь, — сказал генерал (Котов втянул голову в плечи). — Но если сотрудник запил, это само по себе не великая беда. Вопрос в том, из-за чего сотрудник квасит. А если сотруднику еще и внезапно расхотелось служить... Вот я и спрашиваю — что стряслось, парень?

Котов все думал, как бы попонятнее ответить — или порезче, чтобы разговор быстро закончился, — когда гене-

рал повторил вопрос. И то, каким образом он его переиначил, капитана пробрало до костей.

— ТЫ ЗНАЕШЬ — ЧТО у тебя стряслось?

— У меня с личной жизнью... — пробормотал обескураженно Котов.

— ЗНАЕШЬ — ЧТО?

Котов смотрел генералу прямо в глаза и обалдевал. Генерал то ли пытался гипнотизировать его, то ли хотел передать ему нечто безумно важное этими ударениями и акцентами. Намекнуть. Или нет?

— Я... Я точно не знаю. Товарищ генерал.

Взгляд генерала уже переменился. Котова даже сомнение взяло, а вправду ли раздалось невероятное секунду назад. Теперь генерал смотрел на капитана скорее с глубоким сожалением. Как и следовало обозревать непутевого сотрудника, внезапно расхотевшего служить.

— Ладно, — сказал генерал. И легонько вздохнул, чем вовсе Котова добил. — Ты вот что, капитан. Иди пока, служи. Хорошо служи. А когда узнаешь, в какой переплет угодил с личной жизнью... Доложишь лично мне. Не форсируй события, веди себя крайне осмотрительно. По ночам особенно. Приготовься к тому, что ночью в полнолуние может произойти нечто странное. Возможно, тебе придется защищаться. Поймешь, в чем дело, — приходи. Требуй встречи в любое время. Считай, это мое задание тебе. Теперь — свободен.

— Э-э... — Котов медленно поднялся. Он был совершенно ошарашен.

— Большего сказать пока не могу. Свободен! — повторил генерал, сгребая обратно в ящик личное дело.

Котов вышел из управления, слегка пошатываясь, и направился прямиком к ближайшему винному магазину. Ноги переступали сами по себе, глаза смотрели в никуда. Таким вот расфокусированным взглядом капитан и прочел объявление, наклеенное на водосточную трубу:

МОГУ ОХУЕТЬ
НЕДОРОГО

...и отрывная «борода» с телефонами.

Котов ощутил непреодолимое желание схватиться за сердце. Он тоже — мог. Более того, он это сделал только

что, у генерала в кабинете. Но он же не расклеивал объявлений, рекламируя свои недюжинные способности, и не просил оплаты, пусть небольшой!

«Вот она, белка, — подумал Котов. — Напрыгнула. Странно, так не должно быть, я же сегодня с утра похмелялся. Значит, у меня... Крутая белка!» И дико испугался. Впервые в жизни он понял, каков настоящий животный ужас, парализующий тело и волю. Страх осознания того, что ты еще не полностью сумасшедший, но уже — почти. И с минуты на минуту ё...нешься вконец.

Мир перед глазами плыл и двоился. Котов шагал сквозь него по инерции. На следующей трубе обнаружилось аналогичное объявление. Висело оно повыше, наклеенное не поверх гофра, а на гладкую часть трубы. «Помогу похудеть», — прочел Котов.

Просто на гофре некоторые буквы замялись.

Котов хохотал так, что его забрали в милицию.

Бабушка-пенсионерка, торчавшая из окошка неподалеку, позвонила в участок и стукнула. Мол, посреди улицы бьется в приступе белой горячки какой-то алкоголик. Патрульный экипаж отважно настиг Котова неподалеку от места происшествия. И, несмотря на предъявленный документ и даже личное знакомство старшего экипажа с товарищем капитаном, предложил ему проехать. Потому что товарищ капитан по-прежнему время от времени принимался ржать.

Котов проехал, чего там. Ему наконец-то было весело.

* * *

...А потом Лена пришла. Котов засиделся на службе допоздна и возвращался домой практически ночью. Во дворе кто-то поджидал его, стоя в тени. Котов сам не понял, с чего он взял, что это именно по его душу. Но рука уже нырнула в карман за выкидухой, а губы сложились в кривую ухмылку и собирались произнести угрожающее «Н-ну?».

И тут Лена шагнула на свет, под полную луну.

— Здравствуй, Женя, — сказала она. — А я к тебе.

Котову будто мешок на плечи уронили, он ссутулился и перекосился на один бок.

— Ты простишь меня, Женька? — Лена подошла ближе,

совсем вплотную, и Котов ссутулился еще. — Так было надо. Но видишь, я вернулась.

— Что... — Котов подавился словами, казалось, он сейчас заплачет. — Ты... Ты с собой что-то сделала.

— Нравится? — Лена глядела на него снизу вверх и улыбалась.

Котов молча кивнул. Он в жизни не видел такой красивой женщины. И красота ее была не только внешней, красотой тела. Та, прежняя Лена, которую Котов знал до ее загадочной метаморфозы, несла в себе огромный запас энергии, но на выходе чего-то не хватало. Самую чуточку. То ли лоска, то ли блеска. Лена никогда не выглядела зажатой или скованной, нет. Просто казалось, что эта яркая девушка немного стесняется того, какая она. Самую чуточку.

Теперь же Лена словно полностью раскрепостилась. Почувствовала силу и дала ей выход. Котов смотрел девушке в глаза и не находил ни отголоска того, что так легко считывал в глазах других людей и самой Лены когда-то.

Она не видела перед собой никаких проблем. Ни сейчас, ни в обозримом будущем. И не знала никаких страхов.

Даже у Котова — человека, шагающего по жизни с пистолетом за пазухой и серьезным документом в кармане, — проблем и страхов было завались. А у нее — нет.

И вот, свободная и красивая, омытая лунным светом, она приподнялась на цыпочки и легонько-легонько, почти неощутимо, поцеловала его. Словно на пробу: не оттолкнет ли.

Котов обнял ее, прижал к себе, уткнулся носом в мягкие светлые волосы. Почувствовал — заплакать готов от счастья. И все простить. Но что? Прощать было нечего.

Словно яркая бабочка вдруг закуклилась, а потом вышла из куколки вовсе ослепительной. И о каком тут прощении может идти речь?

— Я вернулась, — повторила Лена. — За тобой.

Котов не расслышал. Он был занят тем, что приходил в себя. Возвращался к прежнему Котову, несколькомесячной давности. Тому, которого она любила.

— Ты как? — спросила Лена.

— Да нормально. Ничего. — Котов чуть отодвинул ее от

себя, чтобы получше рассмотреть. Потом снова обнял. — Спасибо.

— За что...

— Ну... Пришла.

Она и пахла теперь совсем по-другому. Не духи сменила, а вот — сама, вся. Так чувствуют люди, когда долго вместе — целый комплекс запахов воспринимают как один. Котову нравился ее новый запах. Сладковатый, немного тяжелый, и при этом удивительно будоражащий.

— Ох... — Котов от избытка чувств пошатнулся. — Слушай, ну пойдем ко мне? Поговорим. Я думаю, нам о многом надо поговорить.

— А может, погуляем немножко? Гляди, какая прекрасная ночь.

Лена глубоко вдохнула ночной воздух, и Котову в том, как она это сделала, почудилось что-то хищное. Большая красивая черная кошка. Она и была вся в черном, своем любимом. Этой, новой, Лене черное особенно шло.

— Знаешь... Извини, но я здорово устал. Мне бы присесть.

Лена посмотрела на него и сказала:

— Да, я вижу. Бедный Женя, тебе было плохо без меня. Ничего, теперь все станет очень хорошо. Гораздо лучше, чем раньше. Поверь.

— Верю, — согласился Котов. Ему уже стало лучше.

В подъезде Лена подтолкнула его, чтобы шел вперед. Котов удивленно оглянулся — она раньше так никогда не делала — и чуть не споткнулся от изумления.

В свете тусклой лампочки он увидел еще одну другую Лену. По-прежнему красивую, но странно, неестественно бледную. И кожа ее на вид казалась шершавой, как наждак.

— Чего уставился? — резко спросила она. — Это пройдет. Забыл, я болела?

Котов протянул руку и осторожно коснулся ее щеки. Да нет, совершенно гладкая кожа.

— Говорю, пройдет. Ну, шевелись же!

— Бедная моя девочка... — вздохнул Котов.

— Ничего. Я ни о чем не жалею, — сказала она. — И ты не пожалеешь, честное слово.

В прихожей Котов потянулся было к выключателю, но Лена остановила его.

— Оставь, ладно? Сам видел, я немножко не в форме. Пока.

— Темно, — извиняющимся тоном сказал Котов.

— Смотри, как луна в окна светит.

— Да. Красивая луна. Яркая. Ладно. Если ты хочешь так...

— Я хочу так.

Котов на ощупь помог ей снять куртку. Луна и вправду давала вполне достаточно света. Лена прошла в комнату, и Котов отметил, как грациозно она шагает. Даже походка у нее изменилась.

— Иди ко мне... — позвала она.

Котов пристроил на вешалку пиджак, заглянул в комнату и порадовался, что не нужно включать свет, — вспомнил, как давно не убирал свое жилище. А окно уже было распахнуто настежь, и в лунном серебряном луче стояла она, женщина его мечты.

— Ленка, ведь я люблю тебя! — вырвалось у Котова.

— А я знаю. И я тебя люблю.

Этот поцелуй оказался совсем не похож на тот, во дворе. И следующий тоже. И послеследующий...

— Лен, погоди... Ну секундочку, — пробормотал Котов. — Я так не могу. Ты не поверишь, но я три дня не мылся.

— Почему же, я чувствую, — она в темноте рассмеялась чудесным колокольчатым смехом.

— Сбегаю душ приму по-быстрому, ладно? Вроде бы горячую воду дали. Я мигом.

— Ну, если тебе хочется...

— Мне просто надо! — Котов не без труда оторвался от девушки и вышел в коридор.

— Тебе понравится то, что ты увидишь, когда вернешься!

Котов услышал, как с кровати потянули одеяло.

— Верю! — крикнул он.

Горячую воду и правда дали. Котов сбросил мятую рубашку и увидел на плече смазанное бурое пятно. Как по засохшей крови проехался — мелькнуло в голове.

А сам Котов только что мелькнул в зеркале. Боковым зрением себя заметил, и теперь, глядя на испачканный рукав, вспомнил — он не узнал этого человека.

Котов резко обернулся к зеркалу. Увидел странно расслабленное бессмысленное лицо. Тряхнул головой. Крепко зажмурился, открыл глаза и лишь тогда отражение признал. «Некто Котов. Шальной. Будто с перепоя. Ну, так и пил же я! Нет... Тут другое».

До него вдруг дошло, что весь отрезок времени с момента, когда Лена шагнула к нему из темноты, он прожил, словно завороженный. Котов всегда о чем-то думал. Постоянно. Ни на секунду не расслаблял голову. Иногда с женщиной в постели обнаруживал, что решает какую-то задачку, всплывшую по работе, или просто вспоминает прожитый день. А тут... Лена принесла с собой множество загадок, и ни над одной из них Котов даже не пробовал задуматься. Лишь в подъезде случился мгновенный прорыв сознания, но мгновенно же и потух.

Она что-то делала с ним. И еще что-то хотела сделать.

Ага, трахнуть.

Стало очень неуютно. Мысль о том, что над его разумом учинили противоестественное насилие, отрезвила Котова и напугала. Он уже совершенно не хотел с Леной спать и вообще предпочел бы ее внимательно разглядеть при свете дня. Котов умел закрываться от «цыганского гипноза», знал кое-что про НЛП и был уверен — на него воздействовали иначе.

Люди так не делают. Не умеют.

«Ой, мама... Спокойно. Без спешки и паники».

Котов поднес рубашку к носу, понюхал, лизнул. Возможно, кровь. Откуда? Кажется, в прихожей он плечом задел ее куртку. Ее куртку...

Он вышел, сдернул с вешалки куртку и свой пиджак.

— М-м-м? — донеслось из комнаты.

— Одну фигню забыл, — небрежно бросил Котов. — Дали воду, праздник-то какой... Я сейчас, милая.

Куртка пахла кровью. И из комнаты тоже ею чуть-чуть тянуло. Хотя, возможно, это была уже обонятельная галлюцинация. На нервной почве.

Точно, кровь. Один рукав пиджака испачкан — это когда он Лену обнимал. А у куртки плечо заляпано. Довольно свежая, едва схватилась. Та-ак, вот тут она наспех застирала. Наверное, прямо у уличной колонки. А тут не заметила. Много было крови. Очень.

Котов опять глянул на себя в зеркало и нервно кивнул отражению. Испуганный, обескураженный, злой Котов его сейчас устраивал.

Все лучше, чем зомбированный.

Потому что зомбируют только покойников.

Главное — не вникать в подробности. Не анализировать глубоко. Самые крупные детали сложить, чтобы вырисовалась общая картина. А мелочи потом. В мелочах самый ужас-то и есть. А ужасаться нельзя. После можно будет, сейчас — ни в коем случае. Это как на воде: ну, далековато заплыл, бывает, нужно плыть обратно. А если станешь прикидывать, хватит ли сил добраться до берега, — точно задергаешься, начнешь паниковать, и тебе конец.

«Господи, за что мне это испытание, за что?!»

Нормальный мент, увидев кровь на одежде любимой, первым делом бросился бы заметать следы. Выручать человека. Но Котов, видимо, окончательно сбрендил. Глядел на свое отражение и думал: единственный человек, которого сейчас надо выручать, — он сам.

Две фразы крутились в голове. «Приготовься к тому, что ночью в полнолуние может произойти нечто странное. Возможно, тебе придется защищаться». И еще: «Ведь это случилось в полнолуние?»

«Я вернулась за тобой», — сказала Лена.

— Не-ет... — прошептал Котов. — Не-ет...

Куртку и пиджак он небрежно бросил на пол.

Под ванной лежал топор. Нормальный среднеразмерный топор, хочешь — дрова руби, хочешь — за женой по дому бегай. Соседка попросила у мужа конфисковать временно. Муж топор отдал легко, со словами: «Это ты, Женька, хорошо придумал, зарублю ведь блядину — и что, из-за нее, сучары бацилльной, снова зону топтать?!» — и табуреткой супругу, табуреткой...

Котов достал топор, взвесил в руке, еще раз посмотрел в зеркало и отражению сказал:

— Мы сначала поговорим, ты понял? Первичный допрос. А там по обстановке.

Закрыл краны и пошел допрашивать.

Из комнаты совершенно точно подпахивало кровью. Едва-едва, но это была именно кровь, уж он-то сего добра нанюхался на службе достаточно. Видимо, когда Лена гипнотизировала Котова, запах до него доходил искаженным и превращался в тот самый тяжелый, сладкий и волнующий аромат. В голове уже превращался.

«Не глядеть, — приказал себе Котов. — Сначала включить свет, и тогда попробовать осторожно, краешком глаза».

Глядеть так и подмывало. Котов представил себе, как она лежит там, в постели, и ждет его... Уфф. И ведь никогда уже такого не увидишь. А стоит вообразить эту картину во всех подробностях — сразу возникает подозрение, что потом нормальной бабы не захочется, покажется вяло и пресно.

Жуть какая-то. Приблизился на пару метров и уже попал под влияние. Котов встряхнул головой. Нет, они будут разговаривать. Сначала Лена объяснит, что с ней творится и что она вытворяет с ним. А там видно будет.

Но вот интересно, каково же это на самом деле, если достаточно лишь подумать — и то все внутри переворачивается?

— Не судьба! — сказал Котов, тяжело вздохнул и хлопнул ладонью по выключателю.

Часть III
НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Грэй не смог защитить хозяина. Пес учуял опасность, надвигающуюся из темноты, развернулся врагу навстречу, зарычал, быстро оглянулся за разрешением атаковать и не понял, что происходит, — его хозяин медленно оседал на землю. Тогда Грэй бросился вперед, но напоролся на очень сильный и точный удар. Очнулся он в одиночестве. Пса мутило, при попытке встать он шатался и падал. Уже занимался рассвет.

Грэй попробовал взять след нападавшего, но потерял его через сотню шагов. Вернулся домой, надеясь увидеть хозяина там, однако тот в квартиру не приходил. Утром Грэя обнаружили соседи и почему-то очень испугались. Они кричали, махали руками, а потом один из них накинулся на пса, размахивая тяжелой железной палкой. Для Грэя не составило бы труда обезоружить человека, но пес настолько ужаснулся творящейся вокруг несправедливости, что утратил самообладание и трусливо бежал.

Со двора его прогнали, закидав пустыми бутылками.

Грэю повезло, если можно назвать везением то, что он выжил, оставшись без хозяина и крыши над головой. В городе, где с утра до ночи все говорят про бешеных собак, громадная овчарка с разбитой мордой, одурело носящаяся по улицам, — обречена. Но Грэй проскочил жилые кварталы и скрылся в парковой зоне. Он пришел туда, где все случилось. Покрутился на месте, потом лег и тоскливо завыл.

На этот-то вой и проломился сквозь кусты милицейский «УАЗ» — о взбесившейся овчарке поступило множество сигналов от общественности, — да только хвост мелькнул в зарослях. Грэй принял решение и начал действовать.

Тот, кто похитил хозяина Грэя, смахивал на человека внешне, но по сути им не был. Редкое существо — лишь два или три раза за всю предыдущую жизнь Грэй чуял таких из-

дали. Они нервировали пса, тот рычал в их сторону, и хозяин недоуменно одергивал собаку. Теперь пришло время заняться поиском нелюдей предметно. И выйти на след пропавшего хозяина через них.

Распухла и болела морда, хотелось есть и пить. Грэй пару раз пробовал обратиться за помощью к людям, но от него шарахались. Одинокая собака, даже при ошейнике с табличкой, вызывала у людей страх. Это было очень странно, Грэй не понимал их реакции. Заработав несколько ссадин от палок и булыжников, пес оставил попытки наладить контакт. Сначала он кормился только на помойках, через неделю приспособился ловить мышей и другую мелкую живность, разнообразив свой рацион. Водой его снабжал ручеек в заброшенном парке, где пес коротал дни. А ночами он прочесывал город.

Нелюди были здесь точно, жили среди людей, но люди почему-то не чуяли их. Встречались нелюди и вправду редко. Иногда Грэй засекал краем сознания легкий отблеск знакомого сигнала опасности и шел на него, но каждый раз метка уплывала раньше, чем пес успевал взять точное направление.

Со временем сигналы показались ему четче — то ли Грэй научился их улавливать, то ли нелюди активизировались. Так или иначе первую свою цель он вынюхал сквозь толстую стену дома. Спрятался за мусорными баками и приготовился ждать.

На улице было довольно светло от луны, но нелюдь пользовалась чем-то большим, чем зрение, возможно, тоже нюхом. Выйдя из дома, она сразу почуяла засаду и заволновалась.

Грэй обезумел. Эта тварь боялась его. Боялась!.. Он сам не понял, что произошло дальше — бац, хлоп, и нелюдь катается по асфальту, сжимая руками глотку, из которой хлещет дурно пахнущая кровь.

Собственно, пес атаковал по всем правилам, как учили на курсах защитно-караульной службы. Бросился, перехватил руку, которую нелюдь выставила перед собой, рванул вниз и в сторону, опрокидывая противника наземь, — Грэй сильно потерял в весе, но инерция помогла, — почувствовал, как вцепились в ошейник... Тогда он выпустил руку из

зубов, потянулся, достал клыками до горла твари и распо-лосовал его.

Все оказалось так просто!

Грэй пережил еще один шок замешательства, куда более сильный, чем от нападения соседа с железякой. Он не посмотрел, что было с нелюдью дальше, — пса гнало прочь ощущение полной несообразности случившегося.

От нелюди остался гадкий привкус во рту. Грэй поспешил налакаться воды и залег в парке. Он легко победил это существо. Но то, которое встретилось им с хозяином, было намного сильнее и опаснее.

Значит, они разные?

Вторую свою нелюдь Грэй взял через месяц, опять при яркой луне. Пес успел здорово одичать, прежние задачи как-то подзабылись, и когда образ хозяина всплывал в памяти, возникало лишь одно желание — давить тварей.

Нелюдь шла по следу, она настигала одинокого мужчину, который, шатаясь во всю ширину улицы, брел куда-то на окраину. Грэй перехватил тварь красиво, та засекла его в последний момент и едва успела дернуться. На этот раз пес не убежал, а внимательно наблюдал, как смертельно раненная тварь ползет, встает на ноги и, шатаясь не хуже своей потенциальной жертвы, пытается уйти. Грэй сопровождал ее, пока та не свалилась вновь, уже насовсем. Но, даже упав, сдохла тварь далеко не сразу.

Следующую ночь Грэй прошлялся по городу безрезультатно, зато уже под самое утро выследил двоих. Пес побежал очень быстро и успел понять, что парочка устроилась на дневку в заброшенной избе. Почему-то твари любили окраины, центр города их не привлекал. Грэй переместился к жилым домам, подкрепился на помойке, встретил там ежа и решил им закусить. Было стыдно и больно. Еж ушел, а Грэй долго выталкивал языком иголки, застрявшие в нёбе.

Потом он вернулся, удостоверился, что добыча на месте, и немного поспал в кустах неподалеку. Проснувшись, запрыгнул в избу через распахнутое окно.

Дневная беспечность тварей была поразительна. Одна нелюдь лежала под продавленным топчаном, другая свернулась калачиком на печи. Эту достать не представлялось

возможным, и Грэй, настороженно урча, сунулся под топчан.

Тварь начала оживать, лишь когда Грэй выволок ее на середину комнаты. До этого пес толкал ее и дергал, но нелюдь не реагировала. Теперь же она что-то жалобно забормотала и, не открывая глаз, попыталась уползти обратно. А Грэй совершил еще одно важное открытие — он не может убить нелюдь просто так. Сонная и вялая, тварь была нелепа, жалка, куда-то подевалась ее аура угрозы, и вообще то, что Грэй чуял сейчас, больше напоминало о человеке, чем об опасной дряни.

Обескураженный, Грэй покинул избу. На бывшем огороде водились мыши, и настроение улучшилось. А ближе к ночи из избы отчетливо потянуло нелюдью.

Грэй снова вошел через окно, уселся в углу и оттуда наблюдал, как твари просыпаются, все больше становясь похожими на себя истинных. Это был момент небывалого триумфа. Сразу две нелюди, едва придя в себя, обнаружили: палач ждет. Грэй сполна насладился их ужасом.

Он не предполагал, что твари могут беззвучно общаться и координировать свои действия. Когда они внезапно бросились на пса — одна схватила поперек туловища, а другая нацелилась перегрызть горло, — Грэя спасло лишь умение ловко драться лапами. И еще, он все-таки был заметно быстрее тварей. Ту, что его грызла, пес изорвал с ног до головы. Вторая испугалась, прыгнула в окно и кинулась наутек. Грэй замешкался и настиг ее уже среди многоквартирных домов с ярко светящимися окнами.

Окраинные переулки вымирали каждый вечер, это Грэй давно знал. Тут редко можно было встретить прохожего. Но в домах-то жизнь бурлила, а ближе к центру — выплескивалась на улицы. Тварь рвалась именно туда. К людям. А люди не любили собак.

Грэй задавил тварь посреди улицы, на мостовой, под жуткие крики, доносящиеся из окон, и ушел. Вслед ему бухнул запоздалый выстрел, по асфальту с визгом разлетелась дробь.

Утром сквозь парк цепью прошли вооруженные люди. Один едва не наступил на Грэя. Потом начали стрелять, далеко. Там, почти за городской чертой, жила стая бродячих

псов, наверное, последняя в округе. Остальных дворняг люди уничтожили раньше. Грэй прислушивался к выстрелам и нервно прядал ушами. Люди среди бела дня убивали его сородичей, пусть неполноценных, но тоже собак. И это совсем обрушило привычную картину мира.

Но не могло ведь быть такого, чтобы людьми управляли нелюди.

Или могло?

В ту же ночь стало ясно: нелюди вертят людьми как хотят. Грэй выследил тварь, когда она подманивала добычу. Два молодых человека очень уверенно шли по улице, и вдруг их движения замедлились, обоих зашатало, потом они, нетвердо ступая, повернули в темный захламленный тупичок. Грэй как раз направлялся туда — там пряталась его цель. Нелюди тоже умели охотиться из засады.

Пес чувствовал: тварь и жертвы связаны, будто нитью, каким-то мощным сигналом. И нелюдь тянет двоих в темноту, выбирая нить. Тянет сильно, непреодолимо для людей. Это была самая опасная тварь из встретившихся Грэю, не считая той, что забрала его хозяина. Грэй засомневался, сумеет ли взять ее коротко и быстро. А люди... Непонятно, чью сторону они примут, если очнутся.

Грэй поступил по-овчарочьи: влетел в тупичок и набросился с лаем на тех двоих, отгоняя от твари. Буквально вышвырнул обратно на улицу. Люди опомнились и побежали. А Грэй развернулся к врагу клыками. Теперь ничто не мешало честной драке.

Тварь попыталась завладеть его волей, как поступала до этого с людьми. То есть Грэй так расценил внезапный холодок в груди и жжение между глаз. Рыча и скалясь, он медленно пошел на тварь, давая ей время испугаться. Обычная собачья тактика, с непременной демонстрацией угрозы перед нападением, действовала на тварей прекрасно — это Грэй уже знал. Главное, не тянуть. Та парочка, которая напала на Грэя в прошлый раз, успела собраться с духом, потому что пес дал ей несколько лишних секунд. Сейчас ничего подобного не будет.

Тварь встала в полный рост — до этого она сидела на корточках — и оказалась высокой, широкоплечей, сильной. Грэй рванул вперед.

В конце тупичка был забор выше человеческого роста. Нелюдь вспорхнула на него словно птица, вроде тех, за которыми пес безуспешно гонялся в парке. Но у птиц не было длинных ног. Грэй цапнул врага за голень и сдернул наземь.

Эта пакость оказалась неимоверно живуча. Грэй распорол ей внутреннюю сторону бедра от колена до паха, вырвал кусок мяса из брюшины, освежевал предплечье и изуродовал лицо. Но она умудрилась схватить пса за глотку, подмяла под себя и теперь давила, давила, давила... А ей на подмогу спешила с улицы вторая. Какая-то не такая, но все равно нелюдь. Мысленно Грэй заскулил от предсмертной тоски — голос подать он просто не мог — и на прощанье засветил твари лапой в глаз.

Похоже, ей это было все равно.

Ее гораздо больше волновала другая нелюдь.

Которая, подбежав, не стала останавливаться, а нанесла сильнейший удар ногой прямо твари в поганую морду.

Грэй кувыркнулся, вскочил — лапы предательски разъезжались — и помотал головой. Вторая нелюдь не промахнулась, она знала, чего хотела. Вытащив из-за пазухи какую-то железку, она теперь яростно колотила ею противника, а тот беспомощно отступал, не пытаясь контратаковать.

Грэй подышал несколько секунд полной грудью, потом изловчился, просунулся вперед, схватил тварь за щиколотку и повалил.

Непрошеный спаситель встретил подмогу одобрительным возгласом, совсем человечьим. Взмахнул своей железкой и так дал распластанной твари по лбу, что у той руки-ноги взлетели на полметра вверх. Потом упали и больше не шевелились.

Они стояли, отдуваясь, — Грэй и его странный компаньон — и смотрели на бездыханную нелюдь. Потом медленно обернулись друг к другу.

— Успе-ел... — выдохнул спаситель. — Успел. Здорово, мужик!

Грэй поднял верхнюю губу. Раньше нелюди не заговаривали с ним. Даже когда он убивал их, они не кричали по-

людски — только рычали и хрипели. Может, они были вообще безголосые. А этот...

— Ну, пойдем.

Спаситель отважно повернулся к Грэю спиной и направился из тупичка вон. На ходу он достал какую-то тряпку и принялся обтирать ею свое оружие.

Грэй прикидывал, не задавить ли и этого на всякий случай.

— Да пойдем же! Пойдем домой. Обедать! А?

Нет, это определенно был не враг. Но и не человек. Нечто среднее между человеком и тварью. Странное. Доброе. И оно не боялось Грэя ни капельки. Уважало его силу, да, но видело в Грэе не опасного зверя, а... Товарища?

— Плюнь на этого вожака! Ты его так уделал, он уже не встанет. Сам подохнет днем. Пойдем лучше поедим. Вкусного мяса!

Грэй тихо заскулил. Его раздирали противоречия. Он совершенно не хотел убивать загадочное существо. И отпустить не мог. Пес оглянулся на поверженную тварь. В той еще теплилась жизнь, но тут пришло знание, что добивать ее не обязательно — до рассвета пусть валяется, а потом сама умрет.

Это знание Грэй каким-то образом позаимствовал у удивительного получеловека.

Тот уходил, небрежно помахивая железкой.

Припадая на все четыре лапы, стеная и кряхтя, Грэй заковылял следом...

* * *

— Ужас и моральный террор, — буркнул Лузгин, разглядывая исполосованную шрамами морду Грэя. — А глаза добрые-добрые...

— Он жутко умный, — сказал Долинский. — Жутко, понимаешь? Все прошлое лето ходил по городу и убивал вампиров. В самый разгар кампании по борьбе с собачьим бешенством. Однажды задавил упыря прямо под окнами пятиэтажки. Куча свидетелей, визг, обмороки, ай-ай-ай, человека загрызли... Генерал меня чуть не со слезами умолял — поймай эту собаку Баскервилей! Я ему говорю: да вы радуйтесь, какая чудная псина завелась, грызет не честных

граждан, а кровососов — побольше бы нам таких бешеных! Вам же работы меньше, двух зайцев убьете, она и вампиров лопает, и подозрения от них отводит... Мне-то грешным делом хотелось, чтобы пес извел еще с десяток гадов. Это была бы просто красота. Только его самого чуть не убили, напоролся Грэюшка на вожака, а с вожаком в одиночку справиться, знаешь ли... Трудно. Помнишь, лапа, как мы ту сволочь отметелили? Ага, помнишь!

Грэй и вправду чуть не кивнул.

— Все помнит! — гордо сообщил Долинский. — Умница. Ой, я испугался тогда. Повезло, монтировку прихватил, будто знал, что пригодится. И слава богу, тот вожак молодой был. Едва оформился, силу осознал свою и пробовал набрать стаю. А я его пас ночами, чтобы потом ментов навести на дневную лежку. Им-то в полнолуние с вожаком связываться опасно — заморочит и убьет. Да и вообще они по вампирам сыскари, между нами говоря, посредственные. Ты не проболтайся, а то обидятся... Значит, вожак сразу двоих подманивает, а тут является Грэй и прямо из-под носа обоих кандидатов уводит! Героический пес. Ты не смотри, что он лапушка, у меня от него пара меток тоже есть, долго мы общий язык искали, ох, долго. Пока я останки его прежнего хозяина, которого вампир убил, не нашел случайно. Вот тогда страдания кончились, тогда Грэюшка погоревал-погоревал и стал мой...

Лузгин слушал, кивал и составлял в уме список вопросов. Ему не хотелось перебивать Долинского — вдруг тот прервет монолог и закроется. Кажется, этот сильный и одинокий человек очень, очень, очень давно никому не изливал душу.

Они сидели у Долинского на веранде и попивали чаек. Погода наконец-то разгулялась, пригрело, облака разошлись, и сейчас, когда день клонился к закату, вокруг стояла редкостная благодать. В пригороде было очень тихо. Здесь теперь жила аристократия: милицейские чины, остепенившиеся мафиози и состоятельные друзья-партнеры тех и других — как Долинский.

Люди, осведомленные об истинном положении дел и потому не слишком опасавшиеся ночного визита кровососов. До недавнего времени — не слишком.

— Слушай, я не совсем понял, что ты о ментах. Они и покрывают вампиров, и охотятся на них?

— Представь себе. Ладно, попробую с самого начала. Знаешь, я, наверное, единственный здесь, кто видит картину целиком. Вот будешь еще ты. Только в ночь со мной не просись. Я, конечно, смогу тебя защитить, но в следующее полнолуние каждый час на счету, не до экскурсий.

— Спасибо, мне Вовочки хватило по самое не балуйся, — соврал Лузгин. Он хотел «в ночь». Он чересчур глубоко увяз в этой истории, чтобы не разузнать все до конца.

За стеной отсыпался на толстом ватном одеяле вервольф Вовка — дергаясь, всхлипывая, жалуясь во сне. А здесь в тенечке лежал Грэй, еще одна загадочная душа.

Когда они приехали, Грэй не приплясывал радостно вокруг машины, а молча смотрел, как Лузгин с Долинским тащат из салона под руки измордованного оборотня. Лузгин напрягся, ожидая худшего. А Грэй подошел немного ближе, потянул носом воздух, оглядел Вовку так и эдак, повернулся и лениво потрусил куда-то за дом. Долинский облегченно вздохнул и сказал: «Пронесло. А я боялся». — «И я. Странный пес». — «На самом деле — страшный. Но хороший».

— Возьми еще варенья. Мама делала. А черника очень полезна для глаз — тебе-то, литератору, глаза подпитывать надо регулярно.

— Знаешь, я сладкое не очень.

— Мама делала... — повторил Долинский и укоризненно посмотрел на Лузгина.

— Не помню ее совсем, извини, — сказал Лузгин, послушно накладывая себе черничного. — Все хорошо, надеюсь?

— Да, спасибо. Мамуля активна и деятельна — подыскивает мне невест из хороших семей. И очень расстраивается, когда я говорю, что не время.

— Не время? — осторожно переспросил Лузгин. — Рано?

— Боюсь, поздно. Ладно, не смотри так.

— Близкий человек, которого ты потерял из-за вампиров...

— Да, это была жена. Пожалуйста, без соболезнований — я сам виноват, а «потерял» — растяжимое понятие. Она сейчас в порядке. Наверное, в большем порядке, чем мы с тобой. Послушай, это трудно осознать поначалу, но ты прими как данность — перед тобой не совсем человек.

— Догадался.

— Я переломавшийся вампир.

Лузгин подавился вареньем.

— Быо пзние, — промычал он. — Извини. Я говорю — было у меня подозрение.

— Не страшно? — спросил Долинский, ехидно щурясь.

Лузгин посмотрел на него и вновь увидел не больше того, что открылось ему раньше. Раздвоенное, несчастное, одинокое существо, из последних сил делающее хорошую мину при плохой игре.

В первую очередь — существо человеческое.

— Будет страшно — попрошу Вовку надрать тебе задницу, — честно сказал Лузгин. На оборотня он и вправду очень надеялся. — И много вас таких?

— Насколько мне известно, немного. А Вовка твой, кстати, боец средненький. Полдюжины мужиков разогнать не смог.

— Это вопрос дискуссионный. Зашишевские держали его в постоянном страхе. Ты служил? Правильно. Значит, должен помнить, как давит волю дедовщина. И потом, извини, в железном ошейнике, да на цепи, да против шестерых ты бы тоже не особо повоевал. Бедный Вовка, говорил я ему, чтобы с детьми не заигрывал...

— Да, мы едва успели. Это у меня судьба, наверное, поспевать в самый последний момент, я уж привык. И за собственные ошибки полной мерой платить — тоже, видимо, судьба... А Вовку я потом натаскаю, покажу ему характерные вампирские приемы. Жалко, мало времени. Эх, было бы в запасе хоть полгодика!

— Думаешь, слабоват парень?

— Не в том дело. Вовке нужно распрямить спину и поверить в себя, это вопрос жизни и смерти, когда имеешь дело с упырями. У них собачья реакция на эмоции жертвы: испугался — тебе конец, не боишься — получаешь шанс. Человек, столкнувшийся с вампиром случайно нос к носу, выживает, если у него естественный испуг не переходит в глубокий страх. Попер грудью, обматерил, да просто фамилию спросил — а вампир испарился. Не поверишь, я знаю про одного милицейского сержанта, здоровенного парня,

который спьяну упыря избил, взял за шиворот и в отделение поволок. Решил, что тот его сексуально домогался. Хорошо, встретился им по дороге компетентный товарищ, раньше, чем упырь в себя пришел... — Долинский поймал недоверчивый взгляд Лузгина и пояснил: — Вампир не нападает сразу, он сначала загоняет человека в состояние жертвы, наслаждается процессом... Если упырь не готов тебя обработать по всем правилам, то обычно теряется и спешит уйти. Главное правило — оставь ему возможность скрыться. Потому что, зажатый в угол, он дерется насмерть. Тому сержанту повезло сказочно. Если бы не шел ему навстречу другой мент, опытный, да еще с топором... А ты запоминай, пригодится.

— Не хотелось бы!

— Ну, другим расскажешь... Если я разрешу.

Лузгин молча ждал продолжения. Долинский вдруг приоткрылся с неожиданной стороны — в нем прорезался авторитарный и уверенный лидер, тот, кто может разрешать или не разрешать, по праву сильнейшего в команде. Сильнейшего духом. Фраза была произнесена мягко, но с полной убежденностью: если Долинский сочтет что-то неуместным, он не даст Лузгину сделать это.

— Я попозже тебе объясню, почему так, — сказал Долинский, опуская глаза, будто извиняясь за свою властность. — Понимаешь, сейчас критическая ситуация и расклад совершенно не в нашу пользу. Но случается чудо — появляешься ты и преподносишь на блюдечке надежду. Жалко, я не смыслю в астрологии, но без удачного расположения звезд вряд ли обошлось. Теперь я боюсь одного — что Вовка не столь талантлив, как кажется.

Лузгин закурил и бросил:

— Рассказывай.

Ему просто ничего больше не приходило в голову.

— Ты выживешь при любом развитии событий. Скорее тебе на голову упадет кирпич, чем вампир тебя задерет.

— Это ценно, конечно. И какую роль ты мне отводишь в предстоящем шоу, хотелось бы знать?

— Свидетеля.

Лузгин поморщился. Что-то похожее он уже слышал. В Зашишевье, от Муромского. Кончилось все полными штанами.

* * *

Когда стемнело, Долинский облачился в черный плащ. «Ну, мы пошли на разведку». — «А спишь ты днем?» — «Скорее утром. Мне теперь много не надо, часа три-четыре, и как огурчик». Лузгин вместо комментария хмыкнул. По Долинскому нельзя было сказать, что он регулярно высыпается. Не исключено, подумалось Лузгину, что измененная психика Долинского восстанавливается после нескольких часов сна. Но тело его выглядело нездоровым, затасканным. Впрочем, и у обычных людей в возрасте за тридцать попадаются тоже... Не тела, а организмы. Это уж как с собой обращаться.

«Нам тут держать ушки на макушке?» — «Да что ты! Во-первых, здесь самое защищенное место в пригороде, на каждом дворе по паре волкодавов. А во-вторых, у простых упырей до начала активной фазы еще дней пять, если не больше. Сейчас даже вожаки едва шевелятся. Сегодня на весь город один по-настоящему опасный тип — проклятый сумасшедший «мастер». — «Ты не боишься?» — «Я должен вынюхивать лежки. Больше некому. Менты вычисляют упырей по косвенным признакам, но примерную наводку на место всегда даю я. Милиция без моей помощи может искать вампиров исключительно по кровавым следам — представляешь, что творилось бы в городе тогда? У нас и так по два законченных кровопийцы на десять тысяч жителей. Это ненормально». — «А что, есть незаконченные?» — «Да, нескольких еще можно уговорить остановиться. И одного родные держат на привязи».

Лузгин попробовал вообразить, каково это — уговаривать начинающего вампира остановиться, — и не смог. Зато очень живо вообразил, что за радость держать родственника-упыря на привязи. Нечто похожее он прошел с Вовкой, но в сильно облегченном варианте.

Долинский и Грэй скрылись в ночи. Лузгин накормил Вовку, завернулся в плед и устроился на веранде с ноутбуком. Мечта всей жизни — свежий воздух, шезлонг, неяркая лампа, тишина.

Вовка бесшумной тенью бродил по участку. Уже без ошейника, но все еще на той самой привязи, хоть сейчас и невидимой. Обживался, слушал город, привыкал к относи-

тельно вольной жизни. Вовку заинтересовал хозяин этого дома, и особенно его интриговал Грэй. С такими ненормальными собаками оборотень раньше не встречался. Пес воспринял его как человека — настолько, что Вовка, проявив совершенно человеческую реакцию в ответ, потянулся Грэя погладить. Тут оборотню, конечно, показали клыки. «А мог бы и цапнуть, — заметил Долинский. — Это хороший знак, думаю, со временем они подружатся».

Вервольф чуть не лишился когтей и зубов из-за того, что хотели погладить его самого. На лесопилку пришла дочка одного из мужиков: послала ее мать с поручением, забыв, где прописан страшный, опасный «зверь». Оборотень как раз отдыхал в густой траве — лежал, ушами шевелил, размышлял. Когда девочка подошла к нему и сказала что-то вроде: «Ой, какой бобик», — Вовка благоразумно начал отползать, но было поздно. Его уже гладили. А мужики уже бежали выручать ребенка. От топота и мата девочка испуганно вскинулась и закричала. Всё. Опоздай подмога на пару минут — быть бы Вовке инвалидом.

«Везучий парень, — сказал Долинский. — Пусть его удачи хватит на всех». — «Хорошенькая удача! — усомнился Лузгин. — Бедняга чуть концы не отдал ни за что ни про что». — «Но не отдал же! Поверь, нам и сомнительная удача сгодится. Раньше вообще никакой не водилось». Тут возразить было нечего.

Лузгин раскрыл ноутбук и задумался. «Надо просто все записать, пока не стерлись из памяти разные «вкусные» мелочи. Именно в мелочах, незначительных на первый взгляд деталях иногда прячутся ответы на самые трудные вопросы. О господи! Неужели мне все это не снится? Не поверю, пока не увижу вампира своими глазами. Хотя у меня уже больше месяца есть ручной вервольф... Может, ну их, вампиров? Укусят еще ненароком. А вдруг я предрасположен к этой гадости? Значит, надо сначала попроситься на анализ крови, и уж потом... А если не укусят, а сразу голову открутят? Любопытную голову? Нет уж!»

Убеждая себя, что очень боится упырей и поэтому не пойдет «в ночь», Лузгин положил руки на клавиатуру.

«Ну, посмотрим, какая вырисовывается картина».

...В стопятидесятитысячном городе сейчас около три-

дцати активно промышляющих вампиров. Такая численность считается ненормально высокой. Вампиры становятся проблемой, уже когда их больше одного на сто тысяч. Потому что контролировать упырей сложно, а стоит их распустить — начнется быстрый рост поголовья и, как следствие, пойдет волна страшных немотивированных убийств. К вампиризму предрасположено не больше процента населения. Но один процент, например, питерцев — уже пара дивизий. А процент москвичей — армия.

Вампиры сильно мифологизированы, и это их основное прикрытие. Столетиями в сознание людей вколачивался романтический образ вампира, и никакие ужастики, показывающие реальные тошнотворные картины «прикладного вампиризма», не могут перебить главный миф — о всесилии и бессмертии упырей. Этот миф владеет умами и, из-за свойственного человеку стремления к безграничной свободе и силе, владеть ими будет всегда.

Непонятно, был внедрен миф намеренно или человечество само приукрасило свой древний страх. Собственно, пусть историки разбираются, если им интересно, а сегодня важно другое: так называемые «старшие» абсолютно не заинтересованы во всей этой дешевой романтике. Они сами к вампирам относятся не лучше, чем бойцы из милицейских и фээсбэшных «ночных команд». С омерзением. Вампиров следует давить.

Потому что вампиры — это не настоящие вампиры.

То есть вампиры — совсем не то, что вы думаете.

Настоящий вампир, «старший», крови не пьет. Он сидит на тщательно сбалансированной диете, а сверхчеловеческие свои потребности удовлетворяет, запитываясь от энергетических потоков, в реальность которых остальное человечество не верит. «Старшие» действительно весьма долговечны, они живут лет по полтораста, иногда немного больше, и до самого конца остаются активны. У них чрезвычайно закрытое сообщество, повседневная его деятельность окутана тайной, известно лишь, что в двадцатом веке, когда достаточно развилась наука, основные усилия «старших» были перенаправлены на изучение собственной природы. По оценке Долинского, «старших» в России примерно двести, а всего на планете несколько тысяч.

Они влиятельны, но ни в коем случае не правят миром. Они скорее добиваются влияния, чтобы более эффективно от мира отгораживаться. Справедливо полагая, что нынешнее человечество недостаточно гуманно, дабы принять их такими, какие они есть. С отвратительным довеском в виде упырей.

Все контакты «старших» с обществом идут через «мастеров». Это относительно молодые особи, еще способные на проявления «традиционной человечности» и потому успешно взаимодействующие с людьми. Сейчас в России «мастеров» что-то около сотни. В их ведении работа с кандидатами в «старшие» и контроль внеплановых инициаций. Попросту говоря — пробуждение тех, кого наметили, и уничтожение тех, кто стал кровососом. «Мастера» сильны физически и живучи. Умеют за считаные мгновения подавлять человеческую психику. Но тут многое зависит от, казалось бы, мелочей. Опытный «мастер» гарантированно может усилием воли блокировать нервную систему вампира. Но вот завоевать симпатию человека, почуявшего «нелюдь», у него получится вряд ли. А простых граждан, каким-то шестым чувством вычисляющих чужака, очень много. С ними действуют лишь силовые методы: заставить, принудить, наконец — толкнуть в обморок, чтобы не мешали.

Трудно сказать, насколько сильны в этом плане «старшие», но «мастера» точно не всемогущи. Теперь известно, что два молодых русских «мастера» погибли в окрестных лесах при попытке отловить странного мутанта, который оказался устойчив к грубой ментальной атаке.

Теоретически группа охотников на вампиров, правильно замотивированная и хорошо знающая, что ее ждет, справится с «мастером». Правда, у того будет серьезная фора. Он почует опасность издали и либо уйдет, либо приготовится к комбинированной обороне, сочетая нормальное оружие и личные возможности ментального подавления. Насколько это все реально, никто не проверял — нет необходимости. К тому же, если верить слухам, в русских «ночных командах» по два-три человека, и команд таких от силы десяток, по самым крупным городам. Формируются они случайным образом, иногда вообще стихийно, из людей, имеющих личный счет к упырям. Действуют строго по месту жительства.

А на очаговые вспышки приезжают «мастера» из Москвы и Питера. Обычно беду засекают специально обученные «нюхачи», сканирующие пространство на сотни, если не тысячи километров вокруг. Ведется мониторинг и по традиционным каналам — через доверенных лиц «старших» в силовых ведомствах. Эти же люди поддерживают работу «ночных команд», обеспечивая их деньгами, расходными материалами, официальным прикрытием и медицинской помощью.

Не приходится удивляться тому, что мы ничего не знаем об этом противостоянии — в него вовлечено меньше тысячи особей, вампирских и человеческих. Да у нас с работорговли кормится на порядок больше народу! А с порноиндустрии — чуть ли не на два порядка. И убивают в этих, с позволения сказать, отраслях столько же.

Может показаться, будто между цивилизацией людей и микроцивилизацией «старших» налажено трогательное взаимопонимание. Ничего подобного. С начала двадцатого века «старшие» отказываются занимать чью-либо сторону в военных и политических конфликтах. И некоторые властные структуры уничтожили бы «старших» из одной чистой мстительности.

Но без помощи «мастеров» не справиться с вампирами. А «старшие» руководят всеми исследованиями проблемы вампиризма. И в их воле спасение высокопоставленной особы, случайно прошедшей инициацию.

Случайно — потому что любой, кто соприкоснулся хоть раз с «мастером», не захочет добровольно обменять свою человеческую жизнь на эту нечеловеческую, пусть очень долгую и насыщенную. По этому пункту Долинский ничего определенного сказать не сумел, ограничившись фразой «увидишь — поймешь, а там уж описывай, если сможешь». С учетом того, что сам Долинский — переходная форма от человека к «старшему», вероятно, речь идет о проблемах коммуникации с обычными людьми и, как следствие, мучительном одиночестве.

Итак, получается замкнутый круг. «Старшие» нужны людям, а те поставляют «старшим» молодую смену. И все складывалось бы тихо-мирно, когда б не соблазн покончить с унизительным для людей сожительством раз и на-

всегда. В последние годы напряжение росло очень быстро. А пропаганда «старших» — например, они запустили дезинформацию о том, что некоторые техногенные катастрофы были спровоцированы ими для зачистки местности от вампиров, — работала скорее против них. Выходило, что на планете не только орудует неподконтрольная людям жестокая сила, так она еще и разучилась убирать за собой.

А «старшие», кажется, и вправду разучились. Точнее, перестали справляться. «Внеплановые» инициации случались всегда, сколько-то вампиров гуляло само по себе, распространяя заразу, но и обстановка на планете была совершенно другой, и люди — тоже другие.

Есть много гипотез, как должен на самом деле работать симбионт (люди предпочитают говорить «паразит»), внедряющийся в кровь будущего носителя. И не меньше гипотез, почему при внедрении сплошь и рядом идет сбой. Последние несколько столетий вообще не было ни одной безопасной инициации! Любой новичок проходил «вампирскую» стадию, и лишь «старшие» не позволяли ему застрять в ней... При случайной инициации на выходе стопроцентно получится вампир. А то, что он обречен на скорую деградацию и смерть, лишний раз доказывает: это брак. Возможно, не все легенды врут, и когда-то на Земле водились долгоживущие вампиры. Теперь их нет. И слава богу, конечно.

Скорее всего, симбионт-паразит и сегодня отрабатывает свою программу так же верно, как тысячи лет назад. Изменились сами люди. Точнее, в результате деятельности людей химия их среды обитания стала иной. И симбионт губит носителя, вместо того чтобы провести его по пути от человека до «старшего». Вампир приобретает сверхчеловеческие возможности, но употребляет их для банального выживания...

Кажется, на предпоследнем слове палец мимо клавиши мазнул. Лузгин присмотрелся и заметил чудесную опечатку — «анального выживания». Исправил. Закурил. Буркнул «Вов, ты где?» — «Тут, — пришел мысленный ответ из малинника, бурно разросшегося на задворках участка. — Хочешь ягод?» — «Нет, спасибо».

«Вот тебе и сверхчеловеческие возможности, — подумал Лузгин. — Для анального выживания! Страшно подумать, что начнется, если обучить людей мысленной речи, хотя бы на примитивном уровне. Сколько рухнет институтов, отстроенных веками? Сколько профессий умрет? Во что превратится искусство? Собственно, мыслеречь и не речь совсем — Вовка шлет мне образы и ощущения. Может ли он передавать то, что выдумал? Имитировать эмоции? Врать? На мой взгляд, нет. Но это же Вовка, простой и честный. А взять Долинского, который за секунду показал мне объемную картину. Насколько он способен исказить действительность в тех мыслях, что открыл другому? Обязательно расспрошу его об этом. Потому что мыслеречь — опаснейшая штука!»

Лузгин открыл новый файл и быстро застрочил, пока идея не ускользнула.

...Нынешнее мироустройство держится на трех китах: прямой обман, сокрытие информации, фильтрация информационного потока. Государственные, коммерческие, военные, семейные, личные тайны определяют все. Ни одна власть не откровенна с народом, ни одна компания не говорит всю правду своему персоналу, и немногие пары совершенно открыты друг перед другом. Но даже в последнем случае каких-то вещей мы о своих любимых предпочитаем не знать, а какие-то, едва узнав, вытесняем из памяти. Наша психика оснащена фильтрами, оберегающими сознание от перегрузки. Те же фильтры мы встроили в систему общественных коммуникаций. Человек формирует мир под себя, делая его в целом подобным себе. Стыдно признать, но вся эта постоянная многоуровневая ложь — необходима. Как и самообман. Недаром миллиарды землян прячутся в религию от экзистенциального ужаса. Но отомрут ли религии, если вдруг человечеству будет явлена неоспоримая истина о том, «кто мы, откуда, куда идем»? Ни в коем случае. Напротив, как раз религией люди заслонятся от нового знания, буде оно покажется им еще более пугающим, чем прежнее незнание.

Мы выбираем президентами записных лжецов и ловких имитаторов правдивости. Не потому ли, что боимся услышать, как все на самом деле плохо? Мы строго запрещаем рекламщикам обманывать потребителя, но зато учим их

освещать факты под самым выгодным углом. Мы знаем, что множество журналистских материалов цензурируется не редакторами, а самими авторами — настолько страшна открывшаяся им правда, — и рады этому.

Мы очень мало знаем о своем мире — и счастливы.

Да, мы такие. Мы так выживаем. Потому что это естественно для нас. Сколько шансов радикально переменить свою участь мы упустили из-за нежелания докопаться до истины? Великое множество. Какова вероятность того, что перемены сгубили бы человечество — не в его нынешнем обличье, а вообще, безвозвратно? Думается, она близка к единице.

Нашу стратегию выживания можно назвать язвительно — «страусиной», но это двойная ложь, потому что страусы не прячут голову в песок. Хорошо бы честно сказать «трусливая», но почему-то не хочется. А можно дать ей расплывчатое и, на первый взгляд, достаточно адекватное имя «стабилизационная». Однако стратегия, построенная на лжи, блэкауте и самообмане, не обеспечивает и стабильности! Она многим хороша, у нее всего один побочный эффект, но он-то и страшен!

Продолжая носить шоры, однажды мы проглядим тенденцию, которая необратимо вывернет нас наизнанку. Не изменит, а именно вывернет. Плавным, малозаметным, эволюционным путем. С непредсказуемыми последствиями.

До десяти процентов землян — самых умных, неравнодушных и дальновидных — сочтут этот вариант не худшим, интересным, перспективным, забавным, наконец. Сочтут, пока знакомятся с этим текстом. Когда выверт завершится, им станет не менее жутко, чем всем остальным. Но будет уже поздно.

А оно все ближе.

Год за годом зарождаются, расцветают и сами по себе затухают совершенно невероятные — в смысле «не хотим и не будем в это верить» — процессы. Некоторые из них подталкивают общество в ту или иную сторону, но до сегодняшнего дня маятник ни разу не сделал по-настоящему широкого взмаха. Вопрос: это нас трудно раскачать или просто мы удачливы? Возьмем простейший случай, касающийся всех и каждого, — что вы знаете о гомосексуальном лобби в

«Останкино»? Задумывались вы когда-нибудь о том, какое серьезное влияние оно оказывает на вашу повседневную жизнь? Это вам не наркотраффик, не воровство с армейских складов, не пивной алкоголизм подростков, короче говоря, не то, что может убить, если вы ему неудачно подставитесь. Нет, это то, что медленно-медленно, незаметно-незаметно деформирует самую вашу суть.

Между прочим, вашему вниманию только что был предложен тест «поймай идиота». Вы сразу поняли, чего добиваются телевизионные геи? Поздравляем, идиота вы поймали... Ах, если бы они чего-то добивались! В историческом масштабе те, кто стремятся, не достигают ничего. Влияет лишь тот, кто просто хочет быть собой. Результат влияния может выскочить где угодно и как угодно. Его случайным побочным следствием может оказаться даже выбраковка группы влияния. И такое бывало.

А вот еще вопрос из той же области.

Что вы знаете о вампирах?..

* * *

В прихожей надрывался звонок. Минуту-другую Лузгин пытался его игнорировать, но тут в голову принялись долбить с двух сторон — Вовка и Долинский. Оборотень сообщал, что за калиткой два опасных человека. А хозяин, которому снился увлекательный сон, очень просил их впустить, пока он там досмотрит, чем все кончится.

— Экстрасенсы хреновы... — пробормотал Лузгин, натягивая штаны.

Часы показывали девять, по здешним меркам вполне допустимое время для делового визита.

Утро выдалось пасмурным, но без дождя. Пригород безмолвствовал, город тоже не особо шумел, лишь в отдалении шуршала «московская трасса» да едва слышно бубнила громкая связь на железнодорожной станции.

— Кого еще принесла нелегкая...

Вовка нервничал, распластавшись под розовым кустом. А шагах в пяти от калитки застыл чучелом собаки Грэй и, опустив хвост, молча буравил глазами непрошеных гостей.

За калиткой стояла такая дурацкая машина и ожидали двое мужчин столь анекдотической внешности, что, слу-

чись это в Москве, Лузгин решил бы — хотят разыграть. Или ограбить.

Неопределенного цвета автомобиль, весь в крапинку от сквозной коррозии, был, похоже, когда-то «Волгой». Мужчины — один тощий и сутулый, другой грузный и плечистый — тоже знавали лучшие времена. Они рядились в одинаковые серые плащи, мятые и замызганные, причем здоровяк еще украсил себя бесформенной серой шляпой. Сейчас он сдвинул ее на затылок и лениво почесывал бровь стволом обреза. А тощий... Где-то Лузгин уже видел этого типа, смахивающего на птицу-падальщика.

— Доброе утро, — сказал тощий. — Капитан Котов, районный отдел по борьбе с пидарасами. Пидарасы на территории есть?

— А-а... э-э... — уклончиво ответил Лузгин.

— Это хорошо, что у вас нет пидарасов! — обрадовался тощий. — Честно говоря, нам страсть как надоело с ними бороться!

Здоровяк перестал чесаться, зацепил своим обрезом шляпу за тулью и надвинул ее на брови. Обрез у него был из помповухи, громила вертел его как пушинку, да и выглядела эта штуковина в могучей лапище не солидней пистолета.

— Вы, простите, к кому? — осторожно спросил Лузгин.

— Мы ошиблись адресом, — уверенно сказал тощий. — Давай отворяй.

Обескураженный Лузгин мысленно воззвал к Долинскому. Тот не откликнулся — видимо, перипетии сна интересовали его куда больше, чем ситуация у калитки.

«Он же попросил открыть, — подумал Лузгин. — А мне не трудно. Возьму и открою. Пусть дальше между собой разбираются». И тут он вспомнил, где видел тощего. В «Кодаке». «Как этот юморист представился — капитан Какой-то? Разумеется. Мент».

Лузгин повозился с задвижкой и отпер калитку.

— Собака, — предупредил он.

— Кто? — насторожился тощий.

— Не кто, а где.

— А-а... Да она уже на крыльце лежит, твоя собака. Разбирается в людях. Не то что вы, москвичи, — совсем нюх потеряли.

Лузгин оглянулся. Он и не заметил, как ушел Грэй. А Вовка по-прежнему хоронился в кустах, готовый к обороне. Вероятно, он тоже не очень разбирался в людях.

Тощий и здоровяк прошли к дому. Громила на ходу небрежно поигрывал обрезом, и Лузгин обратил внимание, что свободная его рука как-то странно болтается. Вероятно, повреждена.

Наконец-то проснулся Долинский, попросил налить гостям чаю. «Ишь начальник какой, — недовольно подумал Лузгин. — Я тебе не прислуга». Долинский немедленно дал понять, что ему стыдно и он больше не будет. Тут уж, в свою очередь, устыдился Лузгин. Он совсем забыл, что когда Долинский следит издали за происходящим, то видит не столько реальную картинку, сколько ее отражение в ощущениях людей. И, значит, воспринимает все их эмоции.

— Присаживайтесь, я вам чайку сейчас...

— А у нас — вот. Робокоп, предъяви.

Здоровяк положил обрез на стол и той же рукой извлек из-за пазухи бутылку «Зверобоя».

— Тонизирует, — объяснил тощий.

— Вот в чай и налейте, — посоветовал Лузгин.

Пока он возился на кухне, двое успели приложиться к бутылке прямо из горла и теперь курили, развалившись в плетеных креслах. Грэй демонстративно улегся поперек крыльца, отсекая гостям путь к отступлению, но их это, кажется, не волновало ни капельки.

— Вы всегда так день начинаете? — спросил Лузгин хмуро, расставляя чашки. Он основательно недоспал и хамить наглым визитерам считал в порядке вещей. «Приперся, видите ли, рэкет провинциальный ни свет ни заря. В шляпе!»

— Мы так день заканчиваем, — сказал тощий. — Мы, образно говоря, с ночной смены.

— Тяжело приходится? — поинтересовался Лузгин с издевательской участливостью.

— Это зависит, — ответил тощий значительно. — Когда тяжело, оно результативно. Сегодня вот было легко, но толку никакого. А оплата-то сдельная. С каждой педерастической головы. У нас фирма серьезная, приписки невозмож-

ны — мы должны положить на бочку уши. И одно ухо не считается, нужны оба. Эй, Робокоп, помнишь того выродка, у которого уши оказались неодинаковые?

— Угу, — кивнул здоровяк.

— Не зачли нам его, — вздохнул тощий, обшаривая Лузгина прозрачными глазами. — Не зачли... Эх!

Он неожиданно резким движением — таким, что Грэй подскочил, — схватил бутылку и припал к горлышку. Забулькало. Лузгин поежился.

— Но согласитесь, — продолжил тощий, отрываясь от бутылки и даже не переводя дух, — уши гораздо приятнее, чем, например, яйца. Если бы нас заставили резать пидарасам яйца... Не знаю. Наверное, пришлось бы уволиться. Я, знаете ли, брезглив ужасно. Да и Робокоп тоже. Вы не смотрите, что он железный парень. У него тонкая ранимая психика.

— Угу, — снова кивнул здоровяк.

Лузгин, стараясь не впадать в ярость из-за этого идиотского спектакля, разлил чай по чашкам. Он догадался: придурочные менты явились к Долинскому с утра пораньше стрясти денег на опохмелку. И почему-то казалось, что мафиози в подобной ситуации вели бы себя хоть самую малость подостойнее.

Грэй поднялся с крыльца и подошел к столу. По лестнице прошелестели легкие шаги, и на веранду ступил Долинский — свежий, чисто выбритый, в деловом костюме. Лузгин поймал себя на том, что рад ему несказанно. Даже присутствие Грэя и Вовки, надежных ребят, не защищало от душноватого запаха опасности, которым двое в плащах уже провоняли все вокруг.

— Доброе утро, — сказал Долинский.

— Слышь, буржуй, дай денег! — ляпнул тощий. — Пока не началось!

— Могу дать по шее, — Долинский уселся и огладил Грэя, сунувшего морду ему на колени. — Денег — принципы не позволяют.

— Ну вот... — закручинился тощий. — Началось. И так всегда. У кого ни попросишь, все принципиальные. Все по шеям да по шеям...

— Как я понимаю, вы тот самый Котов.

Тощий выпрямился в кресле и вдруг разительно переменился. Он больше не выглядел дешевым хитрованом, играющим придурка. И на падальщика уже не был похож. Напротив Долинского сидело теперь что-то хищное и смертоносное, острое, как режущая кромка.

— Капитан Котов. Сержант Зыков. Прибыли для выработки плана совместных действий.

— Ну вот и свиделись наконец-то... — протянул Долинский то ли ласково, то ли мечтательно.

— Рад знакомству, — отчеканил Котов.

— Доброе утро, — подал голос Зыков. У него оказался приятный и звучный баритон.

— Я, как вы догадываетесь, Игорь Долинский, а это, позвольте вам представить, Андрей Лузгин, журналист. Он здесь... не случайно.

— Мы в курсе. И, кстати, пусть уж третий ваш покажется.

Долинский коротко глянул в сторону кустов, ветки раздвинулись, выглянула озабоченная морда Вовки.

Зыков издал странный звук: не то чихнул, не то подавился.

— Нет, мы не в курсе, — по-прежнему сухо и деловито констатировал Котов. У него на лице не дрогнул ни один мускул. Лузгин, внимательно наблюдавший за реакцией гостей на Вовку, подумал, что капитан дал бы сто очков вперед любому настоящему индейцу.

И тут до него дошло.

«Какой же я идиот! Местная «ночная команда» — вот кто эти двое!»

Вовка убрался обратно в кусты.

— Многое становится яснее, — сказал Котов, провожая оборотня взглядом. — А все остальное еще больше запутывается. Ну, это после. Карты на стол!

Зыков снова полез за пазуху и вытащил офицерский планшет. Котов извлек из него потрепанную на сгибах карту. Лузгин отодвинул чашки, чтобы тому удобнее было развернуть лист. Карта оказалась кое-где протерта до дыр, местами в жирных пятнах, и вся покрыта нарисованными от руки крестиками, стрелками, кружочками. Это был план городской застройки, подробный, с точностью до дома.

Долинский продолжал гладить Грэя. Пес легонько помахивал хвостом.

— Вы где ходили этой ночью?

Долинский подался вперед, секунду помедлил и положил ладонь на северную оконечность города.

— Результатов ноль, естественно.

Долинский кивнул.

— А мы вечером покрутились вот здесь, — Котов ткнул пальцем в противоположный край. — Казалось бы, никакого смысла. Но я решил немного пошевелить дедукцией. От безысходности, наверное. И!.. Вот этот домик знаете чей? Здесь в тупичке два участка всего.

— Там, кажется, Азиз живет.

— Ориентируетесь правильно. Азик. А через улицу от него — Суслик. Неплохо устроились старые приятели и компаньоны, высшей меры на них нет. Оба сейчас нежатся на теплых морях. У Азика в особняке до черта охраны, целый черный муравейник — братья, шурины, племянники, дикий народ, дети гор. Суслик оставил сторожить, как обычно, троих. И собака там была. Мы приезжаем. И что видим? Родня уважаемого Азиза, вся обкуренная вусмерть, справляет какой-то свой байрам. А у Суслика — тихо. Полное отсутствие присутствия, и уже который день. Азиковы племянники сами обеспокоились. Стучали, звонили, кричали — без толку. Хотели перелезть через ворота, но я им строго отсоветовал. Думаю, стаи из трех особей, да с «мастером» во главе, нам хватит по самые помидоры.

Долинский молча взял чашку и отхлебнул.

— Суслик застраивал свой участок еще в начале девяностых, — продолжал Котов. — Обстановку тогдашнюю вы наверняка помните. В те годы выживали только самые умные суслики, барсуки, еноты и прочие их сородичи. Поэтому мы имеем вокруг участка глухой забор два запятая пять метра с шипами и скрытой колючкой поверху. Стены дома толстенные, окна больше похожи на бойницы, закрыты рольставнями. Это крепость. Как ее брать, не представляю. Конечно, ночью что-то должно быть открыто, чтобы «мастеру» уйти и прийти. Но соваться туда после захода солнца — извините, слуга покорный. А днем... Да что днем, что ночью — сначала придется организовать саммит. Нужно

тормошить шефа, чтобы он вышел на Олежку Косого, который, по непроверенным данным, знает цену вопроса. И вот если Олежка успешно перетрет с Сусликом и Азиком, и если те уговорятся и дадут нам карт-бланш, и вот тогда, когда все будет согласовано и охрана Азика закроет глаза на то, что мы вламываемся к Суслику... Я вас не утомил? И теперь я спрашиваю: где эта долбаная зондеркоманда из Москвы?!

Долинский задумчиво изучал Котова. А тот глядел на Долинского, открыто и смело. Что-то между ними происходило.

— Он там. Я его чую, — заключил Котов.

— Мне нравится ваша уверенность, — сказал Долинский. — И совсем не нравится место, которое вы нашли. Надо смотреть немедленно. Я сейчас вызову машину.

— Давайте лучше с нами. Фээсбэшный аппарат слишком заметен.

— Это моя! — Долинский заметно обиделся.

— Какая разница, чья. Люди видят и говорят — ага, КГБ поехало.

Долинского перекосило, будто от желудочного спазма. Видимо, Котов случайно попал ему в больное место.

А может, и намеренно.

— Не расстраивайтесь, — сказал Котов. — Мы еще выпьем, и я в припадке сентиментальности расскажу вам, какой вы на самом деле замечательный. Слово офицера.

Лузгин и Зыков синхронно опустили глаза. Котов не врал и не старался показаться лучше, чем он есть. Просто говорил, что думал.

— Принято, — вздохнул Долинский. — Поедем на вашей. Андрей, останься, ладно?

— Я как раз хотел попросить...

— Да там ничего интересного, — Котов свернул карту и уложил в планшет. — Забор. Дом. Через дорогу обкуренные горные азеры поют тоскливые песни и громко матерятся в паузах. Это звуковое сопровождение несколько оживляет картину. А то было бы страшно.

— Останься, — повторил Долинский. — Здесь же Вовка.

— Виноват, — кивнул Лузгин. — Действительно.

— Вовка, значит... — буркнул Котов, вставая и оправляя плащ. — Ну, если Вовка...

— Надо будет его пробить по картотеке, — Долинский опрокинул в рот остатки чая. — Поможете? Хотя там таких Вовок, наверное, сотни.

— Сотни не тысячи, — вмешался Лузгин. — И должны быть фотографии — вдруг он себя узнает.

— По дороге обсудим, — пообещал Котов. — Только пусть ваш красавец не высовывается, пока я здесь. У меня от него мурашки, и хочется стрелять. Я вообще сначала решил, что вы упыря в кустах прячете. Это оборотень какой-то, да?

— Русский народный вервольф, — сказал Лузгин горделиво, будто сам Вовку породил.

— Значит, его в том году москвичи пропавшие по лесам искали.

— А он их загрыз.

— Молодец, — похвалил Котов. — Я бы тоже кое-кого загрыз с превеликим удовольствием, да грызлом не вышел. А этот все равно пусть не высовывается.

— Вы привыкнете со временем. Вовка славный парень.

— Все мы славные ребята, простые русские парни, железные люди с деревянными головами. — Котов слегка пошатнулся. — Черт, поехали скорее. Игорь, готовы? Оденьтесь, будет дождь.

Долинский покорно натянул плащ. Зыков уже шел к калитке. Спрятать обрез он и не подумал.

— До новых встреч! — Котов махнул рукой на прощание и чуть не сверзился с крыльца. Похоже, он с каждой секундой пьянел. Лузгин знал это состояние — «откат» после стресса. То ли отважному капитану тяжело далось знакомство с Долинским, то ли Вовкино присутствие так повлияло. Но скорее всего сказывалась бессонная ночь, которую Котов прошлялся черт знает по каким помойкам.

— Вы не против, если я сяду за руль? — спросил Долинский.

— Х...й! — емко ответил Котов.

— Она без него не поедет, — объяснил Зыков издали. — Ерунда, кто нас остановит?

— Первый же столб.

— Х...й! — уверенно возразил Котов.

Лузгину это надоело, он повернулся и ушел на кухню. Имело смысл позавтракать и лечь доспать.

На холодильнике лежала районная газета, почти свежая. Лузгин поставил разогреваться вчерашние котлеты и решил посмотреть, чего пишут.

Писали ужасно. Такой кошмарный слог Лузгин встречал разве что в армейских боевых листках. «И ведь эти люди называют себя журналистами, гордятся профессией, — подумал он с горечью. — И каждая жопа, прочитав их галиматью, решает, что тоже может писать. А сколько у нас авторов, которые, гордо ударяя себя в грудь, кричат: «Я — писатель!» И каждая жопа, прочитав их галиматью... Тьфу!»

Давным-давно, при главреде Дмитрии Лузгине, здесь была совершенно другая газета. Настолько профессиональная, что ее ставили в пример некоторым столичным изданиям. Говорят, все советские газеты были одинаковые. Нет, они различались, да еще как. У здешней, например, имелось литературное приложение, из которого «выросла» пара неплохих авторов — их теперь не стыдно и писателями назвать. А сколько хороших журналистов отсюда стартовало... Отец умел находить таланты. Он вообще многое умел и ни одной мелочи не упускал из виду. И получилось так, что именно его манера все делать своими руками газету сгубила. Отец ушел, не оставив после себя устойчивой «школы». Грамотный преемник, крепко сбитый коллектив, наработанные контакты, отличная репутация издания — были. Но уехал в столицу лидер, и из газеты будто вырвали сердце. Несколько лет запущенный отцом механизм крутился по инерции, а потом издание очень быстро деградировало и потеряло собственное лицо. Стало одним из многих провинциальных листков, обслуживающих интересы городских властей — и ничего больше.

Лузгин вздохнул. «Может, и не надо было отцу соглашаться на приглашение в Москву. Высосал его этот жестокий город и высушил. До смерти».

Всю кровь выпил.

Чертыхаясь сквозь зубы, Лузгин по диагонали просмотрел четыре полосы. Единственным относительно нормальным чтивом оказалась колонка происшествий. Пусть и обез-

ображенная неуместно витиеватым стилем, она хотя бы сообщала о дельных вещах. Вот третьего дня на проселочной дороге столкнулись два московских авто. А за сутки до — две воронежских машины. Находят же люди, где встретиться... Лузгин заглянул в раздел частных объявлений.

РЕМОНТИРУЮ
ИНОПЛАНЕТНУЮ
ТЕХНИКУ

— Что-что? — спросил Лузгин вслух и почувствовал, как предательски дребезжит голос.

«Ремонтирую инопланетную технику. Готов оказать содействие в размещении рекламы на бортах НЛО. Писать до востребования, п/я ... Семецкому Ю.М.».

Лузгин раздраженно отшвырнул газету.

Опять кто-то терзал звонок. И теребил за душу Вовка.

И вдруг глухо зарычал Грэй, такой на редкость молчаливый пес.

— Сумасшедшее утро, — сказал Лузгин.

За калиткой ждал вампир.

* * *

К этому гостю Лузгин вышел с ружьем наперевес.

Грэй рычать уже бросил, но стоял непоколебимо, будто в землю врос. Вовка за кустами переместился к забору вплотную, чтобы с одного прыжка достать вампира, если тот вздумает сунуть лапу сквозь решетку калитки.

Лузгин передернул затвор и подумал — странное дело, насколько он перед «ночной командой» дал слабину, настолько же уверенно сейчас двигался навстречу вампиру. Чувствовал за собой крепкий зубастый тыл. Ментов Грэй оценил как очень серьезных противников, Вовку они просто напугали. А тут, казалось бы, монстр явился — и ничего, эти двое его запросто съедят и добавки попросят.

Так кто тогда по-настоящему опасен в городе?!

Или вампир нынче дохлый пошел...

— Здравствуйте, мне бы Игоря увидеть... — пролепетал гость.

Лузгин озадаченно приоткрыл рот.

У калитки переминалось с ноги на ногу существо мужского пола, жалкое и ничтожное. Раздавленное два раза. Бледное, изможденное, какое-то иссохшее. Оно зябко обхватило себя руками, его била заметная дрожь. Глядело существо в землю, длинная темная челка закрывала глаза.

— Игоря нет дома, — сухо ответил Лузгин. — А мы с вами не знакомы случаем?

— Мне некуда пойти, — существо всхлипнуло. — Она меня выгнала. Игорь... Игорь сказал, что я могу обратиться... Если решусь. Вот. Делайте со мной что угодно, только спасите и ее тоже. Хотя бы попытайтесь. Что вам стоит?..

«Ну, вот какие они. Неужели такие? Странно. Игорь советовал не бояться. А я и не боюсь. Мне скорее противно. Интересно, как выглядит это ходячее недоразумение при полной луне. Трудно поверить, что оно через несколько дней превратится в убийцу-эстета, подавляющего волю жертвы и наслаждающегося ее предсмертным ужасом. Хм... И откуда уверенность, будто я давно знаю этого упыря?»

— Я не могу работать, — пожаловалось существо. — Я больше не могу работать. Ни днем ни ночью. Не вижу цвета, не чувствую его. Это не зрение, понимаете, это что-то другое... А она говорит, раз я не приношу денег, значит, я не мужчина, и пошел вон.

Похоже, существо раньше умело быть элегантным. Но сейчас его стильная прическа выглядела неопрятной копной волос, а ультрамодная для здешних мест одежда, сплошь из черной кожи, топорщилась, как на дешевом манекене. И вроде бы существо выросло довольно крупным и мускулистым. Но теперь это не имело значения.

— С ней что-то случилось, она раньше была другая. Я не хочу ее терять, не могу. Я тогда себя потеряю. Пустите, будьте добры. Мне очень нужен Игорь. Он может все решить. Я надеюсь, я надеюсь... Черт побери, отчего все так глупо! Она прогнала меня. За что?!

Лузгин медленно опустил ружье.

— Фима... — позвал он тихонько. — Это ты?

— А я же люблю ее! — выкрикнуло существо дребезжащим фальцетом.

— Фима. Ну-ка, посмотри сюда.

Существо несмело выглянуло из-под челки мутным глазом.

— Помнишь меня? Я Андрей Лузгин, мы учились в параллельных классах.

Существо шмыгнуло носом. Никаких сомнений не осталось, перед Лузгиным стоял Миша Ефимов, школьное прозвище Фима. Приятель, однокашник, ровесник. Только, в отличие от них с Долинским, не повзрослевший, а жутко, невообразимо состарившийся.

— Значит, ты все-таки стал художником.

— Забудь об этом. Я никто. Пусти меня, пожалуйста. Я должен поговорить с Игорем.

— Игоря нет дома, — повторил Лузгин. Вспомнилось из какой-то давно читанной готики: вампир без приглашения не войдет. Но уж если пустил его... Дальше твои проблемы.

— Я дождусь. Разреши войти. Я где-нибудь спрячусь и буду ждать. Я не помешаю.

Лузгин помотал головой.

— Да пойми ты, я не могу здесь, мне плохо. Очень плохо. А если я уйду, то... Куда? Мне нужен угол, чтобы прилечь. Спрятаться. А потом Игорь придет и все сделает как надо, он знает. Лишь бы я выдержал. Но я справлюсь, честное слово.

Позади фыркнул Грэй. Как показалось Лузгину — презрительно.

— Да спаси же ее! — взмолилось существо. — Я не за себя, за нее прошу! Если хоть малейший шанс остался, я что угодно сделаю! Ты скажи! Если надо убить, я убью! А если надо умереть...

И существо заплакало. Оно не хотело умирать. Но ему это предстояло довольно скоро. Пока что не физически — истончалась и усыхала его личность.

Так сказал безмолвно Вовка.

Оборотня уже тошнило от несчастья, транслируемого в пространство существом. Он готов был придушить вампира из жалости к себе, чтобы больше не чувствовать его предсмертную тоску. Вовка мечтал — вдруг у Лузгина сдадут нервы и тот заедет существу прикладом в лоб?

Грэй повернулся и ушел к дому.

Лузгин просунул ствол ружья через решетку и несильно толкнул существо в живот.

— Очнись. Я не понял — ты меня узнал?

— Ну да... — прохлюпало существо, размазывая слезы по лицу. — Ты этот... Сынок редактора.

Лузгин поморщился.

«Что за день сегодня?! Сначала Долинскому припомнили то, в чем он не виноват, теперь мне. До смерти нам, что ли, таскать этот хвост? Сын за отца не отвечает. А потом... Наши отцы были достойные люди. За своего я ответить готов, если очень попросят. И Игорь, наверное, тоже не откажется».

— Вас двое было, крутых, сынок газетчика и сынок кагэбэшника... И опять вы вместе тут... Опять все решаете... Не-на-ви-и-жу...

— Ну и пошел в жопу со своими детскими обидами, — мстительно сказал Лузгин. — Сдохни.

— Андрей! — существо рухнуло на колени, заламывая руки.

— Ах, сразу имя вспомнил! Ох и дурак же ты, Фима.

— Да-да, — затараторило существо, — я дурак, я идиот, прости, я больше не буду!

«Вов, — позвал Лузгин, — ты не сердись, но мы его пустим».

Вовка мысленно выразил такое отвращение, что человек едва не поперхнулся.

«Надо потерпеть, Вов. Он нам пригодится».

— Учти, я знаю, кто ты на самом деле. И собака знает. Дернешься — тебя съедят, — предупредил Лузгин, отпирая калитку.

— Не бойся, не дернусь... — простонало существо, медленно, с заметным трудом, вставая с колен. — Мне ходить-то тяжело. Я болен, вот что я такое. Болен, болен, болен... А когда же Игорь придет?

— Не знаю.

— Поскорее бы. Ох, Андрей, спасибо тебе, спасибо.

Оказавшись в доме, существо развило неожиданную активность. Продолжая беспрестанно хлюпать носом, причитать и благодарить, оно принялось суетливо обнюхивать углы. Прихрамывая, обежало весь первый этаж и спросило:

— А подвал? Где вход в подвал?

Лузгин, который уже умаялся ходить за существом по пятам, только головой помотал. Тогда существо зашло в

«гостевую» комнату, где жил сейчас Лузгин, легло на пол, кряхтя, заползло под кровать и оттуда сообщило:

— Здесь буду.

— Каков наглец, — буркнул Лузгин.

Подошел Грэй. Шумно потянул носом воздух. Существо опасливо пискнуло.

— Грэй, фу!

Пес на команду Лузгина внимания не обратил. Он сунулся под кровать, ухватил существо за куртку и легко выволок на середину комнаты.

Существо трусливо съежилось. Грэй стоял над ним и критически разглядывал. Будто думал, сразу задавить добычу или сначала поиграть с ней.

Существо заползло под кровать снова. Грэй, невзирая на слабые протесты, вытащил его обратно и довольно осклабился.

— По-моему, Фима, ты попал! — обрадовал вампира Лузгин.

В голове ехидно хохотал Вовка. Совсем по-человечески.

— Андрей, да помоги же!

— Грэй, фу! Кому сказано! Фу!

— Гр-р-р-р!

— Извини.

Лузгин чувствовал себя полным идиотом. Сделать что-то с этой собакой было невозможно — только застрелить, наверное. Естественное мужское желание подчинить себе пса и прекратить безобразие разбивалось о знание истории Грэя. Вампир ему не игрушка, а что-то большее. Попробуй вмешайся. Результат непредсказуем.

Существо рвалось в укрытие, Грэй его раз за разом оттуда извлекал. Оставалось ждать, кто первый сорвется и полезет в драку.

— Отстань, сука!

— Фима, это кобель. И ты ему не нравишься. Честное слово, я тут ни при чем! Может, хватит будить зверя в звере? Выходи из дома, лезь под веранду.

— Мне на улице пло-о-хо...

— Да тебе всегда было плохо. Везде. Ты и в школе постоянно ныл.

— Зато таким, как вы с Долинским, везде хорошо! Мальчики-мажоры, бля!

— А ты в армии служил, чмо?!

— Отстаньте все от меня, сволочи! Отстаньте! Уйди, скотина четвероногая, тьфу на тебя!

Вовка за домом катался по траве. Он был счастлив.

Грэй упоенно валтузил существо.

— Да будь ты мужиком, дай ему в рыло! — ляпнул Лузгин и сам испугался возможных последствий.

— Я не могу, он тогда загрызет! А я должен Игоря дождаться! Пойми, идиот, это не ради меня! Мне жену надо спасти!

Лузгин протянул руку, схватил Грэя за ошейник и дернул. Пес оглянулся и негодующе рыкнул. Лузгин приказал себе ни о чем не думать и просто вышел из комнаты, таща на буксире обалдевшую от такой фамильярности овчарку. Посреди веранды он отпустил пса, рухнул в кресло, бросил ружье на стол и честно уставился Грэю в глаза: теперь делай со мной что хочешь.

— Фиме жену надо спасти, — объяснил Лузгин собаке. — Оставь его в покое, а?

Грэй отвел взгляд. Будто понял. Обошел вокруг стола и улегся на своем любимом месте, поперек крыльца.

— Спасибо... — донеслось из «гостевой».

Лузгин откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Поразительно было уже то, что пес не цапнул человека за ногу, когда его тащили из комнаты. А ведь полагалось собаке перенаправить агрессию. Грэй был не просто восточноевропеец-переросток, в нем проглядывали какие-то примеси. Насколько они обуславливали странные, даже парадоксальные манеры этого животного, Лузгин не знал, он в кинологии разбирался посредственно. И все же пес не тронул его.

Очень захотелось дать волю нервам. Почти так же резко, как до этого Котов, Лузгин цапнул со стола недопитую бутылку «Зверобоя» и припал к горлышку.

— Знал, что напьюсь сегодня. Когда этих ментов придурочных увидел, сразу понял, — сказал он через несколько минут, прежде чем сделать очередной глоток.

В поле зрения появился Вовка. Участок по периметру закрывала живая изгородь, поэтому оборотню разрешили гулять свободно, только чтобы перед калиткой не болтался.

У Вовки в лапах был старый футбольный мяч, сморщенный и изжеванный. Он издали бросил его Грэю.

Под кроватью спал вампир.

А Лузгин сидел на веранде, курил и смотрел, как вервольф и овчарка играют в футбол.

* * *

Прошел небольшой дождик и не ушел — воздух остался мокрым, будто капельки в нем повисли. Грэй опять лежал на крыльце. Человек и оборотень листали иллюстрированный журнал — Вовка называл разные вещи их именами и почти всегда угадывал. Правда, читать у него не получалось. Хотя он уверял, что раньше это умел и вообще учился хорошо. Вероятно, перестроенное зрение вервольфа не позволяло ему корректно считывать буквы.

А может, он в прошлой жизни был двоечником и прогульщиком.

Лузгин прикончил бутылку, но не опьянел, скорее набрался сил нормально прожить до вечера.

Долинский вернулся на такси. Открывать калитку ему было, видимо, лень, потому что он ее перепрыгнул. Самую малость опершись о верхнюю перекладину. Почти два метра. Без разбега.

Такси уехало очень быстро.

— Мой дом превратился в зверинец! — рявкнул Долинский издали. — Что за говно там валяется под кроватью?

Вовка втянул голову в плечи. Грэй подался было с крыльца на улицу, встречать хозяина, но передумал.

— Это Фима к тебе пришел.

— Фима... А Михал Михалыч — не хочешь? Самый модный в городе портретист.

— Что-то не тянет он на Михал Михалыча, — усомнился Лузгин.

— К полнолунию еще как потянет. Знай успевай покойников оттаскивать... Грэюшка, дружище, привет! Ну куда же ты, лапа?.. Не любишь пьяных! И правильно! А я знал, что надерусь сегодня прямо с утра! Как только этих двоих каскадеров увидел, сразу понял. Андрей, умоляю, сделай чайку покрепче.

— Может, тебе прилечь?

— Вот чашечку дерну и прилягу.

— Как съездил?

— Девять из десяти, что наш клиент там. Надо локализовать его точно и планировать операцию. Ничего, естественно, не готово, и никто не готов, и вообще это самоубийство, но уж как-нибудь... Умница Котов, ум-ни-ца, но много пьет. И других соблазняет. Хм, а что это мне не звонят?

Долинский остановился на ступеньках, достал мобильный телефон и потыкал в кнопки.

— Ты не поверишь, — заговорщическим шепотом сообщил он, — у них полный багажник стеклотары! И они ничего не знают! Это какой-то бред!

— Про полный багажник? — успел спросить Лузгин, прежде чем телефон пискнул, соединяя абонентов.

— Вы куда все подевались?! — заорал Долинский в трубку. — Начальник болтается черт знает где! Он, можно сказать, пропал! А вам наплевать, да?! Почему мне никто не докладывает?.. А-а, страшно?! Это ты не знаешь, что такое страшно! Страшно — это если начальник сейчас на работу придет! Ладно, шучу. Не приду. Хорошо, хорошо. Отгрузили? Точно отгрузили? Все отгрузили? И те календари? И буклеты? Хм, молодцы... Тогда завтра... Что? Разве сегодня пятница? Ну и валите. Да, сдавайте под охрану и валите. Разрешаю. Начальник добрый сегодня. Все, отбой.

Он сунул мобильный в карман, поднялся на веранду, похлопал Вовку по плечу и сказал в направлении кухни:

— Про два ящика водки в своем багажнике они знают хорошо. Они ни черта не знают всего остального. Сплошные мифы и легенды. Черт побери, мне известно, что у обоих анализы отрицательные — мне! А им — нет! Они до сих пор боятся заразиться!

— Ты их просветил? — спросил Лузгин, вытряхивая старую заварку из чайника.

— Угу. Не знаю, может, зря. Если генерал своим бойцам ничего не рассказывал, значит, у него были какие-то резоны. Или привычка сработала. Держать подчиненных в страхе, чтобы им служба медом не казалась.

— А ты ему рассказывал?

— Что?

— Что к вампиризму нужна предрасположенность.

Долинский как стоял, так и сел.

Вовка подхватил со стола журнал и благоразумно убрался в дом.

Лузгин возился с чайником, стараясь не оглядываться на Долинского. От того разве что искры не летели. Кажется, Лузгин его своим невинным вопросом совершенно ошарашил.

«Ни одна власть не откровенна с народом, ни одна компания не говорит всю правду своему персоналу». Лузгин проговорил эту аксиому мироустройства — точнее, набил ее на клавиатуре, — только вчера. Но уже сегодня он оценивал в свете новой концепции все, происходящее вокруг. Так бывает с людьми, долго шедшими к открытию, а потом сильно удивившимися: неужели я раньше не додумался до очевидного?

Очевидное не очевидное, а расклад сил в городе оно определяло точно. Контролирующая «работу по вампирам» структура — ФСБ — ни в жизнь не раскроет свои карты милицейским исполнителям. Напротив, она постарается создать вокруг упырей ауру таинственности. Чтобы Котов с Зыковым каждый месяц сдавали кровь на анализ и боялись. Чтобы «мастера» представлялись им непобедимыми. Чтобы милицейское начальство засекретило работу «ночной команды» и сам факт присутствия вампиров в городе. Чтобы у ответственных лиц поджилки тряслись от одной мысли о том, как Котов случайно подцепит заразу и перекусает все УВД!

Чтобы страшно было, страшно, страшно!

Лузгина одно удивляло — почему Долинский, такой с виду самостоятельный, оказался пешкой в этой простенькой шахматной партии. Ну пусть не пешкой. Конем. А толку? Что мешало ему давным-давно познакомиться с ментами-истребителями, по собственной инициативе, в обход начальства? Какую роль играет упомянутый Долинским вскользь таинственный «доктор»? Что известно о вампирах мэрии? Насколько осведомлен местный пахан, про которого говорил Котов? И кто здесь главный?

Вот ключевой вопрос. С ментами ясно, они либо выведены за штат, либо пристроены на незаметных должностях, а подчиняются напрямую кому-то не ниже своего начальника штаба. Но Долинский, «обеспечивающий связность всего этого», — перед кем отчитывается? Да, он потомственный кагэбэшник, печать ставить некуда, это ему Котов открытым текстом высказал. Только шеф здешнего отдела ФСБ — несерьезный босс для «переломавшегося вампира», к которому настоящие упыри на карачках приползают за помощью.

Проводить в жизнь политику «старших» и отвечать за тактические решения должен один персонаж. Кто? Где? А он вообще тут есть? Или, как испокон веку принято на Руси, каждая структура пашет свою делянку и отчаянно шифруется, чтобы другие не догадались, как мало она знает, может и делает?

Это следовало выяснить непременно.

— Надо идти к генералу, — сказал Долинский упавшим голосом. — Объясняться. Чем скорее, тем лучше. А я не готов.

— Лучше сначала поспи. — Лузгин протянул ему чашку.

— Уму непостижимо!.. Слушай, Андрей, тебя нам бог послал. Вот что значит свежая голова.

— Успокойся. Выпей чаю и ляг. Потом как следует подумай.

Долинский тяжело вздохнул, припал было к чашке и тут же ее отставил.

— Горячий. Долей холодненькой, а?

Лузгин молча повернулся и ушел обратно в кухню.

— Не жрал сегодня вообще, — сообщил Долинский ему в спину. — Вот и окосел. Извини.

— Тебе разогреть? Осталось от вчерашнего.

— Да ну. Поехали в кабак, пообедаем.

— А ребята? И там Фима под кроватью?

— Вот ребята его и посторожат. Кстати, чего надо этому художнику с большой дороги?

— Его жена из дома выгнала, он требует, чтобы ты ее спас.

— Бесполезно, — Долинский поморщился и махнул рукой, будто кого-то отгоняя. — Она умрет без крови. Бедный Мишка, не повезло ему. И сам он вряд ли переломается, сила воли не та. Проще сдать обоих Котову, чтобы не мучились. Пусть этот цикл отгуляют, а на рассвете, когда

заснут, Котов ими займется. Рассвет, вот как он это называет. Утро последнего дня... Эх, Катя, Катя, дура ты красивая, угробила талантливого мужика!

Лузгин долил в чашку холодной воды, Долинский благодарно кивнул и стал жадно пить.

— Я не понял, а Катя эта, она Мишке кто?

— Жена, кто!

— Жена... Ты хочешь сказать, она его заразила, а теперь прогнала?

— А что тебя удивляет? У начинающих упырей, когда они силу почувствуют, все комплексы наружу лезут. А самые поганые черты характера — усиливаются. Вспомни, какой Мишка был мягкий в детстве, как от любого конфликта уворачивался.

— Он, по-моему, и сейчас такой.

— Ближе к полнолунию ты его не узнаешь. Воин справедливости, защитник обиженных, крутой герой. Некоторые его поступки, хм, просто достойны уважения. Думаю, он свою прежнюю трусость так компенсирует. Наверстывает упущенное. Но это временно. И давай не будем забывать, что на нем уже сейчас несколько трупов. Пока он ест одних бомжей, принципиально. Следующим летом, если доживет, Миша будет обычный кровосос. Встретит ночью тебя — слопает за милую душу. Кстати, ты точно не хочешь в кабак? Там вкусно.

— Поезжай, а я останусь. Вдруг еще кто-то придет.

— Катерина за благоверным явится! — непонятно чему обрадовался Долинский. — Если бы. Катя больше всего на свете любит себя, красавицу. А для себя ей нужны деньги и потрахаться. Из Мишки она несколько лет делала успешного коммерческого художника. Почти справилась, но он вдруг загрустил. Тогда она поставила на нем крест и начала искать замену. По большей части в Москве. Доискалась. Мишка думает, ее на улице изнасиловали. Ага, неоднократно. Вот Наташу бедную и правда изнасиловали, да не кто-то, а сам ночной смотрящий. Мерзавец! Прислали нам на голову психа. Четыре года он тут порядки наводит. Котов за ним гоняется, я выслеживаю, москвичи вот приезжали, бедненькие-несчастненькие, ни в чем не виноватые... И без толку. Господи, как я их всех ненавижу!

— А кто такая эта Наташа?

— Дочь начальника УВД. Я тебе этого не говорил.

— Понятно... — Теперь сел Лузгин. «Многое становится яснее, остальное еще больше запутывается, — вспомнил он фразу Котова. — Надо будет записать. Пригодится».

— Она не совсем вампир, — сказал Долинский немного виновато, будто оправдывался за генеральскую дочь. — Ей перед каждым циклом делают медикаментозную блокаду. Иногда позволяют гульнуть, чтобы дать расслабиться. Она и крови-то не пьет. Ходит, слушает ночь и ищет того, кто ее инициировал. А я за ней, как привязанный. Фактически мы бедную девочку используем. Иначе никак. Рядового кровопийцу я и сам за пару километров унюхаю. А вот на «мастера» выйти — проблема. В прошлый раз мы его почти взяли, но упустили. И Котова я на стаю навел, и москвичей, а не вышло. Жаль... Давай все-таки поедем обедать!

— Фима, — напомнил Лузгин.

— Мишка? Он до ночи вообще никто. А ночью будет тут бродить и жаловаться на судьбу. Мишке четыре дня еще страдать. Купить ему, что ли, красок...

— Он не может работать, не чувствует цвета.

— У-у, как далеко зашло. Думал, к зиме его скрутит. Видишь, Андрей, хреновый я эксперт по вампирам.

— А кто хороший?

— Здесь — никто. Даже наш доктор такой же практик, народный умелец. Его в Москве поднатаскали, дали необходимые контакты, обеспечили прикрытие — и все. Сейчас я, кажется, начинаю понимать, зачем это нужно «старшим». Для баланса. Пока каждая структура решает узкую задачу и не делится информацией с другими, «старшие» могут быть спокойны. Мы не объединимся против них. Нас мало, мы очень заняты. А ведь если люди сведут поголовье упырей к нулю и начнут говорить со «старшими» с позиции силы... Пусть расплачиваются своими знаниями. Пусть всех научат видеть и слышать по-настоящему, сделают здоровыми и крепкими!.. М-да. Интересненько. Взять гадов за шкирку. Мечта всей жизни.

— Раньше не приходило в голову?

— Андрей! — Долинский посмотрел укоризненно. — Ты хоть представляешь, сколько времени и сил отнимает

моя работа, так сказать, в поле? Да я извертелся весь! Просто не дать упырям здесь расплодиться — уже с ума сойти можно! Нас всего лишь четверо, кто реально что-то делает, на весь город! Я, доктор и Котов с Зыковым.

— Прости.

— Нет, ты представь. Я ночами прочесываю город по квадратам. Хожу, нюхаю. А днем у меня вообще-то своя жизнь, свой бизнес. Но в любую секунду может потребоваться консультация по телефону или личная встреча. Как я запарился объясняться с нашей мафией — просто молчу. Вообще бандиты — люди суеверные, но у Олежки Косого кандидатская степень по философии, и он редкостный материалист. Куда, говорит, мои люди пропадают? Да вот туда!.. Решил, мы издеваемся. Надулся, обиделся. Ну, я сводил его в ночное разок. А он, когда протрезвел, распорядился, чтобы во всех поливалках, которые улицы моют, была святая вода! Попы наши озолотились на этом деле. Потом Косой, слава богу, опять протрезвел...

— А почему бы и вправду не объединить усилия, если дела так плохи? — перебил Лузгин. — Пусть твое начальство поговорит с милицейским. Подберите надежных людей, подготовьте их и навалитесь на проблему всерьез. Ты извини, я, конечно, болтаю о вещах, в которых не разбираюсь, но это же нормально — когда чрезвычайная ситуация, землетрясение или эпидемия, все работают вместе. Здесь-то как раз нечто вроде эпидемии. И?..

— Мы на грани, — сказал Долинский просто. — Только все боятся и никто не понимает, как себя вести. И никто не доверяет никому. Разделение властей не зря придумано. Каждому уютно в его конуре. Ну создадим мы втайне от «старших» межведомственную структуру. ФБР антивампирское. Ну пойдет это бюро долбить упырей. А дальше? «Старшие» узнают и накапают кому надо в Москве. Будет конфликт. Знаешь выражение «не раскачивайте лодку»? Кремль не любит тех, кто раскачивает без спросу. Допустим, мы упремся и настоим на своем. Инициатива снизу. Но сам посуди, в масштабах города это кончится бунтом. В масштабах страны — государственным переворотом. А если за рубежом поймут, что у нас происходит на самом деле, начнется цепная реакция. «Старших» и их отродье примутся

выжигать каленым железом. Последствия можешь оценить? Не можешь. И правильно. Теперь еще одна позиция. Думаешь, «старшие» дадут себя убить? Да они Америку на нас натравят, лишь бы спасти свои драгоценные шкурки.

— Тот, кто... отдает тебе приказы, рассуждает так же?

— Тот, кто думает, что отдает мне приказы, — ревниво уточнил Долинский. — Он вообще не рассуждает. Слишком боится «старших». Вот генерал их точно не боится. Но... Он всего лишь генерал. У него есть родной город, в котором надо обеспечить порядок, или хотя бы видимость порядка. Представь себе, вампиры в этот уклад вписались лучше некуда. Сначала из-за них чуть гангстерская война не случилась. Пропадали бандюганы, русские грешили на зверей — это они чурок так называют, — те наоборот. Я объяснил Косому, кто именно шалит ночами. И с тех пор наша организованная преступность — самая организованная преступность в области. Очень дружная, милая, улыбчивая, готовая к диалогу. Потому что ей наврали, будто это мы полностью контролируем вампиров, а не наоборот. Голову даю на отсечение — если бы ночной смотрящий не заразил Наташу, генерал с упырями смирился бы. Тем более по его вызову приезжает команда «мастеров»-ликвидаторов из самой Москвы! Пусть у нее ничего не выходит, пусть она оказывается в дерьме по уши, но уважение-то каково, уважение!

— А ты можешь вызвать ликвидаторов?

Долинский помялся немного, потом сказал:

— Эх, да и черт с ним! Уж говорить, так до конца. Могу, конечно. Но предоставляю инициативу генералу, чтобы менты не знали моих полномочий.

Подумал и добавил грустно:

— Вот какой я хитрый. Ничуть не лучше остальных — враль, темнила, дезинформатор. С открытой улыбкой на добром лице. Народ таких зовет «пиарщиками».

— Ты отстал от жизни. Продвинутый народ зовет таких «гуманитарными технологами». Хорошо, а что же будет дальше?

— Когда? В ближайшие дни или вообще? Вообще — не знаю и знать не хочу. Надо как-то пилить эти гордиевы узлы. Значит, будем пилить. Мы, собственно, уже начали. Дума-

ешь, Котов на меня вышел с разрешения генерала? Ха! Стали бы мы тогда при тебе общаться, как же... А на сегодня-завтра программа вполне определенная. Сейчас я буду спать, потому что ты не отпускаешь меня пообедать... Не отпускаешь, не отпускаешь! Ну хорошо, разогрей вчерашние объедки, перед сном пожую. Слушай, я пьян. Странно. Меня же водка практически не берет! Я выпил одну бутылку и совершенно одурел! Готов поспорить, это нервное. Это из-за «мастера». Он там, он точно там. И мы его наконец прищучим. Как он надоел! Как я его ненавижу! Надо еще выпить и поспать. Ты будешь? Нет? Правильно. Должен остаться кто-то нормальный в доме.

— Так что дальше? Вызовешь москвичей? — спросил Лузгин с кухни. Обязанности прислуги он уже выполнял безропотно, ведь ему платили самым важным — информацией, пусть и обрывочной. Лишь бы Долинский окончательно на шею не сел. Вообще-то по дому трудилась некая «бабушка», но на той неделе она взяла отпуск. Вовремя. Вряд ли бабушка осталась бы равнодушной к визиту московского журналиста с ручным вервольфом, двух психованных ментов и убитого горем вампира.

— К черту москвичей. Теперь — к черту. Вечером еще раз осмотрюсь и завтра днем полезу в тот особняк. Сам.

Лузгин уронил сковородку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ночной смотрящий появился здесь пять лет назад. Город стоял от Москвы ни далеко, ни близко — ежедневно работать в столицу отсюда не ездили, но на выходные смотаться за шмотками и приключениями могли. Частенько назад привозили заразу. «Старшие» гоняли туда-сюда ликвидаторов, которые за одну ночь очищали город от едва народившихся упырей. Потом эта беготня надоела. Командировали одного «мастера», зато надолго. Устранив инициированных, он должен был проследить транспортные потоки и выявить контакты местных в Москве. Обычно такое исследование позволяло вдвое снизить риск случайной инициации для жителей небольших городов, отстоящих от мегаполиса километров на триста-пятьсот. Иногда все сводилось к уничтожению пары вокзальных проституток. Однажды пришлось истребить семью, живущую в придорожной деревне. Случалось «закрывать» разные заведения, от дешевых саун до респектабельных баров. Но чаще — устраивать несчастные случаи и внезапные смерти невезучим столичным родственникам провинциалов.

Чтобы разобраться с текущими вопросами, «мастеру» хватило недели. Потом он крутился в городе и вокруг него, регулярно выходил на связь, передавая оптимистичные прогнозы.

И вдруг сгинул.

Через два месяца за ним приехали и не смогли найти. А вампиров, свеженьких, едва инициированных, на месте оказалось множество, куда больше, чем обычно. Отправили бригаду, которая быстро передавила их всех, но обнаружить «командированного» не сумела. Он спрятался физически и ментально, его местоположение нельзя было ни «унюхать», ни вычислить оперативными методами.

Это походило на нервный срыв. Покинув бешеную Москву, выжирающую энергию из всего, что шевелится, «мастер» попал в райское место — тихий, вялый, почти депрессивный город. Здесь были все условия для того, чтобы ощутить себя поистине высшим существом. Локальным богом. А божкам свойственно переделывать среду обитания под свои интересы.

Похожее случалось изредка и раньше, но всегда по одному сценарию. Сорвавшиеся «мастера» выстраивали из порабощенных людей некую систему, продуцирующую мощные эмоциональные всплески, и запитывались от нее. Как правило, это оказывалась религиозная секта или небольшая армия, ведущая кровопролитную войну. Однажды, уже в новейшие времена, — компания сетевого маркетинга.

Заканчивалось все тоже шаблонно и очень быстро. Нечеловек в человеческом мире обречен на совершенное, предельное одиночество. Он может сколько угодно и как угодно использовать людей, но это участь единственного живого наладчика на планете, населенной промышленными роботами. Сначала будет здорово, потом ты сойдешь с ума. Так и происходило. Если «старшим» не удавалось вовремя похитить беглеца, он вовсе терял рассудок, пытался убить себя, а в итоге его все равно брали.

Москвич пошел по другому пути. Он восстал против древнего запрета не плодить себе подобных сверх необходимого минимума. «Старшие» всегда сквозь пальцы смотрели на разовые неплановые инициации — «мастерам» надо иногда сбрасывать напряжение, — но тут налицо была попытка выстроить целый вампирский клан и подмять под себя город. На поимку отщепенца двинули лучшие силы, ослабив соседние направления и рискуя дестабилизировать целый регион.

Ничего не вышло.

Ненормального ловили, а он будто играл с преследователями. Появлялся и исчезал. Следующей весной в городе проснулось сразу три небольших вампирских стаи, каждая со своим вожаком. Число пропавших без вести подскочило до неприемлемых величин. Стаи вели себя нестандартно — одновременно дерзко и осмотрительно. Несколько раз они бросали посреди города зверски растерзанные трупы. Совершили пару рейдов вокруг окрестных деревень, поедая рыбаков и грибников. Это походило на запугивание. Ликвидаторы уже тратили больше времени, заметая следы деятельности упырей, чем собственно уничтожая вампиров.

По косвенным данным установили: «мастер» начал пить кровь. «Традиционная» диета резко повышала его силы, но вела к необратимым изменениям в организме, типичной вампирской деградации и смерти. Вопрос — когда. Пока что безумец прекрасно владел собой и так «закрывался», что ликвидаторы просто не видели его. Он совершенно обнаглел и, было дело, рискнул обстрелять бывших коллег из невесть откуда взявшегося автомата. Двое потом долго лечились. Стрельба не прошла незамеченной — городская милиция предъявила бандитам счет за старые грехи, и начались опасные трения, в результате которых был убит печально известный налетчик Вовик Тверской. Это уже никуда не годилось.

Тем временем провисла ситуация с зачисткой соседних районов. «Старшие» поняли, что сами не справляются и пора создавать городскую «ночную команду» из людей — по образцу подразделений, работающих в мегаполисах. Такая группа была фактором риска, ее собирали вынужденно. Но сумасшедший превратился в серьезную проблему. Он

уходил из рук преследователей, даже когда те нападали на его личную стаю, бродившую за ним по пятам. Собственно, это был единственный способ достать его — отслеживать упырей, инициированных не простым вампиром, а существом в ранге «мастера». Они всегда ищут «мастеров», надеясь хотя бы немного побыть рядом. И загадочным образом находят рано или поздно, как от них ни экранируйся.

Таких надо было побольше.

Это организовали.

Результаты превзошли все ожидания.

А одна случайная инициация просто ошеломила.

* * *

У Долинского брак сложился в целом удачно. Поженились без какого-либо расчета, от чистого сердца. К сожалению, через несколько лет выяснилось: супругам больше не о чем нормально поговорить, всегда один вынужден подлаживаться под другого. Они по-прежнему оставались друзьями и союзниками в бытовых вопросах, им было здорово в постели, однако временами Долинскому становилось очень грустно. Некогда счастливую пару накрыла распространенная проблема «одиночества вдвоем». Оба от этого страдали. Бросались друг другу на шею с объяснениями в вечной любви и потом какое-то время ходили радостные. Но все чаще легкое замешательство проглядывало в глазах напротив.

Увы, чересчур разошлись и их деловые интересы. Жена с самого начала не думала превращаться в замужнюю бабу. Она работала и была успешна, но с дальним прицелом на переезд в Москву. А амбиции Долинского вполне удовлетворялись локальными ресурсами. Он обоснованно полагал, что лучше быть первым в деревне, чем последним в Риме. Его типография и так печатала по большей части московские заказы. К тому же здесь у него, сына одного из бывших советских «отцов города», не водилось проблем с рэкетом, налоговиками, милицией, пожарными и другими кровососами среднего бизнеса.

При желании он сам мог кому угодно что угодно организовать. Его иногда просили «решить проблему», и Долинский не отказывался, это лишь укрепляло его позиции. Собственно, и «местным полиграфическим богом» он стал

не с бухты-барахты. В демократическом обществе столь ценный ресурс, как типография, кому попало не отдают. А людей, связанных с ФСБ и кровно, и по делу, сторонятся одни интеллигентные соплежуи, оторвавшиеся от жизни.

У себя дома Долинский мирил поссорившихся силовиков, устраивал переговоры с бандитами, возил в багажнике чемоданы наличных, выполнял деликатные поручения Москвы — короче, обделывал темные делишки на пользу родного города. Один раз он чуть не залетел с липовыми избирательными бюллетенями, но стыдно ему не было, потому что наштамповать подделок упросили хорошие люди. И в беду не попал — те же хорошие люди его прикрыли.

Уголовников он поначалу опасался, уж больно они были страшные. Но их прибрал к рукам Олежка, который лет двадцать назад Долинского каждый день ловил и бил. Очень тот любил крикнуть с безопасного расстояния: «Косой, объелся колбасой!» А Олежка колбасу видел исключительно в кино и обижался. В первую «взрослую» их встречу мафиозный босс поманил Долинского к себе в кабинет, где приватно оттаскал за уши и заставил сказать: «Дядя, прости засранца!» И с тех пор Долинский на малой родине не боялся никого.

Есть своя прелесть в небольших городках — для тех, кто понимает.

Правда, иногда Долинскому казалось, что он живет как бы взаймы, получив все возможности по наследству. Но стоило перебрать в памяти личные достижения, и меланхолия отступала. Он просто был на своем месте, для которого идеально подходил.

Перебираться в столицу, выступать там собственным представителем, терять наработанное годами положение, оставлять типографию на управляющего Долинский не хотел. Он выдумал массу убедительных аргументов против отъезда. И только главного не мог привести — Долинский почему-то не любил Москву. Бывал там еженедельно и с безумным наслаждением возвращался назад.

Но Москва, как известно, бьет с носка и слезам не верит. Столица поймала его на другой крючок. По полиграфическим делам к Долинскому обратилась молодая женщина, тоже бывшая провинциалка, с которой он буквально

через минуту разговора почувствовал удивительное душевное родство. Обычно это случается на резких контрастах. Жил с высокой блондинкой, втрескался в миниатюрную брюнетку. Но Долинского, который был однолюб и верный муж, сразило другое — перед ним сидела именно улучшенная версия его супруги. Умнее, живее, свободнее, интереснее во всех отношениях. К тому же коллега. Долинский влип. Его неудержимо тянуло к ней. Год-другой назад он знал бы, что делать: вздохнуть и забыть. А сейчас — пригласил женщину в ресторан, смотрел на нее, слушал и чувствовал, как пропадает, пропадает, пропадает... Мало ли, что замужем. А он вот женат.

Она потом сказала, что тоже влюбилась в него с первого взгляда, очень испугалась своего чувства, и единственным ее желанием было никогда больше Долинского не встречать. Сам Долинский, выйдя из ресторана, поцеловал ей руку, простился и уехал, обуреваемый аналогичными эмоциями.

Им понадобилось два месяца, чтобы перебороть страхи и оказаться в одной постели. Через полгода они всерьез задумались, как жить дальше. Обоим надоело чувствовать себя изменниками, и оба понимали: с ними происходит нечто особенное. А потом она заболела. На взгляд Долинского — типичной московской весенней депрессией. Он хотел наплевать на все, бросить дела, увезти свою возлюбленную к морю. И пусть жена думает что хочет. Некогда разбираться, надо выручать человека.

В следующий приезд он не смог найти ее. И в следующий тоже. На работе говорили — болеет, мобильный не отвечал, молчал и домашний телефон. Долинский запаниковал настолько, что поехал к ней. Понажимал кнопку звонка, покрутился у стальной двери. Расспросил соседей. Безрезультатно. Никто не видел никого. Можно было, конечно, поднять московские связи — те, что открывают любые двери без санкции прокурора, а если надо, то и с санкцией, — но ему это показалось чересчур.

Опечаленный, он вернулся домой, и в ту же ночь его скрутила непонятная хворь. Вероятно, нервная, во всяком случае, жена вызвала знакомого психиатра, лучшего в городе. Долинский не слышал, о чем они говорили над его

скрюченным телом. Не помнил, что грубо и жестоко овладел женой, а после хотел свернуть ей шею — перед тем как упасть замертво. Днем ему полегчало, но следующей ночью он здорово поломал мебель и побил стекла. Потом, говорят, убил кота — якобы тот пытался спрятаться в подвале, вот там Долинский его и задушил одной левой, пытливо заглядывая в глаза. Правой он коту откручивал хвост. Небось давно втайне недолюбливал котов, всегда за ними подозревал нехорошее, вот — прорвало.

Назавтра психиатр чем-то обколол буйного, и тот мирно сопел до утра. Очнулся почти нормальным. Согласился пить таблетки. Попросил у жены прощения. Сказал, это все из-за работы. Слишком много стрессов. А в полнолуние и у совсем здоровых иногда крыша едет.

Насчет полнолуния Долинский, похоже, угадал. В мае, ровно через месяц, он вдруг, несмотря на таблетки, почувствовал себя дурно. Доктор, человек бывалый, заскочил в больницу и выдернул с дежурства опытного санитара. Вдвоем они кое-как утихомирили пациента, опять изнасиловавшего супругу, а на закуску собравшегося учинить в тихом русском городке техасскую резню бензопилой.

Бензопилу доктор себе оставил. Реквизировал, а потом сделал вид, что забыл. У него имелся пунктик на почве домашнего инструмента, эдакая клептомания по интересам. Однажды он украл у пьяного сантехника, лежавшего в канаве, огромный водопроводный ключ.

Несколько суток Долинский отлеживался в больнице. Пришел домой, не надеясь там никого увидеть. А увидел жену. Повалился ей в ноги. Рассказал о страшных бредовых видениях. О жажде убийства и желании попробовать на вкус человечью кровь. О полной луне, которая сводит его с ума. Врачу он в этом не сознался, а жене — да. «Я не буду пить нейролептики. Боюсь, психиатрия изуродует меня еще больше и не вылечит. Помоги мне. Я хочу рискнуть. Считай это еще одним безумством, но интуиция подсказывает — мне нужно переломаться. Может, умру. Но если выживу, болезнь, скорее всего, отступит. Поверь мне. И помоги».

Тогда-то Долинский и понял, чего на самом деле стóит его жена.

Было горько, обидно, совестно.

Июньское и июльское полнолуния он провалялся в подвале, связанный и прикрученный к батарее. Доктора жена не пускала дальше калитки, чтобы тот случайно не услышал доносящегося из-под земли воя.

В промежутках оба как-то умудрялись работать и ходить на светские мероприятия. Долинский жил будто в полусне, но надежда брезжила перед ним. Он уверовал в свою интуицию и хотел продержаться до конца. Было очень страшно. Вдруг что-нибудь не выдержит — сердце или голова.

Психика на страхи ответила, уйдя окончательно в сон. Август Долинский встретил, падая на ходу, и половину месяца пролежал в забытьи — включая самые опасные дни. Жена сидела над ним с веревкой и плакала.

К сентябрю у Долинского фантастически обострились зрение и слух. А еще руки покрылись ссадинами — он стал гораздо сильнее и с непривычки все ломал. Потом случайно обнаружил, что воспринимает чужие эмоции как свои. Попытался осторожно заглянуть в душу к жене и почувствовал: она изменилась, с ней что-то происходит. Разбираться не хватило ни времени, ни опыта, приближалось очередное полнолуние, и его Долинский приказал себе проспать. Это получилось. Кажется, он решил проблему. В следующий раз можно было попробовать остаться на ногах и исследовать мир вокруг. Теперь Долинский знал — мир совсем не так прост, как кажется.

Очнувшись, он посмотрел на жену и понял: настало его время плакать. Долинский пролежал один все эти дни и ночи. А она ходила по городу. И ей понравилось. Только она ничего не помнила, совсем как он сам в начале лета.

Долинский надеялся что-то сделать в октябре, но его срубило и раздавило, он валялся трупом, безуспешно пытаясь шевелиться. А жена опять ходила. И все дальше уходила от него.

«Старшие» называли таких инициированных «быстрыми» или «легкими». Это Долинскому еще предстояло узнать. Его впереди ожидало столько — врагу не пожелаешь. Пока он нянчился с женой, которая, едва на улице совсем похолодало, отказалась выходить из дома и с постели вста-

вала лишь в темное время суток. Она почти не разговаривала, мало ела, одевать и мыть ее приходилось как младенца, вручную.

Снова появился доктор. Смотрел опасливо, задавал странные вопросы и выглядел пришибленным. Из здоровяка и юмориста будто душу вынули. Долинский легонько «пощупал» его — доктор носил в себе тайну, страшную, выматывающую, которой очень хотел поделиться именно с ним, но боялся. У Долинского тоже была тайна, и он тоже не знал, как себя вести с ней. Кончилось тем, что он изрядно напоил доктора, и того прорвало. Доктор недавно вернулся из Москвы, якобы с «научно-практической конференции». На самом деле его возили черт знает куда, где за пару дней впихнули в голову то, что он должен был знать о странных пациентах, возникших прошедшим летом. Описать, как выглядят «старшие», доктор не сумел. Но по остальным пунктам выложил все до буковки, вплоть до переданных ему «старшими» контактов в городе. Незнакомых имен Долинский не услышал.

«Почему же мне удалось переломаться? — пробормотал ошеломленный Долинский. — Какой-то я мутант, наверное». Поглядел на доктора и констатировал: «Ты меня уже сдал москвичам. Ладно, не нервничай».

Он зашел в спальню, посмотрел на жену. Подумал, что если сразу не убьют, можно будет поторговаться. Не для себя — ради нее. Вернулся к доктору. Сказал: хорошо, ты здесь допивай, а я поеду готовить почву для переговоров.

Оглядываясь назад, Долинский понимал, что никогда еще не был настолько жестким и целеустремленным. Через страдание, потери и страх получил то, чего ему по жизни не хватало, — решимость. Раньше он плыл по течению, устраивался и пристраивался, ловко прокручивался, оставаясь по сути мальчиком на побегушках при сильных мира сего. Теперь Долинский мог навязывать людям свою волю.

Было бы еще к чему новое умение приложить.

Ох, не было. Пристроить бы жену, а потом и умереть можно.

К шефу ФСБ Долинский пришел с монтировкой в руке. Демонстративно ее завязал узлом. Потом рассказал, о чем шеф сейчас думает. И спросил — дядя, ты же мне, считай,

вместо отца был, почему я ничего не знаю? «Дядя» уставился в стол и буркнул — прости, я сам только на днях узнал, клянусь. А за тобой завтра приедут, и есть мнение, что ты будешь знать по этой теме гораздо больше меня. Если вернешься.

Долинский вернулся. На руках вынес из дома жену, поцеловал в безжизненные губы и передал «мастерам». Попробовал напиться, не смог, упал на кровать и не вставал несколько дней. Спал, потом лежал просто. Был бы на реке лед — думал он — тогда нырнуть в полынью, внушить себе, что успею повернуть назад, заплыть далеко-далеко... Вампир без воздуха может продержаться очень долго, но он тоже обязан иногда дышать. Или с крыши головой вниз? Непременно головой вниз. Как нарочно рабочий кабинет в самом высоком городском здании, десять этажей. Нет, страшно. Обосрусь еще в полете, словно птица. «Что-то надо придумать радикальное, пока изменения не зашли слишком далеко. «Старшие» уверены, я с каждым днем буду становиться крепче. А я не хочу. Мне незачем больше. Сгореть? Бр-р-р... Выскочу из огня. Господи, зачем ты наградил меня здоровой психикой? Здоровенной. Даже чтобы с собой покончить, и то приходится извращаться. Гильотину построить, и голову с плеч? Под поезд броситься? Больно, наверное, да ведь не сразу умру, пожалеть успею. А жалеть я не хочу. Купить на военных складах противотанковую мину и подорваться? Далеко ехать, склады вон где, лень. И дорого небось запросят».

Долинского разобрал идиотский смех. Дорого ему! Отхохотавшись, он вспомнил — бизнес-то заброшен, крутится вполсилы. А деньги понадобятся. Когда жена закончит метаморфозу и пройдет начальный курс обучения, жить ей придется от щедрот «старших», то есть беспрекословно выполнять задачи, которые поставят. Относительная свобода приобретается через внешнее финансирование. Обеспеченный «мастер» уже имеет право выбирать, чем заниматься. Конечно, в рамках программ «старших» — но «мастера» и не стремятся работать среди людей. Им с людьми тоскливо. По своей воле они людьми развлекаются иногда, как игрушками, не больше. Если «мастер» годами сидит в человеческом офисе, значит, таково задание «старших». «Мас-

тер» с большей охотой пойдет вампиров давить, чем запрет себя в компании хомо сапиенс. Его от них, тупых и ограниченных, тошнит.

«А вот мне придется работать с людьми. И с не-людьми. И сам я непонятно кто теперь. Может, проще сдохнуть?»

Долинский был уверен: «старшие» выполнят свою часть договора при любых обстоятельствах. Они приняли его жену в свой клан бесповоротно. Если он сможет поддержать ее материально — что ж, молодец. Забудет — пожалуйста. Захочет с собой покончить — никто не разрыдается.

Нет, он никогда не забудет ту, которая его спасла.

И очень жаль, что он не может спасти ту, которая его погубила. А еще оторвать яйца ее благоверному, притащившему в дом вампирскую заразу... Где ты, несчастье мое, как ты? Скорее всего, уже угодила под облаву, в Москве зачистка идет перманентно. А квота для новых «мастеров» закрыта на годы вперед. Жену Долинского взяли потому, что очень нуждались в его услугах здесь.

Ладно, так и быть, он заплатит по всем счетам.

В конце концов, остается еще родной город, у которого назревают большие неприятности. «Старшие» уже не могут каждое теплое полнолуние высылать сюда группу ликвидаторов. Помощь обещана на самый крайний случай, и еще когда удастся локализовать ненормального «мастера». Текущую работу придется делать людям. А если ситуация выйдет из-под контроля, «старшие» пойдут на радикальное, последнее решение. Какое именно, Долинскому не объяснили. Между прочим, и облика «старших» он не запомнил.

Его привезли в роскошный частный медцентр, всесторонне обследовали, задали ряд вопросов, потом отвели куда-то — хлоп, в глазах потемнело, — и когда Долинский очнулся, он уже понимал и знал все. Или сколько ему сочли нужным дать понять.

Следующее лето обещало быть невероятным, заполненным странной и наверняка опасной деятельностью. В городе предстояло выстроить почти с нуля компактную, но совершенно фантастическую тайную структуру. Обеспечить ее взаимодействие с легальными службами. Договориться, чтобы криминал не трепыхался, если вдруг его бойцов пожрут упыри. Рассуждая здраво, лучшего «офицера связи», чем Долинский, для этой работы не было.

Так Долинский выдумал себе новый смысл жизни.

* * *

...Зыков тогда основательно перебрал и не сразу заметил, что его «пасет» один странный типчик. Скорее всего, сел на хвост у пивнушки, где сержант расслаблялся после смены. Непрошеный провожатый держался поодаль, но так сверлил затылок жадным взглядом — и спьяну забеспокоишься.

Зыкову стало интересно. Он не планировал на ночь каких-то особых развлечений — вот, они его сами нашли. Сержант заставил себя немного протрезветь и вышел на хорошо освещенную торговую улицу, где хватало больших витрин. Пару раз ему удалось разглядеть отражение преследователя. Стройная фигура и танцующая походка вызвали у Зыкова вполне определенные ассоциации.

Сержанта нельзя было назвать гомофобом. То есть он гомов не боялся совершенно.

Зыков убавил шаг и пошел темными дворами, вроде бы удаляясь от центра города. На самом деле он выводил преследователя к родному отделению, только с тыла. Сержант был одет в «гражданку» и уже предвкушал, какой сюрприз устроит незадачливому педику. Собственно, никаких экстремальных унижений. Надавать тумаков легонько, паспортные данные снять, потом, может, ребята попугают чуток и утром выпустят. Геев здесь водилось пока еще немного, держались они скромно. Но милиция знала за этой группой риска свойство быстро размножаться, наглеть и попадать в дурные истории. Потенциальную клиентуру старались заранее «фиксировать». Парня, увязавшегося за ним, Зыков раньше не видел. Ну, сейчас разглядит. И коллегам представит.

До отделения уже было недалеко. Зыков начал шататься и волочить ноги. Преследователь сокращал дистанцию. Неприятное ощущение в затылке нарастало. «Что за чертовщина?!» Сержант понял, что не разыгрывает пьяного. Он почему-то стремительно косел.

Зыков свернул за угол, в темный проходной дворик.

Оперся плечом о стену, привычно сунул два пальца в глотку и, тяжко страдая от жадности, выблевал на землю пиво и креветки. Против ожидания, стало еще хуже. Сержант едва не падал. Все, на что его хватило, — отлепиться от стены, уткнувшись в нее лбом. А преследователь был уже тут как тут. Ласково положил на шею Зыкову скользкую холодную ладонь.

Не разгибаясь, сержант засветил парню в челюсть. До хруста.

Полегчало невыразимо, сразу. Пелена сошла с глаз, расправились плечи. Зыков огляделся. Удар шел снизу вверх, поэтому жертва отлетела недалеко. Парень лежал на спине, обеими руками держась за подбородок.

Зыков от души побил его ногами, потом гордо представился, объявил дурака задержанным, взял за шкирку и поволок в отделение. Парень был словно ватный, его пришлось тащить на себе, но могучий сержант и не таких доставлял. Единственное, что беспокоило Зыкова — голову снова туманило. А в бессознательном состоянии он мог какую-нибудь глупость сотворить. Например, запинать парня уже всерьез, до больничной койки. Зыкова безумно раздражал этот скользкий тип. Что-то было в его прикосновении... воистину отвратное.

Сержант и задержанный миновали еще пару дворов и оказались в глухом переулке, освещенном полной луной. Отсюда до отделения было минут пять не спеша. Зыков все пьянел, а парень, напротив, ожил и даже начал сносно перебирать ногами. Впереди показалась фигура, вроде бы человеческая. И она двигалась навстречу.

— Здорово, Робокоп! — воскликнул знакомый насмешливый голос. — Какими судьбами?

Зыков кое-как свел к переносице разъезжающиеся глаза. Перед ним стоял капитан Котов. Отощавший, бледный, страшный — наверное, лунный свет неудачно падал на его лицо.

Ночь была теплая, но Котов зачем-то надел длинный плащ нараспашку.

— Да вот, — сказал Зыков, с трудом ворочая языком. — Пидараса задержал.

И предъявил добычу.

Парень что-то промычал. Котов внимательно к нему присмотрелся, и физиономия капитана вытянулась еще больше.

— Сержант Зыков!

— Я!

— Пидараса — раком!!!

— Есть, тарщ ктан! — отрапортовал Зыков.

Про Котова разное болтали. Что-то с ним случилось нехорошее, он прошлой осенью надолго исчез, поговаривали, будто лежал в психушке. На оперативную работу не вернулся. Но из милиции уволен не был, это точно. Однажды Зыков его видел издали, запросто беседующим с самим генералом.

Зыков согнул добычу пополам. Та заартачилась, тогда сержант дал ей в ухо, отчего она повалилась на четвереньки.

Котов сунул руку под плащ, за спину, и извлек предмет, в реальность которого Зыков с первого взгляда не поверил.

Громадный мясницкий топор.

— Ы-ы... — сказал Зыков.

— Смерть пидарасам... — прошипел Котов.

Схватив топор двумя руками, он занес его аж к небесам и на выдохе, с громким «х-х-ха!», звезданул парня по шее.

Зыков протрезвел.

Сначала он наблевал парню на спину.

Потом блевал, глядя, как в переулке бегает обезглавленное тело, фонтанируя кровью из обрубка шеи и пытаясь схватить кувыркающуюся по асфальту башку. Руки тела не слушались, и оно все время промахивалось.

— Какой, однако, пидарас живучий пошел... — раздался сзади голос Котова. — Ничего, минутку попрыгает, скопытится. Поздравляю, сержант. Ты хоть понимаешь, кого поймал? Это вампир. Настоящий. А ты его за шиворот тащил и жив остался. Молодец. Истинный Робокоп. Будешь теперь со мной служить. Завтра тебя переводом оформим.

— Ы-ы... — оценил перспективы Зыков.

— Жаль, конечно, что пришлось рубить пидараса, — вздохнул Котов, наблюдая за телом, которое утомилось бегать и решило поползать. — Хрен теперь подсунешь останки родственникам. Голову с плеч — это тебе не обухом по черепу! Шухер поднимется страшный — ну, сам понимаешь.

— Ага... — согласился Зыков и сел на теплый асфальт.

— Выхода другого не было. Он, сука, уже нацеливался тебя убивать. В общем, удачно мы встретились. Не рассиживайся, вставай. Ты не думай, будто все так просто, бац — и нету дряни. Основная работа только начинается. Инструмент надо продезинфицировать, личность клиента установить. А если документов нет, полагается и рожу его сфотокать, и пальчики откатать. Потом еще тело в старую промзону вывезти, там на кирпичном заводе хорошая печка есть... Эх, наша служба и опасна и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...

Зыков упал в обморок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Скопытился, — поставил диагноз Долинский, заглядывая под кровать. — Эй, там, под нарами! Михуил, а Михуил! Ужас, летящий на крыльях ночи! Ефимов! Не слышит. Ну и ладно. Андрей, ты когда-нибудь с бетоном работал?

— Кто с ним не работал... — буркнул недовольно Лузгин, подозревая, что его опять сейчас припашут.

— Отлично. Понимаешь, у меня с улицы в подвал стальная дверь. На крышку люка можно шкаф поставить. Но там еще окошко есть. Оно заколочено давно, только когда в подвале сразу два вампира, это несерьезно. Вдруг развяжутся и вылезут. Надо бы бетонную пробку в то окно запузырить. Я сейчас позвоню, скажу, чтобы привезли мешок цемента. А песочка чистого за домом целая куча. Корыто, лопата, доски для опалубки — все найдется. Сделаешь? Очень тебя прошу.

— Почему два вампира? — вместо ответа спросил Лузгин.

— Не бросать же Катерину.

— Ты говорил, она не переломается.

— Ей все равно конец, — веско сказал Долинский. — Рискнем, вдруг получится. И в любом случае, если мы ее спеленаем, будет минус один кровосос на улице.

Так Лузгин стал еще и бетонщиком.

Когда стемнело, приехал на своей развалюхе Котов, трезвый и оживленный. Он приветствовал Лузгина учтивым полупоклоном, зашагал по тропинке к дому и тут увидел

Мишу. Вампир-художник разлегся на газоне и созерцал звездное небо.

Котов хищно подобрался, сунул руку под плащ и сделал на Мишу стойку, как хорошо вышколенная легавая.

— Это что за говно тут валяется? — прошипел капитан.

Миша чуть приподнялся и смерил Котова презрительным взглядом.

— Выбирайте, пожалуйста, выражения, — сказал он и снова лег.

Котов, не вынимая руки из-под плаща, обошел художника кругом и вопросительно посмотрел на Лузгина.

— Миша к Игорю пришел, — объяснил Лузгин.

— Милиция, капитан Котов. Предъявите документы.

— Отвали, мусор, — лениво бросил Миша.

Ничего в нем сейчас не было общего с раздавленной особью, которая умоляла впустить ее утром. Лузгин поймал себя на том, что немного побаивается Миши. Впрочем, поблизости были Вовка и Грэй, которым этот новый Миша нравился все меньше с каждой минутой. Оборотень снова прятался в кустах, страхуя друга, а пес совсем по-человечески убрался от греха подальше на задний двор.

— Я повторять не буду. Документы.

— Слушайте, капитан, это Михаил Ефимов, наш с Игорем старый знакомый. Мы в одной школе учились. Он к Игорю по делу.

— Я тоже к Игорю по делу, — сообщил Котов. Пошарил в кармане, вытащил пистолетную обойму и небрежно уронил ее Мише на грудь. — Понюхай, чем пахнет, красавец.

Миша брезгливо поднял обойму двумя пальцами.

— Неужто серебряные пули? А вы эстет, товарищ мент, — сказал он. — И что?

— А то, что у тебя на морде написано отвращение. Ты возьми ее нормально, в кулак. Слабо?

— Как вы их вычисляете? — спросил Лузгин, надеясь хоть немного отвлечь Котова и сбить напряжение.

— Опыт, — сухо ответил Котов.

— Поймите, не стал бы Игорь терпеть его здесь просто так. Я же говорю — Миша по делу. Оставьте человека в покое.

— Это не человек.

«Тут у всех, кто этим занимается, — личные счеты», — пронеслась в голове фраза, услышанная от Долинского. Лузгин видел: капитан не дурачится, он на полном серьезе готов бить врага.

А может, и убивать.

Миша подбросил обойму вверх, Котов ловко поймал ее левой.

— Одно неверное движение, тварь, — сказал он, пряча обойму в карман, — и тебе конец.

— Напугал! Мне давно уже конец. Поэтому я здесь. Я пришел к Игорю за помощью. Он обещал, что поможет выздороветь.

— Выздороветь? Да ты весь пропитан чужой кровью. Тебе не переломаться ни в жизнь. Вставай, пойдем, выйдем, поговорим по-мужски. Неужели тебе не хочется убить меня?

— Я бы с радостью, но сейчас не могу. Не имею права.

— А я — имею!

— Капитан, да не валяйте же дурака! — взмолился Лузгин.

И тут будто с неба обрушилось мягкое, но тяжелое. Обволокло, сковало по рукам и ногам. Это проснулся Долинский и сразу взял быка за рога. Лузгин сел на траву.

Котов остался стоять, более того, он достал пистолет.

— Капитан, вы маньяк, — невнятно пробормотал Лузгин.

Миша лежал неподвижно, глядя в дуло. Он не собирался драться с Котовым, во всяком случае, этой ночью.

Котов, пошатываясь, целился Мише в лоб.

Подошел Долинский, шлепая тапочками и запахивая халат.

— Всем доброй ночи, — сказал он. — Евгений, не будете ли вы так любезны убрать оружие? Спешите вы, честное слово.

Котов очень медленно повел стволом в сторону.

— Да у него патрон не дослан, — буркнул Миша. — Знаем мы эти ментовские штучки.

Бах!!!

Рядом с Мишиной головой взлетел фонтан земли. Долинский подпрыгнул, Лузгин повалился навзничь. В соседних дворах залаяли собаки. Громко топоча, прибежал Грэй и тут же сунулся обнюхивать хозяина. За кустами удовлетворенно рыкнул Вовка. Ему нравилось, что вампира обижают.

Миша открыл рот.

— Молчать, дур-р-рак! — рявкнул Долинский.

Котов снял курок с боевого взвода и спрятал оружие под плащ.

— Приношу вам свои извинения, любезный Игорь, — сказал он. — Мне было трудно контролировать себя. Вероятно, я пережил легкий моральный кризис. Но, согласитесь, я все же справился. А не найдется ли у вас стаканчика виски?

— Найдется, любезный Евгений. Но в обмен на обещание вести себя более цивилизованно.

— Насколько более?

— Без стрельбы. Пойдемте выпьем.

— Видите ли, друг мой, я был вынужден обнажить этот пошлый и вульгарный ствол от Макарова, поскольку оставил свой верный меч в багажнике! — разглагольствовал Котов, удаляясь.

— А между прочим, где ваш верный оруженосец?

— На процедуре. В последнее время Робокоп страдал некоторой утратой мотиваций, и я прописал ему свидание с невестой. Он скоро кончит. То есть закончит. Ну, вы понимаете?

— О да. Андрей! Не отставай. Там на самом донышке, тебе может не хватить.

Лузгин смотрел на Мишу. Тот глядел на звезды. Дыра в земле возле самого его уха была размером с кулак.

— Извини, — сказал Лузгин тихонько. — Но ты сам виноват. Зачем дразнил его?

— Он меня ненавидит. Вы все меня ненавидите.

— Неправда. Мне тебя жалко. И... немного страшно рядом.

— Не ври, я же чувствую. Я тебе отвратителен.

— Каково это — быть...

— Таким? Прекрасно. И ужасно. Понимаешь, я сейчас на полпути между человеком и ночным. Очень непростое состояние души. Не знаю, с чем сравнить. Ты никогда не хотел переспать с мужиком?

— Н-нет. Кажется. Точно нет.

— А я хотел. Только не смог решиться. Мне было очень интересно, но сил не хватило перебороть себя. Нечто похожее теперь. С одной стороны, умом я понимаю — за моим превращением в ночного последует смерть. Но то, что осталось в памяти от тех ночей, когда я был иным, лучшим, высшим... Да, не найти подходящего слова! Совсем другим я был. Это надо пережить. Тебе никто не расскажет, даже Игорь, он же совершенно ничего не знает! Новое видение мира. Наконец-то полное. То, о чем я мечтал с детства. Видеть всю палитру. Когда-нибудь я нарисую, как оно есть на самом деле. Это будет настоящий шедевр.

— А краски-то найдутся подходящие?

Миша чуть повернул голову и смерил Лузгина недобрым взглядом.

— Если понадобится, я разведу их на крови... — процедил он. И, увидев замешательство собеседника, обидно рассмеялся. — Не бойся, не трону... Ты угадал, красок подходящих нет. Но я мог бы их придумать. Эх, Андрей, Андрей, знал бы ты, как мне тяжело! Все силы уходят на то, чтобы держаться. Один шаг — и я окончательно стану ночным. Уйду в прекрасный волшебный мир.

— И будешь убивать людей.

— Наверное, — согласился Миша. — Это не проблема для того, кто знает, как убоги люди. Им терять-то нечего. Они не живут. Они слепы, глухи, самые яркие их эмоции даже не тень того, что ощущает ночной. Даже не пародия. Ночной проникает мыслью в самую глубь вещей. А как он любит! Как понимает! Как познает! Как... Думаешь, это небо черное? Я сегодня различаю десяток его оттенков. Завтра увижу вдвое больше. И твою жалкую душонку я читаю словно книгу. Нет, извини, не книгу, всего лишь плакат. Книга — это душа ночного.

— Ты сам придумал термин?

— «Ночной»? Да. Ну вот, теперь попробуй очень сильно напрячь воображение и представить, как трудно мне отказаться от этих возможностей. А я отказываюсь. Сегодня моя последняя ночь. Утром попрошусь к Игорю в подвал. Потому что хватит ли у меня решимости завтра — не знаю.

— Раз это так прекрасно, — не выдержал Лузгин, — тогда почему?.. Из-за жены?

— Чушь. Если она выживет после ломки, то бросит меня. Я давно ей опостылел. Мало зарабатываю. А не бросит, значит, буду каждый день бить ей морду и трахать во все дыры. Нет, Андрей, просто такие, как эти, — Миша мотнул головой в сторону дома, — не дадут мне покоя. Я думал, Игорь врет, будто ночные долго не живут. Сегодня приглядел к нему и понял, что он говорил правду. Я теперь отлично вижу правду. Выходит, либо я умру сам, либо меня подловит этот сумасшедший мент. Он на самом деле трус. Не дерется с ночными, а приходит, когда они слабы. И казнит. Он палач. Всего лишь палач. Несчастное озлобленное существо, жалкий огрызок человека. Уж на что ничтожен человек, а этот еще ничтожнее...

На веранде появился Котов. Без плаща. В руке он держал какой-то зловещего вида предмет. Лузгин пригляделся и опознал свою помповуху.

— Я не ослышался? — елейным голосом спросил Котов.

Вслед за Котовым из дома вышел Грэй. И тоже посмотрел на Мишу с вызовом.

Миша не спеша встал. Лузгин поднялся и решительно заслонил его собой.

— Уйди, — негромко посоветовал Миша.

— Как вы мне все надоели! — крикнул в окно Долинский. — А ну, отставить!

Котов передернул затвор.

— Сегодня в клубе будут танцы! — пропел он. — Та-та-та-танцы, танцы, ла-ла-ла-ла!

— Капитан, вы действительно маньяк, — сказал Лузгин. — Поставьте ружье на предохранитель.

— Эй, поберегись! Я на тропе войны, скоро гробы подорожают!

— Его убили.

— Что?

— Этого придурка, которого вы цитируете, убили. Я тоже читал Марка Твена. Капитан, положите ружье, — говорил Лузгин, одновременно загораживая Мише путь к веранде.

— Отвали! — Миша резко махнул рукой и смел Лузгина с дороги — тот покатился по траве.

— Долой гражданских с линии огня! — обрадовался Котов.

И тут Долинский ударил всерьез.

Мир перевернулся. Картинка перед глазами смазалась и поплыла. Лузгин будто в замедленной съемке увидел, как шагает вперед нечто, похожее на Мишу, а что-то вроде Котова валится на спину, изрыгая сноп пламени и искр в небо. Черный клубок вылетает из кустов и сшибается с Мишиным подобием. И еще серая тень прыгает с крыльца.

Вовка был в полтора раза легче Миши и гораздо меньше. У него были короче руки и ноги. Но он лупил ночного так, что Лузгин залюбовался. В измененном восприятии это смотрелось как танец. Оборотень скакал вокруг ночного и бил его кулаком по почкам, в живот пяткой, раскрытой ладонью в переносицу. А ночной, ставший вдруг поразительно неуклюжим, опаздывал блокировать удары. С каждым попаданием он заметно оседал на землю, становился ниже ростом, будто Вовка вколачивал его в грунт. «Умница ты мой, — с умилением подумал Лузгин. — Понял, что убивать не надо, но проучить стоит. Заодно и потренируешься».

Возле драки возбужденно крутился Грэй, но ему просто некуда было сунуть клык. Темп мордобоя ускорялся с каждой секундой — это Долинский плавно ослаблял давление на психику людей. Наконец отпустило совсем, и Лузгин порадовался, что лежит. А то бы сейчас упал.

Тут-то он и понял, насколько быстр оборотень.

Миша тоже валялся на земле. Свернулся в клубок и закрыл лицо руками. Вовка изобразил почти балетное па, высоко подпрыгнул — Лузгин испугался, что заигравшийся вервольф проломит ночному висок ногой, — но не завершил движения. Лапа оборотня встала на землю рядом с ухом ночного. Вовка присел и коротко ткнул Мишу кулаком в голову.

Ночной охнул и растекся по газону, как коровья лепешка.

Оказывается, Лузгин мог уже и слышать.

— Юноша! — позвал с веранды Котов. Он сидел, опираясь на ружье. — Я приношу вам извинения за бестактность,

допущенную сегодня утром. Владимир! Не сердитесь на меня! Честное слово, это было исключительно по дурости.

— Да ты вообще, я смотрю, по жизни какой-то мудак, капитан, — недовольно сказал Долинский.

Грэй понюхал бесчувственного Мишу и пришел обследовать Лузгина. Тот не без труда перевел тело в сидячее положение. Грэй обдал его жарким дыханием, счел транспортабельным и направился к Вовке. Слегка запыхавшийся оборотень стоял, опустив глаза, и, кажется, подумывал, не спрятаться ли опять в кусты.

— Этот кровосос меня бесит, — оправдывался Котов. — Ты же знаешь, что они со мной сделали.

— Со мной они тоже... сделали. Но я ведь держусь както? Женя, ты неуправляем. Мы знакомы всего один день, а ты меня просто запугал своими выкрутасами.

— Ты привыкнешь, честное слово.

— К психиатру тебе надо.

— Я ходил. А он говорит, у меня белки нет. Может, он некомпетентный?

— При чем тут белка, мать твою?!

Грэй подошел к оборотню и потерся о него боком. Вовка несмело провел рукой по загривку пса. Тот задрал морду и — Лузгин поклясться был готов, что увидел это, — улыбнулся вервольфу.

* * *

На выстрелы приехала милиция. За калитку вышел Котов, раздались веселые голоса, хлопнула крышка багажника «Волги», и проблема решилась. Слабо шевелящегося Мишу затащили волоком в подвал, уронили на старый матрас и прикрыли дырявым одеялом. Миша жаловался, что у него все болит, плакал и умолял спасти Катю. Похоже, Вовкины удары вышибли из вампира специфический ночной гонор. «Это нормально, — объяснил Котов, поймав удивленный взгляд Лузгина. — У них, пидарасов, завод короткий. Пока крови не нажрутся. Вот как нажрутся, тогда бронепоезд не остановит, бьются до упора. Есть, конечно, исключения — допустим, вожаки голодные только злее... Слушай, а ты правда думаешь, что я маньяк?»

Вовка на кухне жевал колбасу и украдкой совал куски

Грэю, хрумкавшему сухой корм. Долинский расхаживал вокруг дома и оживленно чего-то добивался по мобильнику сразу от двух абонентов. Причем, судя по лексике, с одним он беседовал, а с другим «чисто конкретно перетирал». Долинский оставался в халате и шлепанцах, хотя на улице похолодало.

Котов угощал Лузгина хозяйским виски и делился тонкостями охоты на вампиров. По его выходило, что все упирается в малочисленность «ночной команды», нехватку фондов, постоянную многоуровневую секретность, а главное, недостаточность информации. Котов был серьезно зол на свое начальство. Ему не сообщали элементарных вещей. Он не знал, откуда приходят ампулы с раствором солей серебра (то, что это именно серебро, капитан давно установил в лаборатории химзавода). Лишь этим летом он выяснил, насколько плотно завязаны все нити на ведущего городского психиатра — того самого «доктора». Как анекдот, Котов вполголоса поведал Лузгину, что Долинский стоял «в разработке» и на конец лета с полиграфическим боссом планировался серьезный разговор. «Я думал, это он у них смотрящий! И собирался его раскрутить. Вот был бы номер!» Историю про вервольфа в Зашишевье Котов выслушал очень внимательно, действия Лузгина одобрил и поклялся сделать что возможно для Вовки. «Хотя, — вдруг сказал он, — ну, найду я ему папку с мамкой. И что? Кому станет легче? Пацану надо побольше общаться, это видно невооруженным глазом. А с кем? Зашишевские мужики Вовке не компания. Поселить его у Игоря на участке — тюрьма с золотыми решетками... Эх, был бы Вовчик на собаку похож!» — «И что?» — «Я бы его к нам в ментовку пристроил!» Котов заржал, но Лузгин так и не понял, сколько в этой шутке было от шутки.

Подошел Долинский, хотел что-то сказать, и тут у Котова зазвонил мобильный. «Понял, оставайся на месте, я сейчас все решу и перезвоню». Котов поднял глаза на Долинского: «Клиент вышел прогуляться. Кажется, прямо через дверь. Очень похож на «мастера». — «Кто следит?» — «Робокоп, кто еще. На ближайшей доступной крыше сидит с оптикой». — «Ты же его к невесте трахаться послал». — «Я сказал, он вот-вот кончит. И прямо с бабы — на крышу.

Он такой, Робокоп. Железный парень». — «Опять самодеятельность...» — «Это наша работа, сударь».

Началась энергичная, но малоосмысленная дискуссия. Обе стороны жаждали провести рекогносцировку самостоятельно. Котов ссылался на свой богатый опыт, Долинский нажимал на личные эксклюзивные возможности. Сошлись на том, что исследовать особняк пойдет Долинский, Котов будет страховать с улицы, а Зыков продолжит следить за окрестностями и, если заметит «мастера», — даст сигнал.

Лузгина, естественно, назначили дежурным по штабквартире. «Не хотите Вовку с собой взять?» Котов замахал руками — молод, неопытен, в деле не проверен. «А кто вампиру морду бил?» Капитан надулся и сообщил, что Вовка пацан, а они с Зыковым вампиров едят на завтрак, и дай Котову волю, от бедного Миши остались бы рожки да ножки... Долинский в это время спустился с веранды, и вслед за ним из дома, жуя на ходу, выскочили оборотень с Грэем. Собаку Долинский отослал, а с Вовкой принялся беззвучно общаться. Потом Долинский ушел за дом, Вовка сел на траву и навострил уши. Несколько минут ничего не происходило. Лузгин попытался сосредоточиться и послать оборотню мысленный вопрос, как дела, но Вовка с извинениями закрылся. Лузгин успел понять только, что мальчик напрягает все силы.

Вернулся Долинский, растирая ладонями виски. Протянул задумчиво «Мда-а...», потрепал Вовку по плечу. И сказал:

— Андрей, я говорил, что вас двоих нам бог послал? Тото. Капитан, поехали. Вова сзади на сиденье ляжет. Андрей, вы с Грэем на хозяйстве. Мишка возникать будет — напомни, что ты не один тут. Он собак боится с детства. По местам, господа!

Лузгин, очень довольный за Вовку, показал язык спине Котова и пошел на кухню.

— Завтра утром, перед тем как я пойду к «мастеру», придется съездить за Мишкиной супругой, — донеслось с улицы. — Сделаем? А то мало ли, как дальше обернется. Хочу знать, что эта сладкая парочка уже сидит в подвале. Андрей

за ними присмотрит, если беда какая, не дай бог. Тьфу-тьфу-тьфу. Адрес я у Михаила спрошу.

— Не надо. Ключи от квартиры — вот, и адрес известен, я его паспорт забрал.

— Зачем?!

— Привычка. В России человек без паспорта как голый. Этот пидор, конечно, не человек, но все равно приятно гадость сделать.

— Ну, капитан... Ты даешь.

Заскрежетал стартер. «Волга» сначала не хотела заводиться, а потом взревела так, что снова залаяли собаки в округе.

Лузгин подошел к телефону, снял трубку и тут сообразил: на дворе глухая ночь. А ему вдруг очень захотелось позвонить жене и сказать, что приключения скоро закончатся и он приедет домой.

Как хорошо, когда есть куда вернуться. Из самой фантастической ситуации, из безумного переплета, из клубка неразрешимых проблем есть чудесный выход — поехать домой.

Конечно, если не рискуешь притащить свои проблемы на хвосте.

* * *

Приснилось, что рядом с кроватью стоит Вовка и говорит — поднимайся, уже давно рассвело, мы приехали. Лузгин открыл глаза, никого не увидел и догадался, что оборотень вклинился в его сон. От калитки доносились приглушенные голоса. К дому приближалась целая процессия.

Впереди прыгал Вовка, очень возбужденный, здоровье бьет через край. Он издали приветствовал Лузгина и показал ему мешанину картинок прошедшей ночи. Кадры промелькнули со свистом, Лузгин ничего не понял и остался только рад. Вовка был счастлив — и ладно.

Вторым шел Зыков, все такой же, с обрезом, в шляпе. На плече у него висел охотничий патронташ с открытыми ячейками.

Рядом трусил Грэй, заинтересованно тычась носом Зыкову в карман плаща. Наверное, там громила прятал вкусненькое.

Следующим был Долинский — вел, приобняв за плечи, нетвердо ступающую девушку, замотанную от щиколоток до подбородка в толстое одеяло. Растрепанную и босую. Лузгин подивился на редкостно красивые маленькие ножки, попытался разглядеть лицо, но оно почти целиком скрывалось под копной темных волос. Лишь прелестный острый носик выглядывал и четко очерченный подбородок. Кажется, девушка шла с закрытыми глазами.

Замыкали колонну сумрачный Котов с пистолетом в руке и элегантный мужчина средних лет, по виду преуспевающий коммерсант. Мужчина носил большие затемненные очки. Он что-то негромко втолковывал Котову, тот рассеянно кивал.

— Привет, — сказал Зыков, поднимаясь на веранду. — У вас же двенадцатый?

— В смысле? А-а... Да.

Зыков протягивал Лузгину патронташ.

— Для себя делал. Гарантия.

— Что там? — Лузгин принял тяжелую кожаную ленту и вытащил один патрон. Гильза оказалась латунная.

— Картечь. Серебро техническое. Заряд усиленный. В разумных пределах, но вы учтите, отдача сильнее обычного.

— И как это на них действует?

— Как на ежа голой жопой. Полная... э-э... потеря боевого духа. Может, они и дохнут потом, я не видел.

Долинский перед крыльцом взял девушку на руки. Одеяло распахнулось, обнажив до бедра стройную бледную ногу. На бедре запеклась кровь. Голова запрокинулась, волосы упали назад, и Лузгин невольно охнул. Глаза девушки заплыли, верхняя половина лица была — один большой синяк.

— Странная девка, рано начала, — прокомментировал Зыков. — Они вообще нынче летом активные.

— Ненавижу, — буркнул снизу Котов. — Надо было все-таки пристрелить вашего школьного дружка. Пидараса.

— Это не он ее, а она его заразила, — сказал Долинский, кивнул Лузгину и прошел со своей ношей в дом.

— Я с бабами не воюю, — сообщил Котов. Он спрятал пистолет и теперь закуривал.

Грэй, совсем обнаглев, полез мордой Зыкову в карман.

— Робокоп, да что у тебя там?!

— Шоколадка... — смущенно пробасил громила.

— Ну и дай коллеге половину. Он заработал беспорочной службой на благо Отечества.

Зыков деликатно отодвинул Грэя и зашуршал фольгой.

— А вы тот самый Лузгин? — подал голос «коммерсант». — Доброе утро. Читали вас, читали. Толково. Понимаете жизнь.

— Благодарю. Вы поднимайтесь, я сейчас чайку... Или кофе? Или чего покрепче?

— Нет-нет, спасибо.

— Мы на работе, — поддержал «коммерсанта» Котов. — У нас сегодня, против обыкновения, дневная смена.

В доме хлопнуло, потом заскрежетала передвигаемая мебель. Лузгин пошел кипятить воду. Через пару минут на кухне появился Долинский.

— Ага, — сказал он. — Прекрасно. Давай-ка кофе всем, да покрепче. Взбодримся чуток и спорные вопросы добьем. Сколько уже?.. Девять. Отлично. К полудню с божьей помощью начнем. Вовка просто чудо. Силища неимоверная. Он может глушить сигнал, представляешь? А еще — искажать его! Отсекать частоты! Нет, ты не представляешь, да и ладно. Одна беда, парень не научился прятаться, «мастер» наверняка учует его первым. Но какова глушилка! Вова прикроет людей, когда «мастер» начнет излучать, понимаешь?! А потом будет ставить помехи! Это же спасение! Андрюха, Андрюха, дай я тебя обниму, наша ты палочка-выручалочка! Уфф, до чего я устал. Кофе, кофе и еще раз кофе!

— Кто ее так? — спросил Лузгин сухо. У него перед глазами стояло обезображенное лицо девушки. Все равно красивое лицо.

— Кого и как?

— Ее.

— Ах, Катерину? Я. Ночь была тяжелая.

— Какое это имеет отношение?..

— Повторяю, ночь была тяжелая. Вампиры проснулись раньше времени, сегодня они разгуливаются, но завтра... Надо успеть покончить с ними до завтра. Иначе не знаю, что будет. Конечно, мы все перенервничали. А потом к Катерине заходим и видим — она привела мужика. Трахнула и

загрызла. Уделала кровищей всю спальню. Это Катя, которая была помешана на чистоте! Которая учила Мишку убивать людей стильно и эстетично! Ну и когда она решила сопротивляться...

— По-моему, ты Катю просто ненавидишь, тебе не кажется? Или, наоборот, влюблен в нее.

— А по-моему, ты лезешь не в свое дело, — заметил Долинский. Он действительно выглядел усталым, под глазами красовались сине-желтые мешки.

— Извини. Что там в особняке?

— Бывшие охранники Суслика. Два сухих трупа и одна поилка. Поилка — это человек в коме, из которого еще не все выпили. Добить пришлось. Гадкое занятие. Как же мне это надоело... — Долинский привалился спиной к холодильнику и закрыл глаза. — Они могут заращивать раны, и свои, и чужие. Ничем не болеют. Видят мир во всей его красоте. Я ведь учился рисовать, помнишь? И могу оценить, от чего отказывается бедный Мишка, с его-то душой настоящего художника!.. Господи, ну почему такие способности — таким уродам? И как сделать, чтобы хоть немногое досталось людям?! Ну, сейчас напугаем мы «старших». А дальше? Прийти и сказать — делитесь, суки, а то задавим? Плевали они на наши ультиматумы. Они никогда не делились с людьми. И не будут.

— Ты хоть примерно догадываешься, кто они? — спросил Лузгин, выставляя чашки на поднос. — Откуда взялся этот паразит?

— Понятия не имею. Из космоса. Какая разница?

— А они должны знать.

— Сомневаюсь. Если бы знали, их бы тут уже не было. Им плохо на Земле. Они здесь несчастливы.

— Может, они готовятся. Ты о летающих тарелках никогда не думал в этом ключе?

Долинский страдальчески застонал.

— Я думаю о сумасшедшем «мастере». И о том, что, если Котову удастся его задумка, сюда явятся москвичи. И кому-то придется говорить с ними. Мне страшно, Андрей. Я заранее боюсь струсить. Они приедут, увидят результаты, отечески похлопают нас по плечу и уберутся восвояси. А я буду смотреть москвичам вслед и плакать от стыда, потому

что побоялся объявить им войну. И все останется как прежде. А этого нельзя! Такие дела, Андрей. Есть идеи?

— Пойдем кофе пить, — сказал Лузгин.

Не было у него идей. Он устал и хотел домой. Только Вовку бросить казалось предательством. Теперь, зная о возможностях «старших», Лузгин уже не рискнул бы вытащить оборотня в Москву, чтобы привлечь к нему внимание спецслужб. Понятно было, в чьи руки угодит мальчишка. Но и оставлять вервольфа здесь... «Неужели обратно в Зашишевье? Нет. Не верю, что Вовка там приживется. И Котов это говорил».

Уже на выходе из кухни его осенило.

— Тебе совсем ничего не сказали про результаты обследования? — спросил он Долинского. — Ну, обследования тебя? Я имею в виду химию крови.

— Общий прогноз. Мол, буду жить и развиваться. О крови ни слова.

— Что будет с человеком, если вколоть ему чужой крови?

— Если группа не совпадет, как минимум температура подскочит, — сказал Котов совсем рядом. Он стоял за дверью и подслушивал. — Это называется иммунный ответ. Поболеет твой человек. Та-ак... Понятненько.

— Вот и я о том же. А если вампиру подсунуть кровь переломавшегося?

— Э! — возмутился Долинский.

— Ты подумай. Вдруг?

— Бессмысленно. Паразит давит все инородное в их крови.

— Но твой-то паразит измененный, разве не так? Чей сильнее?

— Да что за х...ня! — рявкнул Котов. — Игорь, звони доктору, пока я не позвонил!

— При чем тут доктор?! Если бы из моей крови удалось выделить антидот от паразита, ты бы уже давно бегал по городу с полными шприцами! Сколько лет назад «старшие» взяли мою кровь? И никаких повторных анализов. Значит, дохлый номер.

— А если наоборот?

— Я не понимаю, — Долинский попятился. — Вы что предлагаете? Травануть Мишку и Катерину моей кровью?

Только им этого не хватало. Они и так несколько дней при смерти будут, зачем усугублять риск? Подумайте головами, какой резон «старшим» все усложнять?

— Что нам известно о резонах «старших»? Я звоню доктору, — Котов достал мобильный.

— Его-то зачем дергать?

— Потому что он доктор, — веско ответил Котов.

— Стой, — Долинский выставил ладонь. — Я сам.

— Хорошо. Ты начни разговор, а дальше я.

— Не понял?..

— Потому что ты зассал.

— А залупу тебе на воротник?!

Лузгин вышел на веранду и принялся расставлять посуду. Зыков и «коммерсант» с нескрываемым интересом прислушивались к сваре.

— Капитан всегда такой напористый? — спросил Лузгин.

— Он им бошки топором рубил, — ответил Зыков.

«Коммерсант» внимательно посмотрел на Зыкова поверх очков, и Лузгин случайно заметил: один глаз у респектабельного мужчины заметно больше другого и сильно косит. Так он и подозревал с самого начала.

На кухне громко ругались, потом Котов утих и что-то забубнил Долинский. Пискнула мобила, давая отбой. Ругань возобновилась с новой силой. «Да он тоже зассал!» — «А я тебе, блядь, не дойная корова!» — «Кругом пидарасы!» — «Да на, подавись, жри мою кровушку, мусор!» — «Сам ты чмо кагэбэшное!» — «От чмыря слышу! Полицай! Тебе бы только убивать!» — «А кто бабу красивую ногами отп...дил?!» — «А некрасивую ты мне разрешил бы, да?!»

Появился Котов — губа закушена, руки глубоко в карманах. Долинский, весь красный, обогнал его и залпом опрокинул чашку обжигающего кофе. Вытер губы.

Котов ходил вокруг стола.

— Ладно, — сказал он. — Не хочешь — не надо. Родина вам этого не забудет, гражданин Долинский.

— На, — Долинский протянул ему руку ладонью вверх. — На, успокойся. Я уже все тебе отдал, все позволил, возьми и это. Сегодня твой день, ты командир. Но смотри, не откуси больше, чем сможешь прожевать! Гражданин начальник!

— Два готовеньких трупа у него в подвале, а ему их жалко! Эксперимент, понимаешь?

— Доктор Менгеле, блядь.

— А ты интель вшивый.

— Пусть я Катерину терпеть не могу, но Миша мой друг! Не хочу причинять ему лишних страданий!

— Послушайте, господа, — вмешался «коммерсант». — Сдается мне, вы обсуждаете не самую насущную на сегодня проблему.

— Это проблема вечная, проблема жизни и смерти, — процедил Котов.

— Если бы «старшие» знали, как сделать вакцину...

— Олег, я вас очень уважаю, — перебил Котов. — То есть я бы с удовольствием заковал вас в наручники и избил резиновой дубинкой, да поезд уже ушел. Остается признать, что вы талантливый менеджер, ценный член общества и вообще наш союзник. Но сейчас, простите, вы совершенно не в теме! Вакцина-шмакцина! А на хрена «мастера» е...утся с кем попало?! Кусают людей ночами — зачем?! Пьют они кровь! Пусть не все. Но голову даю на отсечение, что некоторые — пьют! Да они вообще есть, эти ваши «старшие»? Или это легенда для доверчивых? Типа все под контролем?!

Воцарилась тишина.

— Дураки мы, — заключил Котов, усаживаясь за стол. — Тебя, Игорь, я не осуждаю, ты давно живешь с этим враньем, привык к нему, поверил. Ты сам, извини, наполовину вампир. Тебе и подсунули легенду о многомудрых «старших». Тайный смысл бытия придумали для тебя, понимаешь? Секретную карту мира нарисовали! А вот нам с Робокопом кажется, что это фуфло! Вон хоть Андрея спроси, как утки запускаются, он специалист, его учили массам лапшу на уши вешать...

Котов, точь-в-точь как раньше Долинский, хлопнул чашку кофе и не поперхнулся.

— Нету «старших», — сказал он. — То есть люди они, нормальные люди. Узнаю знакомый почерк. Когда дебильную ситуацию консервируют из боязни, как бы еще хуже не стало. Выпустили джинна из бутылки и обосрались. Потом еще окажется, что упырей наши военные наплодили,

бля буду! Оружие возмездия, хе-хе. А может, это кому-то выгодно... Прости, Игорь. Тебе, наверное, совсем одиноко станет, если ты мне поверишь. Ты не верь. Не надо.

— Я знаю, что одинок, — произнес Долинский негромко. — А насчет твоей версии... Подумаем об этом завтра, если останемся живы-здоровы. Мишу и Катю — мучай, раз так решил. Шприц у тебя есть, подходи когда захочешь. Возможные последствия на твоей совести. Умываю руки.

Котов удовлетворенно кивнул.

Лузгин смотрел на Долинского и не знал, сочувствовать ему или нет. Похоже, этот властный человек столкнулся в лице Котова с совершенно непреодолимой силой. Капитан был из тех, кто затрахает мертвого. Или вампира.

Пока что для разнообразия он затрахал Долинского. Операцию разработал Котов, основной риск брал на себя Котов, всюду был сплошной Котов. Но ощущения, что Котова слишком много, не возникало.

Не было в капитане того внутреннего надлома, который временами нет-нет да и проглядывал из-под толстой шкуры Долинского. Может, потому, что Котов, хотя и пережил страшное — Лузгин приблизительно знал его историю, — остался просто человеком. Всего лишь.

— Теперь о деле, — сказал Долинский. — Олег?

«Коммерсант» выложил на стол ключи.

— Маленький от входной двери, большой от ворот. Дом Азиза я попросил очистить. Въезд в тупик когда блокируем? Это вообще надо? Туда все равно чужие не суются, а чем меньше поблизости людей, тем меньше случайных трупов.

— На въезде сначала встанем мы с Вовкой. Днем с такой дистанции нас «мастер» не учует. Потом, когда начнется, мы двинемся к особняку и будем прикрывать наших. Женя, ты уверен, что все рассчитал правильно?

Котов молча кивнул.

— Значит, до часа духу вашего поблизости быть не должно. Во избежание... случайных трупов. Ровно в час ждем бетономешалку, потом вы загораживаете въезд. Думаю, гости пойдут ближе к двум. Ваша задача прогонять мирных обывателей. Город будет крайне взбудоражен, и сколько-то

любопытных непременно явится посмотреть, что случилось.

— Честно говоря, смущает меня эта версия с массовым побегом из психиатрического отделения.

— По-моему, как раз очень удачно. Это придумала наша славная милиция, а она вышла из народа и близка ему по духу. Бешеных собак народ скушал и не подавился. Значит, слопает и психов. А вы фильтруйте поток и без крайней необходимости не покидайте машину. Как отличить человека от вампира...

— Я буду на въезде лично, не беспокойтесь, — заверил «коммерсант». — Сам прослежу. Бетономешалка гарантированно в час, за рулем мой человек. Бедный Суслик... Накрылась его сауна.

— Бедные мы, — отрезал Долинский. — Вампиров припрется от тридцати до сорока. А нас сколько? И серебра у Жени всего двадцать ампул. Эх, если бы...

— Тему поджога и взрыва — закрыли! — твердо сказал «коммерсант». — А мои ребята за вами приберут. Слушайте, последний раз спрашиваю, может, бригаду возьмете в подмогу?

Котов и Зыков синхронно замотали головами.

— Ну, как хотите. Помните, я рядом, постоянно на связи, и со мной трое надежных бойцов. Если что, только позовите.

— Тогда давайте собираться, — резюмировал Котов. — Игорь, я пошел за шприцем. Работай кулаком.

— Начинается русская боевая фантастика, — пробормотал Долинский. — Никогда я ее не любил.

* * *

Замысел Котова был очень прост. «Мастер» средь бела дня вряд ли обеспокоится тем, что неподалеку бродят люди. Они для него не представляют опасности. Людям надо сильно растормошить «мастера», чтобы тот на них среагировал.

А вот насчет Долинского и Вовки у Котова имелись обоснованные сомнения. От «внутреннего радара» обычного упыря получеловек и оборотень заслонялись легко, но не учует ли их «мастер»? Вдруг он всполошится, если Вовка

примется заранее, издали «глушить сигнал»? Здесь начинались вопросы, на которые Долинский не мог ответить. А Котов хотел получить гарантированный результат — взять «мастера» и использовать как приманку для остальных городских упырей.

Поэтому Котов рассудил, что легче всего подобраться к «мастеру» будет им с Зыковым. Они уже встречали эту нелюдь, не боялись ее и особенного воздействия на мозг в прошлую стычку не ощутили. «Не на что оказалось воздействовать», — прокомментировал Долинский. «Просто было уже светло», — скромно заметил Котов. «Да, но все равно вы удрали, не добив его. Думаешь, по собственной воле? Это он вас оттолкнул. Не беспокойся, когда «мастер» поймет, что дело пахнет жареным, он тебя изо всех сил шандарахнет. Покажет, на что способен. Даже в светлое время суток». — «Этого я и хочу добиться. Больно сделать ему, суке, больно, понимаешь?»

Прикрыть людей в ответственный момент должен был Вовка. Его талант «глушилки» оказался решающим. Без Вовкиной помощи «мастера» пришлось бы брать Долинскому, в одиночку. Малейшая оплошность могла стать для него роковой, и тогда все шло насмарку.

А так получился четкий и вполне реализуемый план, расписанный почти до минуты. С одним недостатком — он обрывался в районе часа дня, а затем предполагалось действовать по обстоятельствам.

Долинский изначально думал превратить особняк в мышеловку и ближе к вечеру его сжечь или взорвать, однако по этому пункту столкнулся с упорным сопротивлением Косого. Да, ничто не мешало «ночной команде» поступить как ей заблагорассудится. Но некоторые рассчитывали при удачном исходе дела остаться в городе. А Косой слыл человеком щепетильным и всегда осложнял жизнь тем, кто нарушал договоренности. Долинский намекнул, что Суслик все равно из дома съедет. «Это не принципиально, — отрезал Косой. — На моей территории десять лет ничего не взрывалось. И не будет! Я сказал». — «Шухера опасаетесь!» — поддел его Котов. Мафиозо в ответ раздраженно фыркнул. «Я обещал народу спокойную жизнь. И я ее обеспечу!» Оказалось, Косой еще и депутат.

Олежка очень хотел участвовать в акции своими бойцами, но его помощь отвергли, побоявшись, что гангстеры наломают дров с непривычки. Вампира бить — это вам не арбузную лавку рэкетировать. А кто-нибудь, глядишь, и заразу подцепит, бегай за ним потом.

Косой явно обиделся, но спорить не стал. Глядя на него, Лузгин никогда бы не подумал, что этот воспитанный и сдержанный мужчина гонял по городу поливалки со святой водой. А теперь он взваливал на свои плечи организацию самой грязной работы. Конечно, в обмен на гарантию невмешательства от генерала. Котов, например, подозревал, что трупов из дома Суслика вынесут несколько больше, чем туда зайдет живых. «Вы просто, извините, дурак какой-то, гражданин начальник, — надменно отвечал ему Косой. — Тогда я сам взорвал бы эту халупу. Больно мне надо возиться с кровавыми ошметками! Вы поймите, у города ре-пу-та-ция! Тихое место и все столичные удобства. Здесь лет через пять будет — ого-го! Сюда москвичи переезжать начнут! Вот я еще химзавод прикрою, все равно еле пыхтит...» — «Кстати, да, второй год не воняет совсем, воздух как на курорте». — «Ну я же фильтры там поставил, фильтры! Разориться можно! Подготовим новые рабочие места — и на фиг эту химию...» — «В мафии рабочие места подготовите? Перекуем, так сказать, химиков на вымогателей?» — «Слушайте, Котов, я про вас тоже знаю пару гадостей, но я ведь молчу!»

Был, конечно, в отказе брать на дело гангстеров и некий моральный подтекст. Котову идти в бой вместе с уголовниками казалось западло, а Долинский ими брезговал. Но эту лирику заслоняли разумные доводы. Первый контакт с упырем всегда лотерея. Какую реакцию выдаст человек, пусть вооруженный и привычный к драке, спрогнозировать невозможно. В небольшом закутке, где должен был решиться исход противостояния, Котов хотел видеть только проверенных. Он даже Вовку записал в команду с оговорками, а по поводу Лузгина отозвался весьма уклончиво. Внимание журналиста ему льстило, но если оный журналист вдруг не туда стрельнет, не того стукнет или не вовремя испугается...

«И вообще там будет слишком много крови, — сказал

Котов. — Я уж на что привычный, и то иногда крыша едет, к доктору на поклон бегаю. А у тебя нервы гражданские, тонкие».

Лузгин уже сам опасался предстоящего. Он еще ночью почувствовал, что ему вампирская катавасия надоела дальше некуда. Видимо, нервная система перегрузилась впечатлениями и просила отдыха.

Но все-таки он был обязан досмотреть это кино до конца. Даром, что ли, играл в нем роль второго плана.

* * *

Сначала потемнело в глазах. Потом в голову вгрызся отвратительный скрежет. «Господи, — подумал Лузгин, судорожно цепляясь за подлокотники кресла, — отсюда до особняка километров пять, если не больше! Как же там ребята?!» И тут отпустило. То ли «мастер» умер от натуги, то ли включил свою «глушилку» Вовка. «Мастер» был нужен живой, но сейчас Лузгин от души желал ему провалиться сквозь землю. Он не хотел видеть это чудовище, не хотел ехать помогать, ничего уже не хотел.

Грэй участливо лизнул его в руку. Но сил не было погладить в ответ пса.

Минут через пятнадцать у калитки загудели. Лузгин заставил себя встать из кресла, взял ружье и на заплетающихся ногах побрел к машине.

Это была «Волга» Долинского, за рулем сидел водитель, бесцветное лицо которого Лузгину так и не удалось запомнить.

— Шеф сказал вам отдать, — водитель не глядя сунул назад короткую помповую гладкостволку с пистолетной рукояткой, похожую на зыковскую, только фирменную, дороже раз в десять. — Там очень тесно, вы со своим не развернетесь. Перезаряжайте. Ружье оставьте здесь, я за ним присмотрю.

Рука водителя сильно дрожала. И передачу он не с первого раза воткнул. «Волга» рыкнула и, отчаянно мотая кормой, пошла ввинчиваться в тесные переулки.

— Тяжело пришлось?

— Я был в центре, наблюдал. Там... Ничего. Удивились все. Шеф ждал худшего.

Водитель помолчал и добавил:

— Удачи.

Въезд в тупик перегораживал серебристый «Мерседес», вымытый до ослепительного блеска. «Волга» поперла на него как советский штурмовик, которому сдуру подставился «Мессер». Берегись поезда. Изделие немецкого автопрома шустро отпрыгнуло с дороги.

Особняк Суслика оказался большой двухэтажной коробкой с нахлобученной сверху тяжеловесной многоскатной крышей. В распахнутые ворота задом впихивалась громада камазовской бетономешалки. Ее продвижением руководил Зыков, выразительно размахивая обрезом. Внешность сержанта удивила Лузгина. Что-то в Зыкове было странное.

Только выйдя из машины, Лузгин понял — сержант потерял шляпу и стал весь в крапинку. С ног до головы уделан кровавыми брызгами.

— Ага! — приветствовал его Зыков. — Сюда давай! Есть тебе работенка! Кувалду возьмешь у крыльца! И бегом по дому! На каждом окне подъемники для ставней... ставен... хер знает, как правильно! Чтобы раздолбал все до единого! И электрику, и механику! Уничтожить! Оба этажа! Вперед!

— Ты чего кричишь? Все живы?

— Кричу? Разве? Все живы, все, давай!

Тут Лузгину тоже заложило уши. Воздух жужжал. Именно так — жужжал воздух.

На высоком крыльце сидел Вовка. Встопорщенный до последней шерстинки, он казался вдвое больше себя обычного.

— Что с тобой, сынок?! — воскликнул Лузгин.

Оборотень поднял на Лузгина страшноватые прищуренные глаза.

— Я-а ра-а... ра-а-бо... та-ю, — сказал он. — Хо-о-рошо. Ты-ы иди.

Лузгин принял решение ничему больше не удивляться и пошел в дом.

— Как я блева-ал!!! — орали голосом Котова где-то внизу, на цокольном этаже.

Внутри дом тоже напоминал крепость. Прихожая была тесной, за ней — узкий коридор с ответвлениями под прямым углом. Лузгин искал дорогу вниз, пока не наткнулся

на кровавые следы. По ним вышел к Т-образному перекрестку коридора с лестницей, спустился, толкнул массивную дверь, вполне достойную бомбоубежища, и оказался в сауне.

Первой мыслью было — лучше б он сюда не заходил. Второй — бегом отсюда!

Жужжало здесь на грани выносимого. Наверху тарахтела бетономешалка. А из-под самого потолка с улицы хлестал свежий цементный раствор. Через узкое оконце. Под окном был бассейн, примерно три на три. Перевесившись через край, в бассейне орудовали лопатами Котов и Долинский. Котов был сильно измазан кровью, Долинский совершенно чистый.

— Баю-баюшки-баю! — орал Котов.

Из потолка торчал крюк, от него вниз уходила туго натянутая веревка. Лузгин, в общем, догадывался, что болтается на ее конце. Но он был должен увидеть это своими глазами. Короткими шагами Лузгин приблизился к бассейну.

— Вот он, сука! — крикнул Котов радостно. — Красавец! Любуйся!

«Мастер» не был похож на живое существо. Он вообще ни на что не был похож. В цементе утопало по пояс человеческое туловище, увенчанное нечеловеческой головой. Ближе к собаке, чем к обезьяне. Привыкший иметь дело с Вовкой, Лузгин в первый момент не почувствовал особого шока. И тут лицо «мастера» ожило. Приоткрыло единственный глаз. Показало зубы. Лузгин выронил обрез, упал животом на край бассейна, и его начало рвать прямо «мастеру» под ноги.

— Ага! Еще одно жертвоприношение! — орал Котов. — Все правильно, Андрей! Обряд инициации охотника на вампиров! Не ссы! Проблюешься — и морального кризиса как не бывало!

Повешенный за шею «мастер» заходился в беззвучном крике. Котов въехал ему лопатой по морде и продолжил разгонять по бассейну раствор.

Лузгин достал носовой платок, утерся, подобрал обрез и снова посмотрел на «мастера». Жуткий лысый череп покрывали неровные обрывки пергаментной кожи. В районе макушки виднелась черная дыра. На торчащих вперед че-

люстях висели ошметки мяса — наверное, все, что осталось от губ. Лузгина скрутило по новой.

— Руки показать не можем, покидали вниз, — раздался спокойный голос Долинского. — Женька их отрубил. Ноги, кстати, тоже. Вот живучая тварь...

Лузгин с трудом разогнулся. Долинский мешал раствор, покрывший «мастера» уже по грудь. Шум по-прежнему стоял оглушительный, значит, получеловек говорил с ним мысленно.

Да, рук у «мастера» не было.

— Тебе Зыков про кувалду сказал? Будь другом, сделай. Вдруг какая-нибудь дрянь убежит. Нельзя, чтобы она открыла ставни.

Лузгин кивнул, бросил последний — как он надеялся — взгляд на «мастера» и почти бегом выскочил из сауны.

— Игорь! — кричали сзади. — Ты активнее шуруй! Косой сказал, это четырехсотый портленд! Сорок пять минут! Андрей! А ты ставни ломай! Вот-вот начнется!

На крыльце Лузгин осторожно погладил Вовку, забрал кувалду и пошел ломать подъемники ставен.

Или ставней.

* * *

— Первыми будут вожаки. Трое или четверо. Это самые опасные для нас твари. Появиться могут откуда угодно — скорее всего, с тыла, через забор. Они умные, подвижные, могут принимать нестандартные решения. Если хоть один догадается удрать — надо перехватить любыми средствами. Под ноги кидайтесь, зубами рвите. Я не шучу. Олег, слышишь? Выскочит кто из тупика обратно, дави его машиной и расстреливай в капусту... За вожаками пойдут случаи полегче и дальше по убывающей. Всем, кто вышел на вампира в первый раз, объясняю: могут попадаться самые разные экземпляры. Женщина, допустим, неземной красоты. Ребята, никакой жалости. Потом жалеть будете. Запомните, что мы им ничем помочь не можем, а вот они нас убьют, съедят и облизнутся... Так, расстановка. Ваше слово, товарищ капитан...

Подвальное окно заслонили колесом бетономешалки. Теперь проникнуть в сауну, минуя засаду, было невозможно. Долинский и Зыков взяли кувалды. Котов достал из багажника «свой верный меч», то есть острейший мясницкий топор. Еще они добыли где-то три пожарных багра.

Лузгину и Вовке холодного оружия не дали.

— Расстановка простая. Мы трое заживо хороним себя в сауне. Чтобы или мы их, или они нас!

— Вот же у некоторых тяга к красивым словесам...

— Цыц! Владимир — на второй этаж. Разведка и прикрытие, никакой драки. Вова, заруби себе на носу, ты самый ценный в команде, бережешь наши мозги и показываешь обстановку в доме. Попробуешь влезть в мочилово, я тебя потом высеку. Андрей, ты у лестницы наверх, за углом. Если кто-то проскочит мимо поворота к сауне, хоть на пару шагов, выходи в коридор и стреляй в брюхо. Мы высунемся, затащим к себе баграми и прикончим. В таком вот аксепте. Капитан Котов инструктаж закончил.

— И последнее. Тоже всех касается. Сейчас Вова попробует дать нам картинку. Мы с Андреем ее, скорее всего, получим. Как остальные, не знаю. Если не выйдет, это ничего не меняет. Теперь совсем последнее. Едва Вова снимет глушение, «мастер» наверняка по нас врежет. Он очень устал, но шанса не упустит. Потом одумается и все силы бросит на зов о помощи. Предупреждаю — когда мы начнем давить упырей, короткие удары «мастера» еще возможны. Вова их блокировать не будет, его задача ставить помехи, чтобы от «мастера» наружу вырывались только жалобные вопли и никакой информации о засаде. Наш Владимир тоже не батарейка «Энерджайзер». Так что держитесь. Ну, по местам. Олег, я выключаю телефон. Если понадобишься, сам позову. Удачи нам. Андрей, лапу!

Все принялись жать друг другу руки. Зыков, вдруг расчувствовавшись, сгреб Вовку и прижал к груди. Оборотень выглядел задумчивым и отстраненным, он по-прежнему глушил «мастера», хотя прежнего ожесточения в Вовкиных глазах не было. «Мастер» действительно слабел с каждой минутой.

Лузгин представил себе живое существо, лишенное рук и ног, закатанное по подбородок в быстро схватывающийся цемент... Все еще живое! Содрогнулся и наконец-то по-

нял, какой заряд ненависти к вампирам несут в себе четверо его товарищей. Лузгин жалел «мастера».

А теперь ему предстояло стрелять в его порождения, гораздо более человекообразные. Вдруг они будут похожи на Катю? Сможет ли он?

— Вова, давай. Закрываем глаза, расслабляемся, ищем картинку.

Лузгин привычно нащупал в эфире волну оборотня и тут же увидел... Нет, ощутил дом и пространство вокруг. Радиус метров полтораста, как раз до выезда из тупика. А вот и «Мерседес». В нем четверо. Можно опознать Косого. Дом, цоколь, сауна, отлично чувствуются трое в засаде. Вовка наверху. Блеск.

— Долинский картинку взял.

— Лузгин взял.

— Котов взял. Голова кружится.

— А я ни фига не вижу.

— Одно слово, железный человек. Зато я тебя вижу и слышу.

— Хорошо, друзья, этого достаточно, теперь пробуем открыть глаза и удержать картинку в голове.

Лузгин послушно разжмурился. Ощущение пространства нарушилось, потом восстановилось. «Ну, Вова, ты даешь!» — «Я быстро учусь, — пришел ответ. — Я ведь говорил тебе, у меня в школе были хорошие отметки!» И Лузгин понял: Вовка никогда не обманывал его. Мыслеречь оборотня не позволяла лгать.

— Долинский картинку держит.

— У Котова все смазалось.

— Смажьте Котову мозги.

— А у нас с собой есть? Кстати, Робокоп, где мой акушерский саквояж? Намечаются трудные роды, а я не вижу инструмента.

— Да ты что! Вот он!

— Виноват. День безумный. Давай, когда все закончится, нажремся! В говно!

— И еще по бабам.

— Заметано.

— Женя, ты держишь картинку с открытыми глазами или нет?

— В общих чертах. Очень непривычно. Может, лучше мне не отвлекаться? Ты же расскажешь, что и как.

— Ладно, договорились. Внимание! Вова, снимай глушение полегоньку. Если кому-то будет совсем плохо, кричите, он снова прижмет нашего приятеля.

— Да приятель уже не дышит.

— Робокоп, в прошлый раз ты говорил то же самое. Дышит он, дышит. Грудь держал надутой до упора, пока цемент схватывался. Не дурак, сука.

— Вова, поехали.

Жужжание, к которому Лузгин уже отчасти притерпелся, начало убывать. Вместо него возвращался знакомый скрежет. Перехватило горло, заныла переносица, картинка от Вовки расплылась.

— Вяло, — сказал Долинский.

Через секунду «мастер» врезал, да так, что Лузгин повалился на пол. Голову стиснул невидимый обруч, человек машинально схватился руками за виски.

Никогда еще Лузгина не тошнило от боли. Теперь его рвало желчью, а потом выворачивало наизнанку пустой желудок, и это была ерундовая боль по сравнению с той, что раскалывала череп пополам.

— Всего-то десять секунд, — сказал Долинский.

— Я тебе морду набью... — прошептал Лузгин.

— За что?

— Вот за эти слова. Десять секунд! Я думал — минут.

— Ничего, теперь отдохнем полчасика. Эй, коматозники! Живы?

— Ну все, Долинский, ты меня достал своим юмором... — послышалось шипение Котова. — Следующее купание в цементе — твое.

— Ребята, что, правда вам плохо было?

— Мудак.

Лузгин кое-как уселся, положил на колени обрез и трясущейся рукой достал сигареты. Кто-то погладил его по голове.

Это был Вовка.

— Иди наверх, сынок. Я в порядке. Спасибо.

Вместо жужжания теперь в ушах стоял тихий свист.

«Это он зовет на помощь своих детенышей, — передал Вовка. И, поняв вопрос Лузгина раньше, чем тот успел

сформулировать его, ответил: — Да, он так к ним относится. Он их родитель. Потом они вырастут и разбегутся, а он будет рожать новых и новых».

— Час от часу не легче, — вздохнул Лузгин.

— Андрей, картинка есть? Звук есть? — деловито выяснял Долинский.

— Все есть, отстань. Дай покурить.

— Перекур.

— Мудак, — сказал Лузгин вслух.

— Ружье протри заблеванное.

Лузгин, чертыхнувшись, полез за носовым платком.

* * *

Город оповестили о групповом побеге из психиатрического отделения, и он не слишком впечатлился. Ну, кое-где видели странные фигуры, все почему-то замотанные в одежду с головой. Одни психи шли быстро, другие еле ползли. Да и черт с ними. По сравнению с двумя загадочными приступами массового помутнения рассудка — ничего сверхъестественного. А о приступах уже разошелся слух, мол, случилась адской силы магнитная буря.

На южной окраине города беглые сумасшедшие вызвали куда больший интерес. Когда по вашей тихой улочке раз в две-три минуты проходит нечто из ряда вон — поневоле озадачишься. Как и ожидал Долинский, любопытствующих нашлось достаточно.

Фильтром грубой очистки толпы работал милицейский наряд. Милиционеры держались молодцевато, даже покрикивали на психов: «Давай, чмо, проходи, не задерживайся, по тебе доктор соскучивши!», но мало-мальски пытливый глаз увидел бы, что трусят менты изрядно. Да и больница находилась совсем в другой стороне. Тем не менее основную часть зевак милиция завернула назад.

Бойцы Косого «отсечку» на последнем рубеже провели отменно. Припугнули четверых неорганизованных граждан, одному начистили рыло — это был всамделишный псих, затесавшийся среди вампиров, — и засветили пленку внештатному фотокору местной газеты. Олежка оказался феноменально наблюдателен и ни одной невампирской морды в тупичок не пустил. Хотя ушлый псих, например, правдоподобно накрылся одеялом и приволакивал обе ноги.

В тупичке события развивались совсем не так весело.

Первый вожак прибежал на тридцатой минуте. Ему было очень худо от дневного света, но он нашел силы двигаться со скоростью, заметно превосходящей человеческую. Торопливость его и сгубила. Вожак прыгнул через забор, влетел в дом, мигом унюхал сауну, открыл дверь — и тут же был поражен сокрушительным ударом кувалды в висок. «Мастер» попытался надавить на людей, но силы его были на исходе, и он только лишний раз схлопотал по морде лопатой. Тест системы прошел успешно — Вовкин «помехопостановщик» работал, и чего бы там «мастер» ни передавал о засаде, вампиры ее не видели.

Зыков так саданул вожака, что тот полностью утратил боеспособность и едва дернулся, когда Котов всадил иглу ему в сердце.

Следующий вожак появился еще через три минуты. Этот не спешил, экономил силы, но тоже полез в ловушку как миленький. Почуял неладное, отскочил, так что удар Зыкова прошел вскользь, попытался драться, но его забили кувалдами до состояния холодца, а потом спокойно укололи.

Вместо третьего вожака пришли сразу два вампира. Пара девчонок лет семнадцати. Скинули в прихожей капюшоны зимних курток и остановились, наслаждаясь защитой от солнца. Постояли-постояли, да и в сауну. Шевелились они не ахти, Котов отказался тратить серебро на такой мусор и порубил девиц топором. Лузгин прекрасно видел эту дикую сцену на своем внутреннем «мониторе» и решил, что Котов хоть и симпатичный мужик, но действительно маньяк. Сам Лузгин заметно отупел. В нем жило одно желание — выполнить задачу наилучшим образом, а потом напиться вдрызг.

После того как Котов хладнокровно разделал следующих двоих, Лузгин усомнился, что сможет теперь общаться с этим человеком.

Долинский злился — не шел очередной вожак.

Пришли еще два вампира, поодиночке, совсем никакие, легкая добыча.

Потом трое почти без интервала. Вовка поднял тревогу в последнюю секунду. Третьим был вожак, маскирующийся под «рядового». Засада попряталась за углы, пропустила двоих к «мастеру» и набросилась на третьего. Обошлось без

неприятностей, правда, Котову оторвали рукав пиджака, а Зыкову расцарапали щеку.

Долинский смывал кровь водой из шланга. Котов запихивал трупы в раздевалку. У Зыкова сильно болела вывихнутая рука, и Долинский встал «на первый удар» вместо него.

Дальше пошла толпа. Упыри так и ломились в дом, среди них попадались на диво подвижные экземпляры. В игру вступил Лузгин. Через два гостя на третьего он выскакивал в коридор и начинал стрелять. Так удавалось затормозить поток.

Лузгин очень боялся первого выстрела, но, когда нажал на спуск, оказалось, что вести огонь по вампирам не труднее психологически, чем когда-то по ястребу. Лузгин просто убедил себя: перед ним жестокий и кровожадный враг. Вряд ли все получилось бы так легко, не будь того детского опыта, и мысленно Лузгин поблагодарил отца.

«Твой папа был хороший», — передал Вовка, и Лузгин почувствовал: оборотень слабеет, только виду не подает.

Из сауны тоже раздавались выстрелы. Зыков пропустил несколько ударов по здоровой руке и больше не мог махать кувалдой.

Один вампир полез на Лузгина, и тот израсходовал четыре заряда сразу. Вампир сдох в ужасных корчах, но Лузгина уже не тошнило. Он словно окаменел внутри. Эта сволочь хотела его убить — так ей и надо. Зыков, улучив момент, подбросил боеприпасов и попросил экономить. Выглядел сержант неважно. Долинский тоже устал, один Котов держался бодрячком, но понятно было, что это на голых нервах, а потом он вообще упадет.

Двадцатый упырь попытался задушить Котова, когда тот сунулся к нему со шприцем.

Двадцать третий атаковал Лузгина, был сбит выстрелом, зацеплен багром и утянут в сауну, где по-бульдожьи повис на руке Зыкова, как назло, здоровой. Сержанта перевязали, но он теперь с ружьем едва управлялся.

Лузгин заряжал обрез через один — серебром и обычной дробью. Патронов осталось мало.

«Эти двое у нас в подвале ужасно кричат, особенно мужчина», — пожаловался Вовка. И Лузгин не сразу понял, кого имеет в виду оборотень.

В раздевалке тела лежали уже штабелем.

Вокруг дома бродил озадаченный вожак. Он смотрел, как исчезают за дверью вампиры, и не решался идти внутрь. Долинский всерьез раздумывал, не натравить ли на него Косого. Вся надежда была, что вожак устанет шляться по солнцу. Он и так совершил подвиг, добравшись сюда с другого конца города.

Двадцать пять. Двадцать шесть.

— Вожак пошел.

— Андрей, стрельни ему в поясницу, когда будет у двери сауны.

Лузгин зашел сзади и выстрелил, свалив вожака. Дверь распахнулась, мелькнула кувалда, череп кровососа разлетелся вдребезги. Истерически засмеялся Котов. Лузгин передернул затвор и вернулся на место. «Я робот. Я робот. Я робот. У меня нет эмоций. И не было никогда».

Двадцать восемь. У Долинского рассечена бровь.

Двадцать девять. Котов поскользнулся в луже крови и не может встать. Долинский льет на него холодную воду.

Тридцать. Прелестная девушка, совсем молодая, остановилась у двери сауны и вдруг повернула назад. Не смогла уйти, заметалась туда-сюда.

— В чем дело, Вова?!

Вовка был озадачен. Юная вампирша разрывалась между двумя криками боли — тем, что из сауны, и доносящимся из подвала Долинского. «Мастер» властно тянул девушку к себе, но второй сигнал, от Миши, казался для нее почему-то не менее значимым.

— Андрей, да подстрели ты эту несчастную! Ну, Мишка, ну, подонок... Вернусь живой — яйца оторву!

Лузгин встал над лестницей, навел на девушку ствол... И опустил его.

Прижавшись к стене, вампирша горько плакала.

Распахнулась дверь, мелькнули багры, впились острыми крюками девушке в бок и плечо, дернули, повалили на пол... Лузгин отвернулся.

Не хватало воздуха. Лузгин пошел по коридору к выходу. В прихожей скинула покрывало — дорогую тяжелую занавеску — высокая блондинка с холеным безжизненным лицом. «Наверное, она и при жизни была такая», — подумал Лузгин, уступая женщине дорогу.

Блондинка ударила его в затылок.

Дальше Лузгин все видел как в тумане и не мог поручиться, что некоторые эпизоды действительно имели место. Вроде бы прибежал Вовка и сломал женщине хребет, а потом отгрыз голову. А шатающийся от усталости Котов с безумным хохотом расстегнул штаны и мочился голове в раскрытую пасть. И кого-то бил из пистолета Зыков. И метался Долинский с залитым кровью лицом. И рвал у Лузгина обрез, а тот не отдавал. А Вовка вытащил Лузгина на улицу. И тот прямо на крыльце расстрелял еще одного упыря. А потом сверху, с крыши, на них свалился вожак, да-да, еще один вожак. Он с лету попал Вовке ногой в голову, так что оборотень кубарем укатился под забор и не смог подняться. Вожак стоял над Лузгиным, оскалив зубы — черное пятно под надвинутым капюшоном и два белых-белых ряда зубов. И Лузгин выстрелил ему в пах, но раздался только щелчок бойка.

И вожак занес лапу для смертельного удара.

Но его рвануло за ногу и куда-то унесло.

Лузгин сполз с крыльца на землю, сел и глядел, качаясь из стороны в сторону, как Грэй дерет в клочки глотку вожака, а потом отпрыгивает и снова напрыгивает, и снова кусает, и отпрыгивает, и так без конца. А вожак пытается встать, но, помогая собаке, его немилосердно плющит яркое летнее солнце, вынырнувшее из-за облаков. И перемазанный кровищей Котов носится по двору с топором, отсекая лишнее от ошалевшего вампира. И Долинский у самых ворот в кого-то вонзает шприц.

И Вовка ползет, ползет, ползет от забора, чтобы обнять Лузгина.

Лузгин потянулся навстречу оборотню и упал лицом в песок.

И все кончилось.

* * *

Последних двух вампиров прикончил Грэй, прямо на улице. Долинский попросил Косого увезти избитую команду домой, выждал для верности еще час, потом спустился вниз и загнал единственный оставшийся шприц «мастеру» в глазницу.

Он сказал, макушка умирающего «мастера» долго курилась черным дымом.

А Олежка, посетив сауну, заявил — надо было дождаться, пока набьется полный особняк упырей, и взорвать его к едрене матери. Хер с ней, с репутацией города. И с имуществом Суслика тоже хер. Здоровье дороже.

Но Долинский возразил — ты видел, как получилось с вожаками? Они бы не дали запереть их. Нет, мы поступили единственно верным образом.

Дом Долинского превратился в лазарет. Здесь был психиатр. И личный врач Олежки. И еще мафиозный хирург, потому что у Зыкова обнаружили закрытый перелом.

Психиатр очень пригодился Котову. Тот никак не мог расстаться с головой блондинки. Хотел сделать из ее черепа ночной горшок. Подарить художнику Ефимову. Олежка тихонько спросил Долинского, в чем тут хохма — он как раз собирался заказать у Ефимова портрет своей жены. Долинский объяснил. Косой схватился за сердце, посинел, ему сделали укол и положили тут же отдыхать. Он после сауны плохо себя чувствовал.

Приехал генерал. Тоже после сауны. Поцеловал Долинского. Поцеловал Котова. Пожал руку всем, даже по ошибке какому-то бандиту. Отечески потрепал Зыкова по плечу — все равно у того руки никуда не годились. Погладил Грэя. Потом увидел голову блондинки. И сразу уехал.

Увезли Косого. Он оставил Долинскому вооруженную охрану и прислал немного погодя миловидную кухарку, пару девиц «широкого профиля», несколько корзин провианта и ящик коньяка. Девицы прибрали в доме, кухарка наготовила вкуснятины. Долинский заглянул в подвал, отнес туда еды и питья, выбрался обратно какой-то задумчивый, и вдруг у него подкосились ноги. Охрана унесла хозяина наверх. Котов уже давно спал. Зыков пил водку с девицами и не столько пьянел, сколько дурел. «Три осталось! — повторял он без конца. — Три штюк. Трое штуки. Больше нету. Всё, аллес! П...ц! Две тут и одна у папы. То есть две тут, но одна мужик. Значит, двое? А у папы? Одна. Всего три, значит. Так выпьем же за это замечательное число».

Лузгин тоже спал, а рядом на матрасике лежал в забытьи Вовка. Он был настолько истощен, что не мог заснуть.

Уже стемнело, когда Вовка заскулил. Лузгин проснулся, сполз с кровати и на четвереньках отправился в дом. Отыскал Зыкова, дрыхнущего с девицами и кухаркой. На-

щупал в ворохе одежды пистолет. Кое-как поднялся на ноги и, держась за стенку, вернулся в «гостевую».

— Вам нравятся серебряные пули? — спросил он.

Нечто, имеющее внешность человека, посмотрело на Лузгина бездонными глазами. «Не надо, — подумало оно. — Двумя патронами вы не сможете убить меня, а я не хочу убивать вас».

«Зачем вам мальчик?» — подумал Лузгин.

«У него редкая мутация. Мы посмотрим, что с ним. Возможно, удастся помочь».

«Вы никому не помогаете никогда. Вы только наворачиваете тайны вокруг тайн и используете людей как расходный материал. Убирайтесь».

«Все не так. Хотите поехать с нами и убедиться?»

«И не вернуться?»

Нечто удивилось.

«Но я же тогда расскажу людям правду о вас. Напишу».

«Какую именно правду? Вы расскажете не больше, чем люди согласятся услышать. Любая история — это не то, что написал рассказчик, а лишь то, что усвоили читатели».

«Демагогия. Кто вы?»

«Грядущие. Так понятно?»

«А убивать и пить кровь для этого обязательно?»

«О чем вы?»

«О вампирах».

«Мы не имеем отношения к вампирам».

Лузгин сел на кровать и опустил пистолет. Это странное нечто не лгало. Хотя оно не открывалось перед человеком, как это делали Вовка или Долинский. Специально для Лузгина нечто думало словами, по-русски. Но думало правду.

«Косвенно мы связаны с вампирами, поскольку изучаем их как интересный феномен. Ничего больше. Вампиры — побочная ветвь человечества, очень малочисленная, вырождающаяся, почти совсем вымершая. К несчастью, она попала в поле зрения людей. Вампиров давно пытаются использовать. Они не принесли бы столько горя, не вздумай люди искусственно разводить их».

«Погодите, но тогда кто такие «старшие» и «мастера»? Кто присылал сюда ликвидаторов и поставил здесь этого безумного ночного смотрящего?!»

«Люди. Вампиров контролируют люди. В той или иной мере так было всегда. И всегда находились вампиры, готовые пойти на сотрудничество с людьми. Самые умные и хитрые. Они платили конфиденциальными услугами за неприкосновенность и комфорт. Убивали непокорных сородичей. То, что произошло в вашем городе, — всего лишь несчастный случай. Вырвался из-под опеки такой убийца, решил основать собственное вампирское княжество. С ними это бывает изредка».

«Все равно не понимаю. Разве не вы охотились за смотрящим?»

«Нет. Мы пришли только что, специально за мальчиком. Между прочим, по смотрящему и его выводку вы нашли прекрасное решение проблемы. Вот увидите, какие будут последствия. Сами увидите».

«Опять не понимаю. А кто обследовал Долинского, кто искал оборотня?»

«Говорю же — люди. Долинский нам безразличен, его история совершенно понятна, даже банальна. А оборотня мы искали давно. Вот он нас очень заинтриговал. Просто мы не хотели гоняться за ним по лесам и дожидались, пока мальчик сам выйдет к людям».

«Вовка сказал про тех двоих, которых убил, что это были вампирские «мастера».

«Скорее всего. Мы не теряли своих. Никогда. А те, кого вы называете «мастерами», это хорошо тренированные оперативники. Похожи на людей и могут по полгода обходиться без крови. Собственно, чем меньше они поддаются своим инстинктам, тем дольше живут. Вот один потерял голову — и сами видели, во что превратился. Обратный пример — ваш Долинский».

«Хорошо, а про «старших» можете рассказать?»

«Нечего рассказывать. Их нет. «Старшими» в переносном смысле можно назвать людей, отдающих приказы вампирам».

«Но как они управляют ими?!»

«А как люди управляют людьми? Жизнь вампира, предоставленного самому себе, лишена перспектив. Он, будто наркоман, постепенно утрачивает связь с реальностью и человеческий облик. Чтобы вампир прожил много лет и был счастлив, нужен какой-то смысл. Люди умеют приду-

мывать смыслы. Например, вампиров легко задействовать в секретных операциях. Когда ловят разведчика, можете быть уверены — он точно не вампир. Некоторые занимаются телевидением. Есть политтехнологи. Это то, для чего они подходят лучше всего. Везде, где нужно професионально обманывать, ищите вампира. Ту же сказку про тайную организацию «старших» и «мастеров» они придумали сами. Чтобы осведомленные люди запугивали неосведомленных».

«Странно. Так много возни ради шпионажа и пропаганды?»

«Последствия неудачного проекта. Надо же их куда-то девать. Почему бы не использовать, пока совсем не вымерли. Сейчас их популяцию уже не поддерживают искусственно, скорее наоборот. Просто в двадцатом веке была идея создать из вампиров оружие сдерживания, аналогичное бактериологическому. Этим занялись почти одновременно в нескольких странах, особенно активно в неядерных. Но оказалось, что развитому государству вампиры не могут принести серьезного вреда. С ними слишком легко справиться».

«Легко?! Это вы называете — легко?!»

«Подождите результата. Вы выбрали самый логичный способ решения проблемы. А он и есть самый эффективный. То, до чего может додуматься любой, и называется — легко».

«Я запутался, — подумал Лузгин. — По большому счету, если вы не вампиры, то иметь с вами дело совсем неинтересно. Нашлись исследователи, понимаешь! Какой от вас толк? Знаете... Приходите как-нибудь потом. Мне нужны твердые гарантии того, что, если вы не сможете помочь мальчику, он вернется сюда, к нам. Дайте убедительные доказательства. А сейчас либо я лягу спать, либо открою стрельбу. Вам как больше нравится?»

«Спокойной ночи, — подумало нечто. — Я ухожу. Мы умеем ждать. У нас достаточно времени».

Гость бесшумно исчез в ночи. Вовка перевернулся на другой бок и наконец-то, кажется, нормально уснул.

«До чего все эти полубоги и супермены любят похвастаться своим превосходством! — думал Лузгин, укладывая пистолет между стеной и матрасом. — Времени у него достаточно, скажите на милость! А Фима видит двадцать оттенков ночи. А я? Просто домой хочу. Как только перестанет кружиться голова, уеду. Вовку пока оставлю здесь. Эх, сынок, как же нам с тобой дальше?»

Утром Лузгин подскочил как ужаленный, скривился от головной боли, выдернул из-за матраса пистолет, уставился на него дикими глазами, обернулся к Вовке...

Оборотня не было.

— Вовка-а!!! — закричал Лузгин. — Вов-ка-а-а!!!

Вошел и остановился в дверях Долинский.

— Не ори, — сказал он. — И так череп раскалывается. Хватит того, что ты полночи по дому ползал туда-сюда с пистолетом. А мне чертовщина снилась. Про тайный орден «грядущих». Которые не вампиры, но тоже дерьмо порядочное. Котов прав, кругом пидарасы. Доктор его в стационар увез. Плохо с мозгами у Котова. А Мишка умер, сволочь. Такие дела.

* * *

«Мастера» появились в полдень. Сначала раздался знакомый до отвращения скрежет в ушах, туман перед глазами. Крики, ругань, собачий лай. Потом зажужжал воздух. И все стихло.

Охрана лежала на траве, привычно заложив руки за спину. Посреди двора Долинский с трудом удерживал за ошейник очень злого Грэя. У калитки стояли длинные черные машины. Рядом — трое в строгих костюмах, человекообразные, но странные, Лузгин почему-то не мог толком разглядеть их.

«Это ведь твой дом?» — подумал Вовка.

Лузгин не сразу понял картинку, которую оборотень передавал ему, а потом сообразил — ну да, этот муравейник называется Москва. И это здание на окраине столицы он когда-то видел, проезжая мимо.

«Я сказал, что не поеду один. Они хотели заставить меня, но я оказался сильнее. Теперь они приглашают нас обоих. Мы будем вместе. Ты не дашь им обмануть меня, а я не позволю, чтобы они туманили голову тебе. Спасибо за объяснение, что такое обман. Теперь я готов к этому, но лучше поезжай со мной, а?»

Ложь в Вовкиных мыслях выглядела отвратно — клубок шевелящихся жадных щупалец.

Оборотень был совсем рядом, у крыльца, он скалился и

топорщил шерсть. Не от напряжения, а просто демонстрируя силу. Здесь только что произошла небольшая ментальная драка, из которой Вовка легко вышел победителем, один против троих «мастеров».

Лузгин оглянулся на Долинского, тот кивнул. За калиткой стояли настоящие «мастера». Раздосадованные, деморализованные, не знающие, как вести себя. Они были вооружены, но боялись показать стволы. Вовка, Долинский, Грэй, даже Лузгин — пугали их.

— Смерть почуяли свою, — хмыкнул Долинский. — Ну что, Андрей, съезди, поторгуйся. Нам много чего надо из «старших» выбить.

— Свободу хотя бы, — сказал Лузгин. — Вовкину.

Вовка удивился. Свободой он располагал и так. Его больше никто не смог бы посадить на цепь.

Лузгин не стал объяснять Вовке, что свобода и воля — разные вещи.

Это трудно втолковать такому молодому человеку.

— Какие-то они несерьезные, — сказал Лузгин, разглядывая «мастеров». Сейчас он видел их лучше. Ничего в «мастерах» не было общего с приснившимся ему «грядущим». Тот казался внутренне человечным. А эти...

— Чего ты хочешь от них, роботов несчастных? Бедная моя девочка сейчас, наверное, такая же. Господи, как я их ненавижу! Поубивал бы. Если б не Вовка...

«Они мне не нужны, — передал Вовка. — Обойдусь. Решайте».

«Мастера» топтались у калитки. Лузгин размышлял. Долинский злился. А Вовке было почти уже весело. Вялотекущее противостояние грозило затянуться, но тут на веранде раздались тяжелые шаги.

— Да когда же это кончится?! — взревел Зыков. — Да какого же х...я вы лезете и лезете в наш город?! А вот я вам сейчас!..

— Э! — крикнул Долинский. — Сержант, не сходи с ума!

«Мастера» сдали назад и прижались к своим машинам.

А потом быстро полезли внутрь.

Лузгин оглянулся и от изумления уронил челюсть. На веранде стоял голый Зыков. В левой руке он держал обрез, а из кулака правой торчала граната. Лузгин впервые увидел такую вблизи. Это была «РГО», современная «лимонка» со

стометровым разлетом осколков, которая взрывается от удара о препятствие. Вздумай Зыков швырнуть ее в «мастеров», у тех не осталось бы ни одного шанса.

Впрочем, тут всем бы хватило, случись Зыкову гранату просто уронить.

— Вон из моего города! Вон! — орал Зыков. — Всех убью, один останусь!!!

Кто-то из лежащих на земле охранников тоненько завыл.

Машины тронулись с места. Развернулись... Уехали.

Зыков шумно выдохнул.

— Знаете, сержант, — произнес Долинский медленно, — вы такой же маньяк, как и ваш командир.

— Почему? Я на понт их взял. Граната учебная.

— Чего-о?!.

— Я просто себя убедил, что она настоящая. Меня так Котяра научил. Он всегда говорил — если кого боишься, просто выдумай, будто что ты еще страшнее. Поверь в это. И враг убежит. Ну, кто скажет, что он не прав?

Лузгин сел на ступеньки.

— Ладно, — сказал он, — я к ним потом заеду поболтать. Торговаться все равно надо. Они слишком боятся нашего парня, чтобы просто так о нем забыть. В прямой драке он их делает как маленьких, но можно ведь застрелить его издали.

Вовка презрительно фыркнул и показал Лузгину, что он теперь «мастера» учует с любой дистанции, даже во сне. И пусть «мастер» пеняет на себя.

— Лишнего риска для тебя не хочу, — Лузгин помотал головой. — Игорь, а ты мне организуй, будь любезен, встречу с их «крышей».

— Тебя на Лубянку завтра же вызовут, без моей помощи, — отмахнулся Долинский. — А Владимира — спрячем пока. Честно говоря, странно все это. Как-то слишком легко мы отделались. И почему мы раньше так их боялись?

— Они думали, что страшнее нас! — усмехнулся Зыков.

— Возможно, — Долинский постоял секунду, задумчиво глядя под ноги. — Что-то я Катю не слышу. Вообще не слышу.

— Сходи посмотри, — сказал Лузгин. — Сходи посмотри...

* * *

Автобус на Зашишевье следующим летом пошел. Целых два рейса в неделю. Лузгина эта новость обрадовала. Впрочем, сам он приехал на машине.

— Рожать, говоришь, осенью? — прищурился Муромский. — Кто намечается, парень небось? Ну, дело привычное. Один-то парень у тебя уже есть!

И Муромский расхохотался.

— Да, — кивнул Лузгин. — Есть отличный парень. У меня. Не у вас.

Муромский почесал в затылке.

— Сам жалею, что так по-дурацки вышло, — признался он. — Долго тут к нему привыкали. Такой народ. Здесь человеку-то, чтобы прижиться, годы нужны, по себе знаю. Ты Вовке это... Привет большой. Скажи, помним, дурным словом не поминаем, всегда ждем в гости. Правда, если сможешь, привози его.

— Посмотрим. Будет оказия — привезу.

— А где это лесничество?

— Севернее, — неопределенно ответил Лузгин. Долинский нашел подходящее для Вовки место чудом, нажав, как говорится, «на все педали». А денег сколько он вбухал в этот проект... Лишний раз светить местонахождение оборотня просто боялись. Пойдут слухи, налетит пресса... Не надо. «Севернее» Вовка, и все. Откуда севернее, насколько — какая разница? «Карелия» — уже слишком точная привязка.

И не лесничество. Биостанция. Вовка там даже образование получал. Читать он пока не приспособился, зато вовсю крал информацию напрямую из голов специалистов. Походя освоил видеосъемку. Научился ловить рыбу, ездить на велосипеде и играть в домино. Биологи к Вовке быстро привыкли и уже забыли, как обходились без него раньше.

Кажется, оборотень был наконец-то счастлив. Еще бы — он запросто вел «в поле» наблюдения, с которыми не управится ни один человек...

Братья Яшины угостили Лузгина фирменным тошнотным самогоном, ударились в воспоминания и расспросы.

— Представляете, — объяснял Лузгин, захмелев, — я ведь ехал сюда, чтобы спокойно разобраться в себе. А угодил

вместе с вами в передрягу — и разобрался! Нашел смысл. Понял, зачем я! Вроде бы.

— Слушай, да место здесь такое, — сказал Юра.

— Точно! — подхватил Витя. — Чем дольше тут живу, тем умнее становлюсь. Чувствую, скоро во всем разберусь вообще. Тогда расскажу тебе, Андрюха, а ты книгу напишешь. И назовем мы ее...

— Опять Библия? — предположил Лузгин.

— Нет. «Окончательная книга про жизнь»!

— Слушай, братка, зачем длинно? Назови ее коротко — «П...дец!». Конкретно и понятно.

— Не напечатают, — вздохнул Витя.

Зашишевские хотели знать, как дела у вервольфа, и чуть ли не в любви к нему признавались. Но почему-то одному егерю Сене Лузгин показал свежую фотографию Вовки.

— Как подрос-то! — обрадовался Сеня. — Возмужал. Скоро подружку ему такую же ловить будем!

— Ой, не трави душу. Я этого его возмужания заранее боюсь.

— А ты не бойся, милок, — сказал Сеня. — Ничего не бойся. Видишь, как хорошо все устроилось. И дальше образуется.

Лузгин посмотрел на него исподлобья и воздержался от комментариев. Он теперь знал твердо, что образуется все непременно у всех, только очень по-разному.

В городе стало еще больше рекламы, магазинов и автомобилей. Ездить по-московски здесь пока не научились, и пару раз Лузгин чуть не врезался в аборигенов, закладывавших поперек дороги немыслимые пируэты.

Грэй встретил его, радостно помахивая хвостом. Пес заметно постарел, и у Лузгина от предчувствия скорой разлуки с ним защемило сердце.

Долинский на веранде расчесывал Кате волосы.

— Смотри, как отросли. Скоро будет ниже пояса коса.

Катя мягко улыбнулась Лузгину. Она всем улыбалась.

Потом Долинский унес Катю в дом и вернулся с бутылкой коньяка.

— Ты остаешься, — распорядился он. — Завтра с утра берем Зыкова и едем к Женьке в больницу. То-то капитан обрадуется.

— Если опять не примет нас за вампиров. Или агентов тайного ордена «грядущих».

— С ним уже не так страшно. В прошлый раз Женя был почти адекватен. Доктор говорит, он медленно, но уверенно идет на поправку. Только надо терпеть и ждать. Ничего, мы еще молодые. Дождемся. Да, на обратном пути и к Мишке на могилу заглянем. Помянем нашего живописца. Кстати, Наташа весной умерла, бедная девочка.

— Какая Наташа?

— Дочь генерала.

— Просто умерла?

— Просто, Андрей, совсем просто. Остановка сердца.

— Значит, — сказал Лузгин, глядя сквозь рюмку на заходящее солнце, — ночных осталось двое. И вы вместе. Формально не самый плохой конец истории.

— Формально? А если, — Долинский понизил голос до шепота, — я тебе скажу, что в это полнолуние Катерина вот здесь, на газоне, танцевала?

— Голая.

— Зачем ей при луне танцевать одетой?

— Врешь.

— Она пыталась. Ей трудно держать равновесие, но она уже пыталась.

— Извини, пока сам не увижу, не поверю.

Долинский помялся.

— Вообще я стал ужасно ревнивый, — сказал он. — Но для тебя сделаю исключение по старой дружбе.

— Договорились. Как с вампирами?

— Ноль особей. Пока я здесь ночной смотрящий, вампиров в городе не появится. Заразу подцепили за прошедший год двое. Это случайность, оба были в отъезде, когда мы устроили ту бойню. Местные теперь для упырей невкусная добыча. Мы все на себе носим метку предсмертного ужаса «мастера». Вот, оказывается, как просто решалась проблема — кто мог подумать...

— Не так уж просто. Кстати, ты начальству своему доложил?

— Да. Но сам понимаешь, кому было положено, тот давно знал рецепт выведения упырей. Мне передали на словах язвительное «спасибо» за экспериментальное подтверждение известной теории. Ладно, не пристрелили в благодарность, и то хлеб. Убить меня, конечно, сложно, но если очень постараться... Тебя не дергают больше?

— Нет. Одной беседой ограничились, я даже ничего не подписывал. Объяснил, что печатать нашу историю бессмысленно, а рассказывать глупо. Это, в общем, так и есть.

— Правильно, — кивнул Долинский. — Ведь частный случай, в рамках одного городка. Если бы это угрожало всей стране, тогда мы были бы просто обязаны рассказать людям, а так... Правда ведь?

— Наверное, — уклончиво ответил Лузгин. — Слушай, а что ты сделал с зараженными?

— Отловил на ранней стадии и заставил ломаться. Конечно, теперь никаких душеспасительных бесед. Хватит с меня Михаила. Забираю, сажаю в камеру. Мне специальное помещение выделили.

— И они там дохнут.

— Один умер, другой жив. Пока непонятно, чем это закончится, но парень очень хочет выкарабкаться.

— Инъекции больше не пробовал?

— Зачем обманывать больных? Переломаться можно только на голой силе воли, я это с самого начала знал. А Котову тогда поддался, чтобы помочь Кате с Мишей — слишком далеко у них зашел процесс. Укол таинственного снадобья должен был дать им лишнюю надежду. Мише не хватило, но он всегда был слаб. Он не боролся за жизнь, а жалел себя. Это его и угробило всего лишь за сутки.

— То есть рецепт спасения на любой стадии — не пить кровь? И все?

— Конечно. Не пить кровь. Не принимать наркотики. Не убивать. Не воровать. Не лгать. Это общий принцип. Если хочешь переломить себя — ломай! Уясни, что с отказа от слабости начинается путь к радости. Я, обычный человек, отказался, а почему не можешь ты?

— Я — могу, — заверил его Лузгин.

— Радостнее себя почувствовал?

— Поеду домой, — сказал Лузгин.

Он не мог тут больше оставаться. Не хотел встретить разжиревшего на кухаркиных харчах Зыкова, совершенно довольного. Не хотел слушать проповеди нашедшего сча-

стье Долинского, совершенно правильные. И уж никак не хотел вновь посмотреть в глаза Котову, совершенно безумные. Он был по горло сыт всяческим совершенством. Лузгина воротило от совершенства с той самой ночи, когда Миша описал ему систему ценностей высшего существа.

Существа, которое знает все ответы. Которое знает, «как надо».

Только почему же оно так ущербно?

Неважно, как оно называет себя — «мастер», «старший», «грядущий». Неважно, человек оно или уже не человек.

Лузгин затормозил у светофора. С уличного плаката на него глядел совершенно ровными и совершенно одинаковыми глазами Олежка Косой, кандидат в мэры. Возле плаката стоял грузовик, заслонив надпись, призывающую собираться под знамена и идти верным курсом. Видны были лишь первые буквы длинного трехстрочного слогана.

ЗА-
БУ-
ДЕМ

— А вот хрен! — сказал Лузгин. — Сам не забуду и вам не позволю.

Он высунул в окно руку и показал лозунгу дня оттопыренный средний палец. Озадаченные прохожие закрутили головами. Вспыхнул зеленый. Лузгин рассмеялся, нажал на газ и повернул руль в сторону, противоположную от Москвы.

Севернее.

Туда, где жил один парень, который тоже ничего не забыл.

2004

В романе использованы реальные тексты реклам из личной коллекции автора. Про объявление «Могу охуеть» рассказал Макс Тимоноff. Ценник «Кровавое месиво» увидел Олег Дивов. Образ «города» собирательный. Настоящее село Зашишевье с описанным не соотносится никак.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫБРАКОВКА. *Роман*

Необходимые пояснения . . . 7
От публикатора . . . 9
Палачи и шерифы . . . 12
Глава первая . . . 25
Глава вторая . . . 36
Глава третья . . . 45
Глава четвертая . . . 53
Глава пятая . . . 59
Глава шестая . . . 66
Глава седьмая . . . 77
Глава восьмая . . . 86
Глава девятая . . . 97
Глава десятая . . . 102
Глава одиннадцатая . . . 107
Глава двенадцатая . . . 112
Глава тринадцатая . . . 122
Глава четырнадцатая . . . 135
Глава пятнадцатая . . . 142
Глава шестнадцатая . . . 156
Глава семнадцатая . . . 165
Глава восемнадцатая . . . 183
Глава девятнадцатая . . . 190
Глава двадцатая . . . 198
Глава двадцать первая . . . 206
Глава двадцать вторая . . . 216
Глава двадцать третья . . . 223
Глава двадцать четвертая . . . 229
Глава двадцать пятая . . . 237

Глава двадцать шестая 248
Глава двадцать седьмая 261
Глава двадцать восьмая 270
Комментарии 283

НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ. *Роман*

ЧАСТЬ I. ПОЙМАТЬ ЗВЕРЯ

Глава первая 307
Глава вторая 362
Глава третья 386

ЧАСТЬ II. ДЕНЬ ВАМПИРА

Глава первая 409
Глава вторая 431
Глава третья 465

ЧАСТЬ III. НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

Глава первая 502
Глава вторая 544
Глава третья 558

Литературно-художественное издание

Дивов Олег Игоревич

ВЫБРАКОВКА
НОЧНОЙ СМОТРЯЩИЙ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *С. Атрошенко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 20.04.2006.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 5000 экз. Заказ 6540

Отпечатано с электронных носителей издательства
ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Уютно ли жить в России, где победило "добро с кулаками"? “Выбраковка”– общепризнанно самый страшный роман Олега Дивова. Для контраста мы поместили под одну обложку с ним самую добрую и человечную из крупных вещей автора. Роман "Ночной смотрящий" (2004) утверждает: пить кровь не только неприлично, но еще и вредно. Можно стать… Ну, прочтете, узнаете кем. Предупреждаем сразу: в "Выбраковке" почти никого не убили и совсем не ругаются матом. В "Ночном смотрящем" все наоборот.

